

Институт славяноведения РАН

**Центральноевропейские
исследования**

Главный редактор

Ольга Владимировна Хаванова, д.и.н., проф. РАН, зам. директора ИСл РАН

Заместители главного редактора

Анна Романовна Лагно, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Дарья Юрьевна Ващенко, к. филол. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Ответственный секретарь

Юлия Владимировна Лобачева, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Редколлегия

Лариса Михайловна Аржакова, д. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Юлия Евгеньевна Бут, к. и. н., доцент,

департамент «Исторический факультет» УрФУ (Екатеринбург)

Кирилл Александрович Кочегаров, к. и. н., ст. научн. сотр. ИСл РАН

Арина Владимировна Лазарева, к. и. н., доцент,

исторический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова

Мария Олеговна Новак, д. филол. н., вед. научн. сотр.,

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

Лариса Николаевна Подубояринова, д. филол. н., доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

Александр Сергеевич Стыкалин, к. и. н., вед. научн. сотр. ИСл РАН

Международный редакционный совет

Катрин Бёк, PhD, научный сотрудник,

Институт Восточной и Юго-Восточной Европы имени Лейбница

(Регенсбург)

Иван Бертени-мл., PhD, старший научный сотрудник,

Институт истории, Центр гуманитарных исследований,

Венгерская исследовательская сеть HUN-REN (Будапешт)

Майя Борисовна Лавринович, к. и. н., независимый исследователь (Хайфа)

Ивана Хорбец, PhD, научный сотрудник,

Институт хорватской истории (Загреб)

Искра Шварц, PhD, доцент, Институт восточноевропейской истории,

Венский университет (Вена)

Михаэль Шиттан, PhD, член Берлинского научного общества имени

Лейбница (Берлин)

Редактор-корректор (русский язык)

Лариса Альфредовна Авакова, ИСл РАН

Редактор-корректор (английский язык)

Мелани Гертхайнрих

p-ISSN 2619-0877

e-ISSN 2949-3811

DOI: 10.31168/2619-0877 (журнал)

DOI: 10.31168/2619-0877.2024.7 (выпуск)

Институт славяноведения РАН

**ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**2024
Выпуск 7**

Editor

Olga Khavanova, DSc, Professor of the RAS, Deputy Director,
Institute of Slavic Studies RAS, Moscow

Managing Editors

Anna Lagno, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS
Daria Vashchenko, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS

Editor Assistant

Julia Lobacheva, PhD, Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS

Editorial board

Larisa Arzhakova, DSc, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS
Julija But, PhD, Associate Professor,
Department “History Faculty”, Ural Federal University (Yekaterinburg)
Kirill Kochegarov, PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS
Arina Lazareva, PhD, Associate Professor,
History Faculty, Moscow Lomonosov State University
Maria Novak, DSc, Leading Research Fellow,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS
Larisa Poluboyarinova, DSc, Professor, Philological Faculty,
St. Petersburg State University
Aleksandr Stykalin, PhD, Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies RAS

International advisory board

Iván Bertényi, Jr., PhD, Senior Research Fellow, Institute of History, Centre for
the Humanities, Hungarian Research Network HUN-REN (Budapest)
Katrin Boeckh, PhD, Research Fellow, Leibnitz Institute of South- and South-
Eastern Europe (Regensburg)
Ivana Horbec, PhD, Research Fellow, Croatian Institute of History (Zagreb)
Maya Lavrinovich, PhD, Independent Researcher (Haifa)
Michael Schippan, PhD, Member of the Leibnitz Society of Sciences to Berlin
e.V. (Berlin)
Iskra Schwarcz, PhD, Associate Professor, Institute of East-European History,
University of Vienna (Vienna)

Russian Language Copy-Editor

Larisa Avakova, Institute of Slavic Studies RAS

English Language Copy-Editor

Melanie Gertheinrich

p-ISSN 2619-0877

e-ISSN 2949-3811

DOI: 10.31168/2619-0877 (journal)

DOI: 10.31168/2619-0877.2024.7 (issue)

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES RAS

**CENTRAL-EUROPEAN
STUDIES**

**2024
Issue 7**

Содержание

СТАТЬИ

Австро-Венгрия и дискурс свободы

Юлия Евгеньевна Бут

Дискурс свободы в австрийской педагогической прессе 1867–1914 гг. — как инструмент протеста против государственного и общественного контроля 13

Любовь Алексеевна Кирилина

Антинемецкие выступления в Любляне в сентябре 1908 г. — страница борьбы словенцев за национальную свободу. 43

Имре Реши

Генрих Мозер — человек Беньямина Каллаи в Париже: к истории участия Альфонса Мухи в росписи павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г. 72

Центральная Европа между двумя мировыми войнами

Искандэр Эдуардович Магадеев

Попытки реставрации власти Карла Габсбурга в Венгрии в 1921 г.: позиция французской дипломатии 103

Николай Николаевич Станков

«Я в дипломатические представители не тянулся и не тянусь...» С. И. Гиллерсон и советская миссия Красного Креста в Чехословакии (июль 1920 — июнь 1921 г.) 132

Александр Александрович Силкин

Хорватский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 1918–1929 гг. 178

Сергей Зиновьевич Случ

Некоторые аспекты советско-германских экономических отношений и миссия Д. В. Канделаки (1935–1937 гг.): к вопросу о соотношении политики и экономики 215

Публицистика, журналистика, пропаганда

Ласло Давид Тёрё

- Роль историко-краеведческих журналов в формировании региональной идентичности Бургенланда в период между двумя мировыми войнами. 267

Денис Валерьевич Родин

- Выбирая несвободу: аншлюс 1938 года в зеркале австрийской прессы. 296

Язык всех и каждого

Ирина Евгеньевна Адельгейм

- Этика и прагматика свободы: автор, герой, читатель (Ольга Токарчук и Янина Душейко). 317

Экономика и свободы: вчера и сегодня

Людмила Петровна Марней

- Французское законодательство наполеоновской эпохи в Царстве Польском: развитие политических и экономических свобод в первой половине XIX в. 343

Наталья Николаевна Приступа

- Концепция экономической свободы на страницах чехословацкой эмигрантской и самиздатской периодики (1985–1989 гг.) 362

Анна Константиновна Александрова

- Национальная и европейская составляющие суверенитета в странах ЕС: политический дискурс современной Греции. 383

Рецензии

Елена Анатольевна Косован

- Общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу. Рец. на: Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4) 425

Елена Борисовна Лопатина

- Эксплуатация социальной дисперсии: общественно-политический опыт послевоенной Польши. Рец. на: Borowiec P. The Politicization of Social Divisions in Post-War Poland. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 2024. 261 p. 450

Contents

ARTICLES

Austria-Hungary and the Discourse of Freedom

Julija Ye. But

The Discourse of Freedom in the Austrian Pedagogical Press of 1867–1914
as a Tool of Protest against Public Control 13

Liubov A. Kirilina

Anti-German Protests in Ljubljana in September 1908 – an Episode
of the Slovenes' Struggle for National Freedom 43

Imre Röss

Henri Moser – Benjamin Kallay's Man in Paris: To the History of Alfons
Mucha's Participation in the Design of the Bosnia and Herzegovina
Pavilion at the 1900 World Exhibition 72

Central Europe Between the two World Wars

Iskander E. Magadeev

Attempts to Restore the Power of Charles Habsburg in Hungary in 1921:
The Position of French Diplomacy 103

Nikolay N. Stankov

"I Did not Aspire and Do not Aspire to Become a Diplomatic
Representative..." Solomon I. Gillerson and the Soviet Red Cross Mission
in Czechoslovakia (July 1920 – June 1921) 132

Alexander A. Silkin

The Croatian Issue in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes.
1918–1929 178

Sergey Z. Sluch

Some Aspects of Soviet-German Economic Relations
and David Kandelaki's Mission (1935–1937): Towards the Question
of Correlation Between Politics and Economy 215

Opinion Journalism, Periodicals, Propaganda

László Dávid Törő

Historical Narratives in Burgenland Local History Journals Between
the Two World Wars 267

Denis V. Rodin

Choosing Unfreedom: the Anschluss of 1938 as Depicted
in the Austrian Press 296

Everyone's Language

Irina Je. Adel'geim

Ethics and Pragmatics of Freedom: Author, Hero, Reader
(Olga Tokarczuk and Janina Duszejko) 317

Economics and Liberty: The Past and the Present

Liudmila P. Marney

French Legislation of the Napoleonic Era in the Kingdom of Poland:
The Development of Political and Economic Freedoms in the First Half
of the Nineteenth Century 343

Natalia N. Prystupa

The Concept of Economic Freedom in Czechoslovak Emigrant
and Samizdat Magazines (1985–1989) 362

Anna K. Aleksandrova

National and European Components in the Concept of Sovereignty
in the EU Countries: Political Discourse in Contemporary Greece 383

REVIEW ARTICLES

Elena A. Kosovan

Shared Sufferings, Shared Interests, One Hope for Freedom. Review
of Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer
Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen:
V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext.
Bd. 4) 425

Elena B. Lopatina

Exploitation of Social Dispersion: The Socio-Political Experience of Post-
War Poland. Review of Borowiec, P. *The Politicization of Social Divisions
in post-War Poland*. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer,
2024. 261 p. 450

АВСТРО-ВЕНГРИЯ И ДИСКУРС СВОБОДЫ

Юлия Евгеньевна Бут

Кандидат исторических наук, доцент, департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. 620075, просп. Ленина, 51. E-mail: j.e.komleva@urfu.ru

Дискурс свободы в австрийской педагогической прессе 1867–1914 гг. как инструмент протеста против государственного и общественного контроля

После образования дуалистического государства в Австро-Венгрии школа и вопросы образования стали ареной межнациональной и межпартийной борьбы, а также объектом усиленного контроля со стороны государства. Все интересанты видели в системе светского образования эффективный инструмент усиления своего влияния. По мере того как школа и учителя испытывали возрастающее давление с их стороны, слово «свобода» все громче звучало в публичных выступлениях на собраниях учительских союзов и все чаще фигурировало на страницах педагогической периодической печати. В статье проанализированы материалы педагогических журналов и газет, являвшихся печатными органами учительских союзов разной политической ориентации, в которых австрийские школьные учителя с помощью дискурса «свободы» выражали взгляды на свою профессию, идентичность и общественную роль. В результате исследования были выделены следующие основные значения свободы в полемике австрийских учителей: личная свобода и гражданские свободы, профессиональная свобода, свобода в выполнении своей национальной миссии, свобода от политической ангажированности. Особое внимание в данной работе уделено политике венского Министерства культуры и просвещения и действиям габсбургской бюрократии. Именно они привели к тому, что со стороны учителей появились требования свободы, что позволяет скорректировать полученные результаты в историографии, ранее игнорировавшей роль государственных чиновников в становлении и развитии школьной системы Австро-Венгрии. Автор подвергает сомнению тезис о пассивности габсбургских чиновников перед натиском националистов и утверждает, что протесты учителей против ограничения их свободы были вызваны стремлением бюрократии улучшить качество преподавания в школах и обеспечить гражданско-патриотическое воспитание школьной молодежи, нацеленное на развитие чувства «австрийскости», любви к «большому Отечеству» и лояльности правящей династии.

Ключевые слова: Габсбургская монархия, Австро-Венгрия, школа, история образования, национализм, патриотизм, лояльность, гражданско-патриотическое воспитание, национальная идентичность, педагогическая пресса

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067/>, проект «Лояльность и патриотизм в полиэтничном обществе: процессы индоктринации в империи Габсбургов во второй половине XVIII — начале XX в.».

Статья поступила в редакцию: 2 мая 2024 г.

Статья принята к печати: 4 июня 2024 г.

Цитирование: Бут Ю.Е. Дискурс свободы в австрийской педагогической прессе 1867–1914 гг. как инструмент протеста против государственного и общественного контроля // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 13–42. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.1>.

«Мы хотим свободную школу!» — такой фразой один из чешских учителей, выступавших на ежегодном собрании Немецко-австрийского учительского союза в Вене в 1899 г., закончил речь, призывавшую преподавателей всех национальностей Габсбургской монархии объединиться в борьбе за свою свободу. «Мы не хотим, чтобы наша свобода была потеряна и нас нанимали как простых рабочих», — заключил оратор, и его заявление было встречено «громом аплодисментов» со стороны присутствовавших учителей¹. Эти слова хорошо иллюстрируют настроения школьных учителей Цислейтании, их профессиональное самосознание и растущий протест против усиливающегося контроля со стороны государства, националистических организаций и политических партий в период дуалистической монархии.

Организация школьной системы и учебного процесса всегда зависела не только от развития педагогических теорий, но и от текущих общественных движений, а также в значительной степени определялась господствующей политической идеологией. «Школьная система, однако, является и всегда будет оставаться вопросом политическим», — гласит, пожалуй, одно из самых известных изречений императрицы-королевы Марии Терезии (1740–1780 гг.), стоявшей у истоков светской школы в Габсбургской монархии². В последней

¹ Die Außerordentliche Versammlung des Deutsch-österreichischen Lehrer // Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermarkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 31. 12. November 1899. S. [1]–[4]. S. [4].

² Olechowski 2011: 253.

трети XIX в. государственные, партийные и националистические лидеры усилили интерес к вопросам образования, видя в школе и учителях эффективный инструмент для укрепления своего влияния. Если в первой половине XIX в. учителя выступали как «профессиональные патриоты» и агенты государства на местах по воспитанию лояльности династии и любви к Отечеству³, то в последней трети века они взяли на себя и другие функции, в том числе по распространению национальных и политических идей среди школьной молодежи.

Начиная с 2000-х годов в зарубежной литературе вышел ряд весьма любопытных исследований, в той или иной степени затрагивающих вопрос гражданско-патриотического воспитания в рамках габсбургской системы школьного образования⁴. Авторы этих работ убедительно доказывали, что создатели австрийской системы образования хотели, чтобы школы служили инструментом гражданского воспитания и закладывали основы патриотизма и лояльности у школьников на всю их последующую жизнь. В рамках учебных программ по истории и географии четко транслировалось положение о том, что общее прошлое и общие цели прочно объединяют население Габсбургской монархии, несмотря на все его разнообразие. С помощью школьных курсов создавался пантеон героев полиэтничного Отечества, служащих примером для подражания и стирающих внутренние национальные границы⁵. На страницах учебников, журналов и книг для школьной молодежи прошлые представители династии Габсбургов и правящий император Австро-Венгрии Франц Иосиф I (1848–1916 гг.) олицетворяли собой идеал правителя, умеющего защитить монархию в случае опасности и подданных, которые ему безоговорочно преданы⁶. Всех жителей монархии, вне зависимости от этнической и национальной принадлежности, должна была связывать общая идея исторической миссии австрийского государства, которая наделяла его легитимностью, объясняла его прошлое, оправдывала настоящее и задавала ориентиры будущего. Уроки

³ Unowsky 2005: 129.

⁴ Особую ценность в этом отношении представляет: Moore 2020. См. также: Puttkamer 2003; Unowsky 2005; Judson 2006; Bruckmüller 2007; Zahra 2008; Puttkamer 2008; Weber 2010; Комлева 2014; Комлева 2015; King 2018; Hofeneder, Surman 2018; Moore 2019; Almasy 2019; Svřček 2020; Бут, Баченина 2022; But 2022 и др.

⁵ См.: Комлева 2014; Bruckmüller 2007; Cole 2014; But 2022.

⁶ См.: Бут 2020а; Бут 2020b.

истории и географии в сочетании с уроками краеведения и литературы способствовали развитию чувства «австрийскости», лояльности правящей династии и многослойной идентичности. Что не менее важно, эти уроки формировали «ментальную карту» Австро-Венгрии, на которой государство представлялось логичным и закономерным итогом исторического развития Европы⁷. Габсбургские чиновники также следили за тем, чтобы идеологические доктрины, транслируемые на школьных уроках, подкреплялись организацией соответствующих празднований в школах и, по возможности, участием школьников в династических мероприятиях, проводимых городской и окружной администрацией⁸.

Тем не менее, по мере роста национальных движений и усиления напряженности между националистическими организациями школы во многих случаях превращались в передовую национальных сражений, а школьные учителя иногда становились самыми яркими проповедниками национализма⁹. На первый взгляд, этот факт поддерживает ставшее классическим утверждение Оскара Яси (1875–1957) о том, что националисты прилагали гораздо больше усилий для развития национального самосознания у своих сограждан, чем габсбургские чиновники — для воспитания патриотизма и лояльности монархии¹⁰. Однако последние исследования доказывают, что дело обстояло далеко не так. Если в более ранних трудах утверждалось, что поддержка националистов населением была неоспоримой¹¹, то работы П. Джадсона, Т. Зара, Дж. Кинга, С. Мура и других показали, что националистам приходилось прилагать немало стараний, чтобы заслужить доверие соотечественников¹². Так называемая национальная индифферентность была широко распространенным явлением среди габсбургских подданных. Тот факт, что националистические элиты направляли учителей-националистов в сельские школы, отражает их опасения по поводу недостаточной лояльности населения к национальной идее¹³.

⁷ Moore 2020: 157.

⁸ См.: Unowsky 2005.

⁹ Judson 2006: 19–65; Stauter-Halsted 2015: 161–170.

¹⁰ Jászi 1929: 435–439; ср.: Яси 2011: 545–551.

¹¹ Kann 1950: 88–153; Nemes 2005: 185–186; Beller 2007: 177–189.

¹² См.: Judson 2006; Zahra 2008; King 2018; Moore 2020.

¹³ Judson 2006: 42–48.

Несмотря на те важные выводы, к которым пришли историки в первые десятилетия XXI в. в изучении национальных движений в Габсбургской монархии, в их работах практически не рассмотрена реакция австрийских властей на возросшую политизированность и национализм школьных учителей. В этом смысле они соглашались с традиционными представлениями о пассивности монархии перед лицом яростно наступавшего национализма. Исключение составляет недавно вышедшая монография американского историка С. Мура. Автор указал на тот факт, что народы Габсбургской монархии не так страстно поддерживали национальные идеи, как уверялось в историографии XX в., и поэтому у габсбургских чиновников было пространство для формирования и утверждения такой формы идентичности, которая могла бы объединить разнородное население страны¹⁴. Факт активных действий со стороны бюрократии и далеко не пассивной роли государства подтверждают выступления учителей, протестующих против усиления бюрократического контроля и мер по стандартизации учебных планов. Свою критику они выражали на собраниях учительских союзов и на страницах педагогических журналов. В статье анализируется дискурс свободы, который учителя задействовали в рассуждениях о своей роли в австрийском обществе и важности задач воспитания у школьников как национализма, так и патриотизма.

Исследование основано на материалах педагогических журналов и газет, которые являлись печатными органами учительских союзов Цислейтании, отстаивавших интересы учителей. Рост числа таких союзов начался с момента принятия в 1867 г. «Закона о союзах» (*Vereinsgesetz*). Многие из них поначалу охватывали школы только одного района или поселения, хотя в столичных городах земель возникли союзы с названиями, претендующими на представительство всей земли: Верхнеавстрийский учительский союз (1868 г.), Грацский учительский союз (1868 г.), Зальцбургский учительский союз (1868 г.), Каринтийский учительский союз (1868 г.), Учительский союз земли Форарльберг (1870 г.), Штирийский учительский союз (1871 г.), Тирольский земельный учительский союз (1881 г.) и др. В дальнейшем мелкие союзы могли объединяться и действительно представлять уже земельный уровень; также возникла тенденция

¹⁴ Moore 2020: 158.

присоединения менее влиятельных союзов к тем, которые имели высокий авторитет. Если в 1860–1870-е годы число членов учительского союза составляло в среднем 100–300 человек, то к рубежу XIX–XX вв. оно часто превышало 1000 человек. Например, в состав зонтичного Немецкого-австрийского учительского союза входило 20 тыс. педагогов¹⁵. Каждый союз имел собственный печатный орган, годы выпусков которого соответствуют периоду существования союза.

К рубежу XIX–XX вв. многие из учительских союзов приобрели явную политическую окраску и отражали весь спектр политических взглядов школьных преподавателей. При этом их объединяло общее убеждение в том, что учителя представляют собой культурный и профессиональный класс, который заслуживает уважаемое место в обществе¹⁶. Авторами статей и редакционных заметок являлись сами учителя, которые комментировали современные им дебаты о роли педагога в обществе и изменениях, происходивших в школах. Такие сведения трудно получить из других источников, поскольку в мемуарах и дневниках, как правило, уделяется весьма скудное место размышлениям о школьной жизни, а официальные личные и дисциплинарные дела чаще всего уничтожались, если в них больше не было необходимости¹⁷. В этой связи педагогические журналы и газеты выступают важным источником для изучения дебатов, развернувшихся вокруг школьного вопроса. На их страницах в период дуалистической монархии слово «свобода» появлялось в различных комбинациях и в разных смыслах, как «свобода для», так и «свобода от».

Свобода личная и гражданские свободы

С переходом школьного образования из-под контроля церкви в руки государства произошли изменения в традиционных общественных структурах, поскольку светские учителя стали брать на себя те образовательные функции, которые ранее выполняли приходские священники¹⁸. Европейские либеральные теории об образовании рассматривали учителей как общественных лидеров, распространителей

¹⁵ Engelbrecht 1986: 73–85.

¹⁶ Jarausch 1986: 237; Urban 2000: 258–275.

¹⁷ Deak 2015: 6–7.

¹⁸ Stauter-Halsted 2015: 143–151.

современных идей и борцов с отсталостью¹⁹. Теоретики педагогики полностью поддерживали такое расширенное представление о роли учителей, утверждая, что они являются созидателями «народного блага»²⁰. В сельской местности на учителей смотрели как на местных интеллектуалов и просветителей всего населения. Во многих отношениях учителя, особенно те, которые преподавали в гимназиях и реальных школах, выступали «эmissарями модерности» в своих муниципалитетах²¹. Они читали публичные лекции о здоровье, воспитании достигших половой зрелости детей, современных методах ведения сельского хозяйства и т. п.

С ростом роли учителей в обществе повысился уровень требований и ожиданий от них со стороны местного населения, школьной администрации и теоретиков педагогики. По общепринятому мнению, учитель должен был воплощать собой идеал нравственности, образованности и правильных политических убеждений. В каждом крупном педагогическом журнале печатались статьи, в которых обсуждалась обязанность учителей служить примером для подражания. В частности, *Pädagogische Rundschau* («Педагогическое обозрение») отметила, что учителя находятся «в стеклянном доме» и все общество наблюдает за их поведением, а ученики берут с них пример²². В Черновицком округе в 1884 г. была специально созвана конференция, посвященная вопросу о том, каким должен быть учитель, чтобы он мог выполнять свои профессиональные обязанности. С докладами выступили директора школ. Теодор Левчук, в частности, потребовал от учителей «доброго и твердого характера, присутствия духа, умения завоевать любовь и доверие учеников, бодрости, веселого настроения и участия в молодежных играх». Михаил Граматович заявил, что учитель, помимо прочего, должен иметь «хорошее, безошибочное произношение», «хорошее, крепкое здоровье», «нормальное телосложение без заметных дефектов и недугов», отличаться усердием, прилежанием, порядочностью, скромностью и жизнерадостностью. Георг Кирилович рекомендовал учителям «соблюдать порядок и чистоту, простоту

¹⁹ Gemie 2000: 229; Coolahan 2001: 342.

²⁰ Mühlfeith H. Der Lehrer als Förderer des Volkswohles // Pädagogische Zeitschrift, Organ des Steiermarkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 30. 31. Oktober 1881. S. [1]–[4].

²¹ Moore 2020: 160.

²² Wodurch ehren wir Lehrer unsern Stand? // Pädagogische Rundschau: Zeitschrift für Schulpraxis und Lehrerfortbildung. Heft 10. 1. Oktober 1887. S. [1]–[9]. S. [1].

в одежде, умеренность в дозволенных удовольствиях, свободу от всех страстей и естественный образ жизни». Все сходились в том, что учителя не должны рассматривать преподавание просто как профессию, но учить и воспитывать «с терпением, любовью и доброжелательностью», чтобы «сделать человечество счастливым»²³.

Нетрудно представить, что многие учителя страдали от таких высоких ожиданий, жалуясь на то, что живут в «аквариуме», где их окружение и начальство тщательно следят за их действиями и поведением как в классе, так и за его пределами²⁴. При приеме на работу к их физическим и интеллектуальным данным, морально-этическому поведению, политическим и национальным убеждениям проявлялся повышенный интерес, который учителя воспринимали как нарушение личной свободы.

Между моральным обликом, этическим поведением и патриотизмом учителя устанавливалась прямая связь. Изначально одной из важнейших обязанностей светского учителя признавалось пробуждение в сердцах молодежи «любви к правящей династии и дорогому Отечеству», воспитание «верных сыновей Отечества»²⁵. В бюрократическом духе габсбургской администрации была создана сложная система контроля, чтобы учителя и школы оставались лояльными и придерживались правильных политических взглядов. Венское Министерство культов и просвещения²⁶ не занималось непосредствен-

²³ *Flasch A.* Aus den Protokollen der Bezirkslehrerconferenzen im Jahre 1884 // Bukowiner Pädagogische Blätter. Organ des Bukowiner Landes-Lehrervereines. Nr. 4. April 1885. S. 41.

²⁴ Stauter-Halsted 2015: 163–164.

²⁵ *Frank J.* Einzelne Züge aus dem Leben und Wirken der Habsburgischen und Habsburg-Lothringischen Herrscher // Jahresbericht über das k. k. akademische Gymnasium in Wien während des Schuljahres 1853–54. Wien: Druck von Carl Gerold und Sohn., 1854. S. 3.

²⁶ В отечественной историографии не сложилось единого названия для созданного в 1848 г. министерства, занимавшегося вопросами образования, а с 1849 г. еще и делами религиозных общин (немецкое название: *Ministerium für Cultus und Unterricht*, с 1903/1904 учебного года *Ministerium für Kultus und Unterricht*). Встречаются варианты: Министерство культа и народного просвещения ([Рихтер] 1901), Министерство просвещения и исповеданий ([Водовозов] 1901), Министерство просвещения и религиозных культов (Кузьмин 1971: 93), Министерство религии и обучения (Козн 1995: 169–170), Министерство просвещения и вероисповеданий и Министерство исповедания и народного просвещения (в одной и той же работе: Семенов 2016: 161) и др. Представляется, что наиболее адекватным в случае данного ведомства будет переводкалька — Министерство культов и просвещения, поскольку он наиболее корректно

но вопросами найма и увольнения учителей, но сосредоточило внимание на приеме и продвижении по службе лояльных школьных администраторов. Список документов, которые должен был представить кандидат на пост директора школы и окружного школьного инспектора, включал длинные, обдуманно заверенные о моральном облике и политических взглядах, подчеркивал их «решительную преданность монархии и династии»²⁷. Такие характеристики серьезно оценивались и демонстрировали очевидное стремление назначать не просто лояльных администраторов, но таких, которые смогли бы прочно утвердить лояльность и патриотизм в школьной среде²⁸. Замечания об успешной деятельности по патриотическому воспитанию школьной молодежи являлись неотъемлемым элементом представлений к гражданским государственным наградам, высшей из которых был Золотой крест за заслуги с короной²⁹.

Школьные директора и инспекторы, в свою очередь, проявляли повышенное внимание к политическим убеждениям кандидатов на должность школьного учителя. Прежде всего они должны были удостовериться в том, что кандидат лоялен династии и государству и не имеет неблагонадежных связей. Они считали, что крайние политические убеждения, мотивированные национализмом или другими факторами, особенно те, которые приводят к нарушению общественного порядка, противоречат установкам о роли учителя в обществе³⁰. В заявлениях о приеме на школьную должность содержался раздел для личных и профессиональных рекомендаций, в котором комментировались моральные качества кандидатов в учителя, и любой этический недостаток ставил под угрозу возможность трудоустройства и продвижения по службе³¹.

отражает деятельность ведомства, первые три отдела которого занимались религиозными вопросами, а остальные (их число увеличилось с 12 до 18 к 1918 г.) — вопросами образования разных ступеней. Важно сохранить слово «культы», которое присутствовало в названии министерства на всех других официальных языках Габсбургской монархии (например: чешск. *Ministerstvo kultu a vyučování*).

²⁷ Moore 2020: 179.

²⁸ Ibidem.

²⁹ См., например: AT-OeStA/AVA. Unterricht Allgemein (1848–1940). Lehrmittel 1848–1895. Ktn. 557. Sign. 2G. Z. 29319. Bericht des K. k. Landesschulrathes für Böhmen dato 24. Jänner 1883.

³⁰ Moore 2020: 180–181.

³¹ Moore 2020: 163.

В свою очередь, многие учителя и учительские союзы были глубоко возмущены попытками регулировать и контролировать их личную жизнь и политические убеждения. Они считали это превышением полномочий администрации и вопиющим нарушением гражданских свобод. Педагогические журналы, отражавшие взгляды разных политических и национальных союзов, публиковали статьи, осуждающие эти меры. В частности, довольно пафосно свой протест выражала газета *Freie pädagogische Blätter* («Свободные педагогические листки»):

И вот мы, любящие свободу и свой народ, мечемся от иллюзии к надежде, от надежды к иллюзии; сегодня нас восхваляют как просветителей народа, завтра всенародно проклинают как антихристов и атеистов, сегодня уважают и превозносят как патриотов из-за наших политических убеждений, завтра клеймят как бесчестных предателей, которым за эти убеждения грозит тюрьма и цепи³².

Социал-демократический педагогический журнал *Freie Lehrerstimme* («Голос свободного учителя») призывал учителей писать петиции правительству, его авторы отвергали идею о том, что учителя должны быть аполитичными, как государственные чиновники, чья роль слуг государства отодвигала личные принципы на второй план³³. Представители учительских союзов считали, что политически активные учителя приносят пользу своему сообществу и профессии и служат примером активной гражданской позиции, необходимой в конституционном государстве.

Свобода профессиональная

Еще больше, чем политическая активность и чрезмерно националистические настроения, министерских чиновников беспокоил слабый уровень подготовки учителей и недостаточность знаний для выполнения ими прямых профессиональных обязанностей. В последней четверти XIX в. Министерство культов и просвещения провело серию крупных реформ, в надежде улучшить качество подготовки учителей. В 1867 г. оно разработало амбициозный план по пересмотру

³² Die Volksschule und die Lehrer // *Freie pädagogische Blätter*. Nr. 44. 4. November 1871. S. 666.

³³ Moore 2020: 183.

учебных программ педагогических училищ, в котором усиливалось преподавание истории, географии, естественных наук и педагогики³⁴. По всей Цислейтании университеты стали предлагать лекции для повышения квалификации учителей, а администрации школ стали выделять больше средств на то, чтобы учителя имели возможность их посещать.

Желание создать политически нейтральную атмосферу в школьных классах шло рука об руку с более широкой попыткой обеспечить следование единому учебному плану, чтобы школьники получали одинаковые знания и навыки, независимо от месторасположения школы и национальности учеников. С этой целью школьным инспекторам поручалось посещать каждый класс каждой школы не реже одного раза в год и следить за тем, чтобы учителя внимательно выполняли предписанный учебный план. Во многих школьных округах учителей просили предоставлять инспекторам краткие письменные отчеты о том, как они следуют учебной программе и с какими трудностями столкнулись при выполнении поставленных задач. Инспекторы анализировали эти отчеты и писали собственные, которые отправлялись в земельный школьный совет, составлявший затем главный отчет для Министерства культов и просвещения. Министерские чиновники, по крайней мере в отношении начального образования, стремились свести к минимуму различия между отдельными школами. Они давали конкретные рекомендации относительно того, какие темы и когда следует преподавать, вплоть до указания, в какое время школьного дня это следует делать³⁵.

Таким образом, министерские чиновники и школьная инспекция стремились максимально использовать доступные им инструменты для контроля образовательного процесса и качества предоставляемого образования, в то время как учителя находили такие меры ограничивающими их профессиональную свободу, усиление надзора вызывало у них раздражение и протест. Независимо от политической и национальной принадлежности, союзы учителей и их журналы ожесточались против «бюрократизации» школьного управления. В статьях, критикующих централизованный учебный план, чаще

³⁴ Moore 2020: 184.

³⁵ Major. Über Lehrpläne // Pädagogische Rundschau: Zeitschrift für Schulpraxis und Lehrerfortbildung. Heft 5. 1. Mai 1897. S. [1]–[4]. S. [2].

всего утверждалось, что он ограничивает возможность учителей подстраиваться под потребности учащихся:

Все школы, будь то в столице или деревне, в Альпах или на равнине, в славянских или немецких провинциях, для крестьянского или торгового населения, в винодельческом или промышленном регионе, все они устроены по одному образцу, без всякого учета потребностей населения. Действительно, его нужды полностью проигнорированы как нечто совершенно лишнее, как нечто совершенно неважное! Во главе угла были, и, к сожалению, остаются до сих пор, одна и та же цель обучения, одна и та же организация учебного процесса, одни и те же учебные материалы, одни и те же учебники!³⁶

Союз *Die freie Schule* («Свободная школа»), представлявший группу независимых столичных школ, которые имели бóльшую автономию, чем финансируемые государством школы, выступил против попыток «загнать» всех в единую форму. На страницах его печатного органа (носившего то же название — *Die freie Schule*) звучали требования свободы для школ в распределении поурочных материалов, постановке целей образования в зависимости от потребностей отдельных классов, а также требование ввести «либеральное, целесообразное школьное законодательство, которое бы юридически защищало учителя как личность»³⁷. Политически нейтральный журнал *Pädagogische Rundschau* соглашался с тем, что чему и как учить, должны были решать учителя, а не министерские чиновники, и ставил под сомнение ценность централизованных планов, написанных «бюрократами»:

Кто должен разрабатывать учебные планы? В Австрии существует мнение, что эту работу должны выполнять те, кто сидит за зеленым столом, — бюрократы. В результате этого мнения мы имеем так называемые официальные учебные планы — яйца, снесенные этими самыми бюрократами. Бюрократ очень мало знает о школах, обычно он знаком с ними только понаслышке. Или он знает школы, то есть воображает, будто знает их, потому что много лет назад, будучи маленьким мальчиком, он сам ходил в школу, видел учителя, парту, столы, скамейки, чернилницы, карту и несколько детей. Этого ему

³⁶ Rot F. Landwirtschaft und Volksschule // Die freie Schule. Zeitschrift für Unterricht und Erziehung. Nr 7. 11. Februar 1868. S. [3]–[5]. S. [3].

³⁷ Was wir wollen // Die freie Schule. Zeitschrift für Unterricht und Erziehung. № 1–3. Dezember 1867. S. [1]–[3].

достаточно, в своих собственных глазах он знаток школьных пред-метов, а учебные планы — ха, он просто вытряхивает их из рукава!³⁸

Штирийский учительский союз поддержал эти взгляды, заявляя, что не существует одной «лучшей методики» для всех тем, а учебные планы должны быть «приспособлены к школе, как хорошая одежда»³⁹. Централизация учебных планов подавляла возможности инноваций в стенах классной комнаты и не позволяла учителям проявлять на занятиях свою личность и индивидуальность⁴⁰. Автор статьи «Об учебных планах» в *Pädagogische Rundschau* подытожил общее мнение, заявив, что «все навязанные учителям» учебные планы должны быть отменены и что в этом отношении учитель «тоже должен стать свободным человеком»⁴¹:

Бюрократы, составляющие в своих кабинетах учебные планы для школ, которых они никогда не видели, находятся на волосок от гибели, как достопочтенный Гофкригсрат, составляющий планы сражений, происходящих за 100 миль от него. Почему принц Евгений выиграл битву при Зенте? Потому что он атаковал по собственному плану, составленному на месте, видя противника и с точным учетом всех местных условий, и проигнорировал план, присланный ему Гофкригсратом из Вены⁴².

Критика на страницах педагогических журналов также отражала обиду учителей, считавших, что министерство и школьные советы своим контролем ставят под сомнение профессионализм и мастерство преподавателей. По мнению многих, попытки диктовать, чему учить и в какое время дня, отражали отсутствие доверия к учителю как профессионалу. Новый виток борьбы за профессиональную свободу вызвал требование проведения очередной школьной реформы. В речи директора школы Э. Мюллера «Педагогическая свобода учителей», опубликованной в *Pädagogische Zeitschrift* («Педагогический журнал») в 1913 г., кратко излагалось то, что большинство учителей

³⁸ Major. Über Lehrpläne. S. [1].

³⁹ Controle. Lehrpläne. Methode // *Pädagogische Zeitschrift*. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 10. 10. April 1874. S. [1]–[4].

⁴⁰ Maigesetze // *Pädagogische Zeitschrift*. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 14. 20. Mai 1874. S. [1]–[3].

⁴¹ Major. Über Lehrpläne. S. [4].

⁴² Ibid. S. [3].

ожидали от школьной реформы: свободы в составлении и реализации учебных планов, свободы в выборе методики преподавания и учебников, а также улучшения условий труда и жизни учителей в целом⁴³.

Любопытно, что в борьбе за профессиональную свободу различные национальные союзы учителей нашли точки соприкосновения. В частности, они совместно выступали за повышение жалования и улучшение условий труда. Так, в 1907 г. учителя «всех семи наций» Цислейтании встретились в Вене, чтобы призвать правительство уравнивать жалование учителей с жалованиями других государственных служащих⁴⁴. Многие преподаватели были убеждены, что единство среди учительских союзов, независимо от национальной принадлежности, создаст общий фронт для борьбы за школьную реформу, повышение заработной платы, большую свободу учителя в классе и изменения в дисциплинарном кодексе.

Свобода в выполнении национальной миссии

Как отмечалось выше, в последней трети XIX в. многие учительские союзы, как и другие профессиональные объединения Австро-Венгрии, обрели ярко выраженный националистический характер. Как показал П. Джадсон, националистические организации придавали огромное значение привлечению учителей с «сильными национальными чувствами» к созданию новых частных национальных школ, которые могли бы «защитить» нацию от предполагаемой угрозы ассимиляции⁴⁵. Для многих учителей в этот период, действительно, преподавание национальной идеи было ключевым компонентом морально-этического воспитания школьной молодежи. Некоторые учителя считали выполнение роли национального педагога важнее других своих обязанностей. Одним из факторов, подогревающих эту тенденцию, стало распространение разного рода теорий о том, что одна нация может вот-вот поглотить другую, навязав ей свой язык и традиции. Например, в 1885 г. общественный обозреватель Эдуард фон Гартман опубликовал противоречивую статью, в которой

⁴³ Müller E. Die pädagogische Freiheit des Lehrers // Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 35. 25. Dezember 1913. S. [1]–[3].

⁴⁴ Ein Kampf ums Leben // Pädagogische Rundschau: Zeitschrift für Schulpraxis und Lehrerfortbildung. Heft 12. 1. Dezember 1907. S. [1]–[10].

⁴⁵ Judson 2006: 19–65; Zahra 2008: 13–79.

утверждал, что в будущем Австро-Венгрия превратится в славянское федеративное государство. В нем сохранятся островки немецкоязычного населения, но славяне станут доминирующей национальной группой. Он даже сделал смелое предположение о том, что в течение XX в. Вена превратится из немецкого города в славянский, как это случилось с Прагой в XIX в.⁴⁶ Гартман считал, что немцы должны подготовиться к грядущим преобразованиям и немедленно начать преподавание славянских языков в немецких школах, чтобы после превращения Австро-Венгрии в славянское государство не чувствовать отчуждения⁴⁷.

Разумеется, статья Гартмана вызвала бурное возмущение даже среди умеренных националистов. В частности, один из видных немецких педагогов Фридрих Диттес (1829–1896) заявил в ответ, что каждая нация имеет право воспитывать своих детей свободными от влияния других наций: учителя должны охранять национальную культуру, «обязаны словами и делами защищать неприкосновенное наследие наших предков», а «немецкие дети не станут славянами, потому что их будут воспитывать немцы и немки»⁴⁸. Другие педагоги поддержали его мнение, заявляя, что ни «устаревшее мышление», ни правительственные чиновники не должны ограничивать учителей в выполнении их обязательств перед своим народом»⁴⁹. Они утверждали, что каждый учитель в Австрии должен носить звание «учителя своего народа» и должен «воспитывать молодежь в духе своих отцов»⁵⁰. Более того, они требовали, чтобы правительство предоставило учителям свободу в выполнении своей национальной миссии.

Министерские же чиновники, напротив, стремились ограничить свободу выполнения «национальной миссии» учителей, считали любую форму национальной агитации подрывной, независимо от того, был ли агитатор немцем, чехом, словенцем или принадлежал к любому другому народу. Министерство и школьные советы принимали

⁴⁶ Ein Wort zur Nationalitäten-Frage // Pädagogium — Monatschrift für Erziehung und Unterricht. Bd. 7. 1885. S. 371.

⁴⁷ Ibid. S. 372.

⁴⁸ Ibid. S. 373.

⁴⁹ Russel E. Die Pflichten des deutschen Lehrers gegen seinen Volksstamm // Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 31. 10. November 1897. S. [4].

⁵⁰ Ibid. [3].

меры по коррекции процедуры приема в школы учителей, требуя прикладывать рекомендации для оценки так называемого политического поведения потенциального учителя. Политическое поведение определялось широко, включая участие как в национальных движениях, так и в ненациональных — социалистическом, анархическом и всех прочих, связанных с радикальными идеологиями. Учителю с ярко выраженными социалистическими взглядами с такой же вероятностью могли отказать в приеме на работу, как и яркому националисту⁵¹. Эти ограничения отражали убежденность министерства в том, что учителя являются государственными служащими, которые должны оставаться политически нейтральными.

Любопытно, что, хотя учительские союзы и их печатные органы все сильнее национализировались, они не становились при этом менее патриотично настроенными по отношению к «большому Отечеству» — Габсбургской монархии. Такая позиция свидетельствует о том, что они поддерживали идею многонационального австрийского государства и признавали, что государственный патриотизм должен стоять выше национализма. Подобный взгляд не был особенностью учительских союзов, так как и другие националистические организации часто соревновались в демонстрации своего патриотизма и считали лояльность Австрии вполне совместимой с национальной идеей.

Статьи в педагогической прессе, связанные с вопросами воспитания патриотизма у школьной молодежи, продолжали выходить и вызывали интерес до самого краха монархии. Например, журнал Немецкого педагогического союза Праги признавал, что учителя являются «естественными защитниками нации», но также напоминал своим читателям, что не менее важно, чтобы учителя были стойкими просветителями и «провозвестниками» конституции и с энтузиазмом преподавали историю всей монархии⁵². Немецко-австрийский учительский союз писал, что из-за «искусственно разжигаемой национальной розни и конфессиональных препирательств» «австрийцы» забыли, что у них «общее отечество, корни которого питают их жизненную силу», что они «все дети возлюбленного Отца страны,

⁵¹ Moore 2020: 163.

⁵² *Egermann J.* Die Geschichte in der Volksschule // *Blätter für Erziehung und Unterricht.* 10. April 1872. S. 174.

чье сердце, несомненно, обливается кровью, когда он видит, как его дети, которых он обнимает с любовью, ненавидят друг друга до смерти из-за пустяков»⁵³. В таком мелодраматическом духе союз призывал все национальности Австрии быть патриотами, прекратить «разжигать пламя войны» и выполнять «свой долг по защите прав друг друга»⁵⁴. *Österreichische Rundschau* («Австрийское обозрение») аналогичным образом призывал ставить благо государства на первое место при решении вопросов национального школьного образования⁵⁵.

В 1912 г. консервативный журнал *Österreichische Pädagogische Warte* («Австрийская педагогическая панорама») зашел настолько далеко, что предложил сократить преподавание национальной истории и культуры, чтобы сохранить сплоченность австрийского общества. Один из авторов журнала резюмировал эту идею, написав, что несмотря на его личную любовь к немецкой истории, он, как австриец, должен быть внимателен к «австрийской» истории, то есть преподавать историю чехов, венгров и поляков с таким же энтузиазмом, как он преподает историю альпийских земель⁵⁶. Таким образом, уже в начале 1910-х годов национальные учительские союзы стали выступать за снижение интенсивности националистической риторики в интересах защиты единства и сплоченности австро-венгерского государства.

Свобода от политической ангажированности

Интенсивность баталий на «школьном фронте» и борьбы за свободную школу иногда не имела ничего общего с национализмом. Широкий спектр интересов и взглядов учителей часто делал их оппонентами внутри одной национальной группы. Их разделяла разная политико-партийная ориентация и разные позиции в отношении многих других вопросов. В частности, особую остроту имели дискуссии по поводу роли религии в школах. Нередко педагогические журналы отражали бóльшую озабоченность нападками на либеральную светскую школу, чем вопросами национальности и языка. Эти

⁵³ Patriotismus und Kosmopolitismus // Deutsch-österreichisches Lehrer-Zeitung. Organ des Deutsch-österreichisches Lehrerbundes. Nr. 15. 1. August 1901. S. 268.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Moore 2020: 171.

⁵⁶ Moore 2020: 172.

опасения выразил, в частности, член Либерального союза Верхней Австрии А. Гёллерих в речи в честь Дня австрийских учителей в Линце в 1871 г.:

[В] этой империи наибольшую опасность представляет не национальная вражда, как бы сильно ее ни осуждали. <...> Страшный враг, с которым приходится бороться в Австрии, который разжигает огонь национальной розни, отравляет источники знаний и просвещения, мешает народам подняться до осознания своего права, своего долга и своих истинных интересов, — это ультрамонтанство. И поскольку он давно знает, что начальная школа — великая сила, и что в освобожденных от его влияния начальных школах растет враг, который медленно, но верно разрушит опоры его власти, ультрамонтанство яростно выступает против реформы, против освобождения начальных школ, против наших законов о начальной школе⁵⁷.

С усилением клерикальной партии с момента создания коалиции «железного кольца» Эдуарда фон Тааффе (1833–1895) в 1879 г. и появлением массовых правых партий, таких как Христианско-социалистическая партия Карла Люэгера (1844–1910), либеральные и социалистические учительские союзы стали опасаться за будущее либеральной светской школьной системы, созданной в 1870-х годах⁵⁸. По их мнению, попытки заставить замолчать политически активных учителей являлись частью скоординированных усилий консервативных и клерикальных политиков по восстановлению церковного контроля над школами.

В свою очередь, консервативные католические учительские союзы подчеркивали растущую политизированность учителей и публиковали статьи в поддержку активизации усилий по ограничению политической ангажированности школьных преподавателей. Ведущий католический педагогический журнал *Österreichische Pädagogische Warte* сетовал на растущую политизацию школ и критиковал упадок католического, нравственного образования как результат секуляризации, проведенной в результате принятия «Имперского школьного закона» 1868 г. Самым негативным последствием введения этого закона он считал рост политических учительских союзов, которые стали «бессовестно» превращать каждый

⁵⁷ Die Volksschule und die Lehrer. S. 668.

⁵⁸ См.: Jenks 1965; Boyer 1981.

вопрос в политическую битву, нарушая мирную работу школ и развращая как учителей, так и учеников⁵⁹. По мнению *Österreichische Pädagogische Warte*, единственным способом борьбы с проблемами внутри школы была надежная система инспекций, пусть она и ограничивает свободу учителей⁶⁰.

Материалы педагогической прессы подчеркивают резкий разрыв между либеральными и клерикальными учительскими союзами и демонстрируют тот факт, что столкновения между сторонниками политических группировок были такими же ожесточенными, как и конфликты между людьми различных национальностей. *Pädagogische Zeitschrift* жаловался, что «политические партии иногда настолько вовлечены в школьные дела, что это не идет на пользу» и что политические группировки «стремятся использовать школу в целях, чуждых ее реальной задаче»⁶¹. *Freie pädagogische Blätter* уверяла, что «пыль, поднимаемая политической деятельностью партий, не должна проникать в мирную аудиторию» и не дело учителей заниматься политикой⁶². Многие учителя опасались, что политические партии, контролирующие земельные школьные советы, станут использовать школу как инструмент для реализации своих политических планов. Понятие свободы, которой они добивались для школы, включало, в том числе, освобождение от чрезмерного влияния со стороны политических движений любого рода.

Итак, дискурс «свободы», задействованный в риторике габсбургских учительских союзов в период дуалистической монархии, отражал всю сложность национально-политической конфронтации и борьбы за школу, которая характеризовала становление плюралистического политического общества Австро-Венгрии. Можно выделить несколько основных смысловых значений слова «свобода», в которых оно встречалось в педагогической прессе: свобода личная, свободы гражданские, профессиональная свобода, свобода в выполнении национальной миссии, свобода от политической ангажированности.

⁵⁹ Moore 2020: 177.

⁶⁰ Moore 2020: 178.

⁶¹ Wie kam der Lehrer auch außer der Schule für die Schule wirken? // *Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz*. Nr. 32. 20. November 1889. S. [1].

⁶² Die Volksschule und die Lehrer. S. 668.

По мере развития системы светского школьного образования школьные учителя оказались в центре общественного внимания и стали объектом усиленного контроля со стороны государства. В глазах общественности школьный учитель выступал в образе просветителя своего народа и должен был являться морально-нравственным идеалом и образцом для подражания. Однако самих учителей часто угнетали предъявляемые к ним высокие требования. Пристальное наблюдение за их поведением, внешним обликом, моральными качествами, уровнем физического и интеллектуального развития они рассматривали как посягательство на их личную свободу.

В последней четверти XIX в. государство усилило надзор за поведением и качеством работы учителей, вводя дисциплинарные предписания, призванные ограничить участие педагогов в политических организациях. Официальной целью введения таких ограничений было закрепление статуса учителей как политически нейтральных государственных бюрократов. Чиновники были обеспокоены ростом социалистических и крайних националистических настроений среди школьных педагогов и не желали, чтобы они использовали классную комнату как площадку для распространения своих взглядов. А преподавателей возмущало введение законодательных и дисциплинарных ограничений, они видели в этом ограничение гражданских свобод. Многие из них разделяли точку зрения о том, что учителя должны быть активными политическими участниками в своем обществе, иначе не смогут стать примерами подлинного патриотизма. Если Австрия стремилась стать конституционным государством с активными гражданами, то школьные учителя должны были в первую очередь показать пример гражданской и политической активности.

Кроме того, многие учителя считали, что основной целью школьного обучения является формирование у учеников устойчивой национальной лояльности. Однако ее чрезмерное развитие в конечном итоге ставило под угрозу лояльность более обширной многонациональной Габсбургской монархии и самоидентификации с общим габсбургским Отечеством. Вопреки сложившемуся в историографии убеждению, габсбургские чиновники не сидели сложа руки перед лицом националистических вызовов. Школьная администрация на всех уровнях тратила немало сил на то, чтобы учителя выполняли роль защитников монархии. Министерство культов и просвещения и земельные школьные советы скорректировали процедуру приема

на должность школьного преподавателя в попытке уменьшить националистическую активность учителей в классе и в обществе. За этим последовала буря возмущения в педагогической прессе, требовавшей свободы для учителей в выполнении национальной миссии — прививать детям любовь к своей нации и языку.

Габсбургские чиновники были далеко не пассивными и усилили контроль и проверку учителей в период дуализма, проводя регулярные инспекции школ. Инспекция была обычным явлением в системе государственного образования во всех европейских странах, решая задачу повышения качества работы учителей в школах. Габсбургские школьные инспекторы также стремились максимально использовать имеющиеся в их распоряжении инструменты для надзора, в то время как учителя находили такие усилия ограничивающими их профессиональную свободу, свободу преподавания и приводящими к напряженным отношениям между учителем и школьной администрацией.

По мере того, как политическая культура Цислейтании становилась все более многообразной, усилилось присутствие и влияние партийно-политических организаций в школьных делах. В конечном итоге учителя начали высказывать опасения, что политические партии станут использовать сферу образования в своих целях в ущерб интересам самой школы. В печатных органах учительских союзов появились призывы снизить степень политической ангажированности преподавателей и школьных администраторов и освободить школу от чрезмерной вовлеченности в политическую борьбу.

Таким образом, изучение дискурса свободы на страницах габсбургской педагогической прессы периода дуализма дает возможность проследить представления школьных учителей о своей роли в обществе и государстве, а также позволяет пересмотреть оценки «пассивности» габсбургских чиновников в отношении вопроса патриотического воспитания школьной молодежи и формирования лояльности к правящей династии и общему Отечеству.

Список сокращений

AVA — Allgemeines Verwaltungsarchiv
AT-OeStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

Литература

- Бут 2022а — *Бут Ю.Е.* Безупречный монарх: образ Франца Иосифа I в учебниках для габсбургских школ // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 135–163. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.6.
- Бут 2022б — *Бут Ю.Е.* Династическая мифология Габсбургов в школьной программе XIX в. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 162–186.
- Бут, Баченина 2022 — *Бут Ю.Е., Баченина В.В.* Воспитатели нации: Вильгельм фон Гизебрехт и Антонин Гиндели // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 93–110.
- [Водовозов] 1901 — *Водовозов В.В.* Тун и Гогенштейн // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 полутомах. С.-Петербург, 1890–1907. Т. XXXIV (1901): Трумп — Углеродистый кальций. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тун-Гогенштейн,_Леопольд-Лео (дата обращения: 02.06.2024).
- Комлева 2014 — *Комлева Ю.Е.* Габсбургская школьная политика как способ формирования общегосударственной идентичности в Австро-Венгрии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1(124). С. 106–125.
- Комлева 2015 — *Комлева Ю.Е.* Изъяны габсбургской политики идентичности: «книги для чтения» в италоязычных школах Триеста // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1(136). С. 144–156.
- Коэн 1995 — *Коэн Г.* Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX — начале XX вв. / перев. с англ. М.А. Бобрович) // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 155–199.
- Кузьмин 1971 — *Кузьмин М.Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX века). Москва: Издательство «Наука», 1971. 261 с.
- [Рихтер] 1901 — *Рихтер Д.И.* Австро-Венгерская империя // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 полутомах. С.-Петербург, 1890–1907. Доп. т. I: Аа — Вяхирь, 1901. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Австро-Венгерская_империя (дата обращения: 02.06.2024).
- Семенов 2016 — *Семенов М.Ю.* Исторический опыт организации народного просвещения в Австро-Венгрии и России в конце XIX — начале XX века (на примере Народного университета в Вене и Воронежского общества

- народных университетов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(63). С. 159–164.
- Яси 2011 — Яси О. Распад Габсбургской монархии / пер. с англ. О. А. Якименко, А. Г. Айрапетов. М.: Три квадрата, 2011. 608 с.
- Almasy 2019 — *Almasy K.* Setting the canon, translating the canon. Translations in Slovene school readers and translation policy within the school system of the Habsburg monarchy (1848–1918) // *Chronotopos: A Journal of Translation History*. 2019. № 2. P. 43–62.
- Beller 2007 — *Beller S.* A Concise History of Austria. New York: Cambridge University Press, 2007. 334 p.
- Boyer 1981 — *Boyer J. W.* Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848–1897. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 598 p.
- Bruckmüller 2007 — *Bruckmüller E.* Patriotic and national myths: National consciousness and elementary school education in imperial Austria // *The Limits of Loyalty: Imperial Symbolism, Popular Allegiances, and State Patriotism in the Late Habsburg Monarchy* / ed. by L. Cole, D. L. Unowsky. New York: Berghahn Books, 2007. P. 12–29.
- Burger 1995 — *Burger H.* Sprachenrecht und Sprachengerechtigkeit im Österreichischen Unterrichtswesen, 1867–1918. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. 284 S.
- But 2022 — *But Yu.* The Austro-Sardinian war (1859) and the Seven Weeks' war (1866) in Habsburg schoolbooks // *Hungarian Historical Review*. 2022. Vol. 11. № 1. P. 44–70.
- Cole 2014 — *Cole L.* Military culture and popular patriotism in late imperial Austria. Oxford: Oxford University Press, 2014. 356 p.
- Coolahan 2001 — *Coolahan J.* Teacher education in Ireland and Western Europe: A comparative analysis // *Irish Educational Studies*. 2001. № 20(1). P. 335–368.
- Cvrček 2020 — *Cvrček T.* Schooling under Control: The Origins of Public Education in Imperial Austria 1769–1869. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. 312 p.
- Deak 2015 — *Deak J.* Forging a multinational state: State making in imperial Austria from the Enlightenment to the First World War. Stanford: Stanford University Press, 2015. 373 p.
- Engelbrecht 1986 — *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens: Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1986. Bd. 4. Von 1848 bis zum Ende der Monarchie. 644 S.
- Gemie 2000 — *Gemie S.* What is a school? Defining and controlling primary schooling in early nineteenth-century France // *History of Education*. 2000. № 21(2). P. 129–147.

- Hofeneder, Surman 2018 – *Hofeneder P., Surman J.* Wissen übersetzen: Schulbücher in der Habsburgermonarchie als Gegenstand translationswissenschaftlicher Forschung // Lehrbücher für den Geschichtsunterricht in Galizien / hrsg. von B. Dybaś, I. Kałolewski. Wien: Polnische Akademie der Wissenschaften, Wissenschaftliches Zentrum in Wien, 2018. S. 142–159.
- Jarausch 1986 – *Jarausch K.* The Old ‘New History of Education’: A German Reconsideration // *History of Education Quarterly*. 1986. No. 26(2). P. 225–241.
- Jászi 1929 – *Jászi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago: The University of Chicago Press, 1929. 496 p.
- Jenks 1965 – *Jenks W.A.* Austrian Under the Iron Ring: 1879–1893. Charlottesville: University of Virginia Press, 1965. 332 p.
- Judson 2006 – *Judson P.M.* Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 313 p.
- Kann 1950 – *Kann R.A.* The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848–1914. New York: Columbia University Press, 1950. Vol. 2. xiv+423 p.
- King 2018 – *King J.* *Budweisers into Czechs and Germans: A local history of Bohemian politics, 1848–1948.* Princeton: Princeton University Press, 2002. 284 p.
- Moore 2019 – *Moore S.O.* The professionalisation of teaching: teacher training and education reform in Austria, 1867–1914 // *History of Education*. 2019. Vol. 48. No. 3. P. 336–355.
- Moore 2020 – *Moore S.O.* Teaching the empire: Education and state loyalty in late Habsburg Austria. West Lafayette: Purdue University Press, 2020. 294 p.
- Nemes 2005 – *Nemes R.* Once and future Budapest. DeKalb: Northern Illinois University, 2005. 247 p.
- Olechowski 2011 – *Olechowski T.* Die behördliche Einstellung der “Pädagogischen Blätter” 1936. Schulpolitik, Presserecht und Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Zeit des Autoritären Ständestaates // *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs*. 2011. Bd. 2. S. 253–274.
- Puttkamer 2003 – *Puttkamer J., von.* Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914. München: R. Oldenbourg Verlag, 2003. 531 S.
- Puttkamer 2008 – *Puttkamer J., von.* Framework of modernization: Government legislation and regulations on schooling in Transylvania 1780–1914 // *Cultural dimensions of elite formation in Transylvania (1770–1950)* / ed. by V. Karády, B. Z. Török. Cluj-Napoca: Ethnocultural Diversity Resource Centre, 2008. P. 15–23.
- Stauter-Halsted 2015 – *Stauter-Halsted K.* The nation in the village: The genesis of peasant national identity in Austrian Poland, 1848–1914. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 288 p.

- Unowsky 2005 — *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette: Purdue University Press, 2005. xiii+263 p.
- Urban 2000 — *Urban W. J.* Organized teachers and educational reform during the progressive era: 1890–1920 // *History of Education*. 2000. № 21(3). P. 258–275.
- Weber 2010 — *Weber C.* Camillo Cavour in den Schulbüchern des liberalen Italiens: nationale Selbstdarstellung im Geschichtsunterricht zwischen Risorgimento und Faschismus. Frankfurt am Main: Lang, 2010. 427 S.
- Zahra 2008 — *Zahra T.* Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian Lands, 1900–1948. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 279 p.

References

- Almasy, K., 2019. Setting the canon, translating the canon. Translations in Slovene school readers and translation policy within the school system of the Habsburg monarchy (1848–1918). *Chronotopos: A Journal of Translation History*, 2, pp. 43–62.
- Beller, S., 2007. *A concise history of Austria*. New York: Cambridge University Press, 334 p.
- Boyer, J. W., 1981. *Political radicalism in late imperial Vienna: Origins of the Christian Social movement, 1848–1897*. Chicago: University of Chicago Press, 598 p.
- Bruckmüller, E., 2007. Patriotic and national myths: National consciousness and elementary school education in imperial Austria. In: Cole, L., Unowsky, D. L., eds. *The limits of loyalty: imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy*. New York: Berghahn Books, pp. 12–29.
- Burger, Y., 1995. *Sprachenrecht und Sprachengerechtigkeit im Österreichischen Unterrichtswesen, 1867–1918*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 284 p.
- But, Ju.E., 2022 Bezuprechnyi monarkh: obraz Frantsa Iosifa I v uchebnikakh dlia gabsburgskikh shkol [A Perfect Monarch: The Image of Francis Joseph I in textbooks for Habsburg Schools]. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Historia, pp. 135–163. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.6. (in Rus.)
- But, Ju.E., 2022. Dinasticheskaia mifologiiia Gabsburgov v shkol'noi programme XIX v. [The dynastic mythology of Habsburgs in the school curriculum of the nineteenth century]. In: *Imagines mundi: al'manakh issledovaniia vseobshchei istorii 16–20 vv.*, 1(12). Ekaterinburg: Izdatel'skii otdel UrGPU, pp. 162–186. (in Rus.)
- But, Ju.E., Bachenina V.V., 2022. Vospitateli natsii: Wilhelm von Gisebrecht i Antonin Gindey [Educators of a Nation: Wilhelm von Gisebrecht and Antonin Gindey]. In: *Imagines mundi: al'manakh issledovaniia vseobshchei*

- istorii 16–20 vv.*, 1(12). Ekaterinburg: Izdatel'skii otdel UrGPU, pp. 93–110. (in Rus.)
- But, Ju., 2022. The Austro-Sardinian war (1859) and the Seven Weeks' war (1866) in Habsburg Schoolbooks. *Hungarian Historical Review*, 11, 1, pp. 44–70.
- Cohen, G., 1995. Politika v oblasti vysshego i srednego obrazovaniia v Avstrii v kontse 19 – nachale 20 vv. [Policy in the field of higher and secondary education in Austria in the late nineteenth and early twentieth centuries]; translated from English by M. A. Bobrovich. In: Islamov, T. M., Miller A. I., eds. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: An experiment in national state]. Moskva: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 155–199. (in Rus.)
- Cole, L., 2014. *Military culture and popular patriotism in late imperial Austria*. Oxford: Oxford University Press, 356 p.
- Coolahan, J., 2001. Teacher education in Ireland and Western Europe: A comparative analysis. *Irish Educational Studies*, 20(1), pp. 335–368.
- Cvrček, T., 2020. *Schooling under control: The origins of public education in imperial Austria 1769–1869*. Tübingen: Mohr Siebeck, 312 p.
- Deak, J., 2015. *Forging a multinational state: State making in imperial Austria from the Enlightenment to the First World War*. Stanford: Stanford University Press, 373 p.
- Engelbrecht, H., 1986. *Geschichte des österreichischen Bildungswesens: Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs, 4, Von 1848 bis zum Ende der Monarchie*. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 644 p.
- Gemie, S., 2000. What is a school? Defining and controlling primary schooling in early nineteenth-century France. *History of Education*, 21(2), pp. 129–147.
- Iasi [Jászi], O., 2011. *Raspad Gabsburgskoi monarkhii* [The dissolution of the Habsburg Monarchy]. Moscow: Tri kvadrata, 608 p. (in Rus.)
- Hofeneder, P., Surman J., 2018. Wissen übersetzen: Schulbücher in der Habsburgermonarchie als Gegenstand translationswissenschaftlicher Forschung. In: Dybaś B., Kąkolewski I., eds. *Lehrbücher für den Geschichtsunterricht in Galizien*. Wien: Polnische Akademie der Wissenschaften, Wissenschaftliches Zentrum in Wien, pp. 142–159.
- Jarusch, K., 1986. The old 'New History of Education': A German reconsideration. *History of Education Quarterly*, 26(2), pp. 225–24.
- Jási, O., 1929. *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: The University of Chicago Press, 496 p.
- Jenks, W. A., 1965. *Austrian under the Iron Ring: 1879–1893*. Charlottesville: University of Virginia Press, 332 p.
- Judson, P. M., 2006. *Guardians of the nation: Activists on the language frontiers of imperial Austria*. Cambridge: Harvard University Press, 313 p.
- Kann, R. A., 1950. *The Multinational empire: Nationalism and national reform in the Habsburg Monarchy, 1848–1914, 2*. New York: Columbia University Press, xiv+423 p.

- King, J., 2018. *Budweisers into Czechs and Germans: A local history of Bohemian politics, 1848–1948*. Princeton: Princeton University Press, 284 p.
- Komleva, Ju.E., 2014. Gabsburgskaia shkol'naia politika kak sposob formirovaniia obshchegosudarstvennoi identichnosti v Avstro-Vengrii [Habsburg school policy as a means of national identity making in Austria-Hungary]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 1(124), pp. 106–125. (in Rus.)
- Komleva, Ju.E., 2015. Iz'iany gabsburgskoi politiki identichnosti: “knigi dlia chteniia” v italoiazыchnykh shkolakh Triesta [The flaws of the Habsburg identity policy: Books for reading in Italian-language schools of Trieste]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 1(136), pp. 144–156. (in Rus.)
- Kuzmin, M.N., 1971. *Shkola i obrazovanie v Chekhoslovakii (konets XVIII – 30-e gody XX veka)* [School and education in Czechoslovakia (from the late eighteenth century to the 1930s)]. Moskva: Nauka, 261 p. (in Rus.)
- Moore, S. O., 2019. The professionalisation of teaching: teacher training and education reform in Austria, 1867–1914. *History of Education*, 48(3), pp. 336–355.
- Moore, S. O., 2020. *Teaching the empire: Education and state loyalty in late Habsburg Austria*. West Lafayette: Purdue University Press, 294 p.
- Nemes, R., 2005. *Once and future Budapest*. DeKalb: Northern Illinois University, 247 p.
- Olechowski, T., 2011 Die behördliche Einstellung der „Pädagogischen Blätter“ 1936. Schulpolitik, Presserecht und Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Zeit des Autoritären Ständestaates. *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs*, 2, pp. 253–274.
- Puttkamer, J., von., 2003. *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914*. München: R. Oldenbourg Verlag, 531 p.
- Puttkamer, J., 2008. Framework of modernization: Government legislation and regulations on schooling in Transylvania 1780–1914. In: Karády, V., Török, B. Z. eds. *Cultural dimensions of elite formation in Transylvania (1770–1950)*. Cluj: Ethnocultural Diversity Resource Centre, pp. 15–23.
- [Rikhter, D.I.], 1901. Avstro-Vengerskaia imperiia [Austro-Hungarian Empire]. In: *Entsiklopedicheskiĭ Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. S.-Peterburg, 1: Aa – Viakhir. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Австро-Венгерская_империя (accessed: 02.06.2024). (in Rus.)
- Semenov, M.Iu., 2016. Istoricheskii opyt organizatsii narodnogo prosveshcheniia v Avstro-Vengrii i Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (na primere Narodnogo universiteta v Vene i Voronezhskogo obshchestva narodnykh universitetov) [Historical experience of organising public education in Austria-Hungary and Russia in the late nineteenth – early twentieth century (case of the People's University in Vienna and Voronezh Society of People's Universities)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 1(63), pp. 159–164. (in Rus.)

- Stauter-Halsted, K., 2015. *The nation in the village: The genesis of peasant national identity in Austrian Poland, 1848–1914*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 288 p.
- [Vodovozov, V.V.], 1901. Tun-Gogenstein [Thun-Hohenstein]. In: *Entsiklopedicheskii Slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [The encyclopaedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. St. Peterburg, XXXIV: Trump — Uglerodisty kal'tsii. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тун-Гогенштейн,_Леопольд-Лео (accessed: 02.06.2024). (in Rus.)
- Unowsky, D. L., 2005. *The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press, xiii+263 p.
- Urban, W., 2000. Organized teachers and educational reform during the Progressive Era: 1890–1920. *History of Education*, 21(3), pp. 258–275.
- Weber, C., 2010. *Camillo Cavour in den Schulbüchern des liberalen Italiens: nationale Selbstdarstellung im Geschichtsunterricht zwischen Risorgimento und Faschismus*. Frankfurt am Main: Lang, 427 p.
- Zahra, T., 2008. *Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Ithaca: Cornell University Press, 279 p.

Julija Ye. But

PhD, Associate Professor, Department “History Faculty”, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. 620075, Prospekt Lenina, 51. E-mail: j.e.komleva@urfu.ru

The Discourse of Freedom in the Austrian Pedagogical Press of 1867–1914 as a Tool of Protest against Public Control

Ever since their emergence, state systems of secular schooling have been regularly influenced not only by pedagogical theories, but also by socio-political movements and official ideologies. After the dualist monarchy of Austria-Hungary was established, the school and its issues turned into an arena of nationalist and political struggle and it also became an object of increased state control. All stakeholders considered schools and teachers as an effective tool for enhancing their influence. As schools felt growing pressure from the state, political parties, and national organisations, the word “freedom” sounded increasingly loud in public speeches during meetings of teachers’ associations and appeared more frequently in the pedagogical periodicals. The article analyses teachers’ journals and newspapers, which were the press organs of teachers’ associations of different political background, where Austrian schoolteachers used the discourse of “freedom” to express their views on their profession, their identity, and their role in society. The author identifies the following main meanings of freedom in the Austrian teachers’ polemic: personal freedom and civil liberties, professional freedom, freedom in fulfilling one’s national mission, and freedom from political engagement. At the same time, special attention is paid to the policies of the Viennese Ministry of Culture and Education and the actions of the Habsburg bureaucracy, which triggered the teachers’ demand for freedom for schools. This allows for a correction of the findings in the historiography, which previously ignored the role of state officials in the development of Austrian schooling. The author questions the thesis about the passivity of Habsburg officials in the face of the nationalist onslaught and argues that teachers’ protests against the restriction of their freedom were caused by the bureaucracy’s desire to improve the quality of teaching in schools and to provide civic and patriotic education for pupils that was aimed at developing a sense of “Austrianness”, love for the “great Fatherland” and loyalty to the ruling dynasty.

Keywords: Habsburg Monarchy, Austria-Hungary, schooling, history of education, nationalism, patriotism, loyalty, civic and patriotic education, national identity, pedagogical press

Financing: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067>, project “Loyalty and patriotism in a multi-ethnic society: indoctrination processes in the Habsburg Empire from the second half of the eighteenth to the early twenties centuries”.

Received: 5 May 2024

Accepted: 4 June 2024

How to cite: But, Ju. E., 2024. Diskurs svobody v avstriiskoi pedagogicheskoi presse 1867–1914 gg. kak instrument protesta protiv gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya. *Central-European Studies*, 7, pp. 13–42. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.1>.

Любовь Алексеевна Кирилина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Антинемецкие выступления в Любляне в сентябре 1908 г. — страница борьбы словенцев за национальную свободу

В статье рассматривается специфика антинемецких волнений словенцев 18–20 сентября 1908 г. в Любляне, проходивших в условиях общего ужесточения словенско-немецкой конфронтации в начале XX в., а также анализируются их итоги и значение для дальнейшего развития национальной борьбы словенского народа. В ответ на антисловенские выступления немцев в Пуце 13 сентября 1908 г. словенские либералы провели 18 сентября митинг протеста в Любляне, переросший в уличные беспорядки и нападения словенцев на немцев. Это были самые мощные народные волнения в городе со времен революции 1848 г. Уже 20 сентября они были подавлены правительственными войсками, при этом несколько словенцев были ранены и двое убиты. Расстрел словенских демонстрантов имел серьезные последствия. Антинемецкие и антисловенские протестные митинги и демонстрации прокатились по всей империи, немцы возмущались действиями словенских националистов, большинство австрийских славян высказывали солидарность с ними. Одним из последствий сентябрьских выступлений в Любляне стал инициированный словенскими политиками бойкот немцев, не только ущемлявший их национальное достоинство, но и наносивший им серьезный экономический ущерб. Ранее словенские историки оценивали сентябрьские события в Любляне как веху в развитии национального самосознания словенцев, современные исследователи полагают, что им не следует придавать настолько большого значения. В любом случае, антинемецкие волнения в Любляне вызвали среди словенцев подъем национализма, недовольство действиями армии и правительства, резко обострили словенско-немецкие отношения. Они, как и произошедшая через несколько дней аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, дали толчок к более интенсивной разработке словенцами своего варианта программы триализма, уже в январе 1909 г. принятой и католиками, и либералами на заседании крайнского провинциального собрания.

Ключевые слова: словенско-немецкая конфронтация, Любляна, антинемецкие выступления 1908 г., национальное самосознание, расстрел демонстрантов, словенские партии, экономический бойкот

Статья поступила в редакцию: 21 февраля 2024 г.

Статья принята к печати: 29 апреля 2024 г.

Цитирование: Кирилина Л.А. Антинемецкие выступления в Любляне в сентябре 1908 г. — страница борьбы словенцев за национальную свободу // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 43–71. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.2>.

В конце XIX — начале XX в. обострились национальные конфликты в Австро-Венгерской империи, не обошли они стороной и словенские области. Рост национального самосознания словенцев, их культурные и экономические достижения немцы стали воспринимать как угрозу своему положению и противодействовали им. И если в Крайне они уже потеряли свои позиции, то в Нижней Штирии и, особенно, в Каринтии их политика германизации была успешной. Обе стороны боролись за влияние посредством деятельности националистических организаций, экономического давления, агитации в прессе, проведения собраний и демонстраций¹. Пика словенско-немецкая конфронтация достигла во время сентябрьских выступлений в Любляне 1908 г., самых мощных народных волнений словенцев со времен революции 1848 г.

Эти события достаточно часто привлекают внимание словенских историков. Их ход и значение кратко рассматриваются в общих трудах по истории Словении, существуют и специальные исследования, затрагивающие те или иные аспекты этой темы. Марьян Матяшич на основе словенских и австрийских архивных источников проанализировал отношение к ним военных властей², Бранко Горопевшек дал в нескольких статьях подробную и целостную картину волнений и их последствий³. Драган Матич в монографии «Немцы в Любляне» показал выступления словенцев как часть словенско-немецкого конфликта в городе и осветил их интерпретацию немецкой прессой⁴. Рок Стергар рассмотрел их прежде всего как результат националистической пропаганды, нарушившей прежде в целом доброжелательные отношения словенцев и немцев⁵.

¹ Gestrin, Melik 1973: 312–313; Vodopivec 2006: 147–148; Pančur 2005: 36–38.

² Matjašič 1984.

³ Goropevšek 1998a; 1998b.

⁴ Matić 2002.

⁵ Stergar 2012.

Какую же роль, по мнению словенских ученых, сыграли эти события в истории их народа? В 1930-е — начале 1950-х годов они рассматривались историками как веха в развитии национального движения словенцев. Так, Б. Борштник написал, что с тех пор словенская молодежь «навсегда отвернулась от Австрии и начала с твердой верой готовить почву для лучших времен»⁶. Иван Приятель (1875–1937) в книге, вышедшей в 1938 г., обозначил антинемецкие выступления 1908 г. и аннексию Боснии и Герцеговины как начало «освободительного периода» словенской истории⁷, Драготин Лончар (1876–1954) в 1950 г. — как начало «борьбы за национальную свободу». Однако уже в 1952 г. историк-марксист Душан Кермавнер (1903–1975) выделил как переломную дату в словенском национальном движении 1896 г. — создание Югославянской социал-демократической партии⁸, далее в марксистской периодизации началом его нового этапа считалась середина 1890-х годов, когда произошло оформление словенских партий⁹. Василий Мелик (1921–2009) в 1990-е годы разработал принятую в настоящее время периодизацию этапов развития словенской национальной идентичности, в которой определил началом периода югославянства 1909 г.: речь идет о сентябрьских волнениях в Любляне, аннексии Боснии и Герцеговины, вызванной этими событиями активизации национального движения словенцев и разработке ими программы триализма¹⁰. Вскоре после этого Янко Плетерски (1923–2018) отметил, что вопрос о периодизации современной словенской истории требует дальнейшего обсуждения¹¹. В настоящее время историки признают значение сентябрьских событий 1908 г. для развития национального движения словенцев, однако оценивают их более скромно. Как справедливо указал Р. Стергар, «позднейшие интерпретации, придававшие им почти мифическое значение, безусловно, отличались преувеличениями»¹².

В статье анализируется специфика словенских выступлений в Любляне в сентябре 1908 г., их последствия и значение для национально-политической истории словенцев. Привлечение некоторых

⁶ Borštnik 1934: 55–56.

⁷ Prijatelj 1938: 2.

⁸ Pleterski 1998: 147.

⁹ См.: Gestrin, Melik 1973; Pleterski 1977; Pleterski 1979 и др.

¹⁰ Melik 1997: 48–49.

¹¹ Pleterski 1998: 149.

¹² Stergar 2012: 49.

недостаточно изученных или совсем не изученных источников — публикаций словенской прессы, позволяющих провести сравнение позиций противоборствующих словенских партий, воспоминаний В. Равнихара и И. Хрибара, опубликованного выступления последнего в рейхсрате в 1909 г., а также некоторых материалов словенских архивов (протоколов заседаний Совета общины в Историческом архиве г. Любляны¹³ и архива И. Хрибара в Рукописном отделе Национальной и университетской библиотеки в Любляне¹⁴) дает возможность воссоздать более полную картину рассматриваемых событий.

Антисловенские выступления немцев в Птуе

Волнениям в Любляне предшествовали события в Клагенфурте/Целовце и Петтау/Птуе. В Целовце прошли антисловенские демонстрации немцев с требованиями ведения всех административных дел только на немецком языке. В Птуе словенское либеральное Общество свв. Кирилла и Мефодия (ОКМ) организовало ежегодное собрание, желая тем самым показать, что считает этот город, являвшийся наряду с Цилли/Цельем и Марбургом-ан-дер-Драу/Марибором одной из трех немецких твердынь в Штирии, частью словенской территории. Оно действовало в духе призыва национального радикала Г. Жерьява «нападать на противника в его крепостях, которые он построил среди нас и на нашей земле»¹⁵. Немцам не удалось добиться официального запрещения этого собрания, и они призвали штирийских соплеменников противостоять «словенскому вторжению» в их город. 13 сентября произошли столкновения немцев со словенцами, в конечном счете подавленные полицией. Председатель словенской либеральной Национально-прогрессивной партии (НПП) в 1907–1910 гг. Иван Хрибар (1851–1910) писал в воспоминаниях:

Известия об этом нападении вызвали в Любляне, как и во всех словенских землях, колоссальное возмущение <...> особенно потому <...>, что жертв нападения не защищали ни полиция, ни власти округа¹⁶.

¹³ Zgodovinski arhiv Ljubljana.

¹⁴ Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani. Ms. 1411. Hribar, I. Zapuščina.

¹⁵ Goropevšek 1998b: 115.

¹⁶ *Hribar I. Moji spomini*. Ljubljana: Tiskarna Merkur, 1928. I. del. Od 1853. do 1910. leta. S. 340.

Он высказал мнение либералов, пресса которых всячески разжигала общественное возмущение «разбойническими нападениями» на словенцев в Птуе и «бездействием» властей¹⁷. Уже 15 сентября либеральный Совет общины Любляны направил в Министерство внутренних дел резкий протест против агрессивных действий немцев. Католики из Словенской народной партии (СНП), одержавшие в том году безоговорочную победу на выборах в провинциальное собрание Крайны, тем самым окончательно утвердив свои позиции как ведущей политической силы в словенских землях, восприняли события в Птуе сдержаннее. Они осудили организаторов собрания ОКМ в Птуе за то, что те пригласили на него слишком мало словенцев и не обратились своевременно за помощью к соотечественникам — тогда «птуйские события вообще были бы невозможны»¹⁸.

К тому же, католики небезосновательно полагали, что стремительно терявшая влияние либеральная партия «наверняка хотела использовать события в Птуе для агитации за свой тонущий корабль»¹⁹. Немногочисленные словенские социал-демократы не одобряли «раздувание национализма» и, назвав действия немецких националистов в Птуе «дикими, brutальными, постыдными», подчеркнули, что нельзя на их основании «обвинять весь немецкий народ»²⁰. В своей газете *Rdeči prapor* («Красное знамя») они высказались о подоплеке птуйских событий весьма резко, но справедливо. После раскола между либералами и клерикалами положение либералов ухудшилось, поэтому организаторам собрания ОКМ, полагали социал-демократы, «потребовалось что-то особенное, что-то необычное, что подстегнуло бы “национальное сознание” и сделало бы общество более популярным». Когда они выдвинули лозунг «В гнездо немшкитаров²¹ Птуй!», было понятно, что птуйские немцы мобилизуются в ответ. Устроители собрания хотели стать «народными мучениками». А для либеральной партии события в Птуе стали, по мнению социал-демократов, поводом публиковать «ядовитые новости», «ударить в большой бубен и начать делать рекламу» для ОКМ²².

¹⁷ Slovenski narod. 1908. 17 IX: 2; 18 IX: 1.

¹⁸ Slovenec. 1908. 18 IX: 3; 19 IX. 2-е приложение к газете.

¹⁹ Slovenec. 21 IX 1908: 1.

²⁰ Rdeči prapor. 1908. 19 IX: 3.

²¹ *Немикутарами* словенские патриоты называли словенцев, отказавшихся от своей национальности и перешедших на сторону немцев.

²² Rdeči prapor. 1908. 23 IX: 1–2.

Организация словенцами митинга протеста

В ответ на выступления немцев в Птуе либералы решили созвать словенцев 18 сентября на митинг протеста в Любляне. Национальные радикалы напечатали несколько тысяч листовок с призывом принять в нем участие²³. В воспоминаниях, где сентябрьским событиям 1908 г. посвящена отдельная глава, Хрибар, на тот момент являвшийся люблянским жупаном (градоначальником), написал, что один из организаторов митинга, либерал Карл Триллер (1862–1926), сообщил ему о его подготовке. Однако словам Триллера, что «если в пятницу в Любляне поднимется небольшой шум, вреда не будет», Хрибар «не придавал никакого особого значения, счел их фигуральными». Он сообщил о готовящемся митинге провинциальному президенту Крайны барону Теодору фон Шварцу (1854–1932), и тот выразил надежду, что «он пройдет мирно». Успокаивающие сообщения получал жупан и от полиции, подчиненной магистрату, но, видя, насколько раздражены словенцы, договорился с правительственным полицейским советником Врачком о дополнительных мерах безопасности. Было решено закрыть силами полиции подходы к Казино, клубу, где проводили время немецкие офицеры и солдаты, из опасений, что демонстранты после митинга направятся именно туда²⁴.

Однако эти меры оказались недостаточными. Удержать ситуацию под контролем организаторам не удалось. На одобренном правительством митинге в Городском доме (словенском центре в Любляне) 18 сентября по оценкам австрийских властей собралось около 4000 человек²⁵. Газета словенских либералов *Slovenski narod* («Словенский народ») писала: «Наш сегодняшний митинг будет началом новой, решительной и, без сомнения, — национальной — эпохи Любляны»²⁶.

Первым выступил К. Триллер, отметивший, что в Птуе «процветает немецкий шовинизм», и виноваты в этом «наша излишняя мягкость, а больше всего австрийское правительство». Немцев он сравнил с пивяками, от которых словенцам нужно избавиться. Врач Иван

²³ Goropevšek 1998b: 116–117.

²⁴ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 340.

²⁵ Б. Борштник посчитал эти сведения не вполне достоверными, см.: *Borštnik* 1934: 53.

²⁶ *Slovenski narod*. 1908. 18 IX: 1.

Оражен (1869–1921) посоветовал участникам митинга вести себя мирно, чтобы не дать властям повода прибегнуть к помощи армии и оружию, и призвал по примеру чехов дать ответ немцам «на национально-экономическом поле». Словенцы не должны вкладывать деньги в немецкие банки, покупать немецкие товары. Свои — к своим!

Следует отметить, что подобная стратегия применялась и немцами. Так, незадолго до событий в Птуе немецкое националистическое общество *Züdmark* («Южная марка») издало брошюру, в которой приводился список всех немецких торговцев и ремесленников в Любляне и содержался призыв к жителям покупать товары только у них²⁷. Впоследствии этим списком воспользовались при проведении своей акции словенцы. Франя Тавчар (1868–1938), председатель словенского Всеобщего женского общества, призвала словенок воспитать «сыновей, которые вернут словенской земле словенский Птуй!»²⁸. Как критически заметили в газете *Rdeči prapor*, этот митинг был бы «действительно импозантным и достойным мероприятием», если бы его организаторы позаботились о том, чтобы не накалять обстановку, а вместо этого «несколько молодых неумных людей» устроили демонстрацию²⁹.

Волнения в городе и расстрел словенских демонстрантов

Разгоряченная выступлениями на митинге толпа начала стихийную демонстрацию. В ходе уличных беспорядков словенцы били стекла в принадлежавших немцам домах и зданиях (в том числе в Казино, дворце провинциального президента, Крайнском банке, Филармоническом обществе, детском саду), фонари на улицах, срывали со зданий австрийские флаги, вооружившись палками и камнями, нападали на немцев. Полицейские кордоны были прорваны. Тогда правительство направило в помощь полиции солдат 27-го пехотного полка «Король бельгийцев», недавно перемещенного в Любляну из Граца. Они разогнали толпу и арестовали ряд демонстрантов. «Волнения в городе, конечно, были большими, — вспоминал

²⁷ Govor poslanca Ivana Hribarja v seji poslanske zbornice, dne 16. Marca 1909. Ljubljana: Narodna Tiskarna, 1909. S. 12. См.: Sistory. Zgodovina Slovenije. URL: <https://www.sistory.si/11686/file22902> (дата обращения: 24.03.2019).

²⁸ Slovenski narod. 1908. 19 IX. Приложение к газете.

²⁹ Rdeči prapor. 1908. 23 IX: 1–2.

Хрибар. — Особенно разозлило толпу выступление военных, которые <...> вели себя просто вызывающе», не только создавая кордоны, но и выгоняя людей из общественных заведений. Попытки жупана уговорить людей разойтись по домам были тщетны.

Следующие два дня волнения продолжались. 19 сентября жупан выпустил призыв к горожанам. В нем он убеждал их прекратить беспорядки, направленные против немцев, не участвовавших в птуйских нападениях, «сохранить трезвый ум и спокойную кровь», что будет свидетельством их «сознательности и зрелости». Католическая газета *Slovenec* («Словенец») язвительно (и несправедливо) прокомментировала этот призыв как запоздалый³⁰. В тот же день барон Шварц упрекнул Хрибара в том, что тот не обеспечил должное выполнение городской полицией своих обязанностей, и жупан пообещал ему усилить меры безопасности, а также попросил, чтобы военные поставили кордоны на некоторых проходах к Казино. Однако были закрыты все подступы к центральной площади города — Конгрессной, военные патрули контролировали улицы, и раздражение жителей только росло. В воскресенье 20 сентября к демонстрантам присоединились и словенцы из окрестностей Любляны. Провинциальный президент решил отстранить Хрибара и городские власти от обеспечения безопасности в городе и передать это дело в руки военных. Несмотря на возражения жупана, что волнения уже несколько улеглись, полиция с ними справится и военных привлекать не нужно, Шварц передал все полномочия окружному комиссару Фридриху Матиасу. Хрибар заявил, что снимает с себя ответственность за последствия этого решения³¹. Вечером жупан послал премьер-министру телеграмму с протестом против введения в Любляне осадного положения³².

Ночью 20 сентября выступления словенцев были подавлены правительственными войсками. Поручик Карл Майер, взвод которого патрулировал улицы города, раздраженный поведением толпы и немного выпивший, несмотря на предостережения комиссара Матиаса, самовольно приказал солдатам стрелять по демонстрантам. Несколько словенцев (большинству из них было 17–20 лет) были ранены, семь из них тяжело, и двое — 22-летний работник типографии Рудольф Лундер,

³⁰ *Slovenec*. 1908. 19 IX. 3-е приложение к газете.

³¹ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 342–344.

³² *Slovenec*. 1908. 21 IX: 2.

возвращавшийся с работы в сопровождении невесты, и 15-летний гимназист Иван Адамич — убиты. Юный Адамич перед смертью попросил: «Только не говорите маме о том, что произошло, а то и она умрет»³³.

Словенский либерал Владимир Равнихар (1871–1954), ставший свидетелем расстрела демонстрантов, подробно описал его в заявлении, поданном фельдмаршалу-лейтенанту Карлу фон Лангу, расследовавшему этот инцидент по поручению военного министра. Равнихар гулял с женой и находился у полицейского кордона в толпе народа, где было много женщин и детей. Никто не ожидал несчастья. Он утверждал, что демонстранты (20–30 человек) не кидали камней, просто кричали и свистели. Увидев идущих с ружьями наизготовку солдат, они побежали. Им стреляли в спину. «Предупредительного выстрела не было». «Никто не знал, что солдаты имеют приказ при определенных обстоятельствах стрелять даже просто в ответ на крики и оскорбления». В воспоминаниях Равнихар написал, что после этого он сам еле удержался, чтобы не присоединиться к протестующим³⁴. Хрибар, вечером ездивший по городу и безуспешно уговаривавший горожан разойтись по домам, узнав о случившемся, поспешил к месту событий. Он преградил путь разгонявшим толпу солдатам и сказал офицеру по-немецки: «Разве вам не хватило невинных жертв? Вы стреляли в небооруженную толпу. Перед вами я, жупан. Если вам еще недостаточно того, что вы сделали, прикажите стрелять в меня!»

Те отступили. Разговор с поручиком Майером оставил у Хрибара тяжелое впечатление: тот был убежден, что исполнил свой долг и имел право отдать приказ стрелять невзирая на то, что Матиас не дал ему разрешения. После чего жупан заподозрил, что на утреннем заседании у провинциального президента, куда его не позвали, возможно, было решено для устрашения дать залп по толпе. На следующий день он написал о своих подозрениях министру внутренних дел. Его сообщение послали провинциальному президенту с требованием немедленно дать объяснения. Расстроившийся Шварц пригласил к себе Хрибара и «утверждал, что никаких таких решений <...> на том дополуденном совещании у него не принимали». Хрибар отозвал обвинения³⁵.

³³ Rdeči prapor. 1908. 23 IX: 2.

³⁴ *Ravnihar V. Mojega življenja pot. Spomini dr. Vladimírja Ravniharja*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 75–76.

³⁵ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 347–348.

Восстановление порядка в Любляне и начало антинемецкой акции словенцев

С одобрения министерства внутренних дел Шварц предложил Хрибару руководить восстановлением мира в городе. Жупан поставил ряд условий, которые тот принял после длительных переговоров с венскими властями. Важнейшим требованием Хрибара было: чтобы провинциальные власти дали ему право самостоятельно принимать решения относительно использования жандармерии и городской полиции. Самым неприятным для провинциального президента стало требование жупана отправить армейские подразделения в казармы, поскольку их присутствие будет раздражать людей³⁶.

В тот же день один из соратников Хрибара либерал Данило Майарон сообщил ему, что горожане хотят создать особый комитет для помощи полиции в обеспечении порядка в городе. Хрибар одобрил эту инициативу: «Я буду только благодарен, если горожане сами позаботятся о восстановлении порядка и мира», — и уговорил провинциального президента дать разрешение на создание комитета³⁷. В Объединенный национальный комитет, председателем которого стал Майарон, вошли представители всех трех словенских партий. Газета *Slovenski narod* обратилась с призывом к «братьям из клерикальной³⁸ партии»: Пусть пролитая кровь будет поводом, «чтобы мы позабыли хотя бы на ближайшее время все, что нас разделяет, и объединились хотя бы для общей работы в общих делах и в защиту словенского народа». Мы не успокоимся, пока вся немецкая мощь «не будет сломлена и ее влияние уничтожено»³⁹. Комитет активно помогал полиции восстанавливать мир в городе и успокаивать жителей.

Применение правительственными войсками оружия и гибель Лундера и Адамича вызвали у словенской общественности взрыв возмущения и рост антинемецких и антиправительственных настроений. На следующий день, 21 сентября, жители Любляны, в том числе и многие немцы, вывесили на своих домах черные флаги. В то время в Любляне многие таблички с названиями улиц и вывески на магазинах еще были двуязычными. Словенцы (в основном,

³⁶ Matjašič 1984: 34.

³⁷ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 350.

³⁸ Так либералы называли католиков — членов СНП и ее сторонников.

³⁹ *Slovenski narod*. 1908. 22 IX: 1.

молодежь) срывали их или замазывали надписи на немецком черной краской. Ночью оставшиеся словенско-немецкие вывески скидывали в реку Любляницу. Двухязычных надписей почти не осталось, с удовлетворением констатировало издание *Slovenec*⁴⁰. «Немецкий язык должен сгинуть с люблянских улиц», — призывала газета *Slovenski narod*. И на следующий день радостно отметила: «За один день исчезли немецкие надписи из Любляны, и Любляна получила словенский облик»⁴¹. Хрибара, много лет боровшегося за то, чтобы в Любляне уличные надписи были только на словенском языке, несколько расстроило, что их удаляли спонтанно, без официального разрешения:

[В]незапно начался террор со стороны самих жителей, и я знал, что последствия его не будут положительными, и то, что посредством его будет достигнуто, не сохранится навсегда.

Он поручил полиции следить за тем, чтобы при проведении этой акции не применялось насилие, и арестовывать нарушителей⁴². На внеочередном заседании Совета общины города 23 сентября Д. Майарон с удовлетворением констатировал: «То, чего мы годами безуспешно пытались достичь, в один мах сделано горожанами»⁴³. Жупан ошибался, думая, что удаление уличных надписей и вывесок на немецком языке — временное явление, с тех пор в Любляне все они были только на словенском языке. И это обстоятельство, по словам Р. Стергара, «несомненно, усилило ощущение национальной принадлежности среди словенскоговорящего населения»⁴⁴.

В тот же день словенские вкладчики начали забирать деньги из крупнейшего немецкого банка в словенских областях — Крайнского сбербанка, к чему активно призывали печатные органы и либералов, и католиков, и переводить их в словенский Городской люблянский банк. Уже в первый день, 21 сентября, ими была изъята сумма в 350 тыс. крон⁴⁵. Акция продолжалась, и денежные средства Крайнского сбербанка стремительно сокращались: за первый месяц,

⁴⁰ *Slovenec*. 1908. 22 IX: 1.

⁴¹ *Slovenski narod*. 1908. 21 IX: 1; 22 IX: 1.

⁴² *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 349–350.

⁴³ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T. e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 239 об.

⁴⁴ Stergar 2012: 49.

⁴⁵ *Slovenec*. 1908. 22 IX: 2.

до 19 октября, он потерял 5,4 млн крон, за три месяца — 14,1 млн крон⁴⁶. В начале октября крайние провинциальные власти в правительственной газете *Leibacher Zeitung* («Люблянская газета») опубликовали заявление, в котором подчеркивалось, что Крайнский банк является солидным учреждением, обеспечивающим безопасность вкладов⁴⁷. Они запретили печатать статьи, дискредитировавшие это учреждение, однако Хрибар разрешил их опубликовать в отдельной брошюре. Эта брошюра, в которую вошли запрещенные цензурой статьи, вышла в тысячах экземпляров и активно распространялась среди народа. Немецкие газеты обвинили жупана в том, что он инициировал и поддержал кампанию против Крайнского сбербанка⁴⁸. Хрибар в беседе с министром внутренних дел назвал подобные заявления клеветой и заверил, что считает Крайнский сбербанк надежным, однако подчеркнул, что он «потерял все симпатии в национальных словенских кругах по вине своей ультранемецкой администрации»⁴⁹.

Похороны Адамича и Лундера

На экстренном заседании Совета общины Любляны 21 сентября Хрибар заявил, что демонстрации были не слишком опасны, поэтому нельзя оправдать действия военных, приведшие к гибели «мирных наблюдателей». Он предложил, чтобы Совет общины взял на себя расходы на похороны жертв и призвал общественность к сбору средств на памятник погибшим, а также к «солидарности всех словенцев в борьбе против национального врага». Совет общины принял решение похоронить Лундера и Адамича за свой счет и выделил 1000 крон им на памятник⁵⁰. 23 сентября состоялись торжественные похороны, в организации и проведении которых приняли участие все три словенские партии. На проводы усопших пришло, по оценкам венских газет, небывалое количество народа — 20 тыс. человек из разных словенских краев. Равнихар отметил царившее на них национальное согласие: «В похоронной процессии шагали вперемешку “либералы”, “клерикалы”, “социальные демократы”, светский

⁴⁶ Matić 2002: 353.

⁴⁷ *Leibacher Zeitung*. 1908. 08 X.

⁴⁸ Matić 2002: 352.

⁴⁹ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 350–353.

⁵⁰ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 216–218, 235.

и священник, хозяин и рабочий». И отметил, что жаль, что оно продлилось недолго⁵¹.

Хрибар, выступая с речью на похоронах, выразил надежду, что невинно пролитая кровь жертв побудит словенцев «со всем жаром и до последней капли крови» служить родине, а также «скоро сотворит и другое чудо: чудо братских объятий обеих, сейчас не согласных друг с другом словенских партий, которое так нужно нам, разобщенным и конфликтующим словенцам». Один из вождей либералов, Иван Тавчар (1851–1923), отметил, что «между словенским народом и династией разверзлась пропасть», а социал-демократ Антон Кристан (1881–1930) заявил: «Словенский народ должен исправить то, в чем согрешила австрийская бюрократия, солидной всесторонней работой» и подчеркнул солидарность своей партии со всем словенским народом⁵².

На внеочередном заседании Совета общины, состоявшемся после похорон, жупан рассказал, что накануне посетил больницу, где находились раненые словенцы, и подчеркнул, что большинство из них невиновны, поскольку оказались на месте кровавых событий случайно, а военные расстреливали уже убежавших демонстрантов в спину. Он предложил собрать 1000 крон в помощь раненым (и из личных средств внес с этой целью 100 крон), а также открыть в будущем Городском музее Зал памяти невинных жертв 20 сентября 1908 г. Инициатива Хрибара получила полное одобрение Совета общины⁵³. И. Тавчар выступил с резкой критикой австрийской армии, утверждая, что она «проникнута немецко-националистическим духом» и выразил сомнение в беспристрастности немецких специалистов, которые будут расследовать инцидент в Любляне⁵⁴. К. Триллер раскритиковал провинциальные власти, которые не исполнили свои обязанности и не препятствовали распространению клеветы, направленной против жупана. В резолюции, принятой Советом общины, содержались требования проведения строжайшего расследования, в том числе действий военных, и пресечения клеветнических сообщений, направленных против Хрибара⁵⁵.

⁵¹ *Ravnihar V. Mojega življenja pot.* S. 76.

⁵² *Slovenec.* 1908. 23 IX: 1–2.

⁵³ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T. e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 227–228 об.

⁵⁴ *Ibid.* S. 236.

⁵⁵ *Slovenski narod.* 1908. 24 IX: 1–2.

Реакция словенской и немецкой общественности

Печатные органы всех словенских партий резко осудили действия военных. Газета *Slovenski narod* оценила их как провокацию, «заговор» против словенцев⁵⁶. Возмущение вызывали и кровь «невинных жертв», и первоначальный отказ солдат допустить к раненым словенских врачей, и «празднование» немцами того, что они смогли указать словенцам их место. Вину за произошедшую трагедию либералы возложили прежде всего на провинциального президента. Их газета подчеркнула, что барон Шварц «самовольно отстранил жупана от обеспечения общественной безопасности», что привело к печальным последствиям⁵⁷. И. Хрибар придерживался того же мнения. Он написал, что провинциальный президент во время сентябрьских волнений «доказал полную неспособность занимать свое высокое положение»⁵⁸. Социал-демократы призывали: «С ним надо расчитаться, коренным образом и скорее! Человек, обогранный кровью, ни дня не может быть хозяином провинции!»⁵⁹. Католики отметили, что провинциальный президент поступил непродуманно, послав против демонстрантов 27-й полк, «известный своими антиславянскими настроениями»⁶⁰. Социал-демократы и католики отчасти обвиняли в случившемся и либералов. Газета *Rdeči prapor* писала, что они не должны были подстрекать народ к бойкоту немцев, нельзя было «по русскому примеру устраивать погромы»⁶¹. Наиболее четко позиция социал-демократов была выражена в резолюции Исполкома Югославянской социал-демократической партии о последних событиях в Нижней Штирии и Крайне, принятой 26 сентября. В ней утверждалось, что «националистические партии не стремятся к национальному равноправию, <...> а намеренно провоцируют национальные распри во вред рабочему классу», чтобы втянуть его «в безумную национальную борьбу» и отвратить от его собственных классовых целей. Другим виновником произошедшей трагедии была названа австрийская государственная система.

⁵⁶ *Slovenski narod*. 1908. 21 IX: 1.

⁵⁷ *Ibid.* 22 IX: 1.

⁵⁸ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 354.

⁵⁹ *Rdeči prapor*. 1908. 23 IX: 1.

⁶⁰ *Slovenec*. 1908. 22 IX: 1.

⁶¹ *Rdeči prapor*. 1908. 23 IX: 2–3.

В Любляне «не было серьезного повода» для осуществления военных репрессий, а провинциальное правительство показало полное «незнание местных условий и неспособность выбрать средства для обеспечения общественного мира и порядка», поэтому необходимо провести расследование правомочности использования оружия против демонстрантов и предоставить жертвам компенсацию⁶². Католики утверждали, что надо было проводить митинг 18 сентября днем, его должны были «совместно организовать все словенские партии». Если бы либералы пригласили к участию в нем католиков, то те бы позаботились, чтобы демонстрация была мирной и кровь не пролилась⁶³.

Немецкая пресса, естественно, освещала события противоположным образом. Орган крайних немцев газета *Deutsche Stimmen aus Krain, Triest und Küstenland* («Голоса немцев из Крайны, Триеста и Приморья»), приложение к *Grazer Tageblatt* («Грацская ежедневная газета»), описывал насилия словенцев над немецким населением, обвиняя в подстрекательстве к ним словенские национальные партии. По мнению ее корреспондентов, «во главе бунтовщиков встал люблянский жупан», поскольку беспорядки были в интересах его партии. 24 сентября Немецкий национальный совет Крайны издал обращение к немецким жителям Любляны, в котором сетовал на ущемление прав немцев в городе и провинции, посягательства словенцев на «свободный выбор горожан в сфере торговли и ремесла» и призвал к консолидации немецких сил. При этом в обращении подчеркивалось: «Мы никогда не нарушали мира с нашими словенскими со-горожанами и хотим и дальше жить в мире, но в достойном мире!». Люблянские немцы написали манифест на словенском языке, в котором выступили против клеветы в свой адрес в словенской либеральной прессе, и распространяли его среди «сознательного сельского населения». Немцы считали, что конечной целью «мрачных сил люблянско-го политического подполья» при волнениях в Птуе и Любляне была мобилизация неразумной словенской массы, чтобы она прежде всего экономически, а частично и физически свела счеты с немцами в Любляне и в Крайне⁶⁴.

⁶² Rdeči prapor. 1908. 30 IX: 1.

⁶³ Slovenec. 1908. 21 IX: 1.

⁶⁴ Matić 2002: 346–351, 354.

В течение нескольких дней ситуация в городе нормализовалась. Однако сентябрьские события в Любляне, интерес к которым раздувался националистической прессой, вызвали широкий общественный резонанс. Телеграммы с выражениями соболезнований и уверениями в поддержке словенцев приходили в Любляну из разных регионов Австро-Венгрии и из других стран, и зачитывались на заседаниях Совета общины. Провинциальное собрание Горицы приняло решение прервать свои заседания «в знак скорби по поводу событий 20 сентября», и его поддержали не только словенские, но и итальянские депутаты⁶⁵. Но, конечно, больше всего телеграмм было получено от словенцев и представителей других славянских народов: от городских общин Праги, Загреба, от представителей чешских и хорватских партий, от славянских депутатов рейхсрата, из Белграда, Брюнна/Брно, Задара, Карловаца, а также Бруклина, Кливленда, Нью-Йорка и др.⁶⁶ Представители российских неославистов тоже проявили солидарность со словенцами. На заседании Совета общины 6 октября Хрибар сообщил: «Русские братья, генерал Володимиров и Боборыкин, положили венок на могилу несчастным жертвам и тем самым выразили соболезнование»⁶⁷.

Словенцы откликнулись на призыв жупана собрать средства на памятник жертвам и в помощь пострадавшим, причем дары приходили не только из словенских, но и из других славянских и не только земель. Например, в архиве Хрибара сохранилось письмо из Бразилии от «предводителя местных славян» словенца Карлоса Штрукеля, в котором тот сообщал, что тамошние общества северных славян «Славия» и югославян «Югославянский Сокол» послали в Любляну деньги для пострадавших во время сентябрьских волнений, на памятник погибшим, а также членам ОКМ, подвергшимся нападениям в Птуе⁶⁸.

Протестные митинги и демонстрации прокатились по всей империи. Антинемецкие выступления произошли в ряде городов и сел

⁶⁵ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 229.

⁶⁶ См. Протоколы заседаний Совета общины Любляны от 23 сентября, 6 октября, 20 октября, 3 ноября 1908 г. — SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 229–231, 242–245, 256, 265 об.

⁶⁷ SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 241 об.–242.

⁶⁸ К. Штрукель — И. Хрибару, Бразилия [sic!], 12 мая 1909 г. — RZ NUK. Ms. 1411. Hriбар, I. Zaruščina. IV.1. Korespondenca. В письме Штрукель упомянул, что хотел организовать митинг протеста славянских обществ в Сан-Паулу. Вероятно, он жил в этом городе или его окрестностях.

Штирии. В Целье 20 сентября перед словенским Народным домом был организован митинг под лозунгом «Мечь за Птуй», на что немцы ответили антисловенской демонстрацией. Антисловенские выступления немцев прошли и в Мариборе. К счастью, военным и полиции удалось предотвратить крупные столкновения. Чешско-немецкие конфликты произошли в Южной Богемии⁶⁹, а 2 декабря, в день шестидесятилетия правления императора Франца Иосифа, в Праге. По сообщениям газеты «Новая Русь», в Праге «столкновения чехов с немцами, полицией и войсками» длились целый день: «Толпа несколько раз собиралась вновь, вступая в рукопашную с драгунами, осыпая их камнями, сооружая баррикады на соседних улицах и заграждая проволокой. Вызванная пехота штыками вновь очистила площадь, на которой остались обломки палок, зонтиков, шляпы, части одежды. Вечером борьба еще более обострилась. В “Королевских виноградниках”, где обе стороны обменялись полусотней выстрелов, и на Карловой площади, где толпа начала воздвигать баррикады и действовали войска, много раненых. Во многих домах и учреждениях выбиты стекла»⁷⁰. Немцы в Вене, Инсбруке и Зальцбурге выразили протест против действий словенских националистов, большинство австрийских славян, напротив, высказали солидарность с ними⁷¹. Славянская и немецкая пресса разжигали страсти, интерпретируя события 20 сентября каждая со своих националистических позиций, подчеркивая «жестокость» другой стороны, на заседаниях рейхсрата неоднократно обсуждались вопросы об инициаторах беспорядков, правомерности действий военных и др.⁷²

Официальное расследование беспорядков

Надежды словенцев на снятие барона Шварца с должности провинциального президента Краины не оправдались. Словенские лидеры настаивали на официальном расследовании трагедии. Глава СНП Иван Шуштершич (1863–1925) уже 23 сентября послал телеграмму

⁶⁹ Подробнее об «эпизодах насилия» в Южной Штирии и Южной Богемии см.: Judson 2006.

⁷⁰ См.: Газетные «старости» (Архив). 03 декабря (20 ноября) 1908 года // URL: <http://starosti.ru/archive.php?y=1908&m=12&d=03> (дата обращения: 28.04.2024).

⁷¹ Goropevšek 1998b: 117–119; Matjašič 1984: 29.

⁷² Stergar 2012: 47.

военному министру с требованием проведения «строгого расследования со стороны абсолютно беспристрастных лиц» для успокоения народа⁷³, словенские интерpellации по этому поводу выдвигались в рейхсрате. Имперские власти, в те дни готовившие аннексию Боснии и Герцеговины, отреагировали на события в Любляне, по мнению словенского исследователя Игора Грдины, «крайне нервно и национально пристрастно»⁷⁴. Проводивший расследование фельдмаршал фон Ланг стремился обелить действия военных. В донесении военному министру 6 октября он однозначно утверждал: в беспорядках в Любляне виновны нерешительность городской полиции, Совета общины и провинциальных властей, не принявших необходимых для их предотвращения мер, а также провокационные высказывания люблянкой словенской прессы. Применение оружия взводом поручика Майера фельдмаршал счел «полностью конституционным действием», поскольку солдаты защищались от агрессии толпы. По его мнению, оно стало следствием «эмоциональной раздраженности солдат взвода и вызывающего поведения демонстрантов, которое привело к тому, что у них сдали нервы»⁷⁵. В отличие от фельдмаршала, провинциальный президент Шварц в сообщении министру внутренних дел дал более объективную картину поведения военных 20 сентября. Он писал, что действия Майера были незаконны, характеризовал их как «убийство», отметил и «враждебное словенцам поведение, и преднамеренно бесцеремонные действия военных». Солдаты 27-го полка, по его словам, в письмах к родным хвастались тем, что участвовали в расстреле, а один из них после произведенных выстрелов даже рукоплескал товарищам. Шварц просил всерьез отнестись к словенским интерpellациям о применении солдатами оружия, поскольку у словенской стороны имеются свидетели событий⁷⁶.

Фельдмаршал Эрвин фон Маттанович (1861–1942) 10 октября предложил центральным властям от имени командования 3-го армейского собрания из Граца применить следующие меры: разрешить для повышения авторитета государства провести «судебное преследование и наказание безответственных подстрекателей, которые виновны в беспорядках»; передать городскую полицию (которая традиционно

⁷³ Slovenec. 1908. 24 IX: 1.

⁷⁴ Grdina 2010: 47.

⁷⁵ Matjašič 1984: 30–31.

⁷⁶ Matjašič 1984: 33.

находилась под началом люблянского жупана) в ведение государства. Он полагал, что люблянские городские и крайние провинциальные власти представляют большую «опасность для сохранения мира, порядка и безопасности, а также для авторитета государства и вооруженных сил». По его мнению, гражданские власти с самого начала не были способны действовать решительно и своей медлительностью при принятии необходимых мер мешали эффективным действиям военных⁷⁷.

Надежды словенцев на беспристрастное расследование трагедии австрийскими властями не оправдались. На заседании рейхсрата 16 марта 1909 г. Хрибар выступил с пространной речью, в которой подробно по дням описал ход событий и подчеркнул, что вооруженные силы были использованы **«легкомысленно и <...> преступно»⁷⁸**. «Недисциплинированные и плохо обученные» военные действовали **«скорее всего просто из национальной враждебности»** к словенцам. Он утверждал:

То, что произошло 20 сентября в Любляне — позорное пятно в истории австрийской армии, и правительство должно позаботиться о том, чтобы очистить ее от него.

Хрибар призвал депутатов рейхсрата «энергично и бескомпромиссно потребовать от правительства строгого и беспристрастного расследования», ведь «славяне всегда на всех полях сражений проливали кровь за Австрию», и если австрийские народы увидят, что армия может безнаказанно расправляться с подданными империи, это будет иметь «серьезнейшие последствия»⁷⁹. Эта речь Хрибара была издана в либеральной Национальной типографии в Любляне отдельной брошюрой.

Последствия сентябрьских событий в Любляне

Позиция австрийских властей и армии во время сентябрьских волнений в Любляне и при проведении расследования произошедшей трагедии вызвала резкое недовольство словенской общественности. Из-за опасений спровоцировать новую волну протестов открытие памятника императору Францу Иосифу в Любляне даже

⁷⁷ Matjašič 1984: 34–35.

⁷⁸ Здесь и далее выделения текста в брошюре 1909 г., где была опубликована речь Хрибара.

⁷⁹ Govor poslanca Ivana Hribarja. S. 41, 50–51, 63–64.

было перенесено с 4 октября на 2 декабря 1908 г. Жупан Хрибар объяснил это решение тем, что после событий 20 сентября «в Любляне отсутствовало настроение, необходимое для торжественного открытия памятника»⁸⁰. В результате мероприятие проходило под строгим контролем полиции, часть люблянского гарнизона при этом находилась в боевой готовности⁸¹. А в 1910 г., в день рождения императора, кто-то из словенцев поставил перед его памятником ночной горшок — такого поступка по отношению к символу империи раньше невозможно было себе представить. Произошедшее свидетельствовало о начале процесса изменения менталитета словенцев — империя уже воспринималась наиболее радикальными из них не как большая родина, а как государство, которым управляет чужеземный властитель, стремящийся подавить ростки словенской индивидуальности⁸². Близкий социал-демократом писатель Иван Цанкар (1876–1918) уже в 1909 г. отметил, что после сентябрьских событий словенцы окончательно осознали то, что годами находилось в подсознании, а именно, что милитаристские интересы австрийских военных, как и политические интересы правящей верхушки, и жизненные интересы словенского народа являлись взаимоисключающими⁸³.

Одним из следствий сентябрьских волнений в Любляне стало и сильное обострение словенско-немецких отношений. Ранее они, по мнению Р. Стергара, в центре Крайны были вполне доброжелательными и вовсе не такими напряженными, как их позже описывала словенская историография⁸⁴. Об этом, кстати, упомянул в речи в рейхсрате 16 марта 1909 г. и Хрибар: «До 20 сентября, возможно, в монархии не было города, где военные бы жили в таком согласии с гражданскими, как в Любляне»⁸⁵. Д. Матич справедливо отметил, что после сентябрьских событий словенцы возложили на люблянских немцев «коллективную вину за пролитую кровь невинных», хотя те и не были к этому причастны⁸⁶. Инициированный словенскими политиками бойкот немцев,

⁸⁰ Протокол заседания Совета общины Любляны от 6 октября 1908 г. SI ZAL LJU 488. Rokopisne knjige. T.e. 112. COD. III: 66. 1908. S. 253 об.

⁸¹ Matjašič 1984: 29.

⁸² Кирилина 2019.

⁸³ Matjašič 1984: 28.

⁸⁴ Stergar 1999: 35.

⁸⁵ Govor poslanca Ivana Hribarja. S. 52.

⁸⁶ Matić 2002: 354.

продолжавшийся несколько лет, не только ущемлял их национальное достоинство, но и наносил им серьезный экономический ущерб. Списки немецких торговцев и ремесленников публиковались в словенских газетах. Крайнский сбербанк, вклады откуда словенцы изымали и в начале 1909 г., едва избежал банкротства. Был дан импульс словенизации ряда предприятий, учреждений и обществ. Многовековые экономические, культурные и социальные связи немцев и словенцев начали разрушаться⁸⁷. Национальная напряженность между обоими народами так и не улеглась до Первой мировой войны, их взаимное недоверие и антагонизм уже невозможно было сгладить.

Мощный всплеск национальных чувств объединил на несколько месяцев словенских либералов и католиков. Их сближение сделало возможным единодушное принятие крайнским провинциальным собранием разработанной католиками словенской триалистической программы, предусматривавшей государственно-правовое объединение всех югославянских земель монархии, а И. Хрибар и другие либеральные депутаты присоединились к созданному в ноябре 1908 г. в рейхсрате по инициативе И. Шуштершича Национальному союзу. Этот союз выступал за осуществление идей триализма и находился в оппозиции к правительству Рудольфа фон Бинерт-Шмерлинга (1863–1918), а в феврале 1909 г. объединился вместе с чехами и русинами в Славянскую унию, ставшую крупнейшей группировкой в рейхстаге, но распавшуюся уже в 1910 г.⁸⁸ В Штирии католики и либералы в 1909 г. даже собирались выдвинуть общих кандидатов на выборах в провинциальное собрание, но потом все же отказались от этой идеи⁸⁹. Однако вскоре все вернулось на круги своя, борьба между словенскими партиями вновь обострилась.

Обвинения против жупана Хрибара

В. Равнихар в воспоминаниях подчеркнул ведущую роль либералов в сентябрьских событиях и то, что, к неудовольствию католиков, «симпатии массы склонились в их сторону»⁹⁰. И. Грдина отметил, что

⁸⁷ Stergar 2012: 48.

⁸⁸ Cvirn 2006: 291.

⁸⁹ Goropevšek 1998b: 119–120.

⁹⁰ *Ravnihar V. Mojega življenja pot.* S. 76.

после сентябрьских волнений Любляна «по внешнему виду стала полностью словенским городом, и это означало, что жупан Хрибар осуществил свою политическую цель»⁹¹. Против либерального жупана выступили как немецкие националисты, в том числе и те из них, кто имел хорошие связи в правительственных кругах, так и члены СНП, стремившиеся подорвать позиции его и его сторонников в Любляне. Хрибара стали обвинять и в том, что он был одним из инициаторов беспорядков, и в том, что он не смог взять ситуацию в свои руки. Фельдмаршал Маттанович в вышеприведенном сообщении заявил, что «провинциальное правительство заключило соглашение с организатором движения <...> Иваном Хрибаром <...>, вследствие чего жупан получил бразды правления в свои руки», но не предпринял решительных мер. Из-за этого сложилось совершенно неоправданное впечатление, что достигнутое умиротворение «на самом деле подарок, полученный из рук всемогущего жупана»⁹².

Провинциальный президент Шварц через некоторое время стал утверждать, что именно Хрибар потребовал привлечь военных для пресечения беспорядков (что вовсе не соответствовало действительности). А в июне 1910 г., когда в Вене решался вопрос, оставлять ли Хрибара на посту жупана Любляны, Шварц в докладе вновь напомнил о его роли в сентябрьских выступлениях 1908 г.:

[Д]вуличное, совершенно нелояльное поведение Хрибара, который под предлогом исполнения своего долга выказывал по отношению к демонстрантам благожелательную пассивность, оказало самое неблагоприятное воздействие на расширение волнений. Несмотря на это, позже он не побоялся снова спровоцировать еще и демонстративные заявления люблянского Совета общины против якобы ненужного выступления вооруженных сил с целью ликвидировать нарушения порядка⁹³.

Опорочить действия жупана перед высшим командованием армии постарался и глава СНП Шуштершич⁹⁴. По воспоминаниям Хрибара,

⁹¹ Grdina 2010: 47.

⁹² Matjašič 1984: 34–35.

⁹³ Хрибар опубликовал в воспоминаниях текст «вернопопданейшего прошения» министра внутренних дел императору, в котором тот ссылался на содержание доклада Шварца от 11 июня 1910. См.: *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 488–490.

⁹⁴ Grdina 2010: 48.

в стремлении сместить его с поста жупана политик нашел поддержку у крайних немцев и немшкуртаров⁹⁵. Таким образом, в глазах властей Хрибар стал главным виновником сентябрьских волнений в Любляне, что сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе — в 1910 г. император отказался утвердить его избрание жупаном Любляны и политической карьеры лидера НПП в Австро-Венгрии пришел конец.

Отзвуки сентябрьских событий настигли Хрибара и в 1912–1913 гг., когда возобновилось расследование участия в волнениях 1908 г. молодого словенского ветеринара либерала Адольфа Рибникара (1880–1946). Городские полицейские после отставки жупана изменили свои первоначальные показания. Адвокат Рибникара Фран Новак летом 1913 г. сообщил Хрибару, что во время расследования 1908 г. «по заявлению некоторых стражников, ими владел страх, что они потеряют служебное место, если не дадут положительные показания о Рибникаре». Стражник Иван Пуст заявил, что теперь они могут спокойно все рассказать, поскольку им больше «не надо бояться Хрибара, который тогда был жупаном», и что «в среде городских служащих было общеизвестно, что он выгнал бы со службы любого, <...> кто бы свидетельствовал против какого-нибудь городского чиновника». Однако свидетельств, доказывавших, что Хрибар в 1908 г. оказывал прямое давление на полицейских, чтобы они дали ложные показания, никто не предоставил, так что оснований для возбуждения дела против бывшего жупана не было⁹⁶.

Память о жертвах 20 сентября

О сентябрьских событиях по горячим следам были опубликованы две пьесы — «Кровавая ночь в Любляне» и «Национальные мученики»⁹⁷, художник Иван Вавпотич (1877–1943) написал картину «20.IX.1908». Однако вскоре произошла аннексия Боснии и Герцеговины и связанный с ней международный кризис, и сентябрьские события отошли на задний план. В сентябре 1909 г. словенские либералы хотели организовать траурный митинг в честь годовщины сентябрьских событий, но СНП и провинциальные власти высказались

⁹⁵ *Hribar I. Moji spomini*. I. S. 354.

⁹⁶ Ф. Новак — И. Хрибару, Любляна, 19 июля 1913 г. RZ NUK. Ms. 1411. Hribar, I. Hribar, I. Zapuščina. IV.1. Korespondenca.

⁹⁷ Stergar 2012: 47–48; Goropevšek 1998a: 51–58.

против этой инициативы и митинг не состоялся. Но память о жертвах 20 сентября осталась. Имела место и их мифологизация. Если во времена Австро-Венгрии Лундера и Адамича словенцы позиционировали как «невинных жертв» военного произвола, то в Королевстве Югославия трактовка изменилась. В 1933 г. в статье, посвященной 25-й годовщине сентябрьских событий в Любляне, Б. Борштник написал, что эта интерпретация уничтожает «все значение и смысл» жертв Адамича и Лундера, проложивших путь к свободе словенцев⁹⁸. Тогда же сложилась легенда о них как борцах за свободу. Их надгробный памятник — статуя скорбящей женщины скульптора С. Перуцци по проекту архитектора И. Спинчича — был торжественно открыт в Любляне 17 сентября 1933 г. Недалеко от места их убийства была установлена памятная доска. В 1952 г. в их честь была названа набережная Адамича — Лундера в центре Любляны.

Заключение

Сентябрьские выступления в Птуе и Любляне и их последствия можно рассматривать как один из ключевых эпизодов в развитии словенско-немецкого противостояния в монархии Габсбургов в начале XX в. Они не были единичным явлением и стояли в одном ряду с национальными волнениями и в других ее славянских землях. Эти события инспирировали национальные активисты обеих сторон, чья пропаганда была направлена на формирование национальной идентичности немецко- или словенскоязычного населения, на вовлечение его в политическую и экономическую борьбу в защиту своих интересов. Однако словенские либералы, раздувавшие страсти в Любляне, сами не ожидали, что потеряют контроль над ситуацией и их призывы к демонстрации будут иметь такие печальные последствия. Впрочем, их пропаганда во многом достигла своих целей. События 1908 г. стали своего рода спусковым крючком: они вызвали среди словенцев подъем национализма, недовольство действиями армии и правительства, подтачивавшее их верность империи, в результате резко обострились словенско-немецкие отношения и был нанесен ощутимый удар экономическим позициям немцев в словенских землях. В дальнейшем вплоть до распада Австро-Венгрии разрыв между интересами

⁹⁸ Borštnik 1934: 55–56.

национально ангажированных словенцев и немцев, как их понимали они сами, только расширялся, имперская общность все больше отходила для них на задний план. Подавление сентябрьских волнений правительственными войсками и реакция на них австрийской немецкой общественности на время сплотили конфликтующие словенские партии в противостоянии общей национальной угрозе. Поддержка, оказанная словенцам представителями других славянских народов империи, укрепляла в них чувство славянской солидарности, особенно на фоне активно развивавшегося в то время неославистского движения. Однако этот эпизод национальной борьбы сам по себе вряд ли имел бы серьезные последствия, если бы не произошедшая через несколько дней аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Увеличение количества славян в империи укрепило надежды словенских национальных деятелей на то, что они смогут усилить свои позиции в монархии и дало толчок к более интенсивной разработке словенского варианта программы триализма, предусматривавшего объединение всех югославян империи. Эту программу крайнее провинциальное собрание приняло в январе 1909 г., и на ее основных положениях основывалась в 1917 г. принятая Югославянским клубом австрийского рейхсрата знаменитая Майская декларация.

Список исторических географических названий

Брюнн (нем.) — Брно (чеш.)
Карлштадт (нем.) — Карловац (хорв.)
Марбург-ан-дер-Драу (нем.) — Марибор (слов.)
Петтау (нем.) — Птуй (слов.)
Целовец — словенское название Клагенfurта (Австрия)
Цилли (нем.) — Целье (слов.)

Список сокращений

НПП — Национально-прогрессивная партия
ОКМ — Общество Кирилла и Мефодия
СНП — Словенская народная партия
SI ZAL LJU — Zgodovinski arhiv Ljubljana
RZ NUK — Rokopisna zbirka Narodne in univerzitetne knjižnice v Ljubljani
ZRC SAZU — Znanstvenoraziskovalni center Slovenske akademije znanosti in umetnosti

Литература

- Кирилина 2019 — *Кирилина Л.А.* Как словенцы отмечали памятные даты своей истории в 1908 г. // Центральноевропейские исследования. 2018. 1(10) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, СПб.: Нестор-История. 2019. С. 167–184. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.8.
- Borštnik 1934 — *Borštnik B.* Ob 25letnici septembrskih dogodkov // Kronika slovenskih mest. 1934.1. S. 52–57.
- Cvirn 2006 — *Cvirn J.* Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in slovinci (1848–1918). Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 2006. 320 s.
- Gestrin, Melik 1973 — *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1973. 364 s.
- Goropevšek 1998a — *Goropevšek B.* Kaj takega je mogoče pri nas v Avstriji sedaj v 20. stoletju? Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908 // Septembrski dogodki 1908: zbornik / ed. B. Terbuc. Ptuj: Zgodovinsko društvo Ptuj, 1998. S. 47–61.
- Goropevšek 1998b — *Goropevšek B.* Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908 (spomin na 90-letnico dogodkov) // Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti: mednarodni znanstveni simpozij. Maribor, 16–17 april 1998 / ur. S. Granda, B. Šatej. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 1998. S. 115–123.
- Grdina 2010 — *Grdina I.* Ivan Hribar. “Jedini resnični radikalec slovenski” // Hribarjev zbornik / ur. I. Grdina. Ljubljana: Založba ZRC; Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, 2010. S. 9–82.
- Judson 2006 — *Judson P.M.* Guardians of the Nation. Activists on the language frontiers of imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 332 p.
- Matić 2002 — *Matić D.* Nemci v Ljubljani 1861–1918. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 2002. 598 s.
- Matjašič 1984 — *Matjašič M.* Stališče vojaških oblasti do nemirov septembra 1908 v Ljubljani // Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino. 32. 1984. S. 28–35.
- Melik 1997 — *Melik V.* Problemi v razvoju slovenske narodne identitete // Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas / ur. D. Nečak. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 1997. S. 41–52.
- Pančur 2005 — *Pančur A.* Nacionalni spori // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992 / ur. J. Fischer. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, Mladinska knjiga, 2005. Knj. 1. S. 36–38.
- Pleterski 1977 — *Pleterski J.* Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // Zgodovinski časopis 31. Ljubljana, 1977. Št. 1–2. S. 7–23.
- Pleterski 1979 — *Pleterski J.* O nekaterih vprašanih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno // Zgodovinski časopis 33. Ljubljana, 1979. Št. 2. S. 203–220.

- Pleterski 1998 — *Pleterski J.* Dr. Ivan Šušteršič, 1863–1925. Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC, 1998. 500 s.
- Prijatelj 1938 — *Prijatelj I.* Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895. Uvod. / ur. A. Ocvirk. Ljubljana: Pri Akademski založbi v Ljubljani, 1938. I. del. Staroslovenci. Obdobje tvornega konservatizma (1848–1860). 146 s.
- Stergar 1999 — *Stergar R.* “Vojski prijazen in zaželen garnizon”. Ljubljanski častniki med prelomom stoletja in prvo svetovno vojno. Zbirka Zgodovinskega časopisa, 19. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 1999. 88 s.
- Stergar 2012 — *Stergar R.* National indifference in the heyday of nationalist mobilization? Ljubljana military veterans and the language of command // *Austrian History Yearbook*. 2012. Vol. 43. S. 45–58.
- Vodopivec 2006 — *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2006. 560 s.

References

- Borštnik, B., 1934. Ob 25letnici septembrskih dogodkov. In: *Kronika slovenskih mest*, 1, pp. 52–57.
- Cvirn, J., 2006. *Razvoj ustavnosti in parlamentarizma v Habsburški monarhiji. Dunajski državni zbor in Slovenci (1848–1918)*. Ljubljana: Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani, 320 p.
- Gestrin, F., Melik, V., 1973. *Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 364 p.
- Goropevšek, B., 1998. Kaj takega je mogoče pri nas v Avstriji sedaj v 20. stoletju? Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908. In: Terbuc, B., ed. *Septembrski dogodki 1908: zbornik*. Ptuj: Zgodovinsko društvo Ptuj, pp. 47–61.
- Goropevšek, B., 1998. Odmev in pomen septembrskih dogodkov leta 1908 (spomin na 90-letnico dogodkov). In: Granda, S., Šatej, B., eds. *Slovenija 1848–1998: iskanje lastne poti: mednarodni znanstveni simpozij. Maribor, 16–17 april 1998*. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, pp. 115–123.
- Grdina, I., 2010. Ivan Hribar. “Jedini resnični radikalec slovenski”. In: Grdina, I., ed. *Hribarjev zbornik*. Ljubljana: Založba ZRC, Inštitut za kulturno zgodovino ZRC SAZU, pp. 9–82.
- Judson, P. M., 2006. *Guardians of the Nation. Activists on the language frontiers of imperial Austria*. Cambridge: Harvard University Press, 332 p.
- Kirilina, L. A., 2019. Kak sloventsy otmechali pamiatnye daty svoei istorii v 1908 g. [How Slovenians celebrated memorable dates in their history in 1908]. *Central European Studies*, 1(10). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, St. Petersburg: Nestor-Historia+, pp. 167–184. doi: 10.31168/2619-0877.2018.1.8. (in Rus.)

- Matić, D., 2002. *Nemci v Ljubljani 1861–1918*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 598 p.
- Matjašič, M., 1984. Stališče vojaških oblasti do nemirov septembra 1908 v Ljubljani. *Kronika. Časopis za slovensko krajevno zgodovino*, 32. Ljubljana, pp. 28–35.
- Melik, V., 1997. Problemi v razvoju slovenske narodne identitete. In: Nečak, D., ed. *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta skozi čas*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, pp. 41–52.
- Pančur, A., 2005. Nacionalni spori. In: Fischer, J., ed. *Slovenska novejša zgodovina 1848–1992*. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, Mladinska knjiga, knj. 1, pp. 36–38.
- Pleterski, J., 1977. Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904. In: *Zgodovinski časopis* 31. Ljubljana, 1–2, pp. 7–23.
- Pleterski, J., 1979. O nekaterih vprašanjih slovenske politične zgodovine v zadnjem desetletju pred prvo svetovno vojno. In: *Zgodovinski časopis* 33. Ljubljana, 2, pp. 203–220.
- Pleterski, J., 1998. *Dr. Ivan Šušteršič, 1863–1925. Pot prvaka slovenskega političnega katolicizma*. Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC, 500 p.
- Prijatelj, I., 1938. *Kulturna in politična zgodovina slovencev 1848–1895. I. del. Staroslovenci. Obdobje tvornega konservatizma (1848–1860). Uvod*. Ljubljana: Pri Akademski založbi v Ljubljani, 146 p.
- Stergar, R., 1999. “Vojski prijazen in zaželen garnizon”. *Ljubljanski častniki med prelomom stoletja in prvo svetovno vojno. Zbirka Zgodovinskega časopisa*, 19. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 88 p.
- Stergar, R., 2012. National Indifference in the Heyday of Nationalist Mobilization? Ljubljana Military Veterans and the Language of Command. *Austrian History Yearbook*, 43, pp. 45–58.
- Vodopivec, P., 2006. *Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20. stoletja*. Ljubljana: Modrijan, 560 p.

Liubov A. Kirilina

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.
E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

Anti-German Protests in Ljubljana in September 1908 — an Episode of the Slovenes' Struggle for National Freedom

This article examines the specifics of the anti-German riot of the Slovenes on 18-20 September 1908 in Ljubljana, which took place in the context of a general tightening of Slovenian-German confrontation at the beginning of the twentieth century, and also analyses their results and significance for the further development of the national struggle of the Slovenian people. In response to the anti-Slovenian protests by the Germans in Ptuj on 13 September 1908, Slovene liberals held a protest rally in Ljubljana on 18 September, which escalated into street riots where Germans were attacked by Slovenes. These were the most powerful incidences of public unrest in the city since the revolution of 1848. As late as 20 September, they were suppressed by government troops, while several Slovenians were injured and two were killed. The shooting of Slovene protesters had serious consequences. Anti-German and anti-Slovenian protest rallies and demonstrations pervaded the empire, the Germans were outraged by the actions of the Slovenian nationalists, and the majority of the Austrian Slavs expressed their solidarity with them. One of the consequences of the September protests in Ljubljana was a boycott against the Germans initiated by Slovenian politicians, which not only infringed on their national dignity, but also incurred serious economic damage to them. Previously, Slovenian historians assessed the September events in Ljubljana as a milestone in the development of the national self-awareness of the Slovenes; modern researchers believe that they should not be considered to be of so much importance. In any case, anti-German unrest in Ljubljana caused a rise in nationalism among the Slovenes, dissatisfaction with the actions of the army and the government, and sharply worsened Slovene-German relations. In addition to the annexation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary a few days later, the riots gave impetus to the intensified development of the Slovenes' own version of the trialism programme, which was already adopted in January 1909 by both Catholics and liberals at a meeting of the Carniola provincial assembly.

Keywords: Slovene-German confrontation, Ljubljana, anti-German protests of 1908, national consciousness, shooting of protesters, Slovenian parties, economic boycott

Received: 21 February 2024

Accepted: 29 April 2024

How to cite: Kirilina, L. A., 2024. Antinemetские выступления в Любляне в сентябре 1908 г. — страница бор'бы словентsev за natsional'nuiu svobodu. *Central-European Studies*, 7, pp. 43–71. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.2>.

Имре Рещи

PhD, ведущий научный сотрудник, Институт истории Центра гуманитарных исследований Исследовательской сети HUN-REN, Будапешт, Венгрия. 1097, Tóth Kálmán u. 4, Budapest. E-mail: ressi.imre@abtk.hu

Генрих Мозер — человек Бенямина Каллаи в Париже: к истории участия Альфонса Мухи в росписи павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г.

Статья посвящена практически неизученной стороне деятельности Бенямина Каллаи, занимавшего в 1882–1903 гг. пост министра общего Министерства финансов Австро-Венгрии и в этом качестве курировавшего преобразования в провинции Боснии и Герцеговины. Ему удалось создать административные рамки для формирования самостоятельной боснийской нации, в основе которой лежал принцип равноправия мусульманской и христианской общин, и успешно интегрировать провинцию в либерально-конституционное государственное устройство двуединой монархии. Для пропаганды успехов боснийской модернизации Каллаи открыл во Франции неофициальное представительство, создававшее в глазах мировой общественности с помощью разных медийных стратегий положительный образ страны, оставившей позади кровавые межэтнические столкновения. Автор статьи в ходе архивных изысканий обнаружил в Швейцарии, в Историческом музее Берна, личный архив Генриха (Анри) Мозера — коммерсанта и востоковеда, знатока мусульманского мира Средней Азии и доверенного лица Б. Каллаи, который около десяти лет с успехом взаимодействовал с мировой прессой, привлекал в Боснию иностранные инвестиции, продвигал боснийские товары на мировые рынки, популяризировал Боснию как туристическое направление с восточным колоритом. Корреспонденция и иные документы из бернского музея позволили детально восстановить историю создания павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г., к художественному оформлению которого был привлечен живший в то время в Париже популярный чешский художник Альфонс Муха.

Статья впервые была опубликована на венгерском языке, см.: Ressi 2019. Печатается с разрешения автора, с изменениями и дополнениями.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, христианско-мусульманское соседство, социально-экономическая модернизация, образ страны, влияние на прессу, ориентальный туризм, историческая живопись в стиле модерн

Статья поступила в редакцию: 15 июня 2024 г.

Статья принята к печати: 24 июля 2024 г.

Цитирование: Решиш И. Генрих Мозер — человек Беньямина Каллаи в Париже: к истории участия Альфонса Мухи в росписи павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г. // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 72–100. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.3>.

Во второй половине XIX в. в Австро-Венгрии, точно так же, как и в других европейских странах, постепенно формировались правительственные институты регулярного влияния на отечественную и зарубежную прессу. Эта деятельность, с одной стороны, на национальном уровне находилась в ведении департаментов прессы австрийского и венгерского правительств, на международном уровне, с другой стороны, ее координировали Литературное бюро общего Министерства иностранных дел и зарубежные представительства. Успешное влияние на прессу в большинстве случаев зависело от размеров финансовой поддержки, пропорциональной, в свою очередь, интересам власти. Но финансовые возможности Австро-Венгерской монархии в дипломатической сфере были скромны, как и в военной. Поэтому совсем не удивительно, что Леопольд Каммерхофер, автор главы о политике в отношении зарубежной прессы в томе «Габсбургская монархия. 1848–1918», посвященном истории дипломатии, обнаружил только неудачные кампании, проводившиеся в такие переломные моменты, как завершающая стадия объединения Германии, великий Восточный кризис 1875–1878 гг. или военно-политическое напряжение в связи с аннексией Боснии¹. Поразительно, но авторы тома оставили вне внимания события за тридцатилетний период, с 1878 г. по 1908 г., между тем этот период, по моему мнению, был временем успехов зарубежной журналистики Австро-Венгрии. Понятно, что заслуга в этом принадлежала не аппарату Министерства иностранных дел, а заступившему в 1882 г. на пост министра общего Министерства финансов и двадцать лет исполнявшему эти обязанности Беньямину Каллаи (1839–1903). Журналистские успехи наряду с благоприятной ситуацией во власти объяснялись тем, что

¹ Kammerhofer 1996: 461–467.

Каллаи свел к минимуму устоявшиеся, традиционные практики, которые основывались исключительно на пресловутой меркантильности сотрудников газет и журналистов. Он взял на вооружение такие новые, опосредованные инструменты влияния на прессу, которые меньше задевали профессиональную гордость журналистов и в конечном итоге давали положительный результат. О пересмотре методов работы и кадрового обеспечения политики в области прессы Каллаи задумывался в бытность главой департамента Министерства иностранных дел, и в первые десятилетия на посту министра общего Министерства финансов, когда инициировал прием в штат Литературного бюро своего ключевого сотрудника Яноша Ашбота (1845–1911)².

Загадка одной комиссии

Одним из главных направлений политики Каллаи в области прессы стала пропаганда в Европе достижений боснийской модернизации. С этой целью в дополнение к образу ученого в кресле министра, распространявшемуся в венгерской и немецкоязычной прессе, он финансировал масштабные проекты, такие как подготовка многотомного научного страноведческого обзора Боснии и Герцеговины и его публикация на венгерском, немецком и английском языках. Именно в этом заключались обязанности его венгерского доверенного лица Я. Ашбота³. Масштабные усилия в конечном итоге были направлены на создание нового образа Боснии и Герцеговины, постепенно приобщающихся к достижениям модернизации. Первое крупное сообщение

² 28 ноября 1881 г. Литературное бюро заключило с Яношем Ашботом договор о том, что тот на три года ставит свое журналистское перо на службу Министерства иностранных дел с жалованием 4 тыс. фт. В газетах *Nemzet* («Нация») и *Ellenőr* («Контролер») печатались статьи Ашбота о необходимости оккупации Боснии. После назначения Каллаи министром финансов, исключительной обязанностью журналиста стала подготовка страноведческих материалов о Боснии. Во второй половине 1880-х годов он объединил свои увлекательные путевые заметки, зарисовки и очерки об истории, географии, социально-экономическом положении трех этноконфессиональных общин оккупированных провинций в несколько книг объемом около тысячи страниц и издал их на венгерском, немецком и английском языках. До последних дней Австро-Венгрии энциклопедические сведения, содержащиеся в его работе, влияли на восприятие Боснии как внутри страны, так и за рубежом. См.: AT-OeStA/HHStA. MdA. PL. Kt. 252. № 1.

³ Vasas 2001: 238–255.

о Боснии в европейской прессе появилось в 1885 г. после открытия железнодорожной линии Мостар — Меткович, соединившей внутренние районы Боснии с морем. В ходе торжеств неоднократно прозвучало, что Австро-Венгерская монархия — неотъемлемая часть европейской цивилизации, но администрация, отправление правосудия, народное просвещение и дела религий организованы в соответствии с традициями провинций.

С середины 80-х годов XIX в. прежде всего французская пресса, в особенности журнал *Revue des deux Mondes* («Обозрение Старого и Нового Света»), стала международным глашатаем достижений австро-венгерского управления Боснией. К тому времени был реализован план Каллаи — ангажировать — на средства бюджета провинции, иностранных экспертов для репортажей о положении дел в Боснии. Французы в первую очередь писали об административной реформе мусульманских фондов — вакуффов, и призывали использовать боснийский опыт для умиротворения бунтовавших против французского владычества мусульман, например в Алжире⁴. В конце 1880-х годов Ашбот стал депутатом парламента, и с возвращением в венгерскую политическую жизнь отношения с Каллаи стали более прохладными. Французское направление пропагандистской боснийской политики в последующие годы только усилилось, хотя заменить Ашбота сопоставимой по масштабу и эрудиции фигурой в Литературном бюро не удалось. Изучая биографию Б. Каллаи, но не имея сведений о человеке, который взаимодействовал с прессой во франкоязычных странах, я не мог понять, как, из какого источника находившийся в Вене министр, например, узнал о жившем тогда в Париже чешском художнике Альфонсе Мухе (1860–1939) и почему доверил ему создание серии картин для павильона «Босния и Герцеговина» на всемирной выставке 1900 г.

Первым лучиком, проливающим свет на туманный сюжет с созданием исторических полотен, стала страница в биографии Мухи,

⁴ HU-MNL-OL. P. 344. Kállay Béni hagyatéka. 45. kt. Kállay Bénire vonatkozó újságcikkek, közlemények 1882–1885 // Francia könyv Bosznjáról. Pestí Napló, 1896. VIII 22: 5. Специалист в области сельского хозяйства Гийом Капо (1857–1931) по поручению французского правительства провел длительное время в провинции и написал книгу о боснийском опыте, применимом в североафриканских колониях Франции, см.: *Capus G. A travers de la Bosnie et l'Hercegovine. Etudes et impressions de voyage.* Paris: Librairie Hachette, 1896. 96 p.

когда он внезапно приехал в Венгрию. Оказалось, что посредником в Париже выступил австрийский надворный советник Мозер, который и выхлопотал для него заказ⁵. Но даже располагая этой очевидно достоверной информацией я никак не мог продвинуться дальше в прояснении обстоятельств заказа. Несмотря на распространенное имя, я не смог найти посредника Мозера в списках служащих общих или австрийских министерств. Некоторое время спустя в ходе поисков в интернете я все-таки убедился, что Муха верно запомнил имя агента, ошибся лишь в должности. Несмотря на громкий титул надворного советника, напоминавший о величии Двудеиной монархии, Мозер не состоял на государственной службе, но был чем-то вроде агента по особым поручениям в непосредственном подчинении у Бенямина Каллаи. Эта должность, для которой непросто подобрать определение, показывает, что в бюрократических дебрях «Какании»⁶, как назвал двудеиную Австро-Венгерскую монархию австрийский писатель Роберт Музиль (1880–1942) в знаменитом романе «Человек без свойств», с ее разросшимся государственным аппаратом и экзотическими званиями, с трудом ориентировались не только современники, но и историки последующих поколений. Для популяризации успехов модернизации Боснии за границей Каллаи создал в Париже неофициальное боснийское представительство. Деятельность подобной организации не регулировалась международным правом, поскольку обе провинции с формальной точки зрения находились под суверенитетом турецкого султана. Однако уже тогда существовали аналоги, и как раз в Австро-Венгерской монархии. Боснийское представительство, созданное Каллаи в Париже, с точки зрения неофициального статуса и полномочий была похожа на созданную венгерскими правительствами в Австрии и за рубежом сеть торгово-экономических представителей, которые информировали начальство на родине о событиях в мире финансов, перспективах сельскохозяйственного производства и промышленного

⁵ Mucha J. Alfons Mucha. Budapest: Tandem Grafka Stúdió, 2005. 205–206. old.

⁶ *Какания* — вымышленная страна, в которой происходит действие романа Р. Музиля «Человек без свойств». Пробразом послужила Австро-Венгрия, а имя произведено от двух латинских букв K, с которых начинались прилагательные «kaiserlich» (императорский) и «königlich» (королевский), фигурировавшие в названиях общенемецких институтов (*прим. перев.*).

развития⁷. Ранее в историографии не было сведений о том, что боснийское правительство создало и содержало подобную структуру. Между тем, начиная с 1895 г. швейцарский ориенталист и предприниматель Генрих Мозер (1844–1923) под руководством Каллаи около десяти лет работал в Париже представителем Боснии и Герцеговины⁸.

Генрих Мозер: предприниматель и путешественник

Отец А. Мозера был часовщиком, который открыл мастерскую в России и в середине XIX в. основал на родине, в Шаффхаузене, по сей день процветающий часовой дом *H. Moser & Cie*. Генрих родился в Санкт-Петербурге, выучился хорошо говорить по-русски, поэтому отец поручил ему руководить продажей часов по всей России. Молодого человека, однако, увлекало научное изучение закрытого для европейцев, непознанного мира мусульманской Средней Азии. Он использовал связи в верхах российского общества и чин отставного офицера царской армии для того, чтобы вслед за венгром Армином Вамбери (1832–1913), заручившись его рекомендательным письмом к бухарскому эмиру, объехать и изучить перешедший под власть

⁷ В эпоху дуализма первым таким представителем венгерских правительств стал историк Лайош Таллоци (1857–1916), см.: Ress 2010: 54–58. Начиная с 1890-х годов у венгерских министерств сельского хозяйства и торговли в важнейших европейских экономических центрах были постоянные торгово-промышленные корреспонденты, но их деятельность изучена крайне мало, см.: Lakos 1977–1978: 215–218.

⁸ НМВ ЕАНМ. [Henri Moser, Erinnerungen] Bosnien-Herzegowina Charlottenfels, Februar 1916. Из разрозненных ссылок в научной литературе и после знакомства с городским архивом Шаффхаузена стало очевидно, что в Историческом музее Берна отложился богатый личный архив А. Мозера. Этому учреждению, выполняющему функцию швейцарского национального музея, он завещал исключительно ценные восточные этнографические коллекции и рукописи. В музее в первую очередь описали материальные объекты, рукописи же в 1916 г., в момент передачи в музей, в неразобранных коробках складировали в служившей хранилищем деревянной постройке. На мой запрос в 2010 г. музей не смог дать никакого содержательного ответа. Только на месте выяснилось, что этот обойденный вниманием исследователей архив хранит ценнейшие источники по истории биографии Каллаи. Мозер тщательно сохранил и педантично сгруппировал в хронологическом порядке переписку с Каллаи и его ближайшими подчиненными и собрал опубликованные при его посредничестве газетные статьи. Письма, содержавшие секретную информацию, он предвзительно уничтожил.

России исламский мир Средней Азии⁹. О своих впечатлениях он написал в ряде трудов по географии и этнографии, изданных на немецком и французском языках¹⁰. Дела фирмы он забросил, отчего в конце разругался с отцом, который отказал ему в финансировании научных экспедиций и лишил права на наследство. В 1880-е годы А. Мозер начал новую жизнь в Венгрии, где его сестра София (1839–1921) была замужем за трансильванским графом Бенедекком Микешем (1819–1878)¹¹. Родство с венгерскими аристократами и положение сестры при венском дворе помогли в начале новой карьеры. Мозер занялся экспортом венгерских лошадей в Западную Европу, благодаря связям Микешей, предпринимательскому таланту и страсти к охоте он быстро вошел в круги венгерской аристократии¹². Графиня Вилма Беглен, состоявшая в родстве с Микешами, обратила внимание мужа, Беньямина Каллаи, на приехавшего из России швейцарца, с которым тот быстро нашел общий научный интерес: сложности европеизации исламского мира. Каллаи особо интересовал вопрос российской политики в Туркестане, о чем Мозер знал не понаслышке¹³. Он высоко оценивал достижения Вамбери как первопроходца в деле изучения исламского мира Средней Азии. Но в отличие от него полагал, что ислам был ближе к мистицизму русских, чем к прагматичному миру англичан и вообще западноевропейцев, поэтому полагал, что влияние России будет в регионе доминировать¹⁴.

В начале 1890-х годов Мозер для знакомства с политическим положением в Боснии сопровождал Каллаи во время одной из его

⁹ На научных чтениях Венгерского географического общества в 1884 г. А. Вамбери доложил о научных результатах путешествия Мозера и упомянул о том, что при посредничестве графа Бенедика Микеша тот получил рекомендательное письмо к эмиру Бухары. См.: Földrajzi Közlemények. 1884. 12. köt. 451.–452. old.

¹⁰ Moser H. À travers l'Asie Centrale: La steppe Kirghize, le Turkestan Russe, Boukhara, Khiva, le pays des Turcomans et la Perse. Impression de voyage. Paris: E. Plon, 1885. 463 p.; *Idem*. Durch Zentralasien: Die Kirgisiensteppe, Russisch Turkestan, Bochara, Chiwa das Turkmenenland und Persien. Reiseschilderungen. Leipzig: Brockhaus, 1888. 441 p.

¹¹ Pfaff 1969: 212–222; Székely 2009: 22–40.

¹² Moser H. Jagd Erinnerungen aus dem Occupation Gebiete // A. Hugo's Jagdzeitung. 1895. XII 1. № 38. S. 678–683; Jagdliches aus Háromszék // Kronstädter Tageblatt. 1895. X 3; Moser H. Waldschnepfen Jagd in Siebenbürgen // A. Hugo's Jagdzeitung. 1898. XI 15. № 41.

¹³ HMB EA NM. [Henri Moser, Erinnerungen] Bosnien-Herzegowina Charlottenfels, Februar 1916.

¹⁴ Upnekhat // Neues Pester Journal. 1897. I 13.

регулярных министерских поездок туда. Начиная с 1892 г. швейцарский предприниматель в качестве агента австрийского Министерства торговли достиг известных успехов: во время франко-швейцарской торговой войны добился замещения исчезнувших с рынка модных товаров из Парижа на премиум-товары венского производства¹⁵. Время от времени он информировал Каллаи о рыночном потенциале вошедших в моду изделий боснийских ремесленников с ориентальным исламским колоритом и об усилиях, направленных на увеличение вложений в боснийскую экономику¹⁶. С окончанием швейцарского мандата Мозер был готов поступить на службу в качестве постоянного представителя боснийской провинциальной администрации¹⁷, но парижское консульство сочло это нежелательным из-за его чина российского офицера¹⁸, и в конечном итоге он отказался от идеи стать чиновником. Каллаи привязался к Мозеру настолько, что в качестве компромиссного решения создал для него должность непосредственно подчиненного министру парижского представителя, занимавшегося экономикой, торговлей и связями с прессой. Приоритетными среди служебных обязанностей Мозера стали вопросы, связанные с внешней торговлей, поскольку Каллаи хотел удовлетворить повышенный спрос европейцев на модные восточные вещицы из Боснии, организовать экспорт герцеговинского табака и боснийской сливы, привлечь инвестиции в оккупированные провинции. Затем следовало рекламировать Боснию и Герцеговину как привлекательное, экзотическое и безопасное туристическое направление, регулярно публиковать в международной прессе информацию о достижениях балканской модернизации.

Босния и Герцеговина — туристический рай

Массированная реклама Боснии и Герцеговины как туристического направления началась уже в середине 1880-х годов и шла рука об руку с пропагандой успехов, достигнутых в ходе модернизации.

¹⁵ НМВ ЕА НМ. Oesterreichisches Handelsmuseum 1892–1894. Австро-Венгрия существенно увеличила за счет Франции объемы экспорта сахара в Швейцарию, см.: Eysoldt 1914: 395.

¹⁶ Б. Каллаи — Г. Мозеру, Вена, 25 ноября 1893 г. НМВ ЕА НМ.

¹⁷ Г. Мозер — Б. Каллаи, Вена, 9 октября 1894 г. НМВ ЕА НМ.

¹⁸ АТ-ОеStA/ННStA. MdÄ. Konsulatsarchiv Paris, Kt. 554. № 1.

Чтобы изменить в общественном мнении Европы негативный образ страны, ассоциировавшейся с боснийским восстанием и ужасами русско-турецкой войны, на положительный, родился слоган «Босния — восточная Швейцария», отправиться куда было не рискованнее, чем в Штирию или Каринтию. Предлагались оригинальные маршруты, соединявшие поездку в венгерскую Пусту¹⁹ с сулившимся приключением путешествием в Боснию²⁰. К первостепенным обязанностям Мозера относилось написание путеводителей по Боснии и Герцеговине на английском и французском языках, ремонт сети отелей, стоявших на балансе министерства, и обновление их в соответствии с запросами западноевропейских путешественников, увеличение доли туристов из Англии и Франции²¹. В последнем ему удалось добиться заметных успехов: благодаря скидкам, предложенным лондонским туристическим агентством *Cook* и Международным обществом железнодорожных спальных вагонов (*Compagnie Internationale des Wagons-lits*) на цивилизованном европейском «Востоке» в последние годы XIX в. побывало немало англичан и французов²².

Подлинной туристической Меккой стал курорт Илиджа (Илидзе) близ Сараева, построенный по инициативе Каллаи. Для гостей из высшего общества и широких масс небогатых туристов был построен ипподром, ничуть не уступавший будапештскому. Он пользовался особой популярностью у иностранных жокеев, привлеченных высокими призовыми суммами, и на такие заезды стекались толпы местных жителей. Бывали дни, когда ипподром посещало до 30 тыс. человек. Скачки объективно способствовали консолидации населения, его постепенного превращения в классическую, в понимании XIX в., нацию, над чем неустанно работал Каллаи, ибо ипподром стал

¹⁹ *Пуста* (венг. *pusztá*) — обширный степной регион на северо-востоке Венгрии, часть Среднедунайской низменности, Альфёльда. Туристов привлекал идеально плоский ландшафт, просматривавшийся на мили вокруг, стоянки пастухов в традиционных одеждах, зрелищные конные соревнования, корчмы с цыганской музыкой и простой, но сытной едой (*прим перев.*).

²⁰ HU-MNL-OL. P 344 Kállay Béni hagyatéka, 46. köt. Kállay Bénire vonatkozó újságcikkek, közlemények.

²¹ Moser H. L'Orient inédit: À travers la Bosnie et l'Herzégovine. Paris: Compagnie internationale des wagons-lits et des grands express Européens, 1895. 76 p.; Moser H. An oriental holiday. Bosnia and Herzegovina. A handbook for the tourist / drawings by G. Scott. London: The International Sleeping Car Company, 1895.

²² См.: Cameron 2023: 240–248.

местом, где ослабевали разделявшие боснийское общество конфессиональные границы. Для привлечения туристов список зрелищных спортивных мероприятий, проводимых в Илидже, по инициативе Мозера дополнили популярными у публики соревнованиями в стрельбе по голубям. Призовой фонд был установлен даже выше, чем в Монте-Карло, который считался главным центром данного вида спорта²³ в Европе, это событие не осталось без внимания мировой общественности. Впрочем, несколько стрелков пропустили соревнования, потому что среди западноевропейцев было немало тех, кто плохо ориентировался в восточной части континента. Перепутав Богемию с Боснией, они вместо Сараева отправились в Прагу²⁴. В 1902 г. боснийские власти, желая продемонстрировать успехи модернизации в своей провинции, запустили соревнования по новому техническому виду спорта, который ждало большое будущее — автомобильные гонки. При содействии французского автоклуба Мозер организовал первые континентальные соревнования на туристических автомобилях по маршруту Париж — Вена — Будапешт — Сараево²⁵.

В формировании положительного образа Боснии и Герцеговины наибольших успехов удалось добиться в целенаправленном развитии научного туризма. В 1894 г. Каллаи выделил средства для проведения археологического и антропологического конгресса в исключительно богатой археологическими находками Боснии, чтобы французские, итальянские, немецкие, английские и шведские ученые, помимо решения научных задач, собственными глазами увидели успехи модернизации по европейским лекалам. По случаю конгресса Мозер ловко использовал методы непрямого влияния на прессу. Он не проплачивал хвалебные статьи о работе конгресса, но пригласил редакторов ведущих франкоязычных газет (женевской *Journal de Genève* («Женевская газета»), парижских *Figaro* («Фигаро»), *Temps* («Время») и др.) и парижских корреспондентов влиятельных иностранных газет *Times* («Время») и *Kölner Zeitung* («Кёльнская газета») посетить

²³ *Стрельба по голубям* — вид соревнований по стрельбе, популярный в аристократической среде с конца XVIII в. В 1900 г. (один-единственный раз) был олимпийским видом спорта на летних Олимпийских играх в Париже (*прим. перев.*).

²⁴ *Moser H.* Das erste internationale Taubenschießen in Sarajevo — Ilidze // *A. Hugo's Jagdzeitung.* 1896. VII 15. № 39. S. 423–428.

²⁵ Э. Горовиц — Г. Мозеру, Вена, 20 февраля 1902 г.; Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 11 июня 1902 г. НМВ ЕА НМ.

Боснию с неформальным визитом, в ходе которого они на торжественном приеме встретились, к своему удивлению, с министром, ответственным за управление провинцией²⁶. Положительные отклики, прозвучавшие после конгресса, превзошли все ожидания. В авторитетных газетах и специализированных журналах появились статьи о том, что вопрос мирного сосуществования конфессий решен в Боснии куда лучше, чем в других уголках Европы.

Впоследствии Мозер не раз организовывал подобные туры для прессы и сумел уговорить ряд французских ученых провести этнографические, антропологические, археологические и иные изыскания в качестве гостя провинциального правительства²⁷. В результате к концу столетия в международном общественном мнении сформировалась картина страны, движущейся к европейской цивилизации, и образ Каллаи как ученого министра и успешного модернизатора. Часто звучавшее сравнение «Каллаи — Кольбер Балкан» намекало на масштаб достижений, помогало запомнить непривычное для французского уха венгерское имя. На основании конфиденциальных бесед с министром и содержания закрытых совещаний с императором Мозер пришел к выводу, что Каллаи и Франц Иосиф средствами пропаганды готовили общественное мнение к окончательной аннексии оккупированных провинций²⁸.

На рубеже веков успехи мирного развития воспринимались положительно, потому что ни одна из великих держав не была заинтересована в том, чтобы спустя два десятилетия после великого восточного кризиса вернуться к вопросу о Боснии — предвестнику нового конфликта. В парижской прессе критические статьи о Боснии появлялись только в получавшей от российского правительства ежегодные субвенции в размере 50 тыс. золотых рублей газете *Nord* («Север»), которые, по информации Мозера, под именем боснийского серба писал третий секретарь посольства Российской империи во Франции²⁹. Полностью незамеченной осталась диссертация, защищенная в Парижском университете сербским юристом Мирославом

²⁶ Kulturarbeit im Osten // Schaffhauser Nachrichten. 1894. VIII 23; Palavestra 2014: 687–689.

²⁷ Б. Каллаи — Г. Мозеру, Вена, 20 августа 1898 г. НМВ ЕА НМ.

²⁸ НМВ ЕА НМ. [Henri Moser, Erinnerungen] Bosnien-Herzegowina Charlottenfels, Februar 1916.

²⁹ Г. Мозер — Б. Каллаи, [1898]. НМВ ЕА НМ.

Спалайковичем (1869–1951): он доказывал исключительно сербский характер Боснии и настаивал на провале там австро-венгерской политики³⁰. Какая-либо реакция на публикацию диссертации отсутствовала, поэтому Мозер не посчитал целесообразным инициировать полемический отклик³¹.

Всемирная выставка 1900 г. в Париже

В богатом послужном списке Мозера числится и подготовка отдельного представительства Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке 1900 г. в Париже, а организация для нее собственного выставочного павильона стала одним из самых важных поручений. Для решения столь важной задачи Каллаи еще в канун Всемирной выставки 1897 г. придал Мозеру полномочия специального представителя по делам выставок. Боснийским партнером Каллаи стал советник провинциальной администрации в Сараеве по вопросам науки и культуры, широко известный в Европе издатель мусульманских народных песен Коста Хёрманн (1850–1921). Новый кредит доверия Мозер получил благодаря успеху павильона Боснии, в кратчайшие сроки возведенного на Международной выставке 1897 г. в Брюсселе: там посетителей знакомили с девственной красотой боснийской природы, традиционным образом жизни ее жителей, мусульманскими обычаями и достижениями цивилизации за пятнадцать лет пребывания Каллаи на посту министра³².

На парижской выставке Мозер, вооружившись брюссельским опытом, хотел с помощью художественных инноваций привлечь внимание международной общественности к самобытности Боснии и Герцеговины и успешной практике европеизации мусульманского населения. По-видимому, именно Каллаи — щедрый патрон археологических раскопок и фундаментальных исторических исследований — предложил представить на выставке малоизвестную и воспринимавшуюся уникальной историю Боснии в форме впечатляющего художественного произведения. Для претворения в жизнь этой идеи Мозер, для большего эффекта, посоветовал не ограничиваться

³⁰ *Spalaikovitch M.J.* La Bosnie et l'Herzégovine. Etude d'histoire diplomatique et de droit international. Paris: A. Rousseau, 1899. XLIII, 343 p.

³¹ Э. Горовиц — Г. Мозеру, Вена, 16 мая 1899 г. НМВ ЕА НМ.

³² Sebestyén 2020: 131–135; Csaplár-Degovics 2022: 58–62.

традиционными формами исторической живописи, но пригласить пользовавшегося успехом у парижской публики Альфонса Муху, творившего в стиле модерн. В художественном оформлении павильона в любом случае наблюдалось стремление к определенному балансу, поскольку большая панорамная картина «Сараево» для фойе была заказана представителю предыдущего поколения, пейзажисту барбизонской школы, писавшему с фотографической точностью, уроженцу чешской Силезии Адольфу Кауфманну (1848–1916). Из позднейшей переписки Мозера с очевидностью следует, что Каллаи в личных беседах согласился, чтобы Муха получил заказ на роспись большого зала боснийского павильона на Всемирной выставке в Париже, задуманного в характерном мусульманском стиле³³. Мозер способствовал тому, что из бюджета выставки была выделена немалая сумма для оплаты гонорара востребованному модному художнику. За боснийский исторический цикл и роспись большого выставочного зала Муха запросил 30 тыс. крон, что равнялось жалованию генерального консула Австро-Венгрии за четыре года.

Муха небыстро и неохотно принял предложение боснийской администрации, широко критикуемой в чешском обществе за, как утверждалось, угнетение славян. Это не было спонтанным решением³⁴. В конечном итоге, на создание боснийского цикла Муха согласился еще до того, как летом 1899 г. в Париж прибыл австрийский комиссар по делам всемирной выставки Вильгельм Экснер (1840–1931). В любом случае, он никак не мог попросить Муху — как следует из биографии — взяться за этот цикл, поскольку не имел таких полномочий. На самом деле Муха при посредничестве Мозера — помимо написания боснийского исторического цикла — принял участие в оформлении австрийского павильона на Всемирной выставке и изготовил плакат австрийской выставки и обложку ее каталога³⁵.

Из-за нешуточных государственно-правовых баталий, разгоревшихся в Австро-Венгрии на рубеже веков, монархия была представлена на Всемирной выставке тремя расположенными по соседству павильонами — австрийским, венгерским и боснийским, каждый из которых стоял на балансе, соответственно, правительств Австрии,

³³ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 25 апреля 1899 г. HMB EA NM.

³⁴ Mucha J. Alfons Mucha. Ein Künstlerleben. Berlin: Volk und Welt, 1986. S. 290–294, ср.: Mucha J. Alfons Mucha. Budapest, 2005. 205.–207. old.; Weidinger 2009: 52.

³⁵ Hlavačka, Orlíková, Štembera 2002: 29, 40–42.

Венгрии и Боснии. Что касается своевременного возведения выставочных павильонов или заполнения залов высококачественными экспонатами, во всем чувствовался дух конкуренции. В этой гонке, по оценке Мозера летом 1899 г., лучше всех дела обстояли у венгров, в то время как у австрийцев сдача павильона в эксплуатацию существенно задерживалась. Одно время строительство боснийского павильона застопорилось, отчего под угрозой оказалось создание задуманного исторического цикла, заказанного Мухе. Архитектором и застройщиком боснийского павильона был выбран влиятельный сараевский архитектор — чех Карел Панек (1860–?)³⁶, к великому разочарованию Мозера, он раскритиковал художественный замысел Мухи³⁷. Панека не устраивали пространственные решения, которые позволили бы разместить в павильоне произведение его парижского земляка. Более того, он не раз неприязненно и высокомерно отзывался о предложенных Мухой архитектурном и художественном решении большого выставочного зала. Поэтому начиная с 1899 г. Мозеру приходилось выполнять роль посредника между чешским архитектором из Сараево и чешским художником в Париже. Несмотря на то, что Муха в ряде вопросов пошел на уступки, Панек не был готов к компромиссам. В самом большом из выставочных залов он предлагал установить двойной ряд деревянных колонн, что, по мнению Мозера, создавало ненужную скученность и вредило восприятию выставочного пространства. Чтобы положить конец зашедшим в тупик спорам, Панек представил министру на утверждение строительную документацию и макет павильона, выполненный по рисункам А. Мухи одним из учеников³⁸. Каллаи под предлогом, что выставочное пространство слишком тесное, а ряды колонн вызывают ассоциации с интерьером сельской православной церкви, распорядился, чтобы архитектор переработал проект и увеличил площадь центрального выставочного зала³⁹. Мозер и раньше предлагал, чтобы сам министр или начальник боснийского департамента министерства Э. Горовиц заслушали мнение Мухи относительно перестройки выставочного павильона. По всей видимости, до такого совещания накануне принятия решения о перестройке павильона очередь не дошла,

³⁶ Rampley 2021: 13.

³⁷ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 27 апреля 1899 г. НМБ ЕА НМ.

³⁸ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 21 мая 1899 г. НМБ ЕА НМ.

³⁹ П. П. Ку — Г. Мозеру, Вена, 17 июня 1899 г. НМБ ЕА НМ.

поскольку распоряжение министра о перестройке павильона подписано датой, когда Муха в июне 1899 г. покинул Париж и по приглашению австрийского комиссара по делам выставки, отправился в Вену с заездом в Моравию⁴⁰.

Ознакомительная поездка Альфонса Мухи в Боснию и Герцеговину

Материалы личного архива Мозера в сочетании с делопроизводственными документами боснийского правительства проясняют обстоятельства создания боснийского исторического цикла и отвечают на вопрос, что произошло во время пребывания Мухи в Вене летом 1899 г., и это противоречит распространенным в историографии взглядам. Они опираются на чешскую биографию Альфонса Мухи, где со ссылкой на рукописные мемуары престарелого художника упомянуты только консультации с австрийским комиссаром по делам выставки Вильгельмом Экснером. Не вызывает сомнений, что данный эпизод действительно имел место, поскольку Муха взялся за роспись австрийского павильона и участие в отборе полотен австрийских и чешских художников для всемирной выставки. Однако утверждение, что Экснер одобрил проект боснийского исторического цикла и поддержал идею поездки в Боснию, не имеет под собой оснований, поскольку компетенция чиновника не распространялась на боснийские дела⁴¹.

Человеческая память избирательна и порой сохраняет искаженную картину событий прошлого. К сожалению, стершиеся за давностью лет воспоминания художника о том, кто и как заказал ему боснийский цикл, были некритически приняты на веру авторами каталогов на чешском/английском и немецком языках (в остальном являющихся чрезвычайно качественными исследованиями), которые были подготовлены к выставкам Альфонса Мухи в Праге (2002 г.) и в Вене (2009 г.)⁴². Между прочим, Петр Штембера, размышляя об истории создания боснийского павильона, указал на необходимость исправить в пражском каталоге одностороннюю постановку

⁴⁰ Г. Мозер — П. Р. Ку, Париж, 18 июня 1899 г. HMB EA NM.

⁴¹ *Mucha J.* Alfons Mucha. Ein Künstlerleben. Berlin, 1986. S. 290–291, ср.: *Mucha J.* Alfons Mucha. Budapest, 2005. 205.–206. old.

⁴² Hlavačka, Orlíková, Štembera 2002: 45–51; Weidinger 2009: 51.

вопроса об отношениях между Экснером и Мухой⁴³. Одновременно не вызывает сомнений, что эти исследования стали подлинным прорывом в ознакомлении общественности с выдающимися произведениями художника.

Из архивных источников видно, что в ознакомительную поездку в Боснию художника, по решению Б. Каллаи, выделившего на эти цели денежные средства, отправило общее, австро-венгерское Министерство финансов, чтобы тот на месте изучил историю и природу страны, что вдохновило бы его на создание боснийского цикла. Художник собственноручно подписал обязательство по окончании путешествия представить на утверждение министерством тематический план цикла картин, посвященных истории Боснии.

Можно достоверно реконструировать ту интеллектуальную среду, в которой вращался Муха во время путешествия. Как перед отъездом, так и по возвращении он консультировался с сотрудниками боснийского отдела общего Министерства финансов, которые обеспечили организационное сопровождение путешествия и прием в Боснийском государственном музее. Кстати, музей также участвовал в подготовке представительства Боснии на Всемирной выставке в Париже. Его директор К. Хёрманн в должности комиссара координировал подготовительные мероприятия, в то время как его коллега-историк Чиро Трухелка (1865–1942) трудился над экспозицией раздела по истории, отвечал за презентацию в Париже сенсационных археологических находок⁴⁴. Именно эти два человека во время пребывания Мухи в Сараеве сыграли ключевую роль в создании боснийского цикла. С боснийскими народными традициями, с древними преданиями, богато представленными на полотнах, его познакомил Хёрманн, об истории Боснии рассказал Трухелка. Он был активным членом собравшегося вокруг Л. Таллоци кружка историков, работавших над созданием самостоятельного боснийского исторического нарратива, призванного сформировать у конфессионально разобщенного населения провинции общую культурно-историческую идентичность. В сюжетах исторического цикла Мухи можно обнаружить ряд сюжетов, обосновывающих историческую

⁴³ Hlavačka, Orliková, Štembera 2002: 88.

⁴⁴ Arhiv Bosne i Hercegovine Sarajevo. Gemeinsames Finanzministerium — Abteilung für Bosnien und die Herzegowina. Allgemeine Akten, 1899–7361.

концепцию независимой Боснии. Изображая обретение боснийцами родины, художник отказался от темы этнического разнообразия и сделал акцент на заселение территории славянами. Конечно, в этом можно увидеть манифестацию идеи славянской взаимности, но вместе с тем очевидно дистанцирование от национальных концепций истории как сербов, так и хорватов, ассоциировавших боснийцев со своими народами.

Изображение ранней истории Боснии как этнически единого организма по инициативе Л. Таллоци в начале 1890-х годов вошло в учебники истории для боснийских народных школ, позднее появилось в некоторых научных трудах по истории. Далее, в историческом полотне Мухи важное место было отведено богомильству как средневековой боснийской национальной религии и прославлению двух исторических личностей, символизировавших независимость и величие средневековой Боснии⁴⁵ — бана (правителя) Кулина (1163–1204), защищавшего территориальную целостность страны в XIII в., и первого боснийского короля Твртко (1338–1391), основателя династии Котроманичей, коронация которого в 1377 г. ввела Боснию в ряд средневековых европейских королевств. Вернувшись из ознакомительной поездки, Муха, судя по всему, вновь остановился в Вене и в начале августа принял участие в совещании, на которое его хотел пригласить Мозер, чтобы в общем Министерстве финансов обсудить с ним строительство боснийского павильона и создания исторического панно, прояснить денежные вопросы. Неизвестно, кто точно принимал участие в совещании, от него не осталось ни заметок, ни протокола, но именно тогда было принято решение о размере гонорара, поскольку Мозер в письмах больше не возвращался к этому вопросу. Столь важное решение, однако, мог принять только лично министр, то есть Бенъямин Каллаи, которому несомненно доложили о концепции задуманного исторического цикла. Так или иначе, в середине августа Муха уже вернулся в Париж, где в присутствии Мозера договорился с архитектором Панekom, который теперь, в соответствии с поручением министра, выказывал готовность переработать архитектурный проект павильона, чтобы он удовлетворял требованиям размещения в нем исторического цикла.

⁴⁵ Ress 2010: 61–72.

Павильон «Босния и Герцеговина» на Всемирной выставке

По итогам консультаций Мозер полагал, что для написания исторического цикла потребуются пять месяцев интенсивной работы. Согласно производственному плану, написанные Мухой панно и полотна должны были быть размещены в павильоне не позднее середины февраля 1900 г., чтобы затем до открытия в апреле было время для убранства помещений и заполнения их экспонатами⁴⁶. Как опытный организатор выставок, Мозер, чтобы уложиться в сроки, мотивировал Муху к активной работе промежуточными денежными выплатами, соразмерными выполненным объемам работ. Но к середине сентября с удивлением узнал, что в мастерской художника стоят незавершенными полотна, деньги за которые были давно уплачены. Муха одновременно брался за многочисленные заказы и часто у него не было времени даже для того, чтобы проконтролировать и подстегнуть учеников, подряженных для выполнения исторического цикла. Поэтому Мозер не без долгих уговоров художника выплатил очередную долю гонорара и, чтобы в дальнейшем исключить отставание от графика, вызвал в Париж жившего в Сараеве немецкого художника Эдварда Арндта (1860–?), чтобы тот надзирал за написанием боснийского цикла⁴⁷. Мозер не без оснований считал, что Муха с учениками именно благодаря «жандармским» методам Арндта энергично взялись за работу в арендованной для этих целей мастерской. В середине ноября он радостно сообщал, что Муха — «огонь и пламень», полон творческого горения, и не сомневался, что боснийский исторический цикл ждал большой успех⁴⁸. Налаженному творческому процессу помешал мелкий бюрократический конфликт. Осенью посмотреть на работы по возведению павильона приехал один из сараевских комиссаров по делам всемирной выставки, Коста Хёрманн, с которым Мозер не без труда находил общий язык. Их напряженные отношения стали причиной скандала, разразившегося вокруг сюжетов и художественных приемов исторического цикла Альфонса Мухи. Позднее Хёрманн доложил министру о парижских впечатлениях и, предъявив несколько эскизов, негодовал, что на полотне,

⁴⁶ Г. Мозер — Императорско-королевскому министерству финансов, Париж, 18 августа 1899 г. НМВ ЕА NM.

⁴⁷ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 23 сентября 1899 г. НМВ ЕА NM.

⁴⁸ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 18 ноября 1899 г. НМВ ЕА NM.

Рис. 1. Павильон «Босния и Герцеговина» на Всемирной выставке в Париже. Фотография из фондов библиотеки Брауновского университета

изображавшем принятие христианства, римско-католическая символика оттеснена на задний план, и замысел панно вида современного Сараева никуда не годится. От имени Каллаи и ссылаясь на его согласие, Хёрманн телеграммой попросил Мозера уговорить Муху на внесение изменений, список которых он пришлет позднее. Мозер был в растерянности, поскольку считал позицию Хёрманна глубоко ошибочной, прежде всего потому, что боялся, что заваленный бесчисленными выставочными заказами Муха будет оскорблен прямым вмешательством в его творческую свободу и либо оставит работу незавершенной, либо вообще откажется от боснийского исторического цикла.

В поисках выхода из сложившейся ситуации Мозер начал действовать по двум направлениям. С одной стороны, через давнего венского знакомого и доверенное лицо, начальника боснийского департамента Э. Горовица он попытался расширить и конкретизировать свои комиссарские полномочия, чтобы Хёрманн больше не вмешивался напрямую в строительство парижского павильона. С другой стороны, внешне выказывал готовность принять

его принципиальные возражения и искал возможность убедить министра в правильности концепции Мухи и в художественной ценности написанных им полотен⁴⁹. Это оказалось приемлемым и для самого Мухи, потому что пару дней спустя после отправки письма с критикой деструктивной позиции Хёрманна Мозер телеграфировал в Вену:

Мне удалось убедить Муху в необходимости внесения нужных изменений в исторические сюжеты. Он сохранил одну-единственную картину с православным мотивом и ждет отклика из Сараева⁵⁰.

Впоследствии выяснилось, что изменения, внесенные в готовую картину «Принятие христианства», были формальными и минимальными и, по сути, не меняли ее характера. Для нейтрализации Хёрманна и удовлетворения его тщеславия хороший тактик Мозер попросил его предложить варианты заполнения пока еще чистых стен. Не исключено, что именно тогда родилась идея завершающей картины цикла — символическое изображение трех главных современных конфессий: католический епископ, освящающий воду православный священник и возводящие мечеть мусульмане. Ни Мозер, ни Муха не соглашались на изменения в воплощавшей Боснию картине на фризе фасада и твердо стояли на первоначальном варианте. В феврале 1900 г. Мозер писал начальнику боснийского департамента Горовицу:

Это не аллегория и не апофеоз, и все-таки это самая впечатляющая часть художественной композиции. Муха мне обещал, что захватит с собой в Вену фотографии и покажет тебе. Решай сам. Когда Хёрманн написал мне, что министр хотел бы видеть на этом месте изображение хоровода, картина уже была готова. В незавершенные картины были внесены все требуемые изменения. Тебе решать, переписывать ли это полотно. Я во всем следую твоим указаниям, но я не позволю, чтобы ошибки, на которых настаивает Хёрманн, загубили проект и уничтожили необходимую симпатию, которая возникла между мной и Мухой, и я не допущу упреков в свой адрес там, где я уверен в своей правоте⁵¹.

⁴⁹ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 22 ноября 1899 г. НМВ ЕА НМ.

⁵⁰ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 30 ноября 1899 г. НМВ ЕА НМ.

⁵¹ Г. Мозер — Э. Горовицу, Париж, 15 февраля 1900 г. НМВ ЕА НМ.

Из-за болезни Мозера в Вену поехал один Муха, где с помощью фотографий должен был убедить руководство общего Министерства финансов в своей концепции росписи главного внутреннего фасада. Было бы интересно узнать, встречался ли он лично с министром, но так или иначе, его поездка завершилась полным триумфом⁵². В конце февраля художник закончил роспись и украшение боснийского павильона, и позднее принял участие в создании экспозиций из ремесленных и кустарных объектов. Боснийская выставка вместе с австрийским и венгерским павильонами двуединой монархии относилась к тем немногим, которые на момент открытия были полностью готовы к приему посетителей. Этим объясняется то, что все три выставочных объекта немедленно оказались в центре общественного внимания. В середине апреля появилась такая заметка:

Венгерский павильон и выставка США, а также боснийский особняк открылись, и в них уже побывали толпы народа. Все в восторге от художественного решения боснийского павильона, от фресок Мухи и круговой панорамы Сараева Адольфа Кауфманна. Не ослабевает интерес к боснийской продукции <...>. Австрия, Венгрия и Босния с успехом открыли свои экспозиции, и это не укрылось от внимания восторженной общественности⁵³.

Благодаря прекрасным связям Мозера с прессой, французские, английские и немецкие газеты пестрели восторженными заметками о боснийской выставке, где высокое искусство и ремесленная продукция народа, вставшего на путь цивилизации, соединились с гастрономическими изысками⁵⁴. Под впечатлением от откликов в прессе министр финансов в середине мая лично в письме поздравил Мозера с успехом выставки, особо подчеркнув роль занятых в проекте художников, в том числе высоко оценил произведения Альфонса Мухи.

⁵² Э. Горовиц — Г. Мозеру, Вена, 20 февраля 1900 г. HMB EA NM.

⁵³ Von der Pariser Weltausstellung // Neue Freie Presse. Abendblatt. 1900. 17 IV.

⁵⁴ The Paris Exhibition // The Times. 1900. 25 IV; Le Pavillon de la Bosnie-Herzégovine // Encyclopédie du Siècle. 1900. № 66; Bosnie-Herzégovine // Figaro Illustré. 1900 (Mars); Die Jahrhundert-Ausstellung. Der Pavillon von Bosnien und der Herzegovina um die Culturentwicklung unter österreichischer Herrschaft // Kölner Zeitung, 1900. 13 V.

Послесловие

На рубеже XIX–XX вв. благодаря последовательной и многовекторной коммуникационной стратегии Беньямина Каллая в общественном мнении Австро-Венгрии и других стран удалось во многом побороть упрощенный и обобщенный взгляд на Боснию и Герцеговину как страну восточной отсталости, прибежище религиозного фанатизма и ненависти. Процесс формирования позитивного образа страны символически венчало появление Боснии и Герцеговины в качестве отдельного субъекта, представленного собственным павильоном на Всемирной выставке 1900 г. Такой возможности среди автономных территорий в системе европейских государств удостоилось только Великое княжество Финляндское, входившее в состав Российской империи.

Успех боснийской выставки во многом способствовал тому, что международная дипломатия того времени стала рассматривать Боснию и Герцеговину уже не как зону перманентного кризиса, но как главный фактор безопасности и мира на континенте, как страну, которая под управлением Австро-Венгрии постепенно модернизировалась и наверстывала разрыв с европейской цивилизацией. Изменение взглядов в концерте европейских держав ярко отразилось в оценке двух десятилетий министерской карьеры Каллаи, данной русским послом в Вене Петром Алексеевичем Капнистом (1839–1904). Он считал, что Каллаи провел успешные административные и судебные реформы в Боснии и Герцеговине, которые обеспечили мирное сосуществование мусульман и христиан, в то время как великие державы в XX в. безуспешно экспериментировали, чтобы устранить межконфессиональные конфликты в трех европейских провинциях Османской империи⁵⁵.

Наряду с успехами в области модернизации, репутация Каллаи как просвещенного министра была основана на щедрой бюджетной поддержке художественных и научных достижений, представлявших цивилизационное развитие Боснии и Герцеговины. Финансируя девять томов журнала *Нада* («Надежда»), основанного в Сараеве в 1895 г., он поощрял развитие литературы посредством государственного патронажа, способствовал возрождению югославянской

⁵⁵ Подробнее см.: Ress 2006a: 222–223.

литературы, ее отходу от национального постромантизма. Он основал Национальный музей для сохранения археологических памятников Боснии и Герцеговины и, под руководством Лайоша Таллоци, поддержал исследования и публикации ряда славянских историков для написания неизученной средневековой истории страны.

Помимо покровительства науке и искусству, его личность и политическая карьера отмечены непрерывной готовностью сотрудничать с чехами. Он был одним из немногих венгерских политиков, которые в 1871 г., в ответ на вызов основания Германской империи, публично выступили за необходимость примирения с чехами во имя сохранения Габсбургской монархии. В период пребывания на посту министра общего Министерства финансов он охотно задействовал в боснийской администрации чешских инженеров и чиновников, которым не было равных в управленческой работе⁵⁶.

Именно так в 1886 г., в молодом возрасте, в штат боснийского провинциального правительства попал талантливый архитектор Карел Паржик (1857–1942), спроектировавший ряд общественных зданий, определивших современный облик Сараева. Главным детищем чешского архитектора Карела Панека, автора боснийского павильона на выставке в Париже, стало возрождение знаменитого купального курорта Илизде в окрестностях Сараева, пришедшего в запустение во времена османского владычества, и его превращение в привлекательный туристический центр. Неудивительно, что, имея подобный опыт общения с чехами, Каллаи на предложение Мозера сразу же ответил согласием и доверил Альфонсу Мухе создание исторического цикла, украшавшего боснийский павильон. Честолюбивый художник с радостью взялся за заказ без каких-либо предварительных политических условий, поскольку его монументальный замысел «Павильон Человека» (*Pavillon de l'Homme*), созданный специально для Всемирной выставки, не был реализован из-за нехватки средств. Репутация Мухи в славянской исторической живописи была основана на его изображении истории Боснии. Тем не менее, в воспоминаниях на склоне лет, будучи признанным художником чехословацкой нации, он не назвал своего настоящего заказчика Бенямина Каллая потому, что его политика в Боснии неоднократно подвергалась резкой критике со стороны молодого Томаша Гаррига

⁵⁶ Ress 2006a: 215–216.

Масарика (1850–1937), будущего президента-основателя Чехословацкой Республики⁵⁷.

В заключение, необходимо упомянуть о политических импликациях использования памяти о самостоятельном участии Боснии и Герцеговины во Всемирной выставке 1900 г. На рубеже тысячелетий боснийско-французская писательница Ясна Шамич (род. в 1949 г.), жившая в Париже, впервые посвятила широкую читательскую аудиторию в детали создания и символического значения боснийского павильона в одноименном романе, который был издан в двух французских и отдельно боснийском изданиях⁵⁸. Одновременно с художественным романом она также опубликовала в Сараеве научную монографию по этой теме. Книги стали первыми попытками легитимировать федеральную независимую государственность Боснии и Герцеговины, завоеванную в ходе кровопролитной гражданской войны, сигнализировали об очередном развороте страны в сторону европейской интеграции и опровергали живучие негативные представления о том, что Босния все еще остается страной варварства, ненависти и страха⁵⁹.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список сокращений

фт. — форинт (денежная единица)

AT-OeStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

HMB EA NM — Historisches Museum Bern. Ethnographische Abteilung.
Nachlass Henri Moser

HU-MNL-OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

Kt. — Karton

MdÄ — Ministerium des Äußerns

ÖAdW — Österreichische Akademie der Wissenschaft

PL — Presseleitung

⁵⁷ Redžić 1965: 375–376; Ress 2006b: 68–69; Malečková 2021: 147–149.

⁵⁸ Šamić J. Pavillon Bosniaque. Istanbul: Isis, 1996; Šamić J. Bosanski paviljon. Sarajevo: Svjetlost, 2000; Šamić J. Pavillon bosniaque/ “Palais des illusions” Paris; Orléans: Dorval éditions, 2005.

⁵⁹ Šamić 2001: 21–38, 162–170.

Литература

- Cameron 2023 – *Cameron R.* “An Oriental Holiday”: constructing Bosnia and Herzegovina as a destination in British tourist literature, c. 1890–1914 // *Journal of Tourism History*. Vol. 15. Iss. 3. P. 233–256.
- Csaplár-Degovics 2022 – *Csaplár-Degovics K.* “Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándékaink.” Magyar részvétel a Monarchia gyarmatosítási törekvéseiben a Balkánon (1867–1914). Budapest: ELKH Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2022. 452 old.
- Eysoldt 1914 – *Eysoldt G.* Der Zollkrieg zwischen Frankreich und der Schweiz in den Jahren 1893 bis 1895 // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1914. Bd. 4. S. 388–400.
- Hlavačka, Orliková, Štembera 2002 – *Hlavačka M., Orliková J., Štembera P.* Alfons Mucha – Paříž 1900: Pávilon Bosny a Hercegoviny na světové výstavě = Alphonse Mucha – Paris 1900: The pavilion of Bosnia and Herzegovina at the world exhibition. Prague: Obecní dům, 2002. 98 s.
- Kammerhofer 1996 – *Kammerhofer L.* Diplomatie und Pressepolitik 1848–1918 // *Die Habsburgermonarchie 1948–1918* / hrsg. von A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd. VI. Tbd. 1. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien: Verlag der ÖAdW, 1996. S. 459–495.
- Lakos 1977–1978 – *Lakos J.* A földművelésügyi miniszter belgrádi szaktudóstójának működése (1911–1914) // *Levéltári Közlemények*. 1977–1978. 48–49. sz., 215–243. old.
- Malečková 2021 – *Malečková J.* “The Turk” in the Czech imagination (1870s – 1923). Leiden: Brill, 2021. 240 p.
- Palavestra 2014 – *Palavestra A.* Arheološki izlet u pograničnu koloniju // *Etnoantropološki problemi*. 2014. Vol. 9. № 3. S. 669–695.
- Pfaff 1969 – *Pfaff R.* Henri Moser // *Schaffhauser Beiträge zur Vaterländischen Geschichte*, 1969. Bd. 46. S. 212–222.
- Rampley 2021 – *Rampley M.* Decolonizing Central Europe: Czech art and the question of “colonial innocence” // *Visual Resources*. 2021. Vol. 37. Iss. 1. P. 1–30.
- Redžić 1965 – *Redžić E.* Kállays bosnische Politik. Kállays These über die “bosnische” Nation // *Österreichische Osthefte*. 1965. Vol. 7. S. 361–378.
- Ress 2006a – *Ress I.* Kállay Béni és Oroszország // *Kelet-Európa: történelem és sorsközösség: Palotás Emil 70. születésnapjára* / szerk. T. Krausz. Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, 2006. 211–225. old.
- Ress 2006b – *Ress I.* Versuch einer Nationenbildung um die Jahrhundertwende. Benjámín Kállays Konzeption der bosnischen Nation In: *Nation und Nationalismus in Österreich Ungarn, 1848–1938. Prinzipien und Methoden* / hrsg. von E. Kiss, J. Stagl. Wien: LIT Verlag, 2006. S. 59–72.
- Ress 2010 – *Ress I.* Lajos Thallóczy's Begegnungen mit der Geschichte von Bosnien-Herzegowina // *Lajos Thallóczy, der Historiker und Politiker*. Die

- Entdeckung der Vergangenheit von Bosnien-Herzegowina und die moderne Geschichtswissenschaft / hrsg. von D. Juzbašić, I. Ress, A. Gottsmann. Sarajevo; Budapest, 2010. S. 54–80.
- Ress 2019 — *Ress I.* Kállay Béni párizsi embere: Henri Moser — Bosznia-Hercegovina egyedi országgépének kialakítása a 20. századfordulóján // Homályzónák. Felvilágosodás és liberalizmus. Tanulmányok Kecskeméti Károly 80. születésnapjára = Zones d'ombre Lumières et Liberalisme Mélanges offerts à Charles Kecskeméti pour son 80e anniversaire. Budapest: Kortárs Kiadó, 2019. 215–231. old.
- Šamić 2001 — *Šamić J.* Pariz-Sarajevo 1900: Svjetska izložba i Bosanski paviljon. Sarajevo: Mediapress, 2001. 170 s.
- Sebestyén 2020 — *Sebestyén Á.* Henri Moser as the commissioner general of the pavilion of Bosnia and Herzegovina at the 1900 Universal Exposition in Paris. In: *À l'orientale: Collecting, displaying and appropriating islamic art and architecture in the 19th and early 20th centuries* / ed. by F. Giese, B. Varela, M. Volait. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 124–136.
- Székely 2009 — *Székely L.* Emlékezés gróf Mikes János szombathelyi megyéspüspökről / szerk. V.A. Soós. Vasszilvagy: Magyar Nyugat Könyvkiadó, 2009. 275. old. (A Magyar Nyugat Történeti Kiskönyvtára, 11).
- Vasas 2001 — *Vasas G.* Utószó // *Asbóth J.* Bosznia és Hercegovina. Útirajzok és tanulmányok. Budapest: Tertia Kiadó, 2001. 238–272. old.
- Weidinger 2009 — *Weidinger A.* Alfons Mucha und der Pavillon für die osmanischen Provinzen Bosnien-Herzegowina auf der Weltausstellung in Paris 1900 // Alfons Mucha. Katalog zur Ausstellung im Belvedere Wien und in der Kunsthalle der Hypo-Kulturstiftung / hrsg. von J.-L. Gaillemain, M. Hilaire, A. Husslein-Arco. München: Hirmer Verlag, 2009. S. 49–55.

Reference

- Cameron, R., 2023. “An Oriental Holiday”: constructing Bosnia and Herzegovina as a destination in British tourist literature, c. 1890–1914. *Journal of Tourism History*, 15, 3, pp. 233–256.
- Csaplár-Degovics, K., 2022. “*Nekünk nincsenek gyarmataink és hódítási szándékaink*”. *Magyar részvétel a Monarchia gyarmatosítási törekvéseiben a Balkánon (1867–1914)*. Budapest: ELKH Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 452 p.
- Eysoldt, G., 1914. Der Zollkrieg zwischen Frankreich und der Schweiz in den Jahren 1893 bis 1895. *Weltwirtschaftliches Archiv*, 4. pp. 388–400.
- Hlavačka, M., Orliková, J., Štembera, P., 2002. Alfons Mucha — Paříž 1900: Pavilon Bosny a Hercegoviny na světové výstavě = Alphonse Mucha — Paris 1900: The Pavilion of Bosnia and Herzegovina at the World Exhibition. Prague: Obecní dům, 98 p.

- Kammerhofer, L., 1996. Diplomatie und Pressepolitik 1848–1918. In: Wandruszka, A., Urbanitsch, P., eds. *Die Habsburgermonarchie 1948–1918*, VI, 1. *Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen*. Wien: Verlag der ÖAdW, pp. 459–495.
- Lakos, J., 1977–1978. A földművelésügyi miniszter belgrádi szaktudósítójának működése (1911–1914). *Levéltári Közlemények*, 48–49, pp. 215–243.
- Malečková, J., 2021. “The Turk” in the Czech imagination (1870s – 1923). Leiden: Brill, 240 p.
- Palavestra, A., 2014. Arheološki izlet u pograničnu koloniju. *Etnoantropološki problemi*, 9, 3, pp. 669–695.
- Pfaff, R., 1969. Henri Moser. *Schaffhauser Beiträge zur Vaterländischen Geschichte*, 46, pp. 212–222.
- Rampley, M., 2021. Decolonizing Central Europe: Czech art and the question of “colonial innocence”. *Visual Resources*, 37, 1, pp. 1–30.
- Redžić, E., 1965. Kállays bosnische Politik. Kállays These über die “bosnische” Nation. *Österreichische Osthefte*, 7, pp. 361–378.
- Ress, I., 2006. Kállay Béni és Oroszország In: Krausz T., ed. *Kelet-Európa: történelem és sorsközösség: Palotás Emil 70. születésnapjára*. Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék, pp. 211–225.
- Ress, I., 2006. Versuch einer Nationenbildung um die Jahrhundertwende. Benjamin Kállays Konzeption der bosnischen Nation. In: Kiss, E., Stagl, J., eds. *Nation und Nationalismus in Österreich Ungarn, 1848–1938. Prinzipien und Methoden*. Wien: LIT Verlag, pp. 59–72.
- Ress, I., 2010. Lajos Thallóczy's Begegnungen mit der Geschichte von Bosnien-Herzegowina. In: Juzbašić, D., Ress, I., Gottsmann, A., eds. *Lajos Thallóczy, der Historiker und Politiker. Die Entdeckung der Vergangenheit von Bosnien-Herzegowina und die moderne Geschichtswissenschaft*. Sarajevo; Budapest, pp. 54–80.
- Ress, I., 2019. Kállay Béni párizsi embere: Henri Moser – Bosznia-Hercegovina egyedi országgképeinek kialakítása a 20. századfordulóján. In: Borsi-Kálmán, B., ed. *Homályzónák. Felvilágosodás és liberalizmus. Tanulmányok Kecskeméti Károly 80. születésnapjára = Zones d'ombre Lumières et Liberalisme Mélanges offerts à Charles Kecskemetipourson 80e anniversaire*. Budapest: Kortárs Kiadó, pp. 215–231.
- Šamić, J., 2001. *Pariz-Sarajevo 1900: Svjetska izložba i Bosanski paviljon*. Sarajevo: Mediapress, 170 p.
- Sebestyén, Á., 2020. Henri Moser as the commissioner general of the pavilion of Bosnia and Herzegovina at the 1900 Universal Exposition in Paris. In: Giese, F., Varela, B., Volait, M., eds. *À l'orientale: Collecting, Displaying and Appropriating Islamic Art and Architecture in the 19th and Early 20th Centuries*. Leiden; Boston: Brill, pp. 124–136.

- Székely, L., 2009. Emlékezésgróf Mikes János szombathelyi megyéspüspökről. Vasszilvagy: Magyar Nyugat Könyvkiadó, 275 p. (A Magyar Nyugat Történeti Kiskönyvtára, 11).
- Vasas, G., 2001. Utószó. In: Asbóth, J. *Bosznia és Hercegovina. Útirajzok és tanulmányok*. Budapest: Tertia Kiadó, pp. 238–272.
- Weidinger, A., 2009. Alfons Mucha und der Pavillon für die osmanischen Provinzen Bosnien-Herzegovina auf der Weltausstellung in Paris 1900. In: Gaillemain, J.-L., Hilaire, M., Husslein-Arco A., eds. *Alfons Mucha. Katalog zur Ausstellung im Belvedere Wien und in der Kunsthalle der Hypo-Kulturstiftung*. München: Hirmer Verlag, pp. 49–55.

Imre Röss

PhD, Leading Research Fellow, Institute of History, Research Centre for the Humanities, HUN-REN Research Network, Budapest, Hungary. 1097, Tóth Kálmán u. 4. E-mail: ress.imre@abtk.hu

Henri Moser — Benjamin Kállay's Man in Paris: To the History of Alfons Mucha's Participation in the Design of the Bosnia and Herzegovina Pavilion at the 1900 World Exhibition

This article is devoted to a hitherto unexplored aspect of the work of Benjamin Kállay, who was Minister of the joint Ministry of Finance of Austria-Hungary from 1882 to 1903 and in this capacity supervised the transformation of the province of Bosnia and Herzegovina. He succeeded in creating an administrative framework for the formation of an independent Bosnian nation, based on the principle of equality between Muslim and Christian communities, and successfully integrated the province into the liberal constitutional organisation of the dual monarchy. To promote the successes of Bosnian modernisation, Kállay established non-governmental representation in France in 1895, promoting — through various medial strategies — a positive image of the country in the eyes of the international community that would dispel the bloody memories of the religious conflicts. In the course of archival research in the Historical Museum of Bern, Switzerland, the author of this article discovered the personal archive of Heinrich (Henri) Moser, a merchant and orientalist, a connoisseur of the Muslim world of Central Asia and a confidant of Kállay, who for about 10 years successfully interacted with the world press, attracted foreign investment to Bosnia, promoted Bosnian goods on world markets, and turned Bosnia into a popular tourist destination with an oriental flavour. Moser's correspondence and other documents from the Swiss museum made it possible to reconstruct in detail the history of the creation of the Bosnia and Herzegovina Pavilion at the World Exhibition in 1900 and the involvement of the Czech painter Alfons Mucha, who lived in Paris, in the creation of the innovative art nouveau style circle depicting the country's history, which became the main artistic attraction of the world exhibition.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Christian-Muslim coexistence, socio-economic modernisation, country image, influencing of the press, oriental tourism, historical art nouveau painting

Received: 16 June 2024

Accepted 24 July 2024

How to cite: Röss, I., 2024. Genrikh Mozer — chelovek Ben'amina Kallai v Parizhe: k istorii uchastiia Al'fonsa Mukhi v rospisi pavil'iona Bosnii i Gertsegoviny na Vsemirnoi vystavke 1900 g. *Central-European Studies*, 7, pp. 72–100. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.3>.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА
МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ
ВОЙНАМИ**

Искандэр Эдуардович Магадеев

Кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия. 119454, проспект Вернадского, 76. E-mail: iskander2017@yandex.ru

Попытки реставрации власти Карла Габсбурга в Венгрии в 1921 г.: позиция французской дипломатии

Современники высказывали противоречивые суждения о линии поведения, которую избрал Париж во время двух попыток реставрации Габсбургов в Венгрии в 1921 г. (особенно — первой из них), в интерпретациях историков также не было единой точки зрения. Цель статьи — проанализировать позицию французской дипломатии в период попыток реставрации власти Карла I Габсбурга и определить ключевые факторы, которые на нее повлияли. Статья основана на корпусе опубликованных и архивных документов, характеризующих деятельность центрального аппарата МИД Третьей республики, высшего комиссара Франции в Будапеште Мориса Фуше, а также ряда дипломатических представительств. В результате анализа документов выяснилось, что позиция французской дипломатии была неоднозначной. С одной стороны, в ней присутствовало «твердое ядро» представлений о целях и «красных линиях» для действий Франции в отношении Венгрии. Париж не собирался идти на разрыв с партнерами по Большой и Малой Антанте из-за «венгерского вопроса», последний не должен был спровоцировать широкомасштабную нестабильность в Центрально-Восточной Европе, базовые параметры Версальского регулирования необходимо было сохранить. Потенциальные выгоды от реставрации Габсбургов не перевешивали внешнеполитических издержек, и главное — переход размышлений об этих выгодах в практическую плоскость мог состояться лишь в случае успешных действий Карла. С другой стороны, французские дипломаты не исключали, что возвращение Габсбургов к власти может иметь некоторые благоприятные последствия для Франции, в том числе сократив риски тяготения Венгрии к Германии, создав возможную почву для австро-венгерского сближения как противовеса аншлюсу. Наконец, нахождение у власти правительства Аристида Бриана добавляло некоторой волатильности позиции Парижа, которая, однако, оставалась далека от оказания какой-либо по-настоящему серьезной поддержки действиям Карла.

Ключевые слова: Аристид Бриан, Миклош Хорти, *Quai d'Orsay*, Центральная и Восточная Европа, «санитарный кордон», Дунайская конфедерация, монархия

Статья поступила в редакцию: 4 апреля 2024 г.

Статья принята к печати: 23 июня 2024 г.

Цитирование: Магадеев И.Э. Попытки реставрации власти Карла Габсбурга в Венгрии в 1921 г.: позиция французской дипломатии // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7(16). С. 103–131. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.4>.

Две неудавшиеся попытки реставрации власти Габсбургов в Венгрии, предпринятые в марте-апреле и октябре 1921 г. Карлом I (1887–1922) — последним австрийским императором и королем Венгрии (правил как Карл IV) — стали важной вехой в развитии международных отношений в Центрально-Восточной Европе. Можно выделить три аспекта, которые придали указанным событиям особую значимость.

Во-первых, они свидетельствовали о сохранявшейся нестабильности не только в Венгрии, но и во всем субрегионе, несмотря на заключение мирных договоров 1919–1920 гг. Во-вторых, события, связанные с попытками реставрации Габсбургов, говорили о слабости военного присутствия и об ограниченности политического влияния ведущих держав Антанты (Большой Антанты) в Центрально-Восточной Европе. Напротив, эти же события выявили увеличение роли стран Малой Антанты (ЧСР, Королевство СХС, Румыния), сформировавшейся во многом именно как антивенгерский альянс¹. В-третьих, рассматриваемые события как, возможно, никогда ранее продемонстрировали стремление Франции влиять на государства Центрально-Восточной Европы и вместе с тем — сложности при попытках реализовать подобные планы. Цель статьи — анализ позиции, занятой французской дипломатией в период попыток реставрации Карла Габсбурга, а также определение ключевых факторов, повлиявших на эту позицию.

В начале 1920-х годов Франция являлась одной из наиболее могущественных держав-победительниц в Европе и обладала превосходством над своим «наследственным врагом» в лице Германии. Париж активно влиял на ситуацию в Центрально-Восточной Европе и пытался реализовать программу, которую еще в ноябре 1917 г. сформулировал глава Управления политических и торговых дел МИД Франции (*Quai d'Orsay*) Пьер де Маржери (1861–1942) — создать «новые

¹ Leuștean 2014: 36.

государства на Востоке [Европы] в качестве бастиона против германской экспансии»². Вскоре после Октябрьской революции и Брестского мира к этой функции была добавлена и другая: воссозданные или новообразованные государства могли сформировать «санитарный кордон» против большевизма, как писал в записке от 16 ноября 1918 г. сменивший Маржери на посту главы ключевого управления *Quai d'Orsay* Филипп Бертело (1866–1934)³.

События, связанные с попыткой реставрации власти Карла Габсбурга, пришлось на период формирования центрально- и восточноевропейской политики Парижа, когда ее контуры и содержание не были определены окончательно. Как показали еще события Первой мировой войны, дипломатические цели и действия Третьей республики в регионе были противоречивы: даже в 1917 г. императив поддержки национальных движений сосуществовал с идеей о сохранении целостности Австро-Венгрии⁴.

Более пристальное внимание к французской политике в период после Первой мировой войны позволит апробировать тезис, сформулированный в 1970-х годах Аллой Алексеевной Язьковой (1930–2016) о том, что Франция отнюдь не играла решающую роль в формировании Малой Антанты. Более того, образование этой группы государств противоречило планам Парижа по консолидации Центрально-Восточной Европы на более широкой основе, а не на базе альянса ЧСР, КСХС и Румынии⁵. Несмотря на это, в отечественной историографии все еще можно встретить тезис, что именно Париж стимулировал образование Малой Антанты, а сама группировка являлась своего рода сателлитом Франции⁶.

Источники и историография

Статья основана на корпусе опубликованных и архивных документов, в которых даны оценки и характеристики деятельности французской дипломатии: центрального аппарата МИД Третьей республики, высокого комиссара Франции в Будапеште Мориса Фуше

² Цит. по: Davion 2010: 54.

³ Jackson 2013: 237.

⁴ Soutou 2015: 147.

⁵ Язькова 1974: 102–106; Пресняков 2014: 206.

⁶ Зонова 2016: 90; Сергеев 2017: 322.

(1873–1924), а также ряда дипломатических представительств. В числе использованных источников переписка Фуше с руководством МИД Франции, опубликованная в серии «Французские дипломатические документы»⁷; отдельные материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции⁸; документы Конференции послов стран Антанты, отложившиеся в фондах Исторической службы Министерства вооруженных сил Франции⁹.

Позиция, занятая Парижем во время попыток реставрации Габсбургов (особенно — первой из них), получила противоречивые оценки у современников и позднейших исследователей. Тезис о негласной поддержке, оказанной Карлу в марте-апреле 1921 г. Францией, имел хождение среди венгерских роялистов и дипломатов ряда стран (в том числе Великобритании)¹⁰. Как считается, сам Карл заверял в этом регента Миклоша Хорти (1868–1957) во время встречи в Будапеште 27 марта 1921 г.¹¹ Дальше всех пошла супруга Карла, Цита (Зита) Бурбон-Пармская (1892–1989), которая десятилетия спустя говорила близкому к ней британскому разведчику и публицисту Гордону Брук-Шеферду (1918–2004) о наличии конкретных устных гарантий, якобы исходивших от председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции Аристида Бриана (1862–1932) и содержавших пункт о признании Карла после восстановления его власти в Венгрии¹². Какие-либо прямые документальные свидетельства, подтверждающие эту версию, отсутствуют.

Схожие тезисы пользовались популярностью у ряда исследователей, работавших с французскими архивными документами, которые постепенно становились доступны с 1970-х годов. При отсутствии источников, окончательно подтверждавших или опровергавших ту или иную версию, венгерские историки часто приходили к выводу о стимулировании Францией попыток реставрации¹³.

⁷ DDF. 1920. Т. 1–3. Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E. — Peter Lang, 1997–2002; DDF. 1921. Т. 1–3. Bruxelles: P. I. E. — Peter Lang, 2004–2005.

⁸ AMAE. PAAP. Papiers Dard (PAAP 053). Vol. 21.

⁹ SHD / DAT 4N 79.

¹⁰ Bátornyi 1999: 45; Lojkó 2006: 39.

¹¹ Пушкаш 1981: 254–255; Zeidler 2007: 274; Станков 2021: 210.

¹² Zeidler 2007: 273.

¹³ Ormos 1990b; Ádám 1993; Ádám 2004; Documents d'archives français sur l'histoire du bassin des Carpates, 1918–1932. Vol. 1–5. Budapest: Institut des sciences historiques de l'Académie hongroise des sciences, 1993–2010.

Интерпретацию французской позиции, предложенную Магдой Адам, сложно отнести к числу беспорных. Историк полагала, что к марту 1921 г. все большее число французских политиков «рассматривало реставрацию Габсбургов как национальный интерес» Третьей республики, как способ создать «центр координации между различными народами» и «барьер для германской экспансии». М. Адам относила Бриана к числу «сторонников проекта Дунайской конфедерации» (как известно, подобные проекты строились еще в 1850-х годах, когда над одним таким работал в эмиграции Лайош Кошут (1802–1894))¹⁴. К схожей позиции склонялась Мария Ормош и биограф Карла, чешский историк Ян Галандауэр¹⁵. Венгерский историк Миклош Молнар охарактеризовал две попытки реставрации Карла как «неуклюжие и невероятные», но также считал, что Бриан «поддерживал проект Дунайской федерации под эгидой Габсбургов»¹⁶. Современные венгерские исследователи продолжают проявлять интерес к теме реставрационных кризисов 1921 г., в том числе работая в рамках таких историографических направлений, как «новая дипломатическая история» и «перекрестная история»¹⁷. Все же такой аспект, как позиция Франции в период попыток реставрации Карла, остается вне фокуса внимания ряда авторов новейших работ¹⁸.

Более нюансированный подход был характерен для американского историка, специалиста по истории Венгрии Томаса Сакмистера. С его точки зрения, «Карл в частном порядке получил одобрение от Аристиды Бриана», что подтолкнуло его к попытке реставрации своей власти в Венгрии. Однако «в обоих случаях в первые дни кризиса французское правительство занимало молчаливую позицию. По всей видимости, оно было готово оказать поддержку государственному перевороту Карла, если бы тот удался»¹⁹. Еще более критическое отношение к концепции М. Адам было характерно для французского историка Кристофа Хохвальда. Он полагал, что проект реставрации власти Карла не входил в планы *Quai d'Orsay*

¹⁴ Ádám 1985: 36.

¹⁵ Ormos 1990a; Galandauer 2004: 306.

¹⁶ Molnár 2001: 263.

¹⁷ Murber 2021.

¹⁸ Tóth 2021.

¹⁹ Sakmyster 1992: 77.

и воспринимался в Париже как угроза²⁰. Схожую оценку венгерской политики Парижа в первые послевоенные годы дала редакционная комиссия во главе с историком Жаком Барьети, ответственная за издание французских дипломатических документов за 1920 г.²¹ Другой авторитетный французский исследователь-международник, Жорж-Анри Суту, полагал, что пик провенгерских симпатий в руководстве Третьей республики и *Quai d'Orsay* пришелся на лето 1920 г., а затем они, очевидно, пошли на спад²².

В советской и российской историографии вопрос о позиции французской дипломатии в связи с попытками реставрации власти Карла не был подвергнут столь же подробному изучению, прежде всего ввиду затрудненности доступа к французским архивным источникам (особенно в советский период). В третьем томе «Истории Венгрии», опубликованном в 1972 г. под редакцией Андрея Ивановича Пушкишаша (1923–2008), затронута в основном позиция Антанты в целом, что затеняет различия в точках зрения руководства Великобритании, Франции и Италии применительно к реставрационным кризисам²³. Сам Пушкишаш в более поздней работе продолжал придерживаться схожей концептуальной схемы, описывая Антанту как единое целое²⁴. Несколько иначе ситуацию интерпретировала Елена Павловна Серапионова. Она отметила, что первая попытка реставрации не удалась «из-за решительного сопротивления Хорти, поддержанного населением и армией, а также противодействия Италии, Австрии и Малой Антанты»²⁵. Примечательно, что Франция не упомянута среди стран, оказавших противодействие. Во время же второй попытки реставрации «Франция также оказала поддержку Чехословакии»²⁶.

Таким образом, в современной историографии отсутствует единство мнений о реальном содержании той позиции, которую заняла французская дипломатия в период реставрационных кризисов 1921 г. (прежде всего — первого из них), а также о ключевых факторах, влиявших на нее. Точка зрения ведущих венгерских историков вопроса,

²⁰ Hochwald 2008: 84.

²¹ DDF. 1920. T. 2. P. xii.

²² Soutou 2015: 341–342.

²³ Олаг 1972: 181–183.

²⁴ Пушкишаш 1991: 361.

²⁵ Серапионова 2005: 131.

²⁶ Серапионова 2005: 131.

работавших с архивными французскими документами и подчеркивавших, что Бриан сделал ставку на возвращение Карла к власти, выглядит дискуссионной с концептуальной точки зрения и оспаривается рядом авторов. В советской и российской историографии вопрос не подвергался детальному изучению.

Венгрия в системе внешнеполитических координат Парижа в 1920–1921 гг.

События в Венгрии в 1921 г. волновали Париж как в силу их общего влияния на военно-политическую ситуацию в Старом Свете и на судьбы мирных договоров, так и в разрезе конкретных интересов Франции в Центрально-Восточной Европе. Как свидетельствовали внешнеполитические оценки правительства и МИД Третьей республики на протяжении 1920 г., Париж в идеале стремился к созданию в регионе формата взаимодействия достаточно широкой группы государств, которая была бы заинтересована в сохранении Версальского *status quo* и выполняла тройную функцию — сдерживание Германии с Востока, реализация «санитарного кордона» в отношении Советской России/СССР, недопущение советско-германского доминирования в Центрально-Восточной Европе.

При этом власти Третьей республики отнюдь не были готовы пойти на серьезные территориальные уступки Венгрии, а рассматривали эту дипломатическую игру в прагматических и тактических целях. Комментируя заявление Фуше венгерскому правительству о желательности усилить торгово-экономические связи в Дунайской Европе, председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции Александр Мильеран (1859–1943) в послании послу Франции в Великобритании Полю Камбону (1843–1924) 27 июня 1920 г. отметил, что эта декларация «не ослабит ценности подписанных нами соглашений, а также не станет прецедентом, к которому сможет апеллировать Германия» в ревизионистских целях: «...мы получаем от Венгрии экономические привилегии в обмен на обещанное проявление доброй воли, реализуя которую мы ни в коей мере не выходим за пределы постановлений мирного договора и сопроводительного письма к нему»²⁷. Одним из ключевых резонансов дипломатического

²⁷ DDF. 1920. Т. 2. Р. 187.

флирта с Будапештом служил проект по предоставлению венгерскими властями крупных концессий французской финансово-промышленной группе во главе со «Шнейдер и Ко.» (сделка была согласована 22 июня 1920 г., но фактически аннулирована к концу года)²⁸.

Затруднительно говорить и о наличии полноценного проекта по созданию некоей Дунайской конфедерации, который нередко ассоциируется в историографии с именем генерального секретаря *Quai d'Orsay* Мориса Палеолога (1859–1944)²⁹. Скорее, как свидетельствовали инструкции Мильерана 6 марта 1920 г. и циркулярная телеграмма Палеолога 22 июня 1920 г., речь шла о достаточно общих идеях: о необходимости торгово-экономического сближения стран-наследниц Австро-Венгрии и нормализации отношений между ними³⁰. В донесении Мильерану 13 сентября 1920 г. поверенный в делах Франции в Италии Франсуа Шарль-Ру (1879–1961) подчеркнул, что в инструкциях для французской дипломатической миссии в Вене содержался специальный запрет «прикладывать усилия к созданию Дунайской конфедерации»³¹.

В феврале 1921 г. недавно пришедшее к власти правительство Бриана вновь вернулось к этому вопросу в условиях подготовки к проведению экономической конференции между странами-наследницами Австро-Венгрии в итальянском Порто Роса. Вице-адмирал Луи Фату (1867–1957), назначенный представителем Франции на конференции и имеющий в историографии репутацию «ярого сторонника Дунайской конфедерации»³², был настроен весьма осторожно. Выступая за экономическое сближение стран-наследниц Австро-Венгрии и усматривая в этом мотор их внутреннего развития, а также «антидот» против присоединения к враждебным Франции государствам (прежде всего — Германии), Фату считал, что в настоящий момент образование конфедерации невозможно ввиду взаимных подозрений и националистических чувств. Он считал, что периодические экономические конференции между Дунайскими странами откроют путь для их сближения в будущем³³.

²⁸ Orde 1980: 486–487; Marguerat 2004: 133.

²⁹ Язькова 1974: 102; Ádám 1985: 40; Hochwald 2008: 82; Пресняков 2014: 206.

³⁰ DDF. 1920. Т. 1. Р. 307; DDF. 1920. Т. 2. Р. 163–165.

³¹ DDF. 1920. Т. 2. Р. 603.

³² Нољевар 1967: 27.

³³ Недатированный меморандум Фату (видимо, февраль или март 1921 г.). См.: DDF. 1921. Т. 1. Р. 178, note 2.

Роль монархического фактора на венгерском направлении политики Парижа

Отсутствие у *Quai d'Orsay* четких планов по формированию Дунайской конфедерации не означало того, что в Париже исключали возможность восстановления власти Габсбургов в Венгрии. Сам вопрос находился в подвешенном состоянии. После распада Австро-Венгрии Карл Габсбург не отрекся от престола, а Совет министров Венгрии 13 февраля 1920 г. решил восстановить королевскую форму правления в стране. 1 марта того же года на пост регента парламентом был избран Хорти, опиравшийся на поддержку армии³⁴. В переписке с Хорти, в том числе в письме от 4 июня 1920 г., Карл заявлял о том, что он продолжает считать себя законным королем Венгрии³⁵.

В том, как французская дипломатия оценивала перспективы реставрации Габсбургов в Венгрии, очевидно, сказались кадровые перестановки, прежде всего — периодическая смена глав правительств, отставка Палеолога с поста генерального секретаря *Quai d'Orsay* в сентябре 1920 г. и замена его Бертело, имевшим репутацию деятеля, особенно дружелюбно настроенного в отношении ЧСР³⁶.

Правительство Мильерана скептически относилось к возможности восстановления власти Габсбургов в Венгрии. Хотя именно британцы выступали инициатором декларации, принятой 2 февраля 1920 г. Конференцией послов стран Антанты и фиксировавшей недопустимость реставрации Габсбургов на венгерском престоле, Мильеран поддержал ее. Пересылая текст послу Франции в Вене Анри Аллизе (1860–1930), Мильеран подчеркнул необходимость «придать этому документу как можно большую огласку»³⁷.

Однако Фуше имел собственный взгляд на проблему. 31 марта 1920 г., информируя Париж о встрече с премьер-министром Венгрии Шандором Шимони-Шемадамом (1864–1946), высокий комиссар Франции прогнозировал наступление момента, когда «монархический режим, по всей вероятности, будет восстановлен в этой стране согласно почти единодушным пожеланиям населения»³⁸. Беседа

³⁴ Олаг 1972: 176; Пушкаш 1991: 358.

³⁵ Zeidler 2007: 272.

³⁶ Jordan 2002: 14.

³⁷ DDF. 1920. Т. 1. Р. 110.

³⁸ Ibid. Р. 452.

Фуше с Хорти, состоявшаяся 2 апреля, лишь укрепила французского дипломата в его ощущениях³⁹.

С приходом к власти в Третьей республике в сентябре 1920 г. правительства Жоржа Лейга (1857–1933), который, как и его предшественник, совмещал посты председателя Совета министров и министра иностранных дел, отношение официального Парижа к возможности реставрации постепенно становилось более гибким. 25 сентября 1920 г., реагируя на информацию французской дипломатической миссии в Берне о зондаже со стороны некоей группы австрийских монархистов — они были готовы финансово поддержать политические силы в Австрии, выступавшие против аншлюса, если бы страны Антанты сняли вето на реставрацию власти Габсбургов, — Лейг выступил категорически против такого варианта (*de facto* телеграммы за его подписью нередко составлял Бертело)⁴⁰. Однако к голосу Фуше из Будапешта, призывавшему не исключать монархической реставрации, заочно присоединился посланник Франции в Баварии Эмиль Дар (1871–1947). В донесении 5 октября он высказал мысль о том, что возможное возвращение Габсбургов к власти в Австрии и Венгрии может оказаться выгодным Франции, создав альтернативный Германии центр силы и отчасти компенсировав исчезновение Дуалистической монархии⁴¹.

Фигура упомянутого Даром в качестве потенциального претендента на австрийский престол эрцгерцога Иосифа Габсбурга (1872–1962) — троюродного брата императора Франца Иосифа I (1830–1916; Карл приходился Францу Иосифу I (1848–1916 гг.) внучатым племянником) — вызывала в Париже определенный интерес. В телеграмме за подписью Лейга, адресованной 25 ноября 1920 г. П. Камбону, председатель Совета министров и министр иностранных дел реагировал на итальянскую информацию о готовившемся монархическом перевороте в Венгрии. Лейг признал, что если Великобритания и Италия в этих условиях повторят запрет на реставрацию Габсбургов, то Франция должна будет присоединиться к ним. Однако он призвал учитывать и другую опцию — возможность прихода эрцгерцога Иосифа на венгерский престол, что,

³⁹ DDF. 1920. Т. 1. P. 470.

⁴⁰ Ibid. Т. 3. P. 6.

⁴¹ Ibid. P. 6, note 3.

с точки зрения Парижа, могло стабилизировать внутреннее положение в Венгрии⁴².

Сама личность эрцгерцога Иосифа — внука палатина (наместника короля) Венгрии эрцгерцога Иосифа (1776–1847), чьи потомки постоянно проживали в Венгрии — отчасти соответствовала подобным французским настроениям. Фуше, неоднократно встречавшийся с эрцгерцогом, был о нем высокого мнения, подчеркивал либеральные взгляды, а также отмечал, что Иосиф воспринимался не столько как иноземный, сколько венгерский правитель⁴³. Его потенциальный приход к власти абсолютно не устраивал венгерских легитимистов. Однако и сторонники Карла из числа венгерской аристократии во главе с бывшим государственным деятелем Австро-Венгрии, графом Дюлой Андраши-младшим (1860–1929) отнюдь не вызывали на *Quai d'Orsay* больших симпатий. Французские дипломаты подозревали их в германофильстве⁴⁴.

Тем не менее люди из окружения Карла Габсбурга предпринимали попытки заручиться хотя бы эфемерной французской поддержкой. В телеграмме от 31 декабря 1920 г. Аллизе, переместившийся на пост посла в Швейцарии, сообщил в Париж об имевшейся у него информации о переговорах, которые некие венгерские эмиссары вели с Карлом на предмет его возвращения в Венгрию. Их условие было следующим: бывший император-король⁴⁵ не будет претендовать на иные владения, кроме Венгрии. 15 января 1921 г. Аллизе информировал *Quai d'Orsay* о попытках Карла заинтересовать Париж своими замыслами, обрисовав сценарий монархического альянса Австрии, Венгрии и Баварии как противовес немецкой Пруссии⁴⁶. В отчете 1 марта 1921 г. глава французской военной миссии в Будапеште генерал Жюль Камиль Амлен сообщил, что на венгерский престол претендовал и другой представитель Габсбургов — эрцгерцог Альбрехт (1888–1951), приходившийся дальним родственником эрцгерцогу Иосифу, о котором говорилось выше⁴⁷.

⁴² DDF. 1920. Т. 3. Р. 295–296.

⁴³ Nánay 2016: 220.

⁴⁴ Пресняков 2014: 223.

⁴⁵ Такой термин представляется уместным ввиду того, что Карл в качестве императора занимал австрийский престол, а в качестве короля — венгерский.

⁴⁶ DDF. 1920. Т. 3. Р. 410, note 4.

⁴⁷ Попова 1996: 53.

Еще одним посредником между официальным Парижем и Карлом, как считали некоторые современники, был принц Сикст Бурбон-Пармский (1886–1934) — шурин Карла, то есть брат его жены Циты. Являясь офицером бельгийской армии в годы Первой мировой войны, в январе-мае 1917 г. Сикст участвовал в попытке посредничества между французскими властями и Карлом с целью добиться мира между Антантой и Центральными державами («дело Сикста»)⁴⁸. Пикантности ситуации придавало то обстоятельство, что на начальном этапе «дела» (до марта 1917 г.) председателем Совета министров Франции был Бриан.

Согласно сведениям британского подполковника Эдварда Страта (1874–1948), приближенного к Карлу и выступавшего своего рода связным между бывшим императором-королем и Виндзорами, Сикст в марте 1921 г. предпринял зондажную миссию в Париж. Ее итогом якобы стали заверения Бриана в том, что он готов признать Карла, если тому удастся восстановить свою власть в Венгрии, то есть в случае «свершенного факта» (франц. *fait accompli*)⁴⁹. Аналогичные сведения (со слов Карла) были зафиксированы в воспоминаниях министра иностранных дел Венгрии Густава Граца (1875–1946), которого бывший император-король убеждал в том, что на встрече с Сикстом настоял именно Бриан⁵⁰.

Согласно донесению посланника Венгрии во Франции Ивана Празновского 6 апреля 1921 г., то есть после провала попытки реставрации, 19 марта Сикст встретился в Париже с рядом политиков и военных Третьей республики. Празновский считал, что общее впечатление Сикста по их итогам состояло в том, что Франция «симпатизирует проекту реставрации и подталкивает к его осуществлению»⁵¹. В донесении из Берна 7 апреля 1921 г. поверенный в делах ЧСР Йозеф Лавичка сообщил, что 24 марта, когда Карл выехал из Швейцарии в Венгрию, Сикст сопровождал бывшего императора-короля⁵². В том же

⁴⁸ Becker 1997: 127.

⁴⁹ An historian in peace and war: The diaries of Harold Temperley. London: Routledge, 2016. P. 507.

⁵⁰ Gecsényi, Sipos 2000: 341.

⁵¹ Цит. по: Ádám 1985: 36.

⁵² DČZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Sv. 1. Praha: Ústav mezinárodních vztahů; Karolinum; Historický ústav AV ČR, 2004. S. 598. Автор выражает благодарность Н.Н. Станкову за предоставление копии данного документа.

донесении Лавичка, опираясь на информацию из неких французских католических кругов, отметил, что в окружении Карла позитивно восприняли возвращение Бриана к власти. Однако официальная позиция правительства Бриана по вопросу реставрации оставалась жесткой и во многом была ближе к точке зрения Парижа времен Мильерана, а не Лейга. Попытка зондажа, которую предпринял венгерский адвокат и бизнесмен Карой Гальмош, хорошо знакомый французской дипломатии по переговорам 1920 г., закончилась неудачей. Реагируя на нее, Бриан 18 февраля 1921 г. инструктировал Фуше выступить против оказания какой-либо поддержки восстановлению власти Габсбургов, включая эрцгерцога Иосифа. Приоритетом Парижа оставалась реализация постановлений мирных договоров, а также отношения с союзниками по Антанте, а отнюдь не с Венгрией⁵³. В записке 21 февраля, суммируя недавнюю встречу с Гальмошом, глава Управления политических и торговых дел МИД Франции граф Эммануэль Перетти делла Рокка (1870–1958) подчеркнул, что реставрация Карла противоречит условиям Трианонского договора: «Французское правительство никогда не думало о том, чтобы стимулировать ее»⁵⁴.

К тому же в Париже хорошо понимали, что страны Малой Антанты воспримут потенциальную реставрацию Габсбургов максимально негативно. Об этом Бенеш напрямую говорил послу Франции в Италии Камилу Барреру (1851–1940) во время встречи в Риме 7 февраля 1921 г. Через три дня, во время беседы с министром иностранных дел Польши Евстафием Сапегой (1881–1963) в Париже, Бертелло подчеркнул, что Франция не враждебна Венгрии, однако «те или иные попытки восстановления монархии во главе с Габсбургами противоречат позиции больших и малых союзников»⁵⁵.

Французская позиция во время первой попытки реставрации

Поиск «французского следа» в череде событий первого реставрационного кризиса, начавшегося 24 марта, с момента выезда Карла из Швейцарии в направлении Венгрии, осуществляли уже его современники. Страт к числу сторонников реставрации относил

⁵³ DDF. 1921. Т. 1. P. 212–214.

⁵⁴ Ibid. P. 212, note 3.

⁵⁵ Ibid. P. 136, 162.

«некоторое число консервативно настроенных французов», таких как маршал Юбер Лиотэ (1854–1934) и, возможно, маршал Луи Франше д'Эспре (1856–1942)⁵⁶. Фамилия последнего фигурировала в донесении Лавички 7 апреля. Якобы Карл встречался с ним в Париже 24 марта, и маршал заверил бывшего императора-короля в готовности правых и военных кругов Франции (в том числе маршала Фердинанда Фоша (1851–1929)) оказать давление на правительство в случае успеха реставрации⁵⁷. Схожие сведения о позиции Фоша (якобы он был уверен в том, что Париж признает Карла в случае *fait accompli*) были зафиксированы в записке МИД Швейцарии 12 апреля 1921 г.⁵⁸ Мысль о том, что Лиотэ являлся «одним из известных сторонников короля Карла», во время беседы с Празновским подтвердил Перетти⁵⁹. Подобные слухи внимательно отслеживала венгерская дипломатия⁶⁰.

27 марта, во время встречи в Будайской королевской крепости, Карл лично заверил Хорти в том, что Бриан является «главным гарантом» предпринятой попытки реставрации. Согласно воспоминаниям Хорти, эти слова бывшего монарха вызвали у него скепсис и желание еще раз прозондировать позицию Парижа через Фуше. Репент отметил:

Если Бриан возьмет на себя ответственность, я с радостью восстановлю наследственные права Вашего Величества. Если же ответ будет негативным, мне придется просить Ваше Величество покинуть страну немедленно и до того, как о Вашем присутствии станет известно⁶¹.

Аналогичную позицию бывшего императора-короля, заявлявшего о наличии поддержки Бриана, в мемуарах зафиксировал Грац, которого исследователи относят к сторонникам реставрации власти Карла⁶².

⁵⁶ An historian in peace and war. P. 507.

⁵⁷ DČZP. Československá zahraniční politika. Sv. 1. S. 598.

⁵⁸ DDS 1848–1945. Vol. 8. Bern: Benteli Verlag, 1988. P. 196.

⁵⁹ PDFRH. Vol. 2. Budapest: Budapest University Press, 1946. P. 302.

⁶⁰ Ibid. P. 296.

⁶¹ Horthy N. Memoirs. N.Y., 1957. P. 120. См. подробнее: Sakmyster 1994: 91–96.

⁶² Gecsényi, Sipos 2000: 341. О карлистских симпатиях Граца см.: Zeidler 2007: 272.

На следующий день после беседы с Карлом в Будапеште Хорти, явно настроженный заявлениями бывшего императора-короля о наличии у него французской поддержки, действительно, прояснил позицию Парижа через Фуше. Высокий комиссар Третьей республики действовал в духе инструкций Бриана 8 февраля и подтвердил солидарность ведущих держав Антанты, выступавших против реставрации Габсбургов⁶³. По всей видимости, элемент выжидания присутствовал в позиции Бриана, не желавшего раскрывать карты и стремившегося понять, будут ли действия Карла удачными. Уклончивость позиции Бриана в первые дни после прибытия Карла в Венгрию отметил Празновский в позднейшем докладе 6 апреля 1921 г.⁶⁴

Все же 30 марта в циркулярной телеграмме для французских дипломатических миссий Бриан расставил приоритеты. Во-первых, он снял с Парижа какую-либо ответственность за действия Карла, подчеркнув, что попытка реставрации была предпринята бывшим императором-королем «спонтанно». Во-вторых, Бриан отметил, что Карл неверно оценил «единодушную и неоднократно выраженную публично по различным поводам позицию союзников, выступавших против восстановления власти Габсбургов как в Вене, так и в Будапеште. В особенности правительство Франции ясно выразило свое несогласие с попытками реставрации такого рода, при каких бы условиях они ни были предприняты»⁶⁵. Французская позиция была оперативно доведена Фуше до венгерских властей⁶⁶. В аналогичном ключе 31 марта Перетти высказывался во время беседы с Празновским в Париже. Вместе с тем французский дипломат признал тогда, что во Франции «имелись безответственные элементы, игравшие с идеей реставрации»⁶⁷.

1 апреля Конференция послов стран Антанты подчеркнула: «Союзники должны повторить, что реставрация Габсбургов создает угрозу для самих оснований [послевоенного] мира, она не может быть признана или терпима»⁶⁸. Консолидированное опровержение слухов продемонстрировало Будапешту, что Карл действительно остался

⁶³ *Ádám* 1985: 52–53.

⁶⁴ PDFRH. Vol. 2. P. 329.

⁶⁵ DDF. 1921. Т. 1. P. 384–385.

⁶⁶ PDFRH. Vol. 2. P. 297–298.

⁶⁷ *Ibid.* P. 302.

⁶⁸ DDF. 1921. Т. 1. P. 423, note 1.

без поддержки Антанты. 31 марта генеральный секретарь МИД Венгрии Калман Каня (1869–1945) отметил в телеграмме поверенному в делах Венгрии в Австрии Константину Мазиревичу (1879–1944): «Сведения короля Карла о том, что г-н Бриан не противится возвращению [короля в Венгрию] могли быть основаны лишь на отсутствие взаимопонимания»⁶⁹.

Однако Карл, выехавший из Будапешта в Сомбатхей на западе Венгрии (он покинул страну 4 апреля, что положило конец первому реставрационному кризису), продолжал утверждать, что пользуется французской поддержкой. Реагируя на это, Фуше 2 апреля запросил дополнительных опровержений от Бриана. Последний, явно недовольный волной слухов, упрекнул Фуше в недостаточной твердости и ясности при общении с венгерскими представителями. Бриан подчеркнул, что «позиция французского правительства никогда не давала поводов для сомнений и двусмысленности»⁷⁰. Фуше довел эту позицию до министра иностранных дел Пала Телеки (1879–1941) 2 апреля, подчеркнув, что информация о французской поддержке Карла «была полностью выдуманна»⁷¹. Позднее, словно подыгрывая Бриану, Фуше в донесении 18 апреля даже писал о «крайне низких умственных способностях» бывшего императора-короля⁷².

Французская позиция во время второй попытки реставрации

Слухи о новой попытке реставрации стали активно циркулировать в дипломатических кругах в мае-июне 1921 г. В начале июня подобные предупреждения поступали к Фуше с самых разных сторон: от окружения эрцгерцога Иосифа Габсбурга, который ясно встал на сторону Хорти в период первой попытки реставрации, до правительства Венгрии⁷³.

6 июня, реагируя на поступившую от британцев информацию о том, что Карл нацелен предпринять попытку реставрации в августе, Бриан считал, что усиление мер контроля над бывшим

⁶⁹ PDFRH. Vol. 2. P. 297.

⁷⁰ DDF. 1921. T. 1. P. 422–423.

⁷¹ PDFRH. Vol. 2. P. 309.

⁷² DDF. 1921. T. 1. P. 475.

⁷³ Ibid. P. 714, note 1.

императором-королем на территории Швейцарии, куда вернулся Карл, не поможет. В качестве способа решения проблемы Бриан выступал за перемещение Карла в Испанию⁷⁴. Этот вариант уже фигурировал в рекомендациях, которые Фуше отправлял в Париж в конце апреля — начале мая, хотя посол Франции в Испании Альбер Дефранс (1860–1936) в депеше от 24 июня сомневался, что испанский вариант обеспечит гарантии от новой попытки реставрации. Более того, Дефранс считал, что окружение матери испанского короля Марии Кристины Габсбург-Лотарингской (1858–1929), напротив, может стимулировать Карла отправиться в Венгрию еще раз⁷⁵.

Переговоры по различным каналам с Мадридом в июле — сентябре продемонстрировали, что испанские власти, несмотря на первоначальный скепсис, были готовы принять Карла на своей территории. Их главным условием было наличие у Карла и его окружения достаточных финансовых средств для самообеспечения. 16 сентября Бертело проинформировал Дефранса о том, что у Карла подобные средства имеются, даже несмотря на желание венгерского правительства прекратить субсидии, выделяемые семье бывшего императора-короля⁷⁶. Однако решение вопроса затягивалось.

Париж стремился быстрее добиться согласия на передислокацию Карла, поскольку слухи о новой попытке реставрации нарастали. 23 июля Бриан передал во французскую дипломатическую миссию в Берне тревожные сведения, поступившие от Фуше. Якобы Карл собирался воспользоваться намечавшейся поездкой в Данию, чтобы оказаться в Венгрии между 10 и 15 августа, укрыться в одном из монастырей, а затем объявить о своем присутствии в стране 18 или 20 августа⁷⁷. 9 августа представители Великобритании, Франции и Италии осуществили совместный демарш перед швейцарскими властями. Дипломаты отметили, что в Венгрии имеется серьезное движение в поддержку возвращения Карла и поставили вопрос о принятии мер предосторожности со стороны Федерального совета Швейцарии, хотя, как свидетельствовали оценки Бриана, он не сильно верил в эффективность подобных мер⁷⁸. Соображения, которыми

⁷⁴ DDF. 1921. Т. 1. P. 715.

⁷⁵ Ibid. P. 559–560, 714, note 1, 778.

⁷⁶ DDF. 1921. Т. 2. P. 77, note 3. См. также: DDS. Vol. 8. P. 290–292.

⁷⁷ DDF. 1921. Т. 2. P. 78, note 1.

⁷⁸ DDS. Vol. 8. P. 268.

с Брианом 27 августа поделился бывший глава венгерской делегации на Парижской мирной конференции и видный сторонник реставрации Карла Габсбурга, граф Альберт Аппони (1846–1933), также не настраивали Париж на спокойный лад. Аппони подчеркнул, что, с его точки зрения, восстановление монархии в Венгрии (Карл рассматривался как наиболее очевидный кандидат, хотя были и другие) является «единственным средством обеспечить внутренний порядок, а также эвентуальное возвращение к “необходимым границам”»⁷⁹. Тем самым реставрация выступала не столько средством стабилизации Версальского *status quo*, сколько инструментом его преодоления.

Вторая попытка реставрации, как и первая, закончилась неудачей, однако сопровождалась более высоким уровнем военно-политической напряженности в Венгрии и соседних странах. В отличие от марта 1921 г., сторонники Карла, тайно вылетевшего из Швейцарии 20 октября на запад Венгрии, вступили в вооруженное противостояние с правительственными силами на подступах к Будапешту (битва под Будаэршем 23–24 октября) и потерпели поражение⁸⁰. Еще более серьезными последствиями грозили военные приготовления ЧСР, где была проведена мобилизация, а также КСХС, армии которых были стянуты к границам с Венгрией. Генеральный секретарь Конференции послов стран Антанты, французский дипломат Жюль Ларош (1872–1961) не исключал, что наступление может начаться уже 27 октября⁸¹. Однако до военных действий не дошло, а завершением кризиса стал выезд Карла из страны (1 ноября) и принятие в Венгрии закона о лишении Габсбургов прав на престол (6 ноября).

Французская позиция в период второй попытки реставрации была более ясной, чем семью месяцами ранее. 22 октября Бриан структурировал Фуше действовать консолидировано с представителями Великобритании и Италии и выразить жесткий протест против «любой попытки восстановить власть Габсбургов». 23 октября

⁷⁹ DDF. 1921. Т. 2. Р. 206.

⁸⁰ Правительственные войска и добровольцы, поддержавшие Хорти, насчитывали около восьми тысяч человек, противостоявшие им силы, выступившие на стороне Карла — около полутора тысяч человек. Офицеры с обеих сторон, как и сам Карл, не хотели, чтобы столкновение переросло в настоящую битву, что, как считается, обусловило относительно небольшое количество погибших (12 человек из числа проправительственных сил, число жертв среди карлистских сил неизвестно) и раненых (62 человека с обеих сторон). См. подробнее: László 1971; Пушкаш 1981: 272–277.

⁸¹ Станков 2021: 231.

аналогичную позицию занял Бертелло во время беседы с принцем Сикстом, находившимся в Париже. Последний заверил французского дипломата в том, что не знал о приготовлениях Карла и не верил в их успех. В телеграмме 23 октября Фуше, в свою очередь, хвалил энергичные действия Хорти по подавлению путча⁸².

Тем не менее информация о некоем «французском следе» в действиях Карла циркулировала в европейских дипломатических кругах. 30 октября посланник Швейцарии в Австрии Шарль Буркарт (1860–1940) сообщил швейцарским властям, что французы все еще не отказались от планов реставрации Габсбургов. Буркарт передал мысль посланника Франции в Австрии Пьера Лефевра-Понталиса (1864–1938) о том, что другие представители Габсбургов, помимо Карла, «несмотря ни на что, остаются силой, которую можно использовать на шахматной доске европейской политики»⁸³. Спекуляции по поводу «французского следа» доходили до *Quai d'Orsay*, где их связывали с просками немецкой пропаганды. В циркулярной телеграмме 28 октября Бриан призвал французских дипломатов категорически опровергать их и демонстрировать, что Париж «взял на себя инициативу в выдвижении требования, которое было адресовано венгерскому правительству, лишить бывшего суверена власти и интернировать его»⁸⁴.

В период второго реставрационного кризиса более очевидными были опасения Франции, связанные с действиями не столько венгерского правительства, сколько стран Малой Антанты. Эти действия вызвали обеспокоенность Конференции послов стран Антанты, расценившей шаги руководства ЧСР и КСХС как чрезмерную реакцию, грозившую новым конфликтом в Дунайской Европе⁸⁵. 27 октября в телеграмме в Париж Фуше подчеркнул, что «любая инициатива, которая приведет в настоящее время к вторжению в Венгрию представляется несправедливой, учитывая, как повело себя венгерское правительство»⁸⁶.

После второго реставрационного кризиса фигура Карла вызывала в Париже все большее отторжение. Представители Франции

⁸² DDF. 1921. T. 2. P. 446, 469, note 1.

⁸³ DDS. Vol. 8. P. 361.

⁸⁴ DDF. 1921. T. 2. P. 469.

⁸⁵ Bakić 2017: 28.

⁸⁶ DDF. 1921. T. 2. P. 452, note 4.

в Будапеште и Конференции послов были солидарны с дипломатами Великобритании и Италии в стремлении удалить бывшего императора-короля подальше от Венгрии. В конце октября он был вывезен в румынский Галац, помещен на борт британского крейсера и 19 ноября доставлен на португальский остров Мадейра в Атлантическом океане⁸⁷.

В декабре 1921 г. представители стран Антанты нервно реагировали на разрешение швейцарских властей, выданное супруге Карла для посещения Швейцарской Конфедерации (официально — для встречи с детьми). 11 января 1922 г. Конференция послов инструктировала консулов Великобритании, Франции и Италии на Мадейре строго отслеживать перемещения Карла. Страны Антанты предупреждали: в случае новых попыток бегства и восстановления монархии Карл и его супруга будут отправлены «на самые отдаленные территории, где они будут подвергнуты строгому контролю»⁸⁸. Через семь дней Конференция послов, ссылаясь на информацию о том, что бывшая императрица Цита стремится «воспользоваться поездкой в Швейцарию с целью реализовать проект монархической реставрации в Венгрии», фактически потребовала от швейцарских властей не продлевать ее визит дольше, чем 31 января⁸⁹.

Сходили на нет спекуляции французской дипломатии относительно возможного использования «монархического фактора» для стабилизации Центрально-Восточной Европы на выгодных Франции условиях. В телеграмме 19 января 1922 г. Дар прокомментировал информацию, опубликованную на страницах мюнхенской прессы, о возможном соглашении между Габсбургами и Виттельсбахами с целью восстановить монархические режимы в Венгрии и Баварии, а также разделить между ними Австрию. Дар находил такие слухи смешными и подчеркивал: «Любопытно наблюдать, насколько прочно укоренились здесь представления о том, что Франция хочет отделить Баварию [от Германии] и присоединить ее к Австрии, и насколько прочными, в свою очередь, являются иллюзии во Франции о возможности реализовать такую комбинацию и в особенности — сделать ее долговечной»⁹⁰. Как говорилось ранее, сам Дар в октябре

⁸⁷ Fiziker 2016.

⁸⁸ SHD / DAT 4N 79.

⁸⁹ DDS. Vol. 8. P. 421.

⁹⁰ AMAE. PAAP. Papiers Dard (PAAP 053). Vol. 21.

1920 г. не был чужд подобным прожектам. Провалы реставрации власти Карла явно внесли свои коррективы в оценки официального Парижа и французских дипломатов.

Заключение

Для характеристики французской позиции в период попыток реставрировать власть Карла Габсбурга в Венгрии ключевыми представляются четыре обстоятельства. Первое — слабость военного присутствия Третьей республики в Центрально-Восточной Европе и ограниченная эффективность рычагов ее политического влияния в субрегионе⁹¹. Оценивая итоги первой попытки реставрации в депеше 3 мая 1921 г., Фуше констатировал:

Именно ввиду того, что угроза немедленного вторжения в Венгрию сил Малой Антанты казалась Будапешту неизбежной, венгерское правительство заняло взвешенную позицию в отношении бывшего монарха⁹².

Второе обстоятельство, важное для понимания французской позиции — наличие весьма четких «красных линий» и приоритетов. И Бриан, и нередко стоявший за его спиной Бертелло достаточно ясно понимали, на что Франция не пойдет. Прежде всего, Париж не был готов к радикальному ухудшению отношений с Великобританией и странами Малой Антанты из-за «венгерского вопроса». При всех разночтениях между Третьей республикой и указанными государствами французская дипломатия не собиралась жертвовать взаимодействием с ними ради туманных перспектив, связанных с реставрацией Габсбургов. Правительство Бриана не устраивал и вариант, связанный с вооруженным конфликтом в Дунайской Европе как следствие реставрации. К тому же возникало серьезное противоречие: если для Парижа восстановление власти Карла в конечном счете должно было укрепить Версальский *status quo*, то венгерские монархисты, многих из которых на *Quai d'Orsay* считали германофилами, связывали с этим сценарием пересмотр Трианонских границ.

Третье обстоятельство — зависимость позиции Парижа от реальной ситуации в Венгрии и от личностного фактора. Как отметила

⁹¹ Gradwohl 2017: 93.

⁹² DDF. 1921. Т. 1. P. 558.

словацкий историк Богумила Ференчухова, Карл Габсбург предвидел, что «великие державы, оказавшись перед лицом свершившегося факта и беспомощности армий соседних государств, отнесутся к его действиям весьма толерантно»⁹³. Действительно, гипотетическая реставрация Габсбургов представляла некоторый интерес для Парижа, сокращая риски тяготения Венгрии к Германии, создавая возможную почву для австро-венгерского сближения как противовеса аншлюсу. Однако ключевым фактором, который мог запустить этот сценарий, являлся успех Карла. Этого ключевого события как раз и не произошло.

Личностный фактор в лице Бриана на посту председателя Совета министров и министра иностранных дел Третьей республики также подпитывал спекуляции о «французском следе». Сказывалась прошлая вовлеченность политика в «дело Сикста», характерная для него туманная манера изложения мыслей, позволявшая собеседникам по-разному трактовать его позицию, знаменитая политическая гибкость — он 11 раз формировал правительства в годы Третьей республики. Как отмечал российский дипломат-эмигрант Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), Бриан — «человек хитрый и скрытный, но очень способный к новым комбинациям и линиям»⁹⁴.

Наконец, четвертое обстоятельство можно обозначить как конкуренцию различных внешнеполитических программ внутри политической элиты Франции, их внутренние политические и идеологические противоречия. Хотя данный сюжет слабо обеспечен источниками, нельзя исключать, что правый спектр общественного мнения Франции и часть консервативно настроенных военных (Франше д'Эспре, Фош, Лиотэ) могли иметь промонархические симпатии и отнестись к реставрации Карла позитивно. Вместе с тем было бы неверным отождествлять их точку зрения с позицией официального Парижа.

Список сокращений

Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

ЧСР — Чехословацкая республика

АМАЕ — Archives du Ministère des Affaires étrangères, La Courneuve

⁹³ Ferenčuhová 2006: 90.

⁹⁴ «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. С. 82.

DČZP – Dokumenty československé zahraniční politiky

DDF – Documents diplomatiques français

DDS – Documents diplomatiques suisses

PAAP – Papiers d'agents et archives privées

PDFRH – Papers and Documents relating to the Foreign Relations of Hungary

SHD/DAT – Service historique de la Défense/Département de l'armée de terre, Vincennes

Литература

- Зонова 2016 – *Зонова Т.В.* История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016. 352 с.
- Олаг 1972 – *Олаг В.И.* Контрреволюция и белый террор. Установление фашистского режима (1919–1923) // История Венгрии в трех томах / отв. ред. А. И. Пушкаш. М.: Наука, 1972. Т. 3. С. 162–201.
- Попова 1996 – *Попова С.С.* «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 41–70.
- Пресняков 2014 – *Пресняков А.З.* Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918–1921 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. 287 с. (рукопись)
- Пушкаш 1981 – *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 – апрель 1927 г. М.: Наука, 1981. 368 с.
- Пушкаш 1991 – *Пушкаш А.И.* Восстановление буржуазного строя. Хортистский режим // Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: Наука, 1991. С. 353–396.
- Серапионова 2005 – *Серапионова Е.П.* Политическое и экономическое положение Чехословакии в начале 20-х годов XX в. // Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. В 2 кн. / отв. ред. В. В. Марыина. М.: Наука, 2005. Кн. 1. С. 114–134.
- Сергеев 2017 – *Сергеев Е.Ю.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Всемирная история / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2017. Т. 6. Кн. 1. С. 309–346.
- Станков 2021 – *Станков Н.Н.* Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. и международные отношения в Центральной Европе (по чехословацким дипломатическим документам) // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 207–241. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.9.
- Язькова 1974 – *Язькова А.А.* Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925. М.: Наука, 1974. 330 с.

- Ádám 1985 — *Ádám M.* Les deux coups d'État de l'ex-roi Charles et la Petite Entente // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1985. T. 31. № 1–2. P. 33–85.
- Ádám 1993 — *Ádám M.* The Little Entente and the Europe (1920–1929). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. 330 p.
- Ádám 2004 — *Ádám M.* The Versailles System and Central Europe. Farnham: Ashgate, 2004. 383 p.
- Bakić 2017 — *Bakić D.* Britain and Interwar Danubian Europe: Foreign Policy and Security Challenges, 1919–1936. London: Bloomsbury Academic, 2017. 264 p.
- Bátonyi 1999 — *Bátonyi G.* Britain and Central Europe, 1918–1933. New York: Oxford University Press, 1999. 240 p.
- Becker 1997 — *Becker J.J.* 1917 en Europe: l'année impossible. Bruxelles: Éditions Complexe, 1997. 204 p.
- Davion 2010 — *Davion I.* Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // Revue historique des armées. 2010. № 260. P. 54–64.
- Ferenčuhová 2006 — *Ferenčuhová B.* La vision slovaque des relations entre la France et la Petite Entente (1918–1925) // Nations, cultures et sociétés d'Europe centrale aux XIXe et XXe siècles: Mélanges offerts à Bernard Michel / sous la dir. de C. Horel. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2006. P. 83–105.
- Fiziker 2016 — *Fiziker R.* A királydráma utolsó felvonása. Tihanytól Madeiráig // ArchivNet. 2016. 16. évf. URL: https://www.archivnet.hu/politika/a_kiralydrاما_utolso_felvonasa.html (дата обращения: 01.05.2024).
- Galandauer 2004 — *Galandauer J.* Karel I. Poslední český král. Praha; Litomyšl: Paseka, 2004. 358 s.
- Gecsényi, Sipos 2000 — *Gecsényi L., Sipos P.* Gratz Gusztáv emlékiratai // Történelmi szemle. 2000. 42. évf. 309–370. old.
- Gradwohl 2017 — *Gradwohl P.* Les militaires français et la Hongrie en 1918–1920 // Militaires et diplomates français face à l'Europe centrale / sous la dir. de F. Dessberg, A. Marès, I. Davion. Paris: Eur'Orbem Éditions, 2017. P. 83–96.
- Hočevar 1967 — *Hočevar T.* The Portorož Conference: A Plea for Liberalization of Trade in the Danubian Area // The Florida State University Slavic Papers / ed. by Center for Slavic and East European Studies. Vol. 1. Tallahassee: n. p., 1967. P. 19–34.
- Hochwald 2008 — *Hochwald Ch.* La diplomatie française face à la crise royale en Hongrie (1921) // Revue historique des armées. 2008. № 251. P. 78–84.
- Jackson 2013 — *Jackson P.* Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 559 p.

- Jordan 2002 — *Jordan N.* The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence 1918–1940. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 368 p.
- László 1971 — *László F.* IV. Károly második restaurációs kísérletének katonai története. A «Budaörsi csata» // *Hadtörténelmi közlemények.* 1971. 18. évf. 314–341. old.
- Leuştean 2014 — *Leuştean L.* The Late Start of the Little Entente. Regional Cooperation within East-Central Europe in Times of Adversity (1920–1921) // *Disintegration and Integration in East-Central Europe 1919 — post-1989* / ed. by W. Loth, N. Păun. Baden-Baden: Nomos, 2014. P. 31–43.
- Lojkó 2006 — *Lojkó M.* Meddling in Middle Europe: Britain and the ‘Lands Between’, 1919–1925. Budapest: Central University Press, 2006. 376 p.
- Marguerat 2004 — *Marguerat Ph.* Les investissements français dans le Bassin danubien durant l’entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation // *Revue historique.* 2004. № 629. P. 121–162.
- Molnár 2001 — *Molnár M.* A Concise History of Hungary. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 370 p.
- Murber 2021 — *Murber I.* Habsburg IV. Károly restaurációs elképzelései. Osztrák és magyar válságkezelés // *Századok.* 2021. 155. évf. 921–938. old.
- Nánay 2016 — *Nánay M.* Habsburg-Lotharingiai József Ágost főherceg katonai és politikai szerepvállalása 1914–1924. Dokt. Dissz. Budapest, 2016. 312. old. (рукопись).
- Orde 1980 — *Orde A.* France and Hungary in 1920: Revisionism and Railways // *Journal of Contemporary History.* 1980. Vol. 15. № 3. P. 475–492.
- Ormos 1990a — *Ormos M.* ‘Soha, amíg élek!’ Az utolsó koronás Habsburg puccskísérletei 1921-ben. Budapest: Pannónia, 1990. 161. old.
- Ormos 1990b — *Ormos M.* From Padua to the Trianon 1918–1920. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 410 p.
- Sakmyster 1992 — *Sakmyster T.* Great Britain and the Establishment of the Horthy Regime // *Eastern Europe and the West: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990* / ed. by J. Morison. Basingstoke: St. Martin Press, 1992. P. 71–80.
- Sakmyster 1994 — *Sakmyster T.* Hungary’s Admiral on Horseback: Miklós Horthy, 1918–1944. Boulder: East European Monographs, 1994. 476 p.
- Soutou 2015 — *Soutou G.-H.* La grande illusion: quand la France perdait la paix 1914–1920. Paris: Tallandier, 2015. 382 p.
- Tóth 2021 — *Tóth I.* IV. Károly visszatérései és az osztrák–magyar határárkérdés ügye // *Századok.* 2021. 155. évf. 939–958. old.
- Zeidler 2007 — *Zeidler M.* Charles IV’s Attempted Returns to the Hungarian Throne // *Karl I. (IV): Der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie* / hrsg. v. A. Gottsmann. Wien: ÖAW, 2007. S. 269–284.

References

- Ádám, M., 1985. Les deux coups d'État de l'ex-roi Charles et la Petite Entente. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 31, pp. 33–85.
- Ádám, M., 1993. *The Little Entente and the Europe (1920–1929)*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 330 p.
- Ádám, M., 2004. *The Versailles system and Central Europe*. Farnham: Ashgate, 383 p.
- Bakić, D., 2017. *Britain and interwar Danubian Europe: Foreign policy and security challenges, 1919–1936*. London: Bloomsbury Academic, 264 p.
- Bátányi, G., 1999. *Britain and Central Europe, 1918–1933*. New York: Oxford University Press, 240 p.
- Becker, J.J., 1997. *1917 en Europe: l'année impossible*. Bruxelles: Éditions Complexe, 204 p.
- Davion, I., 2010. Comment exister au centre de l'Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939. *Revue historique des armées*, 260, pp. 54–64.
- Ferenčuhová, B., 2006. La vision slovaque des relations entre la France et la Petite Entente (1918–1925). In: Horel, C., ed. *Nations, cultures et sociétés d'Europe centrale aux XIXe et XXe siècles: Mélanges offerts à Bernard Michel*. Paris: Éditions de la Sorbonne, pp. 83–105.
- Fiziker, R., 2016. A királydráma utolsó felvonása. Tihanytól Madeiráig. *ArchívNet*, 16. URL: https://www.archivnet.hu/politika/a_kiralydrama_utolso_felvonasa.html (accessed: 01.05.2024).
- Galandauer, J., 2004. *Karel I. Poslední český král*. Praha; Litomyšl: Paseka, 358 p.
- Gecsényi, L., Sipos, P., 2000. Gratz Gusztáv emlékiratai. *Történelmi Szemle*, 42, pp. 309–370.
- Gradvohl, P., 2017. Les militaires français et la Hongrie en 1918–1920. In: Dessberg, F., Marès, A., Davion I., eds. *Militaires et diplomates français face à l'Europe centrale*. Paris: Eur'Orbem Éditions, pp. 83–96.
- Hočevar, T., 1967. The Portorož Conference: A Plea for Liberalization of Trade in the Danubian Area. In: Center for Slavic and East European Studies, ed. *The Florida State University Slavic Papers*, vol. 1. Tallahassee: n. p., pp. 19–34.
- Hochwald, Ch., 2008. La diplomatie française face à la crise royale en Hongrie (1921). *Revue historique des armées*, 251, pp. 78–84.
- Jackson, P., 2013. *Beyond the Balance of Power: France and the Politics of National Security in the Era of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 559 p.
- Jordan, N., 2002. *The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence 1918–1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 368 p.
- László, F., 1971. IV. Károly második restaurációs kísérletének katonai története. A «Budaörsi csata». *Hadtörténelmi közlemények*, 18, pp. 314–341.

- Leuştean, L., 2014. The Late Start of the Little Entente. Regional Cooperation within East-Central Europe in Times of Adversity (1920–1921). In: Loth, W., Păun, N., eds. *Disintegration and Integration in East-Central Europe 1919 – post-1989*. Baden-Baden: Nomos, pp. 31–43.
- Lojtkó, M., 2006. *Meddling in Middle Europe: Britain and the ‘Lands Between’, 1919–1925*. Budapest: Central University Press, 376 p.
- Marguerat, Ph., 2004. Les investissements français dans le Bassin danubien durant l’entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation. *Revue historique*, 629, pp. 121–162.
- Molnár, M., 2001. *A Concise History of Hungary*. Cambridge: Cambridge University Press, 370 p.
- Murber, I., 2021. Habsburg IV. Károly restaurációs elképzelései. Osztrák és magyar válságkezelés. *Századok*, 155, pp. 921–938.
- Nánay, M., 2016. *Habsburg-Lotharingiai József Ágost főherceg katonai és politikai szerepvállalása 1914–1924*. PhD thesis. Budapest, 312 p. (manuscript)
- Olag, V.I., 1972. Kontrevoliutsiia i belyi terror. Ustanovlenie fashistskogo rezhima (1919–1923) [Counter-revolution and White terror. Formation of Fascist regime (1919–1923)]. In: Pushkash, A. I., ed. *Istoriia Vengrii v trekh tomakh*, vol. 3. Moscow: Nauka, pp. 162–201. (in Rus.)
- Orde, A., 1980. France and Hungary in 1920: Revisionism and Railways. *Journal of Contemporary History*, 15, pp. 475–492.
- Ormos, M., 1990a. ‘Soha, amíg élék!’ Az utolsó koronás Habsburg puccskísérletei 1921-ben. Budapest: Pannónia, 161 p.
- Ormos, M., 1990b. *From Padua to the Trianon 1918–1920*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 410 p.
- Popova, S. S., 1996. «Oni gotovy vozobnovit’ bor’bu»: Voennoe ministerstvo i MID Frantsii o beloi emigratsii v Vengrii. 1920–1921 gg. [“They are ready to resume the battle”: War ministry and MFA of France about the White emigration in Hungary. 1920–1921]. *Istoricheskii arkhiv*, 1, pp. 41–70. (in Rus.)
- Presniakov, A. Z., 2014. *Problema mirnogo uregulirovaniia na territorii byvshei Avstro-Vengrii: rol’ velikikh derzhav (1918–1921 gg.): diss. ... kand. ist. nauk* [Problems of the peace settlement on the territories of the former Austro-Hungary; role of the Great powers (1918–1921). PhD thesis]. Moscow, 287 p. (manuscript) (in Rus.)
- Pushkash, A. I., 1981. *Vneshniaia politika Vengrii. Noiabr’ 1918 – april’ 1927 g.* [The foreign policy of Hungary. November 1918 to April 1927]. Moscow: Nauka, 368 p. (in Rus.)
- Pushkash, A. I., 1991. Vosstanovlenie burhuaznogo stroia. Khortistskii rezhim [Restoration of the bourgeois system. Regime of Horthy]. In: Islamov, T. M., ed. *Kratkaia istoriia Vengrii: s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Moscow: Nauka, pp. 353–396. (in Rus.)

- Sakmyster, T., 1992, Great Britain and the Establishment of the Horthy Regime. In: Morison, J., ed. *Eastern Europe and the West: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990*. Basingstoke: St. Martin Press, pp. 71–80.
- Sakmyster, T., 1994. *Hungary's Admiral on Horseback: Miklós Horthy, 1918–1944*. Boulder: East European Monographs, 476 p.
- Serapionova, E. P., 2005. Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie Chekhoslovakii v nachale 20-kh godov XX v. [Political and economic situation in Czechoslovakia in the early 1920s]. In: Mar'ina, V. V., ed. *Chekhiia i Slovakiia v XX veke: ocherki istorii* [The Check Lands and Slovakia in the twentieth century: Historical essays]. In 2 vols., vol. 1. Moscow: Nauka, pp. 114–134. (in Rus.)
- Sergeev, E. Iu., 2017. Versal'sko-Vashingtonskaia sistema mezhdunarodnykh otnoshenii [Versailles–Washington system of international relations]. In: Chubar'ian, A. O., ed. *Vsemirnaia istoriia* [The Check Lands and Slovakia in the twentieth century: Historical essays], vol. 6. pt. 1. Moscow: Nauka, pp. 309–346. (in Rus.)
- Soutou, G.-H., 2015. *La grande illusion: quand la France perdait la paix 1914–1920*. Paris: Tallandier, 382 p.
- Stankov, N. N., 2021. The Habsburgs' attempts of the restoration in Hungary in 1921 and the international relations in Central Europe (based on the Czechoslovak diplomatic documents). *Tsentral'noevropeiski issledovania*, 4(13), pp. 207–241. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.9. (in Rus.)
- Tóth, I., 2021. IV. Károly visszatérései és az osztrák–magyar határkérdés ügye. *Századok*. 155, pp. 939–958.
- Zeidler, M., 2007. Charles IV's Attempted Returns to the Hungarian Throne. In: Gottsmann, A. (Hrsg.) *Karl I. (IV): Der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie*. Wien: ÖAW, ss. 269–284.
- Zonova, T. V., 2016. *Istoriia vneshnei politiki Italii* [History of Italian foreign policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 352 s.

Iskander E. Magadeev

PhD, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia. 119454, Prospekt Vernadskogo, 76. E-mail: iskander2017@yandex.ru

Attempts to Restore the Power of Charles Habsburg in Hungary in 1921: The Position of French Diplomacy

Contemporaries have expressed contradictory opinions about the line of behaviour taken by Paris during the two attempts at Habsburg restoration in Hungary in 1921 (especially the first one), and the historians' interpretations were not unified, either. This article aims to analyse the position of French diplomacy during the attempted restoration of Charles I Habsburg's power, and to identify the key influential factors. The article is based on a corpus of published and archival documents characterising the activities of the central apparatus of the Foreign Ministry of the Third Republic, the French High Commissioner in Budapest, Maurice Fouchet, and a number of diplomatic missions. The author concludes that the stance of French diplomacy was ambiguous. On the one hand, there was a "hard core" which defined the "red lines" regarding Hungary. Paris did not want to radically worsen its relations with partners from the Big and the Little Entente because of the "Hungarian question"; the latter was not supposed to provoke a wide scale instability in East-Central Europe, and the basic parameters of the Versailles regulation had to be preserved. The potential benefits of the Habsburg restoration did not outweigh the foreign policy costs, and, most importantly, putting these benefits into practice could only take place in the case of Charles' successful actions. On the other hand, French diplomats did not rule out that the return of the Habsburgs to power could have some favourable consequences for France, including reducing the risks of Hungary's gravitation towards Germany and creating a possible ground for Austro-Hungarian rapprochement as an alternative to an Anschluss. Finally, the government of Aristide Briand added some volatility to Paris' position, which, however, remained far from offering any really serious support to Charles' endeavours.

Keywords: Aristide Briand, Miklós Horthy, Quai d'Orsay, Central and Eastern Europe, "sanitary cordon", Danubian confederation, monarchy

Received: 4 April 2024

Accepted: 23 July 2024

How to cite: Magadeev, I.E., 2024. Popytki restavratsii vlasti Karla Gabsburga v Vengrii v 1921 g.: pozitsiia frantsuzskoi diplomatii. *Central-European Studies*, 2024, 7, pp. 103–131. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.4>.

Николай Николаевич Станков

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: stankovnn@mail.ru

**«Я в дипломатические представители
не тянулся и не тянусь...»
С. И. Гиллерсон и советская миссия
Красного Креста в Чехословакии
(июль 1920 — июнь 1921 г.)**

В статье рассматриваются основные направления деятельности первой советской миссии в Чехословацкой республике — миссии Красного Креста РСФСР. Автор приводит многочисленные свидетельства, что миссия выполняла функции, далеко выходящие за пределы официальной задачи — оказание помощи бывшим российским военнопленным и их репатриация. Значительное внимание в статье уделено дипломатической деятельности миссии: установлению и поддержанию контактов с официальными кругами ЧСР, переговорам о нейтралитете Праги в польско-советской войне 1920 г. и о признании Советского государства. Для Москвы советская миссия Красного Креста была важным источником информации о внутривосточной и экономической ситуации в Чехословакии, о ее внешней политике, о международных отношениях в Центральной и Юго-Восточной Европе. В статье показана конспиративная деятельность миссии, поддержка революционного движения в Чехословакии и в соседних странах, посредническая роль между Коминтерном и леворадикальными организациями в регионе, работа среди бывших легионеров, а также в рядах русской и украинской эмиграции. Значительное внимание автор уделит личности главы миссии — С. И. Гиллерсона, который руководил всеми направлениями ее деятельности. Автор подчеркнул, что дипломат не всегда соглашался с директивами, поступавшими из Москвы. В статье показано его критическое отношение к отдельным проблемам внутренней и внешней политики Советского государства, к коммунистическому движению в Чехословакии. Особо рассмотрен конфликт Гиллерсона с агентом Коминтерна В. Вишневым. Статья основана на материалах фондов российских и чешских архивов, в которых содержатся документы самой миссии (направленные в Москву телеграммы, письма, отчеты, обзоры и адресованные миссии депеши и инструкции Народного комиссариата иностранных дел РСФСР), а также материалы, касающиеся ее положения в Праге (дипломатическая и другая служебная и личная переписка, донесения и дневники агентов чехословацкой полиции).

Ключевые слова: Г. В. Чичерин, Э. Бенеш, советско-чехословацкие отношения, репатриация бывших военнопленных, польско-советская война 1920 г., Коминтерн, революционное движение в Чехословакии

Статья поступила в редакцию: 21 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 30 апреля 2024 г.

Цитирование: Станков Н. Н. «Я в дипломатические представители не тянулся и не тянусь...» С. И. Гиллерсон и советская миссия Красного Креста в Чехословакии (июль 1920 – июнь 1921 г.) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 132–177. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.5>.

Миссия Красного Креста была первой советской миссией в Чехословацкой республике. Отдельные аспекты ее деятельности в той или иной степени рассматривались отечественными и зарубежными историками. Первые упоминания о миссии встречаются в 1920–1930-е годы в работах американских авторов о внешней политике Советского государства и Чехословакии, в которых подчеркивалось, что сразу же после прибытия советской миссии Красного Креста в ЧСР там усилилась большевистская пропаганда мировой революции, вызвавшая обеспокоенность чехословацкого руководства¹.

В советской и чехословацкой историографии периода социализма рассматривалась только деятельность миссии по репатриации военнопленных и освещалась она исключительно в положительном ключе. В то же время подчеркивалось крайне враждебное отношение к миссии со стороны чехословацких властей, главная причина которого виделась в их антисоветизме².

Следует отметить, что вплоть до начала 1990-х годов историки как социалистических, так и западных стран не имели доступа к документам самой миссии, не считая нескольких опубликованных, и ограничивались достаточно узким кругом источников. В 1990-х годах ситуация в архивном деле изменилась, и в монографии профессора Бостонского университета И. Лукеша «Чехословакия между Сталиным и Гитлером» часть первой главы была посвящена советской миссии Красного Креста в Чехословакии, которая была написана на основе изучения частично дешифрованной сотрудниками Министерства иностранных дел ЧСР переписки руководителя миссии

¹ См.: Dennis 1924: 398–399; Vondracek 1937: 133–134, 139. В книге А. Л. П. Денниса допущена ошибка в датировке начала работы миссии – 1919 г.

² См.: Петерс 1965: 99–101; Шишкин 1962: 23–25; Olivová 1957: 277–284.

с Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР, сохранившейся в Архиве МИД Чешской Республики. Особое внимание Лукеш уделил дипломатической и разведывательной деятельности миссии³. Современные чешские историки отмечают, что советская миссия Красного Креста в ЧСР наряду с репатриацией военнопленных вела разведывательную работу и обеспечивала связь Коминтерна с левыми деятелями в чехословацкой социал-демократии⁴.

Таким образом, в историографии лишь намечены отдельные направления деятельности советской миссии Красного Креста в Чехословакии. Пока нет исследований, специально посвященных миссии. Вместе с тем ставшие доступными архивные документы позволяют восстановить во всей полноте ее деятельность и дополнить общую картину становления советско-чехословацких отношений.

В настоящей статье предпринята попытка на основе документов российских и чешских архивов исследовать основные направления деятельности советской миссии Красного Креста в Чехословакии с июля 1920 г. по июнь 1921 г. Представляется важным рассмотреть роль Гиллерсона как главы миссии, особенности его восприятия и оценки происходивших событий, распределение обязанностей и взаимоотношения в самой миссии.

«Общее впечатление приема прекрасное»

Вопрос об обмене миссиями Красного Креста между Советской Россией и Чехословацкой республикой возник в связи с проблемой взаимной репатриации военнопленных, которая оставалась как следствие еще Первой мировой войны и затем усугубилась обстоятельствами Гражданской войны в России. Начало переговоров о деятельности миссий было положено в феврале 1920 г. в Копенгагене во время встречи члена коллегии Наркоминдела РСФСР Максима Максимовича Литвинова (1876–1951) с руководителем чехословацкой репатриационной миссии майором Йозефом Скалой. 21 февраля Скала, по итогам встречи, сообщил в Прагу, что обмен военнопленными возможен, но его миссия может быть принята в Советской России только тогда, когда советская миссия Красного

³ Lukes 1996: 7–11.

⁴ Voráček, Hubený, Litera 2019: 145–146.

Креста по репатриации военнопленных будет принята в Чехословакии. Скала особое внимание обращал на слова Литвинова, что переговоры должны вестись только напрямую и все вопросы решаться лишь на основе взаимности. Литвинов предложил местом переговоров Ревель (Таллинн), и Скала обратился к эстонскому посланнику в Дании, чтобы тот запросил свое правительство о возможности этого⁵.

25 февраля 1920 г. нарком по иностранным делам РСФСР Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) направил правительству ЧСР ноту с предложением начать переговоры «с целью установления мирных отношений и заключения соглашений, выгодных для обеих сторон»⁶. Нотная переписка и переговоры затянулись до конца апреля 1920 г. В итоге была достигнута договоренность об обмене между РСФСР и ЧСР миссиями Красного Креста⁷. 29 мая Чичерин сообщил в Ревель, что полномочным представителем Российского общества Красного Креста (РОКК) в Чехословакию назначен Соломон Исидорович Гиллерсон (1869–1939) и его будут сопровождать шесть человек служебного персонала: секретарь Н. А. Кузьмин, заведующий канцелярией Роман Осипович Якобсон (1896–1982), делопроизводитель Илья Исаакович Левин (1899–?), бухгалтер Виктор Вишневецкий, машинистка Ульяновская и курьер⁸.

Никто из членов миссии не числился в штате РОКК⁹. Почти все они были сотрудниками НКВД РСФСР. Руководитель миссии С. И. Гиллерсон — врач, доктор медицины, активный деятель Бунда, в 1917 г. примкнувший к большевикам, в 1918 г. поступил на службу в НКВД и в 1919 г. возглавил отдел военнопленных. Молодой ученый-славист Р. О. Якобсон был принят на дипломатическую службу в феврале 1920 г. и вначале работал в советском полпредстве в Эстонии, затем в комиссии по подготовке материалов для переговоров с Польшей, а когда узнали о его знании чешского языка, включили

⁵ *Olivová V. Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Praha: Naše vojsko, 1957. Sv. 2. S. 491. Dok. 38.*

⁶ ДМИСЧО. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 322. Док. 274.

⁷ Там же. С. 339. Док. 290; С. 342–343. Док. 295.

⁸ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 58.

⁹ Списки служащих РОКК за 1920–1921 гг. см.: ГА РФ. Ф. Р 3341. Оп. 3. Д. 27–30, 45, 54, 105. Отчеты о деятельности РОКК и отделов ЦК РОКК в 1920–1921 гг. см.: Там же. Оп. 6. Д. 400. Материалы о деятельности зарубежных организаций РОКК см.: Там же. Оп. 2. Д. 52а.

в состав миссии в ЧСР. Он не скрывал от Гиллерсона, что хотел бы работать в Пражском университете, и тот ответил: «Если это будет возможно совместить, то, пожалуйста»¹⁰. В Прагу миссия должна была отправиться из Ревеля. Якобсон вспоминал, как вслед за ним в Ревель приехали «двое мужчин — совсем мальчики: один был Левин, который потом, много лет спустя, по возвращении домой, погиб, а другой был дипломатический курьер Теодор Нетте»¹¹. Наиболее загадочной личностью в составе миссии был бухгалтер Виктор Вишневский. В Праге бухгалтерские обязанности он в значительной степени переложил на Кузьмина, а сам, сославшись на поручения Коминтерна, занялся деятельностью по линии этой структуры.

Из членов миссии, помимо Гиллерсона и Вишневского, во все секреты ее деятельности был посвящен еще И. И. Левин. На службу в НКВД он поступил в 1918 г. и выполнял обязанности помощника старшего секретаря и дежурного секретаря секретариата наркома. В миссии Гиллерсона Левин был шифровальщиком: хранил шифры, шифровал и расшифровывал телеграммы и депеши, перепечатывал их на машинке, копировал документы¹². Левин пользовался большим доверием Чичерина и поддерживал с ним тесные отношения, о чем свидетельствует их личная переписка¹³.

В начале июля 1920 г. миссия отправилась из Ревеля морским путем в Штеттин, а оттуда поездом в Прагу, с остановкой в Берлине¹⁴. Еще 22 июня поверенный в делах Чехословакии в Германии Милош Кобр (1878–1953), ссылаясь на советского представителя в Берлине Виктора Леонтьевича Коппа (1880–1930), сообщил в МИД ЧСР, что миссия имела широкие полномочия: помимо возвращения военнопленных, предполагались переговоры о подписании соглашения об экономическом сотрудничестве и эвентуально о заключении политического договора¹⁵. 8 июля председатель Чехословацкого общества Красного Креста Алиса Масарик (1879–1966), дочь президента

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53992. Л. 7; Якобсон Р. О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подг., вступ. статьи и коммент. Б. Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. С. 95–96.

¹¹ Якобсон Р. О. Будетлянин науки. С. 95–96.

¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 24.

¹³ Станков 2019.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 36; Якобсон Р. О. Будетлянин науки. С. 96.

¹⁵ DČZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha, 2004. Sv. 1. S. 63. Dok. 9.

ЧСР, направила Чичерину депешу, в которой указывалось, что миссии Красного Креста не могут использоваться для решения торговых или политических вопросов, или с целью пропаганды. Чехословацкий Красный Крест не прибегает к таким методам и их не одобряет. А. Масарик подчеркнула, что задача миссии Гиллерсона ограничивается репатриацией на родину военнопленных, и в этом ей будет оказана всемерная помощь. В тот же день в вечерних выпусках пражских газет депеша была опубликована¹⁶.

10 июля советская миссия прибыла в Прагу. Ее встречали некоторые деятели Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, в том числе депутаты Национального собрания ЧСР, представители Чехословацкого Красного Креста, а также некоторых левых изданий и общественных групп, активисты из бывших русских военнопленных. Представителю редакции социал-демократической газеты *Právo lidu* («Право народа») Гиллерсон сказал, что «он совершенно не собирается заниматься какой-либо политической деятельностью, но он точно и с сознанием всей ответственности будет выполнять задачу, ради которой он был послан сюда советской властью, а именно: обследовать и улучшить условия жизни русских пленных и установить с нашим правительством связь, чтобы как можно скорее произошел взаимный обмен пленными»¹⁷.

11 июля Гиллерсон встретился с Алисой Масарик. 12 июля в ходе совещания с представителями чехословацких ведомств выяснилось, что в ЧСР около 10 тысяч военнопленных из дореволюционной России. Как сообщил Гиллерсон в шифротелеграмме Чичерину: «В наших интересах срочно приступить к отправке первых эшелонов, с помощью Чешского Красного Креста. Могу отправлять Коппу, без участия Центроэвака»¹⁸. Необходимы средства»¹⁹. Решение этой задачи оказалось не столь быстрым. Потребовались продолжительные переговоры и согласования в Праге и Москве, организационная подготовка, и только 2 ноября в Россию ушел первый эшелон с бывшими военнопленными²⁰. Всего было снаряжено пять эшелонов, последний

¹⁶ Olivová 1957: Sv. 1: 278.

¹⁷ ДМИСЧО. Т. 1. С. 357–358. Док. 312.

¹⁸ Центроэвак — Центральное управление по эвакуации населения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 2.

²⁰ Там же. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 17.

из них отправлен 27 декабря 1920 г.²¹. За эти два месяца было переправлено около 5 тыс. человек²².

С момента прибытия в Прагу, как написал Гиллерсон Чичерину, он «намеренно воздерживался просить приема у правительства, предпочитая выжидать». 16 июля 1920 г. его пригласил министр иностранных дел ЧСР Эдвард Бенеш (1884–1948). «Сухой, сдержанный и деловой тон в начале беседы, затем сменился по его (Бенеша. — *Н.С.*) почину доброжелательно-радушным», — информировал Гиллерсон наркома. Бенеш принял предложение советского представителя предоставить возможность миссиям Красного Креста на условиях взаимности пользоваться шифром и курьерами. «Бенеш уверял в своей и чехов любви к русским, просил по всем вопросам обращаться непосредственно» к нему, «считая, что другие могут не проявлять должной предупредительности». К концу двухчасовой беседы Гиллерсон ознакомил Бенеша с мандатом НКВД, предоставлявшим главе миссии РОКК весьма широкие полномочия. «Произвело хорошее впечатление», — отметил Гиллерсон. Бенеш пообещал устроить в ближайшие дни встречу с президентом Томашем Гарригом Масариком (1850–1937). Подводя итоги первой недели работы в Праге, Гиллерсон писал Чичерину 18 июля: «В правящих кругах, по-видимому, есть готовность идти навстречу, а в деловых сферах тенденция немедленно вступить в сношения. Общее впечатление приема прекрасное»²³.

Бенеш тоже имел все основания испытывать удовлетворение. Советская миссия была размещена в здании Чехословацкого Красного Креста, где рядом с помещением миссии расположился наряд полиции, и то же самое было сделано в отеле «Империял», где жили сотрудники миссии, так что за каждым из них осуществлялась слежка, все, кто обращался в миссию или вступал в контакт с ее представителями, были под контролем полиции. А после беседы с Гиллерсоном Бенеш поставил под контроль переписку миссии с Москвой. Ибо, не имея дипломатического статуса, миссия свои телеграммы в зашифрованном виде передавала в третью секцию МИД ЧСР для отправления в НКВД и таким же образом получала шифровки Чичерина. Между тем специалисты секции смогли дешифровать эту

²¹ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 3. П. 2. Д. 13. Л. 5.

²² Olivová 1957: Sv. 1: 284.

²³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 2.

переписку²⁴. В Москве вскоре заподозрили что-то неладное. Шифро-телеграммы приходили нерегулярно, с большим опозданием. Иногда курьер доставлял почту раньше, чем приходили шифровки.

7 августа 1920 г. Гиллерсона принял президент Масарик. «Прим был чрезвычайно любезный, беседовали два часа, затронут много вопросов», — сообщил Гиллерсон Чичерину²⁵. Президента, очевидно, интересовала ситуация в Советской России, так как на следующий день в шифровке в НКВД Гиллерсон просил прислать для Масарика соответствующую литературу, комплекты газет «Экономическая жизнь», «Коммунистический труд» и журнала «Коммунистическое просвещение»²⁶. Во время аудиенции у президента Гиллерсон поставил вопрос о непризнании «самозванного» (белогвардейского) Российского общества Красного Креста, чье представительство находилось в Праге, и требовал, чтобы только он признавался единственным представителем российского Красного Креста. Ответ Масарика неизвестен, но «самозванное» представительство действовало параллельно с советской миссией. Гиллерсон также настаивал на прекращении вербовки русских военнопленных в войска генерала Петра Николаевича Врангеля (1878–1928)²⁷.

В центре беседы Гиллерсона с президентом 7 августа был вопрос о нейтралитете Чехословакии в польско-советской войне²⁸. Масарик уверял в строжайшем нейтралитете ЧСР. Гиллерсон настаивал на необходимости «категорической формы правительственного заявления о нейтралитете». Масарик ответил, что такое заявление Антанте сделано и для его передачи глава французской военной миссии генерал Морис Пелле (1863–1924) уже выехал в Париж. На предложение Гиллерсона опубликовать заявление о нейтралитете, президент обещал, что на днях это будет сделано²⁹. Еще 27 июля на заседании правительства министр внутренних дел Антонин Швегла (1873–1933) (председатель правительства Властимил Тусар (1880–1924)

²⁴ Lukes 1996: 8.

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 2. По поводу «самозванного» РОКК позиция Гиллерсона отражала линию, уже до того взятую Москвой. См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 347. Док. 300; С. 360. Док. 315.

²⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 2.

²⁹ Там же.

и Бенеш были в отъезде) предложил, чтобы Чехословакия заявила о нейтралитете в польско-советской войне, о чем президент должен в надлежащей форме сообщить союзникам. Тогда же совет министров принял к сведению и одобрил, что некоторые члены кабинета вели и в будущем будут вести переговоры с Гиллерсоном³⁰. 9 августа на заседании совета министров Бенеш сообщил о ходе боевых действий, о международно-политической ситуации, о тех мерах, которые необходимо предпринять в связи с объявлением Чехословакией нейтралитета в польско-советской войне. Совет министров ЧСР принял официальное заявление для печати, которое надлежало опубликовать в утренних газетах 10 августа³¹.

10 августа 1920 г. состоялась вторая встреча Гиллерсона с президентом. «Продолжительная беседа с Масариком затронула много важных и жгучих вопросов, — писал Гиллерсон Чичерину. — Существеннейшее я Вам сообщил по радио»³². К сожалению, ни в российских, ни в чешских архивах не удалось обнаружить записей беседы кроме очень лаконичной шифровки Гиллерсона Чичерину от 14 августа: «Второе свидание с Масариком продолжалось 5 часов. Согласился на включение Карпата Руси в Российскую Федерацию»³³. Впоследствии советский представитель в ЧСР Константин Константинович Юренев (1888–1938) согласие чехословацкого президента на передачу Подкарпатской Руси Советскому государству расценил как вынужденное ввиду приближения Красной армии к Варшаве и к границам ЧСР³⁴. Этим, очевидно, объясняется и предупредительность первых лиц Чехословакии по отношению к советскому представителю в июле-августе 1920 г. В последующей переписке Гиллерсона с НКВД, после поражения Красной армии на Висле и ее отступления, больше не было и речи о приемах у Масарика, а встречи с Бенешем стали гораздо реже и проходили в весьма сдержанной атмосфере.

В первой же половине августа встречи с Бенешем и Масариком были столь частыми и продолжительными, что Гиллерсон не писал о них Чичерину подробно, дабы не отнимать у него времени³⁵. Между

³⁰ NA. Praha. Předsednictvo ministerské rady. Karton 4040. S. 12–13.

³¹ Ibid. S. 312–314, 318–319.

³² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53925. Л. 4.

³³ Там же. Д. 53927. Л. 10.

³⁴ Там же. П. 275. Д. 53952. Л. 134.

³⁵ Там же. П. 273. Д. 53925. Л. 4.

тем ему хотелось многое обсудить с наркомом. В частности, в письме от 11 августа Гиллерсон задавался вопросом: «Неужели так необходимо стремиться к Варшаве[?]». И тут же отвечал на него: «Мне лично это кажется стратегически рискованным, политически ошибочным»³⁶. Из содержания письма следует, что к тому времени советский представитель в Праге не получил от Чичерина ни одной депеши, из чего он сделал вывод:

Или Вы считаете Прагу незначительным пунктом, и что бы я тут ни делал, это особых последствий иметь не может, или же Вы слишком доверяете моей интуиции — ведь без информации и инструкций по самым актуальным вопросам я вынужден действовать интуитивно — и вполне доверяете моему “дипломатическому” такту. В первом случае я могу быть спокоен — значит моя ответственность не велика. Во втором — я могу чувствовать себя польщенным³⁷.

Такое «дипломатическое» положение через месяц пребывания в Праге начало тяготить Гиллерсона. «Меня снова тянет к моим врачебным занятиям, к моим медицинским книгам», — писал он Чичерину 11 августа³⁸. К тому же не поступали деньги ни на содержание миссии, ни для помощи военнопленным. Почти в каждой шифровке Гиллерсон требовал прислать деньги. 14 августа он дошел до угроз: «Примите срочные меры для пересылки мне денег, иначе вынужден буду отсюда уехать»³⁹. Решить эту проблему удалось по согласованию с чехословацкой стороной. 20 августа правительство ЧСР, по предложению Масарика, открыло Гиллерсону кредит в размере одного миллиона чехословацких крон при условии, что на такую же сумму будет открыт текущий счет в немецких марках (до эквивалента одного миллиона чехословацких крон) руководителю чехословацкой миссии Красного Креста в Москве⁴⁰.

В составе миссии не было сотрудника, разбиравшегося в торгово-экономических вопросах. Эту работу должен был осуществлять гражданин Чехословакии Л. Тучек, который в первые дни пребывания миссии в Праге встретился с Гиллерсоном и предложил свои услуги

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53925.

³⁷ Там же. Л. 3–4.

³⁸ Там же. Л. 4.

³⁹ Там же. Д. 53927. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Л. 12.

как специалист в данной сфере. Однако он никакого реального участия в делах не принимал. Глава миссии запрашивал Наркоминдел, как ему быть, «имеется ли в виду прислать сюда кого-либо специально для торговых сношений». Он просил известить о создавшейся ситуации заместителя наркома внешней торговли Андрея Матвеевича Лежаву (1870–1937) и предоставить соответствующую информацию и инструкции. В первое время Гиллерсону пришлось самому заниматься этими проблемами. В вопросах товарообмена он придерживался следующей тактики. Необходимой предпосылкой торговых отношений является «установление нормальных отношений между обоими государствами и их правительствами». «Нельзя тянуться к нашему золоту и в то же время с опаской оглядываться на Антанту». Гиллерсон рассчитывал, что предпринимательские круги окажут давление на чехословацкое правительство в деле «установления правильных международных сношений с Россией»⁴¹.

В полученных с запозданием шифровках из НКВД и письмах Чичерина содержалось множество поручений. Главной проблемой, волновавшей Москву, был нейтралитет ЧСР в польско-советской войне. 9 августа 1920 г. Чичерин написал Гиллерсону, что от Чехословакии «мы требуем категорического отказа поставлять Польшу военное снаряжение и допускать его транзит в Польшу»⁴². Как только в Москве была получена шифровка Гиллерсона о встрече с Масариком, гарантировавшим нейтралитет, последовал новый вопрос, вызванный поступившей информацией о том, что «Антанта обещаниями убила Венгрию вмешаться в войну и помочь Польшу», а Чехословакия согласилась «пропустить венгерские войска, идущие против России». «Нельзя ли удостовериться, действительно ли Чехия согласилась пропустить идущие против нас войска, — написал Чичерин Гиллерсону. — Это противоречит Вашей шифровке. Нет ли двойной игры[?]»⁴³. В дальнейшем вопросы из Москвы о возможном нарушении нейтралитета Чехословакией следовали один за другим. Малейшие слухи, сообщения иностранных газет или радио побуждали Чичерина обращаться к Гиллерсону с новым запросом.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53925. Л. 2–3.

⁴² Там же. Ф. 0509. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 28.

⁴³ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 4.

Обеспокоенность в Москве вызвали сообщения о создании Малой Антанты⁴⁴. Поскольку в большинстве стран региона не было советских представителей, на Гиллерсона обрушился град вопросов и поручений: как обстоит дело с Малой Антантой? какова роль Бенеша? будет ли результатом нейтралитет или наоборот объединение против нас? для чего в Румынию ездил Бенеш? какова теперь политика Румынии? продолжается ли благоприятное для нас направление в Праге? каковы взаимоотношения Румынии и остальных этих правительств? какая связь между румыно-чешскими отношениями и возможностью выступления Румынии против нас?⁴⁵. Чичерин подчеркивал, что для советской России «желательно сближение с Югославией»⁴⁶, и в сентябре Гиллерсон собрался посетить Белград. В конце месяца получил разрешение наркома на поездку «для подготовительных и информационных целей с тем, чтобы будущие переговоры с Югославией вело специально посланное отсюда (из Москвы. — *Н. С.*) лицо»⁴⁷. Однако этот визит не состоялся, потому что югославское руководство не намерено было вступать в переговоры с Советской Россией⁴⁸.

«Как-то само собой в наших отношениях установилась фаза внешнего взаимного терроризирования»

Не полагаясь только на заверения чехословацких официальных властей о соблюдении нейтралитета, Москва по коминтерновским каналам использовала активистов, в том числе и засылавшихся эмиссаров-нелегалов, которых антикоммунистическая пропаганда именovala «агентами Коминтерна», для организации саботажа, забастовок рабочих, создания помех транспортировке военного снаряжения в Польшу. Небезызвестный Вальтер Германович Кривицкий (1899–1941), чья карьера началась в 1920 г. прикомандированием

⁴⁴ Подробнее см.: Станков 2018.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Д. 53924. Л. 3.

⁴⁸ Переговоры министра иностранных дел Югославии Анте Трумбича (1864–1938) с советскими представителями в Лондоне в августе 1920 г. по указанию принца-регента Александра Карагеоргиевича (1888–1934) были прерваны. См.: Москва — Сербия, Белград — Россия: сб. документов и материалов. Београд: Архив Србије; М.: Главное архивное управление города Москвы, 2017. Т. 4. С. 731. Док. 123.

в качестве агента Коминтерна к военной разведке Западного фронта, вспоминал, как он ездил в Варшаву, Краков, Львов, в Вену, в немецкую и чешскую Силезию, «организуя забастовки, чтобы не допустить разгрузки оружия»:

Успешной была организованная мной железнодорожная забастовка на чешской узловой станции Одерберг, воспрепятствовавшая передаче Пилсудскому военного снаряжения, изготовленного на заводе «Шкода»⁴⁹.

Миссия Красного Креста РСФСР в Праге также была причастна к организации забастовок. Как сообщил Гиллерсон Чичерину в шифрограмме от 22 августа, когда он через своего агента выяснил, что «Шкода» выполняет польские заказы, им был направлен туда «для разведки и соответствующей информации рабочих и железнодорожников того района один человек»⁵⁰. В этой шифровке намного подробнее, чем о переговорах с Масариком, сообщалось о забастовках, о многочисленных демонстрациях чешских и немецких рабочих, организованных социал-демократами в Праге и во многих других городах Чехословакии, с требованием не пропускать транспорты в Польшу и Венгрию, немедленно установить дипломатические отношения с Советской Россией⁵¹.

В начале сентября 1920 г. к Гиллерсону обратился бывший президент Венгерской республики граф Михал Каройи (1875–1955) с предложением создать коалиционное правительство из представителей венгерской «радикальной буржуазии и крестьян», оппозиционных режиму Миклоша Хорти (1868–1957). Каройи исходил из сложившейся политической ситуации в Венгрии: пролетариат совершенно бессилён, крестьянство, хотя и недовольно режимом Хорти, но лишено «достаточного классового сознания и инициативы», а Советская Россия не сможет прийти на помощь. Если же не оказать противодействия режиму Хорти, то он укрепится сам и поспособствует созданию «среднеевропейского монархического блока»⁵²,

⁴⁹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. *Кривицкий В. Я* был агентом Сталина. М.: Изд. центр «Терра»; Кн. лавка–РТР, 1997. С. 265.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 13.

⁵¹ Там же. Л. 13–14.

⁵² Очевидно, речь идет о восстановлении монархии Габсбургов. См. статью И. Э. Магадеева в данном выпуске.

который, как предполагал Каройи, будет охватывать, помимо Венгрии, Польшу, Румынию и Австрию, и который будет представлять угрозу для Чехословакии. Каройи рассчитывал на поддержку Праги и Белграда и не скрывал, что он уже вступил в переговоры с правительством ЧСР и надеялся на успешный исход. Очевидно, для него была важна и поддержка Москвы, поэтому он и обратился к Гиллерсону. Каройи в общих чертах изложил программу будущего правительства: широкая аграрная реформа, частичная национализация промышленности, реформы в социальной и культурной сферах. Осуществление этих планов привело бы к временному укреплению в Венгрии мелкобуржуазной демократии и позиции среднего консервативного крестьянства, поддержало бы существовавшие режимы в Чехословакии и в соседних государствах. Для Каройи было важно выяснить мнение советского руководства: «должен ли он в интересах всемирной революции взять на себя ответственность по образованию таковой коалиции, или же только поддержать ее, не принимая активного участия, или же препятствовать». Преимущества предложения Каройи Гиллерсон видел, во-первых, в спасении товарищей — венгерских коммунистов, подвергавшихся преследованиям хортистов, во-вторых, в обретении свободы социалистической пропаганды в Венгрии, и, в-третьих, в срыве «контрреволюционных поползновений в соседних государствах». Гиллерсон писал Чичерину, что «положение в Венгрии и Праге требует срочного решения»⁵³.

Неизвестно, каким был ответ Москвы на предложение Каройи. Можно предположить, что оно не совсем отвечало ее интересам. О настроениях, царивших в то время в советских правящих кругах, о планах, вынашиваемых большевистским руководством, свидетельствует переписка председателя Совнаркома РСФСР Владимира Ильича Ленина (1870–1924). 23 июля он писал И. В. Сталину:

Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию⁵⁴.

⁵³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 17.

⁵⁴ В. И. Ленин: Известные документы. 1891–1922 гг. / подг. Ю. Н. Амиантовым, Ю. А. Ахапкиным, В. Н. Степановым. М.: РОСПЭН, 1999. С. 357. Док. 238.

3 августа под впечатлением от рассказа делегата II конгресса Коминтерна от Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (левицы) Милоша Ванека (1897–1967) о ситуации в Подкарпатской Руси, Ленин поручил Чичерину «его выслушать и распорядиться с его сведения о Подкарпатской Руси собрать т щ а т е л ь н о (здесь и далее разрядка как в документе. — *Н. С.*)»⁵⁵.

Через советскую миссию Красного Креста в Праге Коминтерн поддерживал связь с леворадикальными элементами в Чехословакии и в соседних странах, для чего использовались шифрограммы и дипломатические курьеры. В телеграммах миссии часто встречается информация, адресованная руководителям Коминтерна Григорию Евсеевичу Зиновьеву (1883–1936), Карлу Бернгардовичу Радеку (1885–1939), Николаю Ивановичу Бухарину (1888–1938), венгерским, чехословацким и другим коммунистам-иностранцам, находившимся в Москве (Беле Куну (1886–1938), Ярославу Петрлику-Салату (1889–1947) и др.). «Бухгалтер» миссии Вишневецкий встречался с левыми радикалами. Через него поступали деньги не только чехословацким левым, но и венгерским, и украинским коммунистам. 28 августа 1920 г. Вишневецкий писал Радеку: «Мое присутствие здесь создало положение совместной работы с чешскими, украинскими и венгерскими коммунистами. Названные коммунисты требуют моего участия в решении ответственных вопросов. Не имея от Вас полномочий для таковой работы, прошу выяснить возможность моего дальнейшего участия в ней»⁵⁶. Через десять дней Вишневецкий вновь писал Радеку:

Необходимо срочно выдать венгерским и украинским товарищам до ста тысяч денег чешских крон. Сообщите срочно, из каких источников выдать, из средств миссии или других. В первом случае сообщите Гиллерсону о выдаче денег⁵⁷.

Советская миссия Красного Креста была непосредственно причастна к подготовке восстания в Восточной Галиции. Как сообщил 10 августа Гиллерсон Чичерину, в Восточную Галицию было направлено 30 агитаторов, готовы к выступлению 500 казаков, затем

⁵⁵ В. И. Ленин: Неизвестные документы. С. 358. Док. 239.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 22.

⁵⁷ Там же. Л. 6. Из текста документа не совсем ясно, шла ли речь о венгерских и украинских коммунистах в Чехословакии или за ее пределами.

предполагалось в уезды, охваченные восстанием, переправить еще 2 тыс. человек. Оружием восставшие были обеспечены, но необходимы были еще 200 тыс. чешских крон⁵⁸.

Через миссию осуществлялась связь Москвы с революционным подпольем в Подкарпатской Руси. Так, 24 октября Гиллерсон переслал Чичерину доклад комиссара, который ездил «для обследования дел на месте» и создал временный революционный комитет. Ревком состоял из пяти человек, постоянно находившихся в Подкарпатской Руси, и комиссара в Праге — «для связи с другими организациями». Ревком направлял работу всех партизанских отрядов и подпольных ячеек в Галиции и Подкарпатской Руси. Комиссар просил предоставить денежные средства «дабы не загасить революционный пыл среди населения Галиции и Карпатской Руси»⁵⁹. От своего имени Гиллерсон поддержал просьбу комиссара: «Ввиду отсутствия в данное время средств у организации, просим в самом срочном порядке разрешить вопрос с заинтересованными учреждениями и сообщить ответ по радио»⁶⁰.

Значительное внимание в донесениях Гиллерсона уделялось подготовке XIII съезда Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, который был назначен на 25 сентября 1920 г. Руководство Коминтерна делало ставку на раскол ЧСДРП. 26 августа малое бюро ИККИ во главе с Зиновьевым «советовало» левым социал-демократам «немедленно после партийного съезда, независимо от его исхода, организовать компартию»⁶¹.

Устремления верхов Коминтерна не учитывали действительно положения дел в рабочем движении Чехословакии. 13 сентября 1920 г. Гиллерсон писал Чичерину, что «настроение партии и масс без вождей далеко не революционное». Но левые рассчитывают, что получат большинство на съезде, и на то, что правые, следуя партийной дисциплине, ему подчинятся. В случае большинства левых на съезде их лидер Богумир Шмераль (1880–1941), руководствуясь указаниями лидеров Коминтерна, должен был потребовать выхода социал-демократов из правительства, что повлекло бы за собой падение кабинета В. Тусара и назначение новых выборов. Шмераль возлагал

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Д. 53925. Л. 11–13.

⁶⁰ Там же. Л. 9.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1. Л. 77.

большие надежды на усиленную пропагандистскую кампанию накануне выборов. Но Гиллерсон опасался, что после отставки правительства Тусара будет составлен «деловой кабинет из резко-реакционных элементов», не исключал «военной диктатуры», например во главе с генералом Яном Сыровы (1888–1970), «усиления влияния Франции и отказа от нейтралитета, репрессий внутри, активной противосоветской политики со всеми ближайшими и дальнейшими последствиями». Что же касалось попытки совершить социалистическую революцию в Чехословакии, к чему призывал ИККИ, то Гиллерсон привел мнение Шмерала, что вне связи с революционным движением в соседних странах она не может завершиться успешно, что «изолированная политически и топографически Чехия на революционную деятельность не способна». «Все зависит от международной ситуации, от наших успехов на фронте и от хода вещей в Германии», — писал Гиллерсон Чичерину 13 сентября. Поэтому он предлагал «пока правительство оставить [в] настоящем виде» и «ограничиться требованием новых парламентских выборов к началу будущего года». Гиллерсон просил Москву срочно отменить ранее данные Шмералу инструкции⁶².

Но отмены не последовало, и вопреки уверениям Шмерала «о партийной лояльности правых», еще до съезда произошел раскол в редакции центрального органа партии *Právo lidu*. «Правые взяли решительный противобольшевистский курс, — с тревогой писал Гиллерсон Чичерину 19 сентября, — их враждебное отношение к Советской России уже выявляется и можно ожидать более резких выпадов и агитации»⁶³. 22 сентября он сообщил Чичерину, что в связи с расколом ЧСДРП и деятельностью Коминтерна «поднята травля против нашей миссии». Гиллерсон подчеркивал:

Отношение здешних правительственных кругов определил бы как выжидательно-недоброжелательное. Явных признаков нет, но это чувствуется. Как-то само собой в наших отношениях установилась фаза внешнего взаимного терроризирования.

С середины сентября в пражских газетах одна за другой появлялись статьи, разоблачающие закулисную деятельность миссии.

⁶² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 16.

⁶³ Там же. Л. 19.

Гиллерсона обвиняли в том, что он занимается не своим прямым делом — эвакуацией военнопленных, а коммунистической пропагандой. «С первого дня приезда опекающие меня шпики теперь буквально следуют за мной по пятам», — написал Гиллерсон Чичерину⁶⁴. Многих следивших за ним агентов он знал в лицо и даже общался с ними. Однажды, дойдя до отеля, Гиллерсон сказал сопровождавшему его агенту: «Передайте своему коллеге, что я больше нигде не пойду, пусть ждет меня здесь». Иногда, не обнаружив знакомых лиц, он громко говорил: «Где же мой шпики? Я уже здесь, а его еще нет»⁶⁵. О каждом шаге Гиллерсона, с кем он встречался, о чем говорил, агенты ежедневно составляли подробные донесения. Имели место и провокации. 27 сентября чешский офицер в отставке Ф. Кржиштал предложил Гиллерсону купить чертежи пулемета и обещал поставлять секретные сведения из генерального штаба чехословацкой армии. Глава миссии сдал провокатора полиции⁶⁶.

1 октября 1920 г. Гиллерсон был принят Бенешем. «Не стесняясь в выражениях, я ему высказал все свое неудовольствие, — писал Гиллерсон Чичерину, — потребовал, чтобы он опроверг лживые обвинения и инсинуации по моему адресу». Гиллерсон упрекал Бенеша, что тот не ответил ни на одно его заявление, ни на одну ноту протеста. Он не может позволить, чтобы «представителя Советской России третировали как бедного родственника». Бенеш сказал, что не сомневается в его лояльности и обещал сделать соответствующее заявление в парламенте, а на протесты и ноты не отвечал, поскольку собирался поговорить лично. В то же время министр сказал, что имеется компрометирующий материал на Вишневого, в частности, о его контактах с Алоизом Муной (1886–1943), одним из лидеров левых радикалов, ведущих активную коммунистическую пропаганду⁶⁷.

Гиллерсон тогда еще не знал, что во время служебной поездки в Берлин Вишневицкий на границе в Дечине 23 сентября был задержан чехословацкой полицией и у него отобрали паспорт и дипломатическую почту. Следивших за ним полицейских агентов Вишневицкий заметил еще на вокзале в Праге и обругал их. Правда, из его рапорта следует обратное, что агенты с бранью набросились на него.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 21.

⁶⁵ AMZV. II. sekce — 2. Кг. 563 (в деле отсутствует пагинация).

⁶⁶ Ibid. Кг. 563.

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 25–26.

В Дечине эти агенты обратили на «бухгалтера» внимание пограничников и таможенников, которые досмотрели его багаж, извлекли оттуда машинописные листы, оказавшиеся переводом из чехословацких газет, и обнаружили запечатанный пакет, адресованный Чичерину. Пакет таможенники не решились вскрыть, но потребовали, чтобы Вишневский его отдал, так как в паспорте не было отмечено разрешение на его провоз. Затем Вишневским занялась полиция, и после длительных пререканий и взаимных угроз ему вернули паспорт и пакет⁶⁸.

Несмотря на обещания Бенеша, выпады против Гиллерсона и миссии в печати продолжались. 13 октября на его квартиру явилась группа легионеров и заявила дворнику, что Гиллерсон должен немедленно убраться, иначе будет повешен⁶⁹. 22 октября на митинге правых легионеров было принято постановление требовать удаления Гиллерсона и лишения миссии права пользоваться шифром и радио, было сделано предупреждение, что если правительство будет бездействовать, то они сами примут меры⁷⁰. Гиллерсон рекомендовал Чичерину категорически потребовать от Бенеша самого строгого соблюдения экстерриториальности в отношении себя и всех сотрудников миссии, объяснения и удовлетворения по поводу инцидента с Вишневским и «вообще по поводу травли»⁷¹. Гиллерсон считал, что причина перемены отношения к нему лично и к миссии кроется в неудачах Красной армии на польском фронте, в происках Антанты, которая якобы потребовала его удаления, во влиянии на Бенеша лидеров партии эсеров Осипа Соломоновича Минора (1861–1932), Владимира Михайловича Зензинова (1880–1953), Владимира Ивановича Лебедева (1883–1956), приехавших в Прагу осенью 1920 г.⁷²

Одной из причин изменения отношения к миссии чехословацкого правительства Гиллерсон считал и окончательный раскол ЧСДРП на правую и левую, который произошел на XIII съезде 25–28 сентября 1920 г. В донесениях в Москву Гиллерсон подчеркивал, что правая присоединилась к критике внутренней и внешней

⁶⁸ AMZV. II. sekce – 2. Kř. 563.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 41.

⁷⁰ Там же. Л. 39.

⁷¹ Там же. Л. 40.

⁷² Там же. Л. 36.

политики большевиков, используя для этого печать, партийные мероприятия, трибуну Национального собрания. Один из лидеров правицы Антонин Немец (1858–1926) заявил в Национальном собрании:

Чешские социал-демократы не могут разделять взгляды коммунистов. <...> Русская советская республика за три года своего существования принесла пролетариату лишь неизмеримые страдания и муки. <...> Мы от Ленина инструкций не хотим и не нуждаемся в них⁷³.

На съезде ЧСДРП (правицы) 27–29 ноября 1920 г. (также названным XIII съездом) Франтишек Соукуп (1871–1940), докладывая о ситуации в партии, видел причину раскола социал-демократии, которая могла стать ведущей партией в ЧСР, в том огненном факеле, который Москва бросила в пролетариат всего мира. «Русские коммунисты хотят стать диктаторами мировой революции. <...> Мы не подчинимся III Интернационалу, не позволим командовать собой московскому централизму», — сказал Соукуп⁷⁴. Широкий резонанс в прессе вызвало выступление на съезде Я. Полаха, который накануне съезда только вернулся из Советской России. Он обличал советскую действительность и заявил, что «в России нет и в помине коммунизма»⁷⁵.

В отчете советской миссии Красного Креста за ноябрь 1920 г. отмечено, что «за правицей стоит почти половина членов бывш[ей] с[оциал]-д[емократической] партии». А в Национальном собрании ЧСР депутаты от правицы преобладают: «В парламенте из 80 депутатов с[оциал]-д[емократов] в клуб левицы входит лишь 22. В сенате почти все с[оциал]-дем[ократы] принадлежат к правице»⁷⁶. Относительно левицы указывалось, что «по своему составу и настроению она все еще крайне неопределенна», что при первом же более или менее решительном выступлении среди нее вполне возможен раскол: «Есть в ней группы, как например [в] Кладно, которые являются определенными и открытыми коммунистами, но среди ее руководителей есть и такие, которые или стыдятся названия коммунист, или

⁷³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 27.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Л. 27–28.

⁷⁶ Там же. Л. 28.

стараются как-нибудь этот неприятный вопрос [замолчать]. Надежда на мирный переход к социализму глубоко сидит в сердцах многих левачаков»⁷⁷.

Гиллерсон не верил в революционность рабочих Чехословакии. 22 октября он писал Чичерину:

Решимости революционного действия я что-то не жду. Психика чехов мне напоминает их национальное блюдо — кнедлики — это непроваренное тесто, липкое, вязкое, тягучее. Любимое блюдо — *verřove s knedlikem* — жирная свинина с кнедликами. Народ, который ест много жиру и углеводов, получает мало стимулирующих солей и экстрактивных веществ, — едва ли способен на революционный энтузиазм⁷⁸.

«Ваши сведения из белого стана очень интересны и важны»

После уличения сотрудников миссии в причастности к подрывной деятельности против чехословацкого государства и скандалов в прессе круг источников информации Гиллерсона резко сузился. Тучек, несмотря на то что получил полномочия от Наркомата внешней торговли РСФСР, избегал сотрудничества с миссией и заявил Гиллерсону, что поступает на частную службу⁷⁹. На работе миссии не мог не сказаться и уход Яковсона, единственного сотрудника, владевшего чешским языком и имевшего связи с деятелями науки и культуры ЧСР. 15 октября в связи с поступлением в Карлов университет он оставил службу в миссии. Гиллерсон просил Чичерина не ставить уход Яковсону в вину⁸⁰.

В донесениях главы миссии РОКК в НКВД в октябре-ноябре 1920 г. почти нет упоминаний о встречах с чехословацкими политиками, представителями деловых кругов, прессы. Донесения, как и обзоры внешней и внутренней политики ЧСР, регулярно направляемые миссией в Москву, составлялись преимущественно по материалам печати, публикациям выступлений Бенеша, дебатов в парламенте. На основе их анализа в обзоре миссии за ноябрь 1920 г. был сделан вывод, что среди чехословацких политических партий

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 28.

⁷⁸ Там же. Д. 53925. Л. 6–7.

⁷⁹ Там же. Д. 53927. Л. 59; П. 274. Д. 53932. Л. 17.

⁸⁰ Там же. П. 273. Д. 53925. Л. 8.

в отношении к Советской России существует три течения. Первое течение представляет левиза, которая «за полное единение с Сов[етской] Россией». Второе течение: чехословацкое правительство, ЧСДРП (правиза), национальные социалисты, аграрии выступают «за нейтралитет, за мир с Россией, но против большевистского правительства, которое должно скоро пасть не от интервенции, а от внутренних противосоветских народных сил». Большевиков должно сменить демократическое правительство, которое будет представлено в первую очередь эсерами, меньшевиками и кадетами. И третье направление представляет Карел Крамарж (1860–1937), который «все время стоял и теперь стоит за интервенцию против Сов[етской] России»⁸¹.

Такой уровень информирования явно не удовлетворял Москву. 29 ноября Чичерин, выказывая недовольство, наставлял Гиллерсона: «Не настало ли время для Вас в Праге выйти из Вашей политической изолированности, завязать побольше сношений, возобновить отношения с Бенешем и Масариком и вообще войти больше в политическую жизнь?» Нарком не верил, чтобы «при нашем блестящем положении <...> не было в чешском политическом мире стремления с нами сблизиться». Чичерин также рекомендовал Гиллерсону обратить внимание на Югославию, и спрашивал, почему ничего не вышло с планом возобновления отношений с Белградом. Нарком упрекал Гиллерсона:

Получилось известие, что Югославия будет убежищем для армии Врангеля. Этого не было бы, если бы мы там были представлены, ибо сербское общество полно к нам сочувствия, так что Трумбичи и Веснич⁸² не посмели бы на это идти, если бы мы там, на месте, против этого боролись. Надо подчеркивать, что основной принцип нашей политики есть взаимность⁸³.

Одновременно Чичерин возлагал на миссию Гиллерсона обязанность вести работу среди бывших легионеров и в рядах русской эмиграции. 24 октября нарком писал в Прагу:

⁸¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 31.

⁸² Анте Трумбич — с 18 декабря 1918 г. по 22 ноября 1920 г. министр иностранных дел, а Миленко Веснич (1863–1921) — с 16 мая 1920 г. по 1 января 1921 г. премьер-министр Югославии.

⁸³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53924. Л. 8.

Легионеры частично прозревали и начинали понимать свою роль и действительный смысл Советской Республики. Этому настроению надо идти навстречу, давать понять, что мы оценили совершившийся поворот, стараться использовать результаты. Вообще Ваши сведения из белого стана очень интересны и важны. Постарайтесь развивать эти связи. Дайте побольше сведений о сочувствующих нам офицерах. Вообще Прага стала эсеровским центром: нельзя ли это побольше использовать, нельзя расширить влияние на кающихся интеллигентов и извлечь из их числа тех, которые могли бы нам оказывать услугу[?]»⁸⁴.

Гиллерсон развернул весьма активную деятельность в этом направлении. Сведения об эсерах в докладах миссии очень подробны, что наводит на мысль о том, что в их рядах нашлись те, кто оказывал услуги.

Особый интерес в Москве проявили к вернувшемуся из Сибири генералу Радоле Гайде (1892–1948), о котором в октябре 1920 г. Гиллерсон, ссылаясь на достоверные источники, сообщил в НКВД, что «он не прочь оказать нам услуги». Гиллерсон писал Чичерину:

Есть основание допустить, что Гайда готов поступить на советскую службу. Если бы это подтвердилось, и Москва была бы согласна, необходимо будет устроить ему проезд в Москву инкогнито. Несомненно, Гайда честолюбец авантюрной складки, но не без демократического радикализма и, по-видимому, желает связать свое имя с левым движением⁸⁵.

В то время Гайда собирался ехать в военную академию в Париж, и Гиллерсон считал, что его сведения оттуда, в силу его близости к высшим военным французским кругам, были бы полезны⁸⁶. Как только это сообщение было расшифровано, Чичерин сразу же написал Гиллерсону:

Нам еще не удалось выяснить, допустим ли приезд Гайды в Москву. Спешу Вам сообщить, однако, что мы приписываем серьезное значение сношениям с ним и просим Вас отнестись к этим сношениям со всей заботливостью и поддерживать их <...>, надо идти навстречу его левым поползновениям, надо использовать происшедший у него в Сибири разлад с Колчаком и другими крайними правыми⁸⁷.

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53924. Л. 11.

⁸⁵ Там же. Д. 53927. Л. 33.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Д. 53926. Л. 11.

26 октября Чичерин сообщил Гиллерсону, что разрешение на приезд Гайды в Москву получено, однако якобы неудобно к нему обращаться с приглашением, «но если он сам обратится к нам и предложит приехать сюда, мы не будем возражать». Нарком просил Гиллерсона выяснить, каковы могут быть предложения Гайды, рекомендуют ли при этом проявлять осмотрительность: «Позаботьтесь, чтобы инициатива исходила от него, а не от нас»⁸⁸. Последовавшие переговоры советского представителя с чехословацким генералом покрыты тайной. Только 4 ноября Гиллерсон в шифровке с грифом «Совершенно секретно» сообщил Чичерину о предстоявшем отъезде Гайды (в шифровке — Таиды) в Париж и его обещании через месяц передать «информацию о планах французского генерального штаба»⁸⁹.

Гиллерсон имел своих людей в ставке лидера Украинской народной республики Симона Васильевича Петлюры (1879–1926), сообщал о передвижении петлюровских воинских подразделений, попытках их проникновения на территорию Советской Украины с указанием численности, вооружения, имен и особых примет атаманов, документов, которыми они снабжены, места и времени перехода границы⁹⁰. Гиллерсон получал информацию и копии документов из миссий УНР в Праге и в Берлине. Он имел информаторов среди агентов Врангеля. Сообщал в Москву о связях Врангеля с повстанческими организациями на юге России, на Украине, в Приднестровье, за границей⁹¹. Ему удалось установить, что агенты Врангеля были в Московской ЧК и даже в ВЧК⁹².

Ссылаясь на своих «корреспондентов» в Румынии и Польше, Гиллерсон в ноябре 1920 г. сообщал Чичерину о забастовках в Румынии, о повстанческом брожении в Восточной Галиции, которое «следовало бы использовать»⁹³.

Однако по вопросу «о пределах и направлении конспиративной работы» у Гиллерсона возникли разногласия с Вишневым, который обвинил главу миссии «в правизне» и, сославшись на полномочия Коминтерна, создал свою агентурную сеть. Служащим миссии,

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53926. Л. 12.

⁸⁹ Там же. Д. 53927. Л. 47.

⁹⁰ Там же. Л. 44, 60.

⁹¹ Там же. Л. 35.

⁹² Там же. Д. 53928. Л. 16.

⁹³ Там же. Д. 53927. Л. 57–58.

работавшим на него, Вишне夫斯基 доплачивал из своих средств⁹⁴. Очевидно, не имея достаточного веса в НКВД, Вишне夫斯基 от имени миссии вызвал в Прагу председателя Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Я. Петрлика-Салата под предлогом, что он должен вернуться на партийную работу в Чехословакию. Когда в ночь с 5 на 6 ноября Петрлик-Салат нелегально прибыл в Прагу, оказалось, что о его вызове никто не знал, ни лидер левицы Шмераль, ни Гиллерсон. Вишне夫斯基, изворачиваясь, обвинил в создавшейся путанице Шмералья⁹⁵. Подлинная причина вызова, видимо, заключалась в том, чтобы опорочить Гиллерсона в глазах влиятельного в московских кругах чешского коммуниста. 10 ноября Петрлик-Салат писал в НКВД заведующему подотдела Центральной Европы Игнатию Семеновичу Якубовичу (1881–1941):

Вишне夫斯基 жаловался <...> на Гиллерсона, что он дело ведет слабо. Говорит мне в отсутствие Гиллерсона, что было бы хорошо Гиллерсона затребовать в Москву, так как он слишком будто боится.

У Петрлика-Салата сложилось впечатление, что Вишне夫斯基 по сравнению с Гиллерсоном обладал большей информацией и лучше ориентировался в обстановке. Он работал, писал Петрлик-Салат, в постоянном контакте «со всеми нашими товарищами», всем интересовался, стремился как можно тщательнее вникнуть в положение дел и сумел «больше наладить дело информации»⁹⁶. На предложение Петрлика-Салата больше информировать НКВД Вишне夫斯基 ответил, что Наркоминдел дал такое поручение Гиллерсону, а не ему, и «что если Чичерин или Вы хотите больше информации, прикажите это дело официально [вести] ему, Вишневскому, тогда он будет информировать»⁹⁷.

Как и рассчитывал Вишне夫斯基, информация была доведена до сведения руководства НКВД. С письмом Петрлика-Салата ознакомились Чичерин и его заместитель Лев Михайлович Карахан (1889–1937). Неизвестно, когда Вишне夫斯基 получил поручение информировать НКВД, но 3 декабря 1920 г., находясь в Берлине, он

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 33.

⁹⁵ Там же. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 7.

⁹⁶ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 16–17.

⁹⁷ Там же. Л. 17.

конфиденциально сообщил в письме Якубовичу о плачевном положении советской миссии в Праге:

Дело в том, что, собственно говоря, мы совершенно не существуем, с нами никто не считается и о миссии Красного Креста, как таковой, говорят или пишут, а пишут очень много, только тогда, когда можно ругать. <...> Министерство иностранных дел с Бенешем во главе совершенно не обращают на нас никакого внимания, в то время как министерство внутренних дел сильно нами озабочено.

Он жаловался, что канцелярия миссии находится в здании Чехословацкого общества Красного Креста, что в соседней комнате расположились агенты полиции, которые допрашивали всех приходивших. По его словам, выходявших тоже подвергали допросам, более того — обыскам, арестам и даже якобы высылкой из страны. То же самое происходило и в гостинице «Империал», где жили некоторые сотрудники миссии. Все они находились под круглосуточным надзором полиции. Вишневский сообщил о своем аресте на границе, а Гиллерсон, по его мнению, не принял действенных мер, ограничившись лишь «вежливым» письмом Бенешу. Вишневский писал:

Вообще, с нашей стороны не делается ни одного шага для поддержания престижа миссии как представительства РСФСР, а исключительно по личному вопросу (так в документе. — *Н. С.*). При такой д и п л о м а т и и далеко, конечно, не заедем. <...> Приходится иногда решать вопросы самостоятельно, захватом⁹⁸.

Иными словами, без согласования с Гиллерсоном и вообще миссией. Вишневский вместе с письмом передавал Якубовичу фотографии чешских разведчиков в России, правда, сомневаясь в достоверности информации. В то же время он был убежден, что чехословацкая разведка в Советской России работает на Францию и что в Праге по этому вопросу многое можно было выяснить:

При известной инициативе и при размахе можно было бы всю нашу разведку поставить как следует, но, к сожалению, ни одного, ни другого у нашего д-ра нет. За деньги все можно достать, а денег нет и их жалеют.

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 1–2.

Вишневский сообщал о своих попытках наладить издание газеты «Правда», два номера которой он передал вместе с письмом курьеру, а также о трудностях из-за недостатка людей и денег⁹⁹.

В письме от 4 января 1921 г. Вишневский написал Якубовичу, что за прошедший месяц «в нашей миссии ничего не изменилось. Все тот же застой, безразличие, отсутствие всякого почина». Как и в предыдущем письме, в нем содержатся нападки на Гиллерсона. Письмо интересно тем, что в нем описывается всеобщая забастовка в Чехословакии в декабре 1920 г.¹⁰⁰ Вишневский считал ее «генеральной пробой чешского пролетариата и смотром коммунистических сил»¹⁰¹. Гиллерсон же относительно декабрьских событий высказался отрицательно, раскритиковав их, и «указал, что чешские так называемые коммунисты сделали большую глупость, призывая пролетариат к выступлению и забастовке накануне праздников, благодаря чему коммунисты потерпели поражение»¹⁰².

Вишневский жаловался на Гиллерсона не только в НКВД, но и в Наркомат внутренних дел председателю Центроэвака Александру Владимировичу Эйдуку (1886–1938), который ответил ему, что эти вопросы уже обсуждаются¹⁰³.

«...мне было бы приятно, если бы Гиллерсон уехал»

К концу 1920 г. в Москве пришли к мнению, что Гиллерсон не самая подходящая фигура для ведения дел в Праге. 30 декабря в беседе с полномочным представителем Чехословацкого Красного Креста в РСФСР Й. Скалой замнаркома по иностранным делам М. М. Литвинов признал, что частично вина за недоразумения и конфликты в Праге лежит на Гиллерсоне, и дал понять, что его намерены заменить¹⁰⁴.

Отвечая на сообщение Скалы о беседе с Литвиновым, Бенеш 3 января 1921 г. написал, что ему «было бы приятно, если бы

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 2. К сожалению, не удалось установить, на каком языке и каким тиражом издавалась газета, кто фигурировал в качестве ее издателя.

¹⁰⁰ О забастовке см., например: Kárník 2003: 142–146.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53923. Л. 4.

¹⁰² Там же. Л. 5.

¹⁰³ Там же. Л. 1.

¹⁰⁴ DČZP. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Sv. 1. S. 386. Dok. 249.

Гиллерсон уехал». Бенеш считал, что, принимая во внимание «коммунистические бури у нас», имея в виду декабрьские события, «мы должны быть более твердыми по отношению к большевистским делам, чем прежде». Если Гиллерсон «не уедет сам, то его надо будет выслать», — писал министр. Бенеш считал, что Гиллерсон как глава миссии Красного Креста «почти не принимал участия в работе»: «Репатриацию провели мы сами, а не он». Министр рекомендовал разъяснить советской стороне, что в вопросах экономического сотрудничества Гиллерсон «тоже не может иметь успеха», что эту работу мог бы осуществлять в Праге Тучек, которому правительство ЧСР оказало бы содействие¹⁰⁵.

Через несколько дней вопрос об отзыве Гиллерсона был решен. 14 января Чичерин сообщил ему, что «имеются в виду некоторые планы, связывающие Вас с другим местом и перенесением Вашей деятельности из Праги в другую страну». На должность нового представителя РСФСР в Праге выдвигалась кандидатура бывшего члена Реввоенсовета Республики Семена Ивановича Аралова (1880–1969). Кадровые перестановки нарком объяснял изменением характера представительства, которое «из краснокрестного должно превратиться в нормальное политическое представительство». Якобы в момент назначения Гиллерсона в Прагу это было преждевременно, поскольку правительство ЧСР в то время еще не могло вступать с РСФСР в дипломатические отношения и приглашать к себе советское дипломатическое представительство. «С тех прошло достаточно времени, и в данный момент от краснокрестного типа можно будет по-видимому скоро перейти к дипломатическому типу сношений», — писал Чичерин¹⁰⁶.

В этом письме нарком поручил Гиллерсону разоблачать слухи об агрессивных намерениях советского правительства, о сосредоточении сил Красной армии против прибалтийских государств. «Надо указывать на VIII съезд Советов, как на яркое проявление того, что вся Советская Россия поглощена задачами хозяйственного восстановления и мирного труда», — подчеркивал Чичерин. Толки же о якобы сосредоточении войск против прибалтийских государств вызваны их передислокацией после завершения боевых действий на польском

¹⁰⁵ ДМИСЧО. Т. 1. С. 391–392. Док. 344.

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 1.

фронте, что привело к появлению некоторых частей там, где их раньше не было. Эти мероприятия противниками Советской России выдаются, как «якобы сосредоточение наших войск против наших соседей, на которых в действительности мы несколько, разумеется, и не думаем нападать и с которыми мы всячески стараемся установить самые дружелюбные отношения»¹⁰⁷.

Отвечая на это поручение и другие подобные ему, Гиллерсон 7 февраля 1921 г. писал в НКВД:

В заграничном представлении вообще, в Чехословакии, в частности, Коминтерн конгруирует с Москвой, Исполнительный комитет III Интернационала отождествляется с советским правительством, агрессивность коммунистического авангарда пролетариата претворяется в агрессивность Советской России.

По его мнению, «разомкнуть этот круг представлений и сопоставлений невозможно». Повсюду господствуют убеждения об участии руководителей Коминтерна, ЦК РКП(б) в правительственной деятельности, о влиянии этих органов на политику советского государства, использующего все средства, чтобы «вызвать революционное движение во всей Европе, во всем мире (и даже в его окрестностях)»¹⁰⁸. Отсюда недоверие к заявлениям советского правительства о демобилизации Красной армии, об оборонительном характере военной политики, о стремлении к хозяйственному строительству и т.д. «Все резолюции в этом смысле, мол, лишь для отвода глаз, — писал Гиллерсон. — <...> Не только нашу дипломатию считают тайной, но и всю правительственную деятельность конспиративной»¹⁰⁹. Он подчеркивал, что следствие по делу коммунистов после декабрьских выступлений установило компрометирующую их связь с Москвой, чем не замедлил воспользоваться Бенеш, обвинив Советскую Россию во вмешательстве во внутренние дела страны¹¹⁰.

В письме Гиллерсон позволил себе, по его собственному признанию, «еретическое отступление», выразив сомнение в целесообразности в то время мировой революции. Наблюдая хаос и экономическую разруху, вызванные революцией в России, он предполагал, что

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же. Д. 53929. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Л. 3.

«революционное движение за границей расстроит и там хозяйство на более или менее продолжительный срок», и «помощи оттуда получить мы не сумеем». А без заграничной технической помощи в широких масштабах не удастся ни наладить хозяйственную жизнь, ни осуществить электрификации, которая рассматривалась как предпосылка для успешного коммунистического строительства. Гиллерсон считал:

Не наладив нашего хозяйства, мы обречены на гибель. Погибнет первое показательное социалистическое государство, которое могло бы служить самым сильным, самым убедительным революционизирующим примером для мира¹¹¹.

В обзоре миссии от 8 февраля отмечалось, что в последнее время Бенеш неоднократно заявлял как о невмешательстве Праги во внутренние дела Советской России, так и о недопустимости антигосударственной пропаганды, которую до сих пор Москва вела в Чехословакии. Он уверял, что идея интервенции всеми похоронена, но, если большевики перейдут в наступление, Чехословакия всеми силами будет обороняться — армия наготове. В обзоре подчеркивалось, что по сравнению с августом 1920 г. в заявлениях министра это — «новая нотка»:

Бенеш не без влияния увивающихся вокруг него эсеров больше решительно не верит в жизнеспособность советского режима и уверен во внутреннем перевороте, за которым после более или менее длительного периода тяжелой анархии последует предположительно установление демократического режима.

Если в дни наступления Красной армии на Варшаву печать, близкая Бенешу, серьезно считалась с перспективой советизации Польши, и, несмотря на французское давление, не могло быть и речи о какой бы то ни было поддержке Польши со стороны Чехословакии, то теперь Прага утратила веру в военную мощь Советской России, а после неудачного выступления в декабре левицы — и в силу коммунистического движения в собственной стране. Но главную причину «враждебного тона в отношении России» в советской миссии видели в том, что чехословацкий министр «пришел к убеждению

¹¹¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 4.

неминуемого союза будущей России (безразлично, советской ли, монархической ли, или “третьей” кадетско-эсеровской) с Германией, союза, прежде всего, направленного к сокрушению Версальского мира»¹¹². Бенеш тесно связывал свою политику в отношении Советской России с политикой Антанты, поэтому он приветствовал «признание Антантой окраинных государств», возмущался «советской политикой на Кавказе, умело используя при этом фразеологию русских эсеров», наконец, «назойливо» заигрывал с Польшей, «несомненно, рассчитывая на важность средневропейского противорусского кордона (Польша, Чехословакия, Румыния) и лишь вычеркивая из такового кордона звено опасное для Чехословакии — Венгрию»¹¹³.

В обзоре отмечалось, что политику Бенеша в отношении Советской России поддерживает большинство чехословацких партий. Против нее выступает только левица. Кроме того, в обзоре указывалось на особую позицию одного из лидеров правых социал-демократов А. Немеца, который, хотя и одобрил основные постулаты внешней политики Бенеша, но в то же время подчеркнул, что в некоторых пунктах чехословацкая социал-демократия с ними расходится. По мнению Немеца, западной ориентации для внешней политики Чехословакии недостаточно, нельзя сбрасывать со счетов Россию. Он считал, что возможность советско-германского союза не должна вызывать опасений, поскольку Чехословакия могла бы к нему присоединиться¹¹⁴.

С такой характеристикой внешней политики ЧСР в отношении Советской России Чичерин не мог согласиться. Нарком, по-видимому, считал, что для объективной оценки внешней политики Праги круг источников информации Гиллерсона слишком узок. Очевидно, поэтому Чичерин поручил сотруднику миссии И. И. Левину обратиться к своему университетскому товарищу, известному историку-слависту профессору Николаю Владимировичу Ястребову (1869–1923). Ястребов был профессором Карлова университета, обладал связями не только в университетских, но и в политических кругах ЧСР и мог быть источником важных сведений¹¹⁵. В письме же Гиллерсону нарком 23 февраля написал, что его оценки политики

¹¹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53937. Л. 2–3.

¹¹³ Там же. Л. 3.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. Д. 53929. Л. 5.

Бенеша не совсем сходятся с «до сих повторяющимися публичными выступлениями, в которых он (Бенеш. — *Н. С.*) подчеркивает, что не питает никаких планов против Советской России, и что Чехословакия будет держаться в стороне от всяких направленных против нас планов и комбинаций». Чичерин упрекнул Гиллерсона в том, что он недооценивает значение выступления Немеца, которое свидетельствует, что «имеется довольно-таки сильное давление на чешское правительство в благоприятном для нас смысле». Нарком также настаивал на необходимости «использовать Прагу для хотя бы первоначального контакта с различными правительствами Юго-Восточной Европы»¹¹⁶.

Гиллерсон, однако, оставался при своем мнении в оценке политики ЧСР в отношении Москвы, выражая убежденность «в готовности Бенеша вступить во всякую антисоветскую коалицию с “профилактической” целью на случай “красной опасности” с нашей стороны». Он считал, что Чичерин преувеличивает значение выступления Немеца, предполагая, что «имеется какая-то сила, оказывающая благоприятное для нас влияние»¹¹⁷. Заявление Немеца не только в парламенте и в печати прошло незаметно, но даже в своей партии он оказался в одиночестве. «Какой-либо организованной, активной в теперешней правительственной политике, благоприятной для нас силы я, может быть и ошибаюсь, не вижу», — написал Гиллерсон. Он считал, что Бенеш осознавал, что любые агрессивные действия против России не встретят сочувствия не только среди рабочего класса, но и всего населения, испытывавшего пиетет к России. Гиллерсон отметил русофильские настроения и у некоторых ответственных сотрудников министерства иностранных дел ЧСР, в частности, у заместителя Бенеша Вацлава Гирсы (1875–1954), с которым ему приходилось часто общаться. Сам Гирса, по словам Гиллерсона, предпочитал видеть Россию как «единую, неделимую и великую» и не мог смириться с суверенитетом бывших окраин. Бенеш же — западник, «убежденный антибольшевик», готовый, по мнению Гиллерсона, «столкнуться со всякими антибольшевистскими группами». Ссылаясь на достоверные источники, он уверял, что Бенеш отпускал средства на издание эсеровской газеты «Воля России», заигрывал с украинскими

¹¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 2.

¹¹⁷ Там же. Д. 53929. Л. 12.

эмигрантами, причем вел одновременно переговоры как с лидером УНР Петлюрой, так и с лидером Западноукраинской народной республики Евгением Емельяновичем Петрушевичем (1863–1940), находившимся в Праге¹¹⁸. Гиллерсон упрекнул Чичерина, что тот совершенно не реагировал на его сведения по украинским делам, которые он регулярно направлял в Москву. «Это отдает каким-то пренебрежением к работе Вашего сотрудника», — писал Гиллерсон наркому¹¹⁹.

Со своей стороны Чичерин ставил в укор Гиллерсону то, что он не проявил достаточной заботы о престиже миссии. На эти обвинения Гиллерсон ответил:

Престиж миссии, когда это нужно было, своевременно и в достаточной мере мною ограждался. <...> Нашей экстерриториальности фактически не нарушают. К моим требованиям относятся довольно предупредительно. Если меня окружают шпики, то ведь это, конечно, [по] взаимности. Не можем отрицать, что Скала также окружен шпиками.

Посетители чехословацкой миссии Красного Креста в Москве тоже арестовывались ЧК¹²⁰. Догадываясь, что Чичерин, обвиняя его, основывался на доносах, Гиллерсон написал: «Позволю себе рекомендовать коллегии [НКВД] строить свои выводы и предпринимать соответствующие шаги лишь на основании информации, исходящей непосредственно от меня. Ко всяким же другим источникам просил бы относиться осторожнее». Он посоветовал, чтобы любые сведения из Праги проверялись у него, а любителям доносить было бы рекомендовано «заниматься собственными делами, тем более что у них не все благополучно»¹²¹. Гиллерсон просил больше информировать его о внутренней и внешней политике советского государства. «Ведь пока я еще здесь, я должен быть осведомлен», — написал он наркому 2 марта 1921 г.¹²² Гиллерсон просил ежедневно по радио сообщать ему самые существенные сведения о хозяйственной жизни РСФСР. Он собирался выпускать бюллетень на чешском языке, рассчитывая таким образом хотя бы отчасти нейтрализовать сообщения

¹¹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 13.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Д. 53932. Л. 58.

¹²¹ Там же. Л. 56.

¹²² Там же. Л. 58.

чехословацкой печати, что экономическая разруха в Советской России достигла ужасающих размеров¹²³.

Чичерин, невзирая на ответ Гиллерсона, продолжал настаивать на своем требовании поддерживать престиж миссии. 7 марта он написал в Прагу:

Вопрос о поддержке достоинства нашего представительства поставлен не только отдельными инцидентами, о которых мы слишком мало осведомлены, но всею обстановкою существования нашего представительства. Нельзя допускать, чтобы наше представительство ютилось где-то под чердаком в гостях у чужого учреждения даже без собственного официального помещения. <...> Нельзя допустить, чтобы сотрудники нашего представительства жили где-то совершенно оторвано и разрозненно, не составляя единого целого как официальная делегация. Нам нужно обязательно добиться, чтобы у нас было официальное помещение, где помещалась бы делегация как таковая, и где она была бы хозяйном. Где же экстерриториальность, если делегация помещается у чужих людей. Элементарные требования представительства, т.е. иммунитет и экстерриториальность должны быть проведены. Без этого никакое представительство недопустимо¹²⁴.

Гиллерсон вынужден был оправдываться, доказывая, что миссия «не уютится где-то под чердаком», а располагается на том же этаже, где и президиум Чехословацкого Красного Креста во главе с А. Масарик. Он разъяснил, что в Праге не хватает помещений для иностранных миссий и многие посольства размещены в гостиницах. Гиллерсон считал, что было бы большой тактической ошибкой ждать, пока найдется подходящее помещение, «так как было необходимо начать работу по делам военнопленных»: «Среди пленных всякое промедление вызвало бы недовольство и недоумение чехов». Поэтому предложение Чехословацкого Красного Креста, предоставившего часть своего помещения, который сам был стеснен, он расценивал как любезность, а не «как умаление нашего престижа». Что же касается проживания сотрудников миссии, то вначале все они разместились в одной гостинице, а затем некоторые переселились на квартиры, руководствуясь личными соображениями и желаниями. Вопреки мнению наркома,

¹²³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 42, 57.

¹²⁴ Там же. Л. 49.

Гиллерсон не видел никакого нарушения экстерриториальности в таком положении миссии¹²⁵. Сознвая, что замечания и упреки Чичерина обращены к нему лично, Гиллерсон 30 марта написал наркому:

Я в дипломатические представители не тянулся и не тянусь, к дипломатической деятельности я не готовился. Правда, к ней не готовились и все прочие наши заграничные представители. Они, вероятно, обладают прирожденными дипломатическими дарованиями, если таковые вообще существуют. <...> Конкурировать ни с кем не собираюсь. Если мне докажут, что каждый из них на моем месте мог бы добиться большего, — спорить не посмею. Что же, не моя вина, а моя беда. Но против Ваших упреков, основанных лишь на вздорных кривотолках, без проверки, без выяснения обстановки и реальных возможностей — спорю и самым решительным образом их отрицаю¹²⁶.

Недоверие и постоянные упреки со стороны наркома тяготили Гиллерсона. К тому же возникли проблемы в самой миссии. В марте в Германию сбежал секретарь миссии Н. А. Кузьмин. В письме Карахану Гиллерсон 31 марта написал, что никакого вреда советской власти он принести не сможет, так как политикой он не интересовался и никаких тайн миссии не знал¹²⁷. Обострились отношения с Вишневым. Гиллерсон жаловался Чичерину и Карахану, что Вишневский уклоняется от его контроля, «ссылаясь на непосредственные свои сношения с Берлином». «Я этого допустить не могу, т. к. он является официальным сотрудником миссии, и его промахи могут скомпрометировать миссию», — писал Гиллерсон в НКВД¹²⁸. Он сомневался в достоверности сведений, поставляемых Вишневым, опасался провокации и просил наркома срочно принять соответствующие меры¹²⁹.

В апреле 1921 г. завершились советско-чехословацкие переговоры об обмене торговыми миссиями, которые велись вначале Скалой в Москве, а затем Л. Тучеком и Вацлавом Чехом (1890–1942) с Литвиновым в Ревеле. Заминка возникла в связи с кандидатурой советского торгового представителя, поскольку первоначальное предложение советской стороны назначить на этот пост С. И. Аралова было встречено ожесточенной критикой в чехословацкой прессе,

¹²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 73, 75.

¹²⁶ Там же. Л. 74.

¹²⁷ Там же. Д. 53929. Л. 6.

¹²⁸ Там же. Л. 21.

¹²⁹ Там же. Д. 53932. Л. 78.

утверждавшей, что он был начальником оперативного штаба пензенской группы большевиков, действовавших против чехословацких легионеров в Сибири. Поэтому Скале была высказана просьба, чтобы он добился у советского правительства замены кандидатуры, так как в противном случае деятельность Аралова в Праге была бы затруднена нападками на него чехословацкой печати. По этому поводу были сделаны представления и Гиллерсону¹³⁰. В качестве ответной меры Чичерин предложил отводить кандидатуры всех легионеров. Но Гиллерсон считал «огульный отвод легионеров неправильным и нецелесообразным», поскольку среди них были те, кто не сражался против советской власти, кто был искренне расположен к Советской России¹³¹. С этим мнением в конечном итоге Чичерин согласился¹³².

В начале переговоров об обмене торговыми миссиями Литвинов настаивал на необходимости подписания торгового договора между двумя странами, который должен быть заключен до начала работы миссий. Но у В. Чеха создалось впечатление, что советской стороне «гораздо важнее произвести обмен миссиями и по возможности подписать договоры, чем действительно торговать». Поэтому 29 марта он предложил Литвинову пока не заключать специальный торговый договор и ограничиться только временным соглашением, которое установило бы права и обязанности миссий, а затем миссии непосредственно занялись бы подготовкой торгового договора, с чем советский представитель согласился¹³³. В. Гирса подготовил проект такого соглашения, который 15 апреля был принят Москвой¹³⁴. Главой учреждаемой торговой делегации РСФСР в ЧСР был назначен Павел Николаевич Мостовенко (1881–1938)¹³⁵.

Гиллерсон был оскорблен, что основные переговоры о назначении торговой миссии велись со Скалой и Чехом, ему же были поручены лишь различного рода согласования и уточнения в этой связи. Более того, НКВД даже не посчитал нужным должным образом информировать Гиллерсона о ходе этих переговоров, и от Гирсы он узнавал

¹³⁰ ДМИСЧО. Т. 1. С. 407. Док. 361.

¹³¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 154.

¹³² Там же. Д. 53933. Л. 17.

¹³³ ДМИСЧО. Т. 1. С. 408–409. Док. 362.

¹³⁴ Там же. С. 411–412. Док. 365; С. 415. Док. 368; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53933. Л. 11–12.

¹³⁵ ДМИСЧО. Т. 1. С. 416. Док. 370.

больше, чем от Чичерина. «От Гирсы узнаю то, что он должен был бы узнавать от меня», — написал Гиллерсон наркому 25 апреля. Он напомнил Чичерину и о том, что о намерении Москвы его отозвать Скала и Бенеш узнали раньше него¹³⁶. Гиллерсон запросил отпуск, чтобы поехать в Австрию или Германию для занятий медициной¹³⁷.

«Это типичный общественный работник-интеллигент старого толка»

Тем не менее до приезда в июне 1921 г. торговой делегации во главе с Мостовенко в Прагу Гиллерсон занимал свой пост, выполнял поручения НКВД, регулярно посылал в Москву телеграммы и сообщения о текущих делах, о внутриполитическом и международном положении ЧСР. В экономических обзорах часто указывалось на отсутствие рынков сбыта, что привело к застою почти во всех отраслях промышленности Чехословакии, влекло за собой рост безработицы, сокращение рабочей недели, обострение рабочего вопроса. При анализе внутриполитической ситуации прежде всего отмечались сложные межнациональные отношения: между чехами и немцами, а также в Словакии и в Подкарпатской Руси, где имели место требования автономии и протесты против пражского централизма¹³⁸. Миссия составляла специальные обзоры о положении в Словакии и Подкарпатской Руси. В донесениях Гиллерсона и в письмах сотрудников миссии часто встречаются свидетельства об эксцессах «на почве немецко-чешских национальных раздоров». В то же время Гиллерсон не исключал возможности создания правительственной коалиции чешских и немецких политических партий и считал, что с немецкими политическими лидерами следовало поддерживать хорошие отношения. Когда к нему обратились пражские немцы с просьбой оказать содействие в возможно скором возвращении пленных немецкой национальности в Чехословакию, он просил Чичерина повнимательнее отнестись к этому вопросу, «так как в последнее время делаются попытки со стороны некоторых чешских видных политических деятелей привлечь немцев к участию в правительстве». Гиллерсон писал наркому:

¹³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 110.

¹³⁷ Там же. Д. 53929. Л. 27.

¹³⁸ См., например: Там же. Л. 14, 34.

В случае вступления немцев в правительство можно ждать некоторой эмансипации от Антанты, главным образом — Франции, и некоторого поворота в нашу пользу. Скорейшим возвращением пленных мы можем лишь привлечь симпатии здешних немцев¹³⁹.

Особое внимание уделялось отношению чехословацких политических кругов к Советской России, развитию коммунистического движения в ЧСР, подготовке к образованию КПЧ. Гиллерсон проинформировал Москву и о трудностях, возникших накануне съезда левицы, намеченного на 15 мая, который должен был принять решение о присоединении к Третьему Интернационалу и преобразовании партии в коммунистическую, о разногласиях внутри левицы, а также между ее лидерами и эмиссарами Исполкома Коминтерна. 30 апреля он передал в Москву «для Бухарина и Коминтерна» протест лидеров чехословацкой левицы Антонина Заптоцкого (1884–1958), Богумира Шмерала, Бржетислава Гулы (1894–1964), Алоиза Муны, Ярослава Гандлиржа (1888–1942) и Милоша Ванека против действий представителей Коминтерна в Чехословакии Матяша Ракоши (1892–1971) и Дюлы Алпари (1882–1944). Лидеры чехословацкой левицы протестовали, во-первых, против их практики приобретать сторонников путем подкупа, во-вторых, против того, чтобы Исполком Коминтерна принимал решения на основе односторонней информации Ракоши и Алпари, просили лишить их мандатов и передать мандат для информации «кому-нибудь из русских товарищей»¹⁴⁰.

Гиллерсон передавал в Москву сведения по линии разведки и контрразведки: о чешских агентах в России, о способах передачи ими разведанных Скале, об их связях с французской разведкой¹⁴¹. Ссылаясь на сведения своего «корреспондента из Парижа», он сообщил о враждебном отношении к Советской России французских военных кругов:

Если мысль о непосредственной интервенции оставлена, то все же [имеется] большая готовность оказать помощь всякому повстанческому движению оружием и деньгами против Советской России¹⁴².

¹³⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53927. Л. 62.

¹⁴⁰ Там же. П. 274. Д. 53932. Л. 111.

¹⁴¹ Там же. Л. 6, 14.

¹⁴² Там же. Л. 32.

Несмотря на предстоявшее вскоре завершение миссии, Гиллерсон продолжал вынашивать проекты расширения и совершенствования разведывательной сети, охватывавшей Подкарпатскую Русь, Галицию и Польшу¹⁴³.

Он информировал Чичерина о реакции Праги на польско-румынский договор, на попытку реставрации власти Габсбургов в Венгрии, о подписании чехословацко-румынского и румыно-югославского договоров, завершивших формирование Малой Антанты, о чехословацко-польских отношениях, о политике ЧСР в связи с санкциями западных держав против Германии и с плебисцитом в Верхней Силезии. Чичерин просил сообщать больше сведений о внутривнутриполитическом положении Польши, об отношениях Петлюры и польского руководства, отмечая, что советская сторона стремится к сближению с Варшавой и поддерживает стремление «известной части польских правящих кругов к установлению с нами весьма тесных, в частности, экономических сношений»¹⁴⁴.

В последние месяцы пребывания Гиллерсона в Праге в его донесениях значительное место занимали украинские вопросы, в частности, чехословацко-украинские отношения. Он позаботился о том, чтобы и после его отъезда Москва получала регулярно информацию об украинской политической эмиграции. Свои связи в этих кругах он передал главе миссии УССР Михаилу Васильевичу Левицкому (1891–1933), прибывшему в Прагу 10 мая 1921 г. Обещал Гиллерсон ввести в курс украинских вопросов и Мостовенко, если тот пожелает, и познакомить его «с кем надо»¹⁴⁵.

В конце апреля 1921 г. с советским правительством пытались через Гиллерсона связаться русские эмигранты в Аргентине, желавшие вернуться на родину. Ставился вопрос о необходимости советского представительства в этой стране, так как бывшего царского консула эмигранты бойкотировали, а без российской визы пределы Аргентины покинуть было невозможно¹⁴⁶.

5 мая к Гиллерсону обратился бразильский консул в Праге с просьбой разрешить ему поездку в Москву для того, чтобы, во-первых, наладить дело информации, поскольку вся Южная Америка,

¹⁴³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 31.

¹⁴⁴ Там же. Ф. 0509. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 40.

¹⁴⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53929. Л. 28; Д. 53932. Л. 162.

¹⁴⁶ Там же. Д. 53932. Л. 109.

черная информация из французской буржуазной печати, имеет «самые превратные представления о Советской России», и, во-вторых, договориться об установлении непосредственных бразильско-советских торговых отношений. Со своей стороны консул предложил выдавать визы для беспрепятственной поездки советских представителей в Бразилию. О предложениях консула Гиллерсон информировал НКВД¹⁴⁷. В ответной телеграмме заместитель наркома М. М. Литвинов поручил Гиллерсону передать бразильскому консулу, что тот сможет получить визу для поездки в РСФСР тогда, когда Москва получит возможность послать своего консула в Бразилию¹⁴⁸.

Накануне отъезда Гиллерсона в Москву его посетил болгарский посланник в ЧСР. Посланник заявил, что поторопился нанести визит, который не прочь был сделать год тому назад, но тогда этому мешало формальный запрет Антанты на какие-либо контакты с советскими представителями. Теперь, по его словам, это стеснение свободного волеизъявления Болгарии аннулировано, и он нанес визит с ведома болгарского правительства, чтобы «успеть исправить неучтивость». Глава уже прибывшей к тому времени в Прагу торговой делегации РСФСР П. Н. Мостовенко, присутствовавший при этом разговоре, написал Чичерину, что из сказанного посланником следовала «возможность завязать сношения с Болгарией и послать туда нашего представителя под флагом разрешения репатриационного вопроса»¹⁴⁹.

Прибыв в Прагу, Мостовенко вынужден был в качестве одного из первоочередных дел заняться исследованием конфликта между Гиллерсоном и Вишневым. Виновной стороной в конфликте он признал Вишневого, который, «ссылаясь на какие-то особые мандаты от Коминтерна и всяких других учреждений, стал действовать совершенно независимо от Гиллерсона»¹⁵⁰. В результате — полный провал самого Вишневого и весьма сомнительные результаты его деятельности. Мостовенко располагал сведениями, что Вишневский пользовался услугами крайне ненадежных агентов и что в министерстве национальной обороны ЧСР фабриковалась дезинформация для

¹⁴⁷ Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. С. 98–99. Док. 71.

¹⁴⁸ Там же. С. 180. Док. 123.

¹⁴⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 175.

¹⁵⁰ Там же. Д. 53929. Л. 35.

Москвы¹⁵¹. Он считал «абсолютно никчемной» издававшуюся в Праге Вишневым газету «Правда», с помощью которой тот пытался «проводить какую-то политическую линию во всяких внутрипартийных делах»¹⁵². Мостовенко полагал, что Вишневого нужно наказать, чтобы «в будущем обеспечить неповторение им его здешних подвигов, а также чтобы и другим было неповадно»¹⁵³.

Гиллерсон произвел на Мостовенко впечатление «симпатичнейшего, честнейшего и преданного человека». «Это типичный общественный работник-интеллигент старого толка. Он, правда, не коммунист, но он искренне таким себя воображает», — написал глава торговой делегации наркому. Мостовенко считал, что Чичерину следовало бы предоставить Гиллерсону просимый им отпуск в Берлин или Вену, а в будущем, учитывая «бедность НКИД в работниках», можно было бы направить его в качестве полномочного представителя советского Красного Креста в Болгарию¹⁵⁴. Мостовенко предлагал с отъездом Гиллерсона упразднить миссии Красного Креста и в Праге, и в Москве, передав их функции торговым представительствам¹⁵⁵. Это предложение соответствовало плану НКИД. 11 июля Чичерин сообщил Мостовенко, что миссии Красного Креста обеих сторон прекратят свою деятельность. Если военнопленные еще остались, ими могло бы заняться особое лицо в составе торговой делегации. Нарком рассчитывал таким образом избавиться от Скалы, который, по его, наркома, словам, был «слишком скомпрометирован». Чичерин предлагал, чтобы в составе чехословацкой торговой делегации кому-нибудь поручили заниматься бывшими военнопленными. Он не возражал против отпуска Гиллерсону после того, как тот вместе с Вишневым побывает в Москве¹⁵⁶.

30 июля 1921 г. Гиллерсон покинул Прагу. Полицейский агент в донесении педантично зафиксировал время отправления поезда на Дечин — 2 часа 22 минуты пополудни¹⁵⁷.

¹⁵¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53932. Л. 120.

¹⁵² Там же. Л. 118.

¹⁵³ Там же. Л. 35.

¹⁵⁴ Там же. Л. 39.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53931. Л. 22.

¹⁵⁷ АМЗV. II. Sekce — 2. Кг. 563.

Заключение

Таким образом, советская миссия Красного Креста в Праге выполняла функции, далеко выходявшие за пределы официально объявленных — репатриация бывших российских военнопленных. Она рассматривалась Наркоминделом как важный источник информации не только о ситуации в ЧСР, но и в соседних государствах, в которых не было каких-либо официальных представительств РСФСР, о международных отношениях в регионе. Этим объясняются частые обращения Чичерина к Гиллерсону, попытки использовать предоставляемую информацию, чтобы повлиять на ситуацию в интересах Советской России. Зачастую требования наркома были завышены. Гиллерсон и его сотрудники имели весьма ограниченный круг источников и не всегда могли раздобыть необходимую информацию. Не обладали они и таким влиянием, чтобы развернуть активную дипломатическую деятельность в странах Юго-Восточной Европы. Тем не менее советская миссия Красного Креста, будучи первым фактически занимавшим официальное положение представительством РСФСР в Праге, регулярно информировала Москву о внутривнутриполитической борьбе в ЧСР по вопросам внешней политики, об отношении различных политических сил к Советской России, о деятельности чехословацкой дипломатии на международной арене. Кроме того, миссию использовали для организации коммунистической пропаганды, поддержки революционного движения в Чехословакии и соседних странах, для конспиративных целей.

Гиллерсон как глава миссии руководил всеми направлениями ее деятельности. При этом он иногда не соглашался с инструкциями из Москвы, которые, по его мнению, не всегда адекватно оценивали внутривнутриполитическую ситуацию в ЧСР и, соответственно, ее влияние на процесс принятия внешнеполитических решений руководством страны. Гиллерсон не скрывал своих взглядов в отношении политики Москвы; он считал ошибочным решение о наступлении Красной Армии на Варшаву, ставку на раскол ЧСДРП и на успех революционного движения в Чехословакии, сомневался в целесообразности мировой революции. Гиллерсон соблюдал осторожность в вопросах ведения конспиративной работы, из-за чего у него возник конфликт с агентом Коминтерна Вишневым. Нараставшее недоверие и частые упреки со стороны Чичерина побудили Гиллерсона обратиться

к наркому с просьбой об отпуске и возвращении к занятиям медициной, т. е. фактически об отставке.

После возвращения летом 1921 г. в Москву ему не сразу удалось оставить дипломатическую службу. В 1922 г. Гиллерсон был назначен уполномоченным правительства Дальневосточной республики и занимал этот пост вплоть до включения ее в состав РСФСР в ноябре того же года. О последующей судьбе Гиллерсона сохранилось немного сведений. В 1924 г. он был исключен из РКП(б). Некоторое время работал в амбулатории Мосздрава¹⁵⁸. Неизвестно, когда Гиллерсон покинул Советский Союз. В 1932 г. он работал врачом в Харбине, а умер в апреле 1939 г. в Париже¹⁵⁹.

Список сокращений

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии

МИД — Министерство иностранных дел

НКВД — Народный комиссариат иностранных дел

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

РОКК — Российское общество Красного Креста

ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

ЦК РОКК — Центральный комитет Российского общества Красного Креста

ЧСДРП — Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия

ЧСР — Чехословацкая республика

AMZV — Archiv Ministerstva zahraničních věcí, Praha

DČZP — Dokumenty československé zahraniční politiky

NA — Národní archiv České Republiky, Praha

¹⁵⁸ *Баринов А.* Последний посол ДВР в Москве // Забайкальский рабочий. 2022. 20 IX. URL: <https://zabrab75.ru/articles/nasha-istoriya/poslednij-posol-dvr-v-moskve/?ysclid=lt9vvqqkhg292178715> (дата обращения: 02.03.2024).

¹⁵⁹ Последние новости. Париж. 1939. 13 IV: 1.

Литература

- Петерс 1965 — *Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965. 346 с.
- Станков 2018 — *Станков Н.Н.* Образование Малой Антанты в документах миссии Красного Креста РСФСР в Чехословакии (1920–1921 гг.) // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 152–172. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.12.
- Станков 2019 — *Станков Н.Н.* Повседневная жизнь в Чехословацкой республике начала 1920-х годов в письмах служащего советской миссии Красного Креста в Праге И. И. Левина // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 72–84. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.05.
- Шишкин 1962 — *Шишкин В.А.* Чехословацко-советские отношения в 1918–1925 годах. М.: Изд-во Института международных отношений, 1962. 286 с.
- Dennis 1924 — *Dennis A.L. P.* The Foreign Policies of Soviet Russia. New York: E. P. Dutton and Company, 1924. 500 p.
- Kárník 2003 — *Kárník Z.* České země v éře První republiky (1918–1938). Praha: Libri, 2003. D. 1. 576 s.
- Lukes 1996 — *Lukes I.* Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930's. New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. 318 p.
- Olivová 1957 — *Olivová V.* Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922. Praha: Naše vojsko, 1957. Sv. 1–2. 641 s.
- Vondracek 1937 — *Vondracek F.J.* The Foreign Policy of Czechoslovakia 1918–1935. New York: Columbia University Press, 1937. 451 p.
- Voráček, Hubený, Litera 2019 — *Voráček E., Hubený D., Litera B.* V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

- Dennis, A.L.P., 1924. *The foreign policies of Soviet Russia*. New York: E. P. Dutton and Company, 500 p.
- Kárník, Z., 2003. *České země v éře První republiky (1918–1938)*. Praha: Libri. D. 1. 576 s.
- Lukes, I., 1996. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: The diplomacy of Edvard Beneš in the 1930's*. New York; Oxford: Oxford University Press, 318 p.
- Olivová, V., 1957. *Československo-sovětské vztahy v letech 1918–1922*. Praha: Naše vojsko. Sv. 1–2. 641 s.
- Peters, I. A., 1965. *Chechoslovatsko-sovetskie otnosheniia (1918–1934)*. [Czechoslovak-Soviet relations (1918–1934)]. Kiev: Naukova dumka, 346 p. (in Rus.)

- Shishkin, V. A., 1962. *Chechoslovatsko-sovetskie otnosheniia v 1918–1925 godakh*. [Czechoslovak-Soviet relations from 1918 to 1925]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 286 p. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2018. Obrazovanie Maloi Antanty v dokumentakh missii Krasnogo Kresta RSFSR v Chechoslovakii (1920–1921 gg.) [The Forming of the Little Entente in the documents of the RSFSR Red Cross mission to Czechoslovakia (1920–1921)]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 152–172. doi: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.12. (in Rus.)
- Stankov, N. N., 2019. Povsednevnaia zhizn' v Chechoslovatskoi respublike nachala 1920-kh godov v pis'makh sluzhashchego sovetskoi missii Krasnogo Kresta v Prage I. I. Levina [The everyday life in the Czechoslovak Republic in the early 1920s in the letters of the Red Cross mission's official I. I. Levin]. *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 72–84. doi: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.05. (in Rus.)
- Vondracek, F. J., 1937. *The Foreign policy of Czechoslovakia 1918–1935*. New York: Columbia University Press, 451 p.
- Voráček, E., Hubený, D., Litera, B., 2019. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz*. Praha: Historický ústav, 676 p.

Nikolay N. Stankov

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A. E-mail: stankovnn@mail.ru

“I Did not Aspire and Do not Aspire to Become a Diplomatic Representative...” Solomon I. Gillerson and the Soviet Red Cross Mission in Czechoslovakia (July 1920 – June 1921)

This article examines the main areas of activity of the first Soviet mission in the Czechoslovak Republic – the mission of the Red Cross of the RSFSR. The author provides extensive evidence that the mission performed functions that went far beyond its official task: providing assistance to former Russian prisoners of war and their repatriation. Considerable attention is paid to the diplomatic activities of the mission: establishing and maintaining contacts with Czechoslovakian officials, negotiations on the neutrality of Prague in the Polish-Soviet war of 1920 and on the recognition of the Soviet state. For Moscow, the Soviet Red Cross mission was an important source of information about the internal political and economic situation in Czechoslovakia, its foreign policy, and international relations in Central and South-Eastern Europe. The article demonstrates the conspiratorial activities of the mission, its support for the revolutionary movement in Czechoslovakia and neighboring countries, its mediating role between the Comintern and left-wing radical organisations in the region, and its work among former legionnaires in the ranks of Russian and Ukrainian emigrants. The author focuses on the personality of the head of the mission, Solomon I. Gillerson, his attitude towards some problems of the domestic and foreign policy of Soviet Russia, towards the communist movement in Czechoslovakia, and towards the directives he received from Moscow. The conflict between Gillerson and the Comintern agent V. Vishnevsky is examined in more detail. The article is based on the study of the funds of Russian and Czech archives, which contain documents of the mission itself (telegrams, letters, reports, and reviews sent to Moscow, and dispatches and instructions by the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR addressed to the mission), as well as materials relating to its position in Prague (diplomatic and other official and personal correspondence, reports from Czechoslovak police agents).

Keywords: Georgy V. Chicherin, Edvard Beneš, Soviet-Czechoslovak relations, repatriation of former prisoners of war, Polish-Soviet war of 1920, Comintern, revolutionary movement in Czechoslovakia

Received: 21 March 2024

Accepted: 30 April 2024

How to cite: Stankov, N. N., 2024. “Ja v diplomaticheskie predstaviteli ne tianulsia i ne tianus’...” S. I. Gillerson i sovetskaia missiia Krasnogo Kresta v Chekhoslovakii (iiul’ 1920 – i iun’ 1921 g.). *Central-European Studies*, 7, pp. 132–177. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.5>.

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Хорватский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 1918–1929 гг.

Отечественные историки, а также представители сербской и хорватской историографических школ традиционно сводят хорватский вопрос в Королевстве СХС к деятельности Хорватской (республиканской) крестьянской партии, часто устаивающей эпитета «народное движение». С сербско-хорватскими отношениями, «сербско-хорватским конфликтом» отождествляются ее взаимодействие с сербскими партиями, и прежде всего с Народной радикальной партией, которую тоже называют выразителем интересов всего сербского народа. Нельзя не увидеть уязвимость таких обобщений. Если партии суть «народные движения», как оценивать их идеологическую непоследовательность и склонность к созданию неожиданных альянсов? Либо эти качества соответствовали аналогичному непостоянству масс, либо партийные руководители иной раз руководствовались не народными устремлениями, более-менее устойчивыми, а побуждениями личными и своих организаций? Уязвимость отождествления партийных склок со «спором славян между собою» побуждает сузить угол рассмотрения хорватского вопроса до феномена политической жизни. Это не означает, что нельзя проследить связь между происходившим на политической арене и межнациональными отношениями. Перипетии политической жизни служат отражением настроений масс. Полнота представлений о них ограничена отсутствием объективных и достоверных данных, на основании которых было бы допустимо сделать корректный вывод о подлинных настроениях масс, об отношении друг к другу разных групп населения, поэтому межпартийную борьбу можно считать как основным индикатором остроты сербско-хорватских противоречий, так и фактором оных.

Ключевые слова: Степан Радич, Светозар Прибичевич, Никола Пашич, Хорватская республиканская крестьянская партия, Крестьянско-демократическая коалиция, межнациональные отношения

Статья поступила в редакцию: 3 июня 2024 г.

Статья принята в печать: 18 июля 2024 г.

Цитирование: Силкин А.А. Хорватский вопрос в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. 1918–1929 // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 178–214. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.6>.

С 1920-х годов одним из главных факторов эволюции/деградации Югославии считается так называемый хорватский вопрос. Объем накопленных знаний о нем еще в начале 1980-х годов, казалось, позволял советскому славяноведению сформулировать вывод, неутешительный для тех, кто претендует на новизну и оригинальность:

О значении “хорватского вопроса”, точнее говоря, сербо-хорватских противоречий в политической жизни Югославии <...>, имеется обширнейшая литература, и место и роль этих противоречий <...> выяснены с достаточной полнотой¹.

Тем не менее спустя 40 лет мы вправе перепроверить утверждение Владимира Владимировича Зеленина (1920–1998), благо с тех пор выросла «обширность» трудов, а также введено в оборот немало новых источников. На их основании приходится констатировать и у современников событий, и у поздних исследователей, описывающих одну и ту же канву событий, отсутствие консенсуса относительно того, как определять хорватский вопрос и на каких его аспектах следует в первую очередь акцентировать внимание.

С вышеприведенной трактовкой согласились бы германский и британский посланники, находившиеся в Белграде в начале 1920-х годов. В марте 1922 г. Фридрих фон Келлер (1873–1960) упоминал обострение хорватского вопроса в числе «разных прискорбных моментов во внутривнутриполитической и экономической жизни государства СХС», к которым также относились «транспортные проблемы, падение динара» и т. д.² Не давая точного определения, фон Келлер в 1920–1922 гг. пишет о «сербско-хорватском антагонизме»³ и «ненависти хорватов по отношению к сербам», находившей выражение в деятельности Степана Радича (1871–1928). О последнем немало говорится и в отчете о положении в Югославии в 1921 г., предназначенном руководству *Foreign Office*. Указывая, что Радич «воспользовался общим недовольством сербской властью в Хорватии», сэр Албан

¹ Зеленин 1984: 75.

² *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920-1941. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 2020. Knjiga 1. 1920–1929. S. 127.

³ *Ibid.* S. 129, 69.

Янг (1865–1944) начал параграф «Хорватский вопрос» с изложения позиции представителя противоположной стороны «антагонизма»:

По мнению архикалужанина и ассимилятора г. [Светозара] Прибичевича — серба из Хорватии, «хорватский вопрос не существует. Все мы югославы (убежден Прибичевич. — А. С.). Кто думает иначе, тот — сепаратист, проавстриец, <...> враг государства»⁴.

Более умеренные приверженцы идеологии югославизма — хорваты-далматинцы Иво Тарталья (1880–1949) и Иво Колбе (1885–1944) — признавали существование «вопроса», хотя и отрицали наличие в стране принципиальных межэтнических противоречий. По словам многолетнего мэра Сплита:

[X]орватский вопрос есть не что иное, как часть целого комплекса проблем, которые возникли как результат борьбы за конституцию, вследствие существующей политической системы, партизанского правящего режима, катастрофической финансовой и экономической политики и вообще всех элементов, присущих нашей государственной администрации. <...> Этот комплекс проблем вызвал по всему нашему королевству <...> недовольство и протест, которые в Хорватии и Славонии, в силу относительно более развитого индивидуализма, нашли выражение в виде особого хорватского вопроса⁵.

Колбе в 1922 г. писал о «тяжелом административном кризисе» (отсутствии «честного и точного аппарата управления»), а также о «культурном кризисе, который начал распространяться из Белграда в результате введения партизанства во все сферы жизни»⁶. «Первый, кто закричал “это покушение на хорватство!”», стал пророком. После этого потребовался только шаг, чтобы сформировался хорватский фронт. <...> Так из общенародного вопроса вычленился отдельный хорватский», — гласила статья в загребском *Nova Evropa* («Новая Европа»).

⁴ *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu. Beograd, Zagreb: Arhiv Jugoslavije, Globus, 1986. Knj. 1 (1921–1930). S. 44.

⁵ *Тарталья И.* Анкета о српско-хрватским односима // Српски књижевни гласник. Нова серија. Књига VI. Број 1. Београд. 1 Мај 1922. С. 37.

⁶ *Колбе И.* Југославија у кризама // *Nova Evropa*. Knjiga IV. Broj 7. Zagreb. 1 marta 1922. S. 196, 195.

Представители «партизанского правящего режима», понятное дело, с такой оценкой не соглашались. Например, деятель сербской Народной радикальной партии (НРП) Лазар Маркович (1882–1955) корень проблемы видел в «абстиненции хорватов от любого позитивного участия в активной государственной жизни»⁷. Так понимаемый хорватский вопрос по степени деструктивного воздействия опережал коммунистическое движение, авторитарные наклонности короля Александра Карагеоргиевича (1888–1934), разногласия сербских партий и т. д.

Несмотря на различия в трактовке интересующего нас феномена, процитированные выше современники событий сходились в том, что он существовал неотрывно от прочих, по словам Л. Марковича, «ненормальных и удивительных явлений, <...> главных противоречий, определявших ситуацию внутри страны». Иной подход доминирует в современной хорватской историографии. Для большинства ее представителей хорватский вопрос в Королевстве СХС/Югославия представляет интерес не как проблема взаимоотношений с братским сербским народом или как фактор государственного развития/деградации, а как очередной этап собственного национально-освободительного движения, начавшегося еще в Австро-Венгрии⁸. Стипе Кляич в книге «Никогда больше Югославия» написал:

Хорватский вопрос со своей нерешенной в Монархии судьбой получил продолжение после 1918 г. Поэтому вся хорватская политика в 1918–1941 гг. осуществлялась под знаком *национального вопроса* (курсив мой. — А. С.). Будучи ключевой проблемой, обременявшей существование всего Королевства Югославия, национальный вопрос в своем особом измерении может рассматриваться как хорватско-сербский спор⁹.

«Хорватский вопрос представляет собой символ и квинтэссенцию борьбы против невыносимого положения — не только политико-правового, но и социально-экономического»¹⁰, — утверждала немецкий автор хорватского происхождения Мари-Жанин Чалич, которую

⁷ *Марковић Л.* Одрломци из «успомена» (1925–1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Београд: Службени лист СРЈ, 1998. Књ. IV. С. 349.

⁸ См.: Когуніс 1995: 103–123.

⁹ Кљјаић 2017: 387.

¹⁰ Чалић 2013: 114.

можно считать если не представителем национальной историографии, то, во всяком случае, ретранслятором ее оценок. Аналогичной позиции придерживается Иво Голдштейн, который трактует «хорватский вопрос в обеих Югославиях (межвоенной королевской и послевоенной титовской. — А. С.) как проблему статуса хорватских земель и хорватского народа, которая стояла и в Австро-Венгрии»¹¹.

Фокусировка внимания на одной лишь национально-освободительной стороне вопроса объективно сужает контекст, в котором он рассматривается. Пребывание хорватов в «первой» Югославии во многих работах преподносится аналогично тому, как сербская литература описывает героическую эпоху восстаний против османского владычества (1804–1815). Следствие этого — одностороннее романтизированное представление как о событиях 1920–1930-х годов, так и об их участниках. В середине 1980-х годов американско-хорватский историк Иво Банац (1947–2020) в монографии «Национальный вопрос в Югославии» так сформулировал современный канон почитания «иконы оппозиции сербскому централизму»:

В хорватской истории не было никого, похожего на него <...> Романтик и, все-таки, прагматик, Степан Радич засверкал в хорватском небе подобно великолепному сиянию кометы <...>. Радичевское движение увенчало процесс хорватской национальной консолидации¹².

Последний эпитет — из словаря М.-Ж. Чалич, которая в процитированной работе воспроизвела лик Радича, созданный старшим коллегой: «Сын крестьянина с романтическим отношением к селу», «завершивший процесс национальной интеграции хорватов», «почитаемый ныне как первоборец за хорватскую независимость»¹³. Под стать вождю — его организация, которая «взяла на вооружение справедливость и право <...>. И в этом был ее авторитет и движущая сила».

Тезис о том, что Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) больше, чем просто партия, а достижения ее экстраординарны, получил широкое распространение. Тому свидетельством — статья

¹¹ Goldstein 2017: 115.

¹² Banac 1995: 185–186.

¹³ Чалић 2013: 111–112, 114.

специалиста по XIX в. Никши Станчича, тоже полагавшего, что Хорватская крестьянская партия «в югославянском государстве переросла в хорватское национальное движение»¹⁴.

Что касается современной сербской историографии, то ее определение хорватского вопроса совпадает с вышеприведенным зеленинским. Тот, разумеется, есть вопрос статуса территорий/населения, но, в первую очередь, проблема межнациональных отношений и их воздействия на судьбу страны. Показательна работа Горана Милорадовича, посвященная их остроте во второй половине 1930-х годов. Не расшифровывая значение рассматриваемого словосочетания, автор использовал его пять раз. При этом не приходится сомневаться в смысле, который в него вкладывается, так как статья начинается со следующей констатации: «Отношения сербов и хорватов представляли собой ключевой фактор возникновения, существования и распада югославского государства»¹⁵.

Примером того, как современная сербская историография воспринимает интересующий нас феномен, также может служить книга британского историка сербского происхождения Деяна Джокича:

Хорватский вопрос понимается как отказ большинства хорватов полностью принять централистские институты югославского государства, что выразилось в упорных усилиях добиться для Хорватии широкой автономии или даже статуса государства в государстве. Полемика по конституционному вопросу <...> в конце концов превратилась в сербско-хорватский конфликт. Эта полемика наложила отпечаток на весь межвоенный период и стала центральным сюжетом политической борьбы в королевской Югославии¹⁶.

Итак, хорватский вопрос это, по сути, сербско-хорватский вопрос, как, собственно, и называется книга.

«Хорватский вопрос — ключевая проблема Югославии», — так названа глава многотомной монографии Васы Казимировича. И если Банац появление Радича-политика уподоблял восходу Вифлеемской звезды, то сербский автор видел в нем отнюдь не божий промысел. Суть «проблемы» — в «изначальной несогласии с тем, что Хорватия

¹⁴ Stančić 2006: 20.

¹⁵ Милорадовић 2020: 11.

¹⁶ Đokić 2010: 25.

вообще оказалась в одном государстве с сербами», вследствие чего «хорватский народ оформился в единое национальное движение, главной чертой которого стал сепаратизм <...>. Настаивая на отделении от сербов и Югославии, хорватские националисты готовы были объединиться с самим дьяволом»¹⁷.

Как мы видим, некоторых сербских авторов с их хорватскими коллегами сближает не только патетический стиль и евангельские аллюзии, но и склонность к отождествлению всего хорватского народа с радичевской партией. Аналогичным образом оцениваются и сербские политики, что видно на примере книги Джордже Станковича, посвященной «отношению Николы Пашича (1845–1926) к хорватскому вопросу»¹⁸ и лично к Радичу. Картину обыденности происшедшего на политической сцене Югославии в 1918–1924 гг. — торга, взаимной диффамации, блефа, невыполненных угроз и договоренностей — венчает временный отъезд из страны лидера ХРКП (Хорватская республиканская крестьянская партия), надеявшегося заручиться поддержкой европейских держав. Это, как показало время, отнюдь не судьбоносное событие якобы «подвело черту под целым периодом в истории сербско-хорватских отношений, в течение которого была окончательно сформулирована хорватская национальная программа»: а именно: «моральная и политическая дискредитация Сербии <...>, политическое разрушение сербского фронта и тотальная гомогенизация хорватского народа». Все это записано на счет «германофила и сербофоба Степана Радича, который боролся всеми средствами за свои узкие интересы, как и большинство хорватского народа. Будучи неизменным врагом сербов, потерпев поражение в недавней войне, они (хорваты. — А. С.) это делали самым бессовестным образом».

Противостоял им, по словам автора, Н. Пашич, который

защищал единство государства и его целостность, то есть интерес целого ради национального интереса всего *сербского народа* (курсив мой. — А. С.) <...>. Он отверг Радича, ибо не хотел допустить унижения сербского народа. А мгла уже начала сгущаться над Югославией, в то время как сербский народ уже вступил в эпоху своей национальной демобилизации.

¹⁷ Казимировић 1995: 565–566.

¹⁸ Станковић 1995: 9, 322–323.

«Национальное движение», «национальная консолидация» и «(де)мобилизация», «тотальная гомогенизация» и т. д. — подобные ярлыки, навешиваемые на Радича, больше порождают вопросов, чем проясняют что-либо. Можно ли считать «национальным движением» партию, выражавшую интересы лишь одного сословия, хоть и самого многочисленного? Разделять убежденность Банаца, Чалич и Станковича мешает аргументация историка менее пристрастного и более основательного в своих суждениях. А именно, хорватского академика Любо Бобана, по словам которого, только с середины 1930-х годов «партийное руководство оказалось перед дилеммой: остаться в пропорциях партии или раствориться в широком фронте, движении, возглавив его и определив его ориентацию». Выбрав второе, — утверждал Бобан, — «ХКП стремительно теряла прежний облик крестьянской партии»¹⁹.

Кроме того, следует ли все прочие влиятельные югославские партии тоже считать «национальными движениями»? Ведь и они успешно использовали комбинацию лозунгов, — националистических, религиозных и эгалитаристских, — дабы выступать от имени той или иной компактно проживающей этноконфессиональной группы.

Наконец, если партии суть «народные движения», как оценивать идеологическую непоследовательность и склонность к созданию неожиданных альянсов, присущие ХРКП, НРП и остальным? Либо эти качества соответствовали аналогичному непостоянству масс, либо партийные бонзы иной раз руководствовались не народными устремлениями, более-менее устойчивыми, а побуждениями личными и своих организаций?

Уязвимость отождествления партийных склоков со «спором славян между собою» побуждает избегать широких обобщений о последнем, а также сузить угол рассмотрения хорватского вопроса до феномена политической жизни. Сказанное, однако, не означает, что нельзя проследить связь между ее перипетиями и межнациональными отношениями. Первые служат отражением настроений масс. К сожалению, полнота представлений о них ограничена отсутствием социологических данных, поэтому межпартийную борьбу можно считать основным индикатором остроты сербско-хорватских противоречий. Но не только. Деятельность «народных» организаций являлась и фактором

¹⁹ Boban 1974: 9.

оных. Другими словами, неизвестно — взаимная антипатия двух наиболее многочисленных югославянских народов в большей степени находила выражение в деятельности Радича с Пашичем, или «подогревалась» ею, была ее следствием.

Очевидна взаимосвязь между общественным климатом в Хорватии в 1918–1920 гг. и ростом популярности ХНКП. Превращение «незначительного “большевистского” движения» и «мелкой крестьянской партии, которой не суждено всерьез повлиять на ход событий»²⁰, в главного противника официального Белграда обусловлено ростом крайних настроений, типичным для населения империй, потерпевших поражение в Первой мировой войне. «Массами овладела мораль проигравших. С одной стороны — сторонники Габсбургов. С другой — большевики. Нам пришлось действовать быстро, и потребовался сильный “шлягер”. За республику мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии. Если бы это не сработало, пришлось бы искать что-то другое»²¹, — в 1925 г. Радич описывал рецепт успеха.

«В Югославии, к сожалению, были и победители, и побежденные. И существовала опасность, что побежденные решат, будто их путь к спасению лежит через разрушение государства, построенного победителями»²², — сербский политик леводемократического толка Драголюб Йованович (1895–1977) имел в виду обстоятельства распространения коммунизма, однако сказанное им объясняет и переживания радичевских адептов.

Способности артикулировать весь спектр эмоций потенциального электората, обеспечившей метаморфозу ХНКП, посвящены мои предыдущие работы²³. В этой подчеркнем, что эскалацию общественных противоречий вызвали не только имманентные свойства «побежденных», но и действия «победителей». Процитированный выше А. Янг указал в 1921 г., что «Радич воспользовался общим

²⁰ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence 1906–1941. Zagreb; London: British Academy, 1976. Vol. 2. P. 23; *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji*. S. 68. Первая характеристика — из письма Милана Прибичевича (январь 1919 г.), вторая принадлежит германскому посланнику Фридриху фон Келлеру (октябрь 1920 г.).

²¹ А. Я. Ф. 335. Војислав Јовановић-Марамбо. Фасцикла 6.

²² *Јовановић Д. Политичке успомене*. Београд: Култура, Архив Југославије, 1997. Заноси. I. С. 150.

²³ Силкин 2022.

недовольством в Хорватии сербским правлением»²⁴. Говоря о нем, следует различать курс, собственно, белградского истеблишмента и действия представителя сербского меньшинства в Хорватии Светозара Прибичевича (1875–1936), в 1920–1925 гг. занимавшего посты главы югославского МВД и министерства просвещения. Ему, благодаря той роли, которую он сыграл в конце 1918 г. в объединении Сербии и Государства СХС, а также высочайшему благоволению, долго удавалось монопольно формулировать государственную политику в отношении пречанских областей. Ее практический смысл, помимо удовлетворения личного властолюбия, сводился к упразднению или сокращению автономии Хорватии и Славонии²⁵, существовавшей в венгерской части Двудеиной монархии, инфильтрации областной администрации собственными сторонниками, а также к полицейскому преследованию ХНКП.

Цель последнего состояла не столько в воспрепятствовании деятельности радикальской партии, сколько в подтверждении незаменимости Прибичевича, пусть ценой обострения межэтнических противоречий в Хорватии и усугубления взаимного отчуждения Загреба и Белграда. Так результаты прибичевичевских усилий оценивали даже товарищи по партии, не входившие, однако, в его близкое окружение. Демократ и бывший хорватский бан Томислав Томленович (1877–1945) в июне 1922 г. утверждал:

Теперешняя политика Демократической партии, по-моему, вскоре приведет к кровопролитию в Хорватии, если не к гражданской войне... Распаленные до такой степени страсти позволят окончательно утвердиться “политике железной руки” <...>. Сегодня Прибичевич <...> от имени государства творит такие вещи, которые оскорбляют первостепенные чувства хорватов. <...> Ему хочется крови. Только так он может удержаться²⁶.

Что касается особых полномочий, которые «специалист по Хорватии» Прибичевич получил сразу по провозглашении Югославии, то они объяснялись убежденностью большей части белградского политического бомонда, будто любая автономия регионов и, тем более,

²⁴ *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 44.

²⁵ Janjatović 2002: 20.

²⁶ Ај. Ф. 323. Љ. Давидовић. Кутија 1. Ред. бр. 72.

исторических областей бывшей Австро-Венгрии неминуемо приведет к распаду страны. Подобное представление, объединявшее даже соперников (таких, как Александр Карагеоргиевич, Пашич и Давидович), послужило главным фактором принятия Видовданской конституции (1921 г.). Ее воплощение вскоре описывал Роберт Уильям Сетон-Уотсон (1879–1951): «Сербия пытается административно управлять всем из Белграда, будучи совершенно неспособной справиться с этой задачей»²⁷.

Несогласие пречан с таким злоупотреблением теорией народно-го единства югославян лишь подтверждало в глазах короля и прочих сторонников централизма безальтернативность прибичевичевской тактики «твердой руки, которой надо давить на хорватов»²⁸. Кроме того, в условиях хаоса первых месяцев существования государства многим в Белграде хотелось переложить на другого ответственность за непопулярные решения в отношении присоединенных областей, которые оставались *terra incognita*. Уже цитировавшийся выше Д. Йованович отметил, что после войны радикалы

поступали совсем иначе, чем в Сербии при формировании кабинетов. Раньше они всегда требовали для себя внутренние дела, финансы и внешнюю политику. <...> Сейчас приходилось умиротворять отдельные области, приводить в порядок финансы. <...> Поэтому эти портфели с готовностью уступались демократам, или хорвату [Анте] Трумбичу <...>, когда потребовалось принять тяжелые условия договора в Рапалло. Физические наказания в Хорватии ввел Прибичевич, <...> а обмен [австро-венгерских] крон на динары в пропорции 4/1 также произвел демократ Воя Велькович²⁹.

С рукоприкладством, которое в Хорватии начала практиковать сербская военная администрация с конца 1918 г., связан эпизод, иллюстрирующий, что сербиянцы знали или, скорее, не знали об «освобожденных братьях». По воспоминаниям Д. Йовановича, в 1924 г. профессор Белградского университета и диссидент Радикальной партии Драголюб Аранджелович прибыл в Загреб для переговоров с Радичем: «Защищая сербов от обвинений в палочных наказаниях, он сказал, что венгры колотили хорватов веками, но те выдержали.

²⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 96.

²⁸ *Московљевић М.* Дневник 1916–1968 / приредио др М. Исић. Београд: Институт за новију историју Србије, 2018. II. С. 179.

²⁹ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 156.

Пускай немного и от сербов потерпят». Председатель ХРКП на это ответил, что и «малые дети на селе знают, что это неправда»³⁰.

В середине 1920-х годов еще одно свидетельство неосведомленности белградцев об истории и традициях хорватов оставил Момчило Иванич — соратник заместителя главы Радикальной партии Стояна Протича (1857–1923). Осенью 1921 г. он сопровождал в Загреб шефа, первым решившегося на диалог с Радичем. Обоих радикалов удивило, что их собеседник, обсуждая гипотетический статус Хорватии в Югославии, настаивает на сохранении в том или ином виде автономии «Королевства Далмации, Хорватии и Славонии». Высокий гость из Белграда, ничего не знавший об этом виртуальном, но значимом элементе хорватского исторического и государственного права, попросил помощника «разузнать, откуда у хорватов подобная иллюзия». Тот, будучи не в курсе, что формальный статус «Троедницы» зафиксирован в Хорватско-венгерском соглашении 1868 г., ответил шефу:

Габсбурги умели их [хорватов] обманывать, поэтому в указах их так писалось. Например, указ об основании университета начинается следующим образом: «Принятая Сабором Королевства Далмации, Хорватии и Славонии статья закона об основании Университета Франца-Иосифа в Загребе»³¹.

Что касается 25 палочных ударов, которые назначались за «оскорбление короля или пропаганду республики», то они, по мнению Д. Йовановича, «всерьез подорвали в Хорватии авторитет монархии»³². О прочих нюансах «сербского правления» рассказывают другие осведомленные современники, как, например, сербский посланник в Лондоне Йован М. Йованович-Пижон (1869–1939):

- 13 апреля 1919 г.* Власти нет, а та, что есть, ни к чему не годна или бесцельна (воровство на железных дорогах, взяточничество, продажа чиновниками своих услуг).
- 26 мая 1919 г.* Народ в Хорватии за Королевство [СХС]. Не умеют с ним обращаться — ни правительство, ни регент.
- 20 июня 1919 г.* Власти наши очень скверные.

³⁰ Там же. С. 219.

³¹ АЈ. Ф. 323. Љ. Давидовић. Кутија 1. Ред. бр. 109.

³² *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 144.

- 13 июля
1919 г. Хорваты проявляют недовольство, так как сербы хотят их сербизировать (аресты, рукоприкладство, насильственные меры, административные постановления на кириллице) <...> Партия Радича сильна, но он человек несерьезный. <...> Республиканское движение — больше оппозиция сегодняшнему режиму, чем выражение чувств и мыслей народа в Хорватии
- 9 августа
1919 г. Чиновничество сербское дрянное и продажное. Порядка нет. Из-за этого, а также из-за рукоприкладства будем добиваться областного самоуправления и автономии. Мы не согласны на плохое, раз привыкли к хорошему³³.

В качестве резюме к этим «вестям с нашей стороны», которые дипломату сообщали заезжие соотечественники (Иван Мештрович, Йосип Смодлака и др.), приведу наблюдение, сделанное посланником Келлером в октябре 1920 г. на основе бесед с «непристрастными людьми»:

От них приходилось слышать о ненависти хорватов к сербам. <...> Похоже, что всю страну охватило горькое разочарование из-за того, что дела здесь не идут, как положено. Сегодня это жалобы на неспособность чиновников администрации и на коррумпированность полиции, завтра недовольство <...> запущенным состоянием железных дорог или дезорганизацией таможенной службы. Если к этому добавить <...> растущую дороговизну и увеличивающееся налоговое бремя <...>, можно прийти к выводу, что <...> это не тот народ, который радостно консолидируется во имя совместной работы³⁴.

Политика «победителей» — злонамеренная или просто ошибочная — облегчала ХНКП задачу расширения базы поддержки. Причем даже в тех областях, где идеология югославизма изначально находила отклик у хорватов. В январе 1923 г. Томленович в письме Любомиру Давидовичу (1863–1940) оценил развитие ситуации в Далмации:

Измученный и изголодавшийся край взяли под прицел своих предвыборных оргий радикалы <...>. Параллельно с этим против этого народа с присущим ему югославянским сознанием выступает клика С. Прибичевича. <...> Обеим этим акциям — одна цель: вызвать реакцию, <...> дабы большая часть масс перешла к Радичу. То есть на горизонте просматривается тот же процесс, который, благодаря усилиям г. Прибичевича, уже давно состоялся в остальных частях Хорватии³⁵.

³³ Јовановић Пижон Ј. М. Дневник (1896–1920). Нови Сад; Београд: ИК Прометеј; РТС; Архив Југославије, 2015. С. 581, 586, 596, 602, 610.

³⁴ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji*. S. 69–70.

³⁵ АЈ. Ф. 323. Кутија 1. Ред. бр. 77.

Рост популярности партии находился в прямой зависимости от жесткости репрессий, которым она подвергалась. Забегая вперед, приведем высказывание функционера ХРКП Ивана Пернара (1889–1967) в связи с состоявшимся в 1925 г. арестом Радича и формальным запретом партии, который, однако, не помешал ей в третий раз участвовать в парламентских выборах: «Мы спокойно ожидаем репрессий, которые нам только на пользу. Агитация запрещена, однако она и не нужна нам, потому что полиция <...> сагитирует за каждого, кого арестует»³⁶.

Возвращаясь в первые годы существования Королевства СХС, укажем, что и большую часть 1920 года Радич провел в тюрьме, откуда накануне выборов в Конституционное собрание вышел по амнистии, подписанной принцем-регентом Александром. Показательная похвала этого решения со стороны посланника Келлера: «Сдержанная позиция властей заслужила одобрение и в определенной степени навредила Радичу, который рассчитывал на какой-нибудь необдуманный шаг»³⁷. Отметим, что в этом отношении председатель ХНКП руководствовался мичуринским принципом «не ждать милостей от природы» и с осени 1918 г. сам подбрасывал дрова в огонь противостояния с официальным Белградом.

Начало было положено в конце ноября 1918 г., когда Радич — единственный из хорватских политиков — выступил против объединения Государства СХС с Сербией. Отказывая в легитимности династии Карагеоргиевичей и не признавая Югославии, ХНКП не отправила своих делегатов во Временное народное представительство (ВНП — 1919–1920 гг.). Несмотря на участие в выборах, партия проигнорировала Конституционное собрание (1920–1921 гг.), что, по оценке трезвомыслящих современников, имело пагубные последствия, прежде всего, для самой Хорватии. Бывший председатель Югославянского комитета Анте Трумбич (1864–1938) возлагал на Радича вину за принятие Видовданской конституции³⁸, а Р. У. Сетон-Уотсон

³⁶ *Димитријевић М.* Ми и Хрвати. Хрватско питање. 1914–1939. Споразум са Хрватима. Београд: Привредник, 1939. С. 154.

³⁷ *Acramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 72.

³⁸ «Трагедия началась после 29 ноября 1920 г. — после выборов в Конституционное собрание, на которых Радич получил 52 депутатских мандата (на самом деле 50 мест. — А.С.). Эти депутаты были обязаны участвовать в принятии решения: станет наше государство централистским, или федералистским. От них зависела судьба

сравнил депутатов, отказывавшихся участвовать в работе парламента, с «детьми, которые дуются, стоя в углу». «Единственный значимый эффект такой политики», по словам британца, состоял в том, что «худшие элементы продолжают сохранять контроль над ситуацией»³⁹.

Как вызов правящими кругами была воспринята «Конституция нейтральной крестьянской республики Хорватия», опубликованная в мае 1921 г. незадолго до принятия Видовданского устава. Представлявшая собой компендиум партийной пропаганды она содержала ответ на каждый «социальный запрос» хорватских крестьянских масс, ставших благодатной почвой для распространения радикальных идей, классовых и этнических фобий.

Парламентской борьбе партия, изменившая в декабре 1921 г. собственное название с «народной» на «республиканскую», предпочитала обструкцию в хорватских областях решений непризнаваемого государства. В 1919–1921 гг. в активе ХРКП — саботаж уплаты налогов, срыв военного призыва и «продовольственный бойкот городов», также известный как «всеобщая крестьянская стачка». Последняя состоялась в ответ на первый арест Степана Радича в марте 1919 г.

Тактика партии отчасти объяснялась тем, что ее председатель в первые два послевоенных года не допускал, что Хорватия останется в составе Королевства СХС⁴⁰. Достижению ее самостоятельности должны были способствовать усилия по интернационализации хорватского вопроса: вручение призывов о помощи французской военной миссии в Загребе; отправка «мирному конгрессу в Париже, лично в руки американскому президенту Вильсону» петиции, гласившей:

1000-летний хорватский государственный народ всей душой и разом за крестьянскую нейтральную республику в соответствии с международно-признанным правом народов на самоопределение⁴¹.

хорватского народа. Этим депутатам следовало сосредоточить все силы, чтобы не была принята конституция, неприемлемая для нас. А что делает Радич? Он не едет в Белград <...>. Он сидит в Загребе и несет всякую чепуху. Если бы он приехал в Белград, Пашич не смог бы провалить свой проект конституции. <...> Проходило обсуждение в Конституционном комитете, в котором централистский проект Пашича — Прибичевича принят с перевесом только в два голоса. Если бы Радич приехал, <...> то заставил бы Белград и сербов договариваться с хорватами» (*Smith-Pavečić A. Dr. Ante Trumbić. Problemi Hrvatsko-Srpskih odnosa*. München: Knjižnica Hrvatske revije, 1959. S. 288).

³⁹ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 97.

⁴⁰ Biondich 2000: 161.

⁴¹ Цит. по: Banac 1995: 196.

В 1919 г. республика виделась Радичу «французским протекторатом», а в следующем году — частью «Дунайской федерации», в которой оказались бы и Австрия с Венгрией. Осуществлению этих планов должна была поспособствовать скорая «большевистская революция в Сербии», в неизбежности которой не приходилось сомневаться.

Внешнеполитические грезы председателя ХРКП выглядели столь же реалистичными, как и описанное в партийной конституции внутреннее устройство «крестьянской республики», свободной от имущественного и социального неравенства, ненужных селянам капиталистических банков, таможенных пошлин, регулярной армии и университетов⁴². Некоторых югославских и сторонних наблюдателей подобные обещания убеждали в «несерьезности» Радича. Сетон-Уотсон признался в переписке, что «не видит его государственным деятелем» (*statesman*) и «опасается, что он так и останется агитатором»⁴³. С этой оценкой в декабре 1920 г. согласился бы и посланник Келлер, который, однако, полагал, что речь шла не о слабости, а о сильной стороне ХРКП и ее лидера:

Партии нет дела до состоятельности ее аргументов с государственно-правовой точки зрения. Ее интересует только их агитационная ударная сила. Партии необходим только удобный предлог, чтобы продемонстрировать неприятие белградского правительства <...>, которое воспринимается в Хорватии как что-то враждебное и угнетательское⁴⁴.

Отнюдь не *statesmanship* обеспечил Радичу впечатляющий результат на вторых парламентских выборах, состоявшихся в марте 1923 г. А именно, в отсутствие какого-либо административного ресурса ХРКП заняла второе место по количеству мест (70, 473 тыс. голосов) после правящей Радикальной партии. Наполовину заслуга этого успеха принадлежала С. Прибичевичу и возглавляемой им фракции ДП, о чем премьеру Пашичу сообщал «областной наместник» Эрнест Чимич:

Состоялись выборы. В Хорватии <...>, радичевцы получили большую часть мандатов. Причиной тому четырехлетнее правление

⁴² Силкин 2022: 226.

⁴³ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 115.

⁴⁴ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji*. S. 71–72.

демократов, которые не чурались насилия и коррупции. Они ввели дурное правление <...>, они навязывали югославянство насильственными методами, принуждая хорватов отречься от своего имени и слепо покориться вождям демократов. Все это вызвало ответную реакцию у хорватов⁴⁵.

Хотя оба антипода действовали в интересах друг друга, неверно было бы ставить их на одну доску. Современники событий, имевшие мало общего, сходились в одном: Прибичевич для достижения собственных целей не остановится ни перед чем. Германский посол в Вене Максимилиан Пфайффер (1875–1926) в марте 1922 г.⁴⁶ и Сетон-Уотсон год спустя писали, что он добивается введения в Хорватии «военной диктатуры»⁴⁷. Белградский информатор Пфайффера, а также Стоян Протич с Драголюбом Йовановичем⁴⁸, находившиеся на разных полюсах политического спектра, делились слухами о подготовке Прибичевичем покушения на Радича. Они не выглядели невероятными с учетом распространенности «македонских приемов в политике», а также того, какие угрозы «специалист по Хорватии» озвучивал в партийной прессе. «Смертную казнь или 20 лет заключения», ссылаясь на Закон о защите государства, он сулил организаторам «радичевских митингов», на которых «велась пропаганда против института армии и вооруженных сил государства»⁴⁹.

Антимилитаристские лозунги, кроме того, что соответствовали настроениям хорватских масс, отражали неприятие Радичем насильственных и революционных методов в политике. «Апостольское служение» (*apostolat*) председатель ХРКП называл единственным путем достижения «рая крестьянской нейтральной и миротворческой республики». Если Прибичевич последовательно шел по пути эскалации, то его оппонент не был чужд компромиссу. Индифферентность Запада к призывам о помощи и стабилизация международного положения Югославии заставили задуматься о будущем Хорватии в ее границах. И хотя поток меморандумов и обращений за границу (к Лиге Наций, участникам Генуэзской конференции и т. д.) не иссяк,

⁴⁵ А. Ж. Ф. 143. Никола Пашић. Фасцикла 1.

⁴⁶ *Avramovski Ž.* Немци о Kraljevini Jugoslaviji. S. 130 (Пфайффер привел донесение «сербского конфидента»).

⁴⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 104.

⁴⁸ *Јовановић Д.* Политичке успомене. С. 177.

⁴⁹ *Прибићевић С.* Терор у Хрватској // Правда. Београд, 1923. 10 III.

в 1921–1922 гг. в голове Радича, как пишет Марк Биондич, сложилась «(кон)федералистская концепция»⁵⁰.

Осенью 1921 г. председатель ХРКП заявил Протичу, что Хорватии в составе Королевства СХС требуется «особый статус, аналогичный тому, который имела Бавария в Германском союзе»⁵¹. При этом он «признал, что с самого начала взял на вооружение республиканство как удачный лозунг для привлечения масс», пообещав, что «по вопросу облика государства хорваты никогда не разойдутся с сербами». Увы, дальше разговоров дело не пошло из-за скоропостижной смерти Протича.

О совместном «правительстве народной концентрации» как предпосылке «решения хорватского вопроса — искреннего и устойчивого хорватско-сербского согласия»⁵² — Радич в ноябре 1922 г. написал Л. Давидовичу. В начале 1924 г. хорваты-республиканцы не только образовали Оппозиционный блок (ОБ) вместе со Словенской народной партией, Югославянской мусульманской организацией и ДП, но и с опозданием в три с лишним года прибыли в Белград для участия в работе Народной скупщины. 27 мая депутатские полномочия радичевцев получили подтверждение, и они приняли присягу.

ХРКП, однако, не вошла в правительство ОБ (июль — ноябрь 1924 г.) во главе с Давидовичем, хотя для нее было зарезервировано четыре портфеля. Свое решение Радич объяснял теми же соображениями, что и отказ от приезда в Белград, о котором его просили с 1921 г.:

Я бы приехал <...>, если бы этот режим не вызывал такую неопи-
сываемую ненависть в Хорватии. Пока он существует <...> это вызвало
бы чрезвычайные опасения и упреки со стороны хорватского народа,
который я, согласно его свободной воле, представляю.

Принятие присяги в качестве министра его величества и фактическое признание *status quo* грозило подорвать авторитет Радича в глазах электората, о чем он заявил эмиссарам Давидовича:

Люди, как вы меня не понимаете?! Ну, хорошо, Видовданская кон-
ституция! Ну, хорошо, монархия! Признаю и то, и другое. Дайте

⁵⁰ Biondich 2000: 171.

⁵¹ АЈ. Ф. 323. Кутија 1. Ред. бр. 109.

⁵² Там же. Ред. бр. 74.

только время. Я пять лет втолковываю народу про республику и против монархии. Нельзя внезапно начать говорить противоположное. Позвольте мне полегоньку развернуть телегу. Иначе все поломаётся!⁵³.

Сотрудничество с сербскими политиками, настроенными на достижение «искреннего согласия», обесценивалось постоянным вербальным противостоянием хорватского трибуна с официальным Белградом. Опасения, что компромиссная линия станет диссонировать с настроениями масс, побуждали председателя ХРКП, по выражению Сетона-Уотсона, время от времени «подливать масла в огонь»⁵⁴. В 1923 г. в ходе одного из митингов он назвал ослами руководителей Радикальной партии, а 14 июля 1923 г. воздал должное двору, многозначительно сравнив существующее государство с Бастилией. Спустя год с небольшим радикальская несдержанность привела к отставке дружественного ему кабинета Давидовича:

В конце концов Радич утратил самообладание <...> и в таких непарламентских выражениях раскритиковал двор и венценосца, что тот сам <...> отправил в отставку Давидовича с его программой соглашения [с хорватами]⁵⁵.

Отчасти заявления, подтверждавшие в глазах сторонников решительность Радича, были вызваны его раздражением от взаимодействия с сербскими радикалами. В отличие от Давидовича, из лучших побуждений пытавшегося вовлечь ХРКП в регулярный парламентский процесс, Н. Пашич руководствовался единственно стремлением к политической гегемонии. Та отождествлялась с интересами отечества, и подобное представление о них обуславливало отношение к любой значимой проблеме. Примером служит избирательный закон, принятый накануне выборов 1923 г. Здравый смысл требовал облегчить прохождение в парламент партиям — носителям наднациональных идеологий, приверженцы которых были разбросаны по всей территории Югославии. В скупщине фракции единомышленников, объединенных югославянскими, либеральными, социал-демократическими

⁵³ *Jovanović D.* Политичке успомене. С. 220.

⁵⁴ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 104.

⁵⁵ *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 233.

ценностями и представляющих разные регионы, служили бы фактором консолидации внутренне разобщенного королевства. Однако, радикалы, движимые «партизанскими» мотивами, приняли закон, ставивший в предпочтительное положение организации, сторонники которых проживали компактными группами в отдельных территориально-избирательных единицах. То есть, в первую очередь, саму НРП, опиравшуюся на голоса сербов довоенной Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, и... ХРКП, о чем Пашичу написал процитированный выше наместник в Хорватии. В результате, по наблюдению фон Келлера, «главной характеристикой выборов стало разделение избирателей по племенам, народностям и конфессиям, а также победа строго национальных партий»⁵⁶.

Вообще, в первой половине 1920-х годов хорватский вопрос с его обострениями/смягчениями заботил радикалов постольку, поскольку он мог повлиять на их способность либо заполучить главные министерские портфели, либо, в лучшем случае, сформировать правительство в одиночку. Показателен эпизод с так называемым Марковым протоколом — тайной сделкой, которую эмиссары Пашича заключили с Радичем в апреле 1923 г. В диссонанс с утверждениями о приверженности внутренней интеграции королевства и сожалениями об «абстиненции» хорватов от законотворчества радикалы просили ХРКП не появляться в скупщине, не нарушать соотношение сил и не мешать им сформировать однопартийный кабинет. Взамен обещалось, что Хорватию не будут дробить на области, как то предусматривала принятая радикалами же конституция. Договоренность осталась невыполненной, так как Пашич вскоре понял, что радичевцы в любом случае не приедут в Белград, опасаясь реакции сторонников. Рассерженный таким вероломством Радич предал соглашение огласке, активизировал сотрудничество с Давидовичем, а за свои высказывания попал под действие Закона о защите государства и был вынужден уехать за границу в июле 1923 г.

Пашичу, после того как он «сжег мосты» с Радичем и дезавуировал умеренный имидж НРП в глазах пречан (созданный усилиями Протича), не оставалось ничего другого, как солидаризироваться с Прибичевичем. Союз с ним позволял сформировать и возглавить кабинет, хоть и не сулил ничего хорошего для межнациональных

⁵⁶ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 167.*

отношений. «Слишком плохо, чтобы быть правдой»⁵⁷, — так прокомментировал создание «правительства П-П» (Пашича и Прибичевича) Сетон-Уотсон. Справедливость оценки подтверждалась тем, что ее разделял и сам глава радикалов, который, однако, оправдывал произошедшее высшими соображениями. Их он изложил старому партийному товарищу Аце Станоевичу (1852–1947) вскоре после выборов 1923 г. В письме, написанном по канонам софистической аргументации, выражалось сожаление, что все больше «оппозиционеров» «присоединяется к точке зрения Радича, требующего ревизию конституции». Необходимость защиты основного закона, гарантировавшего демократию и парламентаризм, поставила радикалов перед простым выбором:

Или мы прибегаем к чрезвычайным мерам, или достигаем некий компромисс с Прибичевичем. То есть с той партией, которая <...> больше, чем кто-либо другой, поспособствовала тому, что страна оказалась в таком [удручающем] положении⁵⁸.

Бессилие Давидовича и прочих лидеров Оппозиционного блока добиться пересмотра Видовданской конституции и «недоговороспособность» радикалов подтолкнули председателя ХРКП к последней попытке интернационализации хорватского вопроса. Находясь в Лондоне с августа по декабрь 1923 г., он предпринял несколько выступлений перед политиками и интеллектуалами, у которых проекты Дунайской федерации и «хорватской республики в границах Югославии» не вызвали сочувствия. По свидетельству Сетон-Уотсона, в ответ оратор услышал «призыв договориться с сербами», а также заверения в том, что «в этой стране никто и ни при каких обстоятельствах не будет вмешиваться во внутренние дела Югославии»⁵⁹. Второй остановкой в европейском турне стала Вена, где Радич пробыл до мая 1924 г. Здесь его также постигла неудача — местные власти не позволили организовать конгресс дискриминируемых национальных меньшинств бывшей Австро-Венгрии. Натолкнувшись на стену равнодушия в западноевропейских столицах, Радич принял руку помощи, протянутую с Востока. В начале июня 1924 г. он

⁵⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 118.

⁵⁸ А. Ж. Ф. 82. Милан Јаковљевић. Фасцикла. 1.

⁵⁹ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 115.

прибыл в СССР, а в конце месяца принял решение о вступлении ХРКП в Крестьянский интернационал.

Поездка в Москву, — «образец полного идиотизма»⁶⁰, как окрестил ее Сетон-Уотсон, — послужила поводом для очередного обострения хорватского вопроса. После отставки Давидовича сменившие его Пашич с Прибичевичем использовали Закон о защите государства для запрета деятельности ХРКП (январь 1925 г.). Председатель, вернувшийся в Королевство СХС еще в августе 1924 г., оказался за решеткой по обвинению в государственной измене, которая заключалась в сотрудничестве с Коминтерном и македонскими сепаратистами. Посланник Франц Ольсхаузен (1872–1962) доложил германскому МИД об отмене всех решений предыдущего кабинета, направленных на «смягчение противоречий» сербиянцев с преचनाми, а также об упразднении восстановленных Давидовичем областных администраций в Загребе, Любляне и Сараеве⁶¹. Все это укладывалось в общий контекст режима П–П, который Д. Йованович называл «самым мрачным периодом нашей послевоенной истории до 6 января 1929 г. «Будучи министром просвещения, — продолжил мемуарист, — Прибичевич разрешил полиции врываться в университет, бить и арестовывать студентов <...>. Это было первое нарушение университетской автономии. Реакция топтала все подряд»⁶².

Германский консул в Загребе объяснил происходившее подготовкой к выборам, назначенным на 8 февраля 1925 г.:

Правительство Пашича — Прибичевича борется всеми балканскими приемами, чтобы обеспечить себе большинство. Ежедневно происходят задержания, а полиция выписывает аресты на срок до дня после выборов. Любой, кто демонстрирует хотя бы минимальное несогласие с правительством, рискует оказаться арестованным⁶³.

В большей степени, чем во временном устранении неудобных, правящие круги были заинтересованы в сознательном обострении внутриюгославских общественно-политических и национальных противоречий. В ходе предвыборной кампании коалиция

⁶⁰ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 126.

⁶¹ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 241.*

⁶² *Јовановић Д. Политичке успомене. С. 210, 230.*

⁶³ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 254.*

НРП — СДП⁶⁴ подпитывала поствоенный ресентимент своих потенциальных сторонников, рассчитывая направить его против всей оппозиции — от Радича до Давидовича. Показательно белградское выступление Пашича перед *Parteigenossen* за неделю до голосования. Выборы названы «последней битвой», в которой радикалы, «ответственные за управление страной и сохранение того, что создано ценной пролитой крови», противостояли Радичу, — «агенту Австро-Венгрии» и «врагу нашей страны», — а также его белградским партнерам, совершавшим двойное «предательство». Первое — самим фактом сотрудничества с Радичем, а второе — намерением произвести ревизию конституции, то есть «нежеланием сохранить государство таким, каким оно создано»⁶⁵.

Мобилизационно-патриотическая риторика радикалов не возымела ожидаемого воздействия на электорат. Не обеспечил должного результата и административный ресурс, которым в Югославии располагало каждое правительство, получавшее от престола мандат на проведение выборов. В новой скупщине Национальный блок, как недвусмысленно назвали свой союз Пашич с Прибичевичем, получил ничтожное большинство в четыре голоса, что позволило Ольсхаузену констатировать очевидное: «Оппозиция [ХРКП и партии ОБ] несомненно добилась бы убедительной победы на абсолютно свободных выборах»⁶⁶. За ХРКП, несмотря на формальный запрет деятельности и тот факт, что в день выборов в тюрьме находилось более двух с половиной тысяч партийных активистов, проголосовало еще больше (545 тыс. голосов, 67 мандатов), чем в 1923 г.

В условиях, когда предвыборное «закручивание гаек» не принесло убедительного преимущества, маятник политики правящих кругов качнулся в противоположную сторону (как еще не раз случится в течение 1930-х годов). А именно, радикалы и двор решили в обмен на признание конституции уступить Радичу все министерские портфели партии Прибичевича, а также подконтрольные ему административные позиции в Хорватии. Помимо сиюминутных обстоятельств,

⁶⁴ В 1924 г. С. Прибичевич вместо со своими сторонниками — сербами из Хорватии — вышел из Демократической партии и образовал Самостоятельную демократическую партию (СДП).

⁶⁵ *Станковић Ђ.* Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. Београд: Рад, 2007. 2. књига. С. 362–372.

⁶⁶ *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 256.

эту *change of heart* обусловили результаты запоздалого осмысления межнациональных и межрегиональных отношений, для которого потребовалось шесть лет и три избирательные кампании.

Во-первых, стало ясно, что от Прибичевича больше вреда, чем пользы. Слывя «специалистом по Хорватии», он не мог считаться ее представителем, вследствие чего выглядели безосновательными его властные притязания в столице. Фракции в 20 с небольшим мест, за которую проголосовало сербское национальное меньшинство «Троедницы», не хватало ни для первого, ни для второго. Вскоре после выборов эти резоны германскому посланнику изложили «хорошо осведомленные лица», по словам которых «Пашич и корона полагают, что непомерности фанатика Прибичевича отягощают проведение их собственной политики»⁶⁷.

Вторым выводом с Ольсхаузенем поделился министр иностранных дел Момчило Нинчич (1876–1949), признавший, что «три миллиона сербов, сколько их есть [в Югославии], не могут надеяться обустроить по своему хотению новосозданное государство с населением в 12 миллионов жителей»⁶⁸. К этому «откровению», априорно очевидному европейским наблюдателям или покойному С. Протичу, основная масса радикалов во главе с Пашичем пришла болезненным эмпирическим путем. С начала работы Конституционного собрания они навязывали пречанам свою волю, оправдываясь позаимствованным у Прибичевича тезисом: если мы один народ, то и договариваться нам не о чем, а решающий голос принадлежит наиболее героической его части. В неприятии такого подхода «освобожденными братьями» основная часть белградского политикума удостоверилась только к 1923 г., когда выяснилось, что за радикалов кроме сербов никто голосовать не хочет. Как написал Д. Станкович, «даже самые большие пессимисты в руководстве Радикальной партии не могли предугадать исход выборов 1923 г., а тем более победу Радича, означавшую оформление антицентрализма»⁶⁹. «Этот опыт, — вспоминал молодой функционер НРП Милан Стоядинович, — так повлиял на руководство партии, что в дальнейшем оно решило всю активность посвятить только сербскому электорату, предоставив словенцев словенским

⁶⁷ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 257.*

⁶⁸ *Ibid. S. 262.*

⁶⁹ Станковић 1995: 27.

партиям, а хорватов хорватским»⁷⁰. Кампания 1925 г. стала последней и неудачной попыткой настоять на своем, применив грубую силу, после чего было решено пойти навстречу представителям девяти миллионов «несербов».

Осознание необходимости учитывать их пожелания, впрочем, не означало отказ от «централизма» в пользу «федерализма». Не только в силу неприятия децентрализации как таковой, но и потому что ни до, ни после описываемых событий официальный Белград не демонстрировал способности последовательно воплощать какой бы то ни было принцип государственного устройства. Как мы уже знаем, реализация Видовданской конституции написавшему ее руководству НРП представлялась не более чем предметом политического торга. Весной-летом 1925 г. этот главный «балканский прием» продемонстрировал эффективность в достижении сделки со Степаном Радичем. 27 марта его племянник Павел Радич (1880–1928) в белградской скупщине от имени дяди заявил об отречении партии от республиканства, признании династии Карагеоргиевичей и действующей конституции. 16 июля было сформировано совместное правительство Народной радикальной партии и Хорватской крестьянской партии, лишившейся буквы «р» в аббревиатуре названия. Радичу, вышедшему из тюрьмы два дня спустя, достался прибичевичевский пост министра просвещения.

Покупка лояльности недавнего обвиняемого в государственной измене ценой властных полномочий в центре и на местах расценивалась как окончательное решение «хорватского вопроса»:

Новая коалиция положила конец всем спорам национального характера. Наступил новый период сербскохорватской кооперации на основе союза сильнейшей сербской партии и мощнейшей партии Хорватии. <...> Две главных ветви нашей нации — сербская и хорватская — примирились. Это означает, что хорватский вопрос, как национальный вопрос, больше не существует. <...> Внутренняя ситуация в стране никогда не была лучше, чем сейчас, когда она свободна от каких-либо столкновений национального или конституционного характера⁷¹.

⁷⁰ *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka: Otokar Keršovani, 1970. S. 183.

⁷¹ *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929). Beograd: Ekopres, 1991. S. 260–270.

Если радикалами двигала убежденность, что гарантии стабильности власти и устранение главного внутреннего противоречия зависят от правильного выбора, с кем поделить страну на сферы влияния, то их контрагент в начале 1925 г. руководствовался гораздо более сложными и противоречивыми соображениями. Безучастность Запада подтолкнула его к поиску *modus vivendi* с правящими сербскими кругами. Оправданность такого выбора подтверждалась тем, что именно они, в конце концов, обеспечили Радичу то, что он не смог получить ни от партнеров по Оппозиционному блоку, ни от заграницы. В этом отношении показательно вышеприведенное толкование союза ХКП и НРП идеологом радикалов Л. Марковичем. Еще более красноречиво описание британским посланником Говардом Кеннардом (1878–1955) церемонии встречи официальной чехословацкой делегации на загребском вокзале в 1926 г.:

Радич пробился в первые ряды и прервал приветственные речи встречавших и гостей, вопя, что визит одобрили хорваты, а не югославы. Когда его попросили успокоиться, он ответил: “Кто меня может остановить? Я сам здесь *хозяин* (курсив мой. — А. С.)!”⁷².

Радикалов и двор к признанию этого высокого статуса подтолкнуло не только получение ХРКП полумиллиона с лишним голосов, но и упомянутый московский вояж, столь категорично осужденный Сетоном-Уотсоном. В отличие от него, Радич полагал, что лучший путь к выгодной договоренности — не демонстрация доброй воли, а «повышение ставок» в противостоянии. Обретение союзника в лице России, хоть и советской, произвело нужное впечатление, о чем позволяет судить записка наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, составленная в июле 1924 г.:

Сербы до последней степени напуганы пребыванием Радича в Москве <...>, правительство Пашича в большом волнении обсуждало этот вопрос, и <...> под влиянием сближения Радича с нами <...> решило не объявлять о роспуске этой партии. Узнав об этом, Радич был в восторге. <...>. По-видимому, он считает, что пребывание его в Москве уже одно увеличивает его вес⁷³.

⁷² *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 391.

⁷³ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов / под. ред. Р. П. Гришиной. М.: РОССПЭН, 2003. Ч. 2. Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. С. 49.

С наркоминделом заочно соглашался германский посланник, месяцем позже получивший «конфиденциальное донесение, согласно которому теперь и старый Пашич <...> сам ищет контактов с крестьянским вождем, с которым до настоящего времени боролся до полного истощения и которого поносил как коммунистического предателя отечества»⁷⁴.

В Белграде, впрочем, тоже придерживались того правила, что потенциального союзника следует предварительно запугать и поставить в невыгодное положение. Поэтому формальный роспуск партии, как мы знаем, состоялся, но снять ее с выборов или аннулировать завоеванные мандаты не посмели. У режима хватило решимости арестовать партийное руководство, однако не тюрьма, знакомая Радичу со студенческих времен, подтолкнула к принятию предложения, которое ему передали эмиссары короля Александра. «Радич и сам в душе был не прочь посотрудничать с Белградом и с монархией, но он хотел, чтобы и его массы дозрели до этого»⁷⁵, — Д. Йованович изложил суть известного нам затруднения, возможность преодолеть которое проявилась, как ни странно, вскоре после избирательной кампании, сопровождавшейся репрессиями в отношении руководства ХРКП.

Как и в случае с антихорватскими настроениями сербов, на которые так рассчитывали радикалы, преувеличенным оказался радикализм хорватских крестьян. Готовые голосовать за партию, ругавшую Белград и обещавшую рай на земле, они не собирались идти ради нее на баррикады. В июле 1925 г. германский посланник с иронией описывал вялую реакцию электората на печальную участь Радича и его соратников:

Случилось чудо: вместо того, чтобы по всей земле хорватской ожесточенно подняться на борьбу с произволом, радичевские крестьяне, с шумного одобрения которых апостол так часто изливал свой рог изобилия, полный критики в адрес сербства, монархии и династии, эти крестьяне остались невозмутимыми, как букашки⁷⁶.

Флегматизм масс, открывшийся не только Ольсхаузену, но и «апостолу», позволил тому не обрекать себя на мученичество, а с минимальными потерями для своей популярности заключить вышеописанное соглашение:

⁷⁴ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji.* S. 223.

⁷⁵ *Jovanović D. Политичке успомене.* С. 231.

⁷⁶ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji.* S. 275.

[Крестьянам] можно было бы, пожав плечами, перешагнуть через него <...>, однако люди последовали за своим посвежевшим и активным вождем, который, и сидя в тюрьме, удержал их в своей деснице⁷⁷.

«Удержание», однако, представляло собой не раз и навсегда достигнутую цель, а ежедневно решаемую приоритетную задачу. Примирение «главных ветвей нации» не устранило фундаментальных причин недовольства пречан центральной властью, ничего не делавшей для обустройства внутренне разобщенного королевства⁷⁸. Поэтому как политик, отдававший предпочтение точно измеряемой популярности перед абстрактными государственными интересами, Радич стремился снять с себя ответственность за официальный курс и максимально дистанцироваться от старшего партнера по коалиции. В результате в течение всего времени ее существования глава ХРКП, занимая министерское кресло, оставался главным критиком сербского истеблишмента. Разница с его поведением в начале 1920-х годов состояла в том, что король перестал быть объектом нападок, а радикалы упрекались, главным образом, не в великосербском гегемонизме, а в коррупции. Подобное неджентльменское поведение эмоционально описал посланник Кеннард в отчете руководству *Foreign Office* за 1926 г.:

Господин Степан Радич — безответственный демагог, нарушающий все обещания лояльно сотрудничать с радикалами. Он беспрестанно создает угрозу положению кабинета, жестоко критикуя зарубежные страны, как, например, Италию, и своих коллег <...>. Весьма непросто определить, какова его конечная цель <...>. Можно было бы предположить, что это распад Королевства. Но все же, несмотря на брань, адресуемую им всем и каждому в Белграде, Радич почти регулярно в публичных выступлениях выказывает преданность королю⁷⁹.

До поры до времени новая/старая тактика оправдывала себя. Гневная реакция Белграда на демагогию безответственного Радича, казалось, позволяла ему поддерживать в глазах сторонников имидж самого себя пятилетней давности. Как писал в октябре

⁷⁷ *Avramovski Ž. Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 275.*

⁷⁸ Достаточно сказать, что во второй половине 1920-х годов в нем действовало по пять уголовных и налоговых кодексов.

⁷⁹ *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 387.*

1926 г. германский консул в Загребе, «великосербская неуклюжесть <...> помогает ему с легкостью восстанавливать свое падающее влияние на хорватских избирателей»⁸⁰. Конец межеумочному положению ХКП положили областные выборы, впервые с момента основания Югославии состоявшиеся 23 января 1927 г. Подведение итогов зафиксировало падение количества голосов, поданных за партию по сравнению с парламентской кампанией 1925 г. Немедленной реакцией (28 января) стал разрыв коалиции с радикалами, формально мотивированный нарушениями при проведении голосования. Этот шаг, впрочем, не остановил неблагоприятной для ХКП тенденции, которая получила продолжение на выборах в скупщину в сентябре 1927 г. На них за радичевцев проголосовало на 170 тыс. избирателей меньше, чем в 1925 г. Снижение популярности в Хорватии и Далмации усугублялось провалом партии в Сербии, Македонии и Черногории, где ХКП, фигурировавшая в бюллетене как «Народная крестьянская партия», впервые выставила своих кандидатов⁸¹.

Порвав с радикалами, «хозяин» Хорватии в течение нескольких месяцев тщетно пытался заручиться поддержкой сербской Земледельческой партии и реанимировать прежние отношения с Л. Давидовичем. Однако тот едва ли мог забыть, как в 1924 г. Радич отказал ему в просьбе принять присягу на конституции, чтобы поучаствовать в правительстве Оппозиционного блока, но сделал это в следующем году под давлением двора и радикалов. Общее недоверие, которое испытывали к главе ХКП несостоявшиеся союзники, выразил в дневнике 23 декабря 1927 г. «земледелец» Милош Московлевич (1884–1968):

У всех нас сложилось впечатление, что между нами и ХКП нет никакой разницы, кроме способа выражения и объяснения своей позиции. Беда только в том, что Радич способен на какие угодно тактические метаморфозы⁸².

⁸⁰ *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 301.

⁸¹ Отчасти неудача в восточных областях страны объяснялась грубым противодействием, которое радичевцам оказывали местные прорадикально настроенные власти. В этом, однако, не было ничего антихорватского, так как в Сербии с XIX в. любая избирательная кампания сопровождалась насилием и кровавыми столкновениями соперничавших партий и их сторонников.

⁸² *Московљевић М.* Дневник. С. 428.

В конце концов, из всех оппозиционеров готовность сотрудничать с ним выразил один... Светозар Прибичевич. 10 ноября 1927 г. была сформирована Крестьянско-демократическая коалиция (КДК) в составе ХКП и СДП.

Для современников это событие стало сенсацией, что неудивительно. Еще в январе СДП хвалилась перед избирателями, что «загнала в нору Степана Радича»⁸³. А все потому, что это необходимо для существования государства, во имя которого принесены такие жертвы»⁸⁴. Впрочем, неожиданный альянс образовался не без веских причин личного и общего характера. Прибичевичу как руководителю небольшой «племенной» партии, чей потолок популярности составлял 22 мандата, было необходимо обрести мощного партнера, который вернул бы его в число влиятельных фигур. Возможность отомстить радикалам, изгнавшим его из «рая» в 1925 г., стоила того, чтобы наступить на горло собственной песне и ответить взаимностью Радичу. Тому объединение с партией сербского меньшинства позволяло выступать от имени всего населения Хорватии. В этом имелась особая потребность, потому что параллельно со снижением популярности ХКП на хорватской политической сцене появилась новая сила, обвинявшая ее в предательстве национальных интересов, — Хорватский блок в составе малочисленных, но громкоголосых Хорватской федералистской крестьянской партии и Хорватской партии права. Крестьянско-демократической коалиции предстояло стать единственным безальтернативным «представителем Хорватии», независимым от конкурентов у себя на родине и, что важнее, от капризов и изменчивых предпочтений правящей сербской верхушки.

Что касается общей логики создания Крестьянско-демократической коалиции, то неслучайно не нашлось желающих образовать союз ни с одним из ее лидеров. После смерти Пашича в конце 1926 г. те выделялись на фоне прочих умеренных партийных руководителей. Никто кроме Радича с Прибичевичем не был готов к изменению своего прежнего курса на 180 градусов из тактических соображений или к сознательному обострению общественных противоречий для мобилизации потенциальных сторонников.

⁸³ Аллюзия на то, что в 1925 г. Радич перед арестом прятался в тайном убежище без окон и дверей.

⁸⁴ АЈ. Ф. 14. МУП. Фасцикла 22. 413.

Мотивы вождей — Радича, Пашича и Прибичевича, соревнующихся в прыжках *salto mortale*, в результате которых они переходят от прежней жесточайшей вражды и принципиальных противоречий к дружбе и пьяному угару сегодняшней коалиции <...>, — сводятся к единому знаменателю — к жажде могущества и желанию дорвать-ся до кормушки⁸⁵.

Согласимся с мнением германского консула в Загребе Зайлера с той оговоркой, что для упомянутых «пассионариев» приоритетом были не материальные блага, а именно влияние. Для Пашича оно было тождественно премьерской должности и большинству в скупшине, а для двух остальных, по большей части обретавшихся в оппозиции, — способности в случае несговорчивости власти предрержащей вызвать кризис политической системы (разумеется, «несправедливо» устроенной), а также осуществить возмездие врагам.

С конца 1927 г. правительственной коалиции, составленной из лояльных лично монарху представителей всех остальных скупщинских партий, КДК предъявляла широкий спектр претензий — от коррупции и нарушения прав заключенных в белградских тюрьмах до подписания Неттунских соглашений с Италией. Как и в прежние годы, основную выгоду Радич с Прибичевичем извлекали из спекуляции реальными и мнимыми разногласиями государственного центра и регионов. Широкие возможности в этом отношении открывало сохранявшееся неравноправие пречанских областей с Сербией, особенно в вопросах налогообложения. В отдельных выступлениях деятелей коалиции, прозванной «пречанским фронтом», раздавались требования административного объединения Хорватии с Далмацией и даже ревизии Видовданской конституции.

Многие современники отказывали оппозиционному дуэту в праве обличать общественные язвы:

Во время своего пагубного пребывания в правительстве они сами в значительной степени заложили основу сегодняшней ситуации, в связи с которой они произносят патетические речи и грозят повести в бой легионы пречан⁸⁶.

⁸⁵ *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 325.

⁸⁶ *Ibidem.*

С германским консулом в Загребе Зайлером соглашался Сетон-Уотсон: «В чем польза того, что такие люди, как Радич и Прибичевич, возлагают на Сербию всю вину за настоящее прискорбное положение, когда ясно, что действующей централистской конституции и власти белградской клики не было бы, если бы не абстиненция первого и фанатичное супер-сербство второго?»⁸⁷.

Неубедительность праведного гнева компенсировалась «обострением до крайности борьбы в парламенте», которую оппозиционный дуэт анонсировал в январе 1928 г. В течение первого полугодия КДК пыталась дискредитировать и парализовать скупщину с помощью, как писала партийная пресса, «некоторых в западной демократии уже опробованных средств»⁸⁸. Таковыми стали призывы назначить премьер-министром отставного генерала, а не представителя одной из партий, бойкот заседаний фракцией КДК, угрозы «навсегда» уехать из Белграда и, наконец, физическое воспрепятствование работе скупщины.

В мае-июне 1928 г. фракция Радича и Прибичевича <...> устроила бешеную обструкцию в Народной скупщине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранники ругаются самыми грязными уличными ругательствами, грозят друг другу, или даже дерутся⁸⁹.

По воспоминаниям Светислава Милосавлевича (1882–1960), употребление «опробованных средств» ожидаемо вызвало в Белграде не такую реакцию, как в Палате общин.

Аналогично Прибичевичу в бытность его министром внутренних дел, противникам КДК тоже приходила в голову идея заработать очки, суля физическую расправу «врагам государства, за которое столько крови пролито». Одного из таких — радикала-черногорца Пунишу Рачича (1886–1944) — Прибичевич 20 июня во время очередной перепалки пытался осадить фразой: «Хотите, чтобы и в Лондоне услышали, что здесь угрожают оружием?!». Увы, пристыдить бывшего четника, приходившего в зал заседаний с пистолетом, не удалось. Спустя несколько минут он открыл стрельбу по радичевцам, убив

⁸⁷ R. W. Seton-Watson and the Yugoslavs. P. 171.

⁸⁸ Цит. по: Gligorijević 1979: 255.

⁸⁹ АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 105.

двоих и ранив столько же, включая Радича. 8 августа 1928 г. тот скончался в результате осложнения от полученного ранения, а за неделю до этого КДК на заседании в Загребе заявила о нелегитимности белградской скупщины, непризнании государственного устройства и Видовданской конституции, принятой исключительно для утверждения «гегемонии Королевства Сербия». Этой резолюцией ХКП, по формулировке М. Биондича, «совершила полный круг, вернувшись к своей позиции непосредственно после объединения»⁹⁰.

Убийство руководителей ХКП в белградской скупщине фатальным образом сказалось на всех аспектах сербско-хорватских отношений во втором десятилетии существования Королевства СХС/Югославия. Подводя итоги развития хорватского вопроса в 1918–1928 гг., обратимся еще раз к обстоятельствам возникновения КДК. Ее создатели заработали популярность в первые месяцы и годы после образования Югославии, апеллируя к «сербско-хорватскому антагонизму», что не помешало им внезапно отречься от прежних лозунгов и начать педалировать общность интересов хорватов и сербов-пречан. Произошедшее во многом напоминало создание коалиции радикалов и радичевцев в 1925 г., когда состоялось «примирение двух основных ветвей нации». В обоих случаях чувства, предположительно испытываемые югославянами друг к другу, не могли измениться в одночасье. Из этого следует, что деятельность партий, которые некоторые историки называют «народными движениями», едва ли правильно считать объективным отражением межнациональных отношений. Соответственно, пропаганду и часто конфликтное взаимодействие наших героев — канву событий, единственно доступную исследователям хорватского вопроса, — неверно называть «хорватско-сербским спором», «отношениями сербов и хорватов», «сербско-хорватским конфликтом», «сербско-хорватскими противоречиями» и т. д.

Политическая сущность хорватского вопроса — в эксплуатации взаимных фобий двух наиболее многочисленных народов страны партийными деятелями, которые в зависимости от сиюминутных интересов могли их либо «подогреть», либо постараться приглушить. Впрочем, примирительные шаги давались гораздо тяжелее, чем повышение ставок в противостоянии, так как «обогнать» радикализм масс было гораздо безопаснее для популярности, чем «отстать» от него.

⁹⁰ Biondich 2000: 241.

Поэтому интенсивность неприязни сербов и хорватов уступала ожесточенности противостояния их представителей. Подтверждением тому — сам факт заключения неожиданных альянсов в 1925 и 1927 гг. Те не состоялись бы, если бы не уверенность заинтересованных сторон, что массы, как говорил Драголюб Йованович, «дозрели» и готовы принять в качестве союзника вчерашнего «врага хорватов» или «проавстрийца»/«врага государства».

Список сокращений

АСАНУ — Архив Српске академије наука и уметности
ВНП — Временное народное представительство
КДК — Крестьянско-демократическая коалиция
Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
НРП — Народная радикальная партия
ОБ — Оппозиционный блок
СДП — Самостоятельная демократическая партия
ХНКП — Хорватская народная крестьянская партия
ХРКП — Хорватская республиканская крестьянская партия
АЈ — Архив Југославије, Београд

Литература

- Зеленин 1984 — *Зеленин В.В.* Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М.: Наука, 1984. С. 65–79.
- Казимировић 1995 — *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац: Призма, 1995. Књ 2. 698 с.
- Милорадовић 2020 — *Милорадовић Г.* Хрватски “Рашомон”: југословенска штампа о покољу у Керестинцу 16. априла 1936. године // Токови историје. 2020. № 1. С. 11–46. DOI: 10.31212/tokovi.2020.1.mil.11-46.
- Силкин 2022 — *Силкин А.А.* Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 223–245. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.9.
- Станковић 1995 — *Станковић Ђ.* Никола Пашић и хрвати. Београд: БИГЗ, 1995. 503 с.
- Чалић 2013 — *Чалић М-Ж.* Историја Југославије у XX веку. Београд: Клио, 2013. 490 с.

- Banac 1995 — *Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb: Durieux, 1995. 376 p.
- Biondich 2000 — *Biondich M. Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904–1928*. Toronto: University of Toronto Press, 2000. 368 p.
- Boban 1974 — *Boban Lj. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941*. Zagreb: Liber, 1974. Knj. 1. 483 s.
- Dokić 2010 — *Dokić D. Nedostižni kompromis: srpsko-hrvatsko pitanje u međuratnoj Jugoslaviji*. Beograd: Fabrika knjiga, 2010. 364 str.
- Gligorijević 1979 — *Gligorijević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1979. 420 s.
- Goldstein 2017 — *Goldstein I. Suprotstavljanje centralizmu // Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017. S. 115–148.
- Janjatović 2002 — *Janjatović B. Politički teror u Hrvatskoj 1918.–1935*. Zagreb: Dom i svijet; Hrvatski institut za povijest, 2002. 358 s.
- Kljaić 2017 — *Kljaić S. Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.)*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2017. 436 s.
- Korunić 1995 — *Korunić P. Hrvatsko pitanje 1860./1861. godine // Časopis za suvremenu povijest*. 1995. Vol. 27. № 1. S. 103–123.
- Stančić 2006 — *Stančić N. Hrvatska nacionalna integracija u 19. i 20. stoljeću: ritmovi, ideologija, politika // Hrvatska politika u XX stoljeću / vyd. L. Antić*. Zagreb, Matica Hrvatska, 2006. S. 9–34.

References

- Banac, I., 1995. *Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb: Durieux, 376 p.
- Biondich, M., 2000. *Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928*. University of Toronto Press Incorporated, 368 p.
- Boban, Lj., 1974. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941*, II, Zagreb: Liber, 479 p.
- Čalić, M-Ž., 2013. *Istorija Jugoslavije u XX veku*. Beograd: Klio, 490 p. (in Serb.)
- Dokić, D., 2010. *Nedostižni kompromis: srpsko-hrvatsko pitanje u međuratnoj Jugoslaviji*. Beograd: Fabrika knjiga, 364 p.
- Gligorijević, B., 1979. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 420 p.
- Goldstein, I., 2017. Suprotstavljanje centralizmu. In: *Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*. Belgrade: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, pp. 115–148.
- Janjatović, B., 2002. *Politički teror u Hrvatskoj 1918.–1935*. Zagreb: Dom i svijet; Hrvatski institut za povijest, 358 p.

- Kazimirović, V., 1995. *Srbija i Jugoslavija 1914–1945*, 2. Kragujevac: Prizma, 698 p. (in Serb.)
- Kljaić, S., 2017. *Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.)*. Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 436 p.
- Korunić, P., 1995. Hrvatsko pitanje 1860./1861. godine. *Časopis za suvremenu povijest*, 27, 1, pp. 103–123.
- Miloradović, G., 2020. Hrvatski “Rašomon”: jugoslovenska štampa o pokolju u Kerestincu 16. aprila 1936. godine. *Tokovi istorije*, 1, pp. 11–46. doi: 10.31212/tokovi.2020.1.mil.11-46. (in Serb.)
- Silkin, A. A., 2022. Obraz vlasti v “Konstitutsii neutral’noi krest’ianskoj respublikli Khorvatiia” (1921). *Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, pp. 223–245. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.9. (in Rus.)
- Stančić, N., 2006. Hrvatska nacionalna integracija u 19. i 20. stoljeću: ritmovi, ideologija, politika. In: Antić, L., ed. *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb, Matrica Hrvatska, pp. 9–34.
- Stanković, Đ., 1995. *Nikola Pašić i hrvati*. Beograd: BIGZ, 503 p. (in Serb.)
- Zelenin, V., 1984. Nekotorye aspekty stanovleniia i krizisa predstavitel’noi sistemy korolevstva serbov, khorvatov i sloventsev [Some aspects the establishment and crisis of the representative system of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes]. In: *Problemy istorii krizisa burzhuaznogo politicheskogo stroia. Strany Tsentral’noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v mezhoennnyi period* [Problems of history of the crisis of the bourgeoisie political system. Countries of Central and South-Eastern Europe in the interwar period]. Moscow: Nauka, pp. 65–79. (in Rus.)

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

The Croatian Issue in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes. 1918-1929

Russian historians, as well as Serbian and Croatian authors, when speaking about the Croatian question in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, refer to the activities of the Croatian (Republican) Peasant Party, often awarded the epithet “national movement”. No distinction is made between Serbian-Croatian relations, the “Serbian-Croatian conflict” and its interaction with Serbian parties and, above all, with the People’s Radical Party, which is also called the representative of the entire Serbian people. One cannot help but see the vulnerability of such generalisations. If parties are “national movements,” how should we evaluate their ideological inconsistency and tendency to form unexpected alliances? Did these qualities correspond to a similar inconstancy of the masses, or did the party leaders sometimes not pursue the popular aspirations, which were more or less stable, but their personal motives instead? The vulnerability of identifying party conflicts with interethnic contradictions prompts us to narrow the angle of consideration of the Croatian issue to a phenomenon of political life. This does not mean that it is impossible to trace the connection between what was happening in the political arena and interethnic relations. Politics served as a reflection of the mood of the masses. Unfortunately, our understanding of them is limited by the lack of sociological data, so inter-party struggle can be considered the main indicator of the severity of Serbian-Croatian contradictions, but not the only one. The activities of “people’s” organisations were another influence.

Keywords: Stjepan Radić, Svetozar Pribićević, Nikola Pašić, Croatian Republican Peasant Party, Peasant Democratic Coalition, interethnic relations

Received: 3 June 2024

Accepted: 21 July 2024

How to cite: Silkin, A. A., 2024. Khorvatskii vopros v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev. 1918-1929. *Central-European Studies*, 7, pp. 178–214. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.6>.

Сергей Зиновьевич Слущ

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: sergejslutsch@gmail.com

Некоторые аспекты советско-германских экономических отношений и миссия Д. В. Канделаки (1935–1937 гг.): к вопросу о соотношении политики и экономики

В середине 1930-х годов Сталин решил активизировать торгово-экономические отношения с Германией с целью получения долгосрочных кредитов для финансирования преимущественно поставок продукции военного и двойного назначения. В то же время нацистский режим, несмотря на антисоветский внешнеполитический курс, был заинтересован в налаживании устойчивых экономических связей с Москвой, поскольку испытывал возрастающую зависимость германской экономики от поставок стратегического сырья из СССР. Сочетание этих факторов предопределило решение Кремля о наделении торгпреда в Германии Д. В. Канделаки особой миссией, которая не исчерпывалась только решением экономических задач, но включала и создание атмосферы доверительности, столь необходимой в ходе переговоров о поставках деликатной продукции военного назначения. При этом долгосрочные кредиты явились бы весомой гарантией устойчивости таких отношений. По замыслу Сталина, все это должно было стать подготовительным этапом для ведения политических переговоров с руководством Германии. Активно способствуя реализации предоставленного СССР в 1935 г. пятилетнего кредита, Канделаки добился серьезных уступок с германской стороны, включая согласие на поставку некоторых видов военной продукции, запрещенных ранее к вывозу в СССР. Однако все попытки торгпреда обеспечить решение политической задачи, обусловив дальнейшее расширение экономических отношений согласием Берлина на переговоры о политическом урегулировании, ни к чему не привели. Причиной тому были поставленные Сталиным нереальные задачи, игнорировавшие «фактор Гитлера» и его политико-идеологические установки, определявшие характер германо-советских отношений.

Ключевые слова: СССР, Германия, Сталин, Гитлер, М. М. Литвинов, Д. В. Канделаки, Я. Шахт, политика, экономика, антагонистические цели, симбиоз интересов

Статья поступила в редакцию: 19 января 2024 г.

Статья принята к публикации: 25 марта 2024 г.

Цитирование: Случ С.З. Некоторые аспекты советско-германских экономических отношений и миссия Д. В. Канделаки (1935–1937 гг.): к вопросу о соотношении политики и экономики // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 215–264. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.7>.

1933 год стал переломным в развитии германо-советских отношений, что объяснялось исключительно внутривнутриполитическими переменами в Германии. В том же году Гитлер на заседании правительства 26 сентября сформулировал действовавший затем многие годы принцип, положенный им в основу отношений с СССР: «не разрывать с нашей стороны германо-русские отношения» и не давать «русским повода для такого разрыва»¹.

На этом фоне, несмотря на продолжавшееся в целом ухудшение германо-советских отношений, экономические связи продолжали играть все возрастающую роль в усилении военно-экономического потенциала обоих государств. На протяжении многих десятилетий изучение этой стороны советско-германских отношений, привлекая внимание историков западных стран², основывалось исключительно на германских архивах. В настоящее время есть возможность существенно дополнить созданную ими картину, используя документы и из российских архивов. Поле исследования становится многогранным, позволяя изучать на основе документов обеих сторон как торгово-экономические аспекты этих отношений, так и их военно-экономические и политико-идеологические составляющие, в том числе решения, принятые на высшем уровне.

Заинтересованность в поддержании советско-германских торгово-экономических отношений сохранялась не только в экспортно ориентированных отраслях германской промышленности и банковском секторе, но и в военных кругах. Причины подобного положения достаточно очевидны. Во-первых, это потребность в сырье, особенно в стратегически важном (нефть и нефтепродукты, железная и марганцевая руда) и сельскохозяйственной продукции, преимущественно в технических и кормовых культурах. Во-вторых, СССР

¹ ADAP. Ser. C. Bd. I–VI. Göttingen, 1971–1981. Bd. I, 2. Dok. 457. S. 840.

² См., например: McMurry 1979; Müller 1984; Perrey 1985; Schwendemann 1993; Ericson 1999.

был едва ли не единственной страной, где стратегическое сырье можно было закупать не за валюту, дефицит которой Германия постоянно испытывала, а за рейхсмарки. В-третьих, крупные советские заказы германским фирмам обеспечивали их стабильную долгосрочную загруженность и способствовали снижению уровня безработицы, смягчая социальную напряженность. И, наконец, по мере увеличения численности вооруженных сил и наращивания военного производства потребность в бесперебойном получении стратегического сырья из СССР неизбежно возрастала, что неоднократно констатировали военно-экономические инстанции третьего рейха.

Не менее весомые причины мотивировали и советское руководство к сохранению и расширению экономических связей с Германией. Среди них: возможность торговать на безвалютной основе; приобретать на хорошо освоенном рынке высококачественную и высокотехнологичную продукцию по приемлемым ценам; размещать крупные промышленные заказы, в том числе на продукцию военного назначения; и, самое главное, получать на выгодных условиях для их финансирования большие долгосрочные кредиты, чего не удавалось достичь в торговле ни с одним из государств.

В такой обстановке Сталин в конце 1934 г. выдвинул кандидатуру Давида Владимирович Канделаки (1895–1938) на пост нового торгпреда в Германии³, наделив его особыми полномочиями, включая возможность личного обращения к диктатору, не говоря уже о конфиденциальном информировании последнего о положении дел. Все это выводило работу торгпреда за рамки рутинной внешне-торговой деятельности, превращая ее в своего рода особую миссию Канделаки. Что дает основание для подобной оценки этого назначения, принимая во внимание, что историки до сих пор не располагают всем объемом документов, связанных с пребыванием Канделаки

³ После назначения Израила Яковлевича Вейцера (1889–1938) в конце июля 1934 г. наркомом внутренней торговли СССР, пост торгпреда в Германии оставался вакантным, о чем Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) напоминал 18 августа отдыхавшему в Сочи Сталину, предлагая назначить на это место торгпреда в Англии Александра Владимировича Озерского (1891–1938) (Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2001. Док. 473. С. 442). Однако это предложение не получило одобрения, и только спустя более месяца после возвращения Сталина в Москву, 5 декабря, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о кандидатуре нового торгпреда в Германии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 955. Л. 20).

в Германии⁴? Во-первых, поставленные перед миссией Канделаки задачи, ориентированные на установление таких экономических связей с Германией, которые должны были зиждиться на обоюдной заинтересованности в обмене стратегически важного сырья на продукцию военного и двойного назначения. Продвижение в этом направлении, как, вероятно, полагал Сталин, должно было, уже в силу конфиденциального характера такого рода экономических связей и не менее конфиденциальных личных контактов⁵ в ходе их установления, создать почву для достижения сближения в политической сфере. Во-вторых, опека деятельности Канделаки на разных направлениях осуществлялась, независимо друг от друга, со стороны сразу двух наркоматов — НКВТ и НКИД. И, в-третьих, что, несомненно, являлось определяющим, куратором торгпреда был сам Сталин, которого Канделаки регулярно информировал как о ходе официальных переговоров, так и неофициальных бесед с немцами, не говоря уже о беспрецедентном для чиновника его ранга числе личных встреч в Кремле — 17 раз в течение двух с небольшим лет⁶. Насколько правомерны эти предварительные выводы, основывающиеся как на документах, так и на некоторых умозаключениях, покажет дальнейший анализ.

⁴ Интерес к деятельности Канделаки в Берлине возрос после публикации Льва Александровича Безыменского (1920–2007) (*Besymenski* 1992), основанной на документах, выявленных в Архиве внешней политики и представленных в виде очерка сотрудником Историко-документального департамента МИД Николаем Александровичем Абрамовым с предисловием и послесловием Безыменского (*Особая миссия Давида Канделаки* / публ. Н.А. Абрамова, Л.А. Безыменского // *Вопросы истории*. 1991. № 4/5. С. 144–156). См. также: Roberts 1994; Наринский 2003, и некоторые другие, затрагивающие эту тему в рамках общих работ, посвященных внешней политики СССР и советско-германским отношениям.

⁵ О том, какое значение придавали в Москве, в частности, этой стороне миссии Канделаки, наглядно свидетельствует и то, что спустя всего полтора месяца после его прибытия в Берлин нарком внешней торговли Аркадий Павлович Розенгольц (1889–1938) направил предложение заместителю председателя СНК СССР Яну Эрнестовичу Рудзутаку (1887–1938) увеличить оклад торгпреда до 430\$ в месяц, основывая это тем, что «на тов. КАНДЕЛАКИ, торгового представителя СССР в Германии, возложено расширение связей с немецкими торговыми и правительственными кругами, что связано с увеличением его личных расходов» (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 2497. Л. 97).

⁶ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / научн. ред. А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 627.

Прелюдия миссии Канделаки: соглашение 1935 г.

В середине января 1935 г. Канделаки прибыл не с пустыми руками⁷ в Берлин, где с весны 1934 г. шли переговоры об условиях предоставления СССР 200-миллионного кредита⁸. Начав встречаться с представителями МИД и Рейхсминистерства экономики, он дал понять уже в ходе протокольных визитов, что готов способствовать восстановлению более тесных торговых отношений между двумя странами, выразив надежду на скорое успешное завершение переговоров⁹. Эти встречи, связанные с подготовкой и заключением ежегодного соглашения о товарообороте и платежах, осложнялись как стремлением советской стороны добиваться погашения своих прежних финансовых обязательств поставками сырья и продовольствия (не вся их номенклатура и объемы в равной мере представляли интерес для немцев¹⁰), так и желанием, в свою очередь, германской стороны получать значительную часть платежей золотом или валютой¹¹. Другим не менее важным предметом переговоров являлся вопрос о новом германском кредите и условиях его предоставления и реализации. Добиваясь получения 200-миллионного кредита, Москва через Канделаки стремилась обеспечить не только наиболее благоприятные условия его погашения, но прежде всего гарантии германской стороны относительно выполнения высокотехнологичных заказов, значительная часть которых приходилась на продукцию военного назначения. Причем советские переговорщики настаивали на безусловном одобрении Берлином в первую очередь именно этой части своих заказов как на обязательном условии заключения соглашения о кредите¹².

⁷ 28 декабря 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило номенклатуру оборудования, подлежащего заказу в Германии в рамках предполагаемого кредитного соглашения (СССР – Германия 1933–1941. М., 2009. Док. 51. С. 101–107). Этот перечень был передан Торгпредством германской стороне, и представители разных ведомств приступили к его экспертной оценке.

⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven / hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. München, 2014. Bd. 1. S. 36. Anm. 118.

⁹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941 / hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. Berlin; Boston, 2019. Bd. 2. Dok. 10. S. 182–183.

¹⁰ Ibid. Bd. 2. Dok. 61. S. 295.

¹¹ Ibid. Bd. 2. Dok. 51. S. 273–274.

¹² Ibid. Dok. 29. S. 235.

Процесс согласования общей германской позиции относительно номенклатуры советских заказов в инстанциях был весьма непростым. У некоторых экспертов возникли сомнения относительно необходимости идти навстречу СССР, стремившемуся, по их заключению, с помощью *I. G. Farbenindustrie AG* создать химические фабрики, в частности, по производству анилина, были сомнения и в отношении заказов оптической продукции фирмы *Zeiss*¹³. В Берлине высказывались возражения и более общего характера. Так, в экспертном заключении Русского комитета германской промышленности от 17 января 1935 г. акцентировалось внимание на следующем:

Германская промышленность не заинтересована в том, чтобы поставлять русским ту продукцию, оборудование или готовые технологии, которые будут способствовать полной индустриальной самостоятельности СССР, вызовут застой важных отраслей нашей промышленности и тем самым увеличение нашей безработицы¹⁴.

В ходе межведомственных совещаний, где, между прочим, выявились разногласия между МИД и Рейхсминистерством экономики о пределах уступок советской стороне¹⁵, было согласовано, в частности, сокращение предложенной номенклатуры советских заказов на 10–20%¹⁶. Несмотря на немалые трудности, возникавшие в ходе переговоров о заключении 200-миллионного кредита, они были преодолены, и 9 апреля 1935 г. было подписано соглашение, регулировавшее весь комплекс торгово-экономических и финансовых вопросов, связанных с предоставленным СССР на пятилетний срок кредитом¹⁷.

Советская сторона была вполне удовлетворена достигнутым соглашением, прежде всего условиями реализации кредита, а также

¹³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 10. S. 183; Dok. 27. S. 229.

¹⁴ Ibid. Dok. 9. S. 181. Советские дипломаты, получая из разных источников информацию о подобных суждениях, пришли к выводу, что, по-видимому, у немцев есть «серьезные колебания по вопросу о допустимости для Германии участвовать столь тесно и столь интимно в создании военной промышленности Сов[етского] Союза» (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 18. S. 206).

¹⁵ Ibid. Dok. 32. S. 242.

¹⁶ Ibid. Dok. 35. S. 247.

¹⁷ ADAP. Ser. C. Bd. IV.1. Dok. 21. S. 30–37; ДВП СССР. Т. XVIII–XX. М., 1973–1976. Т. XVIII. Док. 172. С. 271–274.

согласием Рейхсминистерства экономики «оказывать содействие Торгпредству при размещении и осуществлении заказов», немалая часть которых имела «специальный характер», будучи продукцией военного назначения¹⁸. В не меньшей степени были довольны соглашением и в Берлине: оно обеспечивало германской промышленности большой долгосрочный объем заказов и, что особенно важно — получение значительных объемов сырья, в том числе стратегического значения¹⁹.

Таким образом, очевидно, что советское руководство, делая упор на экономических отношениях с третьим рейхом, стремилось, как уже упоминалось, получать, прежде всего, продукцию и оборудование военного и двойного назначения, которая должна была служить повышению уровня обороноспособности СССР и в первую очередь подготовке к неизбежному столкновению с Германией. При этом речь шла о самых современных образцах тяжелых вооружений, и в особенности об их электронно-оптическом оснащении. Руководство Германии, порой в условиях жесткого межведомственного противостояния, было вынуждено идти на уступки СССР, то есть фактически способствовало усилению его военно-экономической мощи, будучи очень заинтересовано в советском сырье для наращивания вооружений²⁰, осуществления экспансии, а в недалеком будущем — для войны с Советским Союзом. Налицо такой вот своеобразный, хотя и кратковременный, симбиоз ярко выраженных основополагающих антагонистических целей и интересов.

При этом и в одной, и в другой стране были сторонники и оппоненты этой политики. Хотя подписанное экономическое соглашение и позволило сторонам найти компромиссные решения по многим вопросам, однако его реализация, особенно касающаяся номенклатуры

¹⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 133. S. 460.

¹⁹ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 1. Dok. 20. S. 29–30.

²⁰ В начале марта 1935 г. «Правда» поместила статью доктора экономических наук Елизаветы Леонидовны Хмельницкой (1902–1969) «Германский фашизм готовит хозяйство к войне», в которой, в частности, были подняты отнюдь не риторические вопросы: «Как сочетать форсирование экспорта с выполнением все растущих военных заказов? Как развешивать экспортные производства при недостатке необходимого для этого сырья? Где изыскать ресурсы для восстановления утерянных позиций на мировом рынке и одновременного удовлетворения ненасытных запросов вооружений?» (Правда. 1935. 3 VI: 2). Некоторые ответы на эти вопросы дало заключенное 9 апреля 1935 г. советско-германское экономическое соглашение.

советских военных заказов, наталкивалась зачастую на серьезные трудности. Как сообщал Канделаки Сталину 3 сентября 1935 г., Берлин ввел новые правила, согласно которым требовалось «почти каждый серьезный заказ выдавать после переговоров не только с фирмами, но и с немецкими правительственными органами, поскольку немцы установили над своим экспортом, в особенности по интересующим нас объектам, жестокий контроль с военной точки зрения»²¹. По мнению руководителя Экономического отдела МИД Карла Риттера (1883–1968), «в Германии есть ряд вещей, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть проданы в СССР, так как они в военном или техническом отношении представляют исключительную ценность и являются как бы монополией Германии». В качестве примера он сослался на стремление СССР приобрести технологию изготовления аккумуляторных батарей для ВМФ: «Извините, — подчеркнул Риттер в беседе с советником Полпредства СССР в Германии Сергеем Алексеевичем Бессоновым (1892–1941), — продавать секрет производства батарей для подводных лодок стране, подводные лодки которой могут плавать в Балтийском море — мы не можем и не будем»²². При решении данного конкретного вопроса произошло именно так, как сказал Риттер.

Вместе с тем, по ряду других «щекотливых» пунктов, касавшихся советских военных заказов, Берлин вынужден был пойти на серьезные уступки, дав согласие на поставку в СССР, в частности, броневой стали, корабельных катапульт и приборов для осуществления слепой посадки самолетов. Закономерен вопрос: почему? Ответ на него был дан на межведомственном совещании, состоявшемся в Рейхсминистерстве экономики 4 января 1936 г. В его протоколе отмечалось:

Положение Германии с сырьем вследствие непоступления русского сырья угрожает приобрести катастрофический характер. Германия нуждается по меньшей мере в сырье из Советского Союза на сумму в 160 млн рейхсмарок, в особенности древесины, нефти, кормов, марганцевой руды. Положение с валютой в Германии также безотлагательно требует дальнейшего притока русского золота²³.

²¹ СССР — Германия 1933–1941. Док. 71. С. 128.

²² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 338. S. 944.

²³ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 483. S. 950.

На первый взгляд, в правительстве СССР не могло быть разных мнений по поводу официального курса, ориентированного на расширение торгово-экономических отношений с Германией, но тем не менее они были. Так, нарком по иностранным делам Максим Максимович Литвинов (1876–1951) в одной из записок Сталину обратил его внимание на следующее: «Ввиду совершенной безнадежности улучшения политических отношений, я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что мы этим оказали бы крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области»²⁴. При обсуждении этого вопроса в Кремле Сталин поддержал позицию торгпреда Канделаки, активно лоббировавшего всяческое расширение объема экономических отношений с Германией²⁵. Почему? Представить, что Сталин не понимал того значения, которое имеют для экономики Германии и наращивания ее военной мощи советские поставки сырья, трудно. Может быть, он рассчитывал на то, что поставки военной продукции и технологий из Германии позволят усилить экономический потенциал и военную мощь СССР, и в итоге, они как минимум не будут уступать таковым третьего рейха, а значит, такая политика оправдана? Подобные соображения, разумеется, исключать нельзя, но были ли они основными и тем более единственными?

Замысел Сталина: намерения и реальность

И здесь на первый план, по моему мнению, выдвигается то главное, что побудило Сталина наделить торгпреда Канделаки полномочиями, явно выходящими за рамки хотя и важных, но рутинных переговоров по торгово-экономическим вопросам, в том числе касавшихся лоббирования заказов военного назначения. Все, что в связи с этим имело, несомненно, немалое значение для усиления военно-экономического потенциала СССР, было одновременно трамплином, который, как можно предположить, по замыслу Сталина, позволил бы не просто нормализовать отношения с Германией, но и ввести их в рамки политического соглашения. Что дает основания для

²⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 303. S. 864.

²⁵ Ibid. Dok. 310. S. 878.

подобного умозаключения? Прежде всего, это те единичные письменные инструкции, данные Канделаки, которые в настоящее время доступны исследователям. Но, разумеется, речь идет не только о конкретных текстах; взятые сами по себе, независимо от конкретной обстановки, они вряд ли позволят ответить на вопрос адекватности намерений их инициатора. В поле зрения должны находиться состояние двусторонних отношений и их международный фон, а также реакция противоположной стороны, причем как прогнозируемая, так и реальная.

В первой из таких инструкций — для беседы с рейхсминистром экономики Ялмаром Шахтом (1877–1970), составленной Литвиновым и отредактированной Сталиным через несколько дней после заключения фактически направленного против Германии советско-французского договора о взаимопомощи в мае 1935 г., — подчеркивалась неизменная готовность советского правительства развить с ней «наилучшие отношения, в особенности экономические, которые оно очень ценит». Более того, «заключенный пакт (с Францией. — С. С.) не только не должен мешать, а наоборот, может помочь установлению более спокойных и наилучших корректных отношений с Германией, а также дальнейшему развитию экономических отношений». Почему же советско-французский договор не мог служить помехой улучшению советско-германских отношений? И на этот вполне закономерный вопрос было заготовлено следующее разъяснение:

Мы ограничили свою помощь только французской территорией. <...> Среднеевропейские и другие проблемы, которые могут интересовать Германию без прямого ущерба для СССР, пактом не затронуты, как известно²⁶.

Последнее положение — еще одна наглядная иллюстрация двухуровневой внешней политики СССР²⁷.

Впрочем, временная дистанция от санкционированной Сталиным инструкции для беседы Канделаки с Шахтом до самой беседы была необычно продолжительной, более двух месяцев. И это несмотря на то, что на протяжении этого периода торгпред дважды встречался с рейхсминистром экономики. Причем первая встреча произошла

²⁶ СССР — Германия 1933–1941. Док. 67. С. 125–126.

²⁷ См. подробнее: Случ 2009: 89–90.

22 мая, т. е. на следующий день после речи Гитлера в рейхстаге, в которой впервые в публичном пространстве в качестве рейхсканцлера столь много внимания было уделено проблеме идеологической несовместимости и антагонизма теории и практики национал-социализма и большевизма²⁸. Характеризуя ее значение для германо-советских отношений, советник Посольства Германии в СССР Фриц фон Твардовский (1890–1970) отметил в письме консулу в Киеве Андору Хенке (1895–1984):

Наша позиция в отношении Советского Союза отныне ясно изложена, и больше нет необходимости с нашей стороны высказывать в беседах все еще присутствующее пожелание о поддержании хороших, даже дружеских отношений²⁹.

По всей видимости, в Москве, ознакомившись с содержанием речи Гитлера и прокомментировав ее в печати³⁰, сочли неуместным в такой атмосфере поднимать вопрос о политическом сближении. Однако не только сам факт очередной встречи рейхсминистра с торгпредом, но особенно ее содержательная сторона, о которой сейчас известно крайне мало, вызывают вопросы. Так, совершенно неясно, насколько было проработано на экспертном уровне столь грандиозное предложение³¹ и приняло ли германское правительство какое-либо решение по этому поводу. Спустя почти месяц, 20 июня, по инициативе Шахта состоялась его очередная встреча с Канделаки, в ходе которой он уточнил условия предоставления кредита в сумме 800 млн — 1 млрд рейхсмарок с погашением в течение 17–18 лет³². Небезынтересно, что это предложение со стороны Шахта пришлось как раз на тот период, когда германский посол в СССР граф Фридрих фон дер Шуленбург (1875–1944) получил от своего руководства

²⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 159. S. 534–537.

²⁹ Ibid. Dok. 162. S. 541.

³⁰ Декларация Гитлера // Известия. 1935. 23 V: 1; Враги мира и безопасности [Передовица] // Правда. 1935. 23 V: 1.

³¹ Шахт заявил Канделаки о намерении войти в правительство с предложением предоставить СССР заем в один миллиард марок сроком на десять лет с погашением этого займа интересующим Германию сырьем (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 166. S. 552).

³² Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов: в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2011. Т. 3: 1933–1941. Док. 75. С. 124.

рекомендацию — «месяца полтора ничего не предпринимать и выждать»³³, что было вполне естественно, принимая во внимание как общее развитие международной обстановки, так и речь Гитлера в рейхстаге. В свою очередь, Канделаки 25 июня получил от наркома внешней торговли Розенгольца (читай: Сталина) строгое указание — «избегать дальнейших разговоров о кредите до 1 миллиарда марок. <...> Мы не верим в искренность намерений Шахта предоставить на деле крупные кредиты»³⁴.

Если исходить из столь категоричной реакции на весьма привлекательное и многообещающее предложение германской стороны, то вырисовывается перспектива замораживания или, как минимум, «подмораживания» контактов и на этом направлении. Но в действительности не все было так однозначно, о чем свидетельствуют следующие факты. В тот же день, 25 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) принял решение — информировать французское правительство о кредитном предложении Шахта и его отклонении советской стороной³⁵. Каковы были истинные причины отклонения этого беспрецедентного по масштабам за всю предшествующую историю взаимоотношений СССР с капиталистическими государствами кредита, сказать трудно, так как даже Литвинов информировал полпредов о мотивах этого решения по-разному³⁶, что наводит на мысль, что оно носило не только экономический, но и политический характер.

Итак, негативная реакция советского руководства на предложение предоставления нового кредита не оставляла, на первый взгляд, сомнений в том, что ответные действия с германской стороны вряд ли благоприятно скажутся и на этой, все еще сохраняющей потенции развития

³³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 182. S. 589.

³⁴ СССР — Германия 1933–1941. Док. 69. С. 127.

³⁵ Там же. Док. 70. С. 127. 26 июня Литвинов довел эту информацию до сведения посла Франции в СССР Шарля Альфана (1879–1942) (ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 288. С. 415).

³⁶ Сообщая полпреду СССР во Франции Владимиру Петровичу Потемкину (1874–1946) о своей беседе с Альфаном, Литвинов мотивировал отклонение предложения Шахта тем, что советское руководство считает его «немецким маневром» (ДВП СССР. Т. XVIII. Прим. 157. С. 646–647). В письме же Якову Захаровичу Сурицу (1882–1952) 27 июня, с которым у него были доверительные отношения, нарком писал: «Канделаки дана отсюда директива указать Шахту на препятствия, чинимые немцами в реализации двухсотмиллионного кредита путем взвинчивания цен, и под этим прикрытием *уклониться* (выделено мной. — С. С.) от дальнейших разговоров на тему о новом кредите» (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30. Л. 24).

сфере двусторонних отношений. Во всяком случае, должна была наступить некая пауза для осознания произошедшего и поиска тех или иных решений, позволявших преодолеть патовую ситуацию в переговорном процессе. Неизвестно, какие именно решения на этот счет были приняты в Кремле, но очевидно следующее: спустя несколько дней после принятия решения об отказе от предложения Шахта Канделаки был вызван в Москву для обсуждения вопроса о дальнейших экономических отношениях с Германией³⁷. О том, чем торгпред занимался в столице, почти ничего не известно, кроме того, что он был дважды (5 и 7 июля)³⁸ приглашен к Сталину. По всей видимости, именно на этих совещаниях в Кремле Канделаки получил указания заручиться посредничеством Шахта на nive улучшения политических отношений между двумя государствами, в качестве необходимого условия ведения переговоров о германском кредите, что должно было означать переход политической части его миссии в активную фазу.

Вскоре после возвращения в Берлин, 15 июля Канделаки был принят Шахтом. Насколько можно судить по лаконичной записи рейхсминистра экономики, торгпред повторил уже известную ему точку зрения советского руководства, согласно которой следовало отложить переговоры, касающиеся нового большого кредита, до тех пор, пока не будут размещены заказы в германских фирмах по кредиту в рамках договора от 9 апреля 1935 г. Затем он поставил вопрос о необходимости улучшения советско-германских отношений и поинтересовался, может ли Шахт этому содействовать. На встречный вопрос рейхсминистра, в чем конкретно должно заключаться это содействие, Канделаки начал рассуждать об отношении Германии к Восточному пакту. На это Шахт заметил, что если советское правительство желает обсуждать подобные вопросы, оно должно обратиться через своего посла в МИД³⁹. Казалось бы, все ясно — разговор не получился и проблема, касающаяся обсуждения политической стороны отношений, на этом уровне была закрыта.

Ныне у историков появилась возможность ознакомиться и с отчетом Канделаки об этой беседе, направленным Сталину, который имеет существенные отличия от записи Шахта, причем как

³⁷ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 187. S. 596.

³⁸ На приеме у Сталина. С. 169.

³⁹ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 1. Dok. 211. S. 444–445.

в тональности, так и в содержательном отношении. Так, после упоминания Канделаки об уклончивой реакции Германии на предложение о присоединении к Восточному пакту и отсутствии однозначного ответа на него⁴⁰, Шахт заявил, что

[О]н охотно займется выяснением этого вопроса, так как считает, что его задача — создание крепких хозяйственных связей между СССР и Германией, и поэтому установление в дальнейшем “дружественных отношений”, вместо существующих в настоящее время “корректных отношений”, облегчило бы ему ее осуществление⁴¹.

Эти различия в записях беседы неизбежно ставят вопрос о том, какой из них в большей степени можно доверять. С моей точки зрения, запись Шахта вызывает больше доверия. Почему? Во-первых, рейхсминистр не преминул повторить Канделаки, что он «не может вмешиваться в политические переговоры». Во-вторых, Шахт, в полной мере отдавал себе отчет, как необходимо в условиях неизменно-го антисоветского внешнеполитического курса Гитлера дистанцировать обоюдную экономическую заинтересованность от политической враждебности, при этом не беря на себя какие-либо посреднические функции, выходящие за рамки его полномочий как рейхсминистра экономики и президента Рейхсбанка. И, наконец, в-третьих, Шахт заявил, что информирует о беседе с Канделаки МИД, куда была направлена ее запись, что лишний раз подчеркивало его документально зафиксированную позицию.

Что могло побудить Канделаки приукрасить сложившуюся в ходе беседы ситуацию? Здесь могло быть несколько причин, среди которых я выделю следующие: во-первых, наделенному ответственным поручением Сталина, воодушевленному первым успехом (договор 9 апреля 1935 г.) и только что полученной высокой наградой⁴²,

⁴⁰ В речи 21 мая 1935 г. Гитлер выразил вполне однозначно свое отношение к Восточному пакту, после чего Литвинов в письме Сурицу 3 июня констатировал: «Можно считать, на данное время вопрос о Восточном пакте ликвидированным» (ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 253. С. 373–374).

⁴¹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 198. S. 626.

⁴² 10 июля 1935 г. было подписано постановление ЦИК СССР о награждении Канделаки «за выдающиеся заслуги, энергию и инициативу в области внешней торговли» орденом Ленина. Канделаки был не единственным, кто был награжден согласно этому указу, но только он был отмечен высшим советским орденом (Известия. 1935. 7 XII: 1).

Канделаки, вероятно, психологически крайне сложно было сообщить о произошедшей неудаче. Во-вторых, Канделаки ранее пытался убедить Сталина, что возможно разыграть некую «партию»: Шахт против Гитлера⁴³, заручившись поддержкой рейхсминистра и пойдя, по-видимому, ему навстречу в каких-то вопросах, что явно не удалось уже в ходе первой серьезной попытки. В-третьих, можно не без оснований предположить, что, даже располагая составленной Литвиновым инструкцией-«шпаргалкой» для беседы⁴⁴, Канделаки нелегко было вести беседу, не связанную с конкретными экономическими вопросами, с таким политическим зубром, как Шахт, который мог вполне поставить в тупик неискушенного в дипломатии собеседника даже притворным вопросом⁴⁵.

Независимо от мотивов, которые побудили Канделаки пойти на составление именно явно приукрашенного отчета⁴⁶, он тем самым ввел Сталина в заблуждение относительно реакции рейхсминистра на возможность его содействия улучшению советско-германских политических отношений. Повлияло ли это как-то на дальнейшее развитие переговорного процесса? Думаю, что заметно не повлияло, но при этом вполне могло укрепить уверенность Сталина в правильности избранного им курса, рассчитанного на достижение соглашения с нацистской Германией, используя экономический рычаг, что в полной мере подтверждает дальнейшее развитие событий на этом направлении.

⁴³ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 103. С. 159.

⁴⁴ См. сн. 26. На сегодняшний день исследователям не известны какие-либо дополнения к этой памятке для беседы с Шахтом с учетом появившихся за два с лишним месяца новых элементов в двусторонних отношениях, но вполне возможно, что в Кремле ограничились устными указаниями.

⁴⁵ Согласно записи Шахта, когда Канделаки затронул вопрос о Восточном пакте, рейхсминистр спросил его, что это такое (ADAP. Ser. C. Bd. IV, 1. Dok. 211. S. 445). Очевидно, что после такой реакции Шахта едва ли мог состояться сколько-нибудь предметный разговор на политические темы.

⁴⁶ Симптоматично, что копия отчета о беседе с Шахтом не была направлена в НКВД, не удалось обнаружить упоминание о ней и в переписке Полпредства с НКВД. С формальной точки зрения, подобное положение не являлось каким-либо нарушением, так как торгпредства подчинялись Наркомату внешней торговли. Однако оно может быть объяснено «ненормальными отношениями», сложившимися между торгпредами и полпредами в ряде стран, отражавшими своего рода противостояние центральных аппаратов НКВД и НКВД. См. записку Литвинова Сталину от 15 февраля 1936 г. (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 882. Л. 19–20).

Переговоры о новом кредите: экономика и политика

Что касается миссии Канделаки, то она продолжилась и была теперь ориентирована преимущественно на упрочение торгово-экономических связей, на реализацию конкретных задач по размещению заказов, прежде всего военного назначения, а также заключение нового широкомащтабного, долгосрочного кредитного соглашения с Германией.

О том, что Канделаки не оставлял намерения как можно скорее вернуться к предложению Шахта о новом кредите, свидетельствует его письмо Сталину от 3 сентября 1935 г. В частности, он писал:

Переговоров о будущих экономических соглашениях пока с немцами на основе Ваших указаний не ведем. После того как мы с Шахтом условились отложить разговоры о миллиардном кредите на некоторое время, я при встречах с ним избегаю этой темы. Думаю, что в течение ближайших 3–4 месяцев к этому вопросу еще можно было бы вернуться, хотя экономическое и финансовое положение Германии резко обостряется <...>. Вопрос об экономической договоренности с нами есть также предмет внутренней борьбы в фашистском лагере, и если бы состоялось соглашение, позиции Шахта и его кругов, понятно, были бы усилены⁴⁷.

Канделаки написал письмо Сталину еще до открытия очередного съезда НСДАП, который вошел в историю принятием печально известных Нюрнбергских расовых законов, но отметился также новым всплеском антисоветизма. По оценке Бессонова, наблюдавшего за развитием событий в Германии:

Нюрнберг отравил советско-германские отношения до такой степени, что дальше, собственно, идти некуда. Мы находимся сейчас, так сказать, в самой глубокой точке ухудшения политических отношений с Германией⁴⁸.

В Кремле, а точнее, в Сочи, где отдыхал Сталин, было принято решение не обострять ситуацию, а ограничиться полемикой в печати,

⁴⁷ СССР — Германия 1933–1941. Док. 71. С. 128. Спустя несколько дней Сталин, находившийся на отдыхе, сообщил Л. М. Кагановичу о своей реакции на это письмо: «Дела идут у нас в Германии, по-видимому, не очень плохо. <...> Передайте от меня т. Канделаки привет и скажите, чтобы он настаивал на получении от немцев всего, что нужно нам по военному делу и красителям» (Сталин и Каганович. Док. 642. С. 558).

⁴⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 235. S. 713.

которая не носила бы «крикливый, ругательный характер»⁴⁹, и хотя это решение не улучшило отношения, но, по крайней мере, не способствовало их дальнейшему ухудшению. Тем более что экономические круги Германии проявили заметный интерес к возобновлению переговоров как по текущим вопросам, связанным с договорными отношениями в 1936 г., так и о заключении нового крупного кредитного соглашения⁵⁰.

30 октября состоялась очередная беседа Шахта с Канделаки, во время которой рейхсминистр выразил готовность — в случае достижения договоренности по некоторым пожеланиям Берлина, касающимся экономических отношений в 1936 г., — предоставить СССР крупный кредит на выгодных для него условиях⁵¹. Это новое предложение не осталось без внимания с советской стороны, причем на самом высоком уровне. На совещании в Кремле 2 ноября⁵² было принято решение о формировании специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Л. М. Кагановичем по германскому кредиту, которой поручалось в недельный срок определить заказы в Германии, «имея в виду возможность заключения кредитного соглашения на 800 м[иллионов] м[арок] на представленных Канделаки условиях»⁵³. По поручению Комиссии Розенгольц 17 ноября направил Сталину на утверждение проект директив Канделаки на переговоры с немцами о 800-миллионном кредите и соглашении на 1936 г.⁵⁴ Несмотря на столь высокую степень заинтересованности в активизации переговоров по кредиту, по не совсем понятным причинам проект директив Канделаки на ведение именно этих переговоров, в отличие от проекта директив о соглашении на 1936 г.⁵⁵, не был утвержден.

Тем не менее переговоры о новом кредитном соглашении продолжались, и 16 декабря состоялась новая встреча Канделаки с Шахтом,

⁴⁹ Ibid. Dok. 236. S. 716. Эта тональность была взята на вооружение только после того, как Сталин 15 сентября в телеграмме дал «совет не делать в нашей печати истерического шума <...>. Пусть критикует их “Правда” принципиально и политически, но без площадной брани» (Сталин и Каганович. Док. 658. С. 569).

⁵⁰ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 233, 254, 272.

⁵¹ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 386. S. 770.

⁵² На совещание были приглашены руководители НКВД и НКВТ, а также полпред в Германии Суриц и Канделаки (На приеме у Сталина. С. 171).

⁵³ СССР — Германия 1933–1941. Док. 75. С. 134–135.

⁵⁴ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 100. С. 154–157.

⁵⁵ Там же. Док. 105. С. 162–163.

в ходе которой с обеих сторон был уточнен ряд обсужденных ранее параметров. Сумма кредита сокращалась до 500 млн рейхсмарок. Согласно отчету, направленному Сталину, Канделаки предъявил Шахту «категорическое требование», связанное с «обязательством германского правительства предоставить нам интересующие объекты согласно списку, который должен быть приложен к соглашению о займе». В соответствии с полученной Канделаки директивой этот «список должен [был] обязательно содержать следующие объекты: 1. Военные суда (линейный корабль, миноносцы, подводные лодки — при нашем желании — с полным вооружением); 2. Соглашение с ИГ Фарбениндустри о техпомощи по красителям, военным газам, пластическим массам, гидрированию угля и магнию; 3. Соглашение о техпомощи с фирмой Цейс по всей оптике». Политические вопросы торгпред не затрагивал, выделив лишь слова Шахта о том, что «соглашение о займе может привести к некоторому очищению политического горизонта в советско-германских отношениях», а также его намеки на положительные сдвиги, которые могли бы иметь место, если бы произошла встреча Сталина и Гитлера⁵⁶.

В целом встреча продемонстрировала продвижение в переговорах о крупном кредите, хотя некоторые вопросы оставались еще не проясненными, прежде всего те, которые касались обязательств по поставкам продукции военного и двойного назначения⁵⁷. В Кремле было принято решение даже повысить уровень переговоров с советской стороны, направив неофициально в помощь Канделаки первого заместителя наркома тяжелой промышленности Георгия Леонидовича Пятакова (1890–1937)⁵⁸. Можно предположить, что эвентуальное согласие Берлина на столь категоричные требования Москвы относительно номенклатуры заказов, обуславливавшее заключение кредитного соглашения, могло рассматриваться Сталиным не только как одно из средств, направленных на повышение обороноспособности

⁵⁶ СССР — Германия 1933–1941. Док. 76. С. 135, 136. На документе, направленном Сталиным К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, Л. М. Кагановичу имеется его помета: «Интересно. И. Ст[алин]» (Там же. С. 135).

⁵⁷ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 338. S. 944.

⁵⁸ Ibid. Dok. 310. S. 878–879. Пятаков в первой половине декабря 1935 г. находился несколько дней в Берлине, о чем он сказал в ходе допроса на судебном процессе 23 января 1937 г. (Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 г.). М., 1937. С. 44). Какого-либо документального подтверждения участия Пятакова в переговорах с Шахтом обнаружить не удалось.

страны, но и, пожалуй, как своего рода индикатор возможных сдвигов на пути к установлению определенной степени взаимопонимания и в политической сфере.

Как же сочетались эти обнадеживающие беседы на экономическом фронте с реальным политическим фоном, характеризующим двусторонние отношения? Суриц, активизировавшийся после полученной на совещании в Кремле 2 ноября директивы контакты с представителями германской элиты, еще больше утвердился во мнении, что «взятый Гитлером курс против нас остается неизменным и что ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится». Ничего нового в этом смысле не внес и его разговор с министром иностранных дел Константином фон Нейратом (1873–1956), давшим явно «понять, что на ближайший период наши отношения нужно замкнуть в рамки узкоэкономического порядка». Резюмируя, Суриц пришел к выводу, что «пока же нам, по-видимому, ничего другого, действительно, не остается, как терпеливо выжидать и продолжать усиливать и развивать нашу экономическую работу. Усиление экономических связей на базе последних предложений Шахта выгодно обеим сторонам», так как «приведет в движение заинтересованные коммерческие круги, приблизит их к нам, несомненно, усилит нашу “базу” в Германии и значительно облегчит переключение и политического курса»⁵⁹. Литвинов, вполне разделявший эти выводы полпреда, счел необходимым довести их до сведения Сталина, сопроводив рядом своих предложений, в том числе направленных на ограничение масштабов экономического сотрудничества с Германией⁶⁰, о чем уже упоминалось.

Более чем сдержанной была оценка перспектив улучшения политических отношений, даже при условии заключения нового кредитного соглашения, со стороны представителей третьего рейха⁶¹.

⁵⁹ ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 424. С. 569–571.

⁶⁰ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 103. С. 158–160. В письме Сурицу от 4 декабря 1935 г. Литвинов высказался еще категоричней, считая целесообразным поддержание экономических отношений с Германией «в той лишь мере, в какой это необходимо во избежание полного разрыва между обеими странами» (*Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 304. S. 865*).

⁶¹ См. беседу советника посольства Германии в СССР Вернера фон Типпельсирха (1891–1980) с заведующим экономической частью НКВД Борисом Даниловичем Розенблюмом (1899–1938) 3 января 1936 г. (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 85. Д. 26. Л. 30).

Ничего нового на этот счет не добавил в беседе с Литвиновым и вернувшийся из Германии фон Шуленбург, где он встречался с Гитлером. По словам посла, у рейхсканцлера нет возражений против экономических отношений с СССР, все же остальное остается без изменений⁶².

Несмотря на обоюдный пессимизм относительно общего улучшения отношений и даже касательно все еще нерешенных вопросов, высокопоставленные представители заинтересованных германских ведомств выражали уверенность, что в январе 1936 г. удастся подписать кредитное соглашение⁶³. К этому времени предполагалось завершить подготовительную работу и получить экспертные заключения о кредите в целом, и в особенности по списку советских заказов, который Шахт не возражал приложить к соглашению⁶⁴. Вернувшийся в Берлин после рождественских каникул Шахт, несомненно, был информирован об экспертных заключениях, которые неизбежно должны были уделять повышенное внимание перечню обязательных поставок вооружений и продукции военного назначения, приложенному к проекту кредитного соглашения⁶⁵. Не обошли представители разных ведомств и другие вопросы, связанные с планируемым кредитом СССР, причем как экономические, так и политические. Например, в ходе состоявшегося на упоминавшемся межведомственном совещании в начале января 1936 г. обсуждении, наряду с прозвучавшей поддержкой переговоров о кредите, высказывались и определенные сомнения по поводу обозначенных Шахтом условий его предоставления, включая регулярное получение необходимых объемов сырья в рамках столь долгосрочного кредита⁶⁶.

Среди имеющихся в распоряжении исследователей документов есть также черновой вариант экспертного мнения нового заведующего сектором России во 2-м отделе МИД Германии А. Хенке, в котором отмечалось:

⁶² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 344. S. 959.

⁶³ Ibid. Dok. 349. S. 969.

⁶⁴ Ibid. Dok. 338. S. 943–944.

⁶⁵ 6 ноября 1935 г. был принят закон, регулирующий ввоз и вывоз военной техники из Германии. См. Reichsgesetzblatt. 1935. Teil I. S. 1337. Перечень вооружений и военной техники, ввоз и вывоз которых подлежал специальному разрешению ответственного рейхскомиссара см.: Deutscher Reichsanzeiger. 1935. XI 18: 1.

⁶⁶ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 483. S. 948–952.

Не подлежит никакому сомнению, что предоставление облигационного займа на сумму $\frac{1}{2}$ миллиарда рейхсмарок на срок, при котором последние платежи последовали бы примерно через 18 лет, имеет не только экономическое, но также очень большое политическое значение. <...> Не требуется вновь подчеркивать, что такое соглашение существенно отклоняется от политической линии, которой придерживается обычно правительство Германии по отношению к советскому правительству как оплоту большевизма и смертельному врагу национал-социализма.

Констатировав эти очевидные факты, автор пришел к недвусмысленному заключению:

Если по жизненно необходимым экономическим причинам, о чем может судить только Рейхсминистерство экономики, требуется предоставление Советскому Союзу облигационного займа на сумму $\frac{1}{2}$ миллиарда рейхсмарок со средним сроком погашения в 10 лет, то этот шаг должен быть своевременно подготовлен в пропагандистском отношении⁶⁷.

Неизвестно, как была воспринята эта записка в руководстве МИД, и было ли доведено ее содержание до сведения Шахта, но очевидно, что представленная в ней оценка запланированного кредитного соглашения с СССР, будучи, наверняка, отнюдь не единичной, отражала всю несовместимость существующих экономических интересов с реальным внешнеполитическим курсом Гитлера.

По всей видимости, возникло достаточно щекотливое положение, принимая во внимание, что сумма кредита и его сроки были сообщены Шахтом Канделаки в рамках своего рода «обязывающего согласия» и не подлежали какому-либо изменению⁶⁸. Необходимость найти выход, каким-то образом дезавуировав сделанное предложение об условиях 500-миллионного кредита, с одной стороны, и продолжить неизбежно отягощенные этим обстоятельством переговоры о торговом соглашении на 1936 г. — с другой, было совсем непростой задачей. Но вмешался политический фактор, позволивший довольно легко официальному Берлину «перевести стрелки» на Москву.

⁶⁷ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 490. S. 967–968.

⁶⁸ Ibid. Dok. 483. S. 951.

Ошибочный ход Кремля и его последствия

Что же произошло? 10 января председатель Совнаркома СССР Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986), выступая на сессии ЦИК с докладом, в котором, в частности, через призму «Майн Кампф» Гитлера охарактеризовал внешнюю политику Германии как «беспардонную, антисоветскую», представлявшую опасность не только для СССР, но и для других государств. Вместе с тем он упомянул о развивающихся торгово-экономических отношениях с рейхом, заявив:

В последние месяцы представители германского правительства ставили перед нами вопрос о новом, более крупном кредите — уже на 10 лет. <...> Мы не отказывались и не отказываемся обсудить и это деловое предложение германского правительства⁶⁹.

Независимо от мотивов, побудивших Молотова затронуть проблему нового германского кредита, эти слова, по всей видимости, предназначавшиеся не только Берлину, вызвали эффект бумеранга. Уже спустя несколько дней вице-президент Рейхсбанка Фридрих Дрейзе (1874–1943) и представитель МИД Конрад Рёдигер (1887–1973) высказали Бессонову и Канделаки серьезные претензии к этим пассажам доклада Молотова. Их суть сводилась, прежде всего, к тому, что советская сторона нарушила принцип конфиденциальности переговоров о кредите и исказила информацию об их состоянии⁷⁰. Однако этим дело не ограничилось. Когда Канделаки в середине января обратился с просьбой о новой встрече с Шахтом, чтобы продолжить переговоры о кредите, его уведомили, что рейхсминистр пока не видит возможности с ним разговаривать, поскольку «очевидно, г-н Молотов взял дело в свои руки»⁷¹.

20 января Канделаки направил Сталину, Молотову и Розенгольцу подробное сообщение о реакции германских деловых кругов на упомянутый пассаж в докладе Молотова⁷². Каждый из четырех перечисленных им пунктов, касавшихся претензий немцев, хотя и сопровождался вводными словами («по мнению немцев»), начинался

⁶⁹ ДВП СССР. Т. XIX. Приложения. С. 699.

⁷⁰ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 354. S. 978–979.

⁷¹ Ibid. Dok. 358. S. 985.

⁷² СССР — Германия 1933–1941. Док. 78. С. 137–139.

с явно негативного подтекста, вроде: «Молотов, не должен был...» или «Молотов неправильно изложил...» и т. п. В избранной форме отчета угадывалось завуалированное личное раздражение торгпреда по поводу произошедшего, ибо оно явно нанесло удар по переговорному процессу. Новым элементом в сообщении Канделаки по сравнению с уже ранее известным в Москве была информация о реакции представителей Рейхсминистерства экономики и Рейхсбанка на упоминание в докладе о кредите для СССР сразу же после резкой критики внешнеполитического курса Германии, что, по их мнению, фактически противопоставляло «экономическую политику Шахта в отношении СССР общей политике Гитлера»⁷³. При этом именно Канделаки, как уже отмечалось, был инициатором использования такого подхода, хотя Литвинов обращал внимание Сталина на всю несостоятельность подобного рода комбинации⁷⁴. Но Сталин, с которым Молотов, несомненно, согласовывал наиболее ответственные тезисы своего доклада, был, вероятно, заморожен предложенной Канделаки схемой, свидетельствовавшей о явном непонимании национал-социалистического режима и того места, которое занимал в нем Гитлер. Последствия этой «затеи» Кремля, сыгравшей явно на руку Берлину и, прежде всего, лично Шахту, позволив перевести обсуждение вопроса о, казалось бы, уже предрешенном крупном кредите в валютотекущий процесс, обраставший предварительными условиями, не заставили себя ждать.

Хочу сразу отвести предположение, что Молотов сознательно пошел на этот шаг, рассчитывая именно на ту реакцию с германской стороны, которая имела место. Это опровергает не только вся подготовительная работа с советской стороны по заключению кредитного соглашения, направляемая специальной комиссией Политбюро, но и последующие шаги Канделаки, добивавшегося встречи с Шахтом и после направленного Сталину упомянутого отчета⁷⁵. Когда же 30 января встреча наконец-то состоялась, торгпред вновь вернулся к вопросу о кредите, что могло означать наличие соответствующей

⁷³ СССР — Германия 1933–1941. Док. 78. С. 137.

⁷⁴ См. сн. 43.

⁷⁵ Об этом свидетельствует и позиция торгпреда в ходе совещания с руководством Германского союза промышленности 24 января 1936 г. (ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 524. S. 1021).

инструкции из Москвы. Правда, рейхсминистр отклонил обсуждение этого вопроса, как «в настоящий момент еще не актуального»⁷⁶.

Возникшая пауза, продолжительность которой никто не мог предвидеть, также сыграла, наряду другими факторами⁷⁷, немаловажную роль в затухании всей «кредитной эпопеи». На передний план вышли затянувшиеся переговоры о заключении торгово-платежного соглашения на 1936 г., в скорейшем завершении которых были заинтересованы обе стороны. Однако при этом в Москве отнюдь не забывали об обещанном немцами кредите, подчеркивая в служебной переписке, что «улучшение отношений с Германией может начаться лишь с экономического конца, и потому нас здесь очень интересует ход переговоров о 500-миллионном кредите»⁷⁸. Между тем переговоров как таковых в Берлине не велось, и вот как объяснял причины этого Хенке в приватном письме от 2 марта 1936 г. германскому послу в Японии Герберту фон Дирксену (1882–1955):

В вопросе о кредите положение сложнее, так как русские хотят придать ему нежелательный политический характер. В данный момент об этом вообще не разговаривают⁷⁹.

7 марта 1936 г. внесло новые неблагоприятные реалии в двусторонние отношения в целом и в переговорный процесс по экономическим вопросам, в частности. В нарушение как Версальского, так и Локарнского договоров части Вермахта заняли демилитаризованную Рейнскую зону, что не только серьезно улучшало общее военнополитическое положение Германии, создавая одновременно «важные предпосылки для основ будущей Восточной политики» Гитлера⁸⁰, но и стало переломным событием в стиле его внешней политики⁸¹. Выступая в тот же день с речью в рейхстаге (в ней обосновывалась

⁷⁶ ADAP. Ser. C. Bd. IV, 2. Dok. 530. S. 1039. В ответе Канделаки Шахт был даже более прямолинейен, чем сформулированная на этот счет рекомендация в МИД (Ibid. Dok. 506. S. 992).

⁷⁷ Существенное место среди них занимало противодействие военных кругов, поскольку на заказы военного назначения в планируемом кредите приходилось примерно 40% от их общей суммы (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 382. S. 1039).

⁷⁸ Ibid. Dok. 389. S. 1055–1056.

⁷⁹ Mund 2006: 193.

⁸⁰ Messerschmidt 1979: 603.

⁸¹ Wolz 2015: 488, 508–511.

правомерность совершенных действий и демонстрировалось желание заключать новые соглашения со всеми заинтересованными государствами), рейхсканцлер не оставил без внимания и Советский Союз, представив его как воплощение на государственном уровне претендующего на мировое господство большевизма. Противопоставив СССР всей остальной Европе, он сформулировал пределы допустимых отношений с этой, «другой частью» континента, с которой «мы не желаем входить ни в какие обычные тесные контакты, кроме сложившихся политических и экономических международных отношений»⁸². Эти высказывания дали основания Хенке сделать вывод о наступившей «полной ясности» в германо-советских отношениях⁸³.

В отличие от немецкого дипломата, Суриц не был склонен драматизировать влияние речи Гитлера на двусторонние отношения, полагая, что «трезвая политическая действительность вносит все время поправку в это антисоветское настроение». А эта действительность, по его мнению, вынуждает Германию «сохранять интерес к советскому рынку», прежде всего к сырьевому. Поэтому, резюмировал полпред:

[Н]есмотря на все антисоветские декларации, Германия вплоть до своего вступления в новую войну вынуждена будет поддерживать с нами экономические связи даже в форме долгосрочного кредитования⁸⁴.

Это было, конечно, иллюзией, и последовавшие события опровергли подобные надежды, свидетельствовавшие о непонимании подчиненной роли экономических интересов по отношению к политико-идеологическому целеполаганию при тоталитарном режиме.

В Кремле были склонны занять твердую позицию в связи с ремилитаризацией Рейнской зоны и поддержать сдержанную обеспокоенность государств — сигнатариев Локарнских соглашений, даже упрекнув их в нерешительной реакции на действия Германии. Об этом свидетельствовали как публикации в прессе⁸⁵, так и речь

⁸² *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. Wiesbaden: Verlag R. Löwit, 1973. Bd. I. Triumph. Tbd. 2. 1935–1938. S. 588.

⁸³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 408. S. 1099.

⁸⁴ Ibid. Dok. 410. S. 1105.

⁸⁵ *Радек К.* Еще один разорванный «клочок бумаги» // Известия. 1936. 3 VIII: 3; *Viator* [псевд. К. Радека] После расторжения Локарнского договора // Известия. 1936. 3 X: 1.

Литвинова на сессии Совета Лиги Наций в Лондоне 17 марта 1936 г.⁸⁶ Видимо, стремясь в этой ситуации, с одной стороны, продемонстрировать свое осуждение политики Гитлера, а с другой, никак не афишировать какие-либо контакты с германскими официальными лицами, 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «не вести переговоров по вопросу о 500 млн кредите»⁸⁷, задержав даже возвращение Канделаки в Берлин⁸⁸.

Очередная встреча Шахта и Канделаки состоялась только 29 апреля 1936 г., когда после длительных переговоров они подписали соглашение о товарообороте и платежах на текущий год⁸⁹. Во время последовавшей затем неофициальной беседы Шахт поинтересовался, когда Канделаки намерен перейти к переговорам о большом кредите? Могло создаться впечатление, что рейхсминистр забыл об аналогичном вопросе Канделаки, заданном ему 30 января, и своей реакции на него, однако это было, конечно, не так⁹⁰. Советские представители, принимавшие участие в беседе, проявили учтивость, ограничившись ссылкой на отсутствие заключения германской стороны по представленному списку заказов военного назначения. Рейхсминистр обещал вернуться к изучению этого вопроса и затем встретиться с торгпредом «для практических разговоров на эту тему». При этом, как отметил в записи об этой беседе Бессонов:

Шахт высказал общее соображение о том, что он и Канделаки должны были бы, в сущности, совершенно устранить элементы политики из своих разговоров, ибо они только мешают развитию “реальных дел”⁹¹.

Это замечание Шахта недвусмысленно свидетельствует о его нежелании быть даже посредником в процессе улучшения политических отношений, не говоря уже о каком-либо их лоббировании.

⁸⁶ ДВП СССР. Т. XIX. Док. 87. С. 153–161.

⁸⁷ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 120. С. 180.

⁸⁸ С середины марта и до середины первой декады апреля торгпред находился в Москве, см.: На приеме у Сталина. С. 181, 182, 183.

⁸⁹ ДВП СССР. Т. XIX. Док. 143. С. 250–252; ADAP. Ser. C. Bd. V, 1. Dok. 302. S. 453–458.

⁹⁰ По всей видимости, о решении Кремля не вести переговоры о кредите стало известно в Берлине.

⁹¹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 451. S. 1191.

Тем временем 4 апреля 1936 г. произошло событие, не без основания привлечшее внимание советских дипломатов⁹²: Герман Геринг (1893–1946), помимо прочих своих постов, получил новое назначение, став государственным комиссаром (уполномоченным) по вопросам сырья и валюты. Это означало определенное ослабление позиций Шахта на важных участках управления военной экономикой и появление на столь значимом для миссии Канделаки направлении нового и чрезвычайно влиятельного политического игрока. Встреча со «вторым человеком третьего рейха» не заставила себя долго ждать. 13 мая Геринг принял Канделаки и его заместителя Льва Христиановича Фридрихсона (1889–1937). Желание теснее привязать сырьевой рынок СССР к потребностям военной экономики Германии было очевидно, поэтому Геринг не только не скупился на обещания оказать помощь при возникновении трудно решаемых вопросов, но и выразил убеждение, что «пришло время налаживать дружественные отношения между Россией и Германией по всей экономической и политической линии»⁹³. По контрасту с заявлением Шахта всего за две недели до этого, можно представить, насколько Канделаки был обнадежен и, вероятно, даже воодушевлен подобными перспективами, открывающимися для самой сложной части его миссии. По оценке присутствовавшего на беседе главного референта в Рейхсминистерстве экономики Герберта Геринга (1889–1949), советские представители «были восхищены во всех отношениях обаятельным обхождением генерал-полковника»⁹⁴. Правда, встретившийся с Канделаки на следующий день Шахт несколько «охладил эмоции»⁹⁵ торгпреда и развеял иллюзии, возникшие у того, по-видимому, после встречи с Герингом. Тем не менее, спустя несколько дней Канделаки отправился в Москву для доклада руководству.

Шахт, разумеется, был прав, когда говорил, что не должно быть никаких иллюзий относительно изменений в сфере политических отношений⁹⁶. Об этом убедительно свидетельствовало

⁹² См. тематическую подборку 1-го секретаря Полпредства СССР в Германии Евгения Александровича Гнедина (1898–1983) «Вокруг назначения Геринга валютным диктатором» (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45. Л. 127–131).

⁹³ ADAP. Ser. C. Bd. V, 1. Dok. 341. S. 532.

⁹⁴ Ibid. S. 530.

⁹⁵ Ibid. S. 530. Anm. 1.

⁹⁶ В ходе состоявшейся 22 мая встречи фон Нейрата с Сурицем позиция Берлина на этот счет была сформулирована предельно четко. Рейхсминистр заявил, что

циркулярное письмо МИД, направленное в посольства и миссии Германии 26 мая. В нем, в частности, отмечалось, что прием Герингом в качестве особоуполномоченного по сырьевым и валютным вопросам Канделаки следует воспринимать «как акт вежливости по отношению к официальному представителю одного из наших крупных поставщиков сырья. Ему придается, как также явствует из слов г-на рейхсминистра советскому послу, в первую очередь экономическое значение»⁹⁷.

Те или иные подвиги при решении вопросов о заказах военного назначения и многообещающие заявления самого Геринга, оказывавшего в тот период определенное влияние на выработку внешнеполитических решений, особенно касающихся Восточной и Юго-Восточной Европы⁹⁸, ничего принципиально не меняли. По его же собственным словам, переданным советскому дипломату, «окончательное решение вопроса будет зависеть от Гитлера»⁹⁹.

Гитлер и курс на деполитизацию экономических отношений с СССР

Градус состояния германо-советских отношений определял исключительно Гитлер, причем не только стратегически на перспективу, но и тактически на каждом временном отрезке в зависимости от конкретных внешнеполитических задач. Очевидно, что понимание этого важнейшего фактора германской внешней политики присутствовало в Кремле, судя по имеющимся документам, явно в недостаточной мере. А посему миссия Канделаки, важнейшим компонентом которой являлось получение долгосрочного кредита с оговоренными поставками в рамках его реализации львиной доли продукции военного и двойного назначения в качестве своего рода залога улучшения политических отношений, продолжилась. Причем происходило это на фоне нараставшего ухудшения международной обстановки под влиянием начавшейся Гражданской войны в Испании. Развернувшаяся в германской печати антисоветская кампания и реакция на нее

не видит «в настоящее время предпосылок» для изменения политических отношений между Москвой и Берлином (ADAP. Ser. C. Bd. V, 1. Dok. 342. S. 533).

⁹⁷ РА АА. Moskau 212. Bl. E 672727–672728.

⁹⁸ Kube 1987: 29.

⁹⁹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 457. S. 1203.

в советской¹⁰⁰ еще больше усугубляли атмосферу двусторонних отношений. Характеризуя их состояние, замнаркома НКВД Николай Николаевич Крестинский (1883–1938) писал Сурицу в начале августа 1936 г.:

Дальнейшим показателем враждебности по отношению к нам является бешеная кампания германской печати против нас в связи с событиями в Испании. Эта кампания тем более показательна, что ни для кого не секрет активное содействие, оказываемое Германией испанским мятежникам. Немцы, конечно, не отказываются от своих кредитных предложений и готовы были бы подписать с нами хоть сейчас кредитное соглашение на полмиллиарда и даже на миллиард марок. Но, как Вы знаете, делают они это не по политическим, а исключительно по экономическим соображениям (нужда в нашем сырье, невозможность получить его в другом месте иначе, как за отсутствующую у немцев инвалюту). Они стали настолько откровенны, что даже их официальные представители не стесняются при этом прибавлять, что заключение кредитного соглашения ни в какой мере не улучшит существующих политических взаимоотношений. Думаю, что при таких условиях мы не пойдем на возобновление кредитных переговоров¹⁰¹.

Подготовленный наркомом Розенгольцом 4 августа проект детальных инструкций Канделаки на ведение переговоров в Берлине о кредите в 500 млн рейхсмарок¹⁰² не был одобрен в Кремле. На состоявшемся спустя несколько дней совещании у Сталина, в котором, наряду с некоторыми членами Политбюро, принимали участие Крестинский, Розенгольц, Канделаки и Фридрихсон¹⁰³, была выработана новая инструкция для торгпреда. В ее первом пункте указывалось: «Сообщить представителям немецкого правительства, что время для заключения договора [о кредите] еще не созрело». Далее Канделаки предлагалось выяснить, возможно ли достижение соглашения относительно восьми объектов исключительно военного назначения

¹⁰⁰ Ibid. Bd. 2. Dok. 482. S. 1257.

¹⁰¹ ДВП СССР. Т. XIX. Док. 239. С. 390. Более чем существенно и дополнение к этому выводу, сделанное в конце письма: «Эта точка зрения моя и Максима Максимовича [Литвинова], причем она, как нам кажется, во всяком случае, в значительной степени, совпадает и с точкой зрения руководящих товарищей» (Там же).

¹⁰² Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 487. S. 1266–1267.

¹⁰³ На приеме у Сталина. С. 191.

и, «в зависимости от результатов, решить вопрос о 500-миллионном кредите»¹⁰⁴. Получив информацию об этом совещании, Литвинов весьма скептически оценил вероятность положительной реакции немцев на это предложение, принимая во внимание номенклатуру заказов¹⁰⁵ в качестве условия для заключения кредитного соглашения. По-видимому, понимал это и Канделаки, попытавшийся, как следует из письма Литвинова Сурицу, добиться пересмотра решения о кредите, не обуславливая его заключение ультимативными и явно невыполнимыми условиями¹⁰⁶. Насколько же Сталин неадекватно оценивал возможную реакцию германского руководства, что решил сделать согласие на принятие германского кредитного предложения фактически предметом торга — выполнения предварительных условий Москвы. И все это в обстановке серьезно обострившихся советско-германских отношений под влиянием как внешних факторов, так и внутривосточных¹⁰⁷, когда любые соглашения с Германией, даже не столь проблематичные, становились просто неосуществимыми.

24 августа состоялась новая встреча Канделаки и Фридрихсона с Шахтом, содержание которой известно только из отчета Канделаки, направленного Сталину, Молотову и Розенгольцу. На его основании можно сделать вывод, что эта беседа была не совсем обычной, так как в ходе нее Шахт говорил больше о политических проблемах, причем в общеевропейском ракурсе. Когда же дело наконец дошло и до торгово-экономических отношений, то на вопрос рейхсминистра о возможности их расширения, т. е. о новом кредите, советские представители, согласно полученным инструкциям, заявили: «Все разговоры беспочвенны, откуда мы не получим интересующих нас предметов» военного назначения. Шахт пообещал обсудить этот вопрос с коллегами и дать ответ в течение двух недель, но при этом

¹⁰⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 489. S. 1269.

¹⁰⁵ Среди них фигурировали: самолеты различных типов, крупнокалиберная судовая артиллерия, снаряжение для подводных лодок, судовая броня для линкоров, малые и большие турбины для военных судов, а также оказание технической помощи фирмой Цейс.

¹⁰⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 495. S. 1279.

¹⁰⁷ Ibid. Dok. 493. S. 1277–1278. На организованном в августе в Москве публичном процессе над фигурантами «Антивоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» неоднократно упоминалась сопричастность гестапо к деятельности обвиняемых. См. Обвинительное заключение [на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра] // Правда. 1936. 20 VIII: 23.

«просил учесть, что обстановка теперь совершенно другая», чем та, что была во время последней встречи за три месяца до этого¹⁰⁸. Создается впечатление, что все прочие высказывания Шахта являлись лишь некоей прелюдией к этим ключевым словам, которые явно свидетельствовали о возросшем значении политико-идеологической составляющей при принятии торгово-экономических решений в Берлине. И это было вполне объяснимо, так как приближался очередной съезд НСДАП в Нюрнберге, который готовился и проходил под знаком борьбы против большевизма и, соответственно, против СССР¹⁰⁹.

Очевидно, что доминирующий, насыщенный антисоветизмом внутривластный фон неизбежно должен был затронуть все стороны советско-германских отношений. Зарубежные наблюдатели даже не исключали разрыва дипломатических отношений после завершения работы Нюрнбергского партсъезда¹¹⁰. Советские дипломаты (Суриц, Литвинов) предлагали дать жесткий отпор этому беспрецедентному проявлению антисоветизма по дипломатической линии и в печати, ибо, как они считали, «пассивное и терпимое отношение к подобным выступлениям в прошлом поощрило нынешние и поощрит в будущем еще более резкие выступления»¹¹¹. Однако в Кремле это предложение не поддержали¹¹², возможно, экстраполировав указания Сталина в ходе Нюрнбергского съезда 1935 г.¹¹³ на непостоянную по масштабам антисоветскую кампанию в сентябре 1936 г.

Тем не менее даже в такой обстановке Канделаки предпринимал немалые усилия для решения поставленных перед ним задач, несмотря, судя по немецким документам, на отсутствие положительной реакции Шахта на переданный ему перечень военных заказов. Согласно информации из окружения Шахта, руководители советского Торгпредства добивались новой встречи и с Герингом для продолжения переговоров по торгово-экономическим вопросам и, получив

¹⁰⁸ СССР — Германия 1933–1941. Док. 84. С. 146–147.

¹⁰⁹ Die Ausgestaltung des Reichsparteitages 1936. Der "VB" spricht mit Reichsorganisationsleiter Dr. Ley // Völkischer Beobachter vom 23. August 1936. Münchener Ausgabe. S. 1–2.

¹¹⁰ Сообщение Гнедина в НКВД от 11 сентября 1936 г. (АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 43).

¹¹¹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 521. S. 1330.

¹¹² См. письмо Крестинского Сурицу от 19.09.1936 г. (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 68. Д. 34. Л. 147).

¹¹³ См.: Сталин и Каганович. Док. 658. С. 569. Док. 819. С. 676.

обнадеживающую информацию с германской стороны¹¹⁴, запросили мнение Москвы, которая на этот раз не дала согласия на встречу¹¹⁵.

Тем временем в рейхе произошли события, непосредственно затрагивавшие миссию Канделаки. 18 октября 1936 г. Геринг был назначен уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана подготовки германской экономики к войне¹¹⁶ и наделен настолько широкими правами, что фактически превращался в своего рода экономического диктатора, контролирующего подавляющую часть хозяйственной деятельности страны¹¹⁷. Принимая во внимание значение сырьевой проблемы в ходе подготовки Германии к войне, очевидно, что для Геринга налаживание торгово-экономических отношений с Советским Союзом становилось одним из приоритетов на внешнеэкономическом направлении его деятельности¹¹⁸.

Трудно установить, насколько совокупность этих обстоятельств принималась во внимание при выработке конкретных решений в Кремле. Известно только, что дипломаты обращали на него серьезное внимание. Так, Суриц, анализируя с разных сторон появление нового фактора силы на внутривосточной арене Германии, отметил необходимость оценивать новые полномочия Геринга с учетом советско-германских экономических отношений. «Поскольку инициатива оживления и усиления экономических отношений за последнее время исходила именно от Геринга и его ближайшего окружения, — констатировал полпред, — можно думать, что если у нас имеется практический интерес к германским предложениям, их продвижение сможет совершаться сейчас в Германии с большей легкостью, чем прежде»¹¹⁹. О возросшем влиянии Геринга, правда, еще без упоминания о его новом назначении, сообщил и Канделаки в письме Сталину. На основании кадровых перемещений в Рейхсминистерстве экономики, торгпред сделал далеко идущий вывод

¹¹⁴ ADAP. Ser. C. Bd. V, 2. Dok. 549. S. 918.

¹¹⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 532. S. 1354.

¹¹⁶ Verordnung zur Durchführung des Vierjahresplans vom 18. Oktober 1936 // Reichsgesetzblatt 1936. Teil. I. S. 887.

¹¹⁷ Kube 1987: 156–163.

¹¹⁸ Так, в начале октября Геринг активно поддержал инициативы фирмы *Otto Wolff*, имевшей многолетний опыт работы в СССР, сообщив одному из ее совладельцев, что «желает при всех обстоятельствах вступить в деловые отношения с русскими» (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 540. S. 1368).

¹¹⁹ Ibid. Dok. 560. S. 1408.

«о стремлении Геринга взять на себя руководство вопросами советско-германских отношений»¹²⁰.

Несмотря на эти новые моменты, открывавшие, на первый взгляд, дополнительные возможности для миссии Канделаки, отсутствие положительной реакции Шахта на переданный ему перечень военных заказов повлек за собой корректировку позиции советского руководства в отношении переговоров о новом кредите. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 октября 1936 г., Торгпредству в Берлине поручалось «добиться заказов по сокращенному списку военных объектов» в рамках прежнего кредита, а также осуществить ряд закупок военного назначения за наличный расчет. Одним из важнейших компонентов этого постановления являлось указание не вступать «в переговоры о большом кредите»¹²¹. Означало ли это, что в Кремле окончательно определили дальнейшее развитие событий на этом направлении советско-германских отношений или, все-таки, речь шла о попытке оказания давления на Берлин? Хотя определенно ответить на этот вопрос, не имея соответствующих рабочих документов, невозможно, но, отталкиваясь от уже сложившейся практики, есть больше оснований для предположения, что речь шла об очередном и не последнем стремлении Сталина понудить германское руководство к уступкам.

В Берлине также произошла корректировка установок, касающихся экономических отношений с СССР. 19 октября 1936 г., то есть на следующий день после получения Германом Герингом новых полномочий, состоялась продолжительная беседа заведующего Сектором Восточной Европы Карла Шнурре (1898–1990) с Гербертом Герингом¹²², представившим свое и, вероятно, прежде всего, своего высокопоставленного родственника видение перспектив развития германо-советских экономических отношений, носившее, по сути дела, директивный характер. Оно сводилось к констатации следующих основных пунктов: 1. Положение с сырьем и наращивание вооружения Германии свидетельствует о зависимости страны от поставок сырья из СССР. 2. Предпосылкой преодоления стагнации

¹²⁰ СССР — Германия 1933–1941. Док. 85. С. 148.

¹²¹ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 144. С. 206–207.

¹²² Двоюродный брат Германа Геринга, Герберт, был назначен ответственным в Рейхсминистерстве экономики за германо-советские торгово-экономические отношения.

в экономических отношениях с Москвой должна стать их полная деполитизация. 3. Оперативное регулирование всего комплекса вопросов, касающихся этих отношений, концентрируется в одних руках — Герберта Геринга, чтобы лишить советских представителей возможности в случае тех или иных затруднений «использовать одни ведомства против других». 4. Значение деполитизации германо-советских экономических отношений необходимо сделать более понятным для представителей германской промышленности, внимание которых требуется обратить на то, что «поставки в Россию больше чем когда-либо отвечали бы германским национально-политическим интересам, поскольку только при помощи компенсационных поставок было бы возможно получить необходимое [Германии] сырье». 5. Для получения сырья, прежде всего, марганцевой руды, были положительно решены вопросы, связанные с поставками в СССР некоторых видов продукции исключительно военного назначения. В ходе обсуждения было зафиксировано единство мнений и по такому важному для последующего развития событий вопросу, как предоставление СССР кредита. Последнее было признано нецелесообразным, так как лишило бы его «стимула поставлять нам сырье» на компенсационной основе¹²³.

Что означала для дальнейшей деятельности миссии Канделаки эта позиция Берлина? Прежде всего, утрату возможности выполнить одну из важнейших задач, поставленных Сталиным перед торгпредом — путем расширения экономического сотрудничества, особенно в части, касающейся крупных поставок в СССР на основе долгосрочного кредита продукции военного назначения, выйти на политические договоренности с руководством третьего рейха. Под угрозой оказывалась и сама возможность не только расширения, но и поддержания торгово-экономических отношений на прежнем уровне, осуществлявшихся в 1930-е годы преимущественно на основе долгосрочных кредитов. В свою очередь, расчеты германской стороны на получение, прежде всего стратегического, сырья из СССР только в виде не кредитуемых компенсационных поставок явно не отличались реализмом. Гитлер осенью 1936 г. был очень далек от того, чтобы хотя бы в малейшей степени улучшить советско-германские отношения. Поэтому острая экономическая заинтересованность в СССР

¹²³ ADAP. Ser. C. Bd. V, 2. Dok. 615. S. 1037–1039.

побуждала к тому, чтобы максимально деполитизировать эти отношения, не связывая себя при этом долгосрочными обязательствами. Столь серьезное несовпадение намерений Москвы и Берлина в условиях все больше разгоравшейся Гражданской войны в Испании и связанного с ней обострения двусторонних отношений неизбежно должно было привести к стагнации и в сфере экономических связей.

Тем не менее каждая из сторон не прекращала попыток реализовать намеченные задачи, хотя и на разных направлениях. Сталин, по всей видимости, решил начать новую «контригру» с Берлином, используя в качестве давления своего рода «разменную монету» — человеческий фактор. В конце октября — первой половине ноября 1936 г. в Москве и ряде крупных городов СССР (Ленинград, Новосибирск, Харьков) прошли аресты германских подданных (23 человека)¹²⁴, обвиненных в сопричастности к деятельности некой «фашистской организации, ведшей контрреволюционную и террористическую работу»¹²⁵. Волна арестов стала принимать такие масштабы, что это не могло не вызвать обеспокоенность в Берлине. Фон Шуленбург добился приема у Молотова и заявил ему, что аресты зачастую носят провокационный характер, что в Советском Союзе никогда не было национал-социалистической организации и т. д.¹²⁶ Независимо от конкретной мотивации Сталина, инициировавшего или только санкционировавшего эту волну арестов германских подданных, их последствия не могли не приниматься во внимание в контексте общих отношений с Берлином, о чем не в последнюю очередь свидетельствовала пропагандистская аранжировка этих событий, стремившаяся всячески отрицать наличие политического контекста¹²⁷.

В возникшей ситуации в МИД Германии даже рассматривался вариант возможных ответных действий на аресты германских подданных в виде репрессалий в отношении советских граждан. Получив эту информацию, фон Шуленбург занял сдержанную позицию.

¹²⁴ Список арестованных германских подданных см.: РА АА. R 104384. Bl. 246941–246943.

¹²⁵ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 568. S. 1424.

¹²⁶ Ibid. Dok. 616. S. 1528. По информации руководства АВП РФ, запись этой беседы в архиве обнаружена не была.

¹²⁷ В опубликованной информации ТАСС, в частности, утверждалось: «Аресты не имеют ничего общего с международными политическими вопросами или со взаимоотношениями между СССР и Германией» (Преступная деятельность германских фашистов в СССР // Правда. 1936. 18 XI: 4).

Он считал, что подобная акция возможна только при наличии «убедительного и мотивированного материала, позволяющего уверенно вынести обвинительный приговор», ибо в противном случае это приведет к новой «волне арестов в отношении подданных Германии» в СССР¹²⁸. Исходя из того, что ответных действий с германской стороны не последовало, можно считать, что при решении этого вопроса мнение посла было принято во внимание. Берлин был явно не склонен идти на дальнейшее обострение ситуации, о чем, в частности, свидетельствует полученное полпредом Сурицем 9 декабря предложение о встрече с Герингом¹²⁹.

Несмотря на порой витиеватость высказываний Геринга в ходе состоявшейся 14 декабря беседы с полпредом, их смысл очевиден: для успешного развития экономических отношений необходимо их максимально деполитизировать, т. е. не выводить решение конкретных вопросов на политический уровень. Для этого нужно, прежде всего, исключить заведомо нереальные требования по номенклатуре заказов военного назначения («список Канделаки»), так как они могут парализовать весь комплекс экономических связей, уравнивая состояние экономических и политических отношений¹³⁰. Пожалуй, наиболее существенным в почти часовом монологе второго лица в третьем рейхе являлся тот факт, что он доводил сказанное до сведения не торгпреда, а полпреда, давая тем самым понять руководству СССР, от чего зависят дальнейшие экономические отношения между двумя странами.

В целом же состоявшаяся встреча, четко обозначив намерения германской стороны, свидетельствовала о том, что в Берлине не собирались не только обсуждать политические вопросы с СССР, но и фактически ограничивали возможности для решения важных торгово-экономических задач. Например, таких, как получение долгосрочного кредита и поставки некоторых видов продукции военного назначения, поскольку ни одно, ни другое не было достижимо без принятия решения на этот счет Гитлером. Дальнейшее развитие событий должно было обозначить пределы этих возможностей. Весьма

¹²⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 595. S. 1488.

¹²⁹ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 151. С. 219. Решение о принятии этого приглашения было принято в Кремле в тот же день, что свидетельствовало о том, сколь большое значение придавалось этой встрече.

¹³⁰ СССР — Германия 1933–1941. Док. 87. С. 149–151.

симптоматично и то, что, хотя Геринг и заявил о желательности улучшения также политических отношений, но в беседе с Сурицем он даже намеком не коснулся наиболее острой на тот момент проблемы, существовавшей между Берлином и Москвой, — многочисленных арестов германских подданных в СССР и намечавшегося судебного процесса над ними¹³¹. А это, как ничто другое, свидетельствовало о том, что попытка давления на руководство Германии таким способом не принесла желаемого результата.

Информируя Розенгольца о подписанном 24 декабря с Шахтом соглашения о товарном и платежном обороте на 1937 г., Канделаки сообщил также о полученном от рейхсминистра экономики приглашения на 29 декабря «для специальной беседы»¹³². К сожалению, исследователи не располагают никакими записями об этой беседе, хотя, судя по реакции на нее с советской стороны, она имела отнюдь не рядовое значение. Косвенная информация самого общего характера о ней содержится в письме Сурица Крестинскому от 27 января 1937 г. Полпред сообщал, что Шахт в ходе встречи зондировал «возможность прямых политических разговоров с нами», но, резюмировал Суриц:

Жест Шахта по нашему адресу носит пока настолько неопределенный характер, и мы так мало еще знаем о его действительном содержании, что считать этот жест показателем действительных намерений Германии переменить политику по отношению к нам — мы еще не можем¹³³.

Шахт упомянул о содержании этой беседы в одной фразе в письме фон Нейрату от 6 февраля 1937 г., обозначая свою позицию, обусловливавшую «оживление торговых отношений между Россией и Германией только в том случае, если правительство России сделает отчетливый политический жест, а, лучше всего, через своего здешнего посла заверит об отказе от любой коммунистической агитации вне России»¹³⁴. Трудно сказать, насколько точно Канделаки довел до све-

¹³¹ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти, 1937–1938 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. Док. 3. С. 40.

¹³² Москва — Берлин. Т. 3. Док. 151. С. 231.

¹³³ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 630. S. 1551, 1555.

¹³⁴ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 183. S. 401.

дения Москвы это заявление Шахта, принимая во внимание уже отмеченное стремление торгпреда всячески сглаживать «острые углы». Во всяком случае, на сегодняшний день документально могут быть подтверждены следующие факты, характеризующие реакцию Кремля на полученную из Берлина информацию. Не только Канделаки, но и Суриц были вызваны в Москву и 7 января 1937 г. вместе с Литвиновым в течение полутора часов были на совещании в Кремле¹³⁵. По его итогам 8 января Литвинов направил Сталину проект устного ответа Канделаки Шахту, который в тот же день был утвержден с внесенными в него поправками.

Финальный аккорд миссии Канделаки и последствия ее неудачи

На какой же «отчетливый политический жест», согласно пожеланию Шахта, шла Москва? В ответе, в частности, говорилось:

Советское правительство отнюдь не считает, что его политика должна быть направлена против интересов германского народа. Оно поэтому не прочь и теперь вступить в переговоры с германским правительством в интересах улучшения взаимоотношений и всеобщего мира. Советское правительство не отказывается и от переговоров через официальных диплом[атических] предст-[авите]лей. Оно согласно также считать конфиденциальными и не предавать огласке, как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом¹³⁶.

Если бы Берлин имел намерение достичь хотя бы *modus vivendi* с СССР в политической сфере, то подобный шаг мог бы иметь очень неплохие шансы на успех. Однако дальнейшие события в очередной раз продемонстрировали всю иллюзорность подобных расчетов. Суриц даже высказал предположение, что «вброс» Шахтом политической проблематики в переговорный процесс предоставит германским представителям «возможность уклониться от ответа по конкретным вопросам (список)»¹³⁷. И он был очень близок к истине.

¹³⁵ На приеме у Сталина. С. 197.

¹³⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 620. S. 1534.

¹³⁷ Имеется в виду перечень заказов военного назначения, переданный Шахту, а также затем Герингу, «список Канделаки».

Согласно отчету Канделаки о беседе с Шахтом спустя месяц, 29 января, во время которой торгпред сделал упомянутое выше заявление, рейхсминистр заметил, что «намечающиеся политические переговоры он считает единственно правильным выходом из теперешнего положения», а «экономический вопрос будет предметом нашего обсуждения, когда атмосфера будет очищена»¹³⁸. Эти высказывания Шахта в изложении Канделаки были, пожалуй, тем единственным, что в какой-то степени сближало сообщения обоих собеседников. Согласно Шахту, выслушав зачитанный торгпредом текст «устного ответа», он заметил, что, хотя тот представляет несомненный интерес, но, как ему уже приходилось говорить ранее, подобного рода заявления должны адресоваться полпредом непосредственно МИД¹³⁹. В то время как в отчете Канделаки о беседе с рейхсминистром было представлено нечто совсем другое, чуть ли не «дорожная карта» будущих переговоров с участием фон Нейрата и Сурица, посредничество в организации которых брал на себя Шахт¹⁴⁰. Несмотря на явное стремление Канделаки преувеличить результаты, особенно касавшиеся политической стороны его миссии, в данном случае есть немало оснований больше доверять его отчету, а не описанию этой беседы Шахтом, который сообщил о ней фон Нейрату только 6 февраля. И вот, почему.

На следующий день после беседы Шахта с Канделаки, 30 января, Гитлер, выступая с пространной речью на заседании рейхстага, в частности, заявил:

Я не хотел бы оставить никакого сомнения в том, что мы усматриваем в большевизме невыносимую для всего мира опасность <...>, мы избегаем любых тесных отношений с носителями этих ядовитых бактерий, и мы в особенности не хотим затуманивать голову немецкому народу по поводу этой опасности тем, что мы сами устанавливаем более тесные связи, выходящие за рамки необходимых государственных или экономических отношений. <...> Впрочем, любые новые немецкие договорные связи с нынешней большевистской Россией были бы для нас совершенно бесполезными¹⁴¹.

Речь Гитлера получила резонанс как в официальных, так и неофициальных кругах, с которыми контактировали советские

¹³⁸ Москва — Берлин. Т. 3. Док. 154. С. 233.

¹³⁹ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 183. S. 402.

¹⁴⁰ См. сн. 138.

¹⁴¹ *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Bd. I, 2. S. 671–672.*

дипломаты¹⁴². Поэтому, даже если допустить, что Шахт, будучи, несомненно, заинтересован в расширении торгово-экономических связей с СССР, был готов поспособствовать ослаблению политической напряженности, он все же поменял местами приоритеты, поставив решение экономических проблем в зависимость от решения политических. Однако после процитированных слов Гитлера было уже невозможно в подобном ракурсе представлять свою позицию в беседе с советским дипломатом.

На этом фактически следовало бы поставить крест не только на политической стороне миссии Канделаки, но и на продолжении переговоров о крупном долгосрочном кредите. Однако в Москве еще на что-то рассчитывали, в частности, Литвинов 4 февраля писал Сталину, что

[И]нициатива каких-либо предложений должна быть предоставлена германской стороне, которой должно быть разъяснено, что поскольку ухудшение советско-германских отношений имело место по решению германского правительства, мы ожидаем от него теперь соображений о том, как и в каких пределах эти отношения могут быть улучшены, тем более что Гитлер еще на днях заявил публично, что пределом этих отношений являются «необходимые государственные отношения»¹⁴³.

И Сталин, судя по его пометке на записке наркома¹⁴⁴, полностью согласился с такой оценкой, по всей видимости, полагая, что реальные экономические интересы будут в итоге превалировать над публичными высказываниями главы государства.

Однако ответ фон Нейрата на информацию Шахта явился наглядным подтверждением того, что заявление Гитлера не было лишь очередным упражнением в риторике. В ходе доклада рейхсканцлеру 10 февраля фон Нейрат информировал его о встречах Шахта с советским торгпредом, акцентировав внимание

¹⁴² Как отмечал Суриц в письме Крестинскому 12 февраля, суммируя свои впечатления за последние две недели: «И первое, что бросается в глаза, это еще большая, чем прежде, отчужденность со стороны немцев, подчас граничащая с бойкотом. Люди “из общества”, не принадлежащие к официальному кругу, явно боятся около нас даже задерживаться; чиновничьи круги сухо официальны» (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 644. S. 1591).

¹⁴³ СССР – Германия 1933–1941. Док. 88. С. 152.

¹⁴⁴ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 126. Д. 1. Л. 21.

на последнем заявлении Канделаки от имени Сталина и Молотова. Реакция Гитлера была вполне предсказуема. Он сказал рейхсминистру иностранных дел, что не видит смысла в переговорах с советским правительством, поскольку «они не смогут привести ни к какому результату и, скорее всего, были бы использованы русскими для достижения желаемой цели более тесного военного союза с Францией и при возможности также еще дальнейшего сближения с Англией»¹⁴⁵. Гитлер ошибся в оценке намерений противной стороны, однако в данной конкретной ситуации это не имело значения, так как фюрер не нуждался в каком-либо урегулировании отношений с СССР, состояние которых совершенно не зависело от тех или иных предложений Москвы.

Вся эта коллизия развивалась на фоне уже упомянутых арестов германских подданных, обвинявшихся в «террористической, диверсионной и шпионской деятельности», якобы осуществлявшейся по заданиям гестапо на территории СССР¹⁴⁶. Эти аресты стали частью новой волны массового террора, материализацией постулата высшего партийно-государственного руководства, что «пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств»¹⁴⁷. Видя, что Берлин ограничивается дипломатическими представлениями по этому поводу, не имея возможности ответить тем же¹⁴⁸, в Кремле было решено пойти дальше, поставив перед Посольством Германии вопрос об отзыве из СССР двух германских дипломатов (военного атташе генерала Эрнста-Августа Кёстринга (1876–1953) и пресс-атташе Посольства Вильгельма Баума (1885–1942))¹⁴⁹, фигурировавших в показаниях подсудимых на так называемом Процессе антисоветского троцкистского центра в Москве в январе 1937 г.¹⁵⁰

¹⁴⁵ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 195. S. 426.

¹⁴⁶ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 645. S. 1592–1596.

¹⁴⁷ *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. [М.]: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 11.

¹⁴⁸ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 173. S. 385.

¹⁴⁹ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 650, 657, 664.

¹⁵⁰ См.: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 58, 64.

Закономерен вопрос, чем объяснить столь не сочетаемые между собой действия Сталина — с одной стороны, стремление к политическому урегулированию с Германией и грубое давление на Германское посольство в Москве с использованием показаний обвиняемых на фальсифицированном судебном процессе, которое могло только обострить советско-германские отношения, с другой? Создается впечатление, что Сталин рассматривал подобный шаг как еще одну попытку давления на Германию, превращая ее дипломатов в своего рода «заложников», угроза высылки которых должна была бы вынудить Берлин к вступлению в переговоры, неизбежно затрагивающие также политические отношения. Но он просчитался. Натолкнувшись на жесткие заявления посла фон Шуленбурга¹⁵¹, в Кремле пришлось довольно быстро «забыть» о своем первоначальном требовании отозвать генерала Кёстринга¹⁵², и лишь ради «сохранения лица» в сложившейся ситуации настаивать на отъезде пресс-атташе Баума¹⁵³.

Несомненно, что эта провокация с германскими дипломатами практически не оставляла шансов на сколько-нибудь позитивную реакцию Берлина на советские предложения, даже в том случае, если бы такие намерения у германского руководства были. Поступавшие в Москву сигналы поколебали уверенность и в возможности вернуться к вопросу предоставления большого кредита¹⁵⁴, а это, в свою очередь, создавало угрозу самому ведению переговоров, сужающему экономические отношения до уровня резко сократившихся в объеме ежегодных соглашений о товарообороте. Тем временем в Берлине не торопились дать ответ на советские предложения, которого ожидали с нетерпением на разных институциональных уровнях не только

¹⁵¹ ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 213, 218, 221.

¹⁵² Ibid. Dok. 253. S. 543–544.

¹⁵³ Подробнее см.: Слuch 2009: 104–106.

¹⁵⁴ В информационном письме МИД от 6.01.1937 г., направленном германским дипломатическим учреждениям в СССР, в частности, опровергались сообщения зарубежной печати о возобновившихся переговорах, связанных с предоставлением Москве крупного кредита: «О подобном кредите при настоящем положении дел не могло быть и речи. Мы в данный момент более заинтересованы во ввозе сырья из Советского Союза, чем в крупных германских поставках в Советский Союз» (ADAP. Ser. C. Bd. VI, 1. Dok. 129. S. 267). Перевод этого документа, полученного оперативным путем, был направлен 25.02.1937 г. начальником Разведывательного управления РККА Семён Петровичем Урицким (1895–1938) наркому обороны СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову (1881–1969) (РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1036. Л. 132–134).

в Торгпредстве и Полпредстве, но и в Москве. О чем, не в последнюю очередь, свидетельствует интенсивность обмена телеграфными сообщениями, касавшимися этого вопроса.

Примерно в конце второй декады февраля Суриц сообщил Литвинову:

Прошло уже больше трех недель с тех пор, как Канделаки передал Шахту московский ответ. Шахт тогда обещал вызвать его и меня через пару дней. Если бы дела совсем сорвались, Шахт мог бы вызвать Канделаки и сказать, что нужно отложить разговор, по-видимому, никаких решений они не приняли¹⁵⁵.

Предположение авторов документальной публикации Н. А. Абрамова и Л. А. Безыменского, что «нервы у Канделаки не выдержали, и он совершил поспешный шаг, попытавшись действовать через Герберта Геринга», которого ознакомил с «московским ответом» Шахту¹⁵⁶, вызывает сомнения. Телеграфируя Литвинову 23 февраля об этом шаге торгпреда, Суриц не дал его действиям никакой оценки, полагая, что они ничего не меняют, так как о советском ответе, несомненно, уже давно информировано высшее руководство Германии. Что же касается мотивации этого поступка Канделаки, то подтвердить или опровергнуть высказанное предположение на сегодняшний день не представляется возможным из-за недоступности исследователям переписки Канделаки с Москвой между концом января и серединой марта 1937 г.

Только 16 марта Геринг пригласил к себе Канделаки, чтобы уведомить его о реакции Берлина на советские предложения:

После длительного обсуждения и изучения Вашего ответа, переданного Вами 29 января с. г. Шахту, немецкая сторона пришла к следующему выводу: в Вашем ответе Шахту не содержится конкретных предложений для обсуждения. Но главное заключается в том, что немецкая сторона не видит в настоящее время различия между советским правительством и Коминтерном. Вследствие этого немецкая сторона не считает целесообразным продолжать переговоры, ибо не видит для них базы¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Цит по: Особая миссия Давида Канделаки. С. 152. К сожалению, в публикации не указана точная дата этого сообщения.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ СССР — Германия 1933–1941. Док. 89. С. 153.

Этим официальным ответом-заявлением германская сторона поставила последнюю точку в деятельности миссии Канделаки, завершившейся явной неудачей. И вины Канделаки в этом не было. Будучи наделен широкими полномочиями и, самое главное, облеченный личным доверием Сталина, торгпред с помощью своего заместителя Фридрихсона вполне успешно справлялся с решением ряда конкретных задач, когда они не выходили за рамки торгово-экономических отношений. Правда, завышенное представление о своих возможностях¹⁵⁸, подпитываемое Сталиным, определенно мешало ему, вынуждая порой в оценках выдавать желаемое за действительное, дабы придать большую значимость своей деятельности. Но отнюдь не это предопределило неудачу миссии Канделаки, она изначально была обречена на провал, принимая во внимание поставленные перед ней ее инициатором и куратором основные задачи. Именно Сталин, фактически пренебрегая мнением как Литвинова, так и дипломатов в Берлине, считавших, в частности, что «Гитлер и его ближайшее окружение крепко утвердились в убеждении, что только на путях выдержанного до конца антисоветского курса ретий рейх сможет осуществить свои задачи и обрести союзниками и друзьями»¹⁵⁹, всячески поддерживал миссию Канделаки. Сталин, по-видимому, никак не мог понять, что решение о тех или иных подвижках в советско-германских отношениях принимаются не в ходе двусторонних переговоров и тем более не по желанию Москвы, а исключительно Гитлером, который руководствовался совсем иными представлениями об их целесообразности, чем это было присуще хозяину Кремля.

Даже тогда, когда официальный Берлин предельно четко заявил об отсутствии желания продолжать какие-либо переговоры, Сталин, получив это известие, не желал признавать своего поражения. Он пытался сделать вид, что не только ничего не произошло, но и что Кремль весьма удовлетворен миссией Канделаки. Одно из свидетельств тому — составленная Сталиным телеграмма следующего содержания:

Берлин. Канделаки. ЦК принял решение о переводе тов. Сурица на пост полпреда в Париж. ЦК считает Вас наиболее подходящим кандидатом на пост полпреда в Германии. Уверены, что Вы могли

¹⁵⁸ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 495. S. 1279.

¹⁵⁹ ДВП СССР. Т. XVIII. Док. 424. С. 569.

бы хорошо справиться с этой новой задачей. Надеемся на Ваше согласие. Сталин, Молотов¹⁶⁰.

Правда, эта телеграмма так и не была отправлена¹⁶¹, а сам Канделаки отозван в Москву, получил новое назначение и, после непродолжительного пребывания на посту замнаркома внешней торговли, арестован и расстрелян¹⁶².

Тем временем в Берлине решили извлечь максимум политических дивидендов из потерпевшей фиаско миссии Канделаки. В этих целях сначала было организовано распространение слухов о советско-германских неофициальных контактах, которые-де должны повлечь за собой «не только улучшение, но и коренное изменение советско-германских отношений». Затем последовало их резкое опровержение в немецкой прессе, что не могло не вызвать повышенного интереса к этому вопросу со стороны дипкорпуса¹⁶³. В дипломатических кругах Берлина высказывались предположения, «что уже начались соответствующие переговоры, которые с советской стороны держатся в строгой тайне», в связи с чем, как отмечал Суриц, «некоторые участники французской системы проявляют определенное беспокойство»¹⁶⁴. Этого, собственно, и добивались в Берлине, никогда не упуская возможность посеять недоверие между СССР и другими государствами. Ради «сохранения лица» Литвинов направил советским дипломатам указание заверить французский и чехословацкий МИД в том, что «циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований. Мы не веди и не ведем на эту тему никаких переговоров с немцами»¹⁶⁵.

Попытки некоторых историков представить миссию Канделаки как ориентированную Сталиным лишь на зондаж «нормализации

¹⁶⁰ Текст телеграммы был составлен 19.03.1937 г. в 21 час. 10 мин. (Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 673. S. 1643).

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² Канделаки был арестован 11 сентября 1937 г. Обвиненный в причастности к «контрреволюционной террористической организации» и на основании утвержденного Сталиным списка лиц, в котором Канделаки фигурировал под № 52 (Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Док. 331. С. 542), 29 июля 1938 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

¹⁶³ ДВП СССР. Т. XX. Док. 98. С. 164.

¹⁶⁴ Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Bd. 2. Dok. 687. S. 1680–1682.

¹⁶⁵ ДВП СССР. Т. XX. Док. 110. С. 174.

советско-германских экономических отношений»¹⁶⁶ или на обеспечение, прежде всего, важных поставок военного назначения¹⁶⁷, а не желанием в целом улучшить отношения с Германией, которое якобы «играло подчиненную роль»¹⁶⁸, не подтверждается документами. В этих работах не только недооценивается роль политической составляющей миссии Канделаки, нашедшей отражение как в немецких, так и в советских документах, но и совершенно не рассматриваются причины ее неудачи, имевшие исключительно политическую подоплеку и не менее существенные политические последствия.

Неудача миссии Канделаки явилась одной из причин того, что советско-германские отношения вступили в период затяжного ступора, причем на всех направлениях, вплоть до конца 1938 г. Переход Германии к форсированной подготовке к войне и начало реализации крупномасштабных военных программ¹⁶⁹ потребовали значительных объемов поставок советского сырья, отсутствие которого стало ощущаться в такой степени, что буквально заставило заинтересованные инстанции вернуться к обсуждению вопроса о предоставлении СССР крупного кредита¹⁷⁰. При этом в очередной раз военно-экономические потребности Германии вошли в противоречие с доминирующими политико-идеологическими установками нацистского руководства. В свою очередь, обретенный опыт в попытке достижения политического урегулирования с Германией в ходе миссии Канделаки не был предан забвению в Кремле и, будучи скорректирован с учетом допущенных просчетов, уже в другой международной обстановке привел к давно желаемому Сталиным результату. Правда, произошло это только тогда, когда Гитлер, исходя из военно-политических и экономических соображений, счел необходимым пойти на соглашение с СССР.

¹⁶⁶ Шубин 2016: 259.

¹⁶⁷ Безыменский назвал в качестве «основного замысла Сталина: добиться германской помощи оборонной промышленности СССР», а неосновного — «каким-то образом нейтрализовать появление Гитлера на европейской арене» (Безыменский 2000: 99, 111).

¹⁶⁸ Богданов, Васильева, Гаврилов 2017: 68; Кудряшов 2019: XII.

¹⁶⁹ Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe. Aus den Geheimakten des Reichswehrministeriums 1919–1933 und des Reichsluftfahrtministeriums 1933–1939 / hrsg. von K.-H. Völker. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1968. Dok. 89. S. 211–212; Dülffer 1973: 494–499.

¹⁷⁰ ADAP. Ser. D. Bd. IV. Dok. 479. S. 534.

Список сокращений

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации, Москва
 ДВП СССР — Документы внешней политики СССР
 НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли
 НКВД — Народный комиссариат по иностранным делам
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики, Москва
 РГВА — Российский государственный военный архив, Москва
 ADAP — Akten zur deutschen auswärtigen Politik
 PA AA — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin

Литература

- Безыменский 2000 — *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. 512 с.
- Богданов, Васильева, Гаврилов 2017 — *Богданов В. Н., Васильева Н. В., Гаврилов В. А.* От Версаля до «Барбароссы». Великое противостояние держав. 1920-е — начало 1940-х гг. М.: Алгоритм, 2017. 686 с.
- Кудряшов 2019 — *Кудряшов С.* Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 годах // СССР — Германия 1932–1941. Издание дополненное и расширенное / глав. ред. С. Кудряшов. М.: ИстЛит, 2019. С. I–LI. (Вестник Архива Президента Российской Федерации).
- Наринский 2003 — *Наринский М. М.* Миссия Д. Канделаки в Берлине и советско-германские отношения (1935–1937 гг.) // 200 лет МИД России. Третьи Горчаковские чтения (Москва, 25 апреля 2002 г.). Материалы и доклады. М.: б/и, 2003. С. 174–187.
- Случ 2009 — *Случ С. З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Сталин и немцы: Новые исследования / под ред. Ю. Царуского. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 82–122.
- Шубин 2016 — *Шубин А. В.* Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2016. 496 с.
- Besymenski 1992 — *Besymenski L.* Geheimmission in Stalins Auftrag? David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1992. H. 3. S. 339–357.
- Düllfer 1973 — *Düllfer J.* Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau 1920–1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1973. 615 S.
- Ericson 1999 — *Ericson E. E.* Feeding the German eagle: Soviet economic aid to Nazi Germany, 1933–1941. Westport (CT): Praeger, 1999. 280 p.
- Kube 1987 — *Kube A.* Pour le mérite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich. München: De Gruyter Oldenbourg, 1987. 420 S.

- McMurry 1979 — *McMurry D.S.* Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln; Wien: Böhlau, 1979. 502 p.
- Messerschmidt 1979 — *Messerschmidt M.* Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung // *Deist W., Messerschmidt M., Volkman H.-E., Wette W.* Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt. 1979. S. 535–701 (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 1).
- Mund 2006 — *Mund G.* Ostasien im Spiegel der deutschen Diplomatie: Die privatdienstliche Korrespondenz des Diplomaten Herbert v. Dirksen von 1933 bis 1938. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. 343 S.
- Müller 1984 — *Müller R.-D.* Das Tor zur Weltmacht: Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard a. Rhein: Harald Boldt Verlag, 1984. 403 S.
- Perrey 1985 — *Perrey H.-J.* Der Rußlandauschuß der Deutschen Wirtschaft: Die deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen der Zwischenkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Ost-West-Handels. München: Oldenbourg, 1985. 422 S.
- Roberts 1994 — *Roberts G.* Soviet bid for coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // *The International History Review.* 1994. Vol. 16. Nr. 3. P. 466–490.
- Schwendemann 1993 — *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin: Wiley-VCH Verlag, 1993. 398 S.
- Wolz 2015 — *Wolz A.* Das Auswärtige Amt und die deutsche Entscheidung zur Remilitarisierung des Rheinlands // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* 2015. Bd. 63. H. 4. S. 487–512.

Reference

- Besymenski [= Bezymenski], L., 1992. Geheimmission in Stalins Auftrag? David Kandelaki und die sowjetisch-deutschen Beziehungen Mitte der dreißiger Jahre. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 40, 3, pp. 339–357.
- Bezymenskii, L. A., 2000. *Gitler i Stalin pered shvatkoi* [Hitler and Stalin before the fight]. Moscow: Veche, 512 p. (in Rus.)
- Bogdanov, V.N., Vasil'eva, N. V., Gavrilov, V. A., 2017. *Ot Versalia do "Barbarossy". Velikoe protivostoianie derzhav. 1920-e — nachalo 1940-kh gg.* [From Versailles to the Barbarossa. The great confrontation of powers, from the 1920s to the early 1940s]. Moscow: Algoritm, 686 p. (in Rus.)
- Dülffer, J., 1973. *Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau 1920–1939.* Düsseldorf: Droste Verlag, 615 p.
- Ericson, E. E., 1999. *Feeding the German eagle: Soviet economic aid to Nazi Germany, 1933–1941.* Westport (CT): Praeger, 280 p.
- Kube, A., 1987. *Pour le mérite und Hakenkreuz: Hermann Göring im Dritten Reich.* München: De Gruyter Oldenbourg, 420 p.

- Kudriashov, S., 2019. Sovetskii Soiuz, Stalin i Germaniia v 1933–1941 godakh [The Soviet Union, Stalin and Germany in 1933–1941]. In: Kudriashov, S., ed. *SSSR – Germaniia 1932–1941. Izdanie dopolnennoe i rasshirennoe* [The USSR – Germany 1932–1941]. Moscow: IstLit, pp. I–LI. (Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii). (in Rus.)
- McMurry, D. S., 1979. *Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen*. Köln; Wien: Böhlau, 502 p.
- Messerschmidt, M., 1979. Aussenpolitik und Kriegsvorbereitung. In: Deist, W., Messerschmidt, M., Volkmann, H.-E., Wette, W. *Ursachen und Voraussetzungen der deutschen Kriegspolitik*. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, pp. 535–701 (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, 1).
- Müller, R.-D., 1984. *Das Tor zur Weltmacht: Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen*. Boppard a. Rhein: Harald Boldt Verlag, 403 p.
- Mund, G., 2006. *Ostasien im Spiegel der deutschen Diplomatie: Die privatdienstliche Korrespondenz des Diplomaten Herbert v. Dirksen von 1933 bis 1938*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 343 p.
- Narinskii, M. M., 2003. Missiia D. Kandelaki v Berline i sovetsko-germanskie otnosheniia (1935–1937 gg.) [D. Kandelaki's mission in Berlin and the Soviet-German relations (1935–1937)]. In: *200 let MID Rossii. Tret'i Gorchakovskie chteniia (Moskva, 25 apreliia 2002 g.). Materialy i doklady* [200 years of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. The 3rd Gorchakov Readings]. Moscow: s. n., pp. 174–187. (in Rus.)
- Perrey, H.-J., 1985. *Der Rußlandauschuß der Deutschen Wirtschaft: Die deutsch-sowjetischen Wirtschaftsbeziehungen der Zwischenkriegszeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Ost-West-Handels*. München, 422 p.
- Roberts, G., 1994. Soviet bid for coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki affair. *The International History Review*, 16, 3, pp. 466–490.
- Schwendemann, H., 1993. *Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm?* Berlin: Wiley-VCH Verlag, pp. 398.
- Shubin, A. V., 2016. *Mir na puti k voine. SSSR i mirovoi krizis 1933–1940 gg.* [The world on the way to the war. The USSR and the world crisis of 1933–1940]. Moscow: Algoritm, 496 p. (in Rus.)
- Sluch, S. Z., 2009 — Stalin i Gitler, 1933–1941: raschety i proshchety Kremliia [Stalin and Hitler, 1933–1941: the Kremlin's calculations and miscalculations]. In: Tsaruski, J., ed. *Stalin i nemtsy: Novye issledovaniia* [Stalin and the Germans: new research]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), pp. 82–122. (in Rus.)
- Wolz, A., 2015. Das Auswärtige Amt und die deutsche Entscheidung zur Remilitarisierung des Rheinlands. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 63, 4, pp. 487–512.

Sergey Z. Sluch

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A, Moscow.
E-mail: sergejslutsch@gmail.com

Some Aspects of Soviet-German Economic Relations and David Kandelaki's Mission (1935–1937): Towards the Question of Correlation Between Politics and Economy

In the middle of the 1930s, Stalin decided to intensify trade and economic relations with Germany in order to obtain long-term loans to finance mainly supplies of military and dual-use products. At the same time, the Nazi regime, despite its anti-Soviet foreign policy, was interested in establishing stable economic ties with Moscow, as it was experiencing an increasing dependence of the German economy on supplies of strategic raw materials from the USSR. The combination of these factors predetermined the Kremlin's decision to entrust the Trade Representative in Germany David V. Kandelaki with a special mission, which was not limited to solving economic problems, but also included the creation of an atmosphere of trust, which is so crucial for negotiations on the supply of sensitive military products. At the same time, long-term loans would be a significant guarantee of the sustainability of such relations. According to Stalin's plan, all this was to be a preparatory stage for political negotiations with the German leadership. Actively contributing to the implementation of the five-year loan granted to the USSR in 1935, Kandelaki achieved serious concessions from the German side, including the agreement to supply some military products previously prohibited to export to the USSR. However, all the attempts by the Trade Representative to ensure the solution of the political problem, conditioning further expansion of economic relations with Berlin's consent to negotiations on a political settlement, led to nothing. The reason for this was the unrealistic tasks set by Stalin, ignoring the "Hitler factor" and his political and ideological attitudes that determined the nature of German-Soviet relations.

Keywords: USSR, Germany, Stalin, Hitler, Maxim M. Litvinov, David V. Kandelaki, Hjalmar Schacht, politics, economy, antagonistic goals, symbiosis of interests

Received: 19 January 2024

Accepted: 25 March 2024

How to cite: Sluch, S. Z., 2024. Nekotorye aspekty sovetsko-germanskikh ekonomicheskikh otnoshenii i missiia D. V. Kandelaki (1935–1937 gg.): k voprosu o sootnoshenii politiki i ekonomiki. *Central-European Studies*, 7, pp. 215–264. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.7>.

**ПУБЛИЦИСТИКА,
ЖУРНАЛИСТИКА,
ПРОПАГАНДА**

Ласло Давид Тёрё

PhD, научный сотрудник, Институт истории, Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия. 4032 Egyetem tér 1. E-mail: t.laszlo.d@gmail.com

Роль историко-краеведческих журналов в формировании региональной идентичности Бургенланда в период между двумя мировыми войнами

Приграничные области национальных государств всегда играли важную роль в процессе формирования национального сознания. Область Бургенланд была передана Австрии в 1921 г. Так после Первой мировой войны страна получила компенсацию в виде территории, которая прежде была частью Венгрии. С момента появления на свет новой области ее право на существование оспаривалось в первую очередь венгерскими историками. Австрийская историческая наука со своей стороны прилагала усилия для интеграции Бургенланда в национальные исторические нарративы. В статье показано, как местные краеведческие журналы участвовали в создании новой региональной идентичности в Бургенланде. В центре внимания находятся три журнала: *Burgenland*, *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins* и продукт их объединения — *Burgenländische Heimatblätter*. Отмечены различия между ними и их полемика, поскольку они оспаривали друг у друга право на ведущую роль в дискурсе об истории Бургенланда. Журнал *Burgenland* был тесно связан с местными властями и открыто поддерживал немецкий национализм. Напротив, журнал *Mitteilungen* издавался бургенландским Обществом охраны наследия (*Burgenländisches Heimatschutzverein*) — гражданской институцией. В выпусках *Mitteilungen* националистическая повестка никогда не была главной, на его страницах, в первую очередь, критиковался промышленный капитализм и романтизировалась гармония с природой. Если *Burgenland* финансировался местными властями, то *Mitteilungen* издавался на частные пожертвования и членские взносы Общества. Исторические нарративы журналов формировались под действием столкновений конкурирующих интерпретаций прошлого: результатом стало возникновение доминирующей «народнической» (*völkis*) концепции и практически ликвидации журнала *Mitteilungen*. Наконец, для создания объемной картины о спорах вокруг Бургенланда в период между двумя мировыми войнами в статье представлена полемика между венгерскими и австрийскими авторами на примере Отто Аулля и Дюлы Гайера.

Ключевые слова: историография, национализм, границы, пространственный поворот, исследования границ, Австро-Венгрия, Австрия, Венгрия, история идей, дискурс-анализ

Финансирование: Статья написана в рамках исследовательской стипендии им. Яноша Бойяи Венгерской академии наук (*MTA Bolyai János Kutatási Ösztöndíj*) по проекту № ВО/00246/23/2 (2023–2026).

Статья поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 19 мая 2024 г.

Цитирование: Тёрё Л.Д. Исторические нарративы в краеведческих журналах Бургенланда в период между двумя мировыми войнами // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 267–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.8>.

Появление в 1921 г., в результате передачи западно-венгерских комитатов Австрии, федеральной земли Бургенланд¹ создало новые условия для развития исторической мысли в крае. По обе стороны новой государственной границы возникла необходимость объяснить появление после Первой мировой войны территориальной единицы, которая — по крайней мере, с административно-правовой точки зрения — ранее не существовала, и роль в этом Трианонского мирного договора (1920 г.)². В написании и переписывании истории присоединенных к Австрии областей участвовали как австрийские, так и венгерские ученые. В этой связи тема открывает возможности для анализа интеллектуальных последствий пересмотра государственных границ после Первой мировой войны на примерах научных карьер отдельных историков. По понятным причинам венгерская историография и венгерская общественная мысль в целом проявляли значительно меньше интереса к проблеме Западной Венгрии/Бургенланда, чем к другим территориальным потерям, таким как Трансильвания (присоединена к Румынии) или так называемая Верхняя Венгрия (области, составившие значительную

¹ Топоним «Бургенланд» (нем. *Burgenland* — «Страна замков») искусственно сконструирован в 1921 г. из названий западно-венгерских комитатов (административно-территориальных единиц Венгерского королевства), в немецких названиях которых присутствовал корень *-burg*: Шопрон (*Ödenburg*), Мошон (*Wieselburg*), Ваш (*Eisenburg*). Наряду с официальной немецкой топонимикой Бургенланда в Венгрии продолжает использоваться историческая венгерская. См. список исторических географических названий в конце статьи (*прим. перев.*).

² Аблонци 2020 (*прим. перев.*).

часть территории Словакии). С румынской историографией венгерские историки межвоенного периода полемизировали гораздо активнее и решительнее, чем с австрийской: ведь и реально-политические ставки были выше в случае Румынии или Чехословакии, где проживало более многочисленное венгерское меньшинство. Но так или иначе, можно с полным правом сказать, что после распада Австро-Венгрии в спорах австрийских и венгерских историков дискурс об историческом прошлом Бургенланда стал самым болезненным. В сравнении с эпохой дуализма, когда австрийско-венгерские споры разгорались вокруг Прагматической санкции 1713 г.³, революции 1848 г. и опосредованно об оценках дуалистического соглашения, эти темы вследствие шока от территориальных потерь, по понятным причинам, отошли на второй план. В статье я лишь в общих чертах касаюсь внутри- и внешнеполитических событий и их проекций на историю Австрии или Венгрии, поскольку зигзаги политической истории мало отразились на личностном и институциональном измерении изучения истории Бургенланда. Только аншлюс 1938 г. произвел коренные перемены в изучаемом регионе и привел к закрытию рассматриваемых журналов.

В исторических спорах о прошлом Бургенланда ключевую роль играли два города: Шопрон и Кишмартон, ставший столицей Бургенланда под немецким названием Айзенштадт. Напомню, что по Сен-Жерменскому мирному договору (1919 г.), определившему новые, послевоенные границы Австрии, Шопрон был изначально включен в состав Австрийской республики. После того как полувоенизированные венгерские формирования оккупировали эту территорию, Австрии пришлось пойти на уступки: согласно Венецианскому соглашению (31 октября 1921 г.), судьба Шопрона должна была решиться на всенародном референдуме. Голосование прошло в декабре 1921 г., и по его итогам город остался в составе Венгрии. Вследствие этих событий в публичном дискурсе сформировались два нарратива:

³ *Прагматическая санкция* — законодательный акт 1713 г., гарантировавший передачу владений Австрийского дома в случае отсутствия мужского наследства — по женской линии. Вступил в силу со смертью Карла VI (1711–1740 гг.) и стал основой вступления в права его дочери Марии Терезии (1740–1780 гг.). В венгерской историографии XIX в. вопрос о последствиях признания Прагматической санкции обсуждался в контексте широкой научной и общественной дискуссии о последствиях для Венгрии вхождения в состав владений Австрийского дома (*прим. перев.*).

австрийская сторона говорила о предательстве, венгерская — о победе принципа национального волеизъявления.

Получив в 1925 г. статус столицы федеральной земли, Айзенштадт вскоре превратился в центр изучения истории Бургенланда. Для этого была нужна сеть институций, без которых немислима работа профессиональных историков: архив, библиотека, музей, журналы. Их предстояло создать без опоры на какую-либо традицию из-за отсутствия необходимых материалов, только на основе местных частных собраний. В федеральной земле в 1920–1930-е годы развернулся поиск новых источников: в историко-краеведческих журналах *Burgenland* («Бургенланд») и *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins* («Известия Общества охраны наследия Бургенланда») регулярно публиковались призывы редакции к читателям: выставить на обозрение или передать в музеи, архивы и библиотеки исторические артефакты (от мебели до дневников)⁴. Руководство федеральной земли обратилось к учителям с призывом написать истории своих населенных пунктов⁵. Поддержка частных лиц и общественных организаций в таких условиях обладала колоссальной значимостью; в Айзенштадте в 1926 г. открылся краеведческий музей, в основу которого легло частное собрание виноторговца и мецената Шандора (Александра) Вольфа (1871–1946)⁶. Земельные архив и библиотека находились в трудном положении, поскольку часть источников и книг осталась в частных коллекциях местных венгерских аристократов⁷, другая же часть — в архивах и библиотеках Венгрии. Характерно, что основанная в 1922 г. Земельная библиотека некоторое время работала как «служебная» и не выдавала книги по абонементу⁸. Неудивительно, что новая столица федеральной земли была вынуждена обращаться за помощью к Вене как за профессиональными консультациями, так и в поисках сотрудников.

⁴ О формировании локальной бургенландской идентичности см. двухтомник Мартина Кренна: Krenn 2014; Krenn 2016.

⁵ Palkó 2009: 210.

⁶ Только в сентябре-октябре 1926 г. недавно открытый музей принял 3,1 тыс. посетителей. В экспозиции были в основном представлены письменные памятники из Айзенштадта и Руста. Эти выборочные данные, возможно, дают понять, сколь важную роль в формировании региональной идентичности играли грамотно управляемые учреждения культуры. См.: Krenn 2014: 203–204.

⁷ Krenn 2014: 249–250. Об архиве князей Эстерхази в Айзенштадте см.: Ress 2004; Viskolcz 2019; Kunt 2019.

⁸ Krenn 2014: 256.

Вот несколько примеров: в 1927 г. музей возглавил выпускник Венского университета, антиковед Альфонс Барб (1901–1979)⁹, Земельный архив в Айзенштадте тесно сотрудничал с венским Государственным архивом, откуда получал и материальную, и профессиональную помощь¹⁰. Археологические находки из Бургенланда в 1920-е годы некоторое время хранились в Музее естественной истории в Вене, затем были перевезены в Винер-Нойштадт, поскольку на местах отсутствовала система хранения музейных артефактов¹¹. Земельная библиотека не раз выписывала книги из библиотеки Венского университета или Национальной библиотеки¹².

В 1927 г. в Бургенланде приступили к изданию двух краеведческих журналов: *Burgenland* поддерживал тесные связи с руководством провинции и стоял на принципах немецкого национализма, в то время как *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatsvereins* — печатный орган основанной Шандором Вольфом в 1925 г. общественной организации¹³ — не столько писал о вопросах национализма или оспаривал позиции венгров по национальному вопросу, сколько критиковал последствия индустриального роста, а редакторы исповедовали своего рода аграрный романтизм¹⁴. Финансирование журнала *Burgenland* было тесно связано с руководством провинции, *Mitteilungen*, напротив, располагал более скромными материальными возможностями,

⁹ Примечательно, что власти земли Бургенланд изначально хотели видеть на посту директора музея националиста Отто Ауля. Ш. Вольф сумел убедить местных политиков, что должность требует знаний в области древней истории и археологии, поэтому для нее лучше подходит А. Барб. См.: Krenn 2014: 205. Об истории музея, рассказанной его директором, см.: *Barb A. Die Museen der Hauptstadt des Burgenlandes // Österreichische Reisezeitung. 1931. IX 9–10.*

¹⁰ Например, Венское архивное управление (*Wiener Archivamt*) помогло в переговорах с частными архивами венгерских аристократов в Бургенланде: те не разрешили австрийским историкам составить описи фондов, поэтому у властей федеральной земли долгое время не было точного представления о фондах архива князей Эстерхази в Айзенштадте. Главная причина заключалась в крайней политизации архивного дела, и австрийских историков практически не допускали к работе в архивах Венгрии. См.: Krenn 2004: 250 (сноска 1356).

¹¹ Krenn 2004: 194.

¹² Krenn 2004: 257.

¹³ Изначально организация называлась «Айзенштадтское общество охраны наследия Бургенланда» (*Burgenländische Heimatschutzverein von Eisenstadt*), позднее имя города из названия убрали.

¹⁴ Об истории журналов в контексте культурной политики Бургенланда см.: Krenn 2004: 221–235.

потому что существовал на пожертвования и членские взносы¹⁵. Министерство образования Австрии материально поддерживало оба издания, и при распределении средств нередко возникали конфликты, потому что *Burgenland* обычно получал больше денег. В числе авторов *Mitteilungen*, помимо стоявшего на позициях венгерского национализма германиста Элемера Шварца (1890–1962), были историк искусства, тесно связанный с Шопроном и Айзенштадтом, Эндре/Андре Чаткаи (1896–1970) и учитель средней школы, любитель древностей Виктор Йованович (1878–1936). С журналом сотрудничал краевед Адольф Моль (1855–1939) из Шопрона, стоявший на непримиримых венгерских националистических позициях. Между двумя изданиями нередко случались стычки: *Burgenland* возмущался, что в *Mitteilungen* недостаточно критически относятся к венгерским трудам по истории. Соперничество завершилось в 1932 г. объединением двух журналов и созданием на их базе *Burgenländische Heimatblätter* («*Бургенландские отечественные листки*»), хотя, по сути, это практически означало ликвидацию *Mitteilungen*, и, справедливости ради, следует признать, что усиление регионального немецкого национализма в Бургенланде сопровождалось сужением разнообразия местных журналов. Далее я сосредоточусь на анализе исторических концепций краеведческих журналов, их авторах и спорах между ними, а также роли Айзенштадта в организации науки.

Консервативный журнал *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatsvereins*

Посмотрите вокруг там, где живете. Нет ли там чего-то, что привлекло бы Ваше внимание, или чего-то, что необходимо охранять?¹⁶

¹⁵ Seedorf 1918: 266–267.

¹⁶ Призыв «охранять» указывал на уже упомянутое явление: в 1920-е годы артефакты из Бургенланда часто оказывались в Вене. Общество охраны памятников, издававшее *Mitteilungen*, стремилось к тому, чтобы реликвии не покидали территории Бургенланда. См.: Krenn 2014: 195. Из-за скромных финансовых возможностей руководство общества не раз обращалось с просьбами к Министерству образования, прося у Вены материальной поддержки. В одной из служебных записок важность Общества обосновывалась так: «Бургенланд, где слой городской интеллигенции тонок, а основная масса населения федеральной земли живет в сельской местности, такого рода пропаганда особенно необходима» (цит. по: Krenn 2014: 228–229).

Будь то предмет храмовой утвари, маленький флюгер, что-то совсем крошечное, что сообщит нам нечто о чем-то большом?¹⁷

В призыве редакции *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins* к читателям прослеживается попытка включить «совсем крошечные» предметы, найденные на территории Бургенланда, в некие исторические смысловые рамки, при этом очевидно, что журнал придавал большее значение материальным объектам в сравнении с письменными источниками. В журнале регулярно печатались обзоры и рецензии, в том числе критические, о трудах по истории Бургенланда, изданных в Венгрии. Сначала их писали авторы из Венгрии, те же Эндре Чатки и Элемер Шварц. Авторы осторожно полемизировали друг с другом: Э. Шварц спорил с А. Барбом об изначальном значении топонима Айзенштадт (по-немецки *Eisenstadt* — «Железный город»). Шварц обратился к теме, чтобы развеять широко распространенное ошибочное мнение, будто город получил имя от расположенных неподалеку железорудных шахт (этой точки зрения придерживался Барб), а напоминал о прочности стен, окружавших город в Средние века¹⁸. Барб написал комментарий к статье Шварца, попутно выразив удивление, что подобная теория происхождения имени города была сочтена достойной публикации. Он также высказал гипотезу, что свою роль в выборе названия могли сыграть не только укрепленные стены, но и железорудные месторождения¹⁹. Впрочем, у этой этимологической полемики не было актуальных культурно-политических аспектов. В связи с переименованием Почендорфа (по-венгерски Почфалу) Шварц обрушился с критикой на земельные власти Бургенланда. Поводом послужило то, что в 1929 г. поселение официально переименовали в Розендорф, поскольку с прежним именем, и венгерским, и немецким, было связано много шуток²⁰. Историк заявил, что топонимика — это «становой хребет отечества», его возмутила позиция австрийских властей:

¹⁷ Aufruf // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1927/1928. Bd. 1–2. № 1–2. S. 2.

¹⁸ *Schwartz E.* Eisenstadt // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1928. Bd. 1. № 2. S. 64–65.

¹⁹ *Barb A.* Kommentar // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1928. Bd. 2. № 1. S. 65–66.

²⁰ Название города ассоциировалось с венгерским словом *pöcs* и немецким *Potsch*, означавшими мужской половой орган.

прежнее название отсылало к венгерскому, напоминавшему о том, что в Средние века город окружало болото²¹. В работе о легендах, повествовавших о топонимике населенных пунктов, он был более категоричен. Историк полагал, что для народа «полезнее» избегать «иностранины» и держаться исконных географических названий. В идеале топонимы раскрывают «секреты» о народе²².

Эндре Чаткай вплоть до 1932 г. опубликовал на страницах *Mitteilungen* ряд статей по истории края. В 1928 г. он написал о турецком походе 1683 г. и особо подчеркнул его разрушительные последствия для памятников культуры и сельского ландшафта современного Бургенланда. По его мнению, год осады Вены османами с точки зрения истории искусства стал рубежным, поскольку война принесла с собой гибель средневековой архитектуры: новые здания возводились уже в стиле барокко²³. Примечательно, что хотя автор статьи осуждал разрушения, произведенные турецко-татарским войском, но в отличие от большинства бургенландских историков, он не пулся в цивилизационные рассуждения о якобы культурной неполноценности турок.

Чаткай не раз возвращался к своей любимой теме — театру. В связи с историей театра в Кишмартоне/Айзенштадте он прежде всего сожалел о том, что театральная культура практически исчезла со второй половины XIX в., когда местные театралы по железной дороге могли легко доехать и до Шопрона, и до Вены²⁴. Помимо истории театральной культуры его особенно интересовала история музыки, и писал он не только о таких великих именах, как Йозеф Гайдн (1732–1809) и Ференц Лист (1811–1886). Он стремился писать об истории музыки так, чтобы Кишмартон/Айзенштадт знали не только благодаря Гайдну, но и связывали город с именами других музыкантов²⁵.

²¹ *Schwartz E.* Pötschendorf — Rosendorf // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1929/1930. Bd. 3. № 3–4. S. 30–31.

²² *Schwartz E.* Burgenländische Ortsnamensagen // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1929/1930. Bd. 3. № 3–4. S. 34–38.

²³ *Csatkai A.* Das nördliche Burgenland und Wiens Belagerung durch die Türken im Jahre 1683 // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1928. Bd. 2. № 4. S. 85–87.

²⁴ *Csatkai A.* Beiträge zu einer Eisenstädter Theatergeschichte // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1930. Bd. 3. № 3–4. S. 41–49.

²⁵ *Csatkai A.* Beiträge zur Geschichte der Musikkultur in Eisenstadt // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins.* 1931. Bd. 5. № 2. S. 21–27.

Иногда историк публиковал источники, посвященные визитам Габсбургов в «Бургенланд», прежде всего — газетные заметки. Вообще, австрийская и собственно бургенландская историография относились к Австрийскому дому неоднозначно, поскольку немецкие националисты считали, что его члены слишком многое позволяли князьям Эстерхази и венгерским сословиям. Чаткай не разделял этих взглядов: он писал о соперничестве Габсбургов и Эстерхази в сфере придворной роскоши, хотя, по его мнению, «борьба» проходила под знаком взаимного уважения и способствовала процветанию искусств в Кишмартоне/Айзенштадте²⁶. Характерным примером осторожности Чаткай может служить написанная в 1931 г. короткая рецензия на книгу историка архитектуры Енё Радоша (1895–1892) «Венгерские дворцы»²⁷. После хвалебного вступления автор отстраненно и лаконично заметил, что Радош не принял во внимание «сегодняшние» политические границы и находящийся в Айзенштадте дворец Эстерхази причислил к венгерским дворцам²⁸.

Обращаясь к историческим сюжетам, журнал пытался оживить местный туризм. Ш. Вольф написал статью о создании в Кишмартоне в 1670 г. еврейского гетто: прослышав про плодородный край, туда стали массово переселяться евреи из Вены. Не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что Эстерхази предложили им защиту от гонений. В конце исторического очерка автор обратился к современности, подчеркнув, что сохранившееся в Айзенштадте гетто — одна из достопримечательностей Бургенланда, не имеющая аналогов в мире, поэтому его следует сохранить в неприкосновенности, не подвергая перестройкам²⁹. Виктор Йованович написал о средневековых надгробиях на кладбище приходской церкви Айзенштадта и сравнил прогулку по кладбищу с путешествием в историю³⁰.

²⁶ *Csatkai A.* Die Habsburger in Eisenstadt // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1931. Bd. 5. № 3. S. 41–49.

²⁷ *Rados J.* Magyar kastélyok. Budapest: Műemlékek Országos Bizottsága, 1931. 238 old.

²⁸ *Csatkai A.* [Recenzió] Rados Jenő: Ungarische Schlösser, 1931 // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1931. Bd. 5. № 4. S. 83.

²⁹ *Wolf S.* Das heutige Eisenstädter Ghetto. Eine Gründung der Wiener Exilanten des Jahres 1670 // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1928. Bd. 2. № 1. S. 69.

³⁰ *Jovanovich V.* Mittelalterliche Grabsteine in der Eisenstädter Pfarrkirche // Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins. 1931. Bd. 4. № 1–3. S. 19–21.

О Йовановиче, написавшем ряд статей для *Mitteilungen*, можно сказать, что для его небольших по объему статей в меньшей степени характерны пронемецкие националистические взгляды, хотя время от времени он писал исследования в подобном духе для изданий, стремившихся утвердить бургенландскую идентичность. Подробного анализа заслуживает написанное в 1927 г. эссе об истории Айзенштадта³¹. «Еще десять лет назад об Айзенштадте мало кто знал. Венгерское господство не способствовало тому, чтобы город пробудился ото сна»³². По мнению автора, современный облик города сформировали две исторические константы: «немецкое бюргерское сознание» и «властолюбивые князья»³³. Йованович начал исторический анализ с древнеримской эпохи и, рассмотрев разорительные набеги гуннов и аваров, подчеркнул, что первые германские поселения появились здесь во времена Карла Великого, но затем их оттеснили появившиеся в 907 г. мадьяры. «И только после 955 г., со второй волной переселенцев, край приобрел немецкий облик»³⁴. В трудах Йовановича прозвучал вопрос, который волновал историков, изучавших историю Айзенштадта: кому город обязан расцветом: немецкому «народу» или венгерским магнатам Эстерхази? Автор утверждал, что пик развития города пришелся на XVIII в. и расцвет связан с двором князей Эстерхази. Но венгерские аристократы ни гроша бы не стоили без музыкального гения Йозефа Гайдна: «О сути немецкого Айзенштадта и округи нам больше, чем тысяча слов, расскажет музыка Гайдна. Из этого следует, что Айзенштадт — это Гайднштадт»³⁵. Превращение венгерского Кишмартона в совершенно немецкий город пошло ему на пользу: «Жажда жизни и жизнерадостность — вот основные аккорды, звучащие в ритме городского пейзажа»³⁶.

***Burgenland* — журнал с яркой националистической окраской**

В полемическом диалоге с *Mitteilungen* находился журнал *Burgenland*. Первое, что обращает на себя внимание в связи с соци-

³¹ *Jovanovich V.* Eisenstadt im Burgenlande // Österreichische Monatshefte "Der Fährmann". 1927. Jg. 4. Sonderheft Burgenland. S. 333–336.

³² Ibid. S. 333.

³³ Ibid. S. 334.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. S. 335.

³⁶ Ibid. S. 336.

альным профилем авторов: для *Mitteilungen* писали преимущественно проживавшие в Бургенланде краеведы и педагоги (одни родились в этих краях и позднее их покинули, другие продолжали жить и работать на малой родине), в *Burgenland* публиковались многочисленные историки, географы, литературоведы, музыковеды и этнографы из Вены. Как следствие, авторский коллектив *Burgenland* был междисциплинарным по характеру, но в то же время немецкая националистическая риторика звучала на страницах журнала громче. В редакторском предисловии первого номера подчеркивалось, что журнал желал бы стать «мостом», соединяющим Бургенланд с институтами за пределами федеральной земли и своей деятельностью привлечь внимание всей немецкой нации. Заголовок «Наши воля и путь» (*Unser Wille und Weg*) оказался решительнее и воинственнее, чем редакторский «Призыв» (*Aufruf*) в *Mitteilungen*³⁷. В первом номере была опубликована статья венского музыковеда Альфреда Шнериха (1859–1944) о связях Гайдна с Айзенштадтом. Из рассуждений Шнериха следовало, что историческая память может сообщить нечто важное для дня сегодняшнего:

Нет сомнений, что созданное гением Гайдна будет жить в веках. Хочется надеяться, что к тому времени (1932 г. — год Гайдна. — *Л. Д. Т.*) памятник будет завершен, а надгробие отреставрировано. Памятник нужен не великому мастеру, а нам и нашей стране, которая стоит перед лицом серьезных вызовов. У нас многое отняли, но нас не смогут лишить нашей знаменитой традиции, если мы сами ее сохраним. Именно поэтому нам важно сделать все возможное, чтобы сохранить и развить искусство в народных массах³⁸.

То, что политика памяти относилась к приоритетам журнала, ясно следует из большого числа статей, посвященных зданиям и местам памяти Айзенштадта. Ш. Вольф и здесь опубликовал заметку о еврейском гетто, написанную, однако, в гораздо более злободневном тоне, чем та, что появилась на страницах *Mitteilungen*. Историк предположил, что «политическую независимость» гетто (у евреев Кишмартона/Айзенштадта был свой бургомистр, и они считались единственной самоуправляющейся еврейской общиной

³⁷ Unser Wille und Weg // *Burgenland*. 1927. Bd. 1. № 1–2. S. 1–2.

³⁸ Schnerich A. Haydn-Gedenkstätten in Eisenstadt // *Burgenland*. 1927. Bd. 1. № 1–2. S. 21.

Австрии) целесообразно сохранить на будущее³⁹. Историческую политику журнала *Burgenland* определяли в первую очередь Генрих Куннерт (1904–1979) и Отто Ауль (?–1943): именно ими написано большинство полемизирующих с венгерской историографией статей.

Генрих Куннерт родился в нижнеавстрийском Мёдлинге, там окончил гимназию, где историю ему преподавал Виктор Йованович. Именно учитель пробудил в юноше интерес к истории «Бургенланда»⁴⁰. Куннерт изучал историю и географию в Венском университете, знание венгерского языка позволило ему ознакомиться с трудами историков по другую сторону государственной границы⁴¹. Он занимал должность земельного комиссара по делам библиотек и архивов, и с точки зрения вклада в науку был самой значительной фигурой среди историков-краеведов Бургенланда в период между двумя мировыми войнами. Налаживание архивной службы оказалось задачей не из легких. Куннерт приложил немало усилий, чтобы в федеральной земле публиковались ранее неизвестные источники по истории края. В рамках совместной акции Общества охраны наследия, музея и местного руководства он разослал во все значимые, обладающие статусом юридического лица институции (школы, приходы, полицейские участки) запрос, располагают ли они письменными источниками для земельного архива?⁴² Так

³⁹ *Wolf S.* Das Ghetto in Eisenstadt, sein Friedhof und seine Altertümer // *Burgenland*. 1928. Bd. 2. № 1. S. 118.

⁴⁰ Идеализированную биографию Куннерта, написанную с позиций австрийского национализма, см.: *Probst* 1969. Автор сделал акцент исключительно на положительных сторонах жизни и деятельности историка, значительную часть его трудов считал не утерявшими значения в 1969 г. Благодаря Куннерту, по мнению Ф. Пробста, Бургенланд освободился от изоляции и провинциализма (*Probst* 1969: 9). Современные историки М. Кренн и К. Шперль подошли к научной карьере Куннерта с более критических позиций. См.: *Sperl* 2011.

⁴¹ Для взглядов Куннерта на историю было характерно убеждение, что в «Бургенланде» немцы жили уже тогда, когда ни один венгерский всадник еще не ступил на территорию края. Битву 955 г. на р. Лех близ Аугсбурга, когда мадяры были разбиты войсками германского короля Оттона I (936–973 гг.), он считал победой западной культуры над язычеством. См.: *Krenn* 2014: 287.

⁴² Подобные циркуляры в то время не были редкостью. В 1919 г. архивист Енё Хази по другую сторону границы призвал жителей Шопрона сдавать в архив имеющиеся у них письменные источники. 23 октября 1936 г. Хази в письме сообщил Иштвану Сабо: «Сразу после падения коммунистов я через газету обратился к горожанам с призывом передать архиву имеющиеся у них ценные рукописи. Публикация осталась без ответа. Где-то год спустя, без всякой связи с той инициативой, вдова Енё Артнера

удалось собрать множество документов, в основном по истории XV–XVI вв. До 1931 г. они хранились в музее, где уже не хватало свободных помещений для их размещения и старой из-за недофинансирования ненадежной системы противопожарной безопасности⁴³. Куннерт придавал исключительное историко-политическое значение собранным материалам: с помощью исторических документов (прежде всего книг записи актов гражданского состояния) он хотел доказать, что население «Бургенланда» несмотря на венгерскую государственную принадлежность веками могло сохранять свой немецкий характер⁴⁴. Особенно трудно давалась инвентаризация частных архивов венгерских аристократов. В Гюссинге (прежнем Неметуйваре) руководство архива графов Баттяни отказало австрийским архивистам в доступе к фондам, так что власти федеральной земли задумались, не прибегнуть ли к помощи полиции. О фондах архива князей Эстерхази у руководства Бургенланда не было ни малейшего представления вплоть до 1938 г.⁴⁵ В этой связи становится понятной заметка о сложностях и трудностях в архивном деле, напечатанная Куннертом в 1929 г. в журнале *Burgenland*⁴⁶.

передала нам семейный архив, несколькими годами позже удалось убедить руководство местных коммерсантов и обувщиков расстаться с их архивом. Поскольку в бюджете архива в год на подобные цели выделяется 1,2 тыс. пенгё, эта сумма идет не только на покупку книг для библиотеки архива или переплета книг, но и на покупку ценных рукописей, относящихся к истории Шопрона» (цит. по: Dominkovits 1996: 122).

⁴³ Krenn 2014: 248.

⁴⁴ Krenn 2014: 249.

⁴⁵ Krenn 2014: 252.

⁴⁶ Куннерт обобщил опыт, накопленный в 1920-е годы. Тогда он запрашивал в разных архивах информацию о материалах, имеющих отношение к истории края. В 1923 г. он письменно обратился к молодому Иштвану Хайналу (1892–1956), архивариусу княжеского архива в Айзенштадте (в будущем известному историку), и попросил список работ, посвященных истории города. Хайнал ответил вежливым подробным письмом, где дал список работ, написанных по интересующей Куннерта теме, подчеркнув, что пока не ознакомился с ней в полной мере. См.: Burgenländisches Landesarchiv, Eisenstadt. A-XXVIII-29 Nachlass Heinrich Kunnert. Istvan Hajnal an Heinrich Kunnert, Eisenstadt, 12. okt. 1923. В 1920–1921 гг. Хайнал был стипендиатом недавно созданного Венгерского исторического института в Вене. Вместе с Элемером Маюсом (1898–1989) он стал одним из первых венгерских историков, находившихся в австрийской столице в таком качестве. По окончании стажировки он вернулся в Венгерский государственный архив на должность младшего архивиста. В поисках работы Хайнал вновь оказался недалеко от Вены: в 1922 г. он получил должность княжеского архивариуса в Айзенштадте. Отвечая Куннерту, молодой архивист не кривил душой: ему действительно требовалось время, чтобы основательно ознакомиться с исторической литературой по теме.

Он начал с заявления, что Бургенланд в сравнении с другими федеральными землями Австрии находится в исключительном положении: «В случае Бургенланда речь не идет об исторически сложившейся территории», в то время как административные границы других австрийских федеральных земель сформировались много веков назад⁴⁷. Поводом для оптимизма служило поступление в ответ на призывы в адрес земельных властей множества рукописей, что, по мнению Куннерта, опровергало гипотезу, что в Бургенланде нет архивных материалов. Одновременно он настаивал на открытии манориальных архивов, поскольку вопрос о закладе земельных владений⁴⁸ мог быть разрешен только на основании анализа хранившихся там источников⁴⁹. Куннер не раз писал для журнала критические обзоры и рецензии. В 1929 г. он проанализировал ряд венгерских журналов (например, *Deutsch-ungarische Heimatblätter* («Немецко-венгерские отечественные листки»)) и газетных статей, полемизируя с авторами, которые вели речь о «так называемом Бургенланде». Этот оборот как с «общенациональной», так и с «научной» точек зрения историк считал неприемлемым. Далее, он высказывал предположение, что венгерские статистические данные о национальном составе королевства конца XIX — начала XX в. следует использовать с осторожностью из-за возможных искажений⁵⁰. Куннерт писал не только об архивном деле, но и о состоянии библиотек в федеральной земле. Подготовленная в 1930 г. короткая статья интересна тем, что в ней он хвалил не фонды австрийских книжных собраний, но сотрудничество с немецкими городами — Мюнхеном, Лейпцигом, — поскольку из Германии в бургенландские библиотеки поступали специализированные журналы⁵¹.

⁴⁷ Kunnert H. Burgenländische Archivfragen // Burgenland. 1929. Bd. 2. № 4. S. 196.

⁴⁸ Согласно пользующемуся популярностью бургенландскому историческому нарративу, семь имений, заложенных Габсбургам в 1447–1647 гг. и затем в разное время вернувшихся под власть венгерской короны — Сарвкё/Хорнштайн, Бороштянкё/Бернштайн, Кишмартон, Фракно/Форхтенштайн, Каболд/Коберсдорф, Кёсег, Рохонц/Рехниц — можно считать предтечей Бургенланда на том основании, что они находились под юрисдикцией Венской казенной палаты. Венгерская историческая наука регулярно оспаривала это утверждение, поскольку заклад был частноправовым, а не публично-правовым актом. Вопрос по сей день не имеет однозначного ответа.

⁴⁹ Ibid. S. 198.

⁵⁰ Kunnert H. Neuere Arbeiten zur Landeskunde des Burgenlandes // Burgenland. 1929. Bd. 2. № 4. S. 201.

⁵¹ Kunnert H. Die Burgenländische Landesbibliothek im Jahre 1929 // Burgenland. 1930. Bd. 3. № 2. S. 53–54.

Полемика между журналами

Полемика с концепцией журнала *Mitteilungen* не заставила себя ждать: в 1930 г. Отто Аульц написал подробную работу с критикой конкурирующего журнала. По поводу статьи Э. Шварца об истории поселений он заметил, что их немецкая топонимика всегда у историка оказывается венгерского происхождения. В статье А. Моля его возмутило, что автор назвал владения, отошедшие к Австрии, «заложными именными» (то есть землей, переданной должником во владение и пользование кредитора). Аульц, напротив, утверждал, что земли, перешедшие под власть Габсбургов в XV в., за исключением Фракно и Патфалу, были невозвратными залогами, и только венгры беспрестанно говорили о «залоге», преследуя политические цели возврата владений. Статья завершалась критическим замечанием, что эта и подобные враждебные австрийцам публикации омрачают радость от выхода в свет нового журнала *Mitteilungen*⁵². Редакция опубликовала открытое письмо, чтобы защитить себя от нападок. По мнению ее членов, не следовало забывать, что *Mitteilungen*, как и журнал *Burgenland*, ставит перед собой «высокие цели» («защита немецкого отечества»), поэтому критику в их адрес следовало высказывать

⁵² Aull O. [Recenzió] *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins // Burgenland*. 1930. Bd. 3. № 2. S. 64. В 1930 г. у Аульца вышла в свет пространная статья, в которой он обратился к истории взаимоотношений Австрии и Венгрии. В ней был детально рассмотрен «вопрос о залоге». Хотя в каждой строчке сквозят пронемецкие националистические убеждения автора (например, о плебисците в Шопроне он написал как о «безумии»), историк старался комплексно подойти к вопросу о переходе западно-венгерских владений к Габсбургам: по его мнению, правовое положение владений в XV в. можно трактовать по-разному, поэтому в крайнем случае, куда относилась та или иная территория, определялось позицией приграничных землевладельцев. Кроме того, Аульц оставил лазейку для венгерской историко-национальной аргументации: он первым высказал гипотезу, что венгерский королевский титул Габсбургов мог послужить основой для более позднего аргумента венгерских сословий (выдвинутого в XVI и XVII в.), что «заложными» территории на самом деле все время находились под венгерским королевским суверенитетом (ведь Габсбурги были также венгерскими королями), а значит, никогда не переходили в «австрийское» владение. Из этого следовало, что, в зависимости от толкования, существовали и австрийские, и венгерские правовые основания на спорные владения. См.: Aull O. *Die politische Beziehungen zwischen Österreich und Ungarn, in ihrer Auswirkung auf das Burgenland (bis 1918) // Burgenland*. 1930. S. 105–106; ср.: Bariska 2007: 15–18. В этой связи интересно отметить, что в дискуссии с авторами *Mitteilungen* Аульц был гораздо менее снисходителен к расхождению в интерпретациях.

в ином тоне⁵³. Отто Ауль не стал стоять в стороне и спустя некоторое время опубликовал ответ на страницах *Burgenland*. По его утверждению, он с радостью прочел, что журнал *Mitteilungen* тоже служит «Бургенланду», но появились новые поводы для критики, потому что в некоторых статьях «тысячелетний немецкий характер Бургенланда ставится под вопрос». Объектом критики вновь оказался А. Моль, написавший в положительном ключе о Миклоше Эстерхази (1765–1833). В этой связи Ауль подчеркнул, что Эстерхази служил не интересам «бургенландского народа» или Австрии, но преследовал личные экономические интересы. Работы Чаткай, напротив, вызвали у Ауля только хвалебные характеристики, о нем он не написал ничего критического⁵⁴.

Полемика журналов *Burgenland* и *Mitteilungen* вызвала отклики и на венгерской стороне границы. Э. Шварц в 1929 г. посвятил ей обзор в журнале *Ethnographia* («Этнография»). По его мнению, Общество охраны наследия «изучало историю Бургенланда и его народа не для того, чтобы заявить права на новую территорию, но ради самой родины». О журнале Общества он написал, что «их публикации отличает объективность, и если иногда всплывает болезненный шовинизм, это чувствуется между строк». О *Burgenland* мнение Шварца было резко отрицательным: «В противовес этому журналу (*Mitteilungen*. — Л. Д. Т.) наследники чужестранных племен, которые еще до аннексии вступили в конфликт с древней родиной, основали журнал под названием *Burgenland*»⁵⁵. Патриот малой родины, судья и ботаник-любитель из Сомбатхея Дюла Гайер в столичной *Hírlap*

⁵³ In eigener Sache // *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*. 1930. Bd. 4. № 1–3. S. 29. Членами редакции *Mitteilungen* были А. Барб, Франц К. Франхи (1896–1972) и Фридрих Ломанн. Франхи — немецкий писатель, родившийся в Трансильвании, который в 1922 г. получил австрийское гражданство. До 1931 г. он преподавал в Айзенштадте, затем переехал в Вену, где зарабатывал на жизнь вольным писательским трудом. Ломанн был инженером и работал в градостроительном отделе земельной администрации. См.: Seedorf 1981: 266; Krenn 2014: 294.

⁵⁴ Aull O. [Recenzió] *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*.

⁵⁵ Schwartz E. A Burgenland néprajzi folyóiratának iránya // *Ethnographia*. 1929. 39. évf. № 1. 180–181. old. Упоминание «приехавших с чужбины» основателей журнала говорит о том, что в числе авторов *Burgenland* изначально было много экспертов и публицистов из Вены или Граца. Еще одна публикация, в которой автор полемизировал с журналом, см.: Schwartz E. Objektív helynévkutatás // *Magyar Nyelv*. 1930. № 27. 205–206. old.

(«Газета») выступил против Отто Аулля⁵⁶. Автор коротко пересказал суть полемики *Burgenland* и *Mitteilungen*, подчеркивая, что Ауллер — «мадьярофоб» и пристрастен, в то время как Барб — более объективен и его исследования более ценные. По мнению Гайера:

[Ауллер] не знает о праве венгров Бургенланда использовать венгерские топонимы и строго отчитывает за это редакцию *Mitteilungen*. Он критикует Адольфа Моля, каноника из Дёра, выходца с территории современного Бургенланда⁵⁷, за то, что тот в историческом исследовании написал, будто некоторые города нынешнего Бургенланда были “заложены” иностранцам, и даже заходит так далеко, что в своей террористической критике, что бросает дёрскому канонику (!) Молю: “Только немец может так забыться”⁵⁸.

Отто Ауллер ответил Гайеру на страницах газеты *Der freie Burgenländer* («Свободный бургенландец») и призвал создать независимую комиссию историков для разрешения их спора. Он отметил, что многие авторы выражают критические взгляды на пагубную для Бургенланда многовековую политику «мадьяризации», на тех же позициях стоят многочисленные сотрудники издания (например, Генрих Куннерт), поэтому несправедливо, что Гайер сосредоточился только на нем⁵⁹. Инициатива создания независимой комиссии историков заслуживает того, чтобы процитировать ее дословно:

Я бы покорно предложил, чтобы весь материал, то есть все мои исследования и записи, наконец, само это открытое письмо были переданы такому *независимому историку*, который хорошо знаком с историей Габсбургской империи и государств-наследников, мог бы *в качестве арбитра оценить* правомерность Вашей критики, когда Вы утверждаете, что я выступаю против Венгерского королевства и венгерского народа. Смею надеяться, что в интересах культурного примирения, к которому Вы призываете, и я в полной мере разделяю Ваш порыв, Вы примете мое предложение и опубликуете гарантии

⁵⁶ *Gáyer Gy. Ausztria és Burgenland. Aull Ottó hamis vádja a nyugatmagyarországi felkelők ellen // Budapesti Hírlap. 1930. 28 XII: 5.*

⁵⁷ Адольф Моль родился в 1855 г. в г. Лёвё, ныне относящемся к западному Задунавью. Неясно, ошибался Гайер или в качестве примирительного жеста отнес поселение к территории Бургенланда, подчеркивая тем самым (расширительным толкованием термина «Бургенланд») общие австрийско-венгерские корни.

⁵⁸ *Gáyer Gy. Ausztria és Burgenland. 5. old.*

⁵⁹ *Aull O. Offener Brief an Herrn Privatdozenten Dr. Julius Gayer // Der freie Burgenländer. 1931. 25 I: 3.*

на страницах *Budapesti Hírlap*. В случае согласия прошу известить меня письмом до конца месяца⁶⁰.

Гайер ответил не через *Budapesti Hírlap*, а через *Soproni Hírlap* («Шопронская газета»), перенеся спор из национального печатного органа в газету приграничной территории.

В одном из декабрьских номеров *Budapesti Hírlap* я высказался о последовательно антивенгерской позиции редактора одного журнала соседнего Бургенланда (официального рупора бургенландской культурной жизни) — Отто Аулля, учителя из Винер-Нойштадта. Он ответил мне на страницах запрещенной в Венгрии газеты *Der freie Burgenländer* и оспаривает обвинение в *“Madjarenfeindlichkeit”* (мадьярофобии. — *Д.Л.Т.*), наконец, он предложил передать вопрос на рассмотрение какого-нибудь независимого историка. <...> Сначала О. Аульль предложил обратиться в Прагу и Загреб, затем к историку любого другого нейтрального государства, за исключением Италии (Америка, Англия и т.п.). Но поскольку он придерживался позиции, что арбитр должен дать заключение *не об истинности или ложности утверждаемых им исторических фактов, а о том, был ли тон, в котором он писал, уместен или нет*, моя позиция была такова, что нет необходимости консультироваться с людьми из далеких краев, знающих о здешних реалиях из односторонних источников, поскольку ученых мужей, способных высказать взвешенное суждение о тоне Отто Аулля, гораздо проще найти в радиусе Шопрон — Кишмартон. Пусть он со своей стороны назначит кого-то, и я тоже назначу, а эти два господина пусть выберут третьего. Эта комиссия и рассмотрит дело. Я уже указывал на то, что такого понятия, как “Бургенланд”, до недавнего времени не существовало, “Западной Венгрии” как понятия тоже не было, и поэтому даже среди австрийских и венгерских историков нелегко найти человека с независимым мнением о прошлом именно этой области. Что касается историков из других государств, это просто невозможно. Отто Аульль, который в газете *Freie Burgenländer* уже совершенно произвольно сопоставлял мои критические замечания с цитатами из своих статей, теперь публикует в бургенландской прессе заявление о том, что я отказался от арбитражного разбирательства по этому делу. *Он ни словом не упоминает, что я ответил на его предложение аргументированным контрпредложением и что он отклонил его без объяснения причин*⁶¹.

⁶⁰ Aull O. Offener Brief an Herrn Privatdozenten Dr. Julius Gayer. S. 4. Курсив О. Аулля.

⁶¹ *Gáyer Gy. Végső szó egy burgenlandi szerkesztőhöz // Soproni Hírlap. 1931. 29 III.* 2. Курсив О. Гайера.

Полемика Гайера и Ауля в высшей степени показательна: из нее становится ясно, какие исторические концепции распространялись или должны были распространяться в широких кругах любителей истории. Интересно, что Гайер, имевший опыт работы в судопроизводстве, был не первым, кто сочетал аргументацию историка и судьи, хотя он не исключил идею создания независимого жюри. Я процитировал пространный ответ Гайера потому, что он демонстрирует запрос на компетентность: кто в австрийско-венгерской исторической полемике мог законно выражать свое мнение по спорным историческим вопросам? Достоинно внимания рассуждение Гайера, что «нейтральность» или географическая удаленность не всегда означают объективность, ведь историк из третьей страны, при всей его нейтральности, может элементарно не знать историю обсуждаемого приграничья. Те же, кого история края касается непосредственно, в силу вовлеченности в данный круг проблем не могут быть в полной мере беспристрастны или нейтральны: выходило, что роль судьи могла взять на себя только группа историков⁶².

***Burgenländische Heimatblätter* — новый влиятельный форум историков**

Спор, разгоревшийся между двумя бургенландскими журналами, стал заключительным аккордом в и без того полной трудностей истории журнала *Mitteilungen*: в 1927–1931 гг. в свет вышло пять номеров, в 1932 г. по политическим и финансовым причинам он прекратил существование, поглощенный журналом *Burgenland*. Так появилось новое издание *Burgenländische Heimatblätter* с новым составом редакции. Были созданы две редакционные коллегии: узкая и расширенная. Вторая состояла из восьми человек, включая представителей руководства федеральной земли, в их числе Пауль Айтлер⁶³ и отвечавший

⁶² Здесь уместно провести параллель с дискуссией дебреценского историка Иштвана Ругонфалви-Киша (1881–1957) и Дюлы Секфю (1883–1955) об оценке трансильванского князя Габора Бетлена (1580–1629), разворачивавшейся примерно в то же время, что и полемика Ауля с Гайером. Ругонфалви инициировал созыв независимой исторической комиссии, чтобы та решила, кто из них лучший историк, он или Секфю. Профессиональное сообщество, мягко говоря, проигнорировало призыв Ругонфалви, на этом все закончилось, см.: Erős 2016.

⁶³ См.: Eitler P. Die Entdeckung des Burgenlandes // Österreichische Monatshefte. 1927. Bd. 4. Sonderheft Burgenland. S. 295–296.

за народное просвещение Рудольф Дешант (1892–1974), в первую вошли собственно члены редакции: Г. Куннерт, А. Барб и К. Крич⁶⁴. О. Ауль покинул редакцию, поскольку не мог в полной мере участвовать в ее работе, продолжая учительствовать в Винер-Нойштадте⁶⁵. В новом составе редакции связь журнала с руководством федеральной земли стала прочнее, выход Г. Куннерта на ведущие позиции означал укрепление немецкой националистической ориентации. Впрочем, эта линия не стала ни единственной, ни доминирующей. Примечательно, что, несмотря на редакционно-кадровые изменения, в числе авторов *Burgenländische Heimatblätter* встречались авторы, занимавшие венгерскую национальную или нейтральную позицию. Поразительно, что после горячих споров А. Моль опубликовал на страницах журнала статью о бургенландских хорватах. Правда, она была сдержанной по тону и не содержала открытых историко-политических заявлений⁶⁶. В. Йованович написал статью о торжественном вступлении князя Пала Антала Эстерхази (1786–1866) в 1834 г. в должность фёйшпана (главы) комитата Шопрон, в которой исключительно высоко оценил роль княжеского рода в истории Айзенштадта⁶⁷. Журнал по-прежнему проявлял интерес к исследованиям по еврейской теме⁶⁸, на его страницах увидело свет исследование Леопольда Мозеса, историка и архивиста из Вены, об опубликованных источниках по истории еврейской общины Айзенштадта в XVI в.⁶⁹ В числе

⁶⁴ Уроженец Кишмартона/Айзенштадта, Карл Крич был ремесленником в Вене, затем стал видным деятелем в сфере охраны памятников в Бургенланде, по его инициативе в 1935 г. в Айзенштадте был создан Музей Гайдна.

⁶⁵ Seedoch 1981: 275.

⁶⁶ Mohl A. Die burgenländischen Kroaten 1533–1933 // *Burgenländische Heimatblätter*. 1933. Bd. 2. № 3–4. S. 189–191.

⁶⁷ Jovanovich V. Die feierliche Installation des Fürsten Paul Esterházy in Eisenstadt (1834) // *Burgenländische Heimatblätter*. 1934. Bd. 3. № 1. S. 10–12.

⁶⁸ Интересен факт, что в 1931 г. редакция журнала, тогда еще издававшегося как *Burgenland*, отклонила статью, написанную Альфредом Фюрстом, членом еврейской общины Айзенштадта. О. Ауль в письме Г. Куннерту пояснил, что причиной отказа стала вовсе не локальная история евреев, рассматриваемая Фюрстом (хотя показательно, что этот вопрос был поднят), а то, что автор писал об известных вещах, и таким статьям место в «ежедневной газете», а не в его (Ауля) журнале. См.: *Burgenländisches Landesarchiv, Eisenstadt. A-XXVIII-29 Nachlass Heinrich Kunnert. Otto Aull an Heinrich Kunnert*, 19. Sept. 1931. Письмо также свидетельствует о растущем профессиональном уровне журнала, о том, что редакция отделяла *Burgenland* от чистой публицистики.

⁶⁹ Moses L. Eisenstädter Juden im 16. Jahrhundert // *Burgenländische Heimatblätter*. 1938. Bd. 3. № 3–4. S. 67–71.

авторов как *Burgenland*, так и *Burgenländische Heimatblätter* регулярно встречался стремившийся к объективности Э. Чаткаи. Он работал по обе стороны границы, то в Айзенштадте, то в Шопроне, и, конечно, знал о противостоянии изданий *Mitteilungen* и *Burgenland*, и продолжал посылать статьи в оба журнала потому, что, как он позже написал в мемуарах, «как иностранному гражданину», ему приходилось быть в Австрии особенно осторожным, иными словами, он не хотел навлечь на себя гнев националистических кругов Бургенланда⁷⁰.

В то же время действительно значимые теоретические и историко-политические манифесты для журнала писали ученые, выступавшие против венгерских национальных исторических нарративов. Постоянно оппонировал венгерским авторам историк-краевед Ханс Карнер, занимавшийся историей поселений. В 1934 г. он опубликовал исследование о демографическом развитии трех западвенгерских комитатов (Шопрон, Мошон, Ваш), используя труды венгерских историков по теме. Карнер установил, что в 1843–1910 гг. немецкое население этих комитатов постепенно убывало, но происходило это преимущественно в городах. Именно поэтому, пришел к выводу историк, необходимо анализировать не только статистические данные, но и географические условия и данные ономастики (фамилии). При переписи населения⁷¹ респонденты отвечали не на вопрос о национальной принадлежности, но о языке, на котором они говорили лучше всего⁷². История бургенландского крестьянства занимала в тематике журнала почетное место. В 1935 г. Бернхард Ханс Циммерман (1904–1993) опубликовал в *Heimatblätter* критическую рецензию на книгу под редакцией Дежё Сабо (1882–1966) «История регулирования крестьянских повинностей при Марии Терезии»⁷³. Он отметил, что в Венгрии столь фундаментальные исследования «встречаются не часто», поэтому выход в свет книги Сабо — явление отрадное. Циммермана особо интересовали крестьянские восстания

⁷⁰ *Csatkai E.* Irodalmi tevékenységem története (1956) // Soproni Szemle. 2014. 68. évf. № 2. 200. old.

⁷¹ Подробнее о методиках переписи населения в Венгрии на русском языке см.: Папп 2016 (*прим. перев.*).

⁷² *Karner H.* Materialien zu einer Geschichte der Bevölkerungsentwicklung in den drei Westkomitaten Altungarns // *Burgenländische Heimatblätter*. 1934. Bd. 3. № 1. S. 18.

⁷³ См.: *A magyarországi úrbérrendezés története Mária Terézia korában / kiadta és a bevezető tanulmányt írta D. Szabó.* Budapest: Magyar Történelmi Társulat, 1933. 1. köt. 813. old.

XVIII в., среди них он отметил бунт под предводительством Иоганна Крамера (1712–1765) в 1765 г. и выразил надежду, что в будущем появится «молодой бургенландец», который возьмется за изучение биографии «этого выдающегося крестьянина», и наука перед ним «не останется в долгу»⁷⁴.

Пrestиж *Heimatblätter* повышалось то, что располагавшие институциональными связями известные венские историки писали для него статьи. Столичный историк и архивист Лотар Гросс в 1932 г. написал два детальных исследования по истории австрийско-венгерских пограничных отношений в XIV в. Среди широких обобщений Гросса имеет смысл остановиться на двух: с одной стороны, изучение этой исторической темы помогло понять современное положение Бургенланда, с другой — формирование границ между дворянскими владениями порой играло более важную роль, чем межгосударственные политические договоры и войны⁷⁵. Землевладельцы пограничья могли устанавливать контакты с разными государствами, их лояльность была множественной. Гросс проанализировал отношения землевладельцев пограничья с разными правителями, используя несколько венгерских коллекций источников (например, библиотеку Енё Хази, отдельные тома которой владелец ранее отправил венским архивистам), поэтому его анализ основывался на первоисточниках. Для историка было принципиально важно, немецкого или венгерского происхождения был тот или иной землевладелец. Исторический анализ позволил установить, что мирные договоры между королями не гарантировали замирения землевладельцев, поэтому нельзя ограничиваться изучением исключительно межгосударственной политики⁷⁶. В процессе изучения дипломов XIV в. у Гросса создалось «впечатление», что «в первые десятилетия XIV в. австрийское влияние на западную Венгрию преваляло»⁷⁷. На западновенгерских территориях власть венгерских королей была слаба, поэтому венгерские

⁷⁴ *Zimmermann B.* [Recenzió] Szabó Dezső: A magyarországi úrbérrendezés története, 1933 // *Burgenländische Heimatblätter*. 1935. Bd. 4. № 3. S. 162.

⁷⁵ «Более того, роль земельных владений до сих пор не оценена по достоинству, хотя здесь и в других пограничных регионах старой Германской империи они часто оказывали большее влияние на границы и судьбу жителей, чем войны и союзы государств». См.: *Gross L.* Zur Geschichte der österreich-ungarischen Grenzverhältnisse im 14. Jahrhundert // *Burgenländische Heimatblätter*. 1932. Bd. 1. № 2. S. 37.

⁷⁶ *Ibid.* S. 42–43.

⁷⁷ *Ibid.* S. 68. Курсив Л. Гросса.

и австрийские дворяне проводили там относительно независимую политику, иногда восставая против своих государей. Подводя итоги в конце исследования, Гросс уже вел речь не об «австрийском влиянии», а о «немецком». Прочитирую здесь основной вывод, потому что он содержит более осторожные и менее воинственные формулировки профессионального историка:

Если вновь проанализировать наблюдения, которые, подчеркнем еще раз, не претендовали на исчерпывающую полноту, представляется возможным выделить определенные линии развития в рассматриваемый нами период австрийско-венгерского пограничья, хотя я оставляю за собой право вносить коррективы на основе тщательного изучения источников. *Конец XIII — начало XIV в. стали временем распространения немецкого влияния из Австрии, чему благоприятствовала внутривосточная ситуация в Венгрии, пресечение династии Арпадов и ослабление королевской власти при последних королях*⁷⁸.

Не только Лотар Гросс, но и местные историки старались создать обобщающие исторические труды. В этом ряду особняком стоит работа Г. Куннерта о турецком походе 1683 г. Он и раньше занимался историей турецких войн, когда писал статью о походе 1532 г. и осаде Кёсега⁷⁹. В публикации 1933 г. он осудил как разрушения, произведенные турецкими захватчиками, так и коллаборационизм их венгерских союзников⁸⁰. Куннерт отметил, что выставленные венгерскими магнатами «милицисты» часто бежали с поля боя или переходили на сторону противника, поэтому при защите «Бургенланда» надежды на них было мало⁸¹. Куннерт, опираясь на городские письменные источники XVII в., подробно описал страдания и потери немецкого населения, уничтожение «немецкого» культурного наследия. Описывая венгерские, монгольские и турецкие войска, историк

⁷⁸ Ibid. S. 76. Курсив Л. Гросса.

⁷⁹ *Kunnert H. Die Türkenabwehr 1532 // Bergland. 1932. S. 12.* В этой статье автор воздал хвалу сопротивлению г. Кёсег и его защитнику Миклошу Юришичу (1490–1545), потому что они сдержали наступление Востока и защитили Запад и цивилизацию. Яноша Запольяи историк осудил за то, что «привел турок» в Венгрию, потому что оборона Кёсега была одновременно борьбой с венгерскими и турецкими «восточными» захватчиками.

⁸⁰ *Kunnert H. Das Burgenland im Türkenkrieg 1683 // Burgenländische Heimatblätter. 1933. Bd. 2. № 2. S. 157–167.*

⁸¹ Ibid. S. 160.

неоднократно использовал выражение «дикие орды»⁸². Важнейшим событием 1683 г. он считал «спасение Вены, бастиона немецкой культуры и всего христианства от Востока»⁸³.

Приход к власти австрофашистов в 1934 г. не привел к радикальным переменам в развитии журнала. В целом в Бургенланде институции в сфере науки и памяти беспроблемно пережили изменение политического климата, как на персональном, так и на организационном уровне⁸⁴. Но все кардинально изменилось после аншлюса, когда Бургенланд потерял статус самостоятельной федеральной земли: журнал *Heimatblätter* прекратил существование. В мае 1938 г. вышел последний выпуск журнала, с приветствием Гитлеру и аплодисментами аншлюсу⁸⁵.

Заключение

В статье на примере краеведческих журналов Бургенланда я показал связь национальной и региональной идентичности с историей, роль Айзенштадта/Кишмартона в формировании идентичности и историографии. С одной стороны, город был научно-организационным центром федеральной земли: здесь выходили в свет наиболее значительные историко-краеведческие журналы и здесь же, не без трудностей, развивались обязательные для профессионального изучения истории институции (архив, музей, библиотека). С другой стороны, город был излюбленной темой многих исследований, и изучение истории Айзенштадта способствовало формированию региональной идентичности. Это апеллирующее к истории сознание с самого начала было спорным и противоречивым, поскольку акцент на немецком характере города вел к уничтожению культурного разнообразия и плюралистичного исторического наследия. Однако гомогенизация истории протекала не линейно: заметно, что в 1920-е годы научная жизнь культурно-просветительских учреждений Бургенланда была разнообразной, среди авторов *Mitteilungen* встречались те, кто защищал венгерскую точку зрения. За разнообразием всегда стояла материальная база. Важную роль играли меценаты,

⁸² *Kunnert H.* Das Burgenland im Türkenkrieg 1683. S. 165.

⁸³ *Ibid.* S. 167.

⁸⁴ Krenn 2014: 303.

⁸⁵ См. статью Д. В. Родина в этом выпуске.

подобные коммерсанту Ш. Вольфу, которые в сравнении с руководством федеральной земли, настроенным пронемецки и националистически, исповедовали гораздо более толерантные взгляды и даже защищали точку зрения профессионалов, что шло вразрез с мнением начальства: потребовалось вмешательство Вольфа, чтобы во главе музея в Айзенштадте встал не О. Ауль, а антиковед А. Барб. Локальные инициативы Ш. Вольфа и других причастных к дискуссии не выдерживали конкуренции с венскими группами историков, которых поддерживали в Германии (см. пример Л. Гросса) и их журналом *Burgenland*. В нем в долгосрочной перспективе реализовывалась концепция тесно связанного с Веной Куннерта, затем сторонника воинственной националистической историографии Ауля: со связями в Вене и Германии они легко стали ведущими фигурами, создававшими историческое знание.

Полемика ярко показала, что тематические рамки и публицистические форумы в значительной мере определяли содержание того, что хотел и мог сказать тот или иной историк. Например, О. Ауль основательно подходил к анализу проблемы «заложённых имений» и считал, что однозначного ответа об истории их возникновения и государственно-правовом характере нет, но когда ему пришлось спорить с конкурирующим журналом *Mitteilungen*, он отказался от множественных объяснений и выступил в пользу однозначного толкования понятия «заклад». Замечу также, что характерным в исторических нарративах было не только отношение к Другому («венгру») как к врагу, но и многозначительные умолчания. Так, тема цыган почти полностью отсутствует в региональных историях, что отражает особое (преимущественно негативное) отношение к этой этнической группе.

Исследования по истории науки и историографии демонстрируют, что история той или иной дисциплины включала в себя несколько традиций, и некоторые из них в силу соотношения политических сил выходили на передний план (например, в случае исторических исследований в журнале *Burgenland* речь идет о «народническом» (*völkis*) нарративе), другие (выражавшаяся редакцией журнала *Mitteilungen* более умеренная позиция) — отступали в тень или пропадали из поля зрения. Однако, оставаясь на принципах историзма, мы сможем проникнуть в суть этих констант и внести вклад в более демократичное понимание науки: историография дает немало

примеров тому, как в ту или иную эпоху сосуществуют и конкурируют разные традиции истолкования истории, и рассматривать их нужно в изменении и развитии.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список исторических географических названий

Айзенштадт (нем.) — Кишмартон (венг.), ныне в Австрии
 Бернштайн (нем.) — Бороштянкё (венг.), ныне в Австрии
 Гюнс (нем.) — Кёсег (венг.), ныне в Венгрии
 Гюссинг (нем.) — Неметуйвар (венг.), ныне в Австрии
 Подерсдорф-ам-Зее (нем.) — Патфалу (венг.), ныне в Австрии
 Почендорф (нем.) — Почфалу (венг.), ныне Розендорф в Австрии
 Рехниц (нем.) — Рохонц (венг.), ныне в Австрии
 Форхтенштайн (нем.) — Фракно (венг.), ныне в Австрии
 Хорнштайн (нем.) — Сарвкё (венг.), ныне в Австрии
 Эденбург (нем.) — Шопрон (венг.), ныне в Венгрии

Литература

- Аблонци 2020 — *Аблонци Б.* Трианонский мирный договор 1920 года: Факты, легенды, домыслы / пер. с венг. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 168 с.
- Папп 2016 — *Панн А. З.* Этнодемографическая картина в Карпатском бассейне на рубеже XIX–XX вв. // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы 1517–1918 / отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 259–275.
- Bariska 2007 — *Bariska I.* A Szent Koronáért elzálogosított Nyugat–Magyarország 1444–1647. Szombathely: Vas Megyei Levéltár, 2007. 204. old. (Archívum Comitatus Castriferrei, 2).
- Dominkovits 1996 — *Dominkovits P.* Egy vidéki tudós kapcsolatrendszerének dokumentumaiból. Válogatás Házi Jenő Sopron város főlevéltárosa levelezéséből, 1914–1944 // Levéltári Közlemények. 1996. 67. évf. 97–99. old.
- Erős 2016 — *Erős V.* A második “Száműzött Rákóczi” vita. Szekfü Gyula “Bethlen Gábor” című művének korabeli fogadtatása // Századok. 2016. 150. évf. № 1. 3–46. old.
- Jankó 2021 — *Jankó F.* Burgenland földrajzi felfedezése. Tudomány, geopolitika és identitás a két világháború között. Budapest: HUN-REN Bölcsészettud. Kutatóközp., 2021. 365 old.
- Krenn 2014 — *Krenn M.* “...in weite, bisher davon unberührte Kreise”. Studien zur burgenländischen Kulturpolitik I. 1921–1938. Eisenstadt: Amt der

- Burgenländischen Landesregierung, 2014. 372 S. (Burgenländische Forschungen, 106).
- Krenn 2016 – *Krenn M.* “...nicht Nachhut, sondern Vorhut des Reiches im Südosten”. Studien zur burgenländischen Kulturpolitik II. Die Zeit bis 1945. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 2016. 332 S. (Burgenländische Forschungen, 109).
- Kunt 2019 – *Kunt G.* “A magyar culturának megmenteni”. Az Esterházy herceg felelősségvállalásának formái Burgenland elcsatolása idején, // A magyar arisztokrácia társadalmi-közéleti kapcsolatai és szerepvállalása / szerk. K. Papp, L. Püski, Á. Novák, Debrecen: Debreceni Egyetem Történelmi Intézete, 2019. 347–357. old.
- Palkó 2009 – *Palkó K.* Mesterségesen létrehozott területi egység – Regionális identitás(?). Burgenland Példája // Tér és Társadalom. 2009. 23. évf. №4. 207–224. old.
- Probst 1969 – *Probst F.* Das Lebensbild Heinrich Kunnerts // Burgenländische Forschungen. Sonderheft 11. Festschrift für Heinrich Kunnert. Eisenstadt: Burgenländische Landesarchiv, 1969. S. 5–14.
- Ress 2004 – *Ress I.* Hajnal István, a kismartoni hercegi levéltáros // Korall. 2004. №15–16. 284–315. old.
- Seedoch 1981 – *Seedoch J.* 50 Jahre Burgenländische Heimatblätter // Burgenländische Forschungen. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, 1981. Sonderheft VI. S. 266–297.
- Sperl 2011 – *Sperl K.* Landeskundliche Forschung im Filialarchiv Eisenstadt // In: In(sich) & An(sich)(t). Das Burgenland von 1921 bis 2011 / hrsg. von J.M. Perschy, K. Sperl. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, 2011. S. 189–196.
- Viskolcz 2019 – *Viskolcz N.* A herceg történése. Hajnal István az Esterházyak szolgálatában 1922–1930. Budapest: Kossuth Kiadó; Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, 2019. 231. old.

References

- Ablontsi [Ablonczy], B., 2020. *Trianonskii mirnyi dogovor 1920 goda: Fakty, legendy, domysly* [The Trianon peace treaty of 1920: legends, myths, speculations]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, 168 p. (in Rus.)
- Bariska, I., 2007. *A Szent Koronáért elzalogosított Nyugat–Magyarország 1444–1647*. Szombathely: Vas Megyei Levéltár, 204 p. (Archívum Comitatus Castriferrei, 2).
- Dominkovits, P., 1996. Egy vidéki tudós kapcsolatrendszerének dokumentumai. Válogatás Házi Jenő Sopron város főlevéltárosa levelezéséből, 1914–1944. *Levéltári Közlemények*, 67, pp. 97–99.

- Erős, V., 2016. A második "Száműzött Rákóczi" vita. Szekfű Gyula "Bethlen Gábor" című művének korabeli fogadtatása. *Századok*, 150, 1, pp. 3–46.
- Jankó, F., 2021. *Burgenland földrajzi felfedezése. Tudomány, geopolitika és identitás a két világháború között*. Budapest: HUN-REN Bölcsészettud. Kutatóközp., 365 p.
- Krenn, M., 2014. "...in weite, bisher davon unberührte Kreise". *Studien zur burgenländischen Kulturpolitik I. 1921–1938*. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 372 p. (Burgenländische Forschungen, 106).
- Krenn, M., 2016. "...nicht Nachhut, sondern Vorhut des Reiches im Südosten". *Studien zur burgenländischen Kulturpolitik II. Die Zeit bis 1945*. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 332 p. (Burgenländische Forschungen, 109).
- Kunt, G., 2019. "A magyar culturának megmenteni". Az Esterházy herceg felelősségvállalásának formái Burgenland elcsatolása idején. In: Papp, K., Püski, L., Novák, Á., eds. *A magyar arisztokrácia társadalmi-közéleti kapcsolatai és szerepvállalása*. Debrecen: Debreceni Egyetem Történelmi Intézete, pp. 347–357.
- Palkó, K., 2009. Mesterségesen létrehozott területi egység – Regionális identitás(?). *Burgenland Példája. Tér és Társadalom*, 23, 4, pp. 207–224.
- Papp, A. Z., 2016. Etnodemograficheskaia kartina v Karpatskom basseine na rubezhe 19–20 vv. [Ethno-demographic picture in the Carpathian Basin at the turn of the nineteenth and twentieth centuries]. In: Khavanova, O. V., ed. *Vzaimodeistviia i konflikty na konfessional'no i étnicheski smeshannykh territoriakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy 1517–1918* [Interactions and conflicts in confessionally and ethnically mixed territories of Central and Eastern Europe 1517–1918]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, pp. 259–275. (in Rus.)
- Probst, F., 1969. Das Lebensbild Heinrich Kunnerts. *Burgenländische Forschungen*, Sonderheft 11, Festschrift für Heinrich Kunnert. Eisenstadt: Burgenländische Landesarchiv, pp. 5–14.
- Ress, I., 2004. Hajnal István, a kismartoni hercegi levéltáros. *Korall*, 15–16, pp. 284–315.
- Seedoch, J., 1981. 50 Jahre Burgenländische Heimatblätter. *Burgenländische Forschungen*. Sonderheft 6. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, pp. 266–297.
- Sperl, K., 2011. Landeskundliche Forschung im Filialarchiv Eisenstadt. In: Persch, J. M., Sperl, K., eds. *Insich(t) & Ansich(t). Das Burgenland von 1921 bis 2011*. Eisenstadt: Burgenländisches Landesarchiv, pp. 189–196.
- Viskolcz, N., 2019. *A herceg történése. Hajnal István az Esterházyak szolgálatában 1922–1930*. Budapest: Kossuth Kiadó; Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár és Információs Központ, 231 p.

László Dávid Törő

PhD, Research Fellow, Institute of History, University of Debrecen,
Debrecen, Hungary. 4032 Egyetem tér 1. E-mail: t.laszlo.d@gmail.com

Historical Narratives in Burgenland Local History Journals Between the Two World Wars

Border regions of nation states have always played an important role in the process of national identity construction. The region of Burgenland was transferred to Austria in 1921. After the First World War, the country was compensated with a territory that had previously been a part of Hungary. Since the “birth” of the region, it has been heavily contested, mostly by Hungarian historians. Of course, the Austrian historical writing was eager to integrate Burgenland into its national histories. The aim of my study is to show how local history journals participated in creating a new regional identity in Burgenland. Three journals will be at the centre of my attention: Burgenland, *Mitteilungen des Burgenländischen Heimatschutzvereins*, and the fusion of these two: the *Burgenländische Heimatblätter*. I demonstrate the differences and debates between these journals, as they often polemicalised against each other to determine who should dominate the discourse about the history of Burgenland. The journal Burgenland had close ties to the regional government and was oriented towards German nationalism. In contrast to the Burgenland, the *Mitteilungen* was published by the *Burgenländisches Heimatschutzverein*, an organisation of civil society. In the volumes of *Mitteilungen* nationalism was less present, rather, we can observe criticism against industrialism and a strong romanticisation of nature. Burgenland was financed by the regional authorities, whereas *Mitteilungen* relied mainly on donations and membership fees. I also introduce debates between Hungarian and Austrian authors (Otto Aull and Gyula Gáyer) about this region to present a nuanced and balanced picture about the Burgenland-debate in the interwar period. The article shows that the historical narratives of these journals were shaped by encounters with rival interpretations of the past, and as a result, the dominant *völkisch* interpretation emerged, and *Mitteilungen*, as a journal with a more conservative agenda, was defeated.

Keywords: historiography, nationalism, borders, spatial turn, border studies, Austria-Hungary, Austria, Hungary, history of ideas, discourse analysis

Financing: This study was supported by the János Bolyai Research Scholarship 2023–2026, BO/00246/23/2.

Received: 10 March 2024

Accepted: 19 May 2024

How to cite: Törő, L.D., 2024. Istoricheskie narrativy v kraevedcheskikh zhurnalakh Burgenlanda v period mezhdru dvumia mirovymi voynami. *Central-European Studies*, 7, pp. 267–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.8>.

Денис Валерьевич Родин

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. 119234, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.
E-mail: enigma9307@mail.ru

Выбирая несвободу: аншлюс 1938 года в зеркале австрийской прессы

В статье на примере газет различной политической направленности проанализирован механизм использования средств массовой информации для управления общественным мнением Австрии в период подготовки и осуществления аншлюса в 1938 г. Для анализа избраны следующие газеты: рупор правительства К. Шушнига *Wiener Zeitung*, либеральные *Neue Freie Presse*, *Kleine Volks-Zeitung*, *Der Wiener Tag*, *Neues Wiener Tagblatt*, христианско-социальные *Das Kleine Volksblatt* и *Wiener Neueste Nachrichten*, католическая *Reichspost* и социал-демократическая *Das Kleine Blatt*, а также издания национал-социалистической направленности *Österreichischer Beobachter* и *Völkischer Beobachter*. Рассмотрена реакция названных печатных изданий на ключевые события первых месяцев 1938 г.: от встречи А. Гитлера и К. Шушнига в Берхтесгадене до проведения плебисцита о присоединении Австрии к Германии. Несмотря на формальные различия в политических взглядах и предпочтениях, австрийская пресса демонстрировала единство в оценках избранных событий. На протяжении января-февраля все газеты активно выступали с патриотическими заявлениями, обосновывая жизнеспособность самостоятельного австрийского государства и защищая правительственный курс на поддержание тесных связей между Первой Австрийской республикой и Третьим рейхом. Однако по мере того, как правительство Шушнига проявляло все большую уступчивость в отношении требований германского фюрера о воссоединении двух германоязычных государств, тональность австрийской прессы менялась в сторону все большего одобрения идеи аншлюса и оправдания необходимости проведения референдума о судьбе Австрии. Как следствие, после оккупации австрийских земель немецкими войсками местная пресса довольно быстро переориентировалась на поддержку нацификации Австрии и призывала на плебисците 10 апреля голосовать за включение страны в состав германского рейха. Подобная конъюнктурность австрийской прессы в немалой степени была подготовлена авторитарным режимом Дольфуса — Шушнига и отражала оформившееся у австрийского населения к концу 1930-х годов разочарование в жизнеспособности собственного государства.

Ключевые слова: Австрия, Первая Австрийская республика, Германия, Третий рейх, аншлюс, пресса, австрофашизм, национал-социализм, 1938 год

Статья поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.

Статья принята к публикации: 2 августа 2024 г.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «“Воображаемые регионы” между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>.

Цитирование: Родин Д. В. Выбирая несвободу: аншлюс 1938 года в зеркале австрийской прессы // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 296–314. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.9>.

Аншлюс (нем. *Anschluss*), или присоединение территории Первой Австрийской республики к Третьему рейху в марте 1938 г., являл собой один из важнейших шагов на пути к краху Версальской системы международных отношений. Апеллируя к вильсоновскому принципу самоопределения народов, Адольф Гитлер (1889–1945), как справедливо отмечают исследователи, «усыпил бдительность западных демократий», и с молчаливого согласия последних Германия в результате воссоединения двух германоязычных государств «в стратегическом плане получала примерно столько же, сколько второй рейх потерял в результате своего поражения в 1918 году»¹. Ключевой точкой разворачивавшегося кризиса Версальского порядка теперь становилась Центральная Европа, где с поглощением австрийских земель Третьим рейхом последний готовил плацдарм для нанесения удара по следующей жертве германского экспансионизма — Чехословакии.

События 85-летней давности, приведшие к исчезновению Первой Австрийской республики, с одной стороны, представляются достаточно изученными², но с другой, подталкивают исследователей вновь и вновь возвращаться к осмыслению произошедшего как страшного предупреждения о том, что целая нация легко способна отказаться от своей свободы, суверенитета и независимости ради стабильности и порядка. Нельзя не согласиться с мнением известного отечественного исследователя А. Ю. Ватлина:

Позже они (австрийцы. — *Д. Р.*) предпочитали выставлять себя в роли жертв нацистской пропаганды, но весной 1938 г. подавляющее

¹ Наумов 2006: 70–71.

² См., напр.: Gehl 1963; Luza 1975; Low 1984; Karner, Ruggenthale 2020.

большинство из них вполне искренне радовалось обретению долгожданной «исторической родины»³.

В связи с этим нельзя не отметить, что проявленная населением Австрии готовность к объединению с Третьим рейхом, подтвержденная результатами плебисцита 10 апреля 1938 г., не может быть объяснена без изучения австрийского общественного мнения, которое не так часто оказывалось в центре внимания исследователей⁴.

В представленной статье ключевые эпизоды аншлюса — встреча Гитлера и Курта Шушнига (1897–1977) в Берхтесгадене, ввод германских войск в Австрию, плебисцит об объединении двух германоязычных государств — проанализированы с опорой на материалы австрийской печати, позволяющие выявить ключевые паттерны трансформации позиций ведущих австрийских изданий по поводу вхождения Первой Австрийской республики в состав Третьего рейха. Для анализа были отобраны газеты различной направленности: рупор правительства *Wiener Zeitung* («Венская газета»), либеральные *Neue Freie Presse* («Новая свободная пресса»), *Kleine Volks-Zeitung* («Малая народная газета»), *Der Wiener Tag* («Венский день»), *Neues Wiener Tagblatt* («Новый венский ежедневник»), христианско-социальные *Das Kleine Volksblatt* («Малый народный журнал») и *Wiener Neueste Nachrichten* («Последние новости Вены»), близкая к Христианско-социальной партии, но не являющаяся ее официальным рупором католическая *Reichspost* («Имперская почта»), и социал-демократическая *Das Kleine Blatt* («Малая газета»). Использовалась также пресса национал-социалистической направленности: *Österreichischer Beobachter* («Австрийский обозреватель») и *Völkischer Beobachter* («Народный обозреватель»). Подобная выборка позволяет представить весь спектр общественного мнения Австрии и оценить, насколько разнородными — или однородными — являлись оценки печати, представлявшей интересы разных социально-политических групп.

При этом нельзя не учитывать, что в 1930-е годы в Первой Австрийской республике установился режим Дольфуса — Шушнига, который его создатели именовали «сословное государство» (или «авторитарное сословное государство»), а исследователи зачастую

³ Ватлин 2014: 125.

⁴ См., например: El Refaie 2002: 44–66; Thorpe 2010: 315–343.

обозначают термином «австрофашизм». Справедливым представляется утверждение, что австрофашистский режим «заключал в себе самые разнообразные составные антидемократических и авторитарных движений, характерных для межвоенной Европы»⁵, что означало в том числе серьезные ограничения свободы мысли и слова. В первую очередь лидеры сословного государства — Энгельберт Дольфус (1892–1934) и сменивший его в 1934 г. Шушниг — ориентировались на итальянский и германский варианты фашизма, многое заимствуя у соседних государств «в избранных ими формах самовыражения и реализации своих целей», что подразумевало не только попытки правительства осуществить массовую мобилизацию населения, его милитаризацию и политическое перевоспитание, но также унификацию судебной власти, школы, прессы и культуры⁶. На протяжении пяти лет, вплоть до аншлюса Австрии в марте 1938 г., правительство ужесточало контроль над прессой, стремясь подчинить своей воле общественное мнение и сформировать у граждан страны новое патристическое сознание, основанное на идеях корпоративного государства и духе австрийского национализма.

Как следствие, уже в 1933 г. была введена государственная цензура, контроль над прессой осуществляло бюро Панкраца Крукенхаузера (1883–1957) — главного редактора *Wiener Zeitung* и соучредителя Отечественного фронта. Запрещалось критиковать правительственный курс и главу государства, в 1933 г. закрылись коммунистические и национал-социалистические газеты, а в феврале 1934 г. под запретом оказалась социал-демократическая *Das Kleine Blatt* — вскоре, впрочем, возрожденная в качестве проправительственной газеты для рабочих. В июле 1936 г. была создана Палата прессы, на словах призванная «гармонизировать интересы издателей газет, редакторов и журналистов», но на практике «гармонизировавшая их с интересами правительства»⁷. Новое учреждение имело право отзываться у издательств лицензию, что позволяло с легкостью прекратить печатную деятельность лиц, недоброжелательно относящихся к режиму, и нелояльных газет. В январе 1937 г. Палату объединили с пропагандистским аппаратом Отечественного фронта (*Österreichischer*

⁵ Величко 2014: 300.

⁶ Tálos, Neugebauer (Hrsg.) 2005: 409.

⁷ Thorpe 2010: 331.

Heimatdienst) под началом главы Федеральной службы печати в составе Государственной канцелярии В. Адама. Его позиция в отношении средств массовой информации в наилучшей форме была изложена на одной из пресс-конференций в 1934 г.:

Я хочу убедить тех сограждан, которые стоят на позиции негативной критики, что курс, изложенный нашим канцлером, — это ясный, разумный и честный курс, который фактически является, пожалуй, единственно возможным курсом в данных политических и экономических условиях⁸.

Соответственно, при изучении материалов австрийской прессы в период существования режима Дольфуса — Шушнига следует учитывать, что фактически они отражали не позиции отдельных партий, социальных групп и классов, а правительственную позицию, транслируемую широким народным массам, но тем не менее позволяют более детально раскрыть механизмы воздействия на общественное мнение в Австрии в период подготовки и осуществления аншлюса. Их изучение остается важным для понимания природы информационных войн и механизмов государственного контроля над средствами массовой информации с целью продвижения соответствующей повестки среди широких слоев населения.

Вместе с тем важно помнить, что в период существования Первой Австрийской республики в стране существовали «два национальных идеала: маленькая Австрия и Великая Германия — соответственно, и фашисты разбились на два лагеря»⁹. Непосредственным конкурентом австрофашистского движения являлся австрийский национал-социализм, организационно оформившийся в 1918 г. в виде Немецкой национал-социалистической рабочей партии (ДНСАП), члены которой в 1930-е годы поддерживали объединение двух германоязычных государств при главенстве Третьего рейха. Дольфус, видевший в национал-социализме угрозу существованию своего режима и суверенности Австрии, в 1933 г. объявил ДНСАП вне закона, ее печатные издания *Deutschösterreichische Tages-Zeitung* («Немецко-австрийская ежедневная газета») и *Kikeriki* («Кукареку») были закрыты. Несколько дольше продержалась еженедельная газета *Kampfruf*

⁸ Wiener Zeitung. 1934. 20 VII: 1.

⁹ Манн 2019: 343.

(«Боевой клич»), закрытая в 1935 г. После попытки путча в июле 1934 г., завершившегося убийством Дольфуса, новый канцлер Шушниг провел массовые чистки административного аппарата от сторонников германского нацизма, однако не сумел предотвратить распространения прогерманских взглядов среди широких народных масс.

В немалой степени этому способствовало подписанное 11 июля 1936 г. австро-германское соглашение, формально признававшее невмешательство Третьего рейха в дела Австрийской республики, но вместе с тем лишавшее последнюю внешнеполитической самостоятельности. Был расширен культурный обмен между двумя странами, в частности, имел место отказ от взаимных нападок в прессе. Сторонние наблюдатели, например, советские дипломаты, оценивали данное соглашение как «начало негласного аншлюса» и ожидали дальнейшего проникновения национал-социалистов в органы австрийской власти и усиления немецкого влияния в экономике и политике соседнего государства¹⁰. Проводниками германского влияния в Австрии стали местное отделение ДНСАП и газета *Österreichischer Beobachter*, издававшаяся в Линце с августа 1936 г. Уже в первом выпуске редакция газеты провозглашала, что ее конечная цель — «превращение нашей любимой Родины в национал-социалистическое государство»¹¹. В течение следующих полутора лет нацистская пропаганда активно обрабатывала умы и души австрийских граждан, склоняя их к мысли об аншлюсе как единственно возможном способе вывести страну из состояния экономического и политического кризиса.

Между тем к началу 1938 г. Первая Австрийская республика уже начала оправляться от последствий Великой депрессии, больно ударившей по промышленности и банковскому сектору страны¹². Наметившийся экономический рост позволял официозу *Wiener Zeitung* с пылом доказывать, сколь неправы те, кто в своих заявлениях «убивал ставшую столь маленькой Австрию», «отнимал у нее право на собственное наследие и на развитие суверенитета». Как утверждал рупор правительства Шушнига, вера в силу Австрии «процветает и простирает свои крылья, как показало политическое и экономическое развитие страны в предшествующий год»¹³. Социал-демократическая

¹⁰ Карнер, Чубарьян 2019: 148.

¹¹ *Österreichischer Beobachter*. 1936. 4 VIII: 1.

¹² Zimmermann, Saalfeld 1988: 322.

¹³ *Wiener Zeitung*. 1938. 1 I: 1.

Das Kleine Blatt также отметила улучшение экономической ситуации в стране и выражала осторожный оптимизм в отношении 1938 года¹⁴. Еще более осторожно оценивала происходившие изменения либеральная пресса: с одной стороны, несмотря на нарастающий кризис Версальской системы, министр иностранных дел Гвидо Шмидт (1901–1957) на страницах *Neue Freie Presse* заверил читателей, что 1938 год будет для Австрии «многообещающим»¹⁵, но с другой, *Der Wiener Tag* предупредила, что «потребуется большое умение и величайшее терпение, чтобы последовательно прокладывать курс Австрии в условиях всеобщей неразберихи»¹⁶. Наконец, газеты христианско-социальной направленности напоминали о необходимости преодоления внутривластных разногласий, от которых «страдала внешняя репутация государства» и которые «тормозили экономическое развитие»¹⁷. К ним примыкала католическая пресса: так, *Reichspost* поместила в новогоднем выпуске заявление кардинала, архиепископа Венского Теодора Иннитцера (1875–1955) о том, что восстановление австрийской экономики напрямую связано с развитием «христианской профессиональной солидарности», рассматриваемой автором как общественный идеал¹⁸. Однако представляется вероятным, что указанная статья не отражала реальных политических взглядов автора: еще в 1937 г. глава австрийских национал-социалистов Й. Леопольд называл архиепископа Венского в числе церковных деятелей, выступающих за сближение между Германией и Австрией¹⁹, а уже в марте 1938 г. при приближении Гитлера к Вене архиепископ приказал встречать фюрера колокольным звоном²⁰.

Тем не менее следует отметить, что в начале 1938 г. газеты разной направленности выражали оптимистические ожидания. Исключение представляла разве что национал-социалистическая пресса, критиковавшая «папистский» курс режима Дольфуса — Шушнига и обвинявшая австрийское правительство в том, что его «позорная политика» лишила смысла слово «отечество» и превратила его в «боевой

¹⁴ *Das Kleine Blatt*. 1938. 1 I: 2.

¹⁵ *Neue Freie Presse*. 1938. 1 I: 2.

¹⁶ *Der Wiener Tag*. 1938. 1 I: 1.

¹⁷ *Wiener Neueste Nachrichten*. 1938. 1 I: 1.

¹⁸ *Reichspost*. 1938. 1 I: 3.

¹⁹ Carsten 1977: 280.

²⁰ Carsten 1986: 279.

лозунг всех антигерманских сил в Австрии»²¹. Однако, как показывают современные исследования, на тот момент подобные настроения еще не обрели массового характера: по оценкам Эвана Б. Бьюки, в лагерь нацистов входило от четверти до трети граждан республики, столько же состояло в лагере сторонников Шушнига²². Остальные — от трети до половины населения страны — были политически пассивны и готовы подчиниться любому руководству, как австрофашистскому, так и нацистскому.

Важным шагом на пути к аншлюсу Австрии стала неожиданная для австрийских газетчиков встреча Гитлера и Шушнига в Берхтесгадене 12 февраля 1938 г. Еще более неожиданными для них оказались решения, принятые на встрече: введение в состав правительства республики австрийских нацистов, расширение военных контактов между Австрией и Третьим рейхом, фактическое слияние экономики двух государств. Трудно не согласиться с мнением, что переговоры в Берхтесгадене окончательно «развели иллюзии» правительства Шушнига относительно реальных перспектив австрийского государства²³.

Стремясь сохранить авторитет, канцлер инструктировал посольства и прессу, как подавать новую информацию: переговоры между ним и фюрером позволили «преодолеть трудный этап в австро-германских отношениях без каких-либо серьезных последствий для внутренней и внешней политики»²⁴. Как следствие, официальная газета *Wiener Zeitung* пыталась представить переговоры лидеров Германии и Австрии (на которых фюрер предупреждал своего визави: «Мне достаточно лишь отдать приказ, и за одну ночь все ваши нелепые защитные сооружения будут разрушены до основания»²⁵) в качестве «дружественной дискуссии по многочисленным политическим вопросам, одинаково интересующим Австрию и Германский рейх», а также как развитие положений австро-германского договора 1936 года²⁶. В аналогичном ключе высказалась либеральная пресса, назвавшая встречу двух лидеров «чрезвычайно важным событием в деле достижения

²¹ Österreichischer Beobachter. 1938. 27 I: 5.

²² Bukey 2000: 22.

²³ Gehl 1963: 176.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Schuschnigg K. Austrian Requiem. New York: G. P. Putnam's Sons, 1946. P. 16.

²⁶ Wiener Zeitung. 1938. 13 II: 1.

взаимопонимания между двумя немецкими государствами, успокоения и поддержания нормальных отношений в Центральной Европе»²⁷, а также подчеркивавшая роль данной встречи для укрепления австрийского суверенитета²⁸ и развития дружественных связей с соседями на фоне международной турбулентности²⁹. Равным образом реагировали на свидание в Берхтесгадене газеты христианско-социальной и социал-демократической направленности, предположившие, что переговоры глав двух правительств будут способствовать становлению германо-австрийской дружбы на основе договора 1936 года³⁰. Католическая пресса подвергла критике тех, кто считал, что «различия в личности и принципах» Гитлера и Шушнига могут помешать сотрудничеству двух государств на основе общих интересов: подобные утверждения, по мнению редакции *Reichspost*, подразумевали, что данные правительствами Германии и Австрии обещания «перед лицом народа и истории» являются не более чем «пустым звуком», а договор от 11 июля 1936 года означает «не что иное, как всего лишь кусок писчей бумаги»³¹.

Дальнейшие события показали, что речь идет не о сохранении, а о сокращении и даже ликвидации австрийского суверенитета: как справедливо отметили исследователи, выполнение германских требований о легализации деятельности ДНСАП на территории Австрии и включении в состав австрийского правительства национал-социалистов предоставило бы последним «решающие позиции для овладения всей полнотой власти», в то время как Отечественный фронт «быстро бы распался в результате скоординированной атаки со стороны его противников»³². При этом по требованию Гитлера конкретное содержание договоренностей между фюрером и канцлером скрывалось от прессы³³. Как следствие, австрийские газеты были вынуждены приспосабливаться к изменениям в политическом курсе правительства, не имея предметной информации о результатах встречи в Берхтесгадене.

²⁷ *Kleine Volks-Zeitung*. 1938. 13 II: 1.

²⁸ *Neue Freie Presse*. 1938. 13 II: 1.

²⁹ *Neues Wiener Tagblatt*. 1938. 13 II: 1–2.

³⁰ *Wiener Neueste Nachrichten*. 1938. 13 II: 1; *Das Kleine Blatt*. 1938. 13 II: 1.

³¹ *Reichspost*. 1938. 13 II: 1.

³² Carsten 1977: 317.

³³ *Schuschnigg K. Austrian Requiem*. P. 27.

Так, объявление амнистии австрийским нацистам и назначение Артура Зейсс-Инкварт (1892–1946) министром иностранных дел либеральная пресса, повинувшись правительственной установке, трактовала как меру для «обеспечения внутреннего мира в Австрии»³⁴. Та же либеральная *Neues Wiener Tageblatt* напомнила читателям, что еще в 1937 г. Зейсс-Инкварт по поручению канцлера стал «связующим звеном между национальной оппозицией и федеральным правительством»³⁵, а христианско-социальная *Das Kleine Volksblatt* утверждала, что новый министр «пользуется доверием национальных кругов, которые могут на него положиться как на своего представителя в правительстве»³⁶. Социал-демократическая *Das Kleine Blatt* приветствовала амнистию для нацистов, провозглашая, что каждый гражданин, независимо от своих взглядов, должен «направить свои силы на то, чтобы с полной уверенностью в будущем идти по указанному федеральным канцлером и лидером Отечественного фронта пути мира и объединения всех граждан»³⁷. Оправдывая правительственные решения, католическая *Reichspost* написала: «Никакое соглашение не кажется слишком далеко идущим, никакая жертва — слишком великой, никакие обязательства — слишком высокими, если в результате доверие возвращается доверием, а верность — верностью»³⁸. В то же время в редакционной статье уже содержались намеки на нежизнеспособность австрийского государства: «Ставшая маленькой Австрия, даже если бы она, отрицая преимущественно мирный характер своего населения, почувствовала подобную необходимость, не смогла бы добиться признания своего права на жизнь мирными средствами или путем пустых угроз»³⁹. Хотя далее содержались мысли о том, что дипломаты республики должны убедить остальные государства в необходимости Австрии для сохранения стабильности и порядка в Центральной Европе, подобные рассуждения готовили почву для одобрения католической частью населения идеи аншлюса.

Спустя несколько дней последовали восторженные отзывы на выступления Гитлера 20 февраля и Шушнига 24 февраля 1938 г. Особое

³⁴ Der Wiener Tag. 1938. 17 II: 1.

³⁵ Neues Wiener Tageblatt. 1938. 16 II: 2.

³⁶ Das Kleine Volksblatt. 1938. 17 II: 2.

³⁷ Das Kleine Blatt. 1938. 19 II: 2.

³⁸ Reichspost. 1938. 17 II: 1–2.

³⁹ Ibidem.

внимание в речи фюрера, которую «*Neue Freie Presse*» назвала «подтверждением мощи германского рейха»⁴⁰, было уделено пассажиам, связанным с развитием австро-германских отношений: «*Das Kleine Blatt*», вторя словам лидера Третьего рейха, утверждала, что достижение согласия между Шушнигом и Гитлером «предотвратило катастрофу» в отношениях двух немецких государств⁴¹, а «*Wiener Neueste Nachrichten*» особо подчеркнула, сколь «велика была радость в рейхе по поводу установления мира между народами двух стран»⁴². Что же касается речи австрийского канцлера, то, по общему мнению, она означала, что республика останется «свободной и независимой»⁴³. Как заявлял официоз «*Wiener Zeitung*»: «Австрия должна оставаться Австрией — это был кульминационный момент вчерашнего проявления воли нашего руководства и воли нашего народа»⁴⁴. Тему единения правительства и нации поднимала и редакция «*Reichspost*», призывавшая своих читателей: «Обеими ногами мы должны решительно встать на почву речи нашего предводителя, на плечи которого в эти роковые для Австрии и Центральной Европы часы ложится тяжкая ноша ответственности и чьи мужественные заявления и указания, от фразы к фразе, все австрийцы слушали вчера с возрастающим энтузиазмом»⁴⁵.

Однако уже спустя две недели, 9 марта, Шушниг, ощущая нарастающее давление со стороны Третьего рейха, объявил о проведении в Австрии плебисцита по вопросу о присоединении к Германии. Сам канцлер впоследствии утверждал: «Казалось безответственным ждать сложа руки, пока через несколько недель нам не заткнут рот. Ставки в игре повысились настолько, что требовалось приложить максимум усилий»⁴⁶. И теперь правительственной прессе предстояло защищать данное решение, объясняя необходимость плебисцита тем, что он «послужит делу укрепления внутреннего мира» и что «речь идет не о партийном боевом лозунге, не о тактическом вопросе, основанном на особых интересах отдельной группы, а обо всем сразу»⁴⁷.

⁴⁰ Neue Freie Presse. 1938. 21 II: 1.

⁴¹ Das Kleine Blatt. 1938. 21 II: 1.

⁴² Wiener Neueste Nachrichten. 1938. 21 II: 2.

⁴³ Der Wiener Tag. 1938. 25 II: 1; Neues Wiener Tageblatt. 1938. 25 II: 1; Das Kleine Blatt. 1938. 25 II: 2.

⁴⁴ Wiener Zeitung. 1938. 25 II: 1.

⁴⁵ Reichspost. 1938. 26 II: 1.

⁴⁶ Schuschnigg K. Austrian Requiem. P. 35–36.

⁴⁷ Wiener Zeitung. 1938. 10 III: 1.

Решение о плебисците было немедленно поддержано газетами различной направленности. Либеральная пресса была уверена, что в ходе голосования австрийские граждане должны «дать понять, что они поддерживают это государство, что они отстаивают его, что они хотят сохранить его»⁴⁸. Христианско-социальные газеты подчеркивали, что всеобщее голосование будет проведено «в переломный момент»: «Как завершение периода борьбы, перехода и как начало развития на завоеванных основах, оно станет важной вехой в истории новой Австрии»⁴⁹. Более подробно суть наступающей эпохи объясняла *Reichspost*:

Новая Австрия не знает и не хочет больше ничего знать ни о политических партиях, ни о враждебных классах. В воскресенье будут только австрийцы и, в крайнем случае, те, кто австрийцем быть не желает⁵⁰.

Социал-демократическая *Das Kleine Blatt* оправдывала проведение плебисцита тем, что «в авторитарном государстве лидер должен проверять соответствие своих политических установок воле народа в то время и таким способом, который соответствует его взгляду на общую политическую ситуацию»⁵¹.

Назначенный на 13 марта плебисцит — в той форме, как его задумывал канцлер Шушниг, — так и не состоялся. 11 марта австрийскому канцлеру был передан ультиматум Гитлера с требованием об отмене плебисцита и передаче полномочий Зейсс-Инкварту. Придя к власти, последний немедленно направил в Берлин телеграмму с просьбой об отправке в Австрию немецких войск. В ночь с 11 на 12 марта войска Третьего рейха вступили в пределы соседней страны и за несколько часов оккупировали ее. 13 марта вместо плебисцита австрийский народ ожидал закон «О воссоединении Австрии с Германским рейхом», на основании которого Первая Австрийская республика прекратила существование и была включена в состав Германии как «Остмарк». Некоторые газеты, например, *Der Wiener Tag*, были ликвидированы, оставшиеся же должны были продемонстрировать готовность к сотрудничеству с новым режимом.

⁴⁸ Der Wiener Tag. 1938. 10 III: 1.

⁴⁹ Das Kleine Volksblatt. 1938. 10 III: 1.

⁵⁰ Reichspost. 1938. 11 III: 1.

⁵¹ Das Kleine Blatt. 1938. 11 III: 2.

Австрийская пресса самой разной направленности, еще вчера призывавшая граждан республики проголосовать за независимость своей страны, теперь приветствовали воссоединение двух германских государств. Официальная правительственная газета *Wiener Zeitung* писала:

Буря радости, охватившая немецко-австрийскую нацию, когда она узнала о приходе национал-социалистов к власти, является убедительным народным голосованием в пользу немецкой Австрии⁵².

Neue Freie Presse выразила надежду, что с аншлюсом «наступит время внутреннего мира не только для национал-социалистической части населения, но и для тех, кто все еще привержен великой старинной австрийской традиции»⁵³. Ей вторили другие либеральные газеты. *Kleine Volks-Zeitung* заверила читателей:

Заря новой великой эпохи для нашего родного города (Вены. — *Д.Р.*), для нашего ближайшего отечества и, путем абсолютной консолидации, для всего немецкого народа не означает перемены духа и имиджа нашей газеты⁵⁴.

Neues Wiener Tagblatt с пафосом заключала: «Флаг национал-социализма, который теперь реет в голубом мартовском небе после этой мирной революции, является знаменем нашего будущего и нашей надежды»⁵⁵.

Не отставали и другие газеты. В ответ на выступление Гитлера в Линце христианско-социальная *Das Kleine Volksblatt* написала: «Родина приветствует своего великого сына»⁵⁶. Католическая *Reichspost* приветствовала «соотечественника, избранного судьбой претворить в жизнь единство немцев»⁵⁷. *Wiener Neueste Nachrichten*, в свою очередь, спешила окрестить время правления Дольфуса и Шушнига «пятью годами глубочайшего унижения и горечи», в то время как теперь, под сенью национал-социализма, как заверяла газета, «массы мирно движутся к лучшему будущему, которое их ждет после исчезновения

⁵² Wiener Zeitung. 1938. 13 III: 1.

⁵³ Neue Freie Presse. 1938. 13 III: 1.

⁵⁴ Kleine Volks-Zeitung. 1938. 13 III: 1.

⁵⁵ Neues Wiener Tagblatt. 1938. 13 III: 2.

⁵⁶ Das Kleine Volksblatt. 1938. 13 III: 2.

⁵⁷ Reichspost. 1938. 13 III: 1.

черного призрака»⁵⁸. Даже ориентированная на рабочих *Das Kleine Blatt* писала о «триумфальной поездке» Гитлера через австрийские земли⁵⁹.

Дальнейшая нацификация австрийской прессы — и в широком смысле всего австрийского общества — протекала довольно быстро. Тон задавала газета *Völkischer Beobachter* — рупор ДНСАП, с 16 марта издававшийся и в Остмарке. Свою задачу редакция австрийского отделения нацистской газеты видела в том, чтобы «выстроить духовный мост между Севером и Югом», то есть между Германией и Австрией⁶⁰. Ярким показателем того, какие духовные веяния распространялись в новоприсоединенных землях, является тот факт, что в первые же дни после аншлюса активизировались антисемитские настроения, исподволь развивавшиеся в стране на протяжении всего межвоенного времени и теперь вышедшие наружу. К примеру, *Das Kleine Blatt* опубликовала статью с оправданием антисемитизма: обвиняя евреев в «злоупотреблении гостеприимством» и попытках «установить права господства» в местах проживания, газета объявила борьбу с ними «самозащитой» со стороны «угнетаемых арийцев»⁶¹. А, казалось бы, либеральная *Neues Wiener Tagblatt* выступила в поддержку культурной перестройки, направленной на борьбу с «засильем евреев» в различных учреждениях, связанных с развитием культуры и искусства⁶². Не отставали от центральной прессы и локальные газеты. Так, в *Vorarlberger Tagblatt* («Форарльбергский ежедневник») писали 18 марта о евреях:

Эти чуждые для народа элементы покидают страну с тех пор, как в Австрии отняли основания для их праздного и бесчестного образа жизни. Нет нужды подчеркивать, что “великая миграция” <...> приветствуется людьми, верными своей родине⁶³.

Накануне утвержденного уже нацистами плебисцита 10 апреля 1938 г. все газеты в Остмарке единодушно призывали граждан поддерживать совершенный аншлюс. Роль первой скрипки играли национал-социалистические издания. Так, *Österreichischer Beobachter* называла

⁵⁸ Wiener Neueste Nachrichten. 1938. 13 III: 2.

⁵⁹ Das Kleine Blatt. 1938. 13 III: 1.

⁶⁰ Völkischer Beobachter. 1938. 16 III: 1.

⁶¹ Das Kleine Volksblatt. 1938. 17 III: 8.

⁶² Neues Wiener Tagblatt. 1938. 18 III: 5.

⁶³ Vorarlberger Tagblatt. 1938. 18 III: 5.

предстоящий день голосования «днем немецкой свободы», «кульминацией тысячелетнего развития немецкой нации в направлении единства»⁶⁴. Еще более патетично высказывалась *Völkischer Beobachter*, подчеркивавшая роль фюрера в воссоединении двух германоязычных государств. Она описывала 10 апреля как «день, когда мы, немцы, можем выразить нашу благодарность и преданность человеку, сумевшему совершить то, что до него не удавалось сделать в течение тысячи лет»⁶⁵. «Священным заветом» назвали плебисцит *Wiener Zeitung* и *Neues Wiener Tagblatt*⁶⁶. В аналогичном духе высказалась *Neue Freie Presse*, трактовавшая всенародное голосование как «священный выбор»⁶⁷. *Wiener Neueste Nachrichten* призвала каждого идущего на голосование ответить на вопрос: «Вы немец?», — который газета трактовала как «вопрос крови и величия нации»⁶⁸. На страницах *Reichspost* были опубликованы слова бывшего канцлера Австрии Игнаца Зейпеля (1876–1932), скончавшегося в 1932 г.: «Любая комбинация, исключая Германию, в будущем невозможна для всех нас по экономическим, эмоциональным и тысяче других причин»⁶⁹. Подобные публикации должны были звучать как политическое завещание видного деятеля Христианско-социальной партии, обращенное к католическому населению страны. Наконец, «днем немецкой победы» имела плебисцит социал-демократическая *Das Kleine Blatt*⁷⁰.

Активная пропаганда сыграла немалую роль в достижении высочайшего уровня поддержки воссоединения двух германоязычных государств: на плебисците 10 апреля 99,75% участников из числа австрийцев проголосовали за аншлюс, что превышало результаты параллельного голосования в Германии (99,08%). Даже те исследователи, которые скептически оценили столь высокие результаты голосования, признали, что наиболее поразительным в них является тот факт, что «утрата независимости сопровождалась столь незначительным протестом или сопротивлением»⁷¹.

⁶⁴ *Österreichischer Beobachter*. 1938. 9 IV: 1.

⁶⁵ *Völkischer Beobachter*. 1938. 10 IV: 1.

⁶⁶ *Wiener Zeitung*. 1938. 10 IV: 2; *Neues Wiener Tagblatt*. 1938. 10 IV: 1.

⁶⁷ *Neue Freie Presse*. 1938. 10 IV: 1.

⁶⁸ *Wiener Neueste Nachrichten*. 1938. 10 IV: 2.

⁶⁹ *Reichspost*. 1938. 9 IV: 8.

⁷⁰ *Das Kleine Blatt*. 1938. 10 IV: 1.

⁷¹ Bukey 2000: 39.

Таким образом, обращение к австрийской прессе позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на различия в политической направленности, все газеты транслировали практически идентичные паттерны, исходящие от австрийского правительства. Именно зависимость прессы от режима — сперва Дольфуса и Шушнига, а затем Гитлера — обусловила ту скорость, с которой австрийские печатные издания меняли позицию: от единодушной поддержки австрийской независимости к возможности проведения плебисцита по вопросу существования самостоятельного государства и далее — к абсолютной поддержке идеи аншлюса. В этом отношении справедливым представляется суждение австрийского историка Арнольда Зуппана:

Аншлюс Австрии стал комбинацией империалистической экспансии гитлеровской Германии, внутреннего сопротивления австрийских национал-социалистов и “сотрудничества” большинства настроенных в великогерманском духе австрийцев⁷².

В немалой степени укреплению настроений в пользу воссоединения с Германией способствовало то положение, в котором пребывал австрийский народ во второй половине 1930-х годов. Концепция суверенной Австрийской республики еще не успела закрепиться в обществе, воспринимавшем независимость своего государства как прямое следствие поражения в мировой войне и диктата Антанты. Великая депрессия закрепила среди австрийцев убежденность в несостоятельности собственного государства. Наконец, режим Дольфуса и Шушнига подготовил почву для распространения и укрепления в обществе правых взглядов. К концу 1930-х годов австрийский народ, уже привыкший к авторитарному правлению, с легкостью был готов променять остатки свободы на обещания экономического процветания и величия нации, щедро раздаваемые нацистами, не замечая преступлений последних.

Список сокращений

ДНСАП — Немецкая национал-социалистическая рабочая партия (*Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei*)

⁷² Зуппан 2021: 204.

Литература

- Ватлин 2014 — *Ватлин А. Ю.* Австрия в XX веке: учебное пособие для вузов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 222 с.
- Величко 2014 — *Величко О. И.* Австрофашизм: между Муссолини и Гитлером // *Берегиня. 777.* Сова. Научный журнал. 2014. № 4. С. 300–309.
- Зушпан 2021 — *Зушпан А.* Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 416 с.
- Карнер, Чубарьян (ред.) 2019 — Россия — Австрия: Вехи совместной истории / отв. ред. Ст. Карнер, А. Чубарьян. М.: Аспект Пресс, 2019. 304 с.
- Манн 2019 — *Манн М.* Социология фашистских движений. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»); Фонд «Историческая память», 2019. 592 с.
- Наумов 2006 — *Наумов А. О.* Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // *Новая и новейшая история.* 2006. № 6. С. 56–72.
- Bukey 2000 — *Bukey E. B.* Hitler's Austria: Popular sentiment in the Nazi era, 1938–1945. Chapel Hill (N. C.): University of North Carolina Press, 2000. 320 p.
- Carsten 1977 — *Carsten F. L.* Fascist movements in Austria: from Schönerer to Hitler. London; Beverly Hills: Sage Publications, 1977. 356 p.
- Carsten 1986 — *Carsten F. L.* The First Austrian Republic, 1918–1938: A study based on British and Austrian documents. Aldershot: Gower, 1986. 309 p.
- El Refaie 2002 — *El Refaie E.* Keeping the truce? Austrian press politics between the 'July Agreement' (1936) and the Anschluss (1938) // *German History.* 2002. Vol. 20. № 1. P. 44–66.
- Gehl 1963 — *Gehl J.* Austria, Germany, and the Anschluss. 1931–1938. London: Oxford University Press, 1963. XII, 212 p.
- Karner, Ruggenthale (Hrsg.) 2020 — 1938. Der "Anschluss" im internationalen Kontext / hrsg. von St. Karner, P. Ruggenthaler. Graz; Vienna: Leykam, 2020. 332 S.
- Low 1984 — *Low A. D.* The Anschluss Movement, 1918–1938. New York: Garland, 1984. XIX, 186 p.
- Luza 1975 — *Luza R.* Austro-German Relations in the Anschluss Era. Princeton: Universal Press, 1975. XVI, 348 p.
- Tálos, Neugebauer (Hrsg.) 2005 — Austrofascismus. Politik — Ökonomie — Kultur, 1933–1938 / hrsg. von E. Tálos, W. Neugebauer. Münster: LIT Verlag, 2005. 436 S.
- Thorpe 2010 — *Thorpe J.* Austrofascism: Revisiting the 'authoritarian state' 40 years on // *Journal of Contemporary History.* 2010. Vol. 45. № 2. P. 315–343.
- Zimmermann, Saalfeld 1988 — *Zimmermann E., Saalfeld Th.* Economic and Political Reactions to the World Economic Crisis of the 1930s in Six European Countries // *International Studies Quarterly.* 1988. Vol. 32. No. 3. P. 305–334.

References

- Bukey, E. B., 2000. *Hitler's Austria: Popular sentiment in the Nazi era, 1938–1945*. Chapel Hill, N. C.: University of North Carolina Press, 320 p.
- Carsten, F. L., 1977. *Fascist movements in Austria: from Schönerer to Hitler*. London; Beverly Hills: Sage Publications, 356 p.
- Carsten, F. L., 1986. *The First Austrian Republic, 1918–1938: A study based on British and Austrian documents*. Aldershot: Gower, 309 p.
- El Refaie, E., 2002. Keeping the truce? Austrian press politics between the 'July Agreement' (1936) and the Anschluss (1938). *German History*, 20, 1, pp. 44–66.
- Gehl, J., 1963. *Austria, Germany, and the Anschluss. 1931–1938*. London: Oxford University Press, XII, 212 p.
- Karner, St., Chubar'ian, A. O., eds, 2019. *Rossiiā — Avstriia: Vekhi sovместnoi istorii* [Russia — Austria: Milestones in joint history]. Moscow: Aspekt Press, 304 p. (in Rus.)
- Karner, St., Ruggenthaler, P., eds, 2020. *1938. Der "Anschluss" im internationalen Kontext*. Graz; Vienna: Leykam, 332 p.
- Low, A. D., 1984. *The Anschluss movement, 1918–1938*. New York: Garland, XIX, 186 p.
- Luza, R., 1975. *Austro-German relations in the Anschluss era*. Princeton: Universal Press, XVI, 348 p.
- Mann, M., 2019. *Sotsiologīia fashistskikh dvizhenii* [Sociology of fascist movements]. Moscow: Piatyi Rim (OOO "Bestseller"); Fond "Istoricheskaiia pamiat", 592 p.
- Naumov, A. O., 2006. Anshlius Avstrii v 1938 godu kak krizis Versal'skoi sistemi [The Anschluss of Austria in 1938 as a crisis of the Versailles system]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 6, pp. 56–72. (in Rus.)
- Suppan, A., 2021. *Tysiacha let sosestva avstriitsev i chekhov: vzgliad iz Avstrii* [A thousand years of neighborhood between Austrians and Czechs: A view from Austria]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; St. Petersburg: Nestor-Historia, 416 p. (in Rus.)
- Tálos, E., Neugebauer, W., eds, 2005. *Austrofascismus. Politik — Ökonomie — Kultur, 1933–1938*. Münster: LIT Verlag, 436 p.
- Thorpe, J., 2010. Austrofascism: Revisiting the 'authoritarian state' 40 Years On. *Journal of Contemporary History*, 45, 2, pp. 315–343.
- Vatlin, A. Ju., 2014. *Avstriia v XX veke: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Austria in the twentieth century: a textbook for universities]. Moscow, Berlin: Direkt-Media, 222 p. (in Rus.)
- Velichko, O. I., 2014. Avstrofashizm: mezhdu Mussolini i Gitlerom [Austrofascism: between Mussolini and Hitler]. *Bereginiia*. 777. *Sova. Nauchnyi zhurnal*, 4, pp. 300–309. (in Rus.)
- Zimmermann, E., Saalfeld, Th., 1988. Economic and political reactions to the world economic crisis of the 1930s in six European countries. *International Studies Quarterly*, 32, 3, pp. 305–334.

Denis V. Rodin

PhD, Researcher, Moscow Lomonosov State University, Faculty of History, Russia, Moscow. 119234, Lomonosovskii Prospekt, 27, building 4. E-mail: enigma9307@mail.ru

Choosing Unfreedom: the Anschluss of 1938 as Depicted in the Austrian Press

With the establishment of the Dollfuss-Schuschnigg regime in Austria in the 1930s, the Austrian press came under strict state control, which, to a certain extent, led to its unification and high controllability by public opinion. These trends manifested themselves most clearly during the preparation and implementation of the Anschluss in 1938. Despite the differing political orientation of the newspapers that were formally representing the entire spectrum of social thought, every issue would broadcast identical patterns, whose content depended on the government's position at any given moment. Throughout January and February, every newspaper actively made patriotic statements justifying the viability of an independent Austrian state and defending the government's policy of maintaining close ties between the First Austrian Republic and the Third Reich. However, as the government of Kurt Schuschnigg showed more and more compliance with the demands of the German Führer for the reunification of the two German-speaking states, the tone in the Austrian press moved towards increasing approval of the idea of the Anschluss and justifying the need to hold a referendum on the fate of Austria. As a result, after the occupation of Austrian lands by German troops, the local press quickly reoriented itself towards supporting the Nazification of Austria and called for voting for the inclusion of the state in the German Reich in the plebiscite on 10 April. Such adaptability of the Austrian press was to a large extent impelled by the authoritarian regime of Dollfuss/Schuschnigg and reflected the disappointment in the viability of one's own state that had taken shape among the Austrian population by the end of the 1930s.

Keywords: Austria, First Austrian Republic, Germany, Third Reich, Anschluss, press, Austrofascism, National Socialism, 1938

Financing: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>, “Imagined regions’ between the two worlds wars: the problems of construction and management”.

Received: 6 April 2024

Accepted: 3 August 2024

How to cite: Rodin, D. V., 2024. Vybiraiia nesvobodu: anshlius 1938 goda v zerkale avstriiskoi pressy. *Central-European Studies*, 7, pp. 296–314. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.9>.

ЯЗЫК ВСЕХ И КАЖДОГО

Ирина Евгеньевна Адельгейм

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: adelgejm@yandex.ru

**Этика и прагматика свободы:
автор, герой, читатель
(Ольга Токарчук и Янина Душейко)**

Статья посвящена нашумевшему в Польше «моральному триллеру» Ольги Токарчук «Веди свой плуг по костям мертвецов», героиню которого автор наделила демонстративно спорной с нравственной точки зрения свободой действий: предельно заостряя идеи критического постгуманизма, «допускает» безнаказанное убийство охотников эксцентричной защитницей прав животных. Организация текстового пространства и ее восприятие проанализированы в статье с точки зрения понимания автором, героем, читателем этики и прагматики свободы, взаимодействия читательского и авторского видения этических границ свободы художественного вымысла, а тем самым — функций и возможностей литературы. Конфликт романа, в плане социально-психологическом и дискурсивном являющийся конфликтом поведения индивидуального и общепринятого, на уровне событийности воплощается посредством разнообразного использования сферы непредсказуемости. Именно она воздействует на семантический строй текста и горизонт читательского ожидания (логика жанровых установок, нарративная логика сюжета и фабулы, взаимодействие вымышленного, автобиографического и внетекстового). Отсутствие ожидаемого сюжетного элемента в финале (наказания / осуждения / раскаяния героини) — главный механизм (состоявшейся) художественной провокации (понимаемой как организация диалога с читателем таким парадоксальным образом, чтобы неминуемо побудить последнего к смыслопорождающей рефлексии), которую и представляет собой роман. Манипулируя границами свободы поведения героини, расшатывая характерные для детектива оппозиции, автор оспаривает не только конкретные стереотипы миропонимания, но и сам принцип бинарной зашоренности. Понимание Ольгой Токарчук мелюристских этически-психологических функций и возможностей литературы (в частности — сочетающей в себе элементы лудического и интеллектуального литературы «промежутка», примером которой может служить анализируемый роман), близко концепциям прагматической эстетики. Художественный вымысел трактуется здесь как элемент общественной коммуникации, специфический способ передачи и приобретения опыта, перформативное знание, задействующее воображение и механизмы идентификации и эмпатии.

Ключевые слова: литературный герой, художественный вымысел, внетекстовая реальность, перформативное знание, жанровые установки, провокация, прагматическая эстетика, литератураноцентризм

Статья поступила в редакцию: 23 марта 2024 г.

Статья принята к публикации: 26 июня 2024 г.

Цитирование: Адельгейм И.Е. Этика и прагматика свободы: автор, герой, читатель (Ольга Токарчук и Янина Душейко) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 317–340. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.10>.

Если правы были философы и реальным можно считать только то, что действует, <...> значит, Янина — реальная. Порой она даже появляется на улицах — правда, лишь в виде имени на транспаранте во время демонстрации в защиту Беловежской Пути, но ведь действует же, оказывает влияние на мир — самый что ни на есть реальный¹.

Так описывает Ольга Токарчук внетекстовое существование героини своего романа. По словам Л. Я. Гинзбург, житейская типология неизбежно «прокладывает между типологией жизненной и типологией литературной колею соответствий и взаимного обмена»². Токарчук, говоря об этом — важнейшем — элементе механизма художественной коммуникации, также использует пространственный образ, акцентирующий неконечность связей между автором/героем/читателем:

Что касается литературных персонажей, я <...> допускаю существование некоего особого измерения, наподобие камеры хранения сущностей. Они попадают туда после публикации произведения, и с этого мгновения их истории, их драмы и трагедии разыгрываются в читательском сознании. Словно виртуальные аватары, они воплощают в себе сгустки наших индивидуальных, но, в то же время, общих для всех опытов, пытаются с ними совладать за нас и для нас³.

Всякий литературный герой, вне зависимости от эпохи, направления, жанра, включен в систему ценностных ориентаций, поскольку соотносится с существующими в социальной действительности представлениями о человеке. Всякий — является моделью чувствования и поведения, всякий — в определенном внехудожественном

¹ *Tokarczuk O. Czuly narrator. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020. S. 248.*

² Гинзбург 1979: 3.

³ *Tokarczuk O. Czuly narrator. S. 250.*

контексте — может быть воспринят и эффективно воздействовать на читателя как образец или антиобразец, поскольку объект художественного изображения (в отличие от объекта научного исследования), обладая «расширяющимся символическим значением»⁴ и способностью представлять идею, приобретает специфическую субъектность. В основе потребности переживания эстетического опыта, связанного с фикциональностью, не в последнюю очередь лежит потребность в чувстве целостности, в восприятии и переживании «в хаотичном потоке опыта неких удовлетворяющих нас единств»⁵. В силу того, что художественный вымысел является особым способом передачи опыта — всегда комплексным («имплант»⁶ опыта), отсылающим к целому (роман «творит мир целиком»⁷), задействующим механизмы со-переживания («мир имен собственных»⁸) — в пространстве эстетического опыта совершается также своего рода вторичная социализация. Именно поэтому, столкнувшись с персонажем, наделенным автором нравственно «спорной» (с точки зрения парадигмы реальной жизни и в сочетании с определенной организацией нарративного пространства) свободой действий, читатель способен испытывать беспокойство по поводу собственной этической «безопасности» (стабильности).

Споры, которые вызвал в Польше роман Ольги Токарчук «Веди свой плуг по костям мертвецов»⁹ (2009 г.) и его героиня, отчаявшаяся добиться исполнения заповеди «не убий» по отношению к животным законным путем (столкнувшись с непреодолимой стеной презрения, насилия, лжи, цинизма, она убивает сама, причем уже себе подобных), заставляют вновь задуматься о взаимодействии читательского и авторского «горизонтов ожидания» относительно этических границ свободы художественного вымысла, а тем самым — относительно функций и возможностей литературы

Янина Душейко принадлежит к числу тех ярких литературных персонажей, которые, будучи вписаны в узнаваемую внетекстовую

⁴ Гинзбург 1979: 5.

⁵ Шустерман 2012: 128.

⁶ Żychliński 2014: 144.

⁷ *Tokarczuk O. Mesjasz był kobietą! Rozmawia S. Sierakowski // Krytyka Polityczna. 2014.15 XI.*

⁸ Лотман 1992: 182.

⁹ *Tokarczuk O. Jaki to cud, to życie. Rozmowa z Olgą Tokarczuk. Rozmawiają Piotr Skubała, Anna Gierlińska, Ryszard Kulik. URL: <https://dzikiezycie.pl/archiwum/2014/marec-2014/jaki-to-cud-to-zycie-rozmowa-z-olga-tokarczuk> (дата обращения: 06.03.2024).*

реальность, нередко подталкивают читателя (порой даже профессионального¹⁰) к соблазну не заметить грани между ней и литературой (подтверждая слова В. Шмида о том, что фикциональность есть величина относительная, и восприятие текста как фикционального или фактуального зависит от функции, приписываемой ему читателем под влиянием историко-социального контекста¹¹). Поскольку Душейко выступает также в роли повествовательницы и наделена рядом автобиографических черт, тем более появляется искушение считать ее непосредственным (то есть без учета опосредования формой) «рупором» автора.

Живущая уединенно, «вдали от остального мира»¹², всерьез увлекающаяся астрологией, истово отстаивающая права животных, устроившая для них кладбище под своими окнами, а дома хранящая «тщательно подписанные»¹³ частички останков жертв охотников и браконьеров (в надежде на то, что когда-нибудь при помощи клонирования удастся искупить издержки антропоцентризма), эпатирующая окружающих извлекаемыми из кармана или сумки «клоком окровавленной щетины»¹⁴ убитого кабана или копытцем убитой косули, Янина, по определению самой писательницы, — «старая одинокая эксцентричная женщина»¹⁵. Нередко встречающийся в прозе Токарчук тип подобного героя — чудака, эксцентрика, безумца, еретика, пытающегося вписать свой голос в доминирующий нарратив или противостоять ему — не характерен для литературы Польши: слишком устойчив в польской ментальности компенсаторный и терапевтический комплекс героически-романтических ценностей, порожденный негативным историческим опытом:

Роман (Токарчук. — *И.А.*) населен фигурами, которые вы напрасно станете искать на страницах нашей прозы, а если даже они и появляются, то исключительно в перспективе сатирической или иронической¹⁶.

¹⁰ См., например: *Sobieraj W.* Recenzja: Olga Tokarczuk. "Prowadź swój plug przez kości umarłych". URL: <http://krytykaliteracka.blogspot.com/2010/03/recenzja-olga-tokarczuk-prowadz-swoj.html> (дата обращения: 06.03.2024).

¹¹ Шмид 2003: 27.

¹² *Токарчук О.* Веди свой плуг по костям мертвецов / пер. И. Адельгейм. М.: InSpīria, 2020. С. 28.

¹³ Там же: 120.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Токарчук О.* Czuję narrator. S. 224.

¹⁶ Nowacki 2009.

Писательница образует для Янины целую «референтную группу» из тех, кого «ломящийся вперед, самодовольный, зацикленный на себе мир»¹⁷ полагает бесполезными неудачниками: «...эта книга — не о людях успешных, а о лузерах. И я стою на их стороне»¹⁸. Токарчук также вводит — на разных уровнях повествования — фигуру еретика и бунтаря У. Блейка: с одной стороны, через связанную с ним сюжетную линию (увлечение героев чтением и переводом его поэзии), с другой, через текст в тексте — цитаты и эпитафии, «определяющие горизонт» романного пространства¹⁹.

Отсюда система персонажей и система дискурсов в романе — стандартная модель пирамиды власти, принадлежащей сильнейшему («причем сильнейшему, лишённому эмпатии»²⁰). Токарчук, предельно заостряющая исповедуемые героиней идеи критического постгуманизма (интерес к которому в Польше постепенно растет²¹), распространяет «этическую парадигму»²² также на животных. В мире воинствующего антропоцентризма они оказываются символом бесправия, что, в конечном счете, провоцирует Янину Душейко на совершение убийства. Функционирование этой системы показано через конфронтацию дискурсов исключения и исключённых²³ (с характерными для обоих манипулятивными аберрациями).

Попытки Янины действовать в рамках закона (обращения в полицию, заявления, письма) тщетны, так как голос ее остается неуслышанным:

... вежливо выслушивали мое сообщение и ничего не предпринимали.
Никто меня не слушал...

¹⁷ Tokarczuk O. Czuly narrator. S. 225.

¹⁸ Tokarczuk O. Jaki to cud, to życie.

¹⁹ Smęder M. Olga Tokarczuk o swojej najnowszej powieści // Empikkultura, 2009, 11. URL: <https://www.empik.com/pasje/olga-tokarczuk-o-swojej-najnowszej-powieci.7930.a> (дата обращения: 06.03.2024).

²⁰ Tokarczuk O. Czuly narrator. S. 242.

²¹ См., например, полностью посвященный идеям постгуманизма номер журнала «Контексты. Польское народное искусство» (Konteksty. Polska sztuka ludowa. 2009. №4), а также: Bakke 2010; Zwierzęta 2014, Zwierzęta 2015; Ładyga, Włodarczyk (red.) 2015. Присутствие идей постгуманизма в творчестве О. Токарчук проанализировал в кандидатской диссертации К. Кантнер (Kantner 2016). С этой перспективы рассмотрел роман «Веди свой плуг по костям мертвецов» О. Веретюк (Weretiuk 2013).

²² Tokarczuk O. Jaki to cud, to życie.

²³ Witosz 2010: 22–23.

... я не получила ответа на предыдущее письмо, несмотря на то что, согласно закону, любая государственная организация обязана сделать это в течение 14 дней...

Я понимаю, что у глубокоуважаемой Полиции имеются какие-то крайне важные причины не отвечать на письма...

— Вы не читаете мои письма. А ведь я все там объяснила. — Они переглянулись. — Нет, мы серьезно спрашиваем. — А я серьезно отвечаю. Я вам писала. Впрочем, до сих пор ни одного ответа не получила²⁴.

На примере Янины Токарчук показала механизм действия лейб-линга как одной из наиболее эффективных процедур дискурсивного подчинения. Янину не допускают до полноценного участия в диалоге при помощи набора ярлыков:

...услышала, как оба прыснули со смеху, и до меня донеслись <...> слова: — Психопатка ненормальная.

— Не спорь с ней, она сумасшедшая. <...> — В чем дело? ... — Ничего, ничего, это та пожилая дама <...>. В его голосе послышалась ирония.

... подвела к двери. Словно сумасшедшую.

... я была для него старухой, вконец спятившей в этой глуши. Беспольной и ничтожной²⁵.

«Разделение и отбрасывание» на основе противопоставления разума и безумия — древнейшая процедура исключения: дискурс того, кто объявлен «сумасшедшим», утрачивает способность циркулировать наравне с другими: слово безумца воспринимается или как неистинное («недействительное»²⁶), или, напротив, как сверхистинное. В современном обществе работает первое — точно так же, как и старость (прежде всего женская) больше не обменивается в нем на «символическую признанность», на «статус и привилегии»²⁷ — поэтому такой комплекс ярлыков (сумасшедшая + старая + женщина) представляет столь эффективный способ не принимать всерьез ни саму героиню, ни ее аргументы.

Самостоятельным инструментом дискурсивной манипуляции является и сам язык охотников, цинизм эвфемистичности которого

²⁴ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 14, 117, 201, 219, 226.

²⁵ Там же. С. 38, 72, 121, 206.

²⁶ Фуко 1996: 51.

²⁷ Бодрийяр 2006: 290.

(«Язык этот ловко прикрывает все то, что касается физиологии умирания, а также утаивает основной и неустранимый факт убийства...»²⁸) очевиден для героини, но скрыт для ее оппонентов, являясь общепринятым, а потому свободным от подозрений в негативной семантике элементом антропоцентрических «правил игры»: «...я никогда не понимала разницы между словами “браконьер” и “охотник”. И тот, и другой убивают. Первый — тайком и незаконно; второй — открыто и в полном соответствии с законом»²⁹. Квинтэссенцией манипулятивной подмены понятий оказывается в романе проповедь капеллана охотников, подчеркивающего якобы природоохранные функции охоты³⁰.

Однако и дискурс исключенного, в свою очередь, стереотипизирует и дегуманизирует (доминирующего) оппонента: в перспективе Янины охотники предстают воплощением бездумной и жестокой силы, уродства патриархальной власти. Они не только исключены из объединяющего мир человеческий и природный круга³¹ взаимной антропоморфизации, зооморфизации, фитоморфизации, но открыто демонизируются:

...я вообще не считала его человеческим Существом.
 ...маленький злобный божок...
 ...волосатый, словно троль...
 Он не мог быть Человеком... Может, <...> был чем-то вроде демона...
 ...нелюдь...
 ...искусственное, пустотелое создание...
 ...я подумала, что это свидетельствует о том, что он не был человеческим Существом³².

²⁸ Czaja 2009: 117.

²⁹ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 266.

³⁰ Там же. С. 251–254.

³¹ Исключение составляют моменты острого ощущения хрупкости и брэнности бытия, объединяющих всех живых существ: «...лежал на заляпанном полу, в грязном белье, маленький и худой, бессильный и безвредный. Просто кусок материи, обратившийся вследствие непостижимых метаморфоз в самодостаточное и хрупкое бытие. Меня охватила печаль, пронзительная печаль, потому что даже такой дрянной человек, как он, не заслуживает смерти. А кто заслуживает? Меня ждет то же самое, и Матоху, и этих Косуль; все мы рано или поздно станем просто мертвой материей»; «Каждый был братом и каждая — сестрой. Мы были так схожи. Бесконечно хрупкие, недолговечные, легкоуязвимые. Доверчиво суетились под небесами, которые не сулили нам ничего хорошего» (Там же. С. 12, 136).

³² Там же. С. 12, 14, 16, 17, 39, 246, 273.

Таким образом Янина создает дистанцию, облегчающую затем убийство. Подобный (однако являющийся общепринятым) механизм дискурсивного воздействия используют охотники, маркируя свою потенциальную жертву как не-человека, то есть того, кто потенциально подлежит убиванию: «— Вы не имеете права убивать живых Существ. <...> — Все в порядке <...>. Мы стреляем по фазанам»³³.

Оба функционирующих в пространстве романа сообщества (одно из которых доминирует над другим), опирающиеся на разные иерархии ценностей, оперируют манипулятивным местоимением «мы»: «Воображение моментально нарисовало мне наши армии, выстроившиеся на равнине и изготовившиеся к битве»; «Чего же вы от нас хотите?»³⁴. Единство оппонентов Янины, подкрепленное охотничьими костюмами, ритуалами и собственно властью (представителями которой в той или иной степени являются комендант полиции, предприниматель, ксендз), базируется на антропоцентризме: «Мы — человеческая Полиция»³⁵. Янина при помощи «мы» включает в свой круг не только друзей-единомышленников («...мы члены одной семьи. <...> мы из тех, кого мир полагает бесполезными»³⁶), но и — прежде всего — животных («...я увидела знакомого Лиса, которого называю Консулом... Он посмотрел на меня долгим взглядом, спокойно, без страха, словно говоря: “Видишь? Видишь? Я тебе показал, теперь ты этим займись”»³⁷), а также У. Блейка с его идеями антропоморфизма природы («наш Блейк»³⁸). Парадигма инклюзивности и эксклюзивности распространяется даже на машины: старый автомобиль Янины — «свой» («Самурай, очевидно, понимал, что от него требуется...»³⁹), в противоположность охотничьему джипу, демонизируемому, подобно его владельцу («Сейчас здесь стояло одно из этих чудовищ — у самого ручья, у края долины, буквально на пороге наших жилищ»⁴⁰).

Оба сообщества легитимизируют свои действия, апеллируя одновременно к некой высшей инстанции и к здравому смыслу. Охотники

³³ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 72.

³⁴ Там же. С. 37, 114.

³⁵ Там же. С. 37.

³⁶ Там же. С. 259.

³⁷ Там же. С. 111.

³⁸ Там же. С. 17, 64.

³⁹ Там же. С. 71.

⁴⁰ Там же. С. 155.

ссылаются на закон земной («Мы здесь законно»; «Мы — страна, где действует закон»⁴¹) и божественный («Господь определил животным место ниже, они служат людям»⁴²), Янина — на авторитет поэта-бунтаря («...как утверждал наш Блейк...»; «так утверждал наш Блейк»; «Блейк писал...»; «...сказала я сама себе словами Блейка...»⁴³) и небесные силы:

На моей стороне были Сумерки, которые опускались на глазах. Они всегда помогают таким, как я.

Знаю, что мне повезло, и именно это везение придало мне смелости. Разве это не значит, что момент правильный, что Планеты мне благоприятствуют?

И я снова подумала, что все складывается именно так, как надо⁴⁴.

Оба убеждены в логичности своего миропонимания — охотники противопоставляют себя «сумасшедшей старухе», Янина взывает к элементарной логике:

А разве такая уж большая разница между Зайцем, Собакой и Свиньей?

... логика была мне непонятна: Губерт, пока еще не святой, — негодяй и повеса. Обожает охоту. Убивает. Однажды на охоте он видит на голове Оленя, которого собирался застрелить, крест со Спасителем. Падает на колени и прозревает. Осознает, как страшно грешил. И с тех пор больше не убивает, становится святым. Почему такого человека сделали покровителем охотников? В подобных вещах поражает полное отсутствие логики. Если бы сторонники Губерта хотели ему подражать, им бы следовало перестать убивать. А если охотники выбрали его своим покровителем, то получается, что он покровительствует тому, что являлось его грехом и от чего он освободился. То есть они делают его покровителем греха⁴⁵.

Янина объявляет себя послем животного мира, выступает от лица притесняемого и лишённого голоса Другого:

...я уже знала, что сделаю. Мне поведали об этом Косули, которых мы видели возле дома. Они избрали меня <...>, чтобы я действовала от их Имени. Они возникли передо мной, подобно Оленю Губерта — чтобы я втайне от всех обратилась в карающую десницу правосудия.

⁴¹ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 73, 113.

⁴² Там же. С. 247.

⁴³ Там же. С. 17, 64, 98, 243.

⁴⁴ Там же. С. 258, 270, 276.

⁴⁵ Там же. С. 215, 248–249.

Защитницу не только Косуль, но и других Животных. Ведь их депутаты не сидят в парламентах. Они даже Орудием меня снабдили, весьма хитроумным.

Я не лгала, когда твердила вам, что Животные мстят людям. Так оно и было. Я служила им Орудием⁴⁶.

Это становится основанием ее права на убийство как права обрести голос, который наконец будет услышан: «...я представляла себе, что обращаюсь в суд и побеждаю зло»⁴⁷. Однако и охотники утверждают свое право на убийство как данное «свыше»: «Охотники <...> это посланники и сподвижники Господа Бога нашего в деле творения <...>. Владейте землей! Это к вам, охотникам, обратился с этими словами Господь...»⁴⁸.

Конфликт романа, с точки зрения социально-психологической и дискурсивной являющийся, таким образом, конфликтом поведения индивидуального и общепринятого, меньшинства и большинства, на уровне сюжетном воплощается при помощи развертывания событий в «сфере непредсказуемости»⁴⁹, причем непредсказуемости различного рода. Формально — это типичная детективная интрига, разделяющая сознание «нарратора, владеющего отгадкой, и адресата, ждущего отгадки»⁵⁰. «Веди свой плуг по костям мертвецов» — детектив, «хотя, разумеется, не классический, а в виде пастиша», но «даже воспринимаемый с долей иронического скепсиса, это текст, который читается в напряжении, в ожидании разгадки»⁵¹. Этот необходимый элемент рецептивной установки — «парадоксальное ожидание неожиданностей»⁵² — реализуется двояко: сначала как невозможность с точки зрения здравого смысла (версия, распространяемая Яниной и постепенно находящая определенный отклик среди окружающих: убийства охотников — месть самих животных), затем — с точки зрения общепринятых норм (убийство людей как действие в защиту прав животных). Таким образом, логика эксцентричного поведения героини — как элемент нарративной логики фабулы (сжато изложенной в эпиграфе из У. Блейка к первой главе: «Некогда кроткий, / опасным путем /

⁴⁶ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 266, 273.

⁴⁷ Там же. С. 270.

⁴⁸ Там же. С. 252.

⁴⁹ Лотман 1992: 128.

⁵⁰ Тюпа 2015: 17.

⁵¹ Nowacki 2009.

⁵² Тюпа 2015: 16.

Шел праведник / Долиною смерти»⁵³) — остается до поры до времени скрыта в соответствии с жанровыми «направляющими» романа, подразумевающими определенную нарративную логику сюжета. Напряжение создается традиционными для детектива способами —

...тайна — преступление, <...> ложная разгадка <...>, затем <...> истинная картина убийства. В произведении такого типа инверсия обязательна, причем иногда она дается в сложном виде пропуска отдельных элементов⁵⁴

— и манипулированием степенью, мотивами, причинами «ненадежности»⁵⁵ повествователя.

Токарчук справедливо называет свой роман «книгой о потенциале гнева»⁵⁶, который движет героиней, переживающей «скорбь, огромную скорбь, бесконечный траур по каждому мертвому Животному»⁵⁷. Это повествование о гневе как реакции на ограничение свободы гуманизма и свободы противостоять злу, возведенному в принцип, как реакции на беспомощность:

...когда нам кажется, что наше чувство достоинства и справедливости оказалось попрано. Это ответ порядочного гражданина на ситуацию, в которой все доступные способы действий против аморального закона уже исчерпаны и нужно предпринять что-то, выходящее за рамки принятого и одобренного обществом⁵⁸.

Иными словами — тот скандал, который, по Бахтину⁵⁹, возникает в условиях столкновения личности с общепринятыми правилами и условностями, проявляя истинные внутренние установки человека, не завуалированные нормами, предписаниями, приличиями. Токарчук называет Янину героиней трагической, «то есть такой, которая стоит перед неразрешимой дилеммой — любой выход оказывается плохим с нравственной точки зрения»⁶⁰.

⁵³ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 7.

⁵⁴ Шкловский 1929: 161.

⁵⁵ Ласточкина, Коробова 2017: 317.

⁵⁶ Tokarczuk O. Czujy narrator. S. 237.

⁵⁷ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 112.

⁵⁸ Tokarczuk O. Czujy narrator. S. 238.

⁵⁹ Бахтин 2002: 342.

⁶⁰ Tokarczuk O. Jaki to cud, to życie.

Это гнев одновременно конструктивный и деструктивный. Он парадоксальным образом «раскрывает свою позитивную сторону — сочувствие»⁶¹, дает силы вступить за слабого, полностью лишенного голоса. Однако сострадание к беззащитному, проповедь эмоциональной связи человека и природы оборачиваются действиями не только насильственными, но и эксцентричными: убийство охотников Янина выдает за месть самих животных⁶², и сама в это верит, помогая себе астрологическими знаниями, которые функционируют в ее картине мира как альтернативная система мирообъяснения. В повествовании Токарчук можно усмотреть некую ироническую аллюзию на Достоевского: идея (и понимание свободы воли) — конструктивный момент романа, движущая сила поведения героини, все больше одерживающая над ней верх. Однако все это остранено трагикомизмом, на который указывает, в частности, демонстративная наивность многих высказываний Янины, и именно этот трагикомизм — вкупе с использованием «сложного динамического резервуара непредсказуемости»⁶³ — помогает при разговоре об экологии и правах животных, о границах понятия человечности и антропоцентризме избежать пафоса и дидактики (от которых не свободна значительно более одноплановая экранизация Агнешки Холланд⁶⁴).

На семантический строй текста и горизонт читательских ожиданий воздействует еще одна жанровая установка: детектив (в отличие от авантюрной интриги, которой «соответствует этос желаний, в основе которого внутренняя свобода и самодостаточность человеческого “я”»⁶⁵) — так или иначе жанр достаточно «законопослушный и охранительный», «моральный и даже дидактичный»⁶⁶. В его рамках «персонажа, преступившего писаный или неписаный кодекс, неминуемо ждет наказание или порицание»⁶⁷. Эта логика, а также логика обыденных представлений читателя о границах допустимого, включающая художественный текст в «более сложную внетекстовую конструкцию»⁶⁸,

⁶¹ Шкловский 1929: 151.

⁶² Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 49.

⁶³ Лотман 1992: 128.

⁶⁴ “Рокот” (в российском прокате — «След зверя»), 2017 г.

⁶⁵ Тюпа 2015: 16–17.

⁶⁶ Анджапаридзе 1989: 10.

⁶⁷ Анджапаридзе 1989: 10.

⁶⁸ Лотман 1970: 66.

требует наказания / осуждения / раскаяния героини («Ты убила людей. Ты отдаешь себе отчет? Понимаешь?»⁶⁹). Однако автор уходит от роли судьи — «прячет» Янину, отправляя ее в «бессрочное изгнание куда-то в Беловежскую Пущу, в недра неприкосновенной, вечной природы»⁷⁰, не «наказывает» убийцу ни извне, ни внутренне, ни реально, ни символически («Никаких угрызений совести я не испытывала. Чувствовала лишь огромное облегчение»⁷¹). А. Н. Веселовский неслучайно относил сюжет к числу «сложных поэтических формул»⁷², обладающих огромной смысловой энергией: именно финал, в котором отсутствует ожидаемый сюжетный элемент (своего рода «минус-прием»⁷³) смутил или возмутил многих читателей, а сама писательница назвала свой роман моральным триллером⁷⁴.

Токарчук, объясняя логику действий автора (себя) и персонажа (Янины), отстаивает не просто право художественного творчества на свободу, но, в сущности, говорит о прагматике и этике этой свободы, понимая ее как необходимое условие душевного труда человечества, работы его над своей человечностью. «Определение <...> собственной сущности» Ю. М. Лотман называл «одной из существеннейших психологических задач», решаемой в значительной степени при помощи искусства, предоставляющего человеку «условную возможность говорить с собой на разных языках, по-разному кодируя свое <...> “я”»⁷⁵. По мнению А. Жихлинского, художественный текст представляет собой общедоступную «сложную ментальную партитуру»⁷⁶, лабораторию для «ментальных экспериментов»⁷⁷ с гипотетическими модусами бытия, для исследования выборов человека в моделируемой произведением «ситуации свободы»⁷⁸. Будь Душейко арестована,

⁶⁹ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 262.

⁷⁰ Tokarczuk O. Czuję narrator. S. 247.

⁷¹ Токарчук О. Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 269.

⁷² Веселовский 1989: 295.

⁷³ Лотман 1970: 66.

⁷⁴ Staszczyszyn B. Agnieszka Holland ekranizuje kryminal Tokarczuk. URL: <https://culture.pl/pl/arttykul/agnieszka-holland-ekranizuje-kryminal-tokarczuk> (дата обращения: 06.03.2024).

⁷⁵ Лотман 1970: 83.

⁷⁶ Żychliński 2014: 18.

⁷⁷ Żychliński 2014: 25

⁷⁸ Лотман 1992: 236.

книга лишилась бы смысла и демонстрировала, что усилия героини, вся ее философия — не более чем безвредное бормотание старухи, безумие чудачки. <...> Да, это принимает крайнюю, насильственную форму, но именно для того и существует литература — и искусство в целом, — чтобы бросить вызов, решиться на то, чего мы не позволили бы себе в реальной жизни, попытаться в мире фантазии и воображения проработать темные стороны нашей природы⁷⁹.

Это понимание сродни концепциям прагматической эстетики Д. Дьюи и Р. Шустермана, рассматривавших искусство как «особенную, живую форму нашей эмпирической реальности, а не ее функциональное подобие»⁸⁰.

«Веди свой плуг по костям мертвецов» — детектив-провокация, и психологический поединок здесь совершается не между сыщиком и преступником, а между автором и читателем. Читатель ждет наказания или хотя бы раскаяния, поскольку писательница «посягает» на общепринятые нормы: «Душейко, в очередной раз пользуясь своей эксцентричной перспективой, <...> делает гнев орудием воздействия на окружающий мир — со всеми страшнейшими последствиями»⁸¹. Токарчук усиливает эту провокацию, ведя в тексте и метатексте (интервью, лекциях, эссе) игру с идентификацией автора с героем.

...Душейко представляет собой определенную потенциальную проекцию меня самой в будущем. <...>, если не изменится окружающий мир и механизмы, им управляющие <...>, если <...> состояние “выученной беспомощности” сохранится <...>, то да, предупреждаю: я стану Яниной Душейко⁸²;

Я давно чувствую себя Яниной Душейко⁸³,

— утверждает писательница.

Связь между Яниной и Ольгой — с поправкой на трагикомическую дистанцию — последовательно соблюдена и в самом романе, причем на разных уровнях повествования. Это не только

⁷⁹ Tokarczuk O. Czuły narrator. S. 247.

⁸⁰ Шустерман 2012: 95.

⁸¹ Tokarczuk O. Czuły narrator. S. 238.

⁸² Ibid. S. 226.

⁸³ Tokarczuk O. Prośbę o miejsce dla odmieńców // Gazeta Wyborcza. 2010.10.V. URL: <https://wyborcza.pl/7,76842,7855480,prosze-o-miejsce-dla-odmiencow.html> (дата обращения: 06.03.2024).

автобиографические «подсказки», не только мировоззренческий пласт — взгляды на экологию, понимание эмоциональной связи между человеком и животным как безусловной ценности, непримиримость по отношению к страданиям животных, причиняемым человеком, идея «необязательности» присутствия человека в мире⁸⁴ и пр. Два основных вектора мироощущения Янины — любовь к пересечению границ («...иногда мне нравилось переходить ее (границу. — И.А.) специально. <...> Это доставляло мне удовольствие, поскольку я помнила времена, когда такое было невозможно. Я люблю преодолевать границы»⁸⁵) и стремление увидеть мир также и «вверх ногами» (шутливая отсылка к статье Т. Нагеля «Какое быть летучей мышью?»: «Мне бы хотелось знать, как Летучая мышь видит мир; хоть раз пролететь в ее теле над Плоскогорьем»⁸⁶) — это и кредо самой писательницы. Категория пограничья является для творчества Токарчук центральной, это одновременно инструмент художественного осмысления окружающего мира и нравственная цель, связанная с императивом эмпатии, в основе которого лежит принцип цельности мировосприятия:

...взгляд на то, что мы называем миром, как на огромный сложный организм, все составные элементы которого постоянно воздействуют друг на друга и друг от друга зависят⁸⁷.

...нет своих и чужих. Мы все — свои, поэтому любое зло, которое мы делаем чужим, мы делаем себе⁸⁸.

Это идея переживания множества (и, следовательно, множественности) моделей опыта, идея со-чувствия, открывания родства, перспектива, важнейшей категорией которой является чуткость («Литература основана на чуткости по отношению к каждому отличному от нашего бытию»⁸⁹), неслучайно вынесена писательницей в название Нобелевской речи («Чуткий повествователь»).

⁸⁴ Об экологической деятельности О. Токарчук и ее понимании неразрывной связи экологии и этики см., например: Weiss 2019; O przyrodzie, literaturze, feminizmie, micie, życiu i śmierci. Z Olgą Tokarczuk rozmawiają Janusz Korbel i Marta Lelek // *Dzikie Życie*. 2000. № 4; *Tokarczuk O. Jaki to cud, to życie*.

⁸⁵ *Токарчук О.* Веди свой плуг по костям мертвецов. С. 59.

⁸⁶ Там же. С. 153.

⁸⁷ *Токарчук О.* Jaki to cud, to życie.

⁸⁸ *Токарчук О.* Moment niedźwiedzia. Warszawa: Krytyka Polityczna, 2012. S. 50.

⁸⁹ *Токарчук О.* Czuję narrator. S. 287–288.

Токарчук — значимый голос в польской общественной дискуссии⁹⁰, понимает литературу как дискурсивную практику, имеющую в том числе определенную — этическую — сверхзадачу⁹¹: «Это книга политическая <...> в наиболее широком понимании политичности как оценки происходящего вокруг и определения своей позиции по отношению к этим событиям»⁹². Сверхзадачу она решает при помощи манипулирования границами свободы поведения героя, подталкивая таким образом к свободе рефлексии читателя: «Я писала эту книгу как провокацию, и провокация безусловно удалась — отклики оказались полярно противоположными. <...> Я попыталась пойти против течения...»⁹³.

«Расшатывая» характерные для детектива оппозиции — преступление/наказание, преступник/судья, закон/беззаконие, жертва/убийца, грех/невиновность, добро/зло, — Токарчук ставит их под сомнение и во внежанровом и, шире, внелитературном пространстве. Она предлагает читателю отказаться от однозначности и неизменности перспективы (антропоцентризм как единственная модель бытия), показывает, что в рамках разных дискурсов одни и те же понятия могут иметь разные смыслы, а одни и те же дискурсивные практики могут быть признаны правомочными или нет, оспаривает и конкретные стереотипы мышления и чувствования, и сам принцип «бинарной зашоренности»⁹⁴. Эксцентричное поведение героини оказывается воплощением исповедуемой автором идеи экс-центризма: «Чтобы увидеть смысл, нужно отойти от этого совместными усилиями утоптанного пространства и взглянуть немного с другой стороны»⁹⁵.

Способность художественной литературы постоянно переступать границы между реальностью и вымыслом делает ее эффективным инструментом воспитания пластичности мировосприятия,

⁹⁰ Dunin 2012: 7.

⁹¹ А. Мороз назвал Янину Душейко «воплощением экофеминизма» (Moroz 2020. S. 151). В контексте экофеминизма роман рассматривается также в: Borkowska 2010; Mortensen 2021.

⁹² Tokarczuk O. Świat ma błąd w oprogramowaniu. Wywiad. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kultura/1500413,1,olga-tokarczuk-swiat-ma-blad-w-oprogramowaniu.read> (дата обращения: 06.03.2024).

⁹³ Tokarczuk O. Jaki to cud, to życie.

⁹⁴ Шустерман 2012: 23.

⁹⁵ Nie ma żadnej historii, są tylko osoby, są tylko biografie... (Z Olgą Tokarczuk rozmawia Ryszard Koziej) // Świętokrzyski Kwartalnik Literacki. 2015. № 1–2. S. 21.

осознания неоднозначности, небинарности, нелинейности реальности, ее цельности и одновременно разнонаправленности. Именно поэтому литература, как утверждает Токарчук, «не должна быть искусством элитарным»⁹⁶.

Все это безусловно свидетельствует о литературоцентризме сознания автора. Но и «недовольство» части публики финалом говорит о том же. Польский читатель воспитан в обществе со все еще сильными традициями литературоцентризма — несмотря на пресловутый кризис последнего, он в значительной степени остается в границах прежних интерпретационных стратегий, установок, стереотипов. Парадоксальным образом он же выступает против свободы «художественного поведения» писателя, в конечном счете работающей на роль, которой от того ждут. Такая реакция демонстрирует отличие непосредственного восприятия и понимания от «понимания, которое достигается через интерпретацию»⁹⁷ и ограниченность понимания «горизонтом сообщества, его структурой верований и свойственными ему категориями интерпретации»⁹⁸. Однако заложенный в текст механизм провокации «срабатывает» в любом случае, поскольку это действие, направленное «на поиск и раскрытие смысла, побуждение собеседника к диалогу», то есть «побуждение к жизни»⁹⁹ в бахтинском понимании:

Смысл не задается автором, а возникает в диалогическом общении автора и героя. Провокация в этом контексте является способом выявления смысла, поскольку без вопроса никакого ответа быть не может. <...> Он не просто предоставляет читателям информацию, а побуждает, стимулирует, провоцирует их на собственные решения намеченных автором проблем¹⁰⁰.

Хотя жанровый выбор был, на первый взгляд, случаен¹⁰¹, за ним стоит также литературоцентрическая позиция автора. Понимая

⁹⁶ *Toкарчук О.* Czujy narrator. S. 100.

⁹⁷ Шустерман 2012: 193.

⁹⁸ Шустерман 2012: 195.

⁹⁹ Дмитриев, Сычев 2017: 165.

¹⁰⁰ Дмитриев, Сычев 2017: 187–188.

¹⁰¹ «После завершения “Бегунов” я впала в состояние странной пустоты <...>. Это совпало с большими переменами в моей жизни, которые я тяжело переживала <...>. Я не планировала ничего писать. Но вскоре обнаружилось, что я забыла о контракте с издателем, который обязывал меня в определенный срок сдать еще одну книгу. <...>

литературу как элемент общественной коммуникации, «глубоко доверяя тому, что делает читатель», Токарчук декларирует действенность «литературы промежутка — написанной как популярная, но открытой к сложным интерпретациям»¹⁰². Стратегия объединения лудического (роман критика назвала «произведением, дружелюбно настроенным по отношению к читателю»¹⁰³) — и интеллектуального, доступного в непосредственном восприятии — и требующего усилий, по остроумному выражению критика, напоминает «уловку сапожника из легенды о Вавельском драконе»:

...соблазнительной овечьей шкурой является здесь популярный жанр, который гарантирует читателю понимание и удовольствие от чтения, а начинкой из серы — дискурсивное содержание, например, философско-нравственная проблематика. <...> идея не новая, но исключая осечку. Срабатывает она и в новом романе Токарчук. Эта книга написана легко и со вкусом, с точки зрения литературного мастерства — едва ли не совершенна. Она призвана развлекать и воспитывать¹⁰⁴.

Р. Шустерман, говоря о мелиористских функциях литературы, особые надежды возлагает как раз на силу ее гедонистического потенциала:

Поскольку произведения популярного искусства понятны большому количеству людей, они могут быть особенно эффективными в развитии большей чувствительности нашего общества к моральной и политической несправедливости¹⁰⁵.

Вымысел в целом и личность литературного героя в частности — знание «перформативное»¹⁰⁶, то есть воплощающееся в действии и, в свою очередь, задействующее воображение и механизмы идентификации и эмпатии. Этому особенно способствует сенсорно

Я подумала, что простейший способ справиться с обязательством — это пойти по пути наименьшего сопротивления и написать нечто, хорошо вписывающееся в какой-нибудь жанр» (*Токarczyk O. Czuję narrator. S. 226–227*).

¹⁰² *Токarczyk O. Chciałabym pilnować środka // Czaplinski P., Śliwiński P. Kontrapunkt. Rozmowy o książkach. Poznań, 1999. S. 246.*

¹⁰³ Nowacki 2009.

¹⁰⁴ Nowacki 2009.

¹⁰⁵ Шустерман 2020: 136.

¹⁰⁶ Żychliński 2014: 366.

ориентированное письмо Токарчук, «тренирующее» соматическое сознание, которое, в свою очередь

позволяет нам отчетливо представить, каково это — быть угнетенным или презираемым (или даже просто оскорбленным или обиженным). Благодаря развитому соматическому воображению, восприимчивой и тонкой соматической чувствительности можно более интенсивно проживать различные ситуации¹⁰⁷.

В данном романе помимо характерного для Токарчук нарратива телесности¹⁰⁸ использованы также другие «вовлекающие» читателя инструменты: прежде всего перспектива первого лица и подробная передача внутренней и внешней речи.

По словам К. Дунина,

если это утопия, то очень осторожная, можно сказать, постсовременная, которая не осмеливается создавать проекты, но имеет мужество верить в неединственность нынешних способов мироустройства. Она заключается в постоянном оспаривании повсеместно принятых аксиом и рефлексии — как бы мог выглядеть мир, опирайся он на иные принципы¹⁰⁹.

Именно это заставило критика Д. Новацкого назвать роман Токарчук одним из «наиболее обнадеживающих текстов последних лет»¹¹⁰.

Литература

Адельгейм 2023 — *Адельгейм И.Е.* «Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2023. С. 273–295. DOI: 10.31168/2619-0877.2023.6.10.

Анджапаридзе 1989 — *Анджапаридзе Г.А.* Популярный жанр вчера и сегодня // *Кестхейи Т.* Анатомия детектива. Будапешт: Корвина, 1989. С. 5–15.

¹⁰⁷ Шустерман 2020: 148–149.

¹⁰⁸ Подробнее об этом см.: Адельгейм 2023.

¹⁰⁹ Dunin o Tokarczuk: Olga jest niespokojnym i bardzo docieklwym duchem. URL: <https://krytykapolityczna.pl/kultura/czytaj-dalej/kinga-dunin-czyta/nobel-dla-tokarczuk/> (дата обращения: 06.03.2024).

¹¹⁰ Nowacki 2009.

- Бахтин 2002 — *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
- Бодрийяр 2006 — *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 387 с.
- Веселовский 1989 — *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.
- Гинзбург 1979 — *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Ленинград: Советский писатель, 1979. 224 с.
- Дмитриев, Сычев 2017 — *Дмитриев А.В., Сычев А.А.* Провокация: социофилософские очерки. М.: ЦСПиМ, 2017. 336 с.
- Ласточкина, Коробова 2017 — *Ласточкина А.С., Коробова Д.М.* О семантике ненадежной наррации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 317–325.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис. Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Издательство «Искусство», 1970. 387 с.
- Тюпа 2015 — *Тюпа В.И.* Этос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 2. С. 9–19.
- Фуко 1996 — *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Шкловский 1929 — *Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 268 с.
- Шмид 2003 — *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- Шустерман 2020 — *Шустерман Р.* Прагматизм и культурная политика: от текстуализма к сомаэстетике. Мыслить через тело: эссе по сомаэстетике // Terra Aestheticae. 2020. № 2(6). С. 113–156.
- Шустерман 2012 — *Шустерман Р.* Прагматическая эстетика: живая красота, переосмысление искусства. М.: Канон+, 2012. 408 с.
- Bakke 2010 — *Bakke M.* Bio-transfiguracje. Sztuka i estetyka posthumanizmu. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 2010. 272 s.
- Borkowska 2010 — *Borkowska M.* O starych kobietach i dzikiej przyrodzie. Notatki na marginesie «Prowadź swój plug przez kości umarłych» Olgi Tokarczuk // Dziekie Życie. 2010. № 11/197. URL: <https://dzikiezycie.pl/archiwum/2010/listopad-2010/o-starych-kobietach-i-dzikiej-przyrodzie-notatki-na-marginesie-prowadz-swoj-plug-przez-kosci-umarlych-olgi-tokarczuk> (дата обращения: 18.06.2024).
- Czaja 2009 — *Czaja D.* Przerzefarowany świat — mitologie polowania // Konteksty. Polska Sztuka Ludowa. 2009. № 4. S. 110–125.
- Dunin 2012 — *Dunin K.* Pisarka // *Tokarczuk O.* Moment niedźwiedzia. Warszawa: Krytyka Polityczna, 2012. S. 3–7.

- Kantner 2016 — *Kantner K.* Literatura jako dyskurs krytyczny. Proza Olgi Tokarczuk w kontekście przemian literatury i humanistyki ostatniego stulecia. Praca doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr. hab. R. Nycza. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016. 220 s. (рукопись).
- Moroz 2020 — *Moroz A.* Czy człowiek występujący w obronie przyrody przed drugim człowiekiem to nestbeschmutzer? Wokół powieści Olgi Tokarczuk «Prowadź swój pług przez kości umarłych» // *Czas Kultury*. 2020. № 1. S. 149–156.
- Mortensen 2020 — *Mortensen E.* The Fury's Revenge: An Ecofeminist Reading of Olga Tokarczuk's Drive Your Plow Over the Bones of the Dead // *Scando-Slavica*. 2020. № 2(67). P. 227–246.
- Nowacki 2009 — *Nowacki D.* Prowadź swój pług przez kości umarłych. Tokarczuk Olga // *Wyborcza.pl*. 24.11.2009. URL: <https://wyborcza.pl/7,75410,7285172,rowadz-swoj-plug-przez-kosci-umarlych-tokarczuk-olga.html> (дата обращения: 06.03.2024).
- Ladyga, Włodarczyk (red.) 2015 — *Po humanizmie: od technokrytyki do animal studies* / red. Z. Ladyga, J. Włodarczyk. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Katedra, 2015. 340 s.
- Weiss 2019 — *Weiss A.* Olga Tokarczuk albo (nie tylko) literacki aktywizm Noblistki // *Dziekie Życie*. 2019. № 11/305. URL: <https://dziekiezycie.pl/archiwum/2019/listopad-2019/olga-tokarczuk-albo-nie-tylko-literacki-aktywizm-noblistki> (дата обращения: 18.06.2024).
- Weretiuk 2013 — *Weretiuk O.* Olgi Tokarczuk «przesunięcie znaczenia i uwagi z człowieka na to, co nie jest człowiekiem» w powieści «Prowadź swój pług przez kości umarłych» // *Światy Olgi Tokarczuk*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2013. S. 198–205.
- Witosz 2010 — *Witosz B.* O dyskursie wykluczenia i dyskursach wykluczonych z perspektywy lingwistycznej // *Tekst i dyskurs*. 2010. № 3. S. 9–25.
- Zwierzęta 2014 — *Zwierzęta, gender i kultura*. Perspektywa ekologiczna, etyczna i krytyczna. Warszawa: E-Naukowiec, 2014.
- Zwierzęta 2015 — *Zwierzęta i ich ludzie*. Zmierzch antropocentrycznego paradygmatu. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 2015. 278 s.
- Żychliński 2014 — *Żychliński A.* Laboratorium antropofikcji. Dociekania filologiczne. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 2014. 389 s.

References

- Adel'geim, I. Je., 2023. "Chelovek — eto dusha, telo i povestvovatel!": narrativnaia strategiiia Ol'gi Tokarchuk ["Man is soul, body, and narrator": Olga Tokarczuk's narrative strategy]. *Central-European Studies*, 6, pp. 273–295. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.10>. (in Rus.)

- Andzhaparidze, G. A., 1989. Populiarnyi zhanr vchera i segodnia [Popular genre yesterday and today]. In: Kestkheii, T., 1989. *Anatomiia detektiva*. Budapest: Korvina, pp. 5–15. (in Rus.)
- Bakhtin, M. M., 2002. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoyevsky's poetics]. In: Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii v 7 t.*, 6. Moscow: Russkie slovari; Iazyki slavianskoi kul'tury, pp. 7–300. (in Rus.)
- Bakke, M., 2010. *Bio-transfiguracje. Sztuka i estetyka posthumanizmu*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 272 p.
- Baudrillard, J., 2006. *Simvolicheskiei obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet, 387 p. (in Rus.)
- Borkowska, M., 2010. O starych kobietach i dzikiej przyrodzie. Notatki na marginesie «Prowadź swój plug przez kości umarłych» Olgi Tokarczuk. *Dziekie Życie*, 2010, 11/197. URL: <https://dzikiezycie.pl/archiwum/2010/listopad-2010/o-starych-kobietach-i-dzikiej-przyrodzie-notatki-na-marginesie-prowadz-swoj-plug-przez-kosci-umarlych-olgi-tokarczuk> (accessed: 18.06.2024).
- Czaja, D., 2009. Przerabowany świat — mitologie polowania. In: *Konteksty. Polska Sztuka Ludowa*, 4, pp. 110–125.
- Dmitriev, A. V., Sychev, A. A., 2017. *Provokatsiia: sotsiofilosofskie ocherki* [Provocation: sociophilosophical essays.]. Moscow: TsSPiM, 336 p. (in Rus.)
- Dunin, K., 2012. Pisarka. In: Tokarczuk O. *Moment niedźwiedzia*. Warszawa: Krytyka Polityczna, pp. 3–7.
- Foucault, M., 1996. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: Beyond knowledge, power, and sexuality. Works from different years] Moscow: Kastal', 448 p.
- Ginzburg, L. Ja., 1979. *O literaturnom geroe* [On the Literary Hero]. Leningrad: Sovetskii pisatel', 224 p. (in Rus.)
- Kantner, K., 2016. *Literatura jako dyskurs krytyczny. Proza Olgi Tokarczuk w kontekście przemian literatury i humanistyki ostatniego stulecia*. Praca doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr. hab. R. Nycza. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 220 p. (manuscript)
- Lastochkina, A. S., Korobova, D. M., 2017. O semantike nenadezhnoi narratsii [On the Semantics of Unreliable Narration]. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 3, pp. 317–325. (in Rus.)
- Lotman, Ju. M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Izdatel'stvo "Iskusstvo", 387 p. (in Rus.)
- Lotman, Ju. M., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis. Izdatel'skaia grupa "Progress", 272 p. (in Rus.)
- Moroz, A., 2020. Czy człowiek występujący w obronie przyrody przed drugim człowiekiem to nestbeschmutzer? Wokół powieści Olgi Tokarczuk «Prowadź swój plug przez kości umarłych». *Czas Kultury*, 1, pp. 149–156.

- Mortensen, E., 2020. The Fury's Revenge: An Ecofeminist Reading of Olga Tokarczuk's Drive Your Plow Over the Bones of the Dead. *Scando-Slavica*, 2 (67), pp. 227–246.
- Nowacki, D., 2009. Prowadź swój pług przez kości umarłych. Tokarczuk Olga. *Wyborcza.pl*, 24.11.2009. URL: <https://wyborcza.pl/7,75410,7285172,pro-wadz-swoj-plug-przez-kosci-umarlych-tokarczuk-olga.html> (accessed: 06.03.2024).
- Ladyga, Z., Włodarczyk, J., eds, 2015. *Po humanizmie: od technokrytyki do animal studies*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Katedra, 340 p.
- Shklovskii, V., 1929. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Federatsiia, 268 p. (in Rus.)
- Shmid, W., 2003. *Narratologija* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 312 p. (in Rus.)
- Shusterman, R., 2012. *Pragmaticheskaia estetika: zhivaia krasota, pereosmyslenie iskusstva* [Pragmatist aesthetics: Living beauty, rethinking art]. Moscow: Kanon+, 408 p. (in Rus.)
- Shusterman, R., 2020. Pragmatizm i kul'turnaia politika: ot tekstualizma k somaestetike. Mysl' cherez telo: esse po somaestetike [Pragmatism and cultural politics: from textualism to somaesthetics. Thinking through the Body. Essays in Somaesthetics]. *Terra Aestheticae*, 2(6), pp. 113–156. (in Rus.)
- Tiupa, V.I., 2015. Etos narrativnoi intrigi [Ethos of narrative intrigue]. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, 2, pp. 9–19. (in Rus.)
- Veselovskii, A.N., 1989. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Moscow: Vysshiaia shkola, 406 p. (in Rus.)
- Weiss, A., 2019. Olga Tokarczuk albo (nie tylko) literacki aktywizm Noblistki. *Dziewięć Życie*, 2019, 11/305. URL: <https://dziewieczycie.pl/archiwum/2019/listopad-2019/olga-tokarczuk-albo-nie-tylko-literacki-aktywizm-noblistki> (accessed: 18.06.2024).
- Weretiuk, O., 2013. Olgi Tokarczuk «przesunięcie znaczenia i uwagi z człowieka na to, co nie jest człowiekiem» w powieści «Prowadź swój pług przez kości umarłych». In: *Światy Olgi Tokarczuk*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, pp. 198–205.
- Witosz, B., 2010. O dyskursie wykluczenia i dyskursach wykluczonych z perspektywy lingwistycznej. *Tekst i dyskurs*, 3, pp. 9–25.
- Zwierzęta, gender i kultura. Perspektywa ekologiczna, etyczna i krytyczna*, 2014. Warszawa: E-Naukowiec.
- Zwierzęta i ich ludzie. Zmierzch antropocentrycznego paradygmatu*, 2015. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 278 p.
- Żychliński, A., 2014. *Laboratorium antropofikcji. Dociekania filologiczne*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 389 p.

Irina Je. Adel'geim

DSc, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
 Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
 E-mail: adelgejm@yandex.ru

Ethics and Pragmatics of Freedom: Author, Hero, Reader (Olga Tokarczuk and Janina Duszejko)

The article is devoted to Olga Tokarczuk's "moral thriller" *Drive your Plow over the Bones of the Dead*, introducing a heroine who is endowed with a demonstratively morally controversial freedom of action: by sharpening the ideas of critical posthumanism, the author describes a collision with the unpunished killing of hunters by an eccentric defender of animal rights. The organisation of textual space and its perception are analysed from the perspective of ethics and pragmatics of freedom as understood by the author, the hero, and the reader, from the perspective of interaction between the reader's and the author's vision of fiction's ethical limits, as well as the functions and possibilities of literature. The conflict in the novel, which – from a socio-psychological and discursive point of view – represents a conflict of individual and conventional behaviour, is embodied at the level of eventuality through the diverse use of the sphere of unpredictability, which affects the semantic structure of the text and the horizon of the reader's expectation. The article analyses the interaction of the logic of genre settings, the narrative logic of plot and fabula, both from a fictional, autobiographical and extra-textual stance. Tokarczuk's novel is an (accomplished) artistic provocation, understood as the organisation of a dialogue with the reader in such a paradoxical way as to inevitably induce meaning-generating reflections by the latter. The main mechanism employed by the text is the absence of the expected plot element in the finale (punishment / conviction / repentance of the heroine). Manipulating the boundaries of the heroine's freedom of behaviour, undermining the oppositions characteristic of the detective, the author challenges not only specific stereotypes of the worldview, but also the very principle of binary closure. Tokarczuk's understanding of the ideas of integral and "sensitive" narrative about the world, meliorist ethical and psychological functions and possibilities of literature (in particular, the literature of the "in-between", combining ludic and intellectual elements) is close to the concepts of pragmatic aesthetics: fiction is a specific way of transmitting and acquiring experience, it is performative knowledge, involving imagination and mechanisms of identification and empathy, constituting an element of social communication.

Keywords: literary hero, fiction, extra-textual reality, performative knowledge, genre settings, provocation, pragmatic aesthetics, literature-centrism

Received: 23 March 2024

Accepted: 26 June 2024

How to cite: Adel'geim, I. Je., 2024. Etika i pragmatika svobody: avtor, geroi, chitatel' (Ol'ga Tokarczuk i Janina Duszejko). *Central-European Studies*, 7, pp. 317–340. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.10>.

**ЭКОНОМИКА И СВОБОДЫ:
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

Людмила Петровна Марней

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: mlss@bk.ru

Французское законодательство наполеоновской эпохи в Царстве Польском: развитие политических и экономических свобод в первой половине XIX в.

По решению Венского конгресса в 1815 г. Австрия, Пруссия и Россия, в состав которых вошли части территории Герцогства (Княжества) Варшавского, приняли на себя взаимные обязательства обеспечить права польского населения. В Царстве (Королевстве) Польском, созданном на польских землях в составе Российской империи, которому была дарована конституция, сохранены государственные учреждения, некоторые политические и гражданские свободы, продолжали действовать введенные еще в Герцогстве Варшавском Гражданский кодекс французов (Кодекс Наполеона) и Торговый (Коммерческий) кодекс Франции. Таким образом Герцогство Варшавское и Царство Польское были вовлечены в процесс систематизации государственного и гражданского права, проходивший во многих европейских государствах в начале XIX столетия. Наряду с этим, с конца 1820-х годов происходило сближение законодательства Царства Польского с общеимперским. Этот процесс, особенно после подавления польского Восстания 1830–1831 гг. сопровождавшийся ограничением политических и гражданских свобод, дарованных Конституцией 1815 г., способствовал инкорпорации польских земель в состав Российского государства. Вместе с тем включение в 1809 г. в национальную правовую систему Герцогства Варшавского французского Торгового кодекса, действовавшего и в Царстве Польском, и после создания независимого польского государства в 1918 г. содействовало созданию правового и экономического единства, которое в условиях значительного ограничения национальных прав, воспринималось как проявление экономической и политической свободы. Имплементация французского законодательства начала XIX ст. оказала существенное влияние на систематизацию государственного и гражданского права Царства Польского.

Ключевые слова: Гражданский кодекс французов (Кодекс Наполеона) и Торговый (Коммерческий) кодекс Франции на польских землях, конституционный период истории Царства Польского, Российская империя в первой половине XIX в., систематизация законодательства Российской империи

Статья поступила в редакцию: 25 мая 2024 г.

Статья принята в печать: 19 июля 2024 г.

Цитирование: Марней Л. П. Французское законодательство наполеоновской эпохи в Царстве Польском: развитие политических и экономических свобод в первой половине XIX в. // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 343–361. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.11>.

Права и свободы сословий на польских землях на рубеже XVIII–XIX вв. в определенной степени зависели от того, в состав какого государства входили территории бывшей Речи Посполитой. В польских областях, оказавшихся в составе Пруссии с 1797 г. действовало Прусское земское уложение¹, а в составе Австрии с 1811 г. — Австрийское гражданское уложение² (Гражданский кодекс Австрии)³. В июле 1807 г., после поражения Австрии и Пруссии в 1805–1807 гг. в ходе наполеоновских войн, по воле французского императора было создано Герцогство (Княжество) Варшавское, в состав которого вошли отошедшие по второму и третьему разделам Польши к владениям Гогенцоллернов и Габсбургов часть территории бывшей Речи Посполитой. Зависимость от Франции сказалась на всех сторонах жизни Герцогства, от государственного и административного устройства до номинальной отмены крепостного права⁴.

Под влиянием Великой французской революции и последующего периода наполеоновских войн в начале XIX ст. многие европейские государства обратились к упорядочению и совершенствованию законодательства как в области государственного (публичного), так и гражданского (частного) права. Наиболее значительных результатов достигла Франция, в которой наряду со специальной комиссией, занимавшейся подготовкой Гражданского кодекса, в июне 1801 г., с одобрения Наполеона, было создано бюро по вопросам иностранного законодательства. В бюро занимались сбором, переводом, систематизацией нормативно-правовых актов европейских государств, регулирующих гражданские, уголовные, коммерческие и другие

¹ *Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten* (нем.) — «Всеобщее земское право для прусских государств» (1794 г.).

² *Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch* (нем.) — «Всеобщее гражданское уложение Австрии» (1811 г.), известное также как «Австрийское гражданское уложение», вступило в силу с 1812 г.

³ Зигель 1916: 101–102.

⁴ Рябинин 1911: 189–198.

общественные отношения, для дальнейшего использования этого опыта при подготовке основных положений кодекса. Наполеон, вероятно, полагал, что разрабатывавшийся под влиянием римского права Гражданский кодекс французов мог стать основой для законодательства европейских государств⁵, чему в немалой степени должен был способствовать перевод его на многие языки. Согласно предусмотренной Наполеоном программе, помимо введенного в 1804 г. Гражданского кодекса французов, переименованного в сентябре 1807 г. в честь императора в «Кодекс Наполеона»⁶, к 1810 г. были приняты Торговый, Гражданский процессуальный, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы⁷.

Гражданский кодекс, состоявший из введения и трех книг, в первой из которых «О лицах» определялись принципы семейного права, вторая была посвящена институту собственности, третья — различным путям, «которыми приобретается собственность», следовал по Европе вместе с французским оружием, одерживая одну победу за другой⁸. Он был введен в Бельгии, Люксембурге, Рейнских провинциях Германии, Гессен-Дармштадте, Савоие, Пьемонте, Парме и других завоеванных и зависимых от Франции странах⁹. В мае 1808 г. «Гражданский Кодекс французов» был дарован и Герцогству Варшавскому, называемый на польских землях, от введения и до окончания действия, «Кодекс Наполеона». Так как свобода польскому народу, не раз подчеркивал Наполеон, была предоставлена только в тех границах, какие отвечали французским интересам, то в Кодексе ничего нельзя было изменить без согласия французского императора¹⁰.

Перевод Кодекса на польский язык¹¹ и организацию подготовки кадров в соответствии с основными положениями французского

⁵ Шенвиц 1912: 48–49; Моросникова 2013: 257.

⁶ Шенвиц 1912: 50–51; Захватаев 2012: С. VI.

⁷ Шенвиц 1912: 14–17; Коммерческий кодекс Франции / предисловие, перевод с французского, дополнение, словарь-справочник и комментарии В. Н. Захватаева. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 45.

⁸ Боботов 1998: 140.

⁹ Наполеон Бонапарт. Гражданский кодекс / пер. с фр. И. С. Перетерского. М.: Эксмо, 2013. С. 395–397.

¹⁰ Рябинин 1911: 189–198; Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980: 382; Bardach, Senkowska-Gluck (red.) 1981: 135; Grodziski 2005: 61–68.

¹¹ Wismont, Woźniak 2020: 59–69.

права поручили стороннику профранцузской ориентации герцогства — министру юстиции Феликсу Лубеньскому (1748–1848)¹², по инициативе которого в Варшаве первоначально как частное учебное заведение, размещавшееся в его доме и содержавшееся за его счет, была создана в 1808 г. по образцу парижской Юридическая школа¹³. Для обеспечения судебного ведомства необходимым числом квалифицированных специалистов в школе преподавали «естественные, гражданские и римские законы, кодекс Наполеона, уголовные законы, гражданское и уголовное судопроизводство и предметы, состоящие в связи с административными, полицейскими и государственными законоположениями»¹⁴. В 1811 г. при Юридической школе была организована Школа административных наук, в которой обучали наряду с основами политической экономии, статистики, финансов правилам организации фабричного и мануфактурного производств, внешней и внутренней торговли. Юридическая школа просуществовала до открытия Варшавского университета, в который она вошла как юридический факультет. С 1840 г. юридические классы были организованы при Варшавской гимназии¹⁵.

Рецепция норм права и правосознания революционной Франции неоднозначно оценивались в Герцогстве Варшавском. Организация судебной практики на принципах буржуазного французского права сталкивалась не только с трудностями перевода, недостатком специалистов, но и с традициями и нормами сословного польского права. Восходящие к революционной эпохе демократические начала

¹² Bardach, Senkowska-Gluck (red.) 1981: 132–133; Grynwaser 1951: 16–36.

¹³ Заборовский 1847: 53–54.

¹⁴ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство юстиции. Варшава: Типография Ивана Яворского, 1866. Ч. 1. Т. 3. С. 2–6. См. также: Dziennik Praw [Księstwa Warszawskiego]. Warszawa: Drukarnia Księży Pijarów, 1810. Т. 1. № 11. Р. 296–297.

¹⁵ Народное образование в 10 губерниях Царства Польского за 90 лет, 1816–1906. Его успехи и развитие за последнее сорокалетие. Низшие, средние и высшие школы. Университет // Труды Варшавского статистического комитета для десяти губерний Царства Польского. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1907. Вып. 28. С. 79–80; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Варшава: Типография И. Гольдмана, 1868. Т. 5. С. 2–7; Dziennik Praw Królestwa Polskiego. [Warszawa: Drukarnia Rządowa, 1840]. Т. 25. № 85. С. 136–171; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1876. С. 22–27; Leskiewiczowa, Ramotowska (red.) 1984: 34.

Кодекса Наполеона противоречили социально-политическим реалиям польских земель, аристократическим традициям и шляхетским предрассудкам. Провозглашенные нормы свободы совести мало сочетались с традиционным статусом католицизма и католической церкви на польских землях. Поэтому епископат и аристократические круги, среди последних особое место принадлежало князю Адаму Ежи Чарторыскому (1770–1861), критиковали вводимый без предварительной подготовки и без учета польских традиций Кодекс и предлагали возвратиться к действовавшим до его принятия основным положениям Литовского статута и польского права. Преодолеть трудности введения Кодекса в Герцогстве Варшавском помогала надежда поляков на то, что в будущем они смогут обрести независимость¹⁶.

В 1809 г. наряду с Гражданским, в Герцогстве Варшавском был введен французский Торговый кодекс¹⁷. Во Франции его введению предшествовала прокатившаяся по стране в 1805–1806 гг. волна банкротств, которая затронула, в том числе, значительное число казенных подрядчиков, поставив под угрозу обеспечение армии. Наполеон потребовал ускорить рассмотрение в Государственном совете проекта Торгового кодекса, который был принят в сентябре 1807 г. и введен в действие с января 1808 г. Он состоял из четырех книг «О коммерции в целом», «О морской торговле», «О неплатежеспособности и о банкротстве», «О судопроизводстве в коммерческих судах»¹⁸.

В отличие от французского, Торговый кодекс Герцогства Варшавского, ряд положений которого были детальнее разработаны, состоял из восьми разделов «О торгующих», «О купеческих книгах», «О товариществах», «О разделе имущества», «О торговых биржах, о биржевых агентах и маклерах», «О комиссионерах», «О купле и продаже», «О векселе переводном и простом, и о давности»¹⁹. Введение Торгового кодекса в Герцогстве Варшавском отвечало не только

¹⁶ Bardach, Senkowska-Gluck (red.) 1981: 150–151; Grynwaser 1951: 68–69; Шершеневич 1898: 106.

¹⁷ Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego. T. 1. 1809. №9. S. 239–241.

¹⁸ Коммерческий кодекс Франции. С. 47, 49–50.

¹⁹ *Ставский Б.И.* Гражданские законы губерний Царства Польского, разъясненные по решениям бывшего Варшавского IX Департамента (1842–1875) и Гражданского Кассационного Департамента (1876–1904) Правительствующего Сената, со всеми позднейшими изменениями и дополнениями: в 2-х т. Варшава: Издательская типография, 1905. Т. 1. С. 601–643.

французским интересам, но и способствовало дальнейшему развитию различных отраслей права — торгового, вексельного, чекового, банковского, страхового, морского и других. Благодаря обособлению и самоуправлению купечества, наличия унаследованных от прошедших эпох особенностей социального и правового статуса городов и отдельных категорий городского населения, в некоторых европейских странах, в том числе и во Франции, возникли условия для создания независимых и параллельно существующих систем частного права — гражданского и торгового. Поэтому традиционный для принадлежащих к романо-германской системе права дуализм частного права распространялся и на те государства, законодательство которых принимало эту систему²⁰.

В 1815 г. по постановлениям Венского конгресса и соглашениям, подписанным Австрией, Пруссией и Россией часть территории бывшего Герцогства Варшавского передавались в вечное и наследственное владение российскому императорскому дому. Образованное таким образом Царство Польское должно было находиться «под особенным управлением» в составе Российской империи. Неопределенность формулировок постановлений конгресса породила споры о государственно-правовом статусе Царства Польского. Польские исследователи рассматривали присоединение этой территории к империи Романовых как личную унию, которая являлась продолжением заключенных первой Речью Посполитой уний с Литвой, Швецией, Саксонией и планов создания в XVII в. «тройственной унии» с Россией²¹. В российской историографии, наряду со сторонниками концепции личной и реальной унии, некоторые исследователи полагают, что Российская империя была единым государством, предоставлявшим автономию некоторым вошедшим в ее состав землям, для которых, как и для части Герцогства Варшавского в 1815 г., это присоединение носило «жалованный характер»²².

Австрия и Пруссия формально исполнили постановления Венского конгресса, не ввели, по существу, на присоединенных польских землях представительных учреждений и ограничивали свободу судоходства, торговли и передвижения в границах Речи Посполитой

²⁰ Коммерческий кодекс Франции. С. 45; Шершеневич 1898: 75.

²¹ Глембоцкий 2017: 155.

²² Кодан, Февралёв 2012: 33–47.

до 1772 г. В Царстве Польском, напротив, были сохранены некоторые политические и гражданские свободы, как и право на собственное, хотя и значительно ограниченное, законодательство и самоуправление²³.

Объединение Российской империи и Царства Польского скрепляла Конституция 1815 г., на верность которой российские цари должны были приносить клятву во время коронации польской короной в Варшаве, и которую невозможно было изменить без участия царя (короля) Польши. В едином законодательстве о престолонаследии эта связь закреплялась единым монархом и общей правящей династией. Император утверждал постановления двухпалатного Сейма, которому, согласно Конституции 1815 г. вверялась законодательная власть, а на время своего отсутствия монарх назначал наместника, обладавшего всей полнотой власти, кроме «права издавать органические статуты, отменять высочайшие рескрипты, созывать сеймы, сеймики и т. д.»²⁴. Исполнительная власть передавалась правительственным комиссиям (министерствам). В Царстве были сохранены отдельная от российской польская армия и в качестве государственного польский язык. В России и Царстве Польском единых органов власти создано не было. Вопросы внешней политики находились в ведении Петербурга, а переписку с представителями иностранных государств вела созданная при Константине Павловиче дипломатическая канцелярия. Международные договоры, заключенные Российской империей, были обязательны для исполнения Царством Польским только в случае, когда последнее было в них упомянуто²⁵.

Победа над Наполеоном и создание Священного Союза, призванного бороться с революционными выступлениями, и выдвижение принципа легитимизма, благодаря которому восстанавливался старый порядок и осуждался конституционализм, привели к отказу европейских правительств от проведения реформ и введения представительных учреждений. Приверженность консервативному курсу выражалась в недоброжелательном отношении ко всему французскому — людям, идеям, учреждениям. Конституционные формы правления были поставлены на службу реакции²⁶. Поэтому, несмотря на то

²³ Зеленева 2005: 191–193.

²⁴ Аскенази 1915: 29.

²⁵ Об этом см. подробнее: Носов, Марней 2020: 83–105.

²⁶ Шершеневич 1907: 538–541.

что Кодекс Наполеона продолжал действовать в Царстве Польском, как и в вольном городе Кракове²⁷, администрации Царства была предоставлена возможность вносить необходимые изменения в принятые при Наполеоне, но не соответствовавшие польским традициям нормы права. Наряду с адаптацией Кодекса, происходившей с учетом польского и римского права, Литовского статута, европейских, прежде всего прусских и австрийских кодексов, высказывались намерения подготовить новые кодексы, разработкой которых занимались специальные комиссии²⁸.

Характерным проявлением консервативного отношения к рецепции французского права революционной эпохи в Царстве Польском стала борьба польского епископата и клерикальных кругов с положениями Кодекса, согласно которым в католической стране был введен гражданский брак²⁹. В результате в 1825 г. был издан Гражданский кодекс (уложение) Царства Польского³⁰, а в 1836 г. утверждено Положение о союзе брачном, в котором были определены в том числе и условия заключения брака между представителями различных вероисповеданий³¹. В Царстве Польском перестали действовать положения первой книги Кодекса Наполеона «О лицах» и титул пятый третьей книги «О брачном договоре и о взаимных правах супругов»³².

На смену восемнадцатому титулу третьей книги Кодекса «О привилегиях и ипотеках»³³, пришло ипотечное право 1818 г.³⁴, измененное в 1825 г., в которых действовавшее с XVI в. польское право соединилось с прусским и французским законодательством. С этого времени, согласно одобренных Сеймом Царства³⁵ документам, основными чертами польского ипотечного права являлись: принцип

²⁷ Malec 2005: 69–86.

²⁸ Grynwaser 1951: 79.

²⁹ Grynwaser 1951: 51–53, 92–99.

³⁰ *Ставский Б.И.* Гражданские законы губерний Царства Польского. С. 1–124.

³¹ *Diennik Praw Królestwa Polskiego*. [Warszawa: Drukarnia Rządowa, 1836]. Т. 18. № 64. S. 46–297; *Ставский Б.И.* Гражданские законы губерний Царства Польского. С. 125–172.

³² Наполеон Бонапарт. Гражданский кодекс. С. 33–151, 315–353; Шершеневич 1898: 107; Аскенази 1915: 86.

³³ Наполеон Бонапарт. Гражданский кодекс. С. 430–437.

³⁴ *Ставский Б.И.* Гражданские законы губерний Царства Польского. С. 529–600.

³⁵ Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980: 382–383.

гласности, позволявший «всем заинтересованным лицам проверять, имеет ли кто ипотеку на имущество должника и на какую сумму», принцип первенства, обеспечивавший «первому кредитору более выгодное положение по отношению к остальным» и принцип неделимости, гарантировавший в случае раздела имущества должника защиту интересов кредитора³⁶. Изменения коснулись и других положений Кодекса Наполеона, в частности, нотариата³⁷, а также связанных с реформой ипотеки положений о порядке проведения кадастровых пограничных и оценочных работ. Однако не все они получили поддержку Сейма³⁸.

После подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Николай I перестал считать себя связанным постановлениями Венского конгресса 1815 г. и рассматривал Царство Польское как завоеванную провинцию. Поэтому, если при Александре I положения Конституции существенно ограничивались, что нашло выражение в особом статусе великого князя Константина как главнокомандующего польской армией, установлении должности министра-государственного секретаря, назначении Николая Николаевича Новосильцева (1761–1838) комиссаром при Административном совете, ликвидации должности наместника после смерти в 1826 г. Юзефа Зайончека (1762–1826), во введении цензуры, изменениях порядка созыва и работы Сейма, то при Николае I Конституция 1815 г. была отменена. Основываясь на своем праве «даровать» фундаментальные законы Царству, он сохранил конституционную форму в виде разработанного Органического статута 1832 г., но, по сути, ликвидировал все конституционные порядки в рамках действовавшего в Царстве Польском до конца 1850-х годов военного положения. Прекратили деятельность представительные учреждения, во главе Царства были поставлены наместник и Административный совет, компетенции трех оставшихся комиссий, утративших статус министерств и названных дирекциями, были значительно ограничены. В 1841 г. Государственный совет, бывший одной из высших судебных инстанций Царства Польского и осуществлявший контрольные функции в отношении структур исполнительной власти, был упразднен, что привело,

³⁶ Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980: 385–386.

³⁷ Bardach, Senkowska-Gluck (red.) 1981: 494–498; Grynwaser 1951: 99–107.

³⁸ Grynwaser 1951: 107–112.

по мнению политических кругов польского общества, к понижению государственно-правового статуса Царства. Тогда же в Петербурге при Государственном совете империи был создан Комитет по делам Царства Польского. Польская армия была ликвидирована³⁹.

Эволюция правовой системы Герцогства Варшавского и Царства Польского в первой половине XIX в. отразила социально-политические процессы развития польских земель, а также, что особенно важно, влияния на них внешнеполитических факторов, которые не могли не повлиять и существенно влияли на судьбы России. Общность российской и польской истории рассматриваемого периода естественным образом сказалась на взаимодействии развития российского и польского законодательства, на формирование системы российского и польского права, особенно в рамках общеимперской правовой системы.

Царство Польское вошло в состав Российской государства в период, когда в Российской империи происходил процесс систематизации законодательства. В 1826 г. комиссия по составлению законов империи была преобразована во Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии, одним из результатов деятельности которого было вступление в силу с января 1835 г. свода законов. Гражданское право включал десятый том, при подготовке которого были использованы лучшие образцы римского, французского, прусского и австрийского законодательств. Наряду с этим разрабатывались принципы законов, действие которых ограничивалось отдельными областями⁴⁰. Подходы к проблемам законодательства Царства Польского претерпели изменения с начала 1830-х годов. Если в так называемый конституционный период 1815–1830 гг. законы Царства составлялись польскими учреждениями, а влияние на него центральных властей осуществлялось посредством конфирмации императором, то после подавления Ноябрьского восстания, начиная с Органического статута 1832 г., решение вопросов систематизации

³⁹ Аскенази 1915: 58–67, 84–85, 92; Выдрин 1915: 101, 104, 119–120; Корнилов 1915: 31–34; Дамешек 2002: 58–63; Дякин 1998: 15; [Долбилов, Миллер] 2006: 83–84; Луковская, Раскин (ред.) 2003: 299–303; Кодан, Февралёв 2012: 163–174; Писаревский 1926: 21, 31–32; Чернуха 2007: 218–220.

⁴⁰ Обзорение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1837. С. 111–112.

польского законодательства перешло в Петербург в сферу компетенции центральных властей Российской империи. В 1833 г. был создан Подготовительный комитет для ревизии и составления законов Царского Польского, подчиненный «главноуправляющему II Отделением С. Е. И. В. Канцелярии», в ведении которого находились ревизия действовавших и подготовка новых законов, перевод на польский язык Свода законов империи. Создание Комитета в 1833 г. после Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. не было случайно. До этого времени российское правительство сохраняло исторически сложившееся польское и введенное французское право, рецепция которого, не ограничиваясь только областью гражданского права, нашла отражение в административном, уголовном, процессуальном, торговом законодательстве. Во второй половине 1830-х годов в гражданском праве Царства Польского существенных изменений не происходило, за исключением законов, посвященных урегулированию «вопросов о майорате, об оплате труда рабочих, <...> об улучшении судьбы внебрачных детей»⁴¹. С 1842 г. Комитет стал называться Кодификационной комиссией. В течение 1840–1850-х годов власти империи и имперская администрация Царства Польского приняли ряд мер, направленных на сближение польского законодательства с общеимперским. В 1847 г. в Царстве было введено Уложения о наказаниях, однако не были утверждены подготовленные комиссией проекты гражданского уложения (1849 г.), общего судоустройства (1851 г.), уставы уголовного и гражданского судопроизводства (1853 г.)⁴². Кодификационная комиссия завершила работу после того, как в 1861 г. законодательные функции перешли к восстановленному Государственному совету Царства Польского⁴³.

Таким образом, развитие политических отношений Российской империи с Царством Польским до 1830 г. представляло процесс объединения польского законодательства и политических традиций с правовой и политической системой российского государства. Существенное воздействие на этот процесс оказало введение Кодекса Наполеона, значительное число статей которого представляло собой «творчески переработанную компиляцию римского права,

⁴¹ Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980: 382–383.

⁴² Ружицкая 2015: 325; Кодан, Февралёв 2012: 174–183.

⁴³ Шершеневич 1898: 76–97; Майков 1906: 313; Ружицкая 2011: 319; Ружицкая 2015: 325.

средневековых французских правовых обычаев, королевских ордонансов XVII–XVIII вв., законов революционного периода», а также отчасти «юридических теорий и законов других европейских стран»⁴⁴.

Введение Кодекса Наполеона в Герцогстве Варшавском и продолжение его действия на территории Царства Польского, наряду с распространением в Царстве вызывавшего недовольство со стороны поляков российского гражданского права, приводило к тому, что Кодекс Наполеона воспринимался как неотъемлемая часть национальных прав, которые необходимо было защищать⁴⁵. И хотя в Царстве Польском политические и гражданские свободы, которые предоставляли Кодекс Наполеона и Конституция 1815 г., были частично ликвидированы или существенным образом сокращены, принятые еще в Герцогстве Варшавском нормы французского торгового права практически без изменений действовали в Царстве Польском, наряду с общероссийским законодательством, до создания независимого польского государства в 1918 г., а ряд положений Торгового кодекса, в результате задержки с кодификацией польского права, и до 1946 г.⁴⁶

Таким образом, унаследованное от Великой французской революции буржуазно-демократическое содержание Кодекса Наполеона и Торгового кодекса оказало не только существенное влияние на правовую систему Герцогства Варшавского и Царства Польского, но и подверглось на польских землях трансформации, направленной на консервацию крепостнических отношений, сословного строя и сословных привилегий шляхты-землевладельцев. Провозглашенные в наполеоновском законодательстве буржуазные свободы, несмотря на свою социально-политическую ограниченность, играли в качестве лозунгов определенную роль, пусть и не столь значительную среди других, более важных факторов, в борьбе за независимость.

Список сокращений

С. Е. И. В. — Собственная Его Императорского Величества [канцелярия]

⁴⁴ Наполеон Бонапарт. Гражданский кодекс. С. 109.

⁴⁵ Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980: 383.

⁴⁶ Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980: 386–387; Bardach, Leśnodorski, Pietrzak 1993: 426–427; Jaworski 1966: 284–285.

Литература

- Аскенази 1915 — *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 168 с.
- Бардах, Леснодорский, Пиетрчак 1980 — *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М.: Юридическая литература, 1980. 559 с.
- Боботов 1998 — *Боботов С.В.* Наполеон Бонапарт — реформатор и законодатель. М.: Юридическая фирма «Контракт», 1998. 336 с.
- Выдрин 1915 — *Выдрин Р.И.* Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 100–123.
- Глембоцкий 2017 — *Глембоцкий Х.* Почему не удался опыт польско-российского соглашения в виде Царства Польского в 1815–1830 гг. Геополитика польско-российского соглашения // Остафьевский сборник. Вып. 13. Юбилейный выпуск, посвященный 225-летию со дня рождения П. А. Вяземского и 100-летию памяти С. Д. Шереметева / отв. ред. Л. А. Бабаева. М.: ООО «Принт-Студио», 2017. С. 154–173.
- Дамешек 2002 — *Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Отгиск, 2002. 207 с.
- [Долбилов, Миллер] 2006 — [Долбилов М.Д., Миллер А.И.] Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
- Дякин 1998 — *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.
- Заборовский 1847 — *Заборовский К.А.* Гражданское право Царства Польского. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1847. Вып. 1. 289 с.
- Захватаев 2012 — *Захватаев В.Н.* Представление издания // Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / перевод с французского, предисловие, комментарии, примечания В.Н. Захватаева. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2012. С. III–XII.
- Зеленева 2005 — *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. 270 с.
- Зигель 1916 — *Зигель Ф.Ф.* История славянских законодательств. Ростов-на-Дону: Типо-Литография В. В. Турцевич, 1916. Ч. 1–2. 189 с.
- Кодан, Февралёв 2012 — *Кодан С.В., Февралёв С.А.* Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX вв. М.: Nota Bene, 2012. 196 с.
- Корнилов 1915 — *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XIX века. Пг.: Огни, 1915. 96 с.

- Луковская, Раскин (ред.) 2003 — Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. / Под общей редакцией В. В. Черкесова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1 / научн. ред. Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. 579 с.
- Майков 1906 — *Майков П. М.* Второе отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1826–1882. Исторический очерк. С.-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1906. 709 с.
- Моросникова 2013 — *Моросникова Т. Е.* Участие Наполеона Бонапарта в процессе принятия Гражданского кодекса Франции // Актуальные проблемы современного права в научных исследования молодых ученых-юристов: материалы науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей (Москва, 28 мая 2013 года) / отв. ред. Б. В. Яцененко. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 255–259.
- Носов, Марней 2020 — *Носов Б. В., Марней Л. П.* Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 83–105.
- Писаревский 1926 — *Писаревский Г. Г.* Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск: Издание Смоленского государственного университета, 1926. 48 с.
- Ружицкая 2011 — *Ружицкая И. В.* Законодательная деятельность российской администрации в Царстве Польском // История народов России: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, РУДН, 19–20 мая 2011 г. М.: РУДН, 2011. С. 319–325.
- Ружицкая 2015 — *Ружицкая И. В.* Второе отделение СЕИВК в законодательной политике Российской империи // Преподаватель XXI век. 2015. № 3. С. 316–327.
- Рябинин 1911 — *Рябинин И. С.* Великое герцогство Варшавское // Отечественная война и русское общество / под ред. А. К. Дживилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911. Т. 1. С. 189–198.
- Чернуха 2007 — *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. 296 с.
- Шенвиц 1912 — *Шенвиц Ф.* Кодекс Наполеона, его характер и причины распространения. СПб., Варшава: Книгоиздательское Товарищество «ОРОС», 1912. 94 с.
- Шершеневич 1898 — *Шершеневич Г. Ф.* История кодификации гражданского права в России. Казань: Типография Императорского Университета, 1898. 128 с.
- Шершеневич 1907 — *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1907. 589 с.

- Bardach, Senkowska-Gluck (red.) 1981 — Historia państwa i prawa Polski. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981. T. 3. Od rozbiorów do uwłaszczenia / red. J. Bardach, M. Senkowska-Gluck. 865 s.
- Bardach, Leśnodorski, Pietrzak 1993 — *Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzak M.* Historia ustroju i prawa polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 656 s.
- Grodziski 2005 — *Grodziski S.* Wpływy Code civil oraz innych kodyfikacji napoleońskich na ziemiach polskich (część I) // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2005. T. 57. № 2. S. 61–68. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cph/article/view/41021/34403> (data обращения: 10.06.2024).
- Grynwaser 1951 — *Grynwaser H.* Kodeks Napoleona w Polsce // *Grynwaser H.* Pisma. Wrocław: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1951. T. I. 240 s.
- Jaworski 1966 — *Jaworski I.* Zarys powszechnej historii państwa i prawa. Historia ustroju i źródeł prawa. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966. 358 s.
- Malec 2005 — *Malec D.* Wpływy Code civil oraz innych kodyfikacji napoleońskich na ziemiach polskich (część II) // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 2005. T. 57. № 2. S. 69–86. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cph/article/view/41022/34404> (data обращения: 10.06.2024).
- Leskiewiczowa, Ramotowska (red.) 1984 — *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. T. 1. Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828 / oprac. i wstęp J. Leskiewiczowa, F. Ramotowska. 363 s.
- Wismont, Woźniak 2020 — *Wismont M., Woźniak E.* Rola Kodeksu Napoleona w systematyzowaniu polskiej terminologii prawnej // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica*. 2020. T. 54. S. 59–69. URL: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/linguistica/article/view/8746/8577> (data обращения: 10.06.2024).

References

- Askenazi, Sh., 1915. *Tsarstwo Pol'skoje 1815–1830 gg.* [Kingdom of Poland 1815–1830]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve, 168 p. (in Rus.)
- Bardach, J., Leśnodorski, B., Pietrzak, M., 1993. *Historia ustroju i prawa polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 656 p.
- Bardach, J., Senkowska-Gluck, M., eds, 1981. *Historia państwa i prawa Polski, 3, Od rozbiorów do uwłaszczenia*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 865 p.
- Bardach [Bardach], Ju., Lesnodorskii [Leśnodorski], B., Pijetrchak [Pietrzak], M., 1980. *Istoriia gosudarstva i prava Pol'shi* [History of state and law of Poland]. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 559 p. (in Rus.)

- Bobotov, S. V., 1998. *Napoleon Bonapart — reformator i zakonodatel'* [Napoleon Bonaparte — a reformer and a legislator]. Moscow: Iuridicheskaia firma «Kontrakt», 336 p. (in Rus.)
- Chernukha, V. G., 2007. *Pasport v Rossii. 1719–1917 gg.* [Passport in Russia. 1719–1917]. St. Petersburg: Liki Rossii, 296 p. (in Rus.)
- Dameshek, I. L., 2002. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (komparativnoje issledovanie okrainnoi politiki Rossii v pervoi polovine XIX v.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (a comparative study of the border policy of Russia in the first half of the nineteenth century)]. Irkutsk: Ottisk, 207 p. (in Rus.)
- Diakin, V. S., 1998. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (19 — nachalo 20 veka)* [The national question in the internal policy of tsarism (from the nineteenth to the early twentieth centuries)]. St. Petersburg: LISS, 1000 p. (in Rus.)
- [Dolbilov, M. D., Miller, A. I.], 2006. *Zapadnyje okrainy Rossiiskoi imperii* [Western outskirts of the Russian Empire]. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije, 608 p. (in Rus.)
- Glębotskii [Głębocki], Kh., 2007. *Pochemu ne udalsia opyt pol'sko-rossiiskogo soglasheniia v vide Tsarstva Pol'skogo v 1815–1830 gg. Geopolitika pol'sko-rossiiskogo soglasheniia* [Why did the experience of the Polish-Russian agreement in the form of the Kingdom of Poland in 1815–1830 fail. Geopolitics of the Polish-Russian agreement]. In: Babaeva, L. A., ed. *Ostaf'jevskii sbornik* [Ostafievo's Proceedings], 13, *Iubileinyi vypusk, posviashchennyi 225-letiiu so dnia rozhdeniia P. A. Viazemskogo i 100-letiiu pamiati S. D. Shere-meteva* [The jubilee issue dedicated to the 225th anniversary of P. A. Vyazemsky and the centennial memorial anniversary of S. D. Sheremetev]. Moscow: OOO "Print-Studio", pp. 154–173. (in Rus.)
- Grodziski, S., 2005. *Wpływy Code civil oraz innych kodyfikacji napoleońskich na ziemiach polskich (część I). Czasopismo Prawno-Historyczne*, 57, 2. pp. 61–68. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cph/article/view/41021/34403> (accessed: 10.06.2024).
- Grynwaser, H., 1951. *Kodeks Napoleona w Polsce*. In: Grynwaser, H., *Pisma*, 1. Wrocław: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolinskih, 240 p.
- Jaworski, I., 1966. *Zarys powszechnej historii państwa i prawa. Historia ustroju i źródeł prawa*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 358 p.
- Kodan, S. V., Fevralev, S. A., 2012. *Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v pravovoi sisteme Rossiiskoi imperii. Vtoraia polovina 17 — nachalo 20 vv.* [The local law of the national regions in the legal system of the Russian Empire. From the second half of the seventeenth to the beginning of the twentieth centuries]. Moscow: Nota Bene, 196 p. (in Rus.)
- Kornilov, A. A., 1915. *Rusaskaia politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala 19 veka*. [The Russian policy in Poland from the time of partitions in Poland to the early nineteenth century]. Petrograd: Ogni, 96 s.

- Leskiewiczowa, J., Ramotowska, F., eds, 1984. *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym, 1, Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 363 p.
- Lukovskaia, D. I., Raskin, D. I., eds, 2003. *Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiiskoi imperii*: in 2 vols [The institutes of governor-general and viceroyalty in the Russian Empire], 1, St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 579 p. (in Rus.)
- Maikov, P. M., 1906 *Vtoroje otdelenije Sobstvennoi Jego Imperatorskogo velichestva Kantseliarii. 1826–1882. Istoricheskii ocherk* [The Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 1826–1882. A historical sketch]. St. Peterburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova, 709 p. (in Rus.)
- Malec, D., 2005. Wpływy Code civil oraz innych kodyfikacji napoleońskich na ziemiach polskich (część II). *Czasopismo Prawno-Historyczne*, 57, 2. pp. 69–86. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cph/article/view/41022/34404> (accessed: 10.06.2024).
- Morosnikova, T. Je., 2013. Uchastije Napoleona Bonaparta v protsesse priniatiia Grazhdanskogo kodeksa Frantsii [Participation of Napoleon Bonaparte in the process of adoption of the Civil Code of France]. In: Iatsenko, B. V., ed. *Aktual'nye problemy sovremennogo prava v nauchnykh issledovaniia molodykh uchennykh-iuristov: materialy nauch.-prakt.konf. aspirantov i soiskatelei (Moskva, 28 maia 2013 goda)* [Actual problems of modern law in scholarly research of young legal scholars: Proceedings of the scholarly and practical conference of postgraduate students and degree-applicants (Moscow, 28 May 2013)]. Moscow: RPA Miniusta Rossii, pp. 255–259. (in Rus.)
- Nosov, B. V., Marnei, L. P., 2020. Regional'naia politika Rossiiskoi imperii v pervoi polovine 19 v.: Tsarstvo Pol'skoje (1815–1830 gg.) [Regional policy of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century: the Kingdom of Poland (1815–1830)]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, pp. 83–105. (in Rus.)
- Pisarevskii, G. G., 1926. *Iz istorii kongressovogo Tsarstva Pol'skogo (1815–1830) pri Aleksandre I. Po neizdannym arkhivnym dokumentam* [From the history of the Congress Kingdom of Poland (1815–1830) under Alexander I. Based on unpublished archival documents]. Smolensk: Izdaniye Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta, 48 p. (in Rus.)
- Riabinin, I. S., 1911. Velikoie gertsogstvo Varshavskoie [The Grand Duchy of Warsaw]. In: Dzhivilegov, A. K., Mel'gunov, S. P., Picheta, V. I., eds. *Otechestvennaia voina i russkoje obshchestvo* [The Patriotic War and Russian Society], 1. Moscow: Izdaniye T-va I. D. Sytina, pp. 189–198. (in Rus.)
- Ruzhitskaia, I. V., 2011. Zakonodatel'naia deiatel'nost' rossiiskoi administratsii v Tsarstve Pol'skom [Legislative activity of the Russian administration in the Kingdom of Poland]. In: *Istoriia narodov Rossii: Materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, RUDN, 19–20 maia 2011 g.*

- [History of the peoples of Russia. Proceedings of the 15th All-Russian scholarly and practical conference. Moscow, RUDN, 19–20 May 2011]. Moscow: RUDN, pp. 319–325. (in Rus.)
- Ruzhitskaia, I. V., 2015. Vtoroje otdeleniie S. E. I. V. K. v zakonodatel'noi politike Rossiiskoi imperii [Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery in the legislative policy of the Russian Empire]. *Prepodavatel' XXI vek*, 3, pp. 316–327. (in Rus.)
- Shenvits, F., 1912. *Kodeks Napoleona, i ego kharakter i prichiny rasprostraneniia* [The Napoleonic Code, its character and reasons for its dissemination]. St. Petersburg; Warsaw: Knigoizdatel'skoje Tovarishchestvo "OROS", 94 p. (in Rus.)
- Shershenevich, G. F., 1898. *Istoriia kodifikatsii grazhdanskogo prava v Rossii* [History of the codification of civil law in Russia]. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo Universiteta, 128 p. (in Rus.)
- Shershenevich, G. F., 1907. *Istoriia filosofii prava* [History of the philosophy of law]. St. Petersburg: Izdaniie br. Bashmakovykh, 589 p. (in Rus.)
- Vydrin, R. I., 1915. Natsional'nyi vopros v russkom obshestvennom dvizhenii [The national question in the Russian social movement]. *Golos minuvshago*, 1, pp. 100–123. (in Rus.)
- Wismont, M., Woźniak, E., 2020. Rola Kodeksu Napoleona w systematyzowaniu polskiej terminologii prawnej. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica*, 54, S. 59–69. URL: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/linguistica/article/view/8746/8577> (accessed: 10.06.2024).
- Zaborovskii, K. A., 1847. *Grazhdanskoje pravo Tsarstva Pol'skogo*. [Civil law of the Kingdom of Poland], 1, St. Petersburg: Tipografiia Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi Jego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 289 p. (in Rus.)
- Zakhvataiev, V. N., 2012. Predstavleniie izdaniia [Introduction of the edition] In: Zakhvataiev, V. N., ed. *Grazhdanskii kodeks Frantsii (Kodeks Napoleona) = Code civil des Français (Code Napoléon)* [Civil Code of France (The Napoleonic Code) = Code civil des Français (Code Napoléon)]. Moscow; Berlin: Infotropik Media, pp. III–XII. (in Rus.)
- Zeleneva, I. V., 2005. *Geopolitika i geostrategiia Rossii (18 – pervaiia polovina 19 veka)* [Geopolitics and geostrategy of Russia (from the eighteenth to the first half of the nineteenth centuries)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 270 p. (in Rus.)
- Zigel', F. F., 1916. *Istoriia slavianskikh zakonodatel'stv* [History of Slavic legislations], 1–2. Rostov-na-Donu: Tipolitografiia V. V. Turtsevich, 189 p. (in Rus.)

Liudmila Petrovna Marney

PhD, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: mlss@bk.ru

French Legislation of the Napoleonic Era in the Kingdom of Poland: The Development of Political and Economic Freedoms in the First Half of the Nineteenth Century

According to the decision by the Congress of Vienna in 1815, Austria, Prussia and Russia, which included parts of the territory of the Duchy of Warsaw, assumed mutual obligations to ensure the rights of the Polish population. In the Kingdom of Poland, established on Polish lands within the Russian Empire, which was granted a constitution, preserved state institutions and some political and civil liberties, the French Civil Code (Code Napoleon) and the French Commercial Code continued to apply. Thus, the Duchy of Warsaw and the Kingdom of Poland were involved in the process of systematising state and civil law, which took place in many European countries at the beginning of the nineteenth century. At the same time, from the end of the 1820s onwards, the legislation of the Kingdom of Poland was brought closer to that of the Empire. This process, especially after the suppression of the Polish Uprising of 1830-1831, accompanied by the restriction of political and civil liberties granted by the Constitution of 1815, favoured the incorporation of the Polish lands into the Russian state. At the same time, the 1809 incorporation of the French Commercial Code into the national legal system of the Duchy of Warsaw, which was also in force in the Kingdom of Poland, even after the creation of the independent Polish state in 1918, contributed to the creation of legal and economic unity, which was perceived as a manifestation of economic and political freedom under conditions of a significant restriction of national rights. The implementation of French legislation in the early nineteenth century had a significant impact on the systematisation of state and civil law in the Kingdom of Poland.

Key words: French Civil Code (Napoleon Code) and the French Commercial Code in the Polish lands, the constitutional period of the history of the Kingdom of Poland, the Russian Empire in the first half of the nineteenth century, systematisation of the legislation of the Russian Empire

Received: 25 May 2024

Accepted: 19 July 2024

How to cite: Marney, L. P., 2024. Frantsuzskoje zakonodatel'stvo napoleonovskoi epokhi v Tsarstve Pol'skom: razvitije politicheskikh i ekonomicheskikh svobod v pervoi polovine 19 v. *Central-European Studies*, 7, pp. 343–361. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.11>.

Наталья Николаевна Приступа

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь, 220030, ул. Советская, 18.
E-mail: pnatalka@rambler.ru

Концепция экономической свободы на страницах чехословацкой эмигрантской и самиздатской периодики (1985–1989 гг.)

На основе анализа публикаций эмигрантской и самиздатской периодики в статье раскрывается сущность понятия «экономическая свобода» в трактовке чешских диссидентов. Акцентируется внимание на том, что оно стало центральным элементом трансформации экономической системы в стране в 1990-е годы. Подчеркивается, что мощным внешним фактором, активизировавшим процесс его концептуального наполнения, стала перестройка в СССР и сама личность М. С. Горбачева. Анализ содержания понятия проводился через призму таких аспектов развития экономики, как государственное регулирование, феномен частной собственности, система налогообложения, принцип верховенства закона, наличие свободного доступа во все отрасли экономики. Это позволило сделать вывод о том, что по многим характеристикам видение «экономической свободы» чешскими диссидентами соотносилось с существовавшими тогда и развившимися позже представлениями об экономической свободе и ее месте в жизни общества и государства. В статье также показана разнообразная палитра настроений и представлений о будущем Чехословакии в условиях открывшегося для нее окна возможностей, при этом не упускалась из виду центральная роль экономической свободы в достижении свободного общества. Кроме того, исследование взглядов чешских диссидентов на перестройку и роль М. С. Горбачева в ней сделало возможным проследить, как эволюционировало их отношение к процессам, разворачивавшимся как в самом Советском Союзе, так и в их собственной стране. Анализ этой позиции ценен и тем, что позволил не только показать, какой образ СССР и самого Генерального секретаря ЦК КПСС был создан на страницах нелегально издававшихся журналов, но и определить уровень развития экономической мысли в Чехословакии, которая после подавления «Пражской весны» развивалась в сложных условиях, но, тем не менее, смогла воспринять передовые идеи и развить их.

Ключевые слова: Чехословакия, экономическая свобода, экономические преобразования, диссиденты, самиздат, перестройка

Статья поступила в редакцию: 24 июня 2024 г.

Статья принята к печати: 2 августа 2024

Цитирование: Пристуна Н.Н. Концепция экономической свободы на страницах чехословацкой эмигрантской и самиздатской периодики (1985–1989 гг.) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 362–382. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.12>.

Сегодня экономическая свобода признается фундаментальным правом каждого человека, она уже является не столько самоцелью, сколько основой правового государства и обязательным условием функционирования гражданского общества. Однако так было далеко не всегда. Изначально концепт трактовался как свобода торговли и конкуренции, невмешательство государства в экономику. Более того, экономическая свобода рассматривалась не отдельно, а лишь как один из аспектов свободы в целом и через призму таких категорий, как свобода воли и свобода выбора. После завершения Второй мировой войны в поисках эффективной модели экономического развития дискуссии вспыхнули с новой силой. Они не обошли стороной и Восточную Европу, накопившую во второй половине XX в. опыт неудавшихся экономических реформ.

Цель статьи — показать, как под влиянием перестройки в СССР в среде чехословацких диссидентов активизировался поиск ответов на вопрос, как преодолеть не только кризисные явления, но и деформации командно-административной экономики. В их экспертном сообществе крепла убежденность в том, что успешность грядущей трансформации зависит от экономической свободы и механизмов ее реализации. Поэтому, обращаясь к советскому и собственному опыту, а также опираясь на достижения мировой экономической науки, они представили свою точку зрения на внутреннюю структуру экономической свободы. Правда, познакомиться с их мнением во второй половине 1980-х годов можно было только обратившись к диссидентской и эмигрантской печати.

Экономическая свобода: краткий обзор подходов

В XX в. внимание к экономической свободе возросло. Среди видных экономистов, в чьих работах исследовалась ее сущность и внутренняя структура, формы проявления и механизмы реализации, можно назвать одного из основоположников неоклассического

направления в экономической науке Альфреда Маршалла (1842–1924), видного представителя австрийской школы экономики Фридриха Августа фон Хайека (1899–1992), американского экономиста-неолиберала Милтона Фридмана (1912–2006)¹. Они трактовали свободу как проявление субъективной природы человека, а ее внедрение в экономическую жизнь общества — как создание условий для удовлетворения потребностей человека с учетом его индивидуальных предпочтений и ограниченности ресурсов. Экономическая свобода индивида тем больше, чем шире возможности выбора. Немецкий экономист Вальтер Ойкен (1891–1950) сделал упор на роли государства, так как «обеспечение свободы может стать угрозой для этой свободы»². Значительный вклад в разработку проблемы экономической свободы внесли выходцы из стран Центральной Европы, в частности, известный венгерский экономист Янош Корнай (1928–2021) и его чешский коллега Ота Шик (2019–2004). Первый из них аргументированно доказал необходимость рыночных отношений и экономической свободы, которая «обладает значительной инструментальной ценностью, способствуя реализации таких фундаментальных ценностей, как повышение материального благосостояния людей»³ и от реализации которой зависит эффективность хозяйствования. Второй также активно защищал идеи рынка и экономическую свободу с целью поддержания здоровой конкуренции между производителями⁴.

Даже такой небольшой обзор взглядов на природу и сущность экономической свободы свидетельствует о многогранности, сосуществовании личного и социального. И более того, в реалиях командно-административной экономики к ней также сохранялся интерес. Особенно это актуально для Чехословакии в 1960-е годы, где для преодоления кризисных явлений взяли курс на экономическую реформу. В среде чешских экономистов росла убежденность в неотъемлемости свободы, проявлению которой препятствовали недостатки в планировании, стимулировании труда, организации производства и управлении экономикой. Преодоление этих препятствий

¹ Маршалл 1993; Фридмен, Хайек 1985.

² Ойкен 1995: 109.

³ Корнай 2011: 276.

⁴ Šik 1967: 340.

автоматически трактовалось как расширение экономической свободы⁵. Ошибочность таких подходов подтвердил провал реформы. Тем не менее, новое поколение экономистов, в числе которых наибольшей известностью пользовались Вацлав Клаус (род. в 1941 г.), Любомир Млчох (род. в 1944 г.) и Мирослав Томс (1944–1988), внесли значительный вклад в развитие экономической науки Чехословакии. И хотя «критика буржуазных теорий» была обязательной, они, как отмечено в чешской историографии, изучали современные экономические теории. Их интерес сосредоточился вокруг двух экономических школ того времени — школы неоклассического синтеза, главным популяризатором которой был Пол Энтони Самуэльсон (1915–2009), и австрийской школы, представленной работами Людвига фон Мизеса (1881–1973) и Ф. А. фон Хайека⁶.

По мере разворачивания в ЧССР политики «нормализации»⁷ одна часть экономистов поддержала происходившие в стране процессы, вторая — либо эмигрировала, либо лишилась работы и вернулась в профессию лишь в конце 1980-х годов. Представители второй группы и продолжили развивать идеи об экономической свободе: кто, публикуясь за границей, а кто — на страницах диссидентских изданий. Однако экономическая проблематика составляла относительно небольшой объем выходивших из печати текстов и только с избранием Михаила Сергеевича Горбачева (1931–2022) на пост Генерального секретаря ЦК КПСС и разворачиванием перестройки в СССР эти темы зазвучали чаще и в последующем стали базисом концепции рыночных преобразований в стране. И именно экономической свободе отводилось ведущее место. Раскрыть же ее сущность представляется возможным через призму общественных отношений, сложившихся в Чехословакии в те годы, что и было предпринято в статье.

Выразителями прогрессивных экономических взглядов были ученые, либо оказавшиеся в эмиграции, либо ставшие участниками

⁵ Шик О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991. С. 160–163, 171–173.

⁶ Klacsek, Kupka 2018: 113.

⁷ Период 1969–1989 гг. чаще всего называют «нормализацией», что символизирует не только ближайшую цель руководства КПЧ после апреля 1969 г., но и необходимость сгладить негативные для власти последствия Пражской весны. Страх реформ и осознание их опасности определяли подход представителей режима к решению политических и экономических проблем.

диссидентских организаций. Хотя, следует признать, что в 1970-е годы некоторые экономисты смогли повышать квалификацию и реализовать себя в науке, занимаясь смежными дисциплинами. Они же получили возможность представить наработки на экономических семинарах, организованных В. Клаусом в Государственном банке Чехословакии в 1980–1985 гг. Тем самым и те и другие внесли серьезный вклад в развитие экономической науки страны, формирование нового уровня экспертной критики, создание альтернативных вариантов перестройки экономики.

Этот этап развития экономической мысли в Чехословакии остается, однако, незаслуженно в стороне от интереса ученых, уступая другим течениям и направлениям оппозиционного движения. Даже среди чешских и словацких историков, являющихся первопроходцами в разработке истории диссидентского движения в Чехословакии в 1969–1989 гг., эта тема не пользуется популярностью. Отдельные ее аспекты вскользь затрагиваются в работах авторитетного чешского историка Милана Отагала⁸, который представил многоплановую картину оппозиционных настроений в чешском обществе, выделил этапы как режима «нормализации», так и диссидентского движения. Его внимание было сосредоточено преимущественно на гражданских и политических инициативах, остановился он и на «пробуждении» общества во второй половине 1980-х годов, активизации творческой интеллигенции и студенчества накануне падения коммунизма в Чехословакии. Из российских исследователей авторитетом пользуются труды Эллы Григорьевны Задорожнюк⁹. В ее фундаментальной работе «От крушения Пражской весны к триумфу “бархатной” революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.)» показана эволюция программных установок различных независимых инициативных групп, представлена их типология. Однако экономические сюжеты также преимущественно не попадали в фокус исследовательницы. Это в равной степени относится и к работе канадского историка Гарольда Гордона Скиллинга «Самиздат и независимое общество в Центральной и Восточной Европе»¹⁰, где предпринята

⁸ Otáhal 1994; Otáhal 2011.

⁹ Задорожнюк 2008.

¹⁰ Skilling 1989.

попытка проанализировать активность отдельных лиц и групп так называемого независимого общества или «альтернативного или параллельного сообщества», которые стали основой для формирования гражданского общества в Чехословакии (Чехии и Словакии). Много внимания уделяется здесь и подпольной издательской деятельности. Скиллинг подчеркнул ее некоторую историческую преемственность с ранними видами цензурированного письма и охарактеризовал как средство коммуникации. Таким образом, наследие независимых чешских экономистов второй половины 1980-х годов до сих пор остается малоизученным.

Чехословацкие диссиденты и их периодика

Оппозиционное движение в Чехословакии, активизировавшееся после ввода в эту страну войск Организации Варшавского договора в 1968 г., прошло несколько этапов в развитии. Последний из них (1985–1989 гг.) характеризовался появлением новых структурных элементов. Как отметила Э. Г. Задорожнюк, лозунги советской перестройки вернули в ряды оппозиционеров часть коммунистов, включая тех, кто еще в 1968 г. занимал высокие посты и способствовал появлению новых независимых гражданских структур (Демократической инициативы, Движения за гражданскую свободу, Клуба за социалистическую перестройку — «Возрождение» и др.). Это подтолкнуло диссидентов взять «на себя миссию представительства всего спектра движения, хотя факты показывают, что они были лишь одной из составных его частей»¹¹. Причем и «старые» участники (Хартия 77, например) задумались о том, что делать дальше. Если раньше на первое место выходили вопросы, связанные с защитой политических прав и свобод граждан, то в эти годы все больше внимания стало уделяться экологии и качеству окружающей среды, религиозной политике государства, состоянию экономики и уровню жизни. Менялись не только идеологические установки, но и формы деятельности¹². Тогда же (период так называемого позднего самиздата¹³) самиздатское книгоиздание в Чехословакии достигло пика: выросло как

¹¹ Задорожнюк 2008: 299.

¹² Otáhal 2011: 316–327.

¹³ Machovec 2009: 18.

количество самих изданий, так и количество читателей, имевших доступ к публикациям так называемой серой зоны¹⁴.

Источниковой базой данного исследования являются статьи эмигрантской и самиздатской периодики. Их авторы — главным образом, чехи. В Словакии, как отмечено в историографии, в силу менее репрессивной культурной политики и относительно меньшего количества независимых инициатив самиздат не получил такого развития, как в Чехии и Моравии¹⁵. Эти периодические издания затрагивали преимущественно гуманитарно-правовые темы, политику и культуру, однако было несколько и экономических изданий. В первую очередь, это *Ekonomická revue* («Экономический журнал»), который выходил в Праге. Помимо оригинальных материалов там публиковались и заимствованные статьи из других самиздатских журналов, а также переводы зарубежных экспертов. Как отметил в 1989 г. один из редакторов, журнал фактически состоял из отдельных рукописей, имевших единые заголовки и содержание, а перестал издаваться «в связи с повышением уровня освещения экономики в официальной прессе»¹⁶. Другим специализированным журналом, появившимся в 1980-е годы, был *Ze zaskvny i z bloku* («Из ящика и из блокнота»). Из названия следовало, что планировалось издавать как старые тексты («из ящика»), так и новые («из блокнота»). Правда, это не всегда удавалось, и потому журнал иногда в шутку называли «Из ящика в ящик»¹⁷. Его авторы — те журналисты, историки, экономисты и политологи, которые не могли официально работать после 1968 г. Читали издание в основном те же авторы, а также некоторые группы рабочих. Экономические сюжеты появлялись и на страницах журнала *Komentáře* («Комментарии»), выходившего 2–4 раза в год, который фокусировался на международной политике и включал в себя как оригинальные материалы, так и перепечатанные из зарубежной прессы.

¹⁴ *Серая зона* — термин, впервые, как предполагается, употребленный чешским писателем Йозефом Шкворецким (1924–2012) в одном из англоязычных эссе. Он использовал его как метафору для обозначения тех граждан, которые, хотя и оставались «молчаливыми», то есть не присоединялись к диссидентам в их протестах, но и не соглашались с установками КПЧ и, таким образом, представляли скрытую угрозу самому режиму (Machovec 2009: 18).

¹⁵ Posset 1991: 6.

¹⁶ Posset 1991: 50–51.

¹⁷ Posset 1991: 171.

Из эмигрантской периодики особого внимания заслуживает журнал *Svědectví* («Свидетельство»). Первый его номер увидел свет в Нью-Йорке в октябре 1956 г. С 1960 г. издавался в Париже, а в 1990–1992 гг. — в Праге. Редактором был Павел Тигрид (1917–2003), убежденный в возможности эволюции самих коммунистических партий. Эта установка допускала проведение в будущем политических и экономических реформ и, как следствие, — конец тоталитаризма. Такая концепция сдержанно и даже негативно воспринималась частью политического представительства в изгнании, из-за чего некоторые основатели журнала покинули редакционный совет. Несмотря на то, что журнал издавался за границей, он предназначался, прежде всего, читателям в Чехословакии. Поэтому его и квалифицируют как эмигрантский, а не как тамиздат. Первый номер вышел тиражом 1 тыс. экземпляров (150 из них переправлены на родину), а последний — 21 тыс. экземпляров (15 тыс. экземпляров — в Чехословакию)¹⁸. Такой подход сказался на содержании журнала *Svědectví*: главным образом освещалась внутри- и внешнеполитическая ситуация.

Надежды на перемены

Избрание Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС знаменовало начало нового этапа в развитии не только Советского Союза, но и стран Восточной Европы. В Чехословакии многие восприняли первые его заявления и действия с оптимизмом. Это касалось как части партийно-государственной элиты Чехословакии (к примеру, премьер-министра ЧССР в 1970–1988 гг. Любомира Штроугала (1924–2023), еще в 1982 г. разработавшего план коренных изменений экономической политики государства), так и рядовых граждан. Не остались в стороне и чешские и словацкие оппозиционные политики, которые с вниманием и интересом наблюдали за происходившим в СССР. Ведь инициированное Горбачевым реформирование политического процесса внутри страны было тесно связано с экономической и социальной трансформацией, а также изменением внешнеполитического курса. Поэтому-то чехословацкие диссиденты и связывали большие надежды на перемены с личностью нового советского лидера и одновременно разрабатывали программу реформ

¹⁸ Formanová, Gruntorád, Příbán 1999: 73.

в собственной стране. Тем более, что после прихода Горбачева к власти значение оппозиции в Чехословакии возросло, она перешла к более активной политической борьбе с режимом «нормализации» и как никогда ранее сомневалась в самой возможности его дальнейшего существования.

Политика нового советского лидера воспринималась по-разному, но в любом случае отношение к нему эволюционировало по мере того, как обманывались ожидания. Поначалу формировался позитивный, порою идеальный образ. На страницах журнала *Ekonomická revue* констатировался такой высокий уровень веры в сверхспособности Горбачева¹⁹ решить все проблемы и сделать «мир краше», что его даже называли «современный король Ечминек»²⁰. С одной стороны, такое сравнение свидетельствует об ожиданиях (даже сверхожиданиях), связанных с тем, что Горбачев сможет вывести их страну из кризисного состояния. С другой стороны, указывает на убежденность в плачевном состоянии, в котором оказались СССР и страны Восточной Европы. И, наконец, подтверждает тот факт, что личность Горбачева с самого начала обрастала легендами, и иногда было сложно отделить вымысел от реального положения дел.

По мнению чешского политика-коммуниста и в прошлом однокурсника Горбачева Зденек Млынаржа (1930–1997), все это происходило из-за отсутствия должной информации, и потому многие поверхностно размышляли о возможной роли Генерального секретаря ЦК КПСС в Кремле. В доказательство Млынарж приводил примеры из газет и журналов, когда тот в глазах журналистов представлялся «прагматиком и способным управленцем», причем последнее использовалось как комплимент, и на первый план выдвигалось все то, что так или иначе диссонировало с предшественниками. В частности, они не забыли отметить, что в ходе визита в Лондон Горбачев не посетил могилу Маркса, но не забыл «купить своей жене такие же

¹⁹ Gorbačov — a co dál? // *Ekonomická revue*. 1985. № 18. S. 1.

²⁰ *Король Ечминек* — легендарный защитник Моравии (чешск. *ječten* — ячмень). Его отец в порыве гнева хотел казнить жену, пользовавшуюся народной любовью, но та спаслась бегством и родила сына в ячменном поле. Король безуспешно искал жену и единственного сына, пока однажды отшельник не сказал ему, что из-за грехов он их не достоин, и предрек, что сын вернется, когда настанут последние времена. Легенда жила в веках, Франтишек Сеафинский Прохазка (1861–1939) написал поэму «Король Ечминек» (1904 г.), композиторы Цирил Методей Граздир (1868–1926) — одноименную оперу (1904 г.), Карел Горки (1909–1988) — балет (1951 г.).

серьги, как и у миссис Тэтчер»²¹. Сам Млынарж был убежден, что с приходом Горбачева к власти закончилась «политика, ориентированная, главным образом, на прошлое, политика “от похорон к похоронам”», когда решение насущных проблем откладывалось и приводило к стагнации. И так как Горбачев и функционеры его поколения являлись носителями другого жизненного и политического опыта, чем у их предшественников, перед ними открывались реальные возможности самореализации²². Впервые, как отмечалось, во главе государства оказался человек, чья личность не была сформирована «ни опытом старой революционной гвардии, ни опытом фронтового прошлого»²³. И это давало шанс «малым европейским странам»²⁴.

Горбачев представал человеком умным, концептуально мыслящим, прагматичным, умеющим гибко реагировать на ситуацию²⁵. Среди положительных его черт отмечались образованность, самостоятельность и конкретность мышления²⁶, обаяние (дублировалось мнение американских политиков о том, что президент США в 1981–1989 гг. Рональд Рейган (1911–2004) утратил монополию на умение производить эффект, так как советский лидер отлично чувствовал себя перед камерой, ничем не уступая профессиональному актеру²⁷). При этом не было забыто ставшее знаменитым высказывание бывшего министра иностранных дел СССР в 1957–1985 гг. А.А. Громыко (1909–1989) о Горбачеве как о человеке с «приятной улыбкой, но имевшем железные зубы»²⁸. И уже тогда эмигрантский журнал *Svědectví* в рубрике «Заметки к событиям» приводил слова журналиста венгерского происхождения Пауля Лендваи (род. в 1929 г.), который не исключал вероятности того, что «правлящим и управляемым из государств-сателлитов недвижимость никчемных и больных старцев из Кремля может показаться счастливым временем в сравнении с непредсказуемыми последствиями деятельности Горбачева, который решал внутриблочные

²¹ *Mlynář Z. Můj spoližák Gorbačov // Svědectví. 1985. R. XIX. № 75. S. 534.*

²² *Ibid. S. 537.*

²³ *Gorbačov – a co dál? S. 2.*

²⁴ *Mlynář Z. Můj spoližák Gorbačov. S. 537.*

²⁵ *Éra Gorbačova? – Bilance roku. Uplatní se část ledovce skrytá pod hladinou? // Ze zasuvky i z bloku. 1986. № 7. S. 7–8.*

²⁶ *Gorbačov – a co dál? S. 2.*

²⁷ *Ibid. S. 3.*

²⁸ *Lendvai P. Kdopak by se Míši bál? // Svědectví. 1986. R. XX. № 79. S. 484.*

проблемы со свойственной ему агрессивностью и динамизмом»²⁹. В последующем открытость советского лидера переносилась и на саму перестройку, которая, как отмечалось, носила «открытый характер», что и стало ее силой³⁰. Это, тем не менее, не помешало признать экономическую реформу как проведенную «вслепую»³¹, а результаты, несмотря на заявленные глобальные цели, — незначительными. Главным итогом назывался хаос³². Чешские диссиденты пытались понять, чем был обусловлен феномен Горбачева, и одну из главных причин его популярности (прежде всего в начале его пути) видели в «жажде правды» советского общества³³. А риторику о необходимости революционных перемен объясняли в том числе и тем, что Горбачеву не удалось избежать комплекса «большого скачка», свойственного всем советским лидерам³⁴.

Приступая к реформам, Горбачев был убежден в том, что кадры решают все, и дал добро на кадровые перестановки. Признавая позитивный характер этих перемен, эти же диссиденты были, тем не менее, уверены в наивности убеждений, что «сами перестановки без системных изменений смогут решить проблемы СССР, особенно экономические»³⁵. И справедливо предвидели, что вскоре наступит «час истины», который покажет, как «новые люди» с их сообразительностью, креативностью и концептуальностью смогут справляться с трудностями и принимать решения в ответ на новые вызовы³⁶. А самому Горбачеву уже придется держать ответ и войти в историю не просто как критику политики своих предшественников и автору программы нового будущего для своего народа³⁷. В связи с этим многие высказывали опасения, не придется ли ему пересмотреть свои взгляды под влиянием радикализации общественных настроений и обострения социально-экономической ситуации.

²⁹ *Lendvai P.* Kdopak by se Miši bal? S. 488.

³⁰ *Jičínský Z.* Úvaha o sovětské přestavbě // *Ze zasuvky i z bloku.* 1989. № 20. S. 145.

³¹ *Kadlec V.* Ekonomická reforma naslepo? // *Ze zasuvky i z bloku.* 1989. № 23/24. S. 37.

³² *Guetta B.* Muž nejisté budoucnosti // *Svědectví.* 1989. R. XXII. № 88. S. 761.

³³ *Gorbačov — a co dál?* S. 1.

³⁴ *Ibid.* S. 4.

³⁵ *Éra Gorbačova? — Bilance roku. Uplatní se část ledovce skrytá pod hladinou?* // *Ze zasuvky i z bloku.* 1986. № 7. S. 8.

³⁶ *Ibid.* S. 9.

³⁷ *Ibid.* S. 15.

Тем не менее, на страницах эмигрантской и самиздатской периодики выражалась надежда, что кадровые перестановки будут иметь эффект «волны» и затронут все сферы жизни советского общества, а затем и социалистических стран³⁸. Это было очень актуально для Чехословакии, где ротация правящей элиты не произошла: на всех уровнях партийно-политической структуры существовавший кадровый состав не изменился (более того, состав самого Президиума ЦК КПЧ еще и расширился). И только Милош Якеш (1922–2020) сменил в 1987 г. Густава Гусака (1913–1991) на посту Генерального секретаря ЦК КПЧ. За это те, кто находился во главе чехословацкого государства, подвергались критике, так как не воспользовались в полной мере предоставленным шансом «стать активным субъектом истории»³⁹.

Концепция экономических преобразований в СССР была сформулирована Горбачевым в докладе на Всесоюзном совещании по проблемам научно-технического прогресса, состоявшемся 11–12 июня 1985 г. Ее суть состояла в увеличении капиталовложений в машиностроение, эффективном использовании высоких технологий, расширении права предприятий, внедрении хозрасчета, повышении ответственности и заинтересованности трудовых коллективов⁴⁰. Эти идеи получили дальнейшее развитие в докладе Генерального секретаря на XXVII съезде КПСС (февраль-март 1986 г.), где провозглашался курс на «совершенствование социализма»⁴¹. При этом все чаще Горбачев и его последователи предпочитали использовать термин «экономическая реформа», часто с прилагательным «глубокая», чего в Чехословакии не было. Чешские диссиденты полагали, что на самом деле важны не слова, а сущность происходившего. В доказательство приводилась позиция Штроугала, который, по их мнению, «всегда был на несколько шагов впереди в оценке действительности». Когда многие еще восхваляли «успехи» нормализации, занимали выжидательную позицию в отношении Горбачева, Штроугал имел смелость заявить, что придется «глубоко переоценить некоторые наши

³⁸ *Jičínský Z.* Poznámky k současné československé politiceitioe // *Ze zasuvky i z bloku.* 1986. № 8. S. 30.

³⁹ *Ibid.* S. 33.

⁴⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. М.: Политиздат, 1988. Т. 16. Ч. 1. Май 1985 г. — февраль 1986 г. С. 39–61.

⁴¹ Там же. М.: Политиздат, 1988. Т. 16. Ч. 2. Февраль — декабрь 1986 г. С. 100–147.

нынешние взгляды и концепции до такой степени, что мы даже сами пока не можем себе этого представить»⁴². А сам комплекс мер, который уже второй год представлял собой «более совершенную» форму механизма функционирования чехословацкой экономики, оценил в духе тех экономистов, кто находился вне официальных структур, и отметил частичный характер предпринимавшихся шагов, которым «недостает комплексности и необходимой глубины» и которые «не вполне соответствуют требованиям и нуждам интенсификации экономики»⁴³.

Такое пристальное внимание к происходившему в СССР и лично к Горбачеву объяснимо. Ведь это позволяло не только понять сущность заявленной там перестройки, но и оценить перспективы своей страны. Однако, когда надежды на «экспорт перемен» не оправдались⁴⁴, диссиденты стали яснее осознавать, что действительные изменения в стране могли стать делом рук самих граждан Чехословакии, и взялись за выработку плана действий.

Свобода как базис экономического роста и процветания

Важнейшим в этой концепции реформ в Чехословакии (позже Чехии и Словакии) стало понятие «экономическая свобода», содержание которого диссиденты пытались раскрыть в том числе и через анализ ситуации в СССР во второй половине 1980-х годов. Они справедливо полагали, что экономическая свобода существенно меняет жизнь каждого человека, позволяет ему приобретать собственность, торговать с другими людьми и жить по своему усмотрению, то есть экономическая свобода призвана, с одной стороны, обогатить жизнь людей, а с другой — оказывать воздействие на экономическую политику государства и ее результаты. Какие же, по их мнению, действия необходимо было предпринять, чтобы вернуть экономическую свободу в жизнь как советских граждан, так чехов и словаков.

Одним из ключевых вопросов в концепции преобразований в СССР была роль государства в экономике. Чешские экономисты уделяли этой проблеме большое внимание, так как государственное

⁴² Po příkladu čínské císařovny? Úvaha posjezdova // Ze zasuvky i z bloku. 1986. № 7: 4.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Задорожнюк 2008: 217.

регулирование традиционно тесно связывалось с экономической свободой. Так, роль государства в свободном обществе признавалась ограниченной. С этой точки зрения, правительство имело право контролировать негативные внешние эффекты (например, загрязнение воздуха и воды, безопасность продуктов питания и транспортных перевозок и т. п.). Но даже в этих сферах оно должно было выступать как «один из рыночных партнеров»⁴⁵. Это перекликается с современным представлением о том, что минимальная степень регулирования, позволяющая государству выполнять свои законные задачи, и может повысить индивидуальное благосостояние и экономическую свободу⁴⁶.

Это отчасти признавалось в диссидентской среде. Они считали недостаточным снижение или изменение плановых показателей при сохранении централизованного планирования как такового. И уже в 1985 г. говорили о необходимости порвать с административной системой и перейти к рыночным механизмам⁴⁷. На этом этапе они активно обсуждали опыт чехословацкой экономической реформы 1960-х годов, советскую реформу оценивали как переходную, а Горбачева критиковали за непонимание рисков сохранения регулирования при расширении полномочий предприятий. Более того, его подход, «не радикальный и не убедительный», по своей сути, напомнил им изречение Горация *Desinit in piscem mulier formosa superne* («Начал за здравие, а кончил за упокой»)⁴⁸. Они исходили из убежденности в том, что централизованное планирование являлось одним из столпов экономического развития, поэтому даже самая «радикальная “перестройка”» на этом и остановится⁴⁹.

Общим знаменателем, который лежит в основе любой либеральной философской трактовки экономической свободы, является частная собственность. На страницах диссидентской периодики отмечалось, что в предшествовавший период «централистская и бюрократическая система управления экономикой» исходила из того,

⁴⁵ Jílek O. Vlastnické vztahy a ekonomická reforma // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 15. S. 55.

⁴⁶ Block (ed.) 1991: 99.

⁴⁷ Gorbačov — a co dál? S. 6.

⁴⁸ Mandel E. Gorbačovovo dilemma — konec nehybnosti // Komentáře. 1986. № 15. S. 41.

⁴⁹ Ve věci Gorbačov // Svědectví. 1987. R. XX. № 80. S. 716.

что высшим субъектом собственности выступает государство, представленное его правительством⁵⁰. В этом выделась основная причина всех негативных тенденций, имевших место в экономике СССР и Чехословакии, и требовавшая незамедлительного решения. Пока речь шла только о том, что субъектами собственности должны были выступать предприятия и кооперативы. А что касается транспортных перевозок, связи и энергетики, то эти полномочия должны быть делегированы государственным хозяйственным организациям. Такой подход не вписывается в современное видение экономической свободы, которая включает права, прежде всего, индивидов, а не групп или коллективов. При этом абсолютно коррелирует с легитимной, но ограниченной ролью государства или правительства в обеспечении экономической свободы через признание за ним таких законных задач, как поддержание правопорядка, оборону от внешних врагов, определение и защиту прав собственности, обеспечение исполнения добровольно заключенных договоров, а также предоставление разнообразных общественных услуг⁵¹.

Важным элементом, позволяющим оценить степень экономической свободы, является налогообложение. Ведь после того, как государство передало (или присвоило себе) какую-либо задачу, ему требуются ресурсы для ее выполнения, и получить их оно может путем сбора налогов, заимствования или выпуска собственных денег. Налогообложение, по своей сути, является принудительным. Получается, что в какой-то степени государственный контроль над экономической деятельностью ущемляет экономическую свободу личности. Более того, каждый рубль или, в случае с Чехословакией, крона, взимавшаяся в виде налогов, сокращала личное потребление ровно на один рубль или крону. Сегодня это трактуется как уменьшение свободы налогоплательщика тратить свои деньги по своему усмотрению⁵². Таким образом, свобода уменьшается прямо пропорционально уровню налогообложения. Поэтому уровень экономической свободы в СССР и Чехословакии того времени признавался, естественно, низким. Так, все еще были возможны цены ниже уровня издержек производства на одни товары, а на другие — выше, поэтому прибегали

⁵⁰ Jílek O. Vlastnické vztahy a ekonomická reforma // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 15. S. 51.

⁵¹ Block (ed.) 1991: 88.

⁵² Block (ed.) 1991: 94.

к практике «чрезвычайной прибыли» для покрытия «плановых “чрезвычайных убытков”»⁵³. Это приводило к деформации деятельности предприятий и отраслей, ведь государство по-прежнему прибегало к практике манипулирования с плановыми заданиями и ценами, государственными контрактами, лимитами, нормативами, налоговыми ставками и т. д.

С налогообложением связано и такое обязательное условие функционирования экономической свободы как верховенство закона. Оно служит как для защиты отдельных лиц от преступных действий других лиц, так и для предотвращения принятия политическими лидерами произвольных и взбалмошных решений. А с правоприменением, как в СССР, так и в Чехословакии, дело обстояло сложно. Продолжалась не только активная законодательная деятельность (что было и логично в условиях создания легитимной основы реформ), но и игры с законом, что выливалось в принятие противоречивших друг другу актов и постоянный пересмотр показателей («игры с параметрами» и «правила игры»⁵⁴). Диссиденты даже говорили о том, что проблемы функционирования «старого нового экономического механизма», вероятно, заставят провести очередную «законодательную революцию»⁵⁵, так как именно право включает в себя измерение порядка в государстве, поэтому экономическая свобода была невозможна без свободы политической. Французский и чешский политолог Жак Рупник (род. в 1950 г.), сотрудничавший с журналом *Svědectví* с 1977 г., задавался вопросом: можно ли превратить уху в рыбу и возможен ли переход к демократии в условиях экономической катастрофы? И признавал, что освобождение национализированной экономики — гораздо более трудная задача, чем национализация свободной экономики⁵⁶.

На страницах диссидентской периодики затрагивались и другие индикаторы экономической свободы: отсутствие барьеров для вхождения бизнеса во все отрасли экономики, за исключением тех, которые влияют на внутреннюю и внешнюю безопасность, отсутствие контроля над заработной платой и ценами, а также отсутствие

⁵³ Šulc Z. Zpráva o stavu československé ekonomické reformy / Co napovídá přechod od projektů k realizaci // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 18. S. 141.

⁵⁴ Ibid. S. 145.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Rупnik J. Reformy: co všechno je ve hře // Svědectví. 1989. R. XXII. № 88. S. 787.

обязательного государственного распределения ресурсов и закупок продукции. В частности, наиболее разработаны эти вопросы были в работах авторитетного экономического аналитика Здислава Шульца (1926–2015). До 1971 г. он работал научным сотрудником в Институте экономики Чехословацкой академии наук, после — был исключен за «антисоциалистическую деятельность», потому публиковался уже только в самиздате и за границей. В работах Шульц, раскрыв сущностные характеристики реформ, критически оценивал реалистичность задуманного Горбачевым плана через призму экономической свободы. В частности, он много внимания уделял равенству базовых условий хозяйствования и необходимости скорейшего отказа от пагубной практики финансирования привилегированных отраслей и производств, даже за счет «вытеснения» других, что вылилось в высокую фондовооруженность и капиталовооруженность некоторых предприятий за счет других⁵⁷. Таким образом, для чешских экономистов принцип равенства или справедливости и его реализация рассматривались как необходимое условие не только возникновения социалистического предпринимательства, но и экономической свободы, ведь предоставление льгот отдельным компаниям нарушает последнюю.

Заключение

Анализируя преобразования в СССР в годы перестройки, а также состояние экономики Чехословакии во второй половине 1980-х годов, диссиденты представили свое понимание происходившего, в последующем их идеи легли в основу экономической трансформации в стране в начале 1990-х годов. А само понятие «экономическая свобода» стало фундаментом этих процессов. Оно превратилось в синоним защиты собственности, а свобода владеть имуществом рассматривалась, в свою очередь, как необходимое условие сохранения личной независимости. Однако уже тогда для экономистов, находившихся в оппозиции к коммунистической власти, это понятие включало в себя и роль государства в экономике, и сбалансированность налоговой системы, и сокращение государственного сектора

⁵⁷ Šulc Z. Hrozící katastrofa a jak jí čelit / K současnému stavu a výhledům československé ekonomiky // Ze zasuvky i z bloku. 1988. № 15. S. 89.

и государственных расходов, и верховенство закона и равенство закона для всех, то есть эти взгляды вписывались в существовавшие в европейской экономической науке подходы в оценках природы экономической свободы. Начавшаяся в Чехословакии в конце 1980-х годов системная трансформация экономики позволила не только развить концепцию экономической свободы, но и проверить эффективность взглядов на практике. И несмотря на то, что в руководстве страны отсутствовал консенсус и были разработаны две программы экономических преобразований — «Реализация правительственной программы в области экономической политики» группы заместителя председателя федерального правительства Вальтра Комарека (1920–2013) и «Стратегия экономических реформ» группы министра финансов федерального правительства Клауса — экономическая свобода занимала в них центральное место (это и ставка на либерализацию цен, и внедрение свободного рынка, и поиск «достойного собственника» в процессе трансформации собственности). И в том, и в другом случае строительство рыночной экономики и особенно скорость реализации реформ расценивались как необходимое условие окончательного разрыва с прошлым. Поэтому публикации, выходявшие на страницах эмигрантской и самиздатской периодики, даже несмотря на их незначительные тиражи, способствовали распространению этих новых идей, определяли характер и направления будущих преобразований, готовили общественное мнение и выполняли функцию своеобразного запуска процессов модернизации экономики.

Список сокращений

КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦК КПЧ — Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии

Литература

Корнаи 2012 — *Корнаи Я.* Размышления о капитализме. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 352 с.
Задорожник 2008 — *Задорожник Э.Г.* От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 — ноябрь 1989 г.). М.: Индрик, 2008. 440 с.

- Маршалл 1993 — *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Прогресс-Универс, 1993. Т. 1. 415 с.
- Ойкен 1995 — *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. 496 с.
- Фридмен, Хайек 1985 — *Фридмен М., Хайек Ф.* О свободе: сборник научных трудов. Вашингтон: Cato Institute, 1985. 135 с.
- Block (ed.) 1991 — *Economic Freedom: Towards a Theory of Measurement Proceeding / ed. by Walter E. Block.* Vancouver: The Fraser Institute, 1991. 214 p.
- Formanová, Gruntorád, Příbáň 1999 — *Formanová L., Gruntorád J., Příbáň M.* Exilová periodika. Praha: Ježek, 1999. 261 s.
- Klacek, Kupka 2018 — *Klacek J., Kupka V.* Renaissance of the Czech economics. The Prague Spring and the Institute of Economics of the Czechoslovak Academy of Sciences // *Soudobé dějiny*. 2018. Vol. 25. № 1–2. P. 109–146. DOI: 10.51134/sod.2018.007.
- Machovec 2009 — *Machovec M.* The Types and Functions of Samizdat Publications in Czechoslovakia, 1948–1989 // *Poetics Today*. 2009. Vol. 30. № 1. P. 1–26. DOI: 10.1215/03335372-2008-001.
- Otáhal 1994 — *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost 1969–1989: příspěvek k dějinám “normalizace”. Praha: Maxdorf, 1994. 124 s. (Historia Nova. Sv. 6).
- Otáhal 2011 — *Otáhal M.* Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, v.v.i., 2011. 649 s.
- Posset 1993 — *Posset J.* Česká samizdatová periodika 1968–1989. Brno: Továrna na sítotisk: Společnost pro reklamu a tisk R & T, 1993. 214 s.
- Skilling 1989 — *Skilling H.G.* Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe. London: Macmillan Publishers, 1989. 293 p.
- Šik 1967 — *Šik O.* Plan and Market Under Socialism. Prague: Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1967. 382 p.

References

- Block, W.E., ed., 1991. *Economic Freedom: Towards a Theory of Measurement Proceeding*. Vancouver: The Fraser Institute, 214 p.
- Eucken, W., 1995. *Osnovnye printsipy ekonomicheskoi politiki* [Basic principles of economic policy]. Moscow: Progress, 496 p. (in Rus.)
- Formanová, L., Gruntorád, J., Příbáň, M., 1999. *Exilová periodika*. Praha: Ježek, 261 p.
- Friedman, M., Hayek, F., 1985. *O svobode: sbornik nauchnykh trudov* [On Freedom: a collection of scientific papers]. Washington: Cato Institute, 135 p. (in Rus.)
- Kornai, J., 2012. *Razmyshleniia o kapitalizme* [Reflections on capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 352 s. (in Rus.)

- Klacek, J., Kupka, V., 2018. Renaissance of the Czech economics. The Prague Spring and the Institute of Economics of the Czechoslovak Academy of Sciences. *Soudobé dějiny*, 25, 1–2, pp. 109–146. doi: 10.51134/sod.2018.007.
- Marshall, A., 1993. *Principy ekonomické nauky* [Principles of economic science]. Vol. 1. Moscow: Progress. Univers, 415 p. (in Rus.)
- Machovec, M., 2009. The Types and Functions of Samizdat Publications in Czechoslovakia, 1948–1989. *Poetics Today*, 30, 1. pp. 1–26. doi: 10.1215/03335372-2008-001.
- Otáhal, M., 1994. *Opozice, moc, společnost 1969–1989: příspěvek k dějinám “normalizace”*. Praha: Maxdorf, 124 p. (Historia Nova, 6).
- Otáhal, M., 2011. *Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989*. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, v.v.i., 649 p.
- Posset, J., 1993. *Česká samizdatová periodika 1968–1989*. Brno: Továrna na sítotisk: Společnost pro reklamu a tisk R & T, 214 p.
- Skilling, H. G., 1989. *Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe*. London: Macmillan Publishers, 293 p.
- Šik, O., 1967. *Plan and Market Under Socialism*. Prague: Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 382 p.
- Zadorozhnyuk, E. G., 2008. *Ot krushenija Prazhskoj vesny k triumfu «barhatnoj» revoljucii. Iz istorii opozicionnogo dvizhenija v Chehoslovakii (avgust 1968 – nojabr' 1989 g.)* [From the Collapse of the Prague Spring to the Triumph of the Velvet Revolution. From the History of the Opposition Movement in Czechoslovakia (August 1968 – November 1989)]. Moscow: Indrik, 440 p. (in Rus.)

Natallia N. Prystupa

PhD, Associate Professor, Department of History of Belarus and Slavic Peoples, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus. 220030, Sovetskaia str., 18. E-mail: pnatalka@rambler.ru

The Concept of Economic Freedom in Czechoslovak Emigrant and Samizdat Magazines (1985–1989)

The analysis of the publications of émigré and samizdat journals reveals the essence of the concept of “economic freedom” as interpreted by Czech dissidents. The author emphasises that it became a central element of the transformation of the country’s economic system in the 1990s. It is stressed that perestroika in the USSR and Mikhail Gorbachev himself became a powerful external factor that intensified the process of its conceptualisation. The content of the concept was analysed through the prism of such aspects of economic development as state regulation, the phenomenon of private property, the tax system, the principle of the rule of law, and the existence of free access to all sectors of the economy. The author concludes that the Czech dissidents’ vision of economic freedom was in many ways consistent with both prevailing and later developed ideas about economic freedom and its place in society and the state. The article also shows the diversity of attitudes and perceptions about the future of Czechoslovakia in the “window of opportunity” that opened for it, without losing sight of the central role of economic freedom in achieving a free society. In addition, the study of Czech dissidents’ views on perestroika and Mikhail Gorbachev’ role in it made it possible to trace the development of their attitude to the processes both in the Soviet Union and in their own country. The analysis of this position is also valuable because it allows us not only to show what image of the USSR and of the General Secretary of the CPSU Central Committee himself was created on the pages of illegally published magazines, but also to determine the degree of development of economic thought in Czechoslovakia, which evolved under difficult conditions after the suppression of the Prague Spring, but was nevertheless able to absorb and generate advanced ideas.

Keywords: Czechoslovakia, economic freedom, economic transformation, dissidents, samizdat, perestroika

Received: 24 June 2024

Accepted: 02 August 2024

How to cite: Prystupa, N. N., 2024. Kontseptsiiia ekonomicheskoi svobody na stranitsakh chekhoslovatskoi emigrantskoi i samizdatskoi periodiki (1985–1989 gg.). *Central-European Studies*, 7, pp. 362–382. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.12>.

Анна Константиновна Александрова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Национальная и европейская составляющие суверенитета в странах ЕС: политический дискурс современной Греции

Двухсотлетняя история независимого греческого государства неразрывно связана с историей Европы, и современная греческая национальная идентичность является одновременно и европейской. С другой стороны, формально независимая Греция постоянно испытывала на себе влияние более могущественных держав (и европейских, и США), причем не только во внешней, но и во внутренней политике. Членство Греции, как и любой другой страны, в Европейском союзе подразумевает добровольную передачу части своего суверенитета транснациональной организации. Эта проблема привлекала внимание политиков и исследователей на протяжении всей истории существования европейского интеграционного объединения, но особую актуальность для Греции она приобрела в 2010-е годы, когда в стране начался финансово-экономический кризис. Экономика и финансовый сектор Греции на несколько лет передавались под внешний контроль «тройки» кредиторов — Еврокомиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда, что фактически являлось частичным (и отнюдь не добровольным) ограничением национального суверенитета страны и вызывало рост евроскептических настроений. Кризис в Греции выявил дисбаланс в еврозоне: при формальном равенстве всех ее членов экономически сильные страны могли диктовать условия более слабым, используя рычаги Евросоюза. Из-за подобной асимметрии по оси «ядро — периферия» интеграционный процесс становился средством, а ЕС — пространством реализации национальных интересов влиятельных государств — членов союза (например, Германии), и суверенитет «сильных» и «слабых» стран оказывался неравноценным. Сложившаяся ситуация привела к тому, что в политическом пространстве Греции началось переосмысление ее места в современной структуре Евросоюза — вплоть до представлений как о «долговой колонии» Европы, а трактовка понятия суверенитета стала одним из лейтмотивов политической жизни страны. Греко-турецкие противоречия, а также балканский вектор греческой внешней политики также можно рассматривать сквозь призму включенности Греции в европейский интеграционный проект, поскольку данный

подход позволяет выявить соотношение между национальной и европейской составляющей греческого суверенитета. В статье рассматриваются особенности употребления понятия *суверенитет* в политическом дискурсе Греции в 2010-е — начале 2020-х годов, в частности, в условиях финансово-экономического кризиса, а также в контексте отношений страны с Турцией. Делается вывод о присутствии и национальной, и европейской составляющей в понимании суверенитета в современной Греции.

Ключевые слова: греко-турецкие отношения, эгейский спор, кипрский вопрос, Европейский союз, финансово-экономический кризис в Греции, кризис евро, европейский суверенитет, европейская идентичность

Статья поступила в редакцию: 21 января 2024 г.

Статья принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Цитирование: Александрова А.К. Национальная и европейская составляющие суверенитета в странах ЕС: политический дискурс современной Греции // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 383–422. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.13>.

Двухсотлетняя история независимого греческого государства неразрывно связана с историей Европы, и современная национальная идентичность греков сочетает в себе как исключительно греческий, так и европейский компоненты. Будучи самостоятельным государством, Греция тем не менее, в силу обстоятельств, неоднократно оказывалась в частично зависимом положении и вынуждена была считаться с мнением более могущественных держав не только во внешней, но и во внутренней политике. Это неизбежно вызывало в греческом политическом пространстве дискуссии об ограниченности суверенитета страны, которые приобрели новое измерение после того, как Греция вступила в Европейское экономическое сообщество, а затем стала членом Европейского союза, поскольку участие в интеграционном проекте предполагало добровольный отказ от некоторых составляющих национального суверенитета. Далее, в 2010-е годы, страна столкнулась с глубоким финансово-экономическим кризисом, выход из которого сопровождался постоянным мониторингом со стороны «тройки» кредиторов — Европейской комиссии, Европейского центрального банка (ЕЦБ) и Международного валютного фонда (МВФ), а также давлением на Афины таких влиятельных членов ЕС, как, например, Германия, при принятии решений относительно дальнейшей экономической политики Греции. Контроль внешних инстанций над экономикой и финансами страны вызвал новую волну

обсуждений и спекуляций относительно неполноты греческого суверенитета. Отдельно следует сказать о проблемах греко-турецких отношений, которые рассматриваются Афинами как угроза национальному суверенитету страны и, поскольку Греция является членом ЕС, как угроза европейской безопасности.

Цель данного исследования — определить контекст употребления понятия *суверенитет* в политическом дискурсе Греции в 2010-е — начале 2020-х годов с тем, чтобы выявить национальную и европейскую составляющие данного понятия. Хронологические рамки работы охватывают турбулентный период греческой истории, который характеризуется финансово-экономическим кризисом в стране и еврозоне, а также обострением отношений с Турцией.

Понятие *суверенитет*, оформившееся в Европе по итогам Вестфальского договора 1648 г. и связанное с независимостью государства, неоднократно переосмысливалось с течением времени и под влиянием различных процессов и явлений учеными и философами — от Ж. Бодена, Т. Гоббса и Дж. Локка до М. Фуко и ряда современных исследователей¹. Данное понятие использовалось в наиболее емкой, по моему мнению, трактовке Ю. Хабермаса, согласно которой

[С]уверенитет означает, что политическая власть обеспечивает закон и порядок в границах собственной территории, а также целостность этих границ в международном окружении, в рамках которого конкурирующие государства признают друг друга согласно международному праву².

Выводы в результате данного исследования были сделаны на основе анализа высказываний греческих политиков в рассматриваемый период, в которых употреблялось слово «суверенитет» (греч. «κυριαρχία»). Поиск проводился на сайтах премьер-министра Греции³, Министерства иностранных дел⁴, а также Парламента страны⁵. Также в ряде

¹ Подробнее о трансформации понимания суверенитета см.: Дьяков, Соколов 2018.

² Хабермас 2002: 364–365. О понимании суверенитета Ю. Хабермасом см. также: Деревянченко 2010.

³ Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴ Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/index.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁵ Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/> (дата обращения: 05.10.2023).

случаев проводился сравнительный анализ особенностей употребления понятия *суверенитет* в политическом дискурсе Греции и принятых политических решений.

Национальная и европейская идентичность

Греция со времен борьбы за независимость подчеркивала свою принадлежность западной, европейской цивилизации, что являлось важной составляющей ее идентичности: как неоднократно отмечали политики, Греция была, есть и останется «неотъемлемым членом великой европейской семьи, Европейского союза»⁶. Одновременно отмечалось, что Греция и Кипр — это и «перекресток», «мост» между Западом и Востоком, «плавильный котел» их культур⁷, «передовой форпост» Запада и Европы на Востоке⁸.

Министр иностранных дел Греции в 2015–2018 гг. Н. Кодзиас говорил о множественном кризисе в ЕС, по итогам которого интеграционное объединение может быть либо дестабилизировано, либо, наоборот, станет совершеннее. И первый кризис ЕС — это кризис

⁶ Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας, κ. Προκοπίου Παυλόπουλου, στις Ελληνίδες και τους Έλληνες του εξωτερικού με την ευκαιρία των εορτών των Χριστουγέννων και του νέου έτους 2019. 21.12.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/menuma-tou-proedrou-tes-demokratias-prokopiou-paulopoulou-stis-ellenides-kai-tous-ellenes-tou-exoterikou-me-ten-eukairia-ton-eorton-ton-khristougennon-kai-tou-neou-etous-2019.html> (дата обращения: 05.10.2023); Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας, κ. Προκοπίου Παυλόπουλου, στις Ελληνίδες και του Έλληνες του Εξωτερικού με την ευκαιρία των Εορτών των Χριστουγέννων και του Νέου Έτους 2020 (Αθήνα, 20.12.2019) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/eidiseis-anakoynoseis/menuma-tou-proedrou-tes-demokratias-prokopiou-paulopoulou-stis-ellenides-kai-tou-ellenes-tou-exoterikou-me-ten-eukairia-ton-eorton-ton-khristougennon-kai-tou-neou-etous-2020-athena-20122019.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷ Ομιλία Υπουργού Εξωτερικών, Ν. Κοτζιά, στο Ίδρυμα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ' (Λευκωσία, 28.3.2017) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/omilia-upourgou-exoterikon-kotzia-sto-idruma-arkhiepiskopou-makariou-leukosia-2832017.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸ Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας, κ. Προκοπίου Παυλόπουλου, στις Ελληνίδες και τους Έλληνες του εξωτερικού με την ευκαιρία των εορτών των Χριστουγέννων και του νέου έτους 2019. 21.12.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/menuma-tou-proedrou-tes-demokratias-prokopiou-paulopoulou-stis-ellenides-kai-tous-ellenes-tou-exoterikou-me-ten-eukairia-ton-eorton-ton-khristougennon-kai-tou-neou-etous-2019.html> (дата обращения: 05.10.2023).

идентичности, касающийся в первую очередь национальной идентичности в странах-членах. По мнению Н. Кодзиаса, ЕС должен двигаться в направлении федерализации, но с учетом того, что национальные государства существуют сейчас и будут существовать еще долгое время⁹. Важным представляется заявление президента Греции П. Павлопулоса, сделанное в 2017 г. по случаю празднования в Греции Дня независимости (25 марта): «Греция заявляет о решимости защищать свой суверенитет, территориальную целостность и границы, то есть суверенитет, территориальную целостность и границы Европейского союза»¹⁰; данное отождествление говорит о готовности Греции к дальнейшей политической интеграции в ЕС.

Серьезным испытанием для Европы и Греции стал миграционный кризис середины 2010-х годов. Тот факт, что Греция приняла сотни тысяч беженцев, оценивался премьер-министром страны в 2015–2019 гг. А. Ципрасом как защита не только европейских границ, но и европейских ценностей¹¹. Напротив, он активно критиковал действия тех стран Евросоюза, границы которых оказались «закрыты для беженцев», и при урегулировании миграционного кризиса ими на первое место ставились соображения защиты национального суверенитета, и только на второе — правила Евросоюза, что подрывало моральные принципы и единство европейского интеграционного объединения¹².

Таким образом, с одной стороны, национальная идентичность входящих в ЕС стран-членов является одновременно и европейской,

⁹ Ομιλία Υπουργού Εξωτερικών, Ν. Κοτζιά, σε ετήσια Σύνοδο Πρέσβειων πΓΔΜ (Σκόπια, 25.08.2016) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/omilia-upourgou-exoterikon-kotzia-se-etsia-sunodo-presbeon-pgdm-skopia-25082016.html> (дата обращения: 05.10.2023).

¹⁰ Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας, κ. Προκόπη Παυλόπουλου, προς τον Απόδημο Ελληνισμό με την ευκαιρία της Εθνικής Εορτής της 25ης Μαρτίου. 23.03.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/menu-ma-tou-proedrou-tes-demokratias-prokope-paulopoulou-pros-ton-apidemo-ellenismo-me-ten-eukairia-tes-ethnikes-eortes-tes-25es-martiou.html> (дата обращения: 05.10.2023).

¹¹ «Διαβατήριο για την καθαρή έξοδο, η υπεραπόδοση της ελληνικής οικονομίας». Κοινές δηλώσεις με τον Πρόεδρο της Ευρωπαϊκής Επιτροπής, κ. Ζαν-Κλωντ Γιούνκερ. 26.04.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/04/26/19773> (дата обращения: 05.10.2023).

¹² Ομιλία του Πρωθυπουργού στην Κοινοβουλευτική Συνέλευση του Συμβουλίου της Ευρώπης. 22.06.2016 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2016/06/22/14945> (дата обращения: 05.10.2023).

с другой — эти составляющие далеко не равнозначны, к тому же их соотношение значительно варьируется от страны к стране и в зависимости от конкретных обстоятельств, несмотря на длящийся уже несколько десятилетий интеграционный процесс. Как отметил Д. М. Бондаренко:

[Е]вропейцы согласны дополнять национальную идентичность европейской, рассматривать их как сопоставимые на чашах виртуальных весов идентичности, но не готовы подчинять европейской идентичности национальную¹³.

Поэтому в настоящее время еще рано говорить о формировании сугубо европейской идентичности, в перспективе необходимой для дальнейшей транснационализации (и, соответственно, развития) европейского проекта¹⁴.

Национальная и европейская составляющие суверенитета стран ЕС

А. В. Дьяков и А. М. Соколов подчеркнули, что в концепте суверенитета, «как в фокусе, сходятся линии рефлексии, составляющие ядро самоосмысления европейской цивилизации»¹⁵. Что касается Греции, по словам историка Д. Стаматопулоса, в настоящее время

[П]реобладает <...> либеральный подход, который подчеркивает, что целью (греческой. — А.А.) революции (1821 г. — А.А.) было приобщение Греции к европейской культуре. Таким образом, дискуссия о революции связана с дискуссией о степени независимости, которую может иметь государство Европейского союза¹⁶.

С одной стороны, для Греции понимание государства с самого начала его формирования было сугубо европейским¹⁷. С другой — вопрос о том, в какой степени участие в европейском интеграционном проекте может ограничивать суверенитет государства, активно обсуждается политиками и исследователями начиная со времен

¹³ Бондаренко 2022: 231.

¹⁴ Бондаренко 2022: 231. См. также: Toplak, Šumi 2012: 15–16.

¹⁵ Дьяков, Соколов 2018: 26.

¹⁶ [Стаматопулос, Александрова] 2021: 127.

¹⁷ Papagiannopoulos, Agridopoulos 2016: 4; Βενιζέλος 2022: 39.

образования ЕС¹⁸. В данном случае неизбежно возникали параллели с США, на этапе образования которых, как отметил У. Бек, все штаты

защищали свой суверенитет. Но в конце концов возобладало понимание выгоды федерального суверенитета — понимание, которое и сегодня может помочь (и уже помогает!) становлению космополитической Европы. Возрастание содержательного суверенитета, возможностей для деятельности в глобальную эпоху с лихвой возмещает утрату формальной автономии¹⁹.

Евроэйфория первых лет существования ЕС приводила к мысли, что место суверенного национального государства может занять «космополитическая Европа»²⁰. Но все же сравнение с США, как показало время, представляется не вполне корректным, поскольку идея создания федеративной Европы (Соединенных Штатов Европы), которая со временем превратилась бы в суверенную сверхдержаву, так и остается на данный момент гипотетическим сценарием развития Евросоюза. Д. М. Бондаренко подтвердил мнение современных исследователей:

Создание Европейского союза в 1993 г. стало первой попыткой (с до сих пор еще не ясным исходом) наделить высшим суверенитетом транснациональные политические институты (а не создать объединение суверенных государств, подобное Африканскому союзу, Лиге Арабских государств, Организации Объединенных Наций и т. д.). Не случайно исходным пунктом рассуждений Ю. Хабермаса в знаменитом эссе «Почему Европа нуждается в конституции» стало его утверждение о том, что Европейский союз представляет собой ранее невиданную форму политической организации²¹.

Взаимодействие национального и европейского прослеживается в ЕС практически на всех уровнях — от конструирования идентичности до принятия политических решений. На современном этапе развития Европейского союза участвующие в его управлении акторы активно используют и национальные, и европейские политические инструменты, неизбежно сталкиваясь с проблемами выстраивания отношений между государственным и надгосударственным

¹⁸ Lavdas 2013b: 18–19; Романова 2021: 32–34.

¹⁹ Бек 2007: 142.

²⁰ Salzborn, Voigt (Hg.) 2010.

²¹ Бондаренко 2022: 221. См. также: Toplak, Šumi 2012: 22.

уровнями. Границы между национальным и европейским постоянно смещаются в некоторых областях и в некоторых — полностью исчезают. Одновременно на субнациональном уровне региональные и локальные акторы не только контактируют внутри границ государства, но и создают вертикальные связи с транснациональными европейскими институтами²².

В случае вступления в Евросоюз государство добровольно отказывается от части национального суверенитета, но взамен получает преимущества членства в интеграционном объединении²³. Транснационализация государства позволяет эффективнее справляться с глобальными проблемами (такими как пандемия COVID-19 или международный терроризм), самостоятельное урегулирование которых отдельными странами невозможно либо крайне сложно. И хотя на данном этапе развития ЕС речи об исчезновении национального государства не идет, возникает вопрос, до какой степени национальному государству выгодно и целесообразно передавать часть своего суверенитета транснациональным политическим институтам, поскольку это подразумевает в первую очередь «одностороннее» движение от национального к европейскому уровню²⁴. В начале 2000-х годов страны Бенилюкса и Австрия (член ЕС с 1996 г.) обычно голосовали вместе с Германией за ускорение темпов интеграции; в этом же «лагере» находились экономически отстающие и, соответственно, зависящие от дотаций структурных фондов ЕС страны Южной Европы и Ирландия. Гораздо менее активно за дальнейшую интеграцию выступали Великобритания и Дания, обеспокоенные состоянием их национального суверенитета²⁵. Неслучайно в 2010-е годы Евросоюз столкнулся с проблемой Brexit, которая разрешилась отказом Великобритании от членства в ЕС.

Помимо преимуществ, участие в процессе евроинтеграции влечет за собой и определенные издержки. Например, вступление Греции

²² Lavdas 2013b: 19, 31–33.

²³ Toplak, Šumi 2012: 18; Sotiris 2017: 172; Бондаренко 2022: 222; «Η Ελλάδα μετά από επτά χρόνια κρίσης, ξαναέρχεται δυναμικά στο προσκήνιο, επιστρέφει με πολύ θετικές προοπτικές». Συνέντευξη του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στον ιστότοπο της γαλλικής εφημερίδας «LE FIGARO» και την εκπομπή «FIGARO LIVE». 24.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/24/18894> (дата обращения: 05.10.2023).

²⁴ Бондаренко 2022: 223, 226–227, 241; Leeds 2004: 231–232.

²⁵ Leeds 2004: 235.

в 1981 г. в Европейское экономическое сообщество, а затем в ЕС и, соответственно, ее включение в европейскую систему Единой сельскохозяйственной политики стало причиной упадка важнейшего для страны аграрного сектора экономики. Эта тенденция фактически подорвала продовольственный суверенитет Греции, превратив ее из экспортера в импортера продовольствия²⁶.

Особым этапом на пути передачи части национального суверенитета общеевропейским институтам управления стало создание еврозоны²⁷. Но и «горькая пилюля» ликвидации денежного суверенитета сопровождалась «подсластителем» в виде возможности выпускать долговые обязательства без валютного риска, что стало впоследствии одной из главных причин глубокого финансово-экономического кризиса, случившегося в Греции и других странах еврозоны в 2010-е годы. А выход страны из кризиса сопровождался жестким внешним контролем за состоянием ее экономики и финансов, что воспринималось как ущемление (уже недобровольное) национального греческого суверенитета (подробнее об этом будет сказано ниже). В тот же кризисный, переходный для ЕС период 2010-х годов по аналогии с Brexit возникла идея Grexit в связи с долговыми проблемами Греции, и в целом евроскептические настроения охватили практически все страны ЕС. По мнению греческого исследователя К. Хрисогонаса, реальная уступка части суверенитета стран — членов ЕС в пользу транснационального объединения произошла не после создания Европейского экономического сообщества и затем Евросоюза (поскольку ЕЭС и ЕС предполагали равноправие всех участников интеграционного проекта), а именно во втором десятилетии XXI в. — в связи с кризисом евро. В процессе выхода из кризиса Европа фактически разделилась на «должников» и «кредиторов» — со всеми вытекающими из такого положения вещей отношениями неравноправия между странами — членами ЕС²⁸.

Не вызывает сомнений, что «сильные» государства могут осуществлять свои права на суверенитет более эффективно и выгодно, чем «слабые» государства, и страны ЕС в данном случае — не исключение. Например, после обретения независимости Греция пользовалась

²⁶ Democracy 2018: 6–7.

²⁷ Thomadakis 2015: 16–17; Leeds 2004: 237, 245.

²⁸ Chrysogonos 2016: 253.

покровительством великих держав, что закономерным образом накладывало ограничения на самостоятельность ее внешней политики²⁹; включение Греции в европейский интеграционный проект явилось продолжением ранее сформировавшейся тенденции. Тем не менее по ряду принципиальных вопросов Греция имела собственную позицию, на протяжении многих лет сопротивляясь давлению более сильных игроков на международной арене. Афины не признали независимость Косово; камнем преткновения в течение трех десятилетий был спор о наименовании бывшей югославской республики Македония (Северной Македонии), ставший крайне болезненной темой для греков.

Преспанское соглашение, заключенное правительством А. Ципраса, вызвало серьезное противодействие оппозиционных политических сил и масштабные протесты граждан. Главной причиной недовольства было то, что подписание соглашения ограничивало суверенитет Греции, поскольку в названии соседнего государства присутствует слово «Македония», а в составе Греции имеется одноименный регион³⁰. Показательно, что среди разнородных греческих политических сил, как и в обществе, существовал прочный и длительный консенсус по македонскому вопросу, и речь шла именно о сопротивлении ограничению национального суверенитета. Компромисс, достигнутый А. Ципрасом, расценивался как его внешнеполитический провал, уступка давлению ЕС и НАТО в период ослабления Греции на фоне затяжного финансово-экономического кризиса 2010-х годов и в определенной степени стал причиной его поражения

²⁹ Квашнин 2022.

³⁰ Греческий МИД был вынужден даже создать на своем сайте отдельную страницу с ответами на часто задаваемые вопросы относительно Преспанского соглашения: ΣΥΜΦΩΝΙΑ ΤΩΝ ΠΡΕΣΠΩΝ – Απαντήσεις σε συχνά ερωτήματα πολιτών. 21.01.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/sumphonia-top-prespon-apanteseis-se-sukhnes-erotemata-politon.html> (дата обращения: 05.10.2023). В качестве преимуществ, которые получает Греция в результате соглашения, указывалось, что таким образом «укрепляется ее роль в регионе как европейской опоры мира и безопасности», а поводы для проявления «агрессивного национализма» со стороны других стран исчезают. Более того, заключив Преспанское соглашение (статьи 4, 6) и внося соответствующие поправки в Конституцию (статьи 3 и 49), Северная Македония должна была «устранить любые формы ревизионизма и либертарианства <...>, уважая суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость Греции», основываясь на принципе невмешательства в ее внутренние дела.

на следующих выборах³¹. Таким образом, для Греции в данном случае следование национальным интересам означало в первую очередь принятие самостоятельных решений (даже если они ухудшали положение страны на международной арене), а не стремление к большей интеграции с евроатлантическими структурами³².

В рамках того же курса на проведение собственной политики с определенными оговорками можно рассматривать сотрудничество Греции с Китаем, которое активизировалось на рубеже 2000–2010-х годов и продолжается вплоть до настоящего времени. В условиях кризиса Греция крайне нуждалась во внешних инвестициях, однако европейские предприниматели не проявляли интереса к греческим активам — в отличие от Китая, искавшего возможности для продвижения инициативы «Один пояс — один путь». В ЕС распространение китайского присутствия в Греции (а также в целом на Балканах) называли «европейским провалом», говоря о существенной «проблеме суверенитета» в связи со сложившейся ситуацией³³. Однако поскольку Китай на тот момент не проявлял политических амбиций в Европе, сосредоточившись только на экономическом проникновении в регион, греко-китайское сотрудничество оставалось под молчаливым наблюдением со стороны европейского руководства.

Таким образом, с одной стороны, членство в ЕС укрепляет суверенитет входящих в него небольших государств, поскольку оно обеспечивает им определенные гарантии безопасности, экономические преимущества и т. д. С другой — принятие решений на общеевропейском уровне проходит в первую очередь с учетом позиции наиболее влиятельных членов интеграционного объединения, таких как Германия, Франция или (до выхода из ЕС) Великобритания³⁴. Что касается именно Германии, исследователями и политиками

³¹ Квашнин 2019; Koukoudakis 2018.

³² Triantaphyllou 2018: 108.

³³ Ομιλία του πρωθυπουργού Α. Τσίπρα στην τελετή υποδοχής της 18ης Συνοδευτικής Ομάδας της Λαϊκής Δημοκρατίας της Κίνας, 20.02.2015 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2015/02/20/13362> (дата обращения: 05.10.2023); «Η Ελλάδα μετά από επτά χρόνια κρίσης, ξαναέρχεται δυναμικά στο προσκήνιο, επιστρέφει με πολύ θετικές προοπτικές». Συνέντευξη του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στον ιστότοπο της γαλλικής εφημερίδας «LE FIGARO» και την εκπομπή «FIGARO LIVE». 24.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/24/18894> (дата обращения: 05.10.2023).

³⁴ Leeds 2004: 235.

неоднократно поднималась проблема ее региональной гегемонии в Евросоюзе — экономической и политической³⁵, причем со стороны греков это звучало как неприкрытое обвинение в бедственном положении их страны³⁶.

Асимметрия в развитии Евросоюза

Наиболее остро вопрос суверенитета вставал в странах Южной Европы (в том числе Греции), а также в странах, незадолго до того вступивших в ЕС и ранее входивших в сферу влияния СССР, то есть на пространстве так называемой «периферии» Евросоюза³⁷. Следствием данного положения вещей стали дискуссии об асимметрии в развитии Евросоюза по оси «ядро» — «периферия» (или Север — Юг), формировавшейся в течение десятилетий. Этот дискурс был активно подхвачен греческими политиками в период финансово-экономического кризиса 2010-х годов, когда страна оказалась одним из наиболее уязвимых членов ЕС, а существующие диспропорции еще более увеличились. Греческие политики возлагали вину за это на европейское руководство, которое проводило неолиберальную политику жесткой экономии в отношении ряда стран — членов ЕС, что стало причиной углубления социально-экономического неравенства как между ними, так и внутри них (это касалось распределения доходов

³⁵ Бек 2007: 272–273.

³⁶ «НΕλλάδα μετά από επτά χρόνια κρίσης, ξαναέρχεται δυναμικά στο προσκήνιο, επιστρέφει με πολύ θετικές προοπτικές». Συνέντευξη του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στον ιστότοπο της γαλλικής εφημερίδας «LE FIGARO» και την εκπομπή «FIGARO LIVE». 24.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/24/18894> (дата обращения: 05.10.2023); Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΓ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Γ΄, Συνεδρίαση: ΜΕΤ΄ 06/12/2011 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=5b5e8b05-ae30-448c-b7f8-ca3bb7fd7a7a> (дата обращения: 05.10.2023); Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΕ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Α΄, Συνεδρίαση: ΜΖ΄ 25/10/2012 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=e4656e5b-ddb5-4fb0-a771-bc6d9285d5ae> (дата обращения: 05.10.2023); Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΕ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Α΄, Συνεδρίαση: ΣΠΗ΄ 17/07/2013 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=cfd47963-e2f5-4c11-a986-78abd98649f1> (дата обращения: 05.10.2023).

³⁷ Сигачёв, Слепцов 2019: 94; Παπαγιαννοπουλος, Αgridopoulos 2016: 4.

и активов, роста бедности, безработицы и других неблагоприятных экономических последствий кризиса)³⁸. Именно расколом между, с одной стороны, европейскими элитами и доминирующими державами, а с другой — широкими народными массами, особенно безработной молодежью, объяснялись победы на выборах и общий подъем радикальных левых сил в ряде стран Европы в середине 2010-х годов³⁹.

Как отметил греческий исследователь Г. Марис, более сильные страны — члены Евросоюза могли диктовать свои условия более слабым, используя при этом рычаги ЕС. Из-за подобной асимметрии интеграционный процесс становился средством, а ЕС — пространством реализации национальных интересов влиятельных государств — членов союза, и суверенитет «сильных» и «слабых» стран ЕС оказывался неравноценным, что само по себе тормозило процесс евроинтеграции⁴⁰. Складывалась ситуация, когда «периферия» Европы, в том числе охваченная кризисом Греция, оказывались пространством,

³⁸ Ομιλία Υπουργού Εξωτερικών, Ν. Κοτζιά, σε ετήσια Σύνοδο Πρέσβων πΓΔΜ (Σκόπια, 25.08.2016) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/omilia-upourgou-exoterikon-kotzia-se-etesia-sunodos-presbeon-pgdm-skopia-25082016.html> (дата обращения: 05.10.2023); «Χρειαζόμαστε μια περισσότερο δημοκρατική Ευρώπη». Ομιλία στην τελετή απονομής του Βραβείου Προσήλωσης στο Ευρωπαϊκό Ιδεώδες (Prix de l'Engagement européen) από τον Δικηγορικό Σύλλογο Παρισιού. 23.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/23/18883> (дата обращения: 05.10.2023); Ομιλία της νέας Προέδρου της Βουλής των Ελλήνων. Αθήνα, 06.02.2015 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Enimerosi/Grafeio-Τυπου/Deltia-Τυπου/?press=f6afa75e-409d-4470-9d94-a4370106726e> (дата обращения: 05.10.2023).

³⁹ Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών Ν. Κοτζιά στην εφημερίδα «Αυγή της Κυριακής» και στη δημοσιογράφο Αναστασία Γιαμαλή (25.12.2015) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-kotzia-sten-ephemerida-auge-tes-kuriakes-kai-ste-demosiographo-anastasia-giamale-25122015.html> (дата обращения: 05.10.2023); Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΕ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Α΄, Συνεδρίαση: ΣΙΗ΄ 17/07/2013 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=cfd47963-e2f5-4c11-a986-78abd98649f1> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴⁰ Μαρής 2018: 89, 109–110. См. также: Litsas 2013: 62; Kotzias 2016: 47. Этого мнения придерживались и представители греческого правительства: Παρέμβαση του Αντιπροέδρου της Κυβέρνησης και Υπουργού Εξωτερικών Ευάγγελου Βενιζέλου στη συνάντηση των ΥΠΕΞ της ΕΕ με θέμα «Το Μέλλον της Ευρώπης». 20.07.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/parembase-tou-antiproedrou-tes-kuberneses-kai-upourgou-exoterikon-euaggelou-benizelou-ste-sunantese-ton-upeks-tes-ee-me-thema-to-mellon-tes-europes.html> (дата обращения: 05.10.2023).

на котором не действует принцип *acquis communautaire*⁴¹ (фр. «достояние сообщества»), позволяющий уважать права, вытекающие из статуса государства — члена ЕС.

Решением этой проблемы виделась демократизация и усиление прозрачности европейских институтов во избежание принятия решений исключительно «сильными мира сего» (в первую очередь — Германией)⁴². Серьезной претензией греческих политиков в адрес ЕС в 2010-е годы было то, что в процессе урегулирования кризиса евро принятие решений (неформально) осуществлялось не транснациональными, европейскими, институтами, а на межправительственном уровне, например, в рамках Европейского совета (то есть главами государств и правительств стран — членов ЕС) или Еврогруппы (фактически — министрами финансов стран еврозоны) при функциональной деградации Еврокомиссии и Европарламента⁴³. Реакцией на использование ведущими, экономически благополучными странами ЕС обходных инструментов при принятии политических решений на уровне Евросоюза становился растущий евроскептицизм в отстающих, проблемных странах ЕС.

Таким образом, финансово-экономический кризис в еврозоне способствовал не сближению стран — членов ЕС через поиск совместных путей выхода из него, а их отчуждению, углублению раскола между Севером и Югом, что ставило под угрозу дальнейшее развитие европейского проекта. Это давало повод греческому премьер-министру А. Ципрасу в 2016 г. утверждать, что если не отказаться от доктрины

⁴¹ Συνεδριάσεις Ολομέλειας, ΙΣΤ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Α΄ Σύνοδος, Συνεδρίαση: ΚΑ 06/04/2015 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=b32ce059-b6d7-45d8-8f22-a4730040a5ac> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴² «Η Ελλάδα μετά από επτά χρόνια κρίσης, ξαναέρχεται δυναμικά στο προσκήνιο, επιστρέφει με πολύ θετικές προοπτικές». Συνέντευξη του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στον ιστότοπο της γαλλικής εφημερίδας «LE FIGARO» και την εκπομπή «FIGARO LIVE». 24.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/24/18894> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴³ Kotzias 2016: 48; «Χρειαζόμαστε μια περισσότερο δημοκρατική Ευρώπη». Ομιλία στην τελετή απονομής του Βραβείου Προσήλωσης στο Ευρωπαϊκό Ιδεώδες (Prix de l'Engagement européen) από τον Δικηγορικό Σύλλογο Παρισιού. 23.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/23/18883> (дата обращения: 05.10.2023); «Χρειαζόμαστε ένα νέο κοινωνικό συμβόλαιο για τη συνοχή και την ευημερία των λαών της Ευρώπης». Ομιλία και παρεμβάσεις του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στην Ολομέλεια του Ευρωπαϊκού Κοινοβουλίου για το μέλλον της Ευρώπης. 11.09.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/09/11/20508> (дата обращения: 05.10.2023).

«Европы разных скоростей», то интеграционное объединение окажется на грани распада⁴⁴.

Ситуация гегемонии в ЕС одних государств и утраты части национального суверенитета — другими в период кризиса евро неизбежно вызывала аналогии с колониальным прошлым некоторых стран Европы⁴⁵. Для Греции подобная риторика была выгодна, поскольку в обоих случаях — и тогда, и сейчас — она выступала как угнетенная страна. Греция долгое время находилась под властью Османской империи, а Кипр — и Османской, и (позже) Британской империи, и их принципиальное отличие от других стран Европы состоит в том, что им не нужно извиняться за преступления колониализма, напротив, они сами были жертвами империй. Более того, Греция — один из первых регионов в составе империи, заявивших о своем национальном суверенитете и в результате упорной борьбы завоевавших его⁴⁶. А оказавшись в ловушке финансово-экономического кризиса, она превратилась, по меткому выражению Н. Кодзиаса, в «долговую колонию» Европы, где доминирует наиболее сильная суверенная держава — Германия⁴⁷. А обращение к колониальной риторике порождало ассоциации Греции с образом Другого, объекта колонизации, в отношении которого не действуют европейские нормы и правила⁴⁸.

⁴⁴ Συνέντευξη του Προϋπουργού στην εφημερίδα «REAL NEWS» και στον δημοσιογράφο Βασίλη Σκουρή. 28.08.2016 // Ελληνική Δημοκρατία. Προϋπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2016/08/28/15102> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴⁵ Terizakis 2016: 15–16.

⁴⁶ Ομιλία Υπουργού Εξωτερικών, Ν. Κοτζιά, στο Ίδρυμα Αρχιεπισκόπου Μακαρίου Γ' (Λευκωσία, 28.03.2017) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/omilia-upourgou-exoterikon-kotzia-sto-idruma-arkhiepiskopou-makariou-leukosia-2832017.html> (дата обращения: 05.10.2023). Интересна в данном контексте трактовка Малоазийской катастрофы, данная Н. Кодзиасом: после обретения независимости греческое государство стремилось к расширению территории за счет исконно греческих земель, на которых проживало греческое население; однако, «когда Греция перестала различать свою государственную интеграцию и экспансию на чужие земли», произошла Малоазийская катастрофа (геноцид коренного православного греческого населения в Малой Азии), и в конечном итоге географическое и демографическое объединение Греции осталось незавершенным.

⁴⁷ Kotzias 2016: 47, 60–61; Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Κοτζιά στο γερμανικό περιοδικό Spiegel (09.02.2015) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-nikou-kotzia-sto-germaniko-periodiko-spiegel-09022015.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁴⁸ Дьяков, Соколов 2018: 28.

Суверенитет Европейского союза

Несмотря на согласие стран — членов ЕС передать часть национального суверенитета транснациональным властным структурам, далеко не все из них готовы к наделению суверенитетом и самого Европейского союза⁴⁹. Впервые идею формирования «нового европейского суверенитета» в рамках концепции стратегической автономии ЕС открыто высказал президент Франции Э. Макрон в 2017 г.⁵⁰ Символично, что это произошло в ходе его визита в Афины, на холме Пника, где в эпоху античности проводились народные собрания граждан Афин. В выступлении Э. Макрон выделил три фактора упрочения ЕС — демократию, уверенность и европейский суверенитет. Дискурс о последнем касается и существующего устройства Евросоюза, и направлений его будущего развития. Необходимость европейского суверенитета обусловлена глобальными вызовами, с которыми в одиночку национальное государство справиться не всегда в состоянии и которые могут представлять угрозу для ЕС. Главная цель его формирования заключается в обеспечении невмешательства других глобальных акторов в дела ЕС⁵¹. Наделение ЕС суверенитетом становится важным шагом к созданию Соединенных Штатов Европы⁵² (и, как отмечено выше, на данном этапе развития интеграционного объединения этот план остается нереалистичным).

⁴⁹ Например, президент Польши А. Дуда высказывал свое видение Европы как союза суверенных государств. См.: Сигачёв, Слепцов 2019: 93–94; Романова 2021: 34.

⁵⁰ Υποδοχή του Προέδρου της Γαλλικής Δημοκρατίας, κ. Ε. Μακρόν, στο Μέγαρο Μαξίμου. 07.09.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/09/07/18045> (дата обращения: 05.10.2023); Κοινή συνέντευξη τύπου με τον Πρόεδρο της Γαλλικής Δημοκρατίας, κ. Ε. Μακρόν “The reinforcement of our cooperation with France becomes significantly important as we are exiting the guardianship programs”. 07.09.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/09/07/18048> (дата обращения: 05.10.2023); Ομιλία του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στα αποκαλυπτήρια του έργου αναβάθμισης του φωτισμού στον ιερό βράχο της Ακρόπολης. 30.09.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/09/30/24906> (дата обращения: 05.10.2023).

⁵¹ Романова 2021.

⁵² Ο Πρόεδρος της Βουλής των Ελλήνων κ. Ευάγγελος Μεϊμαράκης στη Διεθνή Διάσκεψη για το Μέλλον της Ευρώπης που πραγματοποιείται στη Ρώμη (13–14 Μαρτίου). Αθήνα, 13.03.2014 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Enimerosi/Grafeio-Τυπου/Deltia-Τυπου/?press=f0e3ab82-dc98-4f5b-a48e-26dc0b86ce76> (дата обращения: 05.10.2023).

В греческих политических кругах идея европейского суверенитета была воспринята с осторожным одобрением, поскольку, с одной стороны, отвечала их собственным представлениям о месте Греции в ЕС и мире. Греция выступала как защитница восточных границ Евросоюза, а также — шире — его интересов в Средиземноморье⁵³, и в данном случае позиции Греции как члена ЕС и как национально-государства совпадали в силу длительного греко-турецкого противостояния в Эгейском море. С другой стороны, разделяя общее видение, что Европа не сможет двигаться вперед, если на ее пространстве будет господствовать шовинизм или национализм, греческие политики подчеркивали, что необходимо защищать и суверенитет каждой страны — члена ЕС⁵⁴. А. Ципрас отметил, что уступка части суверенитета в пользу интеграционного объединения должна сопровождаться усилением демократии как на национальном, так и на европейском уровне. Соответственно, концепция европейского суверенитета должна опираться на подлинно демократические институты управления и вовлекать граждан (очевидно, граждан уже не только национальных государств, но и Евросоюза. — А.А.) в процесс принятия решений, что в действительности не наблюдалось. Для создания подобной конфигурации власти необходимо реформирование ЕС в сторону его большей демократизации, поскольку в настоящее время он функционирует как механизм, усиливающий неравенство между его членами, а значит, уязвимый перед новыми кризисами⁵⁵.

⁵³ Ομιλία του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στη Βουλή κατά τη συζήτηση για την κύρωση των συμφωνιών για οριοθέτηση Αποκλειστικών Οικονομικών Ζωνών με την Ιταλία και την Αίγυπτο. 26.08.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/08/26/24655> (дата обращения: 05.10.2023).

⁵⁴ «Η Ελλάδα μετά από επτά χρόνια κρίσης, ξαναέρχεται δυναμικά στο προσκήνιο, επιστρέφει με πολύ θετικές προοπτικές». Συνέντευξη του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στον ιστότοπο της γαλλικής εφημερίδας «LE FIGARO» και την εκπομπή «FIGARO LIVE». 24.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/24/18894> (дата обращения: 05.10.2023).

⁵⁵ Sotiris 2017: 171; “Χρειαζόμαστε μια περισσότερο δημοκρατική Ευρώπη”. Ομιλία στην τελετή απονομής του Βραβείου Προσήλωσης στο Ευρωπαϊκό Ιδεώδες (Prix de l’Engagement européen) από τον Δικηγορικό Σύλλογο Παρισιού. 23.11.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/11/23/18883> (дата обращения: 05.10.2023); Ομιλία στον Λόφο της Πνύκας. “We are determined to promote the dialogue for a new Democracy, Equality and Solidarity Treaty in Europe”. 07.09.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/09/07/18051> (дата обращения: 05.10.2023).

Национальный суверенитет при этом обозначался как краеугольный камень демократической организации Европейского союза⁵⁶.

Проблема суверенитета Греции в период финансово-экономического кризиса

В период финансово-экономического кризиса 2010-х годов в Греции проблема суверенитета перестала быть просто дискуссией о размере уступки членом ЕС части суверенных прав в пользу транснациональных европейских структур. Внешний контроль над экономикой и финансами страны, установленный «тройкой» кредиторов, в гораздо большей степени по сравнению с другими странами ЕС ограничивал суверенитет Греции, причем для нее такое решение было отнюдь не добровольным⁵⁷. С юридической точки зрения кредитные соглашения с Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ никак не ущемляли государственный суверенитет Греции, более того, она могла в любой момент их расторгнуть. Но в действительности экономика и финансы страны оказались под управлением «тройки» (греческий парламент более не обладал бюджетными полномочиями, и все законопроекты проходили обязательный этап обсуждения с кредиторами), что де-факто означало утрату части государственного суверенитета⁵⁸. Неслучайно А. Ципрас требовал предоставить Греции (и другим

⁵⁶ Ομιλία του πρωθυπουργού Α. Τσίπρα στο συνέδριο του Economist. 16.05.2015 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2015/05/16/13670> (дата обращения: 05.10.2023); Ομιλία της νέας Προέδρου της Βουλής των Ελλήνων. Αθήνα, 06.02.2015 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Enimerosi/Grafeio-Typou/Deltia-Typou/?press=f6afa75e-409d-4470-9d94-a4370106726e> (дата обращения: 05.10.2023).

⁵⁷ Lavdas 2013a: 13; Jabko, Luhman 2019; Χρυσομαλλίδης, Μαραβέγιας 2018; Sotiris 2017: 171; Kritidis 2016: 140–141; Kotzias 2016: 48; Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΕ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος Α΄, Συνεδρίαση: ΣΠΗ΄ 17/07/2013 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=cfd47963-e2f5-4c11-a986-78abd98649f1> (дата обращения: 05.10.2023); Εισήγηση στη συνεδρίαση της Επιτροπής Διαλόγου για τη Συνταγματική Αναθεώρηση. 07.03.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/03/07/16339> (дата обращения: 05.10.2023).

⁵⁸ Agridopoulos 2016: 288; Chrysogonos 2016: 252–253; Ομιλία στο 12ο Περιφερειακό Συνέδριο για την Παραγωγική Ανασυγκρότηση, «Διάλογοι με την Ανατολική Αττική». 01.04.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/04/01/19669> (05.10.2023).

проблемным странам ЕС) больше свободы действий в фискальной политике, чтобы, как минимум, правительства смогли выполнить свои предвыборные обещания, а суверенные права государства не подвергались сомнению⁵⁹. Таким образом, внешнее вмешательство, ставшее ограничением экономического суверенитета Греции, наносило ущерб ее демократическим институтам⁶⁰, более того, как обоснованно отмечают А. В. Дьяков и А. М. Соколов, «суверенитет как выражение государственной независимости предполагает <...> достижение полной самостоятельности, что невозможно без обретения автономии экономической»⁶¹.

По меткому выражению Е. Вензелоса, греческого политика, занимавшего ряд министерских постов, в 2010-е годы Греция стала «лабораторией кризиса»⁶², поскольку именно на греческом «материале» отработывались — далеко не всегда успешно — инструменты урегулирования кризиса в еврозоне. Впоследствии этот образ был подхвачен А. Ципрасом, добавившим, что в этой лаборатории проводился «бесчеловечный неолиберальный эксперимент», который имел «трагические последствия» для греческой экономики и граждан⁶³. Рост евроскептицизма и массовые протесты, охватившие Грецию в 2010-е годы, говорят о том, что общество оценивало ситуацию в стране аналогичным образом.

Греческое правительство во главе с Г. Папандреу, принявшее условия первого меморандума о взаимопонимании — кредитного соглашения с Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ (ценой многомиллиардной финансовой помощи стали жесткие меры сокращения расходов и контроль над государственным бюджетом со стороны

⁵⁹ Ομιλία στον Λόφο της Πνύκας. “We are determined to promote the dialogue for a new Democracy, Equality and Solidarity Treaty in Europe”. 07.09.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/09/07/18051> (дата обращения: 05.10.2023).

⁶⁰ «Μπορεί οι χώρες μας να απέχουν χιλιάδες χιλιόμετρα, όμως οι λαοί μας μοιράζονται κοινές αξίες και κοινούς αγώνες». Ομιλία σε εκδήλωση στο πλαίσιο της επίσκεψης του Προέδρου της Βολιβίας, Έβο Μοράλες, στην Αθήνα. 14.03.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/03/14/21249> (дата обращения: 05.10.2023).

⁶¹ Дьяков, Соколов 2018: 27.

⁶² Βενιζέλος 2022: 15, 27–28.

⁶³ «Αγωνιζόμαστε για την Ευρώπη των λαών. Για την Ευρώπη των πολλών». Ομιλία στο πλαίσιο της εκδήλωσης «Ευημερία για όλους σε μία βιώσιμη Ευρώπη». 05.03.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/03/05/21205> (дата обращения: 05.10.2023).

внешних инстанций) и согласившееся таким образом на ограничение суверенитета страны, впоследствии было дискредитировано⁶⁴, а возглавлявшаяся Г. Папандреу партия ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение) фактически сошла с политической арены Греции.

Сходная судьба постигла и правительство А. Самараса (партия «Новая демократия»), которое занималось реализацией условий второго меморандума (впоследствии А. Самарас вынужден был передать пост главы партии К. Мицотакису — во многом ради восстановления ее имиджа). В ответ на обвинения в передаче экономического суверенитета «тройке» кредиторов правительство А. Самараса заявляло о необходимости для Греции бороться за сохранение членства в ЕС и еврозоне⁶⁵. Это отвечало настроениям греческих граждан, евроскептицизм которых даже в трудные годы кризиса всегда оставался умеренным. В пользу кредитного соглашения приводился и следующий аргумент: до начала финансово-экономического кризиса Греция непрерывно накапливала государственный долг (огромный размер которого, а также невозможность брать новые займы на финансовых рынках, и стали причинами кризиса), но страна, обладающая суверенитетом и независимостью, не должна брать в долг, чтобы выживать; соответственно, подписание меморандумов преподносилось как отказ от сложившейся пагубной тенденции — через проведение политики сокращения расходов⁶⁶. Однако такая риторика далеко не всегда положительно принималась греками, страдающими от мер строгой бюджетной экономии.

Целью правительства А. Ципраса (партия СИРИЗА — Коалиция радикальных левых), пришедшего к власти в 2015 г., было провозглашено, помимо прочего, восстановление национального суверенитета

⁶⁴ Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΖ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Β΄ Σύνοδος, Συνεδρίαση: ΡΚΒ΄ 18/05/2017 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=bb46352b-742b-400f-a30b-a778001f64ac> (дата обращения: 05.10.2023).

⁶⁵ Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΕ΄ ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Α΄, Συνεδρίαση: ΝΕ΄ 24/10/2012 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=35832ba5-fe4f-4348-af4c-d35ddd496f83> (дата обращения: 05.10.2023).

⁶⁶ Ομιλία του Πρωθυπουργού Αντώνη Σαμαρά, στην Κοινοβουλευτική συζήτηση για τον Προϋπολογισμό του 2013. 12.11.2012 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2012/11/12/9823> (дата обращения: 05.10.2023).

Греции и ее позиций в Европейском союзе⁶⁷. Попытки А. Ципраса добиться пересмотра в сторону смягчения условий соглашения с «тройкой» не удались, и он все же вынужден был подписать третий меморандум. Впрочем, А. Ципрас дольше других продержался у власти в кризисные 2010-е годы — не в последнюю очередь благодаря бунтарским, хотя и безуспешным, попыткам противостоять внешнему давлению на Грецию в финансовой и экономической сфере.

Серьезным испытанием на прочность для греческого суверенитета стал референдум 2015 г. по финансовой политике Греции⁶⁸. На него правительство А. Ципраса вынесло вопрос, должно ли оно принять условия третьего кредитного соглашения (меморандума) с Еврокомиссией, ЕЦБ и МВФ, и призывало граждан дать ответ «Нет». Результаты референдума, как ожидал А. Ципрас, могли бы стать веским аргументом в ходе его переговоров с «тройкой» кредиторов и позволить смягчить положения договора. Но, хотя большинство граждан действительно сказало «нет» на референдуме, это никак не повлияло на условия третьего меморандума, продиктованные европейскими лидерами и МВФ, и греческое правительство вынуждено было согласиться на новые меры сокращения расходов, то есть фактически проигнорировать результаты референдума.

Кризисная ситуация естественным образом вызывала в греческих политических кругах и обществе протестные настроения. Дискуссии о суверенитете страны вышли за рамки парламентских дебатов и кабинетных разговоров политиков и стали темой, волнующей широкие массы населения, в том числе граждан, выходящих на улицы на акции протеста. Граждане Греции вполне оправданно сомневались в том, что политика сокращения расходов позволит решить долговые проблемы страны, или же она нацелена только на предотвращение кризиса в еврозоне, — иначе говоря, проводится эта политика в национальных или европейских интересах. Многочисленные акции протеста, захлестнувшие Грецию в 2010-е годы, проходили под лозунгами критики не только собственного правительства, но и руководства Евросоюза, а также Германии — страны, имевшей наиболее значимый голос при принятии решений относительно долговых

⁶⁷ Ομιλία του πρωθυπουργού Α. Τσίπρα, στις προγραμματικές δηλώσεις της Κυβέρνησης. 08.02.2015 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2015/02/08/13322> (дата обращения: 05.10.2023).

⁶⁸ Crespy, Ladi 2019; Jabko, Luhman 2019.

проблем Греции. Показательно, что на этих акциях протеста греки сжигали порой флаги Евросоюза и Германии (но отнюдь не Греции), наглядно показывая, какой суверенитет для них представляет ценность в действительности.

Мнение высокопоставленных официальных лиц Греции по вопросу ограничения национального суверенитета порой диаметрально разнилось, что, несомненно, зависело от экономической и политической ситуации в текущий момент. «Официальная» позиция греческого правительства сводилась к тому, что европейская интеграция не имеет ничего общего с подрывом национального суверенитета, речь идет о добровольном делегировании полномочий институтам ЕС с целью лучшей защиты и продвижения интересов Евросоюза и его государств-членов при соблюдении принципов равенства, экономической и социальной сплоченности и солидарности⁶⁹. И тем не менее в непростом 2013 г., когда казалось, что греческие финансово-экономические проблемы никогда не закончатся, Е. Венизелос публично требовал для Греции реального, а не номинального институционального и политического равенства в ЕС и еврозоне, подчеркивая, что именно на нем строится европейская интеграция⁷⁰. Причисляя себя к сторонникам европейской интеграции, он подчеркивал, что «Европа всегда будет Европой разнообразия, Европой национальных идентичностей, Европой народов, наций и обществ»⁷¹.

⁶⁹ Συνέντευξη ΥΠΕΞ Σ. Δήμα στη серβική εφημερίδα BLIC. 01.02.2012 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/sunenteuxe-upeks-dema-ste-serbike-ephemerida-blic.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷⁰ Παρέμβαση του Αντιπροέδρου της Κυβέρνησης και Υπουργού Εξωτερικών Ευάγγελου Βενιζέλου στη συνάντηση των ΥΠΕΞ της ΕΕ με θέμα “Το Μέλλον της Ευρώπης”. 20.07.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/parembase-tou-antiproedrou-tes-kuberneses-kai-upourgou-exoterikon-euaggelou-benizelou-ste-sunantese-ton-upeks-tes-ee-me-thema-to-mellontes-europes.html> (дата обращения: 05.10.2023); Ομιλία Αντιπροέδρου της Κυβέρνησης και Υπουργού Εξωτερικών Ευ. Βενιζέλου στη Διαρκή Επιτροπή Εξωτερικών & Άμυνας της Βουλής. 30.07.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/proto-thema/omilia-antiproedrou-tes-kuberneses-kai-upourgou-exoterikon-eu-benizelou-ste-diarke-epitrope-exoterikon.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷¹ Ομιλία Αντιπροέδρου της Κυβέρνησης και ΥΠΕΞ κ. Ευ. Βενιζέλου κατά την τελετή ορκωμοσίας 10^η Εκπαιδευτικής Σειράς Ακολούθων Πρεσβείας. 03.03.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/omilia-antiproedrou-tes-kuberneses-kai-upeks-eu-benizelou-kata-ten-telete-orkomosias-ith-ekpaideutikes-seiras-akolouthon-presbeias.html> (дата обращения: 05.10.2023).

Таким образом, Греция в период кризиса фактически оказалась в ситуации принудительно ограниченного суверенитета⁷². Ограничение касалось не только финансово-экономической сферы, оно носило и символический характер. Греция стала «паршивой овцой» Евросоюза, которая не соответствует установленным нормам интеграционного проекта, жертвой агрессивной неолиберальной политики, испытывающей на себе недостаток доверия и солидарности со стороны других стран — членов ЕС⁷³. Более того, Греция стала жертвой критики («козлом отпущения», как выразился А. Ципрас) для тех европейских чиновников из числа сторонников неолиберализма, которые еще незадолго до кризиса говорили о бурно развившейся в 2000-е годы экономике страны как о «греческом чуде»⁷⁴. Реакцией на сложившуюся ситуацию стал всплеск евроскептических, а также националистических настроений в Греции; наблюдалось переосмысление понятий *Европа* и *нация* в контексте трансформации греческой идентичности, несущей в себе и европейскую, и национальную составляющие в меняющихся пропорциях⁷⁵.

С другой стороны, финансово-экономический кризис стал вызовом и для Евросоюза. Греческие политики неоднократно критиковали ЕС за слишком запоздалую реакцию на кризис в Греции, и поэтому он перекинулся на другие проблемные страны еврозоны, а масштаб долговых проблем Афин существенно увеличился за время промедления. Веский аргумент в пользу того, что Евросоюз (как транснациональная структура, которой входящие в нее государства передали часть своего национального суверенитета) в недостаточной степени защищал интересы своего члена, — привлечение к урегулированию кризиса в Греции Международного валютного фонда. Именно тот факт, что в числе кредиторов Греции оказались не только европейские структуры, но и внешняя организация, в наибольшей — и самой

⁷² Εισήγηση στη συνεδρίαση της Επιτροπής Διαλόγου για τη Συνταγματική Αναθεώρηση. 07.03.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/03/07/16339> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷³ Sotiris 2017: 171; Giacobelli, Langenohl, Westermeier 2016: 103; Terizakis 2016: 15–16.

⁷⁴ «Αγωνιζόμαστε για την Ευρώπη των λαών. Για την Ευρώπη των πολλών». Ομιλία στο πλαίσιο της εκδήλωσης «Ενημερία για όλους σε μία βιώσιμη Ευρώπη». 05.03.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/03/05/21205> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷⁵ Balampanidis, Katsambekis, Iliadis, Papataxiarchis 2022.

болезненной — мере, по мнению греческих политиков, способствовал утрате страной экономического суверенитета⁷⁶. Греция, осознающая себя частью Европы, с гораздо большей легкостью готова была предоставить управление греческим кризисом (как составляющей кризиса евро) Евросоюзу, но не международной финансовой организации⁷⁷. Более того, как отметил Э. Макрон в ходе вышеупомянутого выступления в Афинах, участие МВФ в урегулировании сугубо европейского кризиса подрывало и суверенитет Европы, а также демонстрировало миру наличие недоверия, во-первых, между европейскими государствами, а во-вторых — между европейскими институтами и национальными правительствами⁷⁸.

Окончание эпохи меморандумов в Греции оценивалось как прорыв — не только по экономическим соображениям, но и потому, что оно означало восстановление значительной части утраченного суверенитета и возвращение достойного места Греции в Европе и мире⁷⁹.

⁷⁶ «Ανορθώσαμε την οικονομία και αποκαθιστούμε τις αδικίες για τους πολίτες που πλήγησαν από την κρίση και τα μνημόνια». Ομιλία στη συζήτηση στη Βουλή του σχεδίου νόμου του Υπουργείου Εργασίας για την κατάργηση των διατάξεων περί μείωσης των συντάξεων. 11.12.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/12/11/20923> (дата обращения: 05.10.2023); Συνεδριάσεις Ολομέλειας. ΙΖ' ΠΕΡΙΟΔΟΣ (ΠΡΟΕΔΡΕΥΟΜΕΝΗΣ ΚΟΙΝΟΒΟΥΛΕΥΤΙΚΗΣ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑΣ), Σύνοδος: Β' Σύνοδος, Συνεδρίαση: ΡΚΒ' 18/05/2017 // Βουλή των Ελλήνων. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/Praktika/Synedriaseis-Olomeleias?sessionRecord=bb46352b-742b-400f-a30b-a778001f64ac> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷⁷ «Αγωνιζόμαστε για την Ευρώπη των λαών. Για την Ευρώπη των πολλών». Ομιλία στο πλαίσιο της εκδήλωσης «Ευημερία για όλους σε μία βιώσιμη Ευρώπη». 05.03.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/03/05/21205> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷⁸ Κοινή συνέντευξη τύπου με τον Πρόεδρο της Γαλλικής Δημοκρατίας, κ. Ε. Μακρόν. “The reinforcement of our cooperation with France becomes significantly important as we are exiting the guardianship programs”. 07.09.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2017/09/07/18048> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷⁹ Ομιλία του Πρωθυπουργού Αντώνη Σαμαρά στη Λάρισα. 03.01.2015 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2015/01/03/13143> (дата обращения: 05.10.2023); «Σημαντικός ο ρόλος της ομογένειας στη συλλογική προσπάθεια για την ανοικοδόμηση της ισχυρής Ελλάδας του αύριο». Ομιλία του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, σε συνάντησή του με τους ομογενείς της Νέας Υόρκης. 27.09.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/09/27/20615> (дата обращения: 05.10.2023); «Χρειαζόμαστε ένα νέο κοινωνικό συμβόλαιο για τη συνοχή και την ευημερία των λαών της Ευρώπης». Ομιλία και παρεμβάσεις του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στην Ολομέλεια του Ευρωπαϊκού Κοινοβουλίου για το μέλλον της Ευρώπης. 11.09.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/09/11/20508> (дата обращения: 05.10.2023).

Греция по-прежнему, несмотря на охвативший ее в 2010-е годы евро-скептицизм, связывает свое будущее с Европой⁸⁰.

Противоречия с Турцией как угроза суверенитету Греции

Наиболее часто понятие *суверенитет* в современном греческом политическом дискурсе употреблялось в контексте двусторонних отношений страны с Турцией, что тем не менее вполне соответствовало представлениям об усиливавшейся европейской составляющей греческого суверенитета.

В 2010-е годы наблюдалось постепенное ухудшение греко-турецких отношений, в конце 2010-х — начале 2020-х годов страны несколько раз оказывались на грани войны, и ситуация изменилась лишь в феврале 2023 г., когда после разрушительного землетрясения в Турции и Сирии конфликтующие государства начали искать пути к примирению под влиянием «дипломатии катастроф».

Острота греко-турецких противоречий в значительной мере обусловлена особенностями исторического развития двух стран. В коллективной памяти греков вплоть до настоящего время существует устойчивый образ врага — турка, сложившийся за четырехсотлетний период османского владычества; двухсотлетний период существования независимого греческого государства также отмечен многочисленными (и неоднократно — кровопролитными) конфликтами с Турцией. Провокации Турции в Эгейском море, продвижение доктрины «Голубой родины» оцениваются Афинами как проявление «имперских амбиций», «неосманская ревизионистская» политика, представляющая прямую угрозу суверенитету Греции и других стран Восточного Средиземноморья и нарушающая фундаментальные нормы международного права⁸¹.

⁸⁰ «Διαβατήριο για την καθαρή έξοδο, η υπεραπόδοση της ελληνικής οικονομίας». Κοινές δηλώσεις με τον Πρόεδρο της Ευρωπαϊκής Επιτροπής, κ. Ζαν-Κλώντ Γιούνκερ. 26.04.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/04/26/19773> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸¹ Συνέντευξη του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στο CNN και στην Christiane Amanpour. 23.05.2023 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2023/05/23/31874> (дата обращения: 05.10.2023); Δηλώσεις του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στο πρακτορείο Reuters και στη δημοσιογράφο Ρενέ Μαλτέζου. 16.05.2023 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2023/05/16/31853> (дата обращения: 05.10.2023); Συζήτηση του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη με τον καθηγητή Σύγχρονων Ελληνικών Σπουδών

В особенности это касается эгейского спора (во всем многообразии его аспектов) и вопроса Кипра⁸².

Одной из наиболее сложных является проблема делимитации границ в Эгейском море, поскольку турецкое правительство уполномочено объявить Греции войну (*casus belli*) в случае, если та расширит свои морские границы за пределы шести морских миль⁸³. Суверенитет Греции в воздухе осуществляется на расстоянии десяти морских миль от побережья. Вплоть начала 2023 г. Греция сталкивалась с многочисленными провокациями со стороны Турции, которая регулярно нарушала ее воздушное пространство. Греция закономерным образом воспринимала это как «вопиющее нарушение» ее суверенитета⁸⁴. Более того, Анкара включила некоторые греческие острова, а также окружающие их территориальные воды и воздушное пространство в турецкую поисково-спасательную зону, что,

και διευθυντή του Ελληνικού Παρατηρητηρίου του London School of Economics, Kevin Featherstone (με αφορμή την επέτειο 25 χρόνων από την ίδρυση του Ελληνικού Παρατηρητηρίου του LSE). 29.11.2022 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2022/11/29/30734> (дата обращения: 05.10.2023); Ανακοίνωση του Υπουργείου Εξωτερικών αναφορικά με την πρωτοφανή παραβίαση της εθνικής κυριαρχίας από τουρκικά μαχητικά πλησίον της Αλεξανδρούπολης (20.05.2022) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/anakoinose-tou-upourgeiou-exoterikon-anaphorika-me-ten-protophane-parabiase-tes-ethnikes-kuriarkhias-apo-tourkika-makhetika-plesion-tes-alexandroupoles-20052022.html> (дата обращения: 05.10.2023); Δηλώσεις Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, μετά το πέρας της συνάντησης του με την Υπουργό Εξωτερικών της Ομοσπονδιακής Δημοκρατίας της Γερμανίας Annalena Baerbock (29.07.2022) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/proto-thema/deloseis-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunanteses-tou-me-ten-upourgo-exoterikon-tes-omospondiakas-demokratias-tes-germanias-annalena-baerbock-29072022.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸² Гудев 2022: 132–133; Richmond 1999.

⁸³ Αιγιαλίτιδα ζώνη — Casus belli. 17.04.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/zitimata-ellinotourkikon-sheseon/eidikotera-keimena/aigialitida-zoni-casus-belli.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸⁴ Εθνικός εναέριος χώρος. 17.04.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/zitimata-ellinotourkikon-sheseon/eidikotera-keimena/ethnikos-enaerios-horos.html> (дата обращения: 05.10.2023); Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών σχετικά με δήλωση εκπροσώπου τουρκικού Υπουργείου Εξωτερικών για τα Ίμια. 31.03.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/anakoinose-upourgeiou-exoterikon-skhetika-me-delose-ekprosopou-tourkikou-upourgeiou-exoterikon-gia-ta-imia.html> (дата обращения: 05.10.2023).

по мнению Афин, «явно нарушает суверенитет Греции и соответствующие международные конвенции»⁸⁵.

Кипрский вопрос — отдельная проблема греко-турецких отношений. Согласно договору 1960 г., независимость, территориальная целостность, безопасность и конституционный порядок вновь созданной Республики Кипр были гарантированы Грецией, Турцией и Соединенным Королевством⁸⁶. Соответственно, согласно позиции греческого МИД, дальнейшие действия Турции в отношении Республики Кипр, особенно после событий 1974 г., являются нарушением суверенитета последней, ее независимости и территориальной целостности. Решением проблемы, по мнению Афин, является воссоединение Кипра: это должно быть государство, обладающее полным суверенитетом, независимостью и территориальной целостностью, свободным от присутствия иностранных оккупационных войск и не допускающим возможности одностороннего вмешательства третьих стран в его внутренние дела⁸⁷.

Дополнительной причиной обострения противоречий между Турцией и Грецией, а также Кипром и другими государствами Восточно-Средиземноморья стало обнаружение в регионе месторождений

⁸⁵ Έρευνα και Διάσωση. 17.04.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/zitimata-ellinotourkikon-sheseon/eidikotera-keimena/erevna-kai-diasosi.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸⁶ Το Κυπριακό μετά την εγκαθίδρυση της Κυπριακής Δημοκρατίας. 27.03.2013 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/kypriako/eidikotera-keimena/bathies-istorikes-rizes.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸⁷ Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών Ν. Κοτζιά για την 43η επέτειο της τουρκικής εισβολής στην Κύπρο. 20.07.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/delose-upourgou-exoterikon-kotzia-gia-ten-43e-epeteio-tes-tourkikes-eisboles-sten-kupro.html> (дата обращения: 05.10.2023); Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών Ν. Κοτζιά για την 44η επέτειο της τουρκικής εισβολής στην Κύπρο. 20.07.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/delose-upourgou-exoterikon-kotzia-gia-ten-44e-epeteio-tes-tourkikes-eisboles-sten-kupro.html> (дата обращения: 05.10.2023); Ομιλία Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Κοτζιά, στην 72η Γενική Συνέλευση ΟΗΕ (Νέα Υόρκη, 22.09.2017) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/omilia-upourgou-exoterikon-nikou-kotzia-sten-72e-genike-suneleuse-oe-ne-a-uorke-22092017-2.html> (дата обращения: 05.10.2023); «Είμαστε μια χώρα της ειρήνης και του διαλόγου, αλλά είμαστε και αποφασισμένοι να υπερασπιστούμε τα κυριαρχικά μας δικαιώματα». Χαίρετισμός κατά την επίσκεψη στο στρατόπεδο της ΕΛΔΥΚ στη Λευκωσία. 25.06.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/06/25/21692> (дата обращения: 05.10.2023).

углеводородов. Имели место неоднократные — осуждаемые Грецией — попытки незаконного бурения Турцией прибрежной зоны Республики Кипр⁸⁸. Отдельным фактором дестабилизации обстановки в регионе стало проведение Турцией геологоразведочных работ в греческих территориальных водах: в августе 2020 г. турецкое исследовательское судно *Oruç Reis* отправилось к греческому острову Кастелоризо для разведки и бурения нефтяных и газовых месторождений, что было воспринято Грецией как нарушение ее суверенных прав и норм международного права⁸⁹.

Афины неоднократно подчеркивали, что действия Турции в отношении членов ЕС Греции и Кипра являются нарушением не только их суверенитета, но и всего Европейского союза и воспринимаются как вызов для него⁹⁰. При этом Турция является страной — кандидатом в члены ЕС, и данный статус предполагает следование

⁸⁸ Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών για τις συνεχιζόμενες παράνομες ενέργειες της Τουρκίας στην Ανατολική Μεσόγειο (09.07.2019) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/anakoïnose-upourgeiou-exoterikon-gia-tis-sunekhizomenes-paranomes-energeies-tes-tourkias-sten-anatolike-mesogeio-09072019.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸⁹ Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών σχετικά με την νέα παράνομη τουρκική NAVTEX (21.07.2020) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/anakoïnose-upourgeiou-exoterikon-skhetika-me-ten-nea-paranome-tourkike-navtex-21072020.html> (дата обращения: 05.10.2023); Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών για την νέα παράνομη τουρκική Navtex (10.08.2020) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/anakoïnose-upourgeiou-exoterikon-gia-ten-nea-paranome-tourkike-navtex-10082020.html> (дата обращения: 05.10.2023); Ανακοίνωση Υπουργείου Εξωτερικών για την νέα παράνομη τουρκική Navtex (12.10.2020) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/anakoïnose-upourgeiou-exoterikon-gia-ten-nea-paranome-tourkike-navtex-12102020.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁰ «Κυρώσεις αν δεν υπάρξει άμεσος τερματισμός της παραβίασης του Διεθνούς Δικαίου». Δήλωση προσερχόμενος στις εργασίες της Συνόδου του Ευρωπαϊκού Συμβουλίου. 20.06.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/06/20/21651> (дата обращения: 05.10.2023); Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών, Ν. Κοτζιά, στο Κεντρικό Δελτίο ειδήσεων του «Ant1», με το δημοσιογράφο Ν. Χατζηνικολάου. 11.07.2017 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-kotzia-sto-kentriko-deltio-eideseon-tou-ant-1-me-to-demosiographo-khatzenikolaou.html> (дата обращения: 05.10.2023); Μήνυμα του Προέδρου της Δημοκρατίας κ. Προκόπιου Παυλόπουλου προς τον Απώδημο Ελληνισμό με την ευκαιρία της Εθνικής Εορτής της 25ης Μαρτίου. 23.03.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/numa-tou-proedrou-tes-demokratias-prokopiou-pauloupoulou-pros-ton-apodemo-ellenismo-me-ten-eukairia-tes-ethnikes-eortes-tes-25es-martiou.html> (дата обращения: 05.10.2023).

европейскому *acquis communautaire*, принятие принципов и ценностей ЕС, в том числе уважение суверенитета всех входящих в него стран⁹¹. Следуя этой логике, греческие политики и дипломаты подчеркивали, что границы Греции являются также границами ЕС⁹², и это важно также в контексте перспектив европейской интеграции Турции: провокации Турции в Эгейском море в отношении Греции тормозили — если не обращали вспять — ход переговоров относительно вступления Турции в ЕС⁹³. На рубеже 2010-х — 2020-х годов наблюдался рост напряженности не только между Турцией и Грецией, но и между Турцией и ЕС в целом⁹⁴, а греко-турецкие споры превратились также в евро-турецкие, поскольку в них не только ставились под сомнение суверенные права Греции и Кипра, но и возникла угроза безопасности в регионе Восточного Средиземноморья, где у ЕС есть стратегические интересы⁹⁵. Неслучайно президент

⁹¹ Συνάντηση του Πρωθυπουργού Α. Τσίπρα με τον Πρόεδρο της Δημοκρατίας Пр. Παυλόπουλο. 20.11.2015 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2015/11/20/14321> (дата обращения: 05.10.2023); Δηλώσεις Υπουργού Εξωτερικών, Νίκου Δένδια, μετά το πέρας της συνάντησης με τον Υπουργό Εξωτερικών της Τουρκίας, Mevlüt Çavuşoğlu (Αγκυρα, 15.04.2021) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/deloseis-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-meta-to-peras-tes-sunantheses-me-ton-upourgo-exoterikon-testourkias-mevlut-cavusoglu-agkura-15042021.html> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹² «Η ψυχή των μελών του Α.Σ. και των Ε.Δ. είναι το πιο σημαντικό αποτρεπτικό όπλο που διαθέτει η πατρίδα μας». Ομιλία του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, στα στελέχη του Λιμενικού Σώματος -Ελληνικής Ακτοφυλακής (ΛΣ-ΕΛΑΚΤ) στο Υπουργείο Ναυτιλίας και Νησιωτικής Πολιτικής. 15.02.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/02/15/19397> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹³ «Η Ελλάδα υπερασπίζεται με αποφασιστικότητα τα κυριαρχικά της δικαιώματα». Συνέντευξη Τύπου του Πρωθυπουργού, Αλέξη Τσίπρα, μετά το πέρας των εργασιών της Συνόδου του Ευρωπαϊκού Συμβουλίου. 23.03.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/03/23/19584> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁴ «Ο νέος προϋπολογισμός της ΕΕ πρέπει να λειτουργήσει ως εργαλείο αναδιανομής, για τη μεγαλύτερη δυνατή σύγκλιση». Συνέντευξη Τύπου του Πρωθυπουργού Αλέξη Τσίπρα, μετά την Άτυπη Σύνοδο Κορυφής, στις Βρυξέλλες. 24.02.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/02/24/19438> (дата обращения: 05.10.2023); Συζήτηση του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη με τον καθηγητή Σύγχρονων Ελληνικών Σπουδών και διευθυντή του Ελληνικού Παρατηρητηρίου του London School of Economics, Kevin Featherstone (με αφορμή την επέτειο 25 χρόνων από την ίδρυση του Ελληνικού Παρατηρητηρίου του LSE). 29.11.2022 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2022/11/29/30734> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁵ Δήλωση του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη κατά την άφιξη του στην Ειδική Σύνοδο Κορυφής του Ευρωπαϊκού Συμβουλίου. 01.10.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/10/01/24917> (дата обращения: 05.10.2023);

Франции Э. Макрон назвал, апеллируя к традициям Древнего Рима, Средиземное море *Mare Nostrum* («Наше Море»)⁹⁶. Строительство забора по всей длине греко-турецкой сухопутной границы вдоль реки Эврос, препятствующего проникновению в Грецию (и Европу) нелегальных иммигрантов, преподносилось как защита Грецией и собственных, и одновременно европейских границ⁹⁷, что несет в себе также немаловажное символическое значение, подтверждающее постепенное слияние для Греции национального и европейского суверенитета. Это предполагало и определенные действия Евросоюза в случае угрозы греческому (а значит, и европейскому) суверенитету со стороны Турции, и ЕС не остался в стороне. Например, 27 ноября 2019 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между Турцией и Ливией о разграничении зон морской юрисдикции в Средиземном море, который нарушал суверенные права третьих государств, в том числе Греции и Кипра. Европейский совет однозначно подтвердил свою солидарность с ними и осудил действия Анкары, признав турецко-ливийский меморандум недействительным и создав определенные дипломатические ограничения для Турции в связи с его подписанием⁹⁸. Соответственно, греко-турецкое сближение, начавшееся

Ενημερωτικό σημείωμα για απόσπασμα της συνέντευξης του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στον διεθνολόγο Ian Bremmer. 02.10.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/10/02/24931> (дата обращения: 05.10.2023); Συνέντευξη του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στον τηλεοπτικό σταθμό Alpha και το δημοσιογράφο Αντόνη Σρόιτερ. 07.12.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/12/07/25387> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁶ Ομιλία του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στη Βουλή κατά τη συζήτηση για την κύρωση των συμφωνιών για οριοθέτηση Αποκλειστικών Οικονομικών Ζωνών με την Ιταλία και την Αίγυπτο. 26.08.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/08/26/24655> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁷ Ενημερωτικό σημείωμα για την παρουσία του Πρωθυπουργού στον Έβρο και στην ενημέρωση για την κατασκευή του νέου φράχτη. 17.10.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/10/17/25047> (дата обращения: 05.10.2023); Συνάντηση του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη με τον Υπάτο Εκπρόσωπο της Ευρωπαϊκής Ένωσης για Θέματα Εξωτερικής Πολιτικής και Πολιτικής Ασφάλειας, Josep Borrell. 24.06.2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2020/06/24/24251> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁸ Συνέντευξη Τύπου του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη μετά την ολοκλήρωση των εργασιών του Ευρωπαϊκού Συμβουλίου στις Βρυξέλλες. 13.12.2019 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/12/13/22738> (дата обращения: 05.10.2023); Δήλωση του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη κατά την άφιξη του στη συνεδρίαση του Ευρωπαϊκού Συμβουλίου στις Βρυξέλλες. 12.12.2019 // Ελληνική Δημοκρατία.

в 2023 г., премьер-министр Греции К. Мицотакис оценивал как сдвиг во внешней политике, который касался отношений Турции не только с Грецией, но и с Европейским союзом, НАТО и США⁹⁹.

Заключение

Понятие *суверенитет* является для современной Греции крайне значимым, о чем говорят неоднократные обращения к нему в политическом дискурсе страны в последние годы. Ей важно понять границы ее суверенитета в контексте отношений с объединенной Европой. Греческая национальная идентичность является одновременно и европейской, греки воспринимали свою страну как европейскую начиная со времен войны за независимость от Османской империи, несмотря на ее пограничное положение между Западом и Востоком. Поэтому участие Греции в европейском интеграционном проекте (сначала ЭЭС, а после ЕС), подразумевающее добровольную передачу части национального суверенитета транснациональным органам власти, не вызвало в стране противодействия, напротив, оно было воспринято с (евро)энтузиазмом и даже (евро)эйфорией. Ситуация резко изменилась в 2010 г., после того как в Греции начался финансово-экономический кризис, перекинувшийся на другие экономически «проблемные» страны ЕС и спровоцировавший кризис евро. Выход Греции из кризиса сопровождался внешним контролем ее экономики и финансов со стороны Евросоюза (Еврокомиссии и ЕЦБ) и МВФ, что фактически являлось принудительным ограничением ее национального суверенитета. Кроме того, ущемление суверенитета Греции воспринималось как возможность для влиятельных членов ЕС, например, Германии, почти беспрепятственно участвовать в формировании Афинами экономической политики страны в условиях кризиса.

Кризис в Греции продемонстрировал также дисбалансы в развитии Евросоюза как транснациональной организации, претендующей на то, чтобы со временем быть наделенной собственным, европейским

Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2019/12/12/22734> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹⁹ Συνέντευξη του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στο κεντρικό δελτίο ειδήσεων του ΣΚΑΪ, στους δημοσιογράφους Σία Κοσιώνη και Παύλο Τσίμα. 13.07.2023 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2023/07/13/32185> (дата обращения: 05.10.2023).

суверенитетом. Участие стран — членов ЕС в европейском интеграционном проекте предполагало их равноправие, поскольку это гарантировало защиту их суверенитета в отношениях друг с другом. Соответственно, в 2010-е годы стала очевидной асимметрия между странами экономически благополучного «центра» и проблемной «периферии» Евросоюза, которая проявлялась, в частности, в том, что лидеры более сильных государств получили возможность влиять на принятие решений — вплоть до продавливания своей воли — в европейских органах управления.

Греция на протяжении двухсотлетнего периода своего существования как независимого государства находилась в напряженных отношениях с Турцией, порой перераставших в вооруженные конфликты. Наличие ряда неразрешимых на данный момент противоречий, таких как эгейский спор или кипрский вопрос, заставляют Грецию воспринимать соседнюю страну как потенциального агрессора, несущего угрозу ее суверенитету, а также суверенитету Европейского союза. Данная риторика ослабевает в периоды потеплений в греко-турецких отношениях и усиливается — во времена охлаждений, однако непрерывно сохраняется в греческом политическом пространстве. Важной тенденцией последних десятилетий является то, что Афины стали оценивать многие греко-турецкие споры одновременно как евро-турецкие, допуская использование инструментов ЕС для урегулирования сложившихся проблем.

Таким образом, на примере Греции видно, что в странах ЕС понятие *суверенитет* постепенно, но довольно быстро трансформируется: оно приобретает два измерения — национальное и европейское, что является симптомом переходного периода в развитии ЕС. Греция играет в этом процессе трансформации не последнюю роль, и демонстрируя приверженность старой, «вестфальской» трактовке этого понятия, связанного с государственной независимостью (в частности, в контексте выстраивания отношений с Турцией), и будучи готовой к изменениям, обусловленным участием страны в европейском интеграционном проекте.

Список сокращений

ЕЦБ — Европейский центральный банк

МВФ — Международный валютный фонд

ЕС — Европейский союз

ЕЭС — Европейское экономическое сообщество

Литература

- Бек 2007 — *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; ИД «Территория будущего», 2007. 464 с.
- Бондаренко 2022 — *Бондаренко Д. М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: ИД ЯСК, 2022. 400 с.
- Гудев 2022 — *Гудев П. А.* Конфликтный потенциал Восточного Средиземноморья // *Мировая экономика и международные отношения.* 2022. Т. 66. №3. С. 130–138. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-130-138.
- Деревянченко 2010 — *Деревянченко Ю. И.* Суверенитет и демократия: Шмитт vs Хабермас // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* Серия: Социальные науки. 2010. №2. С. 82–86.
- Дьяков, Соколов 2018 — *Дьяков А. В., Соколов А. М.* Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // *Вопросы философии.* 2018. № 11. С. 25–34. DOI: 10.31857/S004287440001890-4.
- Квашнин 2022 — *Квашнин Ю. Д.* Западный вектор внешней политики Греции (конец 2010-х — начало 2020-х годов) // *Анализ и прогноз.* 2022. № 3. С. 45–56.
- Квашнин 2019 — *Квашнин Ю. Д.* Македонский вопрос в современной греческой политике // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 2. С. 66–74.
- Романова 2021 — *Романова Т. А.* Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // *Современная Европа.* 2021. № 5. С. 32–44.
- Сигачёв, Слепцов 2019 — *Сигачёв М. И., Слепцов Э. С.* Национальные государства Европы и Европейский союз: дисфункции и противоречия (на примере Италии и Германии) // *История и современность.* 2019. № 3 (33). С. 93–111.
- [Стаматопулос, Александрова] 2021 — «Целью революции было приобщение Греции к европейской культуре». К 200-летию греческой национально-освободительной революции 1821 г. Интервью с Д. Стаматопулосом [Беседовала А. Александрова] // *Историческая экспертиза.* 2021. № 3. С. 122–130. DOI: 10.31754/2409-6105-2021-3-131-139.
- Хабермас 2002 — *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм / Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. М.: Праксис, 2002. С. 364–380.*
- Βενιζέλος 2022 — Βενιζέλος Ε. Εκδοχές Πολέμου 2009–2022. Μια συζήτηση με τον Γιώργο Κουβαρά για το παρασκήνιο της οικονομικής κρίσης και όσα ακολούθησαν. Αθήνα: Πατάκη, 2022. 448 Σ.

- Μαρής 2018 — Μαρής Γ. Ασύμμετρη ισχύς, ευρωπαϊκή ολοκλήρωση και εθνική κυριαρχία: Η περίπτωση της ευρωζώνης // Ελληνική Επιθεώρηση Πολιτικής Επιστήμης. 2018. Τόμ. 44. Αρ. 2. Σ. 87–117. DOI: 10.12681/hpsa.16370.
- Χρυσομαλλίδης, Μαραβέγιας 2018 — Χρυσομαλλίδης Χ., Μαραβέγιας Ν. European integration and the Greek economy: Greece at the core or on the periphery of Europe? // Region & Periphery. 2018. № 6–7. P. 72–73. DOI: 10.12681/rp.17008.
- Αgridopoulos 2016 — *Αgridopoulos A.* Die Rückkehr des A(nta)gonismus? Mouffes agonistisches Demokratiemodell und die politischen Umbrüche in Griechenland // Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse / Hrsg. A. Αgridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 275–295.
- Balampanidis, Katsambekis, Iliadis, Papataxiarchis 2022 — *Balampanidis I., Katsambekis G., Iliadis Ch., Papataxiarchis E.* Ambiguous identities in crisis-ridden Greece: ‘us’ and/against ‘Europe’ // Journal of Contemporary European Studies. 2022. Vol. 30. № 4. P. 640–655. DOI: 10.1080/14782804.2021.1924641.
- Χρυσόγονος 2016 — *Χρυσόγονος Κ.* Die Außerkraftsetzung der Verfassung in Griechenland // Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse / Hrsg. A. Αgridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 245–258.
- Crespy, Ladi 2019 — *Crespy A., Ladi S.* In the name of ‘the people’? Popular sovereignty and the 2015 Greek referendum // Journal of European Integration. 2019. Vol. 41. № 7. P. 871–885. DOI: 10.1080/07036337.2019.1665661.
- Democracy 2018 — Democracy not for sale: The struggle for food sovereignty in the age of austerity in Greece / S. Backes, J. Gkiougki, S. Kay, Ch. Konstantinidis, E. Mattheisen, Ch. Sakali, E.-E. Tzekou, L. Vatikiotis, P. Vervest. Amsterdam; Heidelberg; Athens/Thessaloniki: Transnational Institute; FIAN International; Agroecopolis, 2018. URL: <https://www.tni.org/en/publication/democracy-not-for-sale> (дата обращения: 05.10.2023).
- Giacovelli, Langenohl, Westermeier 2016 — *Giacovelli S., Langenohl A., Westermeier C.M.* Die Finanz- und Staatsschuldenkrise in der Eurozone: Schulden, Experten und Modelle // Gießener Universitätsblätter. 2016. № 49. S. 101–108. URL: https://jilpub.ub.uni-giessen.de/bitstream/handle/jilpub/6171/GUB_49_2016_S101_108.pdf?sequence=1 (дата обращения: 05.10.2023).
- Jabko, Luhman 2019 — *Jabko N., Luhman M.* Reconfiguring sovereignty: crisis, politicization, and European integration // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26. № 7. P. 1037–1055. DOI: 10.1080/13501763.2019.1619190.
- Kotzias 2016 — *Kotzias N.* Schuldenkolonie Griechenland: Die EU als Imperium und Deutschlands Primat. Ein neuer Rahmen für die Interpretation der Krise in Südeuropa // Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse / Hrsg. A. Αgridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 39–65.

- Koukoudakis 2018 — *Koukoudakis G.* The Macedonian question: An identity-based conflict // *Mediterranean Quarterly*. 2018. Vol. 29. № 4. P. 3–18.
- Kritidis 2016 — *Kritidis G.* Austeritätspolitik und autoritäre Formen der Krisenbewältigung. Die Goldene Morgendämmerung im politischen System Griechenlands // *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse* / Hrsg. A. Agridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 139–157.
- Lavdas 2013a — *Lavdas K.A.* Introducing stateness under strain: Greece in the European conundrum // *Stateness and sovereign debt: Greece in the European conundrum* / K. A. Lavdas, S. N. Litsas, D. V. Skiadas. Lanham: Lexington Books, 2013. P. 1–16.
- Lavdas 2013b — *Lavdas K.A.* Junctures of stateness: The historical and regional context // *Stateness and sovereign debt: Greece in the European conundrum* / K. A. Lavdas, S. N. Litsas, D. V. Skiadas. Lanham: Lexington Books, 2013. P. 17–40.
- Leeds 2004 — *Leeds Ch.A.* An outline of developments in the European Union and of the role of sovereignty in major negotiations // *Journal of Contemporary European Studies*. 2004. Vol. 12. № 2. P. 231–247. DOI: 10.1080/1460846042000250918.
- Litsas 2013 — *Litsas S.N.* Sovereignty and international politics: Interdependence, self-help, and survival // *Stateness and sovereign debt: Greece in the European Conundrum* / K. A. Lavdas, S. N. Litsas, D. V. Skiadas. Lanham: Lexington Books, 2013. P. 59–82.
- Papagiannopoulos, Agridopoulos 2016 — *Papagiannopoulos I., Agridopoulos A.* Einleitung: Griechenland und Europa in Zeiten der Krise // *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse* / Hrsg. A. Agridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 1–11.
- Richmond 1999 — *Richmond O.P.* Ethno-nationalism, sovereignty and negotiating positions in the Cyprus conflict: obstacles to a settlement // *Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 35. № 3. P. 42–63. DOI: 10.1080/00263209908701278.
- Sotiris 2017 — *Sotiris P.* The authoritarian and disciplinary Mechanism of reduced sovereignty in the EU: The case of Greece // *States of discipline: Authoritarian neoliberalism and the contested reproduction of capitalist order* / ed. by C. B. Tansel. London: Rowman & Littlefield, 2017. P. 171–188.
- Salzborn, Voigt (Hrsg.) 2010 — *Souveränität. Theoretische und ideengeschichtliche Reflexionen* / hrsg. von S. Salzborn, R. Voigt. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. 200 S. DOI: 10.25162/9783515100298.
- Terizakis 2016 — *Terizakis G.* Krise und Transformation des politischen Systems Griechenlands: Konzeptuelle und forschungsleitende Überlegungen im Anschluss an Wolfgang Streeck // *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse* / hrsg. von A. Agridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden: Springer, 2016. S. 15–38.

- Thomadakis 2015 — *Thomadakis S.B. Growth, debt and sovereignty prolegomena to the Greek crisis*. Hellenic Observatory Papers on Greece and South-East Europe (GreeSE Paper). European Institute London School of Economics and Political Science, London, UK. 2015. №91. URL: [https://eprints.lse.ac.uk/62081/\(05.10.2023\)](https://eprints.lse.ac.uk/62081/(05.10.2023)) (дата обращения: 05.10.2023).
- Toplak, Šumi 2012 — *Toplak C., Šumi I. Europe(an Union): Imagined community in the making? // Journal of Contemporary European Studies*. 2012. Vol. 20. № 1. P. 7–28. DOI: 10.1080/14782804.2012.656949.
- Triantaphyllou 2018 — *Triantaphyllou D. Greek foreign policy in defense of the national interest: Teetering between exceptionalism and integration // Uluslararası İlişkiler*. 2018. Vol. 15. № 58. P. 107–117.

References

- Agridopoulos, A., 2016. Die Rückkehr des A(nta)gonismus? Mouffes agonistisches Demokratiemodell und die politischen Umbrüche in Griechenland. In: Agridopoulos, A., Papagiannopoulos, I., eds. *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse*. Wiesbaden: Springer, pp. 275–295.
- Backes, S., Gkiougi, J., Kay, S., Konstantinidis, Ch., Mattheisen, E., Sakali, Ch., Tzekou, E.-E., Vatikiotis, L., Vervest, P., 2018. *Democracy not for sale: The struggle for food sovereignty in the age of austerity in Greece*. Amsterdam, Heidelberg, Athens/Thessaloniki: Transnational Institute, FIAN International, Agroecopolis, 116 p. URL: <https://www.tni.org/en/publication/democracy-not-for-sale> (accessed: 05.10.2023).
- Balampanidis, I., Katsambekis, G., Iliadis, Ch., Papataxiarchis, E., 2022. Ambiguous identities in crisis-ridden Greece: 'us' and/against 'Europe'. *Journal of Contemporary European Studies*, 30, 4, pp. 640–655. doi: 10.1080/14782804.2021.1924641.
- Beck, U., 2007. *Vlast' i ee opponenty v èpokhu globalizma. Novaia vseмирno-politicheskaiia èkonomiia*. [Power in the global age: A new global political economy]. Moscow: Progress-Traditsiia; ID "Territoriiia budushchego", 464 p. (in Rus.)
- Bondarenko, D. M., 2022. *Postkolonial'nye natsii v istoriko-kul'turnom kontekste* [Post-colonial nations in the historical and cultural context]. Moscow: LRC Publishing House, 400 p. (in Rus.)
- Chrysogonos, K., 2016. Die Außerkraftsetzung der Verfassung in Griechenland. In: Agridopoulos, A., Papagiannopoulos, I., eds. *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse*. Wiesbaden: Springer, pp. 245–258.
- Chrysomallidis, Ch., Maravegias, N., 2018. European integration and the Greek economy: Greece at the core or on the periphery of Europe? *Region & Periphery*, 6–7, pp. 72–73. doi: 10.12681/rp.17008.
- Crespy, A., Ladi, S., 2019. In the name of 'the people'? Popular sovereignty and the 2015 Greek referendum. *Journal of European Integration*, 41, 7, pp. 871–885. doi: 10.1080/07036337.2019.1665661.

- Derevjanchenko, Y. I., 2010. Suverenitet i demokratiya: Schmitt vs Habermas [Sovereignty and Democracy: Schmitt vs Habermas]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2, pp. 82–86 (in Rus.)
- Giacovelli, S., Langenohl, A., Westermeier, C. M., 2016. Die Finanz- und Staatsschuldenkrise in der Eurozone: Schulden, Experten und Modelle. *Gießener Universitätsblätter*, 2016, 49, pp. 101–108. URL: https://jpubub.uni-giessen.de/bitstream/handle/jlupub/6171/GUB_49_2016_S101_108.pdf?sequence=1 (accessed: 05.10.2023).
- Gudev, P. A., 2022. Konfliktnyi potentsial Vostochnogo Sredizemnomor'ia [The conflict potential of the Eastern Mediterranean]. *World Economy and International Relations*, 66, 3, pp. 130–138. doi: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-130-138. (in Rus.)
- Dyakov, A. V., Sokolov, A. M., 2018. Gosudarstvennyi suverenitet v prostranstve filosofskoi refleksii: tsivilizatssionnye strategii i biopolitika [The State Sovereignty in the Realm of the Philosophical Reflexion: The Civilization Strategies and the Biopolitics]. *Voprosy Filosofii*, 11, pp. 25–34. (in Rus.)
- Habermas, J., 2002. Evropeiskoe natsional'noe gosudarstvo: ego dostizheniia i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva [The European Nation State. Its Achievements and Its Limitations. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship]. In: *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Praxis, pp. 364–380. (in Rus.)
- Jabko, N., Luhman, M., 2019. Reconfiguring sovereignty: crisis, politicization, and European integration. *Journal of European Public Policy*, 26, 7, pp. 1037–1055. doi: 10.1080/13501763.2019.1619190.
- Kotzias, N., 2016. Schuldenkolonie Griechenland: Die EU als Imperium und Deutschlands Primat. Ein neuer Rahmen für die Interpretation der Krise in Südeuropa. In: Agridopoulos, A., Papagiannopoulos, I., eds. *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse*. Wiesbaden: Springer, pp. 39–65.
- Koukoudakis, G., 2018. The Macedonian question: An identity-based conflict. *Mediterranean Quarterly*, 29, 4, pp. 3–18.
- Kritidis, G., 2016. Austeritätspolitik und autoritäre Formen der Krisenbewältigung. Die Goldene Morgendämmerung im politischen System Griechenlands. In: Agridopoulos, A., Papagiannopoulos, I., eds. *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse*. Wiesbaden: Springer, pp. 139–157.
- Kvashnin, Y. D., 2019. Makedonskii vopros v sovremennoi grecheskoi politike [The new Macedonian question in modern Greek politics]. *World Economy and International Relations*, 63, 2, pp. 66–74. (in Rus.)
- Kvashnin, Y. D., 2022. Zapadnyi vektor vneshnei politiki Gretsii (konets 2010-kh – nachalo 2020-kh godov) [Western vector of Greece's foreign policy (from the late 2010s to the early 2020s)]. *Analysis and Forecasting*, 3, pp. 45–56. (in Rus.)

- Lavdas, K. A., 2013a. Introducing stateness under Strain: Greece in the European conundrum. In: Lavdas, K. A., Litsas, S. N., Skiadas, D. V. *Stateness and sovereign debt: Greece in the European conundrum*. Lanham: Lexington Books, pp. 1–16.
- Lavdas, K. A., 2013b. Junctures of stateness: The historical and regional context. In: Lavdas, K. A., Litsas, S. N., Skiadas, D. V. *Stateness and sovereign debt: Greece in the European conundrum*. Lanham: Lexington Books, pp. 17–40.
- Leeds, Ch. A., 2004. An outline of developments in the European Union and of the role of sovereignty in major negotiations. *Journal of Contemporary European Studies*, 12, 2, pp. 231–247. doi: 10.1080/1460846042000250918.
- Litsas, S. N., 2013. Sovereignty and international politics: Interdependence, self-help, and survival. In: Lavdas, K. A., Litsas, S. N., Skiadas, D. V. *Stateness and sovereign debt: Greece in the European conundrum*. Lanham: Lexington Books, pp. 59–82.
- Maris, G., 2018. Asimetri ischis, eyrwpaiki olokliriosi kai ethniki kyriarchia: H periptosi tis eyrozonis [Asymmetric power, European integration and national sovereignty: The Eurozone case]. *Greek Political Science Review*, 44, 2, pp. 87–117. doi: 10.12681/hpsa.16370. (in Greek)
- Papagiannopoulos, I., Agridopoulos, A., 2016. Einleitung: Griechenland und Europa in Zeiten der Krise. In: Agridopoulos, A., Papagiannopoulos, I., eds. *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse*. Wiesbaden: Springer, pp. 1–11.
- Richmond, O. P., 1999. Ethno-nationalism, sovereignty and negotiating positions in the Cyprus conflict: obstacles to a settlement. *Middle Eastern Studies*, 35, 3, pp. 42–63. doi: 10.1080/00263209908701278.
- Romanova, T. A., 2021. Diskurs o suverenitete Evropeiskogo soiuza: sodержanie i posledstviia [The EU's discourse on sovereignty: Content and consequences]. *Contemporary Europe*, 5, pp. 32–44. (in Rus.)
- Salzborn, S., Voigt, R., eds, 2010. *Souveränität. Theoretische und ideengeschichtliche Reflexionen*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 200 p. doi: 10.25162/9783515100298.
- Sigachev, M. I., Sleptsov, È. S., 2019. Natsional'nye gosudarstva Evropy i evropeiskii soiuz: disfunktsii i protivorechiia (na primere Italii i Germanii) [European national states and the European Union: dysfunctions and contradictions (on the Italy and Germany example)]. *Istoriia i sovremennost'*, 3, 33, pp. 93–111. (in Rus.)
- Sotiris, P., 2017. The authoritarian and disciplinary mechanism of reduced sovereignty in the EU: The case of Greece. In: Tansel, C. B., ed. *States of discipline: Authoritarian neoliberalism and the contested reproduction of capitalist order*. London: Rowman & Littlefield, pp. 171–188.
- [Stamatopulos, D., Alexandrova, A.], 2021. “Tsel'iu revoliutsii bylo priobshchenie Gretsii k evropeiskoi kul'ture”. K 200-letiiu grecheskoi

- natsional'no-osvoboditel'noi revoliutsii 1821 g. Interv'iu s D. Stamatopulosom [Dimitris Stamatopoulos: "The Revolution as an attempt to make Greece a part of European culture" (Interviewed by Anna Alexandrova)]. *The Historical Expertise*, 3, pp. 122–130. doi: 10.31754/2409-6105-2021-3-131-139. (in Rus.)
- Terizakis, G., 2016. Krise und Transformation des politischen Systems Griechenlands: Konzeptuelle und forschungsleitende Überlegungen im Anschluss an Wolfgang Streeck. In: Agridopoulos, A., Papagiannopoulos, I., eds. *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse*. Wiesbaden: Springer, pp. 15–38.
- Thomadakis, S. B., 2015. *Growth, debt and sovereignty prolegomena to the Greek crisis*. *Hellenic Observatory Papers on Greece and Southeast Europe* (GreeSE Paper), 91. European Institute London School of Economics and Political Science, London, UK, 48 p. URL: <https://eprints.lse.ac.uk/62081/> (accessed: 05.10.2023).
- Toplak, C., Šumi, I., 2012. Europe (an Union): Imagined community in the making? *Journal of Contemporary European Studies*, 20, 1, pp. 7–28. doi: 10.1080/14782804.2012.656949.
- Triantaphyllou, D., 2018. Greek foreign policy in defense of the national interest: Teetering between exceptionalism and integration. *Uluslararası İlişkiler*, 15, 58, pp. 107–117.
- Venizelos, E., 2022. *Ekdocheç Polemoy 2009–2022. Mia syzitisisi me ton Giorgo Koyvara gia to paraskinio tis oikonomikis krisis kai osa akolouthisan* [Versions of war 2009–2022]. Athens: Pataki, 448 p. (in Greek)

Anna K. Aleksandrova

Ph.D., Senior Researcher, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russian Federation. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

National and European Components in the Concept of Sovereignty in the EU Countries: Political Discourse in Contemporary Greece

The two-hundred-year long history of the independent Greek is intrinsically connected to the history of Europe as a whole. Contemporary Greek national identity has a pronounced European element. On the other hand, independent Greece has, throughout its history, been consistently influenced by the great powers (both European powers and the USA), which to some extent determined the course of its foreign and domestic policies. Membership in the EU does require a country to transfer part of its sovereignty to the transnational organisation. This issue has been drawing the attention of both politicians and researchers since the beginning of European integration. In Greece it became an especially prominent part of the political discourse in 2010, with the advent of the financial and economic crisis. For several years, the Greek economy and financial policies were put under control of the “troika” of external creditors – the European Commission, the European Central Bank and the International Monetary Fund, severely limiting national sovereignty and leading to a rise in popular scepticism towards the idea of European integration. The Greek crisis revealed an imbalance within the Eurozone, with economically more powerful countries easily influencing less powerful ones by using the political tools of the EU, despite nominally being equal partners within the Union. This core-periphery asymmetry made the European integration a tool, and the EU itself an arena, for expanding the influence of economically powerful states (for example, Germany). The sovereignty of more and less powerful countries was not treated in the same way, which by itself made the integration process more difficult. The situation led to, among other consequences, a re-examination of Greek relations with the EU and the limits it had put on the country’s sovereignty in Greek political discourse, including the emerging notion of Greece becoming a “debt colony” of Europe. The tension between Greece and Turkey, as well as the Balkan vector of Greek foreign policy, can be productively examined through the lens of Greek participation in the European integration project, which can reveal the interrelation of the national and European components in the Greek concept of sovereignty.

Keywords: Greek-Turkish relations, Aegean dispute, Cyprus issue, European Union, financial and economic crisis in Greece, Euro crisis, European sovereignty, European identity

Received: 21 January 2024

Admitted: 23 July 2024

How to cite: Aleksandrova, A. K., 2024. Natsional'nai i evropeiskaia sostavliaiushchie suvereniteta v stranakh ES: politicheskii diskurs sovremennoi Gretsii. *Central-European Studies*, 7, pp. 383–422. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.13>.

РЕЦЕНЗИИ

Елена Анатольевна Косован

Кандидат исторических наук, доцент, Институт евразийских и межрегиональных исследований, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. 125993, Мнусская пл., д. 6. E-mail: kosovan.ea@rggu.ru

Общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу

Рец. на: Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4)

В статье предпринят критический обзор сборника статей «Нации и границы. Формирование новых государств в Центрально-Восточной Европе после Первой мировой войны», опубликованного в 2022 г. в рамках серии «История в центральноевропейском контексте», которая представляет собой площадку для академических дискуссий, посвященных в первую очередь средневековой, новой и новейшей истории Польши, а также так называемой Центрально-Восточной Европы. Авторы вошедших в сборник работ — историки из Польши, России, Украины, Латвии и Литвы — сфокусировались на проблеме «эмансипации» народов данного региона во время и после Первой мировой войны в контексте распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй и восстановления польской государственности. В центре их внимания — формирование основных атрибутов государственности, то есть становление территорий и границ, определение статуса (иерархии статусов) населения, создание властных структур и организаций, среди которых выделены органы исполнительной власти и вооруженные силы. Предметом особого интереса авторов исследований, вошедших в рецензируемый сборник, стала проблема национального суверенитета и его источников — внутренних и особенно внешних: проанализировано влияние Великобритании, США, Франции, Германии, России на становление польской, украинской, белорусской, литовской, латвийской государственности, причем восстановленное польское государство играет в данном случае амбивалентную роль, являясь одновременно и участником, и фактором национального и государственного «творчества». Положительно оценивая вклад создателей

сборника в современные восточно- и центральноевропейские исследования, в рецензии отмечено, что в первую очередь данное издание интересно как историографический источник, свидетельствующий о выработке определенной модели переосмысления «больших» имперских нарративов в национальных категориях.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, нация, государственность, граница, идентичность, конфликт, Первая мировая война, Рижский мир, историография, критика

Статья поступила в редакцию: 12 февраля 2024 г.

Статья принята к печати: 11 марта 2024 г.

Цитирование: Косован Е. А. Общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу. Рец. на: Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 425–449. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.14>

«**Н**ации и границы. Формирование новых государств в Центрально-Восточной Европе после Первой мировой войны» — это четвертое издание в рамках серии «История в центральноевропейском контексте», которая была создана в 2021 г. по инициативе историков Университета имени Николая Коперника в г. Торунь и выходит в свет ежегодно под эгидой Польской исторической миссии — академической институции данного университета, работающей в настоящее время на базе Вюрцбургского университета Юлиуса и Максимилиана. К настоящему времени издано шесть сборников статей: «Миграция, коммуникация, трансфер» (2021 г.), «Групповые идентичности в Центральной и Восточной Европе» (2021 г.), «Документы, архивы, контексты» (2022 г.), «Нации и границы» (2022 г.), «Между Востоком и Западом» (2023 г.), «Между историей событий, явлений и процессов» (2023 г.).

Как было заявлено в первом издании, его главная цель — представить новейшие исследования по истории Польши, помещая ее в широкий региональный и трансрегиональный контекст и делая особый акцент на взаимоотношениях «с немецким культурно-историческим ареалом»¹. Собственно, основным объектом интереса для участников данного научного проекта является

¹ Skowrońska 2021: 7.

[Р]егион, который не поддается четкому определению и который можно рассматривать либо как ядро субконтинента “Центральная Европа”, либо как “промежуточную” территорию, лежащую между гораздо более четко определяемыми Западом, Востоком, Югом и Севером Европы².

При этом в предисловии к первому изданию подчеркивалось, что этот термин используется лишь для примерной «географической локализации академических наблюдений»³, не подразумевает сколько-нибудь четких границ и может менять свои внешние очертания и внутренние границы в зависимости от темы и оптики исследования⁴. Важно заметить, однако, что во многом издатели серии опираются на концепцию «Центрально-Восточной Европы» в понимании прежде всего польского историка Оскара Халецкого (1891–1973), для которого существовали не только Западная и Восточная Европа, но также Центрально-Западная и Центрально-Восточная. Центрально-Восточная Европа представляла собой, с точки зрения О. Халецкого, своеобразное в цивилизационном смысле пространство между Германией и Россией, специфика которого обосновывалась тремя факторами — религиозным (соперничество и взаимодействие главным образом католицизма и православия), этническим (относительное преобладание славянских этносов, их сосуществование с германскими, финно-угорскими и другими народами) и политическим (в течение долгого времени эти народы не имели собственной государственности)⁵. Как показывает Р. Стобецкий, для О. Халецкого ключевое значение имели три вопроса:

Во-первых, принадлежность Германии не к Западной, а к Центрально-Западной Европе. Во-вторых, цивилизационное своеобразие Центрально-Восточной Европы, занимающей пространство между Германией и Россией. Наконец, в-третьих, место России в таком делении Европейского континента⁶.

Именно в таком ракурсе в сборнике «Нации и границы» рассматривается проблема «эмансипации» наций и формирования новых

² Skowrońska 2021: 7.

³ Skowrońska 2021: 8.

⁴ Skowrońska 2021: 8.

⁵ Стобецкий 2009: 60.

⁶ Стобецкий 2009: 59–60.

национальных государств — Польши, Литвы, Латвии, Украины и Беларуси — в Центрально-Восточной Европе во время и после Первой мировой войны, причем Центрально-Восточная Европа выступает в данном случае как пространство сложного пограничья, находящегося под влиянием не только в недавнем прошлом распавшихся Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, но и переставшей существовать в конце XVIII в. Республики Двух Народов (*Rzeczpospolita Obojga Narodów*)⁷, память о которой продолжала оказывать значительное влияние на нациогенетические процессы в указанном субрегионе и в XX в., поскольку, как отметили авторы и редакторы сборника Дорота Михалук и Мацей Кротofil (оба из Университета им. Николая Коперника в Торуне), идентичность украинцев, белорусов, латышей и литовцев формировалась во многом как антагонист и русского, и польского этнокультурного начала⁸.

Итак, цель издания заключается в презентации процессов нации и политогенеза в субрегионе в контексте влияния на эти процессы Германии, России и Польши, причем последняя выступает одновременно в двух ипостасях — и как участник этих процессов, и как их фактор. Актуальность исследований на подобные темы обуславливается, как справедливо полагают создатели антологии, значением событий 1917 — первой половины 1920-х годов для понимания специфики взаимоотношений, с одной стороны, между современными государствами Центрально-Восточной Европы, а с другой — между ними и государствами соседних (суб)регионов⁹.

В сборник вошли работы 12 авторов, представляющих как Университет имени Николая Коперника, так и другие академические центры — Университет Витовта Великого и Институт истории Литвы, Латвийский университет, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя и Киевский университет имени Бориса Гринченко. Тематически эти работы делятся на несколько групп.

В первой группе можно объединить исследования, посвященные восстановлению польской государственности, формированию территории возрожденной Польши и особенно — установлению

⁷ Michaluk, Krotofil 2022: 11.

⁸ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁹ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

«восточной границы», которое подразумевало решение судьбы проживающих здесь белорусов, украинцев и литовцев. Вторая группа включает материалы, в которых основным объектом исследования является нацио- и государствообразование в странах Балтии. Третью и четвертую группы формируют статьи по украинистике и белорусистике.

Границы между этими группами довольно условны, поскольку процессы становления новых государств в Центрально-Восточной Европе взаимосвязаны. Так, восстановление Польши в границах XVIII в. было невозможно не только вне диалога с акторами «большой европейской политики», но и без «выяснения отношений с народами, которые когда-то жили вместе с поляками в одном государстве»¹⁰. По словам Адама Чарторыйского (1770–1861), которые привела в статье Илона Залеская:

Веками мы перемешивались <...>, история объединила эти семьи в один народ; <...> общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу <...> должны объединить нас теперь теснее, чем когда-либо¹¹.

Но объединение осложнилось тем, что белорусы, украинцы и литовцы тоже «встали на путь эмансипации»¹² и одновременно с польским национально-государственным проектом пытались реализовать собственные.

«Польский блок» сборника открыла статья И. Залеской (Университет им. Николая Коперника в Торуне) «Федерация или инкорпорация? Польские политические партии и выработка концепции восточной границы в преддверии Первой мировой войны». Автор сфокусировалась на эволюции представлений польских политических кругов о моделях территориального устройства возрожденной Польши и, в частности, о судьбе украинских, белорусских и литовских земель, об устройстве восточной границы. Залеская обратилась к пространственным образам национального государства, которые конструировались и использовались разными польскими политическими силами на протяжении «долгого XIX века» — от декларации

¹⁰ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

¹¹ Zaleska 2022: 19–20.

¹² Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

«К польским воинам» 25 декабря 1831 г. до территориальной программы польского государства, представленной польской делегацией на мирной конференции в Париже. Ознакомив с ними читателя, Залеская показала, как менялись эти образы под влиянием разных факторов, среди которых важнейшими оказались нациотворческие процессы, развернувшиеся среди населения восточной части бывшей Речи Посполитой, и пришла к выводу о формировании двух основных моделей решения вопроса о восточной границе — федеративной (свойственной социалистам) и победившей в конечном итоге аннексионистской или инкорпоративистской (присущей сторонникам Национально-демократической партии)¹³.

В статье профессора Ярослава Центека (Университет им. Николая Коперника в Торуне) «Разоружение немецких войск на польских территориях в ноябре 1918 г.» рассмотрен такой аспект восстановления независимости Польши в 1918 г., как разоружение воинских формирований Второго рейха, точнее — «отъем у немцев военного имущества и гражданской власти», если использовать определение Марии Домбровской (1889–1965)¹⁴. Отмечая, что интересы немцев и поляков на данном этапе противостояния в основном совпадали (первым столь же сильно хотелось вернуться домой, сколь вторым — очистить свои земли от оккупантов) и потому разоружение в большинстве случаев прошло мирно, проф. Центек сделал акцент на том, что решающее значение для хода операций по разоружению имело моральное состояние войск¹⁵. Уставшие от войны, дезорганизованные и дезориентированные вследствие революционных событий в Германии и отречения Вильгельма II, немцы подчинялись «стихийным акциям разоружения». А ведь акции эти осуществляли не только различные польские организации, но и просто «неорганизованные гражданские лица»¹⁶, вдохновленные гибелью держав, когда-то разделивших Польшу.

Статья «Дипломатические и военные усилия по признанию Республики Польша и ее границ, 1914–1921 (1923 г.)» Кшиштофа Кани

¹³ Zaleska 2022: 18.

¹⁴ Келта М. Почему Польша празднует День независимости 11 ноября? // Портал Culture.pl. 11.11.2018. URL: <https://culture.pl/ru/article/pochemu-polsha-prazdnuet-den-nezavisimosti-11-noyabrya> (дата обращения: 28.11.2023).

¹⁵ Centek 2022: 56–58.

¹⁶ Centek 2022: 57–58.

(Университет имен Николая Коперника в Торуне) посвящена «наиболее важным и трудным для польской дипломатии событиям» 1914–1921 гг., связанным с возвращением Польши на карту Европы, формированием границ возрожденного Польского государства и его международным признанием¹⁷. Актуализация «польского вопроса» в европейской политике, проявившаяся еще до начала Первой мировой войны, в военное время способствовала формированию национальных организаций, стремящихся к восстановлению независимости Польши с помощью Тройственного союза или Антанты¹⁸. Деятельность этих организаций помогла подготовить почву для важнейшего итога Парижской мирной конференции — «признания независимой Польши, возрожденной в качестве субъекта международного права после 123 лет небытия»¹⁹, но главное — стала важной школой политико-дипломатической деятельности для многих польских патриотов, участвовавших затем в дипломатической кампании 1918–1921 гг. за восстановление национальной государственности и за сохранение в составе Польской Республики «восточных земель»²⁰.

Статьей Евгении Львовны Назаровой (Институт всеобщей истории РАН) начат «балтийский раздел» сборника, в который входят также работы Эрика Екабсона (Латвийский университет), Кестутиса Килинскаса (Вильнюсский университет), Томаса Балкелиса (Институт истории Литвы) и Томаса Блацака (Университет Витовта Великого).

Работа Е. Л. Назаровой, озаглавленная «Становление Латвийского государства. От идеи к демократической республике, 1905–1922 гг.», носит обзорный характер: в ней зафиксированы основные вехи латышского политогенеза, протекавшего на фоне и в тесной связи с (этно)политическими трансформациями, социальными конфликтами и военными катастрофами начала XX в. — от Первой русской революции до Войны за независимость Латвии (1918–1920 гг.). Особое внимание уделено автором эволюции представлений латышей о форме национального самоопределения: национально-политическая автономия (1905 г.) — широкая национально-территориальная автономия в рамках федеративного государства (1917 г.) — суверенная

¹⁷ Kania 2022: 71.

¹⁸ Иванов 2018: 7.

¹⁹ Kania 2022: 80.

²⁰ Kania 2022: 88.

республика (1918 г.). Также Е.Л. Назарова тщательно исследовала факторы, оказавшие влияние на эту эволюцию, в том числе попытки поставить латвийский государственный проект под советский или германский контроль или же в процессе национального самоопределения заручиться поддержкой США и Великобритании²¹.

Э. Екабсонс в статье «Война за независимость Латвии: основные особенности (1918–1920)» сосредоточился на финальном этапе процесса национального самоопределения, описанного Е.Л. Назаровой, когда «латышам пришлось сражаться как с армией Советской Латвии, так и с немецкими войсками»²². Констатируя, что несмотря на схожесть геополитического положения трех стран Балтии, им пришлось бороться за независимость в разных условиях, Екабсонс объяснил специфику реализации латвийского национально-государственного проекта. В годы Первой мировой войны это — пребывание латвийских земель в течение длительного времени в «зоне непрекращающихся боевых действий», что «исключало возможность проведения серьезных общественно-политических мероприятий, в том числе провозглашения независимости в какой-либо форме»²³; после Компьенского перемирия — пребывание в зоне столкновения интересов (а часто — и вооруженных сил) большого количества акторов:

Советской России и латышских большевиков, прибалтийских немцев и Германии, антибольшевистской России, новых и возрожденных соседних государств — Эстонии, Литвы, Польши, Финляндии, даже (хотя и в меньшей степени) Белорусской Народной Республики и Украинской Народной Республики, и, наконец, <...> великих западных держав²⁴.

Описывая Войну за независимость Латвии, которую называют также Освободительной войной, проф. Екабсонс подчеркнул, что «в рядах Латвийской армии <...> находились солдаты практически всех народов, проживавших в Латвии: украинцы, караимы, чехи, шведы, французы, датчане и т.д.»²⁵. Участниками борьбы «за независи-

²¹ Nazarova 2022: 102.

²² Nazarova 2022: 105.

²³ Jēkabsons 2022: 111.

²⁴ Jēkabsons 2022: 114.

²⁵ Jēkabsons 2022: 119.

мое Латвийское государство»²⁶ стали также женщины и дети, что позволяет рассматривать Освободительную войну как значимый и, возможно, один из финальных этапов в формировании политической латвийской нации.

В работе К. Килинскаса «Ожидания членов литовского правительства и дипломатов и реальные возможности вооруженных сил в борьбе с большевиками в 1919 г.» проанализировано взаимовлияние политико-дипломатической и военной кампаний в рамках войны за независимость Литвы²⁷. Дипломатические и особенно военные возможности Литовской Республики, как и других государств, формировавшихся на обломках Российской империи, были весьма ограничены. Как констатировал автор, они значительно превышали собственные национально-территориальные амбиции и не соответствовали стоявшей перед Литвой необходимости вести войну на три фронта — с Россией, Польшей и Германией²⁸. Не обладая собственными военными ресурсами для защиты суверенитета, Литва была вынуждена «просить оружие и воинские силы везде, где это было возможно» — в Великобритании, США, Франции, Германии, странах Северной Европы²⁹, которые принимали решение о помощи Литве, сообразуясь с собственными интересами, учитывая свои отношения с Россией и еще одной стороной конфликта — Польшей, а также принимая во внимание конкретную ситуацию на советско-польско-литовском фронте. Балансирование между всеми этими акторами, интересами и амбициями ставило молодое литовское государство в крайне сложное положение, когда результат и дипломатических переговоров, и военных действий оказывался слабо предсказуемым из-за действия множества часто взаимоисключающих факторов³⁰.

Тему войны за независимость Литвы продолжил Т. Балкелис в работе, озаглавленной лаконично: «Виленский конфликт, июль — сентябрь 1920 г.». Основным предметом исследования в данном случае стал сам многонациональный город в период резких смен власти³¹. Политические настроения горожан, экономическое положение,

²⁶ Jekabsons 2022: 125.

²⁷ Kilinskas 2022: 129–130.

²⁸ Kilinskas 2022: 129–130.

²⁹ Kilinskas 2022: 131.

³⁰ Kilinskas 2022: 132.

³¹ Balkelis 2022: 147.

стратегии адаптации и прочие подобные сюжеты рассмотрены в контексте событий советско-польской войны и особенно пребывания Вильнюса под советским и литовским контролем³². «Литовский период» интересовал автора в первую очередь: он заметил, что уже на начальном этапе перед национальными городскими властями встала

[Б]олее серьезная задача, чем восстановление нормальной повседневной жизни города: интеграция многонационального населения <...> в политическую и культурную ткань государства, превращения горожан в лояльных граждан³³.

Однако задача эта оказалась невыполнимой — как из-за значительных противоречий между литовским, польским и белорусским населением, так и из-за принципиального отсутствия у литовских политических элит сколько-нибудь внятной программы «переплавки» полиэтничного населения Вильнюса в единое национальное целое, помимо форсированной литвинизации. В этих условиях, желая максимально нивелировать влияние польской общины на ситуацию в столице, городские власти переключились на решение экономических задач и укрепление местных государственных структур, надеясь сплотить горожан и обеспечить их лояльность таким образом. Вопросы гражданской и культурной интеграции нелитовского населения Вильнюса отошли на второй план, а затем, на фоне ухудшения ситуации на польско-литовском фронте, и вовсе потеряли актуальность³⁴.

Исследование Т. Блацака «Чрезвычайное положение независимой Литвы в 1918 г. и две (не)реализованные институциональные модели автономии» было направлено, как следует из названия, на проблему предоставления автономии национальным меньшинствам Литвы — белорусам и евреям, причем эта проблема не только вписана в общий круг вопросов становления литовской государственности, но также рассмотрена в связи с влиянием на ситуацию в Литве других государств — главным образом Германии, Польши и России³⁵.

В центре внимания Блацака — две модели автономии, территориальная (национально-территориальная) и нетерриториальная

³² Balkelis 2022: 157.

³³ Balkelis 2022: 158.

³⁴ Balkelis 2022: 162.

³⁵ Błaszczak 2022: 171–172.

(национально-культурная). По его мнению, идея нетерриториальной автономии, возникшая в Австро-Венгрии, в начале XX в. получила широкую известность в Российской империи, а после распада державы Романовых идею эту попытались реализовать на нескольких территориях постимперского пространства, в том числе в Литве³⁶. Реализация литовского государственного проекта в ноябре — декабре 1918 г. сопровождалась переговорами о создании белорусской и еврейской автономии, которые завершились достижением принципиального соглашения. Однако дальше дело не пошло: ни белорусская, ни еврейская автономия созданы не были. Имели место лишь некоторые шаги в этом направлении: меньшинства получили места во временных органах исполнительной власти Литвы, вошли в состав делегаций, участвовавших в Парижской конференции (1919 г.) и мирных переговорах с Россией (1920 г.), удалось добиться принятия Временного закона о налогообложении еврейских граждан (10 января 1920 г.)³⁷. Однако потеря Вильнюса изменила отношение литовских властей к идее автономии и к национальным меньшинствам: единственным автономным образованием в составе Литовской Республики стал в 1924 г. Мемельский (Клайпедский) край³⁸.

Украинистику в томе представляют работы Игоря Владимировича Срибняка (Киевский университета им. Бориса Гринченко), Максима Васильевича Потапенко (Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя) и редактора сборника М. Кротофила.

В статье И. В. Срибняка «Директория Украинской Народной Республики — Государственный центр Украинской Народной Республики в изгнании (1919–1926): Исследование военно-политической деятельности на Украине и в Польше» представлены результаты исследования одной из интереснейших проблем в историографии украинской эмиграции — так называемой перемещенной государственности на примере украинских законодательных и исполнительных властных институтов, подобных ГЦ УНР, расплывшихся в первой половине межвоенного периода по территории Европы. Центральный сюжет исследования — украинско-польские отношения на фоне противостояния с «красной Москвой» и белогвардейским движением,

³⁶ Błaszczak 2022: 173.

³⁷ Błaszczak 2022: 182.

³⁸ Błaszczak 2022: 184.

предметом же особого внимания автора стала фигура Симона Петлюры (1879–1926), отстаивавшего идею суверенной и демократической Украины как «надежного барьера против проникновения “бациллы” большевизма в Польшу и Европу»³⁹. В статье рассмотрены попытки С. Петлюры сохранить, реорганизовать, интегрировать фрагменты украинской государственности в эмиграции, и в первую очередь — вооруженные силы, которые воспринимались Петлюрой как «залог продолжения вооруженной борьбы под флагом УНР», опора «всеукраинского движения сопротивления большевизму»⁴⁰.

Как уже не раз отмечалось авторами сборника, общества Центрально-Восточной Европы отличались многонациональностью, композитностью, наличием множества этноконтактных зон и формирование здесь национальной государственности было во многом осложнено необходимостью учитывать эти факторы и выстраивать особые отношения с представителями разных этноконфессиональных групп. Причем успех того или иного государственного проекта зачастую был обусловлен способностью властных элит решить «национальный вопрос». Исследование М. В. Потапенко «Украинская государственность в представлении польских политических сил в Приднепровской Украине в 1917–1918 гг.» посвящено «польскому фактору» в истории УНР. Но если И. В. Срибняк сконцентрировался на межгосударственных взаимоотношениях, то М. В. Потапенко предпочел иной ракурс: в его работе рассмотрен процесс социально-политической консолидации и национальной мобилизации польского населения Приднепровской Украины на фоне Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций. Он отметил, что «сочетание в сознании большинства поляков Приднепровской Украины ощущения национальной обособленности и одновременно чувства туземности и чувства меньшинства» актуализировало вопрос об организации национального самоуправления, решение которого на фоне острых политических противоречий «привело к одновременной реализации двух конкурирующих проектов польской автономии» — широкой национально-территориальной и более умеренной национально-культурной⁴¹. Ни один из них, впрочем, не уда-

³⁹ Sribnyak 2022: 196.

⁴⁰ Sribnyak 2022: 203–204.

⁴¹ Potapenko 2022: 203–204.

лось реализовать. Что касается отношения польских политических сил к украинскому государственному проекту, М. В. Потапенко выделил следующий сценарий: на протяжении 1917–1918 гг. в общественно-политической жизни Днепрянщины доминировали национал-демократы и «пилсудчики», которые первоначально отстаивали идею украинской автономии в составе России; однако «вхождение Украины в орбиту германского влияния» (1918 г.) заставило их разделиться: первые продолжали отстаивать идею Украины как части России, вторые же стали убежденными сторонниками украинской независимости⁴². Это расхождение было связано с позициями «эндеков» и «пилсудчиков» относительно границ обновленного польского государства⁴³.

В статье «Создание Западно-Украинской Народной Республики и польско-украинская война 1918–1919 гг. в контексте стремления галицийских украинцев к независимости» М. Кротофил рассмотрел проблему столкновения «государственных интересов двух соседних народов — польского и украинского», одновременно приступивших к формированию собственных политий, на примере одной из этноконтактных зон постимперского пространства — Восточной Галиции⁴⁴. Столкновение привело к войне, в которой украинская сторона проиграла, хотя первоначально украинские и польские позиции были примерно равными. В частности, как отметил автор, ни те ни другие не имели регулярной армии⁴⁵. Впоследствии оказалось, что

⁴² Potapenko 2022: 225–226.

⁴³ По мнению современного украинского историка Владимира Леоновича Комара, различие это заключалось в следующем: «Федерализм Ю. Пилсудского и пилсудчиков предусматривал решение двуединого вопроса: 1) ослабление России, как считалось, главной угрозы независимости Польши; 2) привлечение к реализации этой цели литовского, белорусского и украинского народов, которые вместе с польским сосуществовали в шляхетской Речи Посполитой. Благодаря реализации концепции федерализма, возрожденная Польша в союзе с независимыми Литвой, Белоруссией и Украиной должна была обеспечить себе лидерство в Центрально-Восточной Европе и претендовать на роль сверхдержавы. Согласно концепции инкорпорации, считалось целесообразным присоединить к Польше все территории, на которых имелось этническое или же экономическое и культурное превосходство поляков. То есть в границах Польского государства должны были оказаться Литва, часть Белоруссии вместе с Минском, Полесье, Вольшынь и Подляшье. Остальные спорные территории было решено оставить России». См.: Комар 2012: 60.

⁴⁴ Krotofil 2022: 229.

⁴⁵ Krotofil 2022: 235.

и экономические, и политические ресурсы ЗУНР, возникшей на территории Восточной Галиции, слишком ограничены. Фактически это государственное образование не было жизнеспособно даже при условии постоянной внешней поддержки, что и обусловило фиаско западноукраинского государственного проекта⁴⁶.

Сборник завершил материал Д. Михалюк, посвященный белорусскому национальному движению и национально-государственному проекту в годы Первой мировой войны и в первые послевоенные годы. В статье, озаглавленной «Возникновение белорусских политических центров и их стремление к признанию белорусской государственности (1915–1921)», перечислены факторы, стимулировавшие национально-политическую мобилизацию белорусов в данный период: начало войны и массовый исход беженцев из западных губерний, немецкая оккупация части Литвы и Белоруссии, отречение Николая II и революционные события в России, попытки соседей создать собственные государства и конфликты между ними, в том числе — большой советско-польский⁴⁷. Но несмотря на это, в годы войны «консолидация белорусской политической среды происходила гораздо медленнее, чем у других народов региона» (негативную роль играла, по мнению Д. Михалюк, «близость российско-германского фронта»)⁴⁸. И хотя в 1915 г. выдвигалась идея создания государства-противовеса России и Польше в виде либо возрожденного Великопольского княжества Литовского, либо конфедерации Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины⁴⁹, вопрос о создании независимого и суверенного государства Белоруссия всерьез не обсуждался вплоть до 1918 г. Когда же белорусы попытались последовать примеру своих соседей — Литвы и Украины, оказалось, что Белорусская Народная Республика, как и Западно-Украинская Народная Республика, не обладает ни внутренними, ни внешними ресурсами, необходимыми для самостоятельного существования. В реализации белорусского национально-государственного проекта не были заинтересованы ни Германия, ни страны Антанты, ни возрожденная Польша. Украинская Народная Республика, на признание которой белорусские политики возлагали большие надежды, сама не обладала в это время необходимой

⁴⁶ Krotofil 2022: 241.

⁴⁷ Michaluk 2022: 245–246.

⁴⁸ Michaluk 2022: 248.

⁴⁹ Michaluk 2022: 247–248.

субъектностью. В результате ни одно из правительств БНР не контролировало белорусскую территорию, не могло сформировать ни работоспособные административные структуры, ни собственную армию. Конец БНР был предreshen и предсказуем.

Самостоятельный интерес представляет дизайн обложки, вернее — один его элемент: фотография, на которой запечатлено одно из первых пленарных заседаний мирной конференции, предшествовавшей заключению Рижского мирного договора 1921 г. Эта фотография используется достаточно часто для иллюстрации тех или иных материалов, посвященных этому событию, и можно сказать, что уже стала его символом⁵⁰.

Гала-зал рижского Дома Черноголовых. Ранний вечер 21 сентября 1920 г. За высокими готическими окнами еще светло, но в зале уже зажжены тяжелые люстры. Под ними в центре зала стоит длинный, накрытый сукном стол для членов делегации. По его краям приставлены треугольные столы для польских и российских стенографистов. В конце длинного стола стоит отдельный стол, предназначенный для нашего министра иностранных дел, рядом с ним — стулья для адъютантов. Вдоль стен расположены места для представителей прессы⁵¹.

Зал полон. Вероятно, фотограф запечатлел момент начала заседания:

В четверть шестого [члены делегаций] садятся за красный стол в центре зала, довольно тесно, и готовятся к работе. За столом также сидят стенографистки и переводчики. Ближе к стенам и входу расположены столы и столики для немногочисленных гостей и представителей прессы, которые представляют издания почти со всего мира⁵².

Слева за столом — российская делегация, справа — польская. В этот день их работа свелась к коротким выступлениям и обмену доверенностями, так что к шести часам вечера первое заседание

⁵⁰ Например, за год до издания «Наций и границ», в 2021 г. Институт национальной памяти (*Institut Pamięci Narodowej*) провел в Королевском замке в Варшаве выставку «Горький мир. Рижский договор 1921 года». Среди материалов выставки — буклет «Рижский договор 1921 г.», где эта фотография использована дважды — на стартовой странице и на с. 7.

⁵¹ Екабсонс 2014: 475.

⁵² Екабсонс 2014: 274.

завершилось, породив, однако, большие надежды. В статье, посвященной польско-советским переговорам в Риге, Э. Екабсонс привел слова латвийского журналиста:

Хочется верить, что вскоре в Доме Черноголовых за красным столом переговоров их участники обменяются оливковыми ветвями и тем самым сделают большой шаг в сторону разрешения всего восточно-европейского вопроса⁵³.

В сборнике «Нации и границы» Рижский мирный договор трактовался неоднозначно. С одной стороны, Рижский мир завершил советско-польскую войну, которая угрожала дезинтеграцией только начинавшему формироваться послевоенному порядку. Для Польши он стал большой дипломатической победой, благодаря которой в 1921–1923 гг. не просто был закрыт вопрос о конституировании восточной границы возрожденного государства, но и возник Версальско-Рижский порядок, то есть центральноевропейская подсистема / центральноевропейская периферия Версальско-Вашингтонской системы⁵⁴, одним из главных элементов которой стала Польша. Наконец, Рижский мирный договор позволил нескольким сотням тысяч беженцев разных национальностей вернуться в родные места⁵⁵. С другой стороны, Польше ради заключения этого мира пришлось пожертвовать независимостью Украины и идеей создания польско-литовско-белорусской федерации⁵⁶. Рижский договор «окончательно разрушил надежды белорусской и украинской элит на достижение государственной независимости»⁵⁷, заставив «практически все украинские и белорусские партии» поставить перед собой «задачу объединения так называемых этнических территорий»⁵⁸.

Как написал спустя 74 года Томас Венцлова (род. в 1937 г.), «надеждой притворялась пропасть»⁵⁹. Одного шага, чтобы разрешить «весь восточноевропейский вопрос», оказалось слишком мало.

⁵³ Екабсонс 2014: 276.

⁵⁴ Kania 2022: 72, 86–88; Jēkabsons 2022: 111; Мезга 2022.

⁵⁵ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁵⁶ Kania 2022: 86.

⁵⁷ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁵⁸ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁵⁹ Стихотворение «Я знаю, что оно как будто истекает». См.: Журнал «Горький». URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/stihi-raznyh-let-4.html> (дата обращения: 30.11.2023).

Фотография 21 сентября 1921 г. кажется в этом смысле аллегорией вечно длящихся переговоров о судьбе народов и очертаниях границ этой странной, но реальной и требующей признания земли — Центрально-Восточной Европы.

После распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй и формирования на их руинах новых государств национальный вопрос не исчез и не утратил своего как созидательного, так и деструктивного потенциала. Напротив, уже первые послевоенные годы показали:

Процесс национализации, основанный на попытках сформировать отдельные государства и определить их границы с учетом этнических и исторических критериев, выявил множество уровней конфликтов, краткосрочных союзов и дипломатической борьбы на международной арене⁶⁰.

Авторы сборника «Нации и границы» написали:

Польская политическая элита столкнулась с необходимостью не только борьбы за границы и территориальное единство своего государства, но и выяснения отношений с народами, которые когда-то жили вместе с поляками в одном государстве, а теперь встали на путь эмансипации⁶¹.

Это справедливо. Но это только часть проблемы. Во-первых, с аналогичными трудностями столкнулась и Россия. Во-вторых, ни одно из трех важнейших для региона Центрально-Восточной Европы государств — ни Россия, ни Германия, ни Польша — не были удовлетворены результатом перекройки европейской карты — установлением Версальско-Рижского порядка, что и обусловило недолговечность последнего. Вопрос о легитимности установленных в 1921 г. и подтвержденных в 1923 г. государственных границ и обоснования права наций на свою государственность⁶² остается актуальным и спустя 100 лет. Точно так же остаются значимыми вопросы о том, что обуславливает жизне- и нежизнеспособность тех или иных государственных проектов, какие атрибуты государственности необходимы в первую очередь, чтобы обеспечить национальный суверенитет — как

⁶⁰ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11–12.

⁶¹ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

⁶² Васильев 2012: 64.

внутренний, так и (в случае Центрально-Восточной Европы особенно!) внешний, какую роль играет в обеспечении национального суверенитета поддержка извне и т. д. Это придает сборнику особенную актуальность.

Некоторые статьи можно было бы упрекнуть в недостатке новаторских подходов, поскольку, на первый взгляд, в них просто пересказывается информация, достаточно хорошо известная. В частности, нет недостатка в сведениях об украинско-польских отношениях в период Директории, хорошо изучены первый и второй зимние походы армии УНР, неоднократно становились объектом исследования государственные институты УНР в эмиграции. То же можно сказать о попытках реализации белорусского государственного проекта, о ходе Национальной революции в Латвии и т. п. Однако это первое впечатление от сборника, как представляется, не столько неверно, сколько неполно.

Как писал в 2001 г. Алексей Ильич Миллер:

Используемый в русском языке термин “Центральная Европа” обозначает целый букет существенно различающихся, иногда прямо друг другу противоречащих концепций, причем концепций сравнительно недавнего происхождения. Правильнее поэтому говорить не о понятии “Центральная Европа”, но о теме Центральной Европы по аналогии с музыкальной темой, которую можно подвергать бесконечным вариациям. Выходящие даже сегодня книги и статьи о Центральной Европе неизменно открываются рассуждениями о том, что их авторы понимают под Центральной Европой. А значит, спрашивать нужно не о том, принадлежит ли та или иная страна Центральной Европе, но о том, какое место отводится той или иной стране в той или иной концепции Центральной Европы⁶³.

Следуя этой логике, материалы сборника следует оценивать в первую очередь как важный историографический источник — свидетельство переосмысления исторической наукой постсоветских и постсоциалистических стран не столько прошлого как такового, сколько старого, еще имперского исторического нарратива. Переосмысление это осуществляется действительно отчасти в рамках теории Оскара Халецкого — характерной для второй трети XX в. вариации на тему межцивилизационных пространств.

⁶³ Миллер 2001: 19.

Как представляется, не менее важно и влияние современности, реалий XXI в. Страны Центрально-Восточной Европы по-прежнему входят в «зону», являющуюся, как формулирует, например, Х. Адомайт, «одновременно сферой сотрудничества и конкуренции» между Россией и Германией. Однако эта зона много шире Центрально-Восточной Европы Халецкого, и включает, помимо Беларуси, Украины, стран Балтии и Польши, также, как минимум, Молдову, Армению, Грузию, Азербайджан⁶⁴. В XXI в. она превратилась в место противостояния ««расширенной Европы» и «расширенной России»»⁶⁵, которое обострило старые нерешенные проблемы, связанные с национальной государственностью и правами меньшинств, и стимулировало интерес к их истокам и прошлым сценариям решения. Редакторы сборника выразили надежду, что представленные в нем работы помогут понять исторические события, исторические решения, исторические ошибки, оказывающие и сегодня влияние на ситуацию в этой части Европы. В этом контексте сборник выполняет гораздо более сложную и интересную задачу: он помогает увидеть события, решения и ошибки, которые сегодняшним историкам зоны противостояния ««расширенной Европы» и «расширенной России»», кажутся судьбоносными, понять, как работает историческая мысль в эпоху очередного восточноевропейского кризиса.

Список сокращений

БНР — Белорусская Народная Республика
ГЦ УНР — Государственный центр Украинской Народной Республики
ЗУНР — Западно-Украинская Народная Республика
УНР — Украинская Народная Республика

Литература

Адомайт 2012 — *Адомайт Х.* Политика Германии в отношении России: конец «медового месяца». [Париж: Institut Français des Relations Internationales], 2005. 24 с. (Russie. Ce.Visions. № 6(b)). URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

⁶⁴ Адомайт 2005: 19.

⁶⁵ Адомайт 2005: 19.

- Васильев 2012 — *Васильев А. Г.* «Родная земля» в польской национальной памяти эпохи разделов. Дискурсивное формирование образа страны в социально-гуманитарной мысли // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 64–78.
- Екабсонс 2014 — *Екабсонс Э.* Польско-советские мирные переговоры в Риге. Взгляд из Латвии // Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры / ред. С. Дембский, А. Мальгин. М.: Аспект пресс, 2014. С. 268–285.
- Иванов 2018 — *Иванов Ю. В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945. М.: Международные отношения, 2018. 384 с.
- Комар 2012 — *Комар В. Л.* Польские планы решения украинского вопроса накануне второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 60–65.
- Мезга 2022 — *Мезга Н. Н.* Рапальский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922–1925) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 3. С. 61–70.
- Миллер 2001 — *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 18–33.
- Стобецкий 2019 — *Стобецкий П.* Центрально-Восточная Европа в польском публичном дискурсе вчера и сегодня // Славяноведение. 2019. № 3. С. 56–67.
- Balkelis 2022 — *Balkelis T.* The Conflict over Vilnius, July to September 1920 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Band 4. V&R unipress, 2022. P. 147–170.
- Blaszczak 2022 — *Blaszczak T.* The emergency of independent Lithuania in 1918 and two (un)realized institutional models of autonomy // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 171–188.
- Centek 2022 — *Centek J.* Die Entwaffnung der deutschen Truppen in den polnischen Gebieten im November 1918 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 51–70.
- Jēkabsons 2022 — *Jēkabsons Ē.* Latvian war of independence: The main features (1918–1920) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 111–128.

- Kania 2022 — *Kania K.* Diplomatic and military efforts for recognition of the Republic of Poland and its borders, 1914–1921 (1923) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 71–92.
- Kilinskas 2022 — *Kilinskas K.* The expectations of government members and diplomats of Lithuania and the real capabilities of the armed forces while fighting the Bolsheviks in 1919 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 129–146.
- Krotofil 2022 — *Krotofil M.* The Establishment of the West Ukrainian People's Republic and the 1918–1919 Polish-Ukrainian War in the context of the aspirations of Galician Ukrainians towards independence // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 229–244.
- Michaluk 2022 — *Michaluk D.* Entstehung belarussischer politischer Zentren und ihr Streben nach Anerkennung der Staatlichkeit von Belarus (1915–1921) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 245–274.
- Michaluk, Krotofil 2022 — *Michaluk D., Krotofil M.* Vorwort // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 7–16.
- Nazarova 2022 — *Nazarova E. L.* Establishment of the Latvian state. From the origin of the idea to the emergence of a Democratic Republic, 1905–1922 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 93–110.
- Potapenko 2022 — *Potapenko M.* Ukrainian Statehood as Seen by Polish Political Forces in Dnieper Ukraine in 1917 and 1918 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 211–228.
- Skowrońska 2021 — *Skowrońska R.* Vorwort // Migration — Kommunikation — Transfer / hrsg. von A. Radzimiński, J. Rakoczy, H. Flachenecker, R. Skowronska. Göttingen: V&R unipress, 2021. Bd. 1. S. 7–10.
- Sribnyak 2022 — *Sribnyak I.* The Ukrainian People's Republic Directorate — the state centre of the Ukrainian People's Republic in exile (1919–1926):

A study of military and political activity in Ukraine and Poland // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 189–210.

Zaleska 2022 — *Zaleska I.* Federation or incorporation? Polish political parties towards the conception of the shape of the Eastern Border in the period before the outbreak of World War I // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 17–50.

References

- Adomait, Kh., 2012. *Politika Germanii v otnoshenii Rossii: konets “medovogo mesiatsa”* [Germany’s policy towards Russia: the end of the “honeymoon period”]. 24 p. [Paris: Institut Français des Relations Internationales], 2005. 24 c. (Russie.Cei.Visions, 6(b)). URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (accessed: 30.11.2023). (in Rus.)
- Balkelis, T., 2022. The Conflict over Vilnius, July to September 1920. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 147–170.
- Błaszczak, T., 2022. The Emergency of Independent Lithuania in 1918 and Two (Un)Realized Institutional Models of Autonomy. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 171–188.
- Centek, J., 2022. Die Entwaffnung der deutschen Truppen in den polnischen Gebieten im November 1918. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 51–70.
- Jēkabsons, Ē., 2022. Latvian war of independence: The main features (1918–1920). In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 111–128.
- Jēkabsons [Jēkabsons], E., 2014. Pol’sko-sovetskie mirnye peregovory v Rige. Vzgliad iz Latvii [Polish-Soviet peace talks in Riga. View from Latvia]. In: Dembskii, S., Maľgin, A., eds. *Zabytyi mir. Rizhskii dogovor 1921 goda: interpretatsii i spory* [The forgotten peace. The 1921 Treaty of Riga: Interpretations and disputes]. Moscow: Aspekt press, pp. 268–285. (in Rus.)

- Ivanov, Iu.V., 2018. *Ocherki istorii rossiisko(sovetsko)-pol'skikh otnoshenii v dokumentakh. 1914–1945* [Essays on the history of Russian (Soviet)-Polish relations in documents. 1914–1945]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 384 p. (in Rus.)
- Kania, K., 2022. Diplomatic and military efforts for recognition of the Republic of Poland and its borders, 1914–1921 (1923). In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress, pp. 71–92.
- Kilinskas, K., 2022. The expectations of government members and diplomats of Lithuania and the real capabilities of the armed forces while fighting the Bolsheviks in 1919. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 129–146.
- Komar, V.L., 2012. Pol'skie plany resheniia ukrainskogo voprosa nakanune vtoroi mirovoi voyny [Polish plans for solving the Ukrainian question on the eve of the Second World War]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovanií*, 1(4), pp. 60–65. (in Rus.)
- Krotofil, M., 2022. The Establishment of the West Ukrainian People's Republic and the 1918–1919 Polish-Ukrainian war in the context of the aspirations of Galician Ukrainians towards independence. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 229–244.
- Mezga, N.N., 2022. Rapall'skii dogovor kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii na tsentral'noevropeiskoi periferii versal'skoi sistemy (1922–1925) [The Treaty of Rapallo as a factor of international relations on the Central European periphery of the Versailles system (1922–1925)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 3, pp. 61–70. (in Rus.)
- Michaluk, D., 2022. Entstehung belarussischer politischer Zentren und ihr Streben nach Anerkennung der Staatlichkeit von Belarus (1915–1921). In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 245–274.
- Michaluk, D., Krotofil, M., 2022. Vorwort. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 7–16.
- Miller, A.I., 2001. Tema Tsentral'noi Evropy: istoriia, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [The theme of Central Europe: history, contemporary discourses and Russia's place in them]. *Politicheskaiia nauka*, 4, pp. 18–33. (in Rus.)

- Nazarova, E. L., 2022. Establishment of the Latvian state. From the origin of the idea to the emergence of a democratic republic, 1905–1922. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 93–110.
- Potapenko, M., 2022. Ukrainian statehood as seen by Polish political forces in Dnieper Ukraine in 1917 and 1918. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 211–228.
- Skowrońska, R., 2021. Vorwort. In: Radziminski, A., Rakoczy, J., Flachenecker, H., Skowronska, R. eds. *Migration – Kommunikation – Transfer*, 1. Göttingen: V&R unipress, pp. 7–10.
- Sribnyak, I., 2022. The Ukrainian People's Republic Directorate – The state centre of the Ukrainian People's Republic in exile (1919–1926): A study of military and political activity in Ukraine and Poland. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress, pp. 189–210.
- Stobetskii, R., 2019. Tsentral'no-Vostochnaia Evropa v pol'skom publichnom dis-kurse vchera i segodnia [East-Central Europe in Polish public discourse yesterday and today]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 56–67. (in Rus.)
- Zaleska, I., 2022. Federation or incorporation? Polish political parties towards the conception of the shape of the Eastern border in the period before the outbreak of World War I. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 17–50.
- Vasil'ev, A. G., 2012. “Rodnaia zemlia” v pol'skoi natsional'noi pamiati epokhi raz-delov. Diskursivnoe formirovanie obraza strany v sotsial'no-gumanitarnoi mysli [“Homeland” in Polish national memory of the partition era. Discursive formation of the image of the country in socio-humanitarian thought]. *Dialog so vremenem*, 40, pp. 64–78. (in Rus.)

Elena A. Kosovan

PhD, Associate Professor, Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. 125993, Miusskaya Sq., bld. 6, Moscow.
E-mail: kosovan.ea@rggu.ru

Shared Sufferings, Shared Interests, One Hope for Freedom

Review of Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4)

The article critically reviews the collection of articles with the title “Nations and Borders. The Emergence of New States in Central and Eastern Europe after World War I”. The collection was published in 2022 as part of the series “History from the Central European Perspective”, a platform welcoming academic discussion centred around the medieval, modern, and contemporary history of Poland and so-called Central and Eastern Europe. The articles were written by historians from Poland, Russia, Ukraine, Latvia, and Lithuania. They focus on the “emancipation” of the peoples of the region during and after World War I, when the Russian, German and Austro-Hungarian empires collapsed, and Poland began restoring its statehood. The authors look closely into the formation of statehood and the steps associated with it, that is establishing territories and borders, defining the population and its status / status hierarchy, creating power structures and organisations, and singling out the executive branch and the armed forces. The collection research also delves into national sovereignty and its domestic and external sources. For example, the authors analyse the impact Great Britain, the US, France, Germany, and Russia had on the formation of Polish, Ukrainian, Belarusian, Lithuanian, and Latvian statehood, with the restored Polish state acting both as a participant and as a factor of national and state creation. The author of the review praises the contribution of the collection creators to contemporary Eastern and Central European studies, listing historiographical value as its strength, as it shows that big imperial narratives are being reinterpreted from a national perspective.

Key words: East-Central Europe, nation, statehood, border, identity, conflict, First World War, Treaty of Riga, historiography, critics

Received: 12 February 2024

Accepted: 11 March 2024

How to cite: Kosovan, E. A., 2024. Obshchie stradaniiia, obshchie interesy, odna nadezhda na svobodu. Rez. na: *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg* / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). *Central-European Studies*, 7, pp. 425–449. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.14>.

Елена Борисовна Лопатина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334,
Ленинский проспект, 32А. E-mail: e.lopatina@inslav.ru

Эксплуатация социальной дисперсии: общественно-политический опыт послевоенной Польши

Рец. на: *Borowiec P. The Politicization of Social Divisions in Post-War Poland. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 2024. 261 p.*

Монография П. Боровца дает объемное представление о сложной социальной и политической динамике, которая сформировала послевоенную Польшу. Тщательно исследуя классовые, религиозные и региональные различия, автор пришел к выводу о том, что политические лидеры как послевоенной, так и демократической Польши использовали существующие социальные разногласия для консолидации своей власти и мобилизации общественной поддержки. В книге освещены негативные последствия использования социальных различий в идеологических целях, а предложенная автором схема понимания текущих политических вызовов, основанная на конкретно-исторических фактах и параллелях, а также на эмпирических и теоретических достижениях ученых, занимающихся исследованием структуры польского общества, позволяет по-новому взглянуть на особенности общественно-политического ландшафта современной Польши.

Ключевые слова: социальные различия, перераспределение социальных групп, послевоенная Польша, политизация

Статья поступила в редакцию: 13 сентября 2024 г.

Статья принята в печать: 17 сентября 2024 г.

Цитирование: Лопатина Е.Б. Эксплуатация социальной дисперсии: общественно-политический опыт послевоенной Польши. Review of *Borowiec P. The Politicization of Social Divisions in Post-War Poland. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 2024. 261 p.* // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 450–461. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.15>.

Англоязычная монография «Политизация социальных разногласий в послевоенной Польше» польского политолога и социолога П. Боровца из краковского Ягеллонского университета — смелая попытка объяснить, как при различных политических режимах, существовавших в Польше с 1942 по 2022 г., государственные лидеры и управленцы манипулировали социальными разногласиями с целью получения политической выгоды.

Автор, размышляя о значении социального раскола в польском обществе и его влиянии на политический дискурс и общественное мнение, отвечая на вопрос о том, «каковы действительные причины возникновения социальных разногласий»¹ в современной Польше, уточнил, что в фокусе работы — «экономические, этнические и религиозные аспекты социальной структуры» и «субъективное восприятие жизни отдельных людей (то есть внутренний смысл, придаваемый общественному неравенству)»². Именно в этих явлениях автор увидел индивидуальные, психологические источники социальной напряженности, а внутренние факторы формирования общественно-го раскола, по его мнению, являлись ключевыми.

Монография построена по проблемно-хронологическому принципу: автор последовательно рассмотрел специфику польского государства во время существования ПНР, сосредотачиваясь на ключевых социально-политических проблемах этого периода, затем перешел к этапу трансформации Польши рубежа 1980–1990-х годов и завершил исследование анализом особенностей взаимоотношения власти и общества в современной Польше.

В первой, вводной, главе, прежде чем перейти к исследованию социально-политических механизмов, которые сформировали общественные разногласия в польском социуме, П. Боровец объяснил терминологическую и методологическую специфику исследования. Так, автор выделил основные категории, которые определяют неравенство и в конечном счете приводят к общественному расколу. В исследовании различаются термины *division* (разделение) и *repartition* (повторное разделение, или перераспределение). Первый термин использован для обозначения неотъемлемых социальных или культурных черт, которые разделяют общество на группы. По словам автора:

¹ Borowiec 2024: 2.

² Borowiec 2024: 3.

[Р]азделение обусловлено состоянием структуры общества, социальным неравенством, различиями в восприятии на уровне хорошо — плохо и факторами, присутствующими на индивидуальном уровне, а также едва уловимыми значениями, которые люди придают им³.

Второй термин (*repartition*) — это отсылка к дихотомическим противоречиям, которые возникают из-за существующих в обществе разногласий и используются в качестве политического инструмента:

Повторное разделение, или перераспределение, представляет собой форму сомнения в стабильности существующего порядка, что влечет отказ от его доминирующих иерархий. Это важный инструмент, который [социальные] группы используют для закрепления в политике и участия в ней⁴.

Основной тезис П. Боровца заключен в том, что несправедливость укorenившихся в обществе социальных различий стала причиной раскола в послевоенной Польше, как при коммунистическом, так и при демократическом режиме, и это привело к практике «перераспределения», в том числе политического. Термин «перераспределение», или «повторное разделение», призван объяснить, почему социальные различия политизируются, а собственно политизация рассматривается автором как процесс, посредством которого социальные проблемы превращаются в предмет политических манипуляций и влияют на принятие политических решений⁵.

В главах основной части (со второй по шестую) последовательно обоснован данный тезис, а в качестве аргументов автор привел примеры-иллюстрации из социально-политической истории Польши. Во второй и третьей главах показано, как через попытки гомогенизировать основную часть польского общества, противопоставив ему надстройку в виде номенклатуры, власти ПНР пытались создать удобную в управлении общественную структуру, состоящую из лояльных режиму граждан. В четвертой и пятой главах автор объяснил, как общественные разногласия переформатировались в эпоху трансформации и как на современном этапе власти эксплуатируют

³ Borowiec 2024: 4.

⁴ Borowiec 2024: 3.

⁵ Borowiec 2024: 5.

понятие морали для проведения удобных для себя линий общественного раскола, что логично подводит читателя к восприятию концепции *division — repartition*, более развернутое разъяснение которой дано в последней, шестой главе основной части. Представляется важным остановиться подробнее на содержании некоторых глав.

В главе «Первый структурный эксперимент: гомогенизация в коммунистическую эпоху» рассмотрены идеологические и политические мотивы, изменившие структуру польского общества после Второй мировой войны, особый упор автор сделал на то, какие усилия по созданию однородной социальной структуры предпринимали власти Польской Народной Республики. Для характеристики польского общества после Второй мировой войны он употребил эпитеты «разбитое», «страдающее», «разрушенное»⁶, и они в полной мере соответствуют выводу о том, что польское общество в середине 1940-х годов не было структурировано, поэтому власти предпринимали систематические усилия по выстраиванию удобной им социальной структуры лояльных граждан. Таковой стала искусственная гомогенизация польского общества: ожидалось, что отдельные лица будут следовать идеологическим директивам, навязанным сверху, что приведет к повсеместному повиновению и принятию нового режима. Однако

[С]озданная структура разочаровала <...>. Даже номенклатура, пользовавшаяся социальными льготами, выразила недовольство объемом своих привилегий. В отдельных областях новая социальная иерархия была создана путем “возвышения” определенных производственных отраслей как в политическом, так и в инструментальном плане⁷.

Как отметил автор, хотя власти эксплуатировали противоречия в социальной структуре послевоенной Польши, чтобы укрепить свою легитимность, представляя ложную картину единого и бесконфликтного общества, они игнорировали внутренние разногласия и продвигали упрощенное представление о внутренней социальной гармонии⁸.

В историографии социальных исследований о Польше XX в. есть немало работ, где проанализировали способы сохранения различными

⁶ Borowiec 2024: 11.

⁷ Borowiec 2024: 51.

⁸ Borowiec 2024: 23.

слоями польского общества воспоминаний о предыдущих эпохах, что становилось препятствием для манипуляции общественными противоречиями на основе текущих политических реалий⁹. Так, Э. Очман объяснил, как различные слои польского общества жили в соответствии с «докоммунистическими» ценностями и хранили воспоминания о прошлом, что способствовало размыванию социальной опоры социалистической власти. То, что казалось властям проявлением лояльности, оказывалось лишь формальным ответом на политические манипуляции. Традиции памяти о народной Польше так же оказывали влияние на текущую динамику политического выбора граждан Польши и общественного консенсуса в современном социуме¹⁰.

Проведенный же П. Боровцем анализ социальных разногласий в Польше преувеличивает роль намеренных политических манипуляций. Хотя нельзя отрицать, что политики использовали существующие социальные разногласия в идеологических целях, автор недооценил то, насколько культурные, экономические противоречия укоренились в сознании людей еще в межвоенный период и существовали вне контекста политического вмешательства в послевоенный период.

Автор отметил, что борьба с несправедливыми решениями властей демократической Польши в межвоенный период стала основным источником легитимации действий правительства народной демократии, при этом общественные изменения, сопутствующие установлению нового политического строя, были навязаны польскому обществу:

Владельцы капитала и сторонники эксплуатации пережили войну и угрожали установлению нового порядка. Таким образом, устранение тех людей, которые поддерживали отношения собственности, неравенство и общественные противоречия, было политической задачей новой власти. <...> Решение о преобразовании социальной структуры было принято “от имени” большинства общества меньшинством, контролируемым представителями Советского Союза¹¹.

В этих рассуждениях чувствуется чрезмерное усердие автора в употреблении идеологических нарративов, что порой приводит

⁹ См. подробнее: Krasnołęski, Garsztecki, Ritter (eds) 2012: 9–10.

¹⁰ Ochman 2013: 220.

¹¹ Borowiec 2024: 17.

к предвзятому пониманию сложностей социальной динамики в послевоенной Польше.

Продолжая приводить примеры политической эксплуатации общественных противоречий, П. Боровец обратился к проблематике аграрной реформы 1944 г., единственной целью которой, согласно рассуждениям автора, было «дать крестьянам ощущение быстрого улучшения их финансового положения», а новому правительству — «получить краткосрочную политическую поддержку»¹². На мой взгляд, это значительно упрощает истинное значение декрета ПКНО от 6 декабря 1944 г., принятие которого разрушило крупное помещичье землевладение — анахронизм аграрных отношений XVIII в. Аграрная реформа сохранила подтвержденный ППР принцип мелкой и средней частной собственности на землю, что поддержало развитие мелких и средних крестьянских хозяйств, вследствие этого открывались возможности решать такие общенациональные проблемы, как производство собственного продовольствия и сырья для некоторых отраслей промышленности. Появились перспективы ликвидировать безработицу в деревне, постепенно формировались новые отношения деревни с властью — в основном нейтральные, но не всегда позитивные¹³. Об экономической эффективности реформы и ее политической обоснованности продолжают споры профессиональных экономистов, юристов, историков. Они, в частности, изложены в обобщающей работе Х. Слабека — уважаемого специалиста по истории аграрных отношений в Польше¹⁴, который пришел к заключению, что в результате реформы произошло оздоровление структуры крестьянского землевладения, что увеличило потенциал сельского хозяйства Польши в послевоенный период, когда было необходимо восстановить экономику страны.

Рассуждая об особенностях социальной структуры ПНР, в следующей главе основной части «Второй эксперимент: Дифференциация социальной структуры» П. Боровец проанализировал существенные социальные различия, обусловленные образованием номенклатуры — привилегированного класса, который возник в результате социальной политики властей ПНР. Класс номенклатуры

¹² Borowiec 2024: 37.

¹³ Носкова 2012: 430.

¹⁴ Slabek 2015: 91.

находился на самом верху социальной иерархии, что привело к фундаментальному перелому в социальной структуре, а затем сформировало оппозицию против этого класса:

Власти контролировали общество, играя в “игру стремлений и амбиций” отдельных людей. Это относилось не только к административным структурам управления государством. Власти <...> создали универсальную систему удовлетворения амбиций, а затем не смогли ей соответствовать¹⁵.

Официальная идеология обещала равенство и справедливость, но на практике она отдавала предпочтение тем, кого власти считали полезными для себя, а не тем, кто вносил экономический, социальный и иной вклад в развитие государственной системы. Автор справедливо указал, что рост номенклатуры не только сформировал новую социальную иерархию, но и привел к противоречиям и кризисам внутри общества, отражая сложности идеологических манипуляций и неэффективность функционирования всей общественной системы: если изначально идеологическое возвышение рабочих и крестьян создавало у них чувство исторической справедливости, впоследствии это становилось средством консолидации власти, но затем источником формирования недовольства и скрытой оппозиции к коммунистическому правительству.

Следуя хронологическому принципу построения исследования, в следующих двух главах П. Боровец обратился к анализу преобразований, начавшихся в 1989 г. и положивших конец истории социалистической Польши. Этот период характеризуется идеологическими, экономическими и структурными сдвигами, которые изменили польское общество. Описывая их, автор подчеркнул, что власти, проводя неolibеральные реформы, «постоянно напоминали, что «свобода одержала победу <...>, это торжество добра над злом»¹⁶. Так, элементы морали активно использовались новой властью для навязывания решений, стабилизирующих экономическую систему.

П. Боровец перечислил проблемы, с которыми столкнулось польское общество в переходный период: рост безработицы, особенно среди молодежи и женщин, что стало серьезной социальной

¹⁵ Borowiec 2024: 61.

¹⁶ Borowiec 2024: 108.

угрозой, подрывающей семейные устои и индивидуальную самооценку; чувство обездоленности привело к распространению пессимизма среди тех, кто пострадал от потери работы; переход от социалистических ценностей к неолиберальным породил путаницу и моральный релятивизм, когда в зависимости от обстоятельств применялись удобные моральные стандарты¹⁷. Эти примеры позволили исследователю дать еще одно обоснование важности идеологической детерминанты для понимания социальных разногласий и изменений в их динамике:

Именно раскол на “остальное общество” и “номенклатуру” определял политические действия в условиях зарождающейся демократии и свободного рынка. Это даже давало определенную “безопасность” многим политикам как правых, так и левых взглядов, которые на протяжении многих лет извлекали выгоду из этого раскола¹⁸.

Действительно, смена идеологии привела к переформатированию социальных разногласий, а политические нарративы повлияли на восприятие неравенства и социальной справедливости в широких слоях польского общества. Однако подобное обобщение, давая возможность аргументировать формирование новых форм эксплуатации социальных различий внутри польского социума в период смены общественно-политического строя, игнорирует региональные различия и их влияние на социальную структуру в промышленно развитых и в сельскохозяйственных регионах страны¹⁹.

Социальной-экономический раскол в Польше в результате слома социалистической системы позволил автору ввести понятия «победители» и «проигравшие»²⁰, подчеркивающие резкий контраст в условиях жизни разных слоев населения: одни добивались удовлетворения всех своих материальных потребностей, в то время как другие боролись за элементарное выживание. Стоит отметить, что существует некоторая двусмысленность в классификации: разделение общества на «проигравших» и «победителей» четко не определено, и это привело к путанице в отношении фактических социальных различий и их последствий.

¹⁷ Borowiec 2024: 117.

¹⁸ Borowiec 2024: 144.

¹⁹ Heymann 1998: 350.

²⁰ Borowiec 2024: 151.

Автор подошел к обоснованию своей позиции о влиянии польского общества на политический дискурс, используя терминологию из вводной части — *division* и *repartition*:

Термин “перераспределение” вновь оказался полезным, как и в случае с разделением на “мы” и “они” или “проигравшие” и “победители”. <...> Политики активно предлагали избирателям “практики повторного деления”. <...> В 2006 г. появилось разделение на “нормальную Польшу” и “ненормальную Польшу”, следом пришло противопоставление “рациональной Польши” и “радикальной Польши”²¹.

Разделенность общества на «победителей» и «проигравших» и деление по другим признакам дает возможность политикам строить свою предвыборную риторику, эксплуатируя этот раскол. Поскольку экономический, культурный, социальный разрыв продолжает оказывать влияние на политическую ситуацию, устранение этого неравенства остается насущной задачей для политиков и польского общества в целом.

В последней главе П. Боровец дал теоретическую оценку тому материалу, который был последовательно проанализирован в разделах, посвященных ПНР, периоду трансформации рубежа 1980–1990 гг. и периоду существования современной Республики Польша, и сделал выводы, основанные на концепции *division* — *repartition*. Во-первых, социальные разногласия не являются статичными; напротив, они определяются историческим, экономическим и политическим контекстом. Возникновение этих разногласий связано с существующим в обществе неравенством, которое часто усугубляется действиями властей, стремящихся узаконить свою власть путем устранения или политизации этого неравенства. Во-вторых, социальные проблемы усугубляются по мере увеличения поляризации доходов, что создает цикл, в котором переживание более глубокой социальной несправедливости вызывает желание возместить ущерб, причиненный ранее. В-третьих, авторитарные фигуры во власти порождают общественные разногласия: они используют несправедливость, которая произошла в прошлом, для оправдания перераспределения ресурсов в настоящем. В-четвертых, эффективная коммуникация между властью и обществом и способность увязывать проявления

²¹ Borowiec 2024: 182.

несправедливости в прошлом с нынешними социальными условиями необходима для успешного перераспределения социального давления. В-пятых, социальные, политические и экономические преобразования формируют новые формы социальных различий, или социальной дисперсии.

Автор предупредил, что теоретические построения, на основе которых написана монография, не являются универсальными и не могут устранить коренные причины общественного неравенства, а лишь указывают на возможные точки социальной напряженности, которые политические акторы могут использовать в своих интересах. П. Боровец указал, что «социальные разногласия являются следствием, прежде всего, существования неравенства и дискриминации», при этом «значительное место в процессе углубления социальных разделений играют целенаправленные политические действия, а также спонтанные социальные преобразования»²².

В заключение подчеркну, что рецензируемая монография представляет собой значимый научный вклад в изучение социальной-политической истории Польши второй половины XX — начала XXI в. В книге освещены негативные последствия использования социальных различий в идеологических целях, а предложенная автором система понимания текущих политических вызовов, основанная на конкретно-исторических фактах, а также на эмпирических и теоретических достижениях ученых, занимающихся исследованием структуры и динамики изменений в польском обществе, позволило по-новому взглянуть на особенности общественно-политического ландшафта современной Польши. Исследователю удалось соединить в монографии исторический материал и приемы социологического анализа, что дает возможность поразмышлять над проблемами, которые возникают в сплоченном или разобщенном социуме.

Список сокращений

ПКНО — Польский комитет национального освобождения

ПНР — Польская Народная Республика

ППР — Польская рабочая партия

UAM — Uniwersytet im. Adama Mickiewicza

²² Borowiec 2024: 247.

Литература

- Носкова (ред.) 2012 — Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.
- Borowiec 2024 — *Borowiec P.* The Politicization of social divisions in Post-War Poland. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 2024. 261 p.
- Heymann 1998 — *Heymann J.* Przemiany zróżnicowania społecznego // *Między przeszłością a przyszłością. Szkice o socjologii i społeczeństwie polskim w dobie przemian ustrojowych* / red. J. Włodarek. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1998. 361 s.
- Ochman 2013 — *Ochman E.* Post-Communist Poland: Contested pasts and future identities. London: Routledge, 2013. 224 p.
- Krasnodębski, Garsztecki, Ritter (eds) 2012 — Politics, history and collective memory in East Central Europe / ed. by Z. Krasnodębski, S. Garsztecki, R. Ritter. Hamburg: Krämer, 2012. 400 p.
- Ślabek 2015 — *Ślabek H.* O społecznej historii Polski 1945–1989. Warszawa: Wydawnictwo “Książka i Wiedza”, 2015. 686 s.
- Wasilewski, Wnuk-Lipiński 1995 — *Wasilewski J., Wnuk-Lipiński E.* Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. № 5. Special issue on circulation vs. reproduction of elites during the post-Communist transformation of Eastern Europe, p. 669–696.

References

- Borowiec, P., 2024. *The politicization of social divisions in post-war Poland*. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 261 p.
- Heymann, J., 1998. Przemiany zróżnicowania społecznego. In Włodarek, J., ed. *Między przeszłością a przyszłością. Szkice o socjologii i społeczeństwie polskim w dobie przemian ustrojowych*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM. 361 p.
- Ochman, E., 2013. *Post-Communist Poland: Contested pasts and future identities*. London: Routledge, 224 p.
- Krasnodębski, Z., Garsztecki, S., Ritter, R., eds, 2012. *Politics, history and collective memory in East Central Europe*. Hamburg: Krämer, 400 p.
- Noskova, A. F., ed., 2012. *Pol'sha v XX veke: Oчерki politicheskoy istorii* [Poland in the twentieth century: Essays on political history]. Moscow: Indrik, 952 p. (in Rus.)
- Ślabek, H., 2015. *O społecznej historii Polski 1945–1989*. Warszawa: Wydawnictwo “Książka i Wiedza”, 686 p.
- Wasilewski, J., Wnuk-Lipiński, E., 1995. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite. *Theory and Society*, 24, 5, Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the post-Communist Transformation of Eastern Europe, pp. 669–696.

Elena B. Lopatina

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail:
e.lopatina@inslav.ru

Exploitation of Social Dispersion: The Socio-Political Experience of Post-War Poland

A Review of Borowiec, P. *The politicization of social divisions in post-war Poland*. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 2024. 261 p.

The monograph by Piotr Borowiec provides a comprehensive view of the social and political dynamics that shaped the post-war history of Poland. Carefully examining class, religious and regional divisions, the author resumes that the political leaders of both post-war and democratic Poland used existing social differences to consolidate their power and mobilize public support. The book highlights the negative consequences of exploiting social divisions for ideological advantage. The author offers a blueprint for understanding current political challenges, based on historical facts and parallels, as well as on empirical and theoretical achievements of scholars dealing with the structure of Polish society, which allows the reader to take a fresh look at the features of the contemporary political landscape in Poland.

Keywords: social divisions, repartition of social groups, post-war Poland, politicization

Submitted: 13 September 2024

Accepted: 17 September 2024

How to cite: Lopatina, E. B., Ekspluatatsiia sotsial'noi dispersii: obshchestvenno-politicheskii opyt poslevoennoi Pol'shi. Рец. на: *Borowiec P. The politicization of social divisions in post-war Poland*. [London]: Palgrave Macmillan, an imprint of Springer, 2024. 261 p. *Central-European Studies*, 7, pp. 450–461. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.15>.

Учредитель

Институт славяноведения РАН

ИздателиИнститут славяноведения РАН;
ООО Издательство
«Нестор-История»**Founder**

Institute of Slavic Studies RAS

PublishersInstitute of Slavic Studies,
Nestor-Historia
Publishing House**Центральноевропейские исследования = Central-European Studies****Выпуск 7****2024**

Главный редактор

О. В. Хаванова

«Центральноевропейские исследования» — междисциплинарный ежегодник
о Центральной Европе и сопредельных регионах в сравнительной перспективе.

Корректоры *Л. М. Лемешева, Г. В. Засыпкина*Оригинал-макет *Л. Е. Голод*Дизайн обложки и логотипа *П. К. Донской*Подписано в печать 23.12.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 29

Тираж 500 экз. Заказ № 3229

Периодичность:

один раз в год

Frequency:

once per year

ISSN 2619-0877

DOI: 10.31168/2619-0877 (ежегодник)

DOI: 10.31168/2619-0877.2024.7 (выпуск)

Почтовый адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А,

Институт славяноведения РАН

Электронный адрес: cestudiesjournal@gmail.comСайт: <https://cesjournal.ru>

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ruwww.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

© Коллектив авторов, 2024

© Институт славяноведения РАН, 2024

© Донской П. К. (обложка и логотип), 2024

© Издательство «Нестор-История», 2024

